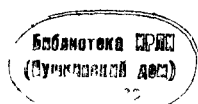

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев

О Т Р Е Д А К Ц И И

Одна из самых неотложных задач исследователей древнерусской письменности — приведение в известность всего нашего богатого рукописного наследия, систематическое и полное научное описание рукописей, розыски новых рукописей и изучение старых. Материалы по древнерусским рукописям постоянно печатаются в „Трудах Отдела древнерусской литературы“; с данного же тома в „Трудах“ будет вестись под наблюдением В. И. Малышева постоянный раздел „По рукописным собраниям Советского Союза“.

Со следующего (XII) тома в „Трудах Отдела древнерусской литературы“ открывается новый раздел — „Критика и библиография“, где будут помещаться библиографические сведения и развернутые рецензии исследовательского характера как на вновь выходящие, так и на прежние труды по древнерусской литературе. Раздел этот будет вестись под наблюдением Л. А. Дмитриева.

„Труды Отдела древнерусской литературы“ должны объединить всех изучающих древнюю русскую литературу, предоставить им возможность выступать со своими научными разысканиями, не ограничивая борьбы научных мнений и свободы критики, без которых никакая наука не может развиваться.

В предлагаемом вниманию читателей XI томе „Трудов“ печатаются статьи авторов различных городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Петрозаводска, Калинин, Ярославля, Грозного, Пятигорска, Боровска, Красного Сулина). Семь авторов печатают в XI томе свои первые научные работы по древнерусской литературе. Как в настоящем томе, так и в предшествующих томах „Трудов“ предоставляется возможность выступать в печати со своими разысканиями или гипотезами не только специалистам по древнерусской литературе, но и представителям других специальностей, если только их разыскания и гипотезы будят творческую мысль, ведут к пересмотру безосновательно утвердившихся мнений или просто способствуют уточнению отдельных проблем.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметки к „Слову о полку Игореве“

„Заря свѣтъ запала“

Один из первых переводчиков „Слова о полку Игореве“ А. М. Белосельский в конце XVIII века заметил: „Сия поэма написана на исходе XII ст. на словено-русском языке, но столько встречается в ней мало-российских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать“.¹ Еще определенной высказался В. Пассек: „Бессмертное Слово о походе Игоря есть произведение Малороссии“.² М. А. Максимович³ сближал украинские народные песни со „Словом о полку Игореве“. Как ни относиться к односторонним высказываниям первых двух авторов, все же нужно согласиться, что в древнерусском языке, в частности в „Слове о полку Игореве“, содержится большое количество слов и выражений, полностью сохранившихся в современном украинском языке. Да иначе и быть не могло, так как „Слово о полку Игореве“ — произведение общего предка трех народов: русского, украинского и белорусского.

К созвучным современному украинскому языку выражениям принадлежит фраза „заря свѣтъ запала“.

Памва Берында, который, судя по подбору ряда слов в „Лексиконе словеноросском“ (1627), был знаком со „Словом о полку Игореве“,⁴ слово „заря“ переводит как „зоря, свѣтлость“. Возможно поэтому, что „заря“ и „свет“ в древности были синонимами.

Издатели первого печатного издания „Слова“ интересующую нас фразу перевели: „свет зари погасает“. Д. Дубенский⁵ почти полвека спустя интерпретировал это место так: „заря с светом пропала“. В комментарии он писал: „заря запала — заложила, залегла свет, от глагола западати“. О. Огоновский⁶ утверждал, что слово „свет“ является „придатком“ (attribution) к слову „заря“, поэтому с последним и согласован глагол „запала“. Всю фразу он перевел так: „Довго ніч меркне, заря світлая запала, и мгла поля покрила“.

Акад. В. Н. Перетц⁷ привел несколько параллелей к слову „запала“ в значении „заповедала, пропала“ и т. д. Присоединившись к толкова-

¹ Л. К. Ильинский. Перевод „Слова о полку Игореве“ по рукописи XVIII в. Памятники древней письменности и искусства, вып. CLXXXIX, Пгр., 1920.

² Воспоминания Т. П. Пассек, т. II. СПб., 1906, стр. 163.

³ Украинские народные песни. М., 1834.

⁴ В „Лексиконе“ Берынды встречаются слова: лепо, див, славий, ворон, волк, пардус, кур, заря, свет, волна, сморщ (смерч), тулы и т. п.

⁵ Слово о полку Игореве. М., 1844, стр. 47.

⁶ О. Огоновський. Слово о полку Игоревѣ, поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. Львів, 1876, стр. 50.

⁷ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1928, стр. 180.

нию О. Огоновского, он считал, что наиболее правильным было бы „запала“ понимать в украинском значении — „зайнялась“ от глагола „палати“. Такое толкование он обосновал примерами из оригинальной и переводной древнерусской литературы. Однако на это авторитетное высказывание не было обращено должного внимания: переводчики и комментаторы продолжали переводить „запала“ то как „уронила“ (Д. С. Лихачев),¹ то как „задержала“ (И. А. Новиков), то как „гаснет“ (Л. И. Тимофеев). Правильнее понял это место В. И. Стеллецкий,² в переводе которого читаем: „заря свет зажгла“. По тому же пути пошел и Н. А. Заболоцкий,³ заменив лаконичное выражение „Слова“ длинной фразой: „засветился утренними зорями восток“.

Украинское понимание слова „запала“ находим у большинства украинских авторов. Еще в 30-х годах XIX века И. Вагилевич⁴ в переводе „Слова“ прозой дал такую трактовку: „зорі світ запалав“. В датированном 1860 годом стихотворном переводе С. Руданского⁵ читаем „заря — світ запала“. В переводе В. Ю. Федьковича,⁶ выполненном, как полагают, в 1866 году, сказано: „зоря запала“. В Щурат⁷ в 1907 году перевел это место как „зоря пале“. Наконец, в советской украинской литературе в переводе М. Ф. Рыльского⁸ читаем: „зоря світ-день ізвістувє“. К такому пониманию фразы присоединился и комментатор украинского академического издания „Слова“ Л. Е. Махновец.⁹ Только М. К. Грунский¹⁰ понял это место своеобразно: „зоря — світ запізнався“.

Смысловый анализ цитированной фразы убеждает нас в правильности ее понимания большинством украинских авторов. В „Слове“ дано чудесное описание утра: долго ночь меркнет, заря-свет запылала, мгла поля покрыла, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. В этой точной картине ничто не может быть изменено: когда кончается „долгая“ (для войска, с нетерпением ожидающего первого боя) ночь, когда поля покрывает предрассветная мгла, когда умолкает ночное пение соловьев и слышатся первые крики проснувшихся галок, то в это время на небе пылает заря — приближается восход солнца. В такие мгновения свет зари не „гаснет“, заря не может „уронить свет“, этот свет не может и „опоздать“ („запізнитися“), он может только пылать, может „гореть“, как в „Полтаве“ у А. С. Пушкина.

Еще о тисе

В заметке „На кровати тисовъ“¹¹ мы высказали предположение, что упоминание тиса в „сне Святослава“ имело не только реалистическое, но и символическое значение.

¹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 181.

² Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 186.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Слово о плъку Игоревѣ. Вид. АН УРСР, Київ, 1953, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ Там же, стр. 136.

⁷ Там же, стр. 193.

⁸ Там же, стр. 216.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Київ, 1952, стр. 76.

¹¹ Н. В. Шарлемань. Из комментариев к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 225—227.

Тис, как одна из наиболее твердых пород древесины, шел на изготовление различных вещей домашнего обихода, вплоть до клепок для ушатов в древнем Новгороде.¹ Его значение как символа долговечности сохранилось до нашего времени кое-где на Карпатах. В гуцульских селах в Станиславской области УССР при постройке дома стремятся заделать в стену хотя бы кусочек тисовой древесины.

Повидимому, еще большее значение имел тис при погребениях. Так, О. Огоновский² напомнил, что, по поверию древних римлян, тис (*Taxus*) считался деревом подземного мира. В „Метаморфозах“ Овидия есть строфа: *Est via declivis, funesta nubila taxo* (Ovid. *Metam.* IV. 432). Это поверие нашло свое отражение и в украинском фольклоре. В народной песне, записанной в середине XIX века, поется:

Да положить мое біле тіло на тисовій лави,
Да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую...³

Итак, надо полагать, что „кровать тисова“ в „Слове о полку Игореве“ должна рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе. Такое символическое значение тиса совершенно исключает вольные переводы этого места, как „кровать тесовая“ или даже „кровать сосновая“. Подобные переводы, якобы допустимые в целях большей доступности „Слова“ для читателей, в действительности вульгаризируют и искажают торжественный стиль памятника.

Еще одно замечание: некоторые переводчики и комментаторы ошибочно пишут „тисс“ (с двумя „с“). Как указал акад. Л. С. Берг, „тис“ — древнеславянское название и должно писаться с одним „с“.

„Полозие“

История перевода на современный русский язык фразы „полозюю ползоша только“ может служить примером того, как иногда правильно прочитанные первыми исследователями „Слова о полку Игореве“ некоторые „темные места“ позднее искажались. Выражение „полозюю (а после поправки Е. В. Барсова⁴ — „полозие“) ползоша только“ произвольно соединялось с предыдущей фразой и переводилось на современный язык как „сороки не стрекотали, но двигались только по сучьям“.⁵

В течение свыше 150 лет переводчики и комментаторы заставляли ползать „по лозию“ то сорок, то дятлов. Только В. Даль в „Толковом словаре русского языка“ указал, что „полозие“ в „Слове“ означает „змея“. Однако это толкование не было аргументировано.

Позднее Вс. Миллер⁶ предложил две гипотезы для объяснения этой фразы. Приведя толкование В. Даля, Миллер сперва согласился с тем, что слово „полозие“, в единственном числе „полоз“, „могло быть русским названием какого-нибудь ползучего гада“. Он упомянул также, что в польском языке словом „*rołoz*“ называют крупную змею, удава.

¹ В. Л. Янин. Великий Новгород. Сб. „По следам древних культур. Древняя Русь“, Госкультпросветиздат, М., 1953, стр. 243.

² О. Огоновский, ук. соч., стр. 93.

³ А. Метлинский. Народные южнорусские песни. Киев, 1854, стр. 371.

⁴ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 285—286.

⁵ Слово о полку Игореве. СПб., 1800, стр. 43.

⁶ Вс. Миллер. Взгляд на „Слово о полку Игореве“. М., 1877, стр. 245—246.

Вс. Миллер отметил еще одну интересную параллель: „Слово сань в чешском языке значит змея, это же слово до сих пор слышится в наших саях, так и полоз — название змея — находим в полозьях саней“. Это простое и, как видим дальше, вполне правильное объяснение не удовлетворило самого исследователя: он почему-то пришел к убеждению, что в данном месте автор древнего источника, „повидимому, изображает исключительно состояние птичьего царства“. „Поэтому, — пишет он, — было бы уместно находить в полозьях каких-нибудь птиц, нежели гадов“. Такой птицей Миллер предложил считать „ползика“ (Sitta). Утверждение, что в данном месте речь идет только о птицах, ни на чем не основано. Можно найти в „Слове“ ряд фраз, в которых названы и птицы и звери: орлы, волки, лисицы, гоголь, горностаи и др. Птицы упоминаются в „Слове“ чаще других животных, надо полагать, просто потому, что в природе они встречаются в значительно большем количестве, чем звери, и в несравненно большем числе, чем змеи. Великий поэт в своем произведении и отразил эти соотношения. С точки зрения натуралиста, таким образом, вторая гипотеза Вс. Миллера не выдерживает критики. Мелкую птичку поползния — *Sitta europaea* („ползика“ — по номенклатуре Миллера) — нигде у нас не называют полозием или полозом. Среди 25 народных названий этой птички нет ни одного, которое давало бы основание для такого отождествления. На Украине поползния чаще всего называют звукоподражательно: смовз, смовзик, чмовх, сноз;¹ в Подмоскowie распространены названия — ямщик, волчок, ползунок.² Такие наименования, как поползень, ползик, являются преимущественно книжными. К тому же эта птичка не встречается на юге за пределами старых лесов лесостепной зоны, и упоминание поползния в сцене, связанной с поймой нижнего Дона, т. е. со степью, было бы диссонансом в изумительно точных описаниях природы в „Слове“. Кроме того, поползень очень часто издает громкий свист, за что он и получил у московских птицеловов кличку „ямщик“. Поэтому эта птица была бы непригодна для изображения утренней тишины в критический момент бегства Игоря. Как это ни странно, не первая, а вторая гипотеза Миллера нашла последователей. Сперва ее поддержал И. А. Новиков,³ а недавно к нему присоединился В. И. Стеллецкий.⁴ Последний даже сделал попытку подкрепить эту гипотезу новыми аргументами из области естествознания, но эти обоснования только увеличили количество ошибок в данном вопросе. А. А. Потебня⁵ отверг оба толкования Вс. Миллера, считая „сомнительной в авторе Слова мелочность изображения“. „Более заметный, — по его утверждению, — пестрый дятел еще может броситься в глаза“ и поэтому более уместен в „Слове“. „По лозию значит, конечно, не по лозняку (кустарнику), а по ветвям деревьев“, — пишет А. А. Потебня.

В последнее время И. А. Новиков,⁶ изменив своему первому толкованию интересующей нас фразы, склонился к мнению Потебни, переводя это место так: „только лазили дятлы“.

¹ Н. В. Шарлемань. Словник зоологичної номенклатури, ч. 1. Назви птахів. Київ, 1927, стр. 30.

² См.: М. А. Мензбир. Птицы России, т. II. М., 1895, стр. 794.

³ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1948.

⁴ Примечания к переводу. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 302.

⁵ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, Воронеж, 1878, стр. 146; изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

⁶ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 108.

Автор настоящей статьи в свое время,¹ пытаясь восстановить правильное понимание данного „темного места“ „Слова“, привел несколько аргументов в подкрепление толкования В. Даля. Это толкование приняли некоторые исследователи и переводчики: Д. С. Лихачев, С. И. Маслов, М. Ф. Рыльский, Н. Забила. Однако позднее это толкование встретило новое возражение. Повторяя высказывание В. С. Миллера, Л. А. Дмитриев² заметил, что „образ ползающих змей нарушает поэтическую целостность картины, в которой дается изображение только птиц“. Последнее высказывание и заставило автора настоящей статьи снова вернуться к толкованию „полозиев“. В дополнение к изложенному в предыдущей статье автора можно добавить, что еще сравнительно недавно многочисленные на нашем юге крупные змеи — полозы играли виднейшую роль и в степном ландшафте и в фольклоре. О полозах упоминается во многих источниках раннего и более позднего времени.

В XVII веке о многочисленности змей на Украине писал Самойло Величко.³ Чаще, чем других животных, упоминает змей французский инженер Боплан в своем „Описании Украины“.⁴ Встреча со змеями, в частности с крупным полозом, вблизи г. Лохвицы описана польским автором В. К. Машкевичем.⁵ Полоз якобы был „толщиною в человеческую руку и длиною почти в копьё“. Ряд сведений о полозах находим и в литературе XVIII и XIX веков. Польский ученый Габриель Ржончинский⁶ писал, что полозом (połoz) на Украине называлась крупная змея, водившаяся преимущественно в степях. Автор приводит и латинское название ее — *Coluber trabalis*, сохранившееся до наших дней в качестве синонима одного из видов полозов.

Даже в XIX веке встречи с полозом производили сильное впечатление на наблюдателей. М. Левченко⁷ описал встречу с такой змеей, длиной якобы в 5 аршин и толщиной в руку взрослого человека. Эти размеры, повидимому, преувеличены, так как в наше время наиболее крупные экземпляры полозов на Украине лишь слегка превышают в длину 2 м (т. е. 3 аршина).

Известный историк Украины Н. Ф. Сумцов⁸ утверждал, что полозы „живут и еще долго будут жить в сказаниях народа“. Высказывания Сумцова следовало бы помнить исследователям „Слова“, отрицающим толкование слова „полоз“ как „змея“. Это указание нашло блестящее подтверждение и в наше время. Полозы часто упоминаются в чудесных уральских сказах П. П. Бажова, а Мариэтта Шагинян⁹ сообщила недавно фантастический рассказ об армянском полозе „шахмаре“, рассказ, основанный несомненно на фольклоре. Чл.-корр. Академии

¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игоре“е“. Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 121—122.

² Слово о полку Игоре“е. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, комментарий на стр. 287—288.

³ Летопись событий Самойла Величко. Киев, 1864.

⁴ Перевод см.: Материалы, относящиеся к истории южной Руси, вып. II. Киев, 1896.

⁵ Там же, стр. 415.

⁶ G. Rzączyński. Historia naturalis curiosa Regni Poloniae. Sandomir, 1721, стр. 249.

⁷ М. Левченко. Исчезнувшие и исчезающие в южной России животные. Киевская старина, 1882, кн. 8, стр. 377—378.

⁸ Н. Ф. Сумцов. Культурные перспективы. Киевская старина, 1890, кн. 4, стр. 99—100.

⁹ М. Шагинян. Дневник писателя. М., 1953, стр. 223.

наук СССР Е. В. Зверозомб-Зубовский любезно сообщил мне, что рассказы о полозах существуют и среди населения нижнего Дона.

Подводя итог, нетрудно прийти к выводу, что полозы были широко известны на юге, где происходили события Игорева похода, и что упоминание в „Слове“ „полозиев“, крупных блестящих змей, вовсе не свидетельствует „о мелочности изображения“, как предполагал А. А. Потебня.

Фольклор с давних времен сохранил до нашего времени сведения о крупных змеях. Н. Ф. Сумцов авторитетно утверждал, что „в сказаниях о полозах раскрывается отчасти техника народного поэтического творчества“. Поэтому нельзя согласиться с Вс. Миллером и Л. А. Дмитриевым в том, что полозы в „Слове“ нарушили бы „поэтическую целостность“ картины. Наоборот, упоминание полозов в „Слове“ придает картине природы не только „поэтическую целостность“, но и особый „колорит юга“. Подобный образ употребил и М. Ю. Лермонтов. Вспомните:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет! . — Лишь змея,
Сухим бурьяном шелеста
.
Скользила бережно. . .

Замечательно, что два гениальных русских поэта — XII и XIX столетий — нашли аналогичные образы для изображения тишины в природе, тишины, благоприятной для героев. Заметим, что ни автор „Слова“, ни М. Ю. Лермонтов не боялись нарушить „поэтическую целостность“, называя змей наряду с птицами и зверями.

Кто видел живого полоза в степи, бесшумно скользящего в траве, тот согласится с выводами, что „полозие“ „Слова“ — это змеи, полозы, — поэтический образ, затмевающий „ползающих“ сорок, дятлов, „ползиков“ и „ползунчиков“, которые действительно были бы „мелкими изображениями“.

Н. М. ЕГОРОВ

МЫШЬЮ ИЛИ МЫСЛЮ?

В „Слове о полку Игореве“ дается такая характеристика Бояна: „Растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы“.

Что такое „мыслию“ (мысию) — мышью или мыслю? Несомненно — первое. Как два последних образа, так и первый взят безусловно из природы. И. А. Новиков,¹ который вслед за Е. В. Барсовым и В. Далем перевел это слово как „летущею векшею“, был прав, остановившись на образе животного. Но и Даль и Новиков совершили ошибку, взяв белку, хотя бы и „летущую“.

И белка и летяга — зверьки северных лесов, автору „Слова“, южанину, неведомые. Ему знакомо другое животное — лесная мышь, жизнь которой настолько тесно связана с деревом, что она даже и гнезда свои плетет в ветвях кустарников. Лесная мышь — *Duromus nitedula* Schreb. — обитатель южнорусской и северокавказской лесостепи и встречается везде, где есть кустарниковые заросли, фруктовые и ягодные сады и пойменные леса. Это преимущественно ночное животное. Днем лесная мышь спит таким крепким сном, что ее без всякого труда можно взять из гнезда; последнее и послужило причиной того, что она теперь именуется у населения „соней“. Лесная мышь принадлежит к числу самых милостивых наших зверьков, движения ее необычайно легки и грациозны (см. у Брема). Именно эту грациозность движения сони по дереву и имел в виду автор „Слова“ в своей характеристике Баяна, сочетавшего в своем творчестве грациозность движения сони по дереву, стремительность бега волка по земле и плавное парение орла под облаками.

Кроме того, надо считаться и с тем, что Баян „растекается мысию по древу“, а не по „древесам“, как это требовалось бы для летяги, о котором говорит Новиков.

¹ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1938.

А. К. ЮГОВ

Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в „Слове о полку Игореве“

„Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“, — сказано в „Слове о полку Игореве“ о князе Всеславе Полоцком. В толковании выделенного мною слова „друзѣ“ уже от самого обнародования памятника обозначались разногласия среди исследователей и переводчиков. Не буду загромождать вопрос перечислением всех оттенков этого разногласия. Основное — в том, что одни принимают это слово так, как стоит оно и в Мусин-Пушкинском издании и в Екатерининском списке, т. е. „друзѣ“, и переводят речение „въ друзѣ“ как „в другом, в ином“. Другие же, не видя убедительного осмысления в таком переводе, считают необходимым исправление текста: вместо „въ друзѣ тѣлѣ“ они читают „въ дрѣзѣ тѣлѣ“ („в дерзе теле“) и переводят как „в дерзновенном, в дерзком, в отважном теле“.

Это последнее толкование, начиная, если не ошибаюсь, с Киевского съезда, все больше и больше брало верх, а в наши дни стало общепринятым, „школьным“, так сказать. „В друзе“ всегда исправляют на „в дерзе“. В частности, твердо держится этого Д. С. Лихачев.

Мне же всегда казалось, что современные исследователи несправедливо прошли мимо и предали забвению взгляды на этот предмет и очень веские доводы в пользу „в друзе“, которые неоднократно и с глубоким убеждением высказывал Ф. И. Буслаев.

Как ведомо, Ф. И. Буслаев исходил из того, что Всеслав Полоцкий — волшебник, оборотень, перевоплощавшийся в разные тела. Таким этого князя изображает и летопись и „Слово“. У Буслаева мы находим в целом ряде его трудов обоснованные и всем нам привычные сближения образа Всеслава и с Китоврасом и с Волком Всеславичем. „Другое тело, по-моему, — пишет Буслаев, — означает не другого или какого-нибудь человека вообще, а именно другое тело, не свое собственное, а волчье, которое надевал на себя герой, перерыскивая путь великому Хорсу“.¹

Это суждение повторено, с привлечением цитаты из летописи, и в комментариях Ф. И. Буслаева к „Слову“ в хрестоматии для средних учебных заведений: „Перечень мифических превращений наши предки находили в книгах, известных под именем чаровников, напр. «еще есть сие: летают орлом, ястребом, вороном, дятлом, совою; рыщут рысию, лютым зверем, зверем диким, волком; летают змием». Сравни

¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, стр. 391.

в былинне о Волхе Всеславиче, как он учился премудростям: «А и первой мудрости учился»... «обертываться ясным соколом»; ко другой-то мудрости учился он Волх «обертываться серым волком» и пр. — Сама летопись дала повод к баснословному преданию о Всеславе, «его же роди мати от волхвованія...». Поэтому у Всеслава была душа вещая и переходила она в чужое тело (в дружее теле: прилагательное в краткой форме вм. в другом теле...)»¹

Автору „Исторической грамматики русского языка“ хорошо известны были доводы противников его толкования, однако эти доводы ничуть не убедили его. Высказав без колебаний свою аргументацию в пользу „в дружее“, он лишь мимоходом, исключительно в целях осведомления учащихся, сообщает, что есть и другой взгляд: „Вместо въ друзѣ тѣлѣ иные читаютъ въ дрязѣ тѣлѣ, т. е. в дерзком или дерзновенном теле“.²

Кто же прав? На чьей стороне истина? И можно ли в конце концов договориться на едином для всех толковании этого спорного места? Мне думается, что можно, но при одном непрременном условии: рассматривать его не обособленно, а в свете всего того, что сказано в „Слове“ о Всеславе Полоцком. Надо исходить из самого существа этого образа. А в чем же оно состоит? Во-первых, в том, что этот Всеслав — волшебник, колдун, оборотень, перевоплощавшийся в иные тела и передвигавшийся с невероятной быстротой; во-вторых, это князь, захвативший на краткое время киевский престол. Волшебник и узурпатор! Две стороны даны автором „Слова“ в этом образе: мифологическая и историческая.

Отнюдь не одно речение „в дружее“, („в дерзее“) по-разному переводится из текстов, относящихся к Всеславу, но и „кляками подпрѣся о кони и скочи“, и „ни хытру, ни горазду“, и „обѣсися синѣ мъгль“, и „вѣща душа“. Разногласия велики. Одни указывают на одно значение древнерусского слова, другие — на другое. У каждого находится та или иная опора в словаре. А между тем, как мне кажется, этих неплодотворных споров можно было бы избежать, если бы любое из этих мест мы осмыслили не обособленно, а в свете единого образа — князя-волшебника. „Комплекс Всеслава“ (да будет разрешено мне сие необычное выражение) должен во всех этих спорах окончательно решить, какое значение древнерусского слова надлежит нам принять и в том, и в другом, и в третьем случае.

Памятуя об этом, приступим к разбору названных мест в произвольном порядке.

* * *

Вряд ли можно сомневаться, что в древнерусском языке и во времена „Слова о полку Игореве“ слову „хытрый, хитрый“ присуще было, среди прочих, и то значение, которое близко стоит к современному, особенно в живом языке древней Руси. Так что трудно оспорить только на основе одних лексико-семантических соображений право некоторых переводчиков „Слова“ придавать слову „хытр“ обычное житейское значение — „хитрый, лукавый“. И. И. Срезневский к слову „хытрый“ дает множество значений, подкрепляя их соответственными текстами.³ В его

¹ Ф. Буслев. Русская хрестоматия. Изд. 12-е, М., 1912, стр. 99—100.

² Там же, стр. 100.

³ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893.

„Материалах“ указываются: искусный, искусно сделанный, творческий, художник (как существительное), знающий, сведущий, ученый, мудрый, разумный, замысловатый, благопристойный. Не забыто и значение обычное, житейское — „хитрый“, „ловкий“. Только вот что странно и вызывает несогласие: как раз это простое, житейское значение слова „хитрый“ доказывается лишь одним единственным текстом и, как на беду, относящимся именно к Всеславу, о котором и летопись и „Слово о полку Игореве“ держатся общего мнения, что это, дескать, человек отнюдь не простой, не обычный, а волшебник, колдун. Несколько удивляет, что И. И. Срезневский упустил указать, что слово „хитрый“, равно как „хитрь“ и „хитрец“, имеет доказанное, несомнительное значение — „колдун“, „волшебник“, „ведун“, — и при этом не только в древнерусском языке, но и вплоть до наших дней — в изустном народном творчестве, в сказках. В особенности такое значение, по видимому, присуще, когда слово сие выступает в форме субстантивированного прилагательного „хитр“, т. е. как в „Слове“ и в некоторых сказках о колдунах и ведьмах.

В древнерусском тексте „Александрии“ египетский царь-волшебник Нектенав добывает престол не битвами и сражениями, а „волховной хитростью“. Непопулярная царица Олимпиада просит его, чтобы он „разрешил чрево“ ей „хитростью“ своею, т. е. несомненно чародейством, волшебством, что явствует из всего смысла сказания.

Слишком очевидно сходство между способами, которыми добыли себе престол египетский „хитрец“ царь Нектенав и русский „хитр“ Всеслав Полоцкий, чтобы пренебречь таким сближением! „Сий Нектенав, Египетским странам царь, волховною хитростью и звездочетием царь беще... К бою и рати нейдеше... но на помощь себе имаше волховную хитрость...“ — сказано о царе Нектенаве. Князь же Всеслав, согласно „припевке“ Баяна, есть „хитр“. А добыл он киевский престол не как-либо, а „клюками“: „клюками подпрься“.

Ныне слово „клюка, клюки“ уже никто, кажется, не решается переводить, как переводили в старину — наивно и прямолинейно: клюка — закомлястая изогнутая палка, клюшка и т. д. Нет надобности напоминать здесь о всех заведомых несуразностях, которые происходили в прошлом из такого прямолинейного перевода слова „кляками“. Однако поучительно будет вспомнить два-три образчика.

Огоновский утверждал, что под „кляками“ следует разуметь здесь „ноги загнутые, кривые“; Кораблев — что Всеслав „поднялся на хитрость в конях“; Мей — „опираясь ходулями, из окна скакнул он к Киеву“; Гербель — „и не клюкой подпираясь, а сев на коня боевого“; Майков — „перегнулся на седле, помчался“; Пожарскому же казалось, что „кляками подперся о кони“ — это значит „самострельными машинами укрепился на лошадях“, и т. д. и т. д.

Это явное нежелание переводчиков полюбопытствовать, в каком значении находим мы слово „кляка“ в древнерусских памятниках, вызвало законное негодование Головина: „К досаде всех переводчиков, — писал он, — Всеслав не употреблял ни самострельных снарядов, ни кляк, ни костылей, чтобы овладеть престолом киевским, а овладел им своими хитростями“.¹

В наши дни окончательно принят перевод слова „кляками“ как „хитростями, через хитрости“.

¹ Цит. по кн.: Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 368.

В самом деле, такие речения, как „переклюкала мя еси Ольга“, „клюки в нем (в князе, — А. Ю.) не бе“, „клюкавый“, и целый ряд подобных речений не оставляют нам никакой возможности понимать слово „клюками“ в материально-вещественном смысле. Это, конечно, „хитрости“, но какие? — вот вопрос! В свете „комплекса Всеслава“ есть все основания думать, что здесь не простые хитрости в житейском, в бытовом или даже в военном смысле, но хитрости волшебные, „волховные хитрости“, — такие же, какими добыл себе престол египетский „хитрец“ царь Нектенав. Кстати, в Хронографе XVI века есть выражение „чаровные клюки“: „Великий святой царь Костянтин бояшся Максентиевых губительных клюк... чя ровными клюками одолети“.¹ Существенно, что и здесь идет речь о борьбе за престол, и „клюки“ здесь не какие-либо иные, а „волшебные“, „колдовские“, „чаровные“.

Сильным подтверждением этому является и тот факт, что слово „хитр“, примененное в „Слове“ к Всеславу Полодскому, в русском языке вплоть до наших времен имеет значение „колдун“, „волшебник“. Особенно важно, что это прилагательное-существительное именно в сказках о колдунах и колдуньях означает человека, наделенного чародейной силой. Оно существует даже и в женском роде — „хитра“. Так, в сказке „Царевна-лягушка“ (собрание А. Н. Афанасьева) жены старших братьев говорят о жене Ивана, которая была чародейкой и обладала способностью перевоплощаться в другое тело: „Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а кака-нибудь хитра“. К этому слову „хитра“ А. Н. Афанасьевым сделана такая сноска: „т. е. чародейка“.² Такое значение слова „хитра“ не одиночно, не случайно, а, напротив, очень устойчиво. Примеры из других сказок: „Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! прямо колдунья!»“.³ „Ну, служивой! я много знаю об дочери моей, и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь“.⁴

Здесь попутно стоит напомнить, что в народном языке и слова „знать“, „знает“, применяемые без дополнения, означали не простое знание, а именно ведовство, колдовство.

Еще пример из сказки о колдуне, откуда явствует, что слово „хитрец“ в подобном контексте означало „колдун“: „Весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало“.⁵

И наконец, в былине о чародейке-Марине, которая обладала силою перевоплощать людей в „другое тело“, сказано, что она была „хитрой“:

А и нет меня хитрея, мудрея,
А и я-де обернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей,
Гнедыми турами.

Как видим, и слово „мудрая“ в языке сказок и легенд приобретает тот же оттенок смысла.

Итак, держа в памяти образ колдуна-оборотня, каким представлен Всеслав и в летописи и в „Слове“, мы рассмотрели речения: „в друзе теле“, „ни хитру“ и „клюками подпреся“. Теперь, кажется мне, не

¹ И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Клюка“.

² А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. IV. М., 1912, стр. 33.

³ Там же, т. V, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же, стр. 23.

остается сомнений, что и „веща душа“ мы должны переводить как „колдовская душа“.

В самом деле, хотя в „Материалах“ И. И. Срезневского и указаны при слове „вещий“ значения „сведущий“, „мудрый“, „peritus“, однако тут же пояснено: „знающий то, что другим не дано знать, волшебник“. И. И. Срезневский приводит здесь общеизвестный текст из „Повести временных лет“: „Прозваша Олега вещей, бяху бо людие погани и невеголоси“. Уже из одного того, что летописец приписывает прозвание Олега „вещий“ язычеству и невежеству, с несомненностью вытекает, что „вещий“ означает здесь „волхв“, „чародей“, „колдун“. Далее в „Материалах“ приводится немало прямых доказательств этого. Так: „В ѣ щ а я женка=колдунья, — «того же лета псковичи сожгоша 12 жонке вещей». Псковск П л., 6919 г. — В о л ш е б н ы й... «Хоробрый Пересвет поскакивает на своем вѣщем сивце». Сл. о Задон.“.

Далее значит: „В ѣ щ и ц а — колдунья, тага: «Вещица, аще покается (епитимии) лет ѿ, поклон ф̆». Дуб. Сб. XVI в.“.

К этому можно добавить замечание Афанасьева: „Словенцы и кошубы называют упырей вещими“.¹

По-сербски колдун — „в е ш т а ц“, колдунья — „в е ш т и ц а“.

* * *

Теперь нам остается, держа критерием все тот же образ колдуна-князя, коснуться спора вокруг того, как надлежит переводить „обѣсися синѣ мъглѣ“. Я перевожу: „повиснул на синем облаке“ или — что то же — „обнял синее облако“. Н. К. Гудзий не отвергает такого прочтения, несмотря на свои резкие замечания в отношении многих мест моего перевода. Напротив, Д. С. Лихачев до сих пор настаивает на другом прочтении, близком к традиционному: „«Синя мгла» — это мгла ночи. «Обеситься» по-древнерусски означает «повиснуть» или «быть обнятым» (в данном месте „Слова“, конечно, последнее значение)“, — пишет Д. С. Лихачев в комментарии своем к изданию „Слова“ в малой серии „Библиотеки поэта“.²

Перевод, на котором мне приходится настаивать, исходит из ниже следующих соображений семантико-лексического и грамматического порядка. „Мъгла=мгла“ здесь употреблено не в смысле мглы=„тумана“, а в значении „облака“. В „Слове“ встречается двойное применение „мглы“. В одном случае это несомненно туман — „мъгла поля покрыла“, в другом же, где речь идет о бегстве Игоря и сказано „полетѣ соколомъ подъ мъглами“, — столь же несомненно значение „под облаками“. Это столь бесспорно, что, кажется, никто от Мусина-Пушкина вплоть до нашего времени иначе и не переводил. У Д. С. Лихачева — также: „полетел соколом под облаками“. Смее утверждать, что и в „обѣсися синѣ мъглѣ“ следует принять именно это значение „мглы“. Для выбора нашего здесь, во-первых, имеет огромное значение следующая лексикографическая справка под словом „мъгла“, приводимая И. И. Срезневским: „Слово м г л а, м ъ г л а, м ѣ г л а не у одних чехославян, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы“.³ Юго-западным славянам слово это так же знакомо, как и се-

¹ А. Н. Афанасьев. Нардные русские сказки, т. V, стр. 206.

² Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, Изд. 3-е, Л., 1953, стр. 269.

³ И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Мгла“.

веро-западным и русским. Вот между прочим примеры из болгарских народных песен: „Пустите мои две тѣги, я да станете две мьгли че се високо двините“. Здесь „две мгли“ ясно указывает на значение „два облака“.

Перейдем к грамматическим доказательствам. Сказано, что Всеслав „обѣсися синѣ мьглѣ“. Подлежащее здесь Всеслав. Что сделал он? Он, как сказано, „обесился“, т. е. буквально „повесил себя“. Где? на чем? На это как раз и отвечает местный падеж, в котором поставлено существительное женского рода — „мгла“: „синѣ мьглѣ“. Решению нашему помогут другие примеры, где трудно, мне кажется, не признать по существу аналогичной конструкции, хотя, ввиду того, что речь идет на сей раз о предмете одушевленном, о лице, приходится говорить, что существительное женского рода, связанное как дополнение с глаголом „обѣсися“, на сей раз стоит в дательном лица — „Фекле“; „Труфена обѣсьшися Фекле“ — текст, приводимый Срезневским к слову „обеситися“, означает „Труфена обняла Феклу“, а не „обнятая Феклой“. И другой пример: „Александр обесися ей на распутии“ — точно так же означает, что Александр обнял, а не его обняли; буквально говоря — „Александр повиснул на ее шее“.

Мне кажется, что лексически и грамматически фразу „(Всеслав) обѣсися синѣ мьглѣ“ можно переводить только так: „обнял синее облако“ или „повиснул на синем облаке“.

Но мало этого! Здесь на поддержку именно такого прочтения выступает и единый смысл образа Всеслава-колдуна, Всеслава-волшебника.

Вряд ли кто станет оспаривать, что быстрота передвижений Всеслава достаточно ярко означена в „Слове о полку Игореве“. Быстротой своего исчезновения в канун битвы он поразил современников. Вот ночью он еще в Белгороде (близ Киева), а на утро он уже „отвори врата Новуграду“, а дальше он уже и на Немиге, куда скакнул не иначе как-либо, а „волком“ (оборотничество, мифологический элемент образа!). Да и далее этот момент сказочной быстроты Всеслава особо подчеркивается: он до петухов успевал „дорискати“ до Тмудоракани.

Вот почему и надо принять, что колдун Всеслав совершил свой перелет от Киева до Новгорода на „мьгле“, т. е. на облаке, на этом излюбленном, так сказать, „ковре-самолете“ древнерусских волшебников, да и не только волшебников, а и всех существ, обладающих „сверхъестественными“ силами.

Здесь нельзя не сопоставить с полетом на облаке князя Всеслава такой же самый полет Исаии Ростовского. Памятник этот относят к XII веку, т. е. к веку „Слова о полку Игореве“. И с этим обстоятельством нельзя не посчитаться!

В житии Исаии Ростовского рассказано, как киевский митрополит Иоанн должен был безотлагательно святить церковь в Печерском монастыре — „заутра в 14 день августа“. А никого из иногородних епископов не было с ним, чтобы участвовать с ним в этом освящении. Киевский митрополит скорбел об этом. Тогда к епископу Исаие, жившему в Ростове, „внезапу уноша страшен предста во одежде светлей и глагола ему: «заутра в 14 день августа свящается церкви монастыря Печерского, и митрополит вас ради в велицей печали, и да будещи тамо с ним на освещении»“.¹ Получив такое грозное приказание, Исаия

¹ Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, Казань, 1858, март, стр. 439—441.

вместе со своими спутниками на облаке был перенесен в Киев, а по освящении церкви, опять-таки на облаке, обратно в Ростов.

Любопытно сопоставить рассказ об этом полете на облаке с полетом Всеслава на „синей мьглѣ“. Есть даже и словесное совпадение, а именно: в сказании, как и в „Слове“, указано, что ночью человек, о котором идет речь, находится еще далеко от места, в которое он должен прибыть, а на утро он уже там, перенесенный со сверхъестественной быстротой. Иными словами, в житии Исаии Ростовского, так же как и в „Слове“, намеренно подчеркивается эта быстрота перемещения, ее чудесная природа. „Ноши же приспевши“, сказано в житии Исаии, святой был еще в Ростове и поучал людей, „еже с ним“ от „божественного писания“, а „заутра вси со блаженным под Киевом обретаются“.¹

В „Слове о полку Игореве“ князь-волшебник „въ плъночи изъ Бълаграда обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же... отвори врата Новуграду...“.

Житие Исаии Ростовского объясняет его полет на облаке ссылкой на то, что подвиг его был равноапостольный, что и спешить-то он должен был на освящение не какой-либо иной церкви, а Успения, а потому, дескать, и ему даны были те же чудесные средства к скорому прибытию в Киев, какие некогда были даны апостолам для прибытия в Иерусалим, т. е. облако.

Известно, что полет двенадцати апостолов на облаке изображен не только в древнерусских апокрифах, но даже нашел свое изображение и на древней иконе „Успение Богоматери“. Икона эта из Десятинного монастыря в Новгороде, ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. Каждый из апостолов изображен на ней на своем облаке.

* * *

Итак, в свете „комплекса Всеслава“ мы видим возможность единого осмысления всех спорных мест, относящихся к этому герою древнерусской истории и древнерусской мифологии.

Подведем итоги. О Всеславе сказано в „Слове“, что он „хытр“, т. е. волшебник, колдун; что у него „вещая“, т. е. колдовская, душа; что он добыл себе престол „кляуками“, само собою — „чаровными кляуками“, раз он „хытр“ и „вещий“, т. е. чародей. И наконец, он за одну ночь перенесся из-под Киева к Новгороду, „обѣсися синѣ мьглѣ“, что в свете всего цельного образа князя-волшебника и исходя из лексики и грамматики было бы натяжкой переводить иначе, как „повиснул на синем облаке“.

В заключение скажем еще о некоторых разногласиях в толковании и переводе некоторых мест, относящихся к Всеславу.

Речь идет о том, как следует переводить „с кочи къ граду Киеву“ и „окони“.

Мне кажется, что здесь глагол „сочити“ применен опять-таки не в прямом, буквальном смысле, а в политическом, как и применяла его древняя Русь в тех случаях, когда рассказывалось о захвате престола, об узурпации: „самовольно занять, захватить (о престоле): — Бѣ бо преже того пискуп Асаф Вугровьскый, иже с кочи на стол митрофоличь и за то свержен бысть стола своего...“.²

¹ Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, Казань, 1858, март, стр. 442.

² И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Сочити, скочу...“.

В другом древнерусском памятнике говорится, что не подобает епископу „скакати“ на свой престол за мзду. Не на коне же скакал епископ! Приходится допустить, что в подобных ситуациях глагол „скакати“ был термином. И поскольку Всеслав тоже захватил престол, то не лучше ли и здесь „скачи“ понимать так же, как это „скачи“ применено к епископу Асафу в Галицко-Волинской летописи?

А тогда, как я и убежден, в „Слове“ нет и никакого „коня“, „коней“ или „хитростей, связанных с конями“. Во всяком случае, глагол „оконитися“ в смысле „сделать себя конным“ как будто в древнерусских памятниках не обнаружен. Зато существует в русском языке — и конечно, издревле, ибо и до сих пор уцелел в новгородской живой речи — глагол „оконить, оконити“. „Толковый словарь живого великорусского языка“ В. И. Даля свидетельствует: „Оконить что, нвг. докончить, узаконить, уконить. Оконил в избе своей мир, покой“.

Тогда „окони“ есть аорист от глагола „оконити“, третье лицо, единственное число. Всеслав „оконил“—таки дело, к которому он стремился, т. е. „в конце концов“ (корень тот же!) достиг престола киевского. Давно уже высказанная мною точка зрения. Но в последние годы моей работы над „Словом“ сильным соперником глаголу „оконити“ в названном значении является для меня глагол „конить“, бытующий в живом народном языке и относящийся до метания жребия. А это очень важно, ибо ведь Всеслав „верже жребий“. „Конаться, — читаем мы в „Толковом словаре“, — метать жребий... Конить кого... перекидывать, бросать далее...“. Речение „всех оконить“=„всех переконать“ означает „бросить счастливый жребий“, „выиграть“.

Но как бы там ни было, возможность выбора между „оконить“ в значении „достигнуть чего-либо в конце концов“ и между „конить, оконить“ в значении „бросить счастливый жребий“, „выиграть“ не играет решающей роли. И то и другое толкование хорошо связывается с образом князя-волшебника, завладевшего престолом.

Колдовская была душа. И не в одном теле обитала...

Князь-колдун, летящий на облаке, — вот в чем видится мне истинное осмысление всех мест в „Слове“, относящихся к Всеславу Полоцкому.

В. М. ГЛУХОВ

К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь

Одним из наиболее спорных и до настоящего времени не разрешенных вопросов в изучении „Слова о полку Игореве“ является вопрос о пути Игоря в Половецкую степь и о месте его сражения с половцами.

В предлагаемых заметках мы делаем попытку определить цели Игорева похода, состав его войска и возможный район битвы, подвергнув критике один из последних вариантов пути Игоря, предложенный К. В. Кудряшовым.¹

Всякий поход подготавливается в соответствии с поставленными целями, поэтому, для того чтобы правильно судить о характере похода и его возможных путях, надо постараться выяснить цели Игорева похода.

Само „Слово о полку Игореве“ своими прямыми и косвенными показаниями свидетельствует, что новгород-северский князь задумал большой поход в глубину Половецкой земли. Бояре в „Слове“, толкуя сон Святослава, так характеризуют цель Игорева похода: „поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону“.² „Поискати града Тьмутороканя“ — это максимальная задача похода. Тьмуторокань с конца X века была русским форпостом, выдвинутым далеко на юг; в конце XI века она была потеряна в связи с нашествием половцев. Поэтому цель вернуть русские владения является вполне закономерной. Она закономерна для Игоря еще и потому, что раньше Тьмуторокань принадлежала его деду Олегу и Игорь мог желать поискать свою „дедину“. В качестве минимальной задачи похода ставится „испити шеломомь Дону“, т. е. дойти до Дона. В этом свете представляет интерес отрывок „хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго... а любо испити шеломомь Дону“.

Рядовая задача вступить в бой на ближнем конце „поля Половецкого“, т. е. на границе своего государства, не была бы достойна упоминания в „Слове“ и не могла бы вызвать восторженной тирады автора — „О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь“, — тирады, которая является как бы ответом на слова Игоря, так как помещена она вслед за ними. При наличии такой за-

¹ К. В. Кудряшов. „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении. В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник статей. Гослитмузей, М., 1947, стр. 43—86. Эта статья повторена в кн.: К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Географиз, М., 1948, стр. 42—83.

² Здесь и дальше текст „Слова“ цит. по кн.: Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

дачи были бы необъяснимы упоминания Корсуня, Сурожа, Помория и Тмутороканского болвана, а также упоминания Дона, которые окружают указанный отрывок и связаны с ним.

Итак, можно думать, что Игорь ждал встречи с половцами не у границ Руси, а в противоположном конце „поля“, так как он отправлялся в поход весной, когда основные массы половцев еще находились в коренных своих землях на зимовищах. Имея это в виду и то обстоятельство, что половцы перед тем потерпели ряд поражений, Игорь и мог сказать: „Хошу... копие приломити конецъ поля Половецкаго... а любо испити шеломомъ Дону“. В связи с этим напрашивается вопрос — не заключается ли в этих словах намек на максимальную и минимальную задачи похода, так же как и в словах бояр: „Поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону“.

Сказанное выше находит подтверждение и в других показаниях источников. Во-первых, думаем, что в словах Ипатьевской летописи „и оттуда придоша к Салнице“¹ содержится намек на то, что в минимальную цель похода Игорь включал не только Дон, но и Донскую Сальницу, где Мономах в 1111 году одержал решительную победу. В связи с этим летописец Ипатьевской летописи мог указать Сальницу как границу минимальной задачи, поставленной Игорем. Во-вторых, если бы Игорь и его соратники не ставили далеко идущих целей и не намеревались поравняться славой с прославленными князьями прошлого, то какое бы было право у Святослава Киевского бросить Святославичам упрек в том, что они „рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати“. Святослав далее прямо говорит, что Святославичи претендовали и на славу предков („Нъ рекосте: «Мужаймѣя сами: преднюю славу сами похитимъ, а заданюю си сами подѣлимъ!»“). В-третьих, в этом смысле особое значение приобретает авторская ремарка: „Почнемъ же, братие, повѣсть сию от стараго Владимирера до нынѣшняго Игоря“. Цель, поставленная Игорем, — „поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону“ — достойна сравнения с военными целями и Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Если бы автор имел в виду определить только исторический диапазон повествования, то он скорее бы сказал „от стараго Владимирера до нынешняго Святослава“ (князя Киевского и условно князя всея Руси), а не до Игоря — князя небольшого удельного княжества. В-четвертых, на значительность похода указывает и отрывок „вестиъ послушати — земли незнаемѣ, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутораканьскій бльванъ“. Эти слова нельзя понять иначе, как указание на то, что поход Игоря угрожал всей „земли незнаемѣ“ — от Волги до Днестра, от Суды до Крыма и Тмуторокани. Как бы гиперболически автор „Слова“ ни мыслил, он не мог бы так сказать о походе только в район Орели или Тора. Рисуя картину перед боем, автор показывает, что и половцы восприняли Игорев поход как угрозу всей Половецкой земле и поэтому противопоставили русским объединенные силы. К месту сражения „половцы идуть отъ Дона (донские, — В. Г.), и отъ моря (поморские, — В. Г.), и отъ всѣхъ странъ“; большие массы конницы взмутили воду в реках, отчего реки „мутно текутъ“, подняли пыль по степи („пороси поля прикрывають“); от топота коней земля гудит („земля тутнетъ“).

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, дополненное, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 166.

С показаниями „Слова“ перекликаются показания Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Они согласно утверждают, что против Игоревы войска выступила вся Половецкая земля („послашася по всей земли своей... и приспе к ним дружина вся, многое множество, и рече Игорь: «се, ведающе, собрахом на ся землю всю»“.¹ Наконец, не случайно, вероятно, и то, что, обращаясь к прошлому, автор „Слова“ упоминает почти исключительно тех князей, деятельность которых была связана с Тмутороканью или Доном, и что Тмуторокань упомянута в „Слове“ четырежды, а Дон тринадцать раз.

Значительность целей похода, условия географические и условия времени убеждают нас в том, что войско Игоря было конным. Если в IX—X веках, отправляясь в походы против Византии и Дунайской Болгарии, русские использовали конницу в ограниченном количестве, опираясь на многочисленный флот, то в XI—XII веках Русское государство самими обстоятельствами вынуждено было большим массам степной конницы противопоставить свою конницу. Театр военных действий стал огромным: от Волги до Дуная, от Сулы до Азовского и Черного морей. Изменились условия поиска противника, ведения боя, наступления и отступления — война стала маневренной. Вот почему значение лодейного флота при борьбе с кочевниками падает, а „конница в это время стала играть главную роль“.²

Насколько возрастает значение конницы в XI—XII веках, свидетельствует тот факт, что когда Изяслав в 1068 году потерпел поражение, киевляне говорят: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“.³ То, что князья имели большие табуны коней, подтверждается целым рядом летописных записей. Так, например, Ипатьевская летопись сообщает, что Василько Романович во время похода по земле Белзской и Червенской захватил „много плены, стада коньска и кобыля“, что при победе Всеволода Юрьевича в 1177 году князь и его союзники „села боярские взяша, и кони, и скот“.⁴ Под 1146 годом летопись называет „тобун князей Игоря и Святослава в 3000 кобыл стадных и 1000 коней“.⁵ Летописное известие 1170 года говорит, что Мстислав Мстиславич отослал от себя Петра и Нестера Бориславичей „про ту вину, яко холопи ею кони Мъстиславли покрадоша в стаде и пятна на них свое въсклали“.⁶ Традиция князей иметь собственные табуны коней прослеживается в духовных грамотах князей. Например, в духовной великого князя Ивана Ивановича говорится: „А что моих стад коневых, и жереппев, и кобылиць, а то сыну моему князю Дмитрию и сыну моему князю Ивану, то им наполю“. В духовной князя Серпуховского Владимира Андреевича сказано: „А что мое стадо седельное, кони, и лошаки, и жеребци, и кобылье стадо, а то дал есмь княгине своей... А что есмь стада подавал детям своим, и те стада детям моим“.⁷

Таким образом, князья, имея большие табуны коней, могли в случае похода сажать на конь городское ополчение и своих смердов.

¹ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 173, 173—174, 167.

² История культуры древней Руси, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 404.

³ Повесть временных лет, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 114.

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 137, 179.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, М., 1949, стр. 328.

⁶ ПСРА, т. XXV, стр. 78.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16, 50.

Не исключена и та возможность, что в случае больших походов¹ комплектовалось конное войско из смердов на принадлежащих им лошадях, на что есть намеки в летописном описании Делобского съезда. На съезде Мономах говорит: „Дивно ми дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смерд и приехав половчин ударить й стрелою, а лошадь его поиметь... То лошади жаль, а самого не жаль ли?“¹ Эти слова можно понимать в том смысле, что лучше оторвать смерда с лошадью для защиты родины, чем дожидаться того, что враг и самого смерда убьет и лошадь его захватит. Однако в походе 1103 года пешцы еще участвуют, передвигаясь по Днепру в лодьях; в походе же 1111 года Мономах и другие князья имеют только конное войско, поскольку они идут к Дону и трасса похода только пересекает реки.

Вероятно, и Игорь, задумав глубокий конный рейд, комплектовал конное войско, отказавшись от пешцев, так как они связывали бы маневренность конницы. Ни в „Слове“, ни в летописях нет указаний на то, что в походе участвовало пешее войско, в то время как указания на конный состав войска многочисленны (о „черных людях“, упоминаемых Ипатьевской летописью, мы скажем ниже).

Таким образом, Игорь поставил перед собой большие цели, в соответствии с ними скомплектовал войско и частично осуществил их, достигнув Дона, на что имеется ряд намеков и прямых указаний в „Слове“. Есть одно летописное свидетельство, обычно упускаемое исследователями, которое прямо относит место битвы Игоря к району Дона. Мы имеем в виду Архангелогородский летописец (Устюжский летописный свод), в котором говорится: „И поиде Игорь Всеволодович (Святославич, — В. Г.) за Дон з двема сыньми и братаничи, а не ведающе строения божия и тамо побша их татарове без вести“.²

* * *

Всем отправным выводам, которые мы привели выше полностью, противоречат положения К. В. Кудряшова, высказанные им в статье „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении“.³

К. В. Кудряшов полагает, что северские князья собрались у границ Переяславской земли и отсюда двинулись к верховьям Донца „между Сеймом и Пселом по водоразделу, служившему рубежом между Северским и Переяславским княжествами“, т. е. выходит, что они двинулись от Путивля не на юго-восток, как следовало бы ожидать, а на восток или точнее немного на северо-восток. И только поравнявшись меридиально с Курском, находясь от него в 50 км, князья повернули на юго-восток, а затем на юг, идя по водоразделу между Донцом и Осколом. Приложенная к исследованию Кудряшова карта похода показывает, что Игорь потратил несколько дней пути только для того, чтобы, пройдя от Новгорода 250 км или от Путивля 160 км, оказаться по параллели на уровне Путивля же, а меридиально на уровне Курска, вместо того чтобы быть на 160 км юго-восточнее Путивля, на подступах к городу Донцу. Видимо, для того чтобы сгладить это противоречие, автор говорит, что Игорь шел таким путем, „быть может, надеясь шедшего из Курска Всеволода встретить именно здесь,

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 183.

² Устюжский летописный свод. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 44.

³ См.: Слово о полку Игореве. Сборник статей. Гослитмузей, М., 1947, стр. 43—86.

на перекрестке дорог“, т. е. у верховьев Северского Донца и Сейма.

Однако предположениям К. В. Кудряшова можно противопоставить ряд соображений.

Во-первых, невероятно, чтобы Игореве войско так непроизводительно тратило время и свои силы.

Во-вторых, если именно так было условлено, то почему Игорь, достигнув верховьев Сейма и Донца и находясь в 50 км от Курска, не стал ждать Всеволода здесь, в условленном или предполагаемом месте встречи? Автор исследования объясняет это так: „Вероятно, Всеволод запоздал потому, что в действительности (!?) встреча братьев произошла южнее, между Осколом и Северским Донцом“, ¹ т. е. в 50 км восточнее Донца, на водоразделе. Если Игорь не встретил Всеволода в предполагаемом месте встречи на роستانех, то какие же были у Игоря основания думать, что Всеволод запоздал к перекрестку дорог, будучи от него в 50—60 км? Если все же он пришел к такому выводу, то, очевидно, должен был ждать брата здесь, а не двигаться дальше. Допустим, наконец, что, по его мнению, напротив, Всеволод его опередил, то тогда почему Игорь, пройдя каких-нибудь 70—100 км, остановился, чтобы ждать брата, а не отправился его догонять? И далее, если Игорь решил не ждать брата, то почему так же должен был поступить и Всеволод, придя к месту встречи? Не логичнее ли то, что Всеволод, не встретив брата, должен был бы остановиться и ждать Игоря. Но если бы он так поступил, братья одновременно ждали бы друг друга в разных местах. Однако этого не произошло, и братья встретились благополучно на водораздельной линии между Донцом и Осколом, откуда следует, что и Всеволод не ждал Игоря. Выстает вопрос, почему они оба поступили неблагоприятно, будучи опытными военачальниками? Конечно, идя дальше по пути предположений, можно было бы сказать, что братья руководствовались приметам, снеслись друг с другом при помощи нарочных и т. д., но автор исследования этого не делает — то ли потому, что не видит противоречий, то ли потому, что умалчивает о них.

В-третьих, в Ипатьевской летописи сказано, что Игорь „перебрел Донец“: „И тако приида ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода: тот быаше шел инем путем ис Курьска“. ² Отсюда следует несколько выводов: если Игорь, несмотря на вечернее время, переправился через Донец и пошел к Осколу, то, значит, Оскол был близко и Игорь торопился достичь его; но если он торопился его достичь, а достигнув, два дня ждал брата, то, значит, место встречи было обусловлено и Игорь не сомневался в том, что именно сюда придет Всеволод. Идти к какой-нибудь реке — это значит двигаться к ней перпендикулярно или наискось от исходной точки, но во всяком случае не параллельно реке по водоразделу, не подходя к ней. У К. В. Кудряшова выходит, что Игорь ждал брата на водоразделе, на равном расстоянии от Донца и Оскола, а затем, соединившись с братом, шел 180 км по водораздельной линии, так и не придя к Осколу до самого Изюмского перевоза.

Далее, если в летописи сказано, что Всеволод к месту встречи шел „инем путем“, то, значит, он шел именно иным путем. Нельзя же

¹ К. В. Кудряшов. „Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении, стр. 65, 66.

² А. С. Орлов, ук. соч., стр. 166.

всерьез за иной путь принимать путь в 50 км от Курска до точки пересечения с Игоревым путем. Видимо, имел это в виду и К. В. Кудряшов; сославшись на то, что, „вероятно, Всеволод запоздал“, он отодвинул место встречи, проложив путь Всеволода по дуге от Курска к тому месту на водоразделе, где, как уверяет автор, братья встретились; тем самым он удлинил путь Всеволода до 150 км, но и этот путь трудно принять за иной, и потому К. В. Кудряшов его еще более удлиняет, беря начало не от Курска, как в летописи, а от Трубчевска. Вероятно, автору это понадобилось для того, чтобы создать видимость иного пути Всеволода.

В разбираемой работе и в других своих исследованиях К. В. Кудряшов утверждает, что дневной переход русских войск равнялся 25—30 км. Однако, „обратившись к масштабным измерениям на карте, не трудно убедиться“¹, что, согласно маршруту К. В. Кудряшова, Игорь от Новгорода-Северского до верховьев Донца перекрыл за 9 дней путь в 300 км, т. е. проходил в день по 35,5 км. Если же взять весь маршрут в целом (от Новгорода до реки Торца), то выходит, что за 15 дней пути (с 23 апреля по 10 мая минус два дня на ожидание Всеволода) Игорь прошел 570 км, т. е. проходил в среднем 38 км в день. Таким образом, протяжение разработанного К. В. Кудряшовым маршрута похода находится в явном противоречии с его же утверждением о величине суточного перехода. Если все же принять, что суточный переход в среднем составлял 25 км, то тогда получается, что на путь от Новгорода до верховьев Донца Игорь потратил не 9, а 13 с лишним дней, и всего затратил на переход от Новгорода до Торца не 15, а почти 23 дня ($570:25=22,8$), а это не менее противоречиво.

Таким образом, мы осмеливаемся сказать, что в разобранных вопросах построения К. В. Кудряшова не выдерживают критики.

* * *

В разбираемом исследовании К. В. Кудряшов категорически утверждает, что летописная Сальница впадала в Донец против Изюмского перевоза между реками Изюмом и Изюмцом, впадающими на расстоянии 2 км друг от друга; в этом он основывается на указании нескольких экземпляров печатного издания 1792 года „Книги Большому чертежу“, в которых говорится: „А выше Изюма пала в Донец с правой стороны река Сальница. И ниже тое Изюмец“. Суждением К. В. Кудряшов считает реку Тор (Казенный Торец), а Каялой — речку Макатику, впадающую в речку Голая Долина. Таким образом, по К. В. Кудряшову, театр Игоревых битв находился не далее 40 км от Изюмского перевоза (битва на Суюрлии в 40 км, битва на Каяле в 33 км от перевоза).

Мы не согласны с таким мнением. Во-первых, потому, что Сальница указана впадающей в Донец только в нескольких экземплярах одного печатного издания „Книги Большому чертежу“, причем из двух экземпляров этого издания, принадлежавших Спасскому, она указана только в одном. Следует отметить, что для этого издания использовано только три списка, описания которых не дано, в то время, как ныне известно 37 списков „Книги Большому чертежу“ и ни в одном из них Сальница не впадает в Донец. Трудно не верить 37 рукопис-

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь, стр. 55.

ным спискам, восходящим к протографу 1627 года, в свою очередь составленному на основании старого чертежа, который „сделан был... давно при прежних государех“,¹ и одновременно поверить нескольким экземплярам одного печатного издания.

Во-вторых, если и допустить существование Сальницы между Изюмом и Изюмцом, то она была ни более ни менее, как речушка, поскольку от нее даже следов русла не осталось, в связи с чем летописец не мог ее взять в качестве географического ориентира, тем более при наличии рядом с ней более значительных рек (Изюм и Изюмец). В древности, действительно, географические районы определялись часто названиями больших и общеизвестных рек, но они не определялись названиями рек и ручьев. Поэтому с точки зрения древних представлений можно было бы сказать в общей форме „пошли на Волгу“, „пошли на Дон“, но нельзя было сказать в такой форме, имея в виду речушку или ручей. В этом случае древние обязательно употребляли кроме названия понятие, определяющее величину или характер (река, речка, ручей, поток, яруга, овраг). Обратимся к примерам. В летописи под 1111 годом читаем: „в 5-ю неделю поста приидоша к Донови“, „во вторник... поидоша с Донови“, но „на потоце Дегея“, „на реке Сальнице“;² под 1185 годом: „хотя ити на половци к Донови“, „летовати на Доне“, „Давыд же приде до Днепру“, „влегоша во Днепр“, „поидоша к Сальнице“, но „идушим к Донцю реце“, „дойти реки Донця“, „на оной стороне реки Скурлия“, „к реце ко Суюрлию“, „реце Каялы“.³ Следовательно, в такой форме, как „оттуда поидоша к Сальнице“, летописец мог сказать только о реке, да еще общеизвестной, а не о ручье. Видимо, в связи именно с походом Мономаха в 1111 году Сальница стала общеизвестной и получила право называться без определяющего понятия „река“, в то время как в 1111 году летописец еще говорил: „и победиша а на реце Сальнице“.

В-третьих, взятое само по себе название реки или речки еще ничего не говорит и не может служить краеугольным камнем исследования, ибо в топонимике нашей страны можно найти много рек и городов с одноименным или однокоренным названием. С основой „Сал“ названий тоже много; так, например, „Книга Большому чертежу“ отмечает три Сала, впадающие в Дон, а также Саян, Салмыш, Салым и даже Сальницу, впадающую в Баренцево море („от Мытны речка Торна, от Торны 20 верст речка Сальница“).⁴ Наконец, если даже допустить существование около Изюма большой реки Сальницы, то и тогда нельзя театр Игоревых битв относить к ее району, так как ряд летописных указаний свидетельствует, что летописная Сальница находилась где-то у Дона, а не у Донца. Это явствует, например, из подробного описания похода русских князей с участием Мономаха в 1111 году.

Ясно, что поход Игоря был совершен не на Донец, а на Дон, так как и Московский летописный свод и Ипатьевская летопись называют эту реку. Об этом же свидетельствуют и другие летописи, содержащие краткие сообщения о походе Игоря. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи, например, говорится: „Иде Святополк, Володимирь и Давыд и вся земля просто Руская на Половце, и победиша я,

¹ Книга Большому чертежу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 7, 38, 49.

² ПСРЛ, т. XXV, стр. 26.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 166—169.

⁴ Книга Большому чертежу, стр. 159.

и взяша дети их и город по Дънови Сугров и Шарукан¹.¹ Отсюда видно и то, что половецкие города Сугров и Шарукань были расположены на Дону, а не на Донце. Об этом же говорят и другие летописные данные. Так, например, характеризуя поход на половцев в 1116 году, Лаврентьевская летопись говорит: „В том же лете Ярополк ходи на Половчскую землю к реце, зовомей Дон, и ту взя полон мног, и 3 города взяша половецкие: Галин, Чешюев и Сугров, и приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню“,² а Ипатьевская: „В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну велми, яьскаго князя дщерь полонив“.³

Между тем, К. В. Кудряшов вопреки смыслу летописей и „Слова о полку Игореве“ не только поход Игоря ограничивает Донцом, но в одном своем исследовании и походы русских князей 1109, 1111, 1116, 1120 годов относит к Донцу. Он пишет: „В смелых дальних походах 1111 и 1116 гг. при участии Владимира Мономаха русские разгромили в глубине Половецкой земли города Шарукань и Сугров и Балин, лежащие между Северским Донцом и Тором. К тому же району относится и поход 1109 г., когда «У Дона Дмитр Иванович тысячу веже взял». Из описания походов черниговских князей Ольговичей известно, что в 1120 г. Ярослав «ходи на половцев за Дон», следовательно — опять за Донец. Известный поход Игоря Святославича 1185 г. был совершен также за Донец к нижнему Тору“.⁴

Какое основание имеет К. В. Кудряшов не доверять согласным указаниям различных списков летописи? Мы такого основания не видим. Нет оснований допустить и ту мысль, что в XII веке наши предки не различали двух больших рек, если они различали более мелкие реки, как их различал и автор „Слова“, говоря: „Игорь мыслию поля мерит от Великого Дону до малаго Донца“.

К. В. Кудряшов упускает из виду и то, что русские не могли путать Дон с Донцом уже по одному тому, что название „Дон“ иноязычное (видимо тюркское), а „Донец“ — русское, образованное от иноязычной основы по правилам русской грамматики, как слова „сыновец“, „Киевец“, „столец“. Окончание „ец“ имеет уменьшительное значение и указывает на соотношение двух предметов, в названиях рек — это отношение притока к реке или отношению двух притоков разной величины, впадающих в одну реку-мать (ср.: Аксай — Оксенец, Изюм — Изюмец, Оскол — Осколец, Тор — Торец, Ингул — Ингулец).

Наши предки не могли путать двух рек еще и потому, что начиная с древнейших времен им были известны все крупные реки на побережье Каспийского, Черного и Азовского морей. Б. А. Рыбаков совершенно правильно отмечает, что „русские купцы плавали по Балтийскому морю, доходили до центральной Европы, бывали в Палестине, пробирались в Биармию, прекрасно знали берега Каспийского и Черного (Русского) моря“ (разрядка наша, — В. Г.).⁵ Русские купцы и воины

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 203.

² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 207.

³ Повесть временных лет, т. I, стр. 201.

⁴ К. В. Кудряшов: 1) Местоположение половецких веж. Труды Института этнографии им. Микалухо-Маклая, т. I. Памяти Д. Н. Онучина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 108; 2) Половецкая степь, стр. 133.

⁵ История культуры древней Руси, т. I, стр. 315.

нередко за один поход перекрывали огромные пространства, спускаясь по Днепру в Черное море, огибали Крым, пересекали Азовское море, затем, поднявшись вверх по Дону и пройдя волоком по трассе нынешнего Волго-Донского канала, спускались по Волге в Каспийское море.¹

В верховьях Дона русские жили, а в низовья ходили, и поэтому смешивать Дон с Донцом они не могли. Все это, конечно, известно К. В. Кудряшову. Он и сам в своей книге „Половецкая степь“ (стр. 109) свидетельствует об осведомленности русских в географии Подонья, говоря: „Залозный путь с давнего времени связывал Поднепровье с устьем Дона, Тмутороканью и Хазарией“. Но когда Кудряшов приходится рассматривать в этой же книге поход Владимира Мономаха на Дон в 1111 году и поход Игоря в 1185 году, он, пренебрегая летописными источниками, стремится доказать, что наши предки не различали Дона и Донца, в связи с чем битвы, происходившие на Донце, отнесли к Дону. Если бы Мономах разбил половцев на Донце, в районе Изюма, то какой резон был бы хану Отроку бежать за Железные Ворота (Дербент), за 1200 км от Изюма? Между тем, если половцы были разбиты на своих зимовищах у Дона и Сала, то бегство за Дербент вероятно. Если бы походы Мономаха не были далекими и значительными, о них не вспоминали бы позднее летописцы, а потомки Мономаха не подражали бы ему.

Московский летописный свод под 1129 годом, сравнивая Мстислава Владимировича с его отцом, говорит: „Володимер бо сам собою постоя у Дону и прогна безбожных и много пота утер за Русскую землю. Тако же и сей Мъстислав посла воя своя, и загна половце не токмо за Дон, но и за Волгу“.² Лаврентьевская летопись свидетельствует, что в 1199 году „ходи... князь великий Всеволод Гюргиевич внук Володимеръ Мономаха на половци... Половци же, слышавше приход его, бежаша и с вежами к морю. Князь же великий ездил по зимовищем их, и прочь възле Дон“.³ Ипатьевская летопись под 1201 годом указывает, что князь Роман „ревноваша бо деду своему Мономаху, погубившему поганых измаилтяны, рекомых половци, изгнавшю Отрока во обезы, за Железная Врата... Тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, приемшю землю их всю“.⁴

Почему же К. В. Кудряшов, которому все летописные данные о походах русских на Дон известны, в своих исследованиях, посвященных походам, приходит к неправильным выводам? Повидимому, найдя в нескольких экземплярах печатного издания 1792 года „Книги Большому чертежу“ указание на то, что в Донец между Изюмом и Изюмцем впадала речка Сальница, он решил, что существование этой речки неоспоримо и что она и есть летописная Сальница. Но в летописях Сальница связана с Доном и с городами Шаркунь, Сугров, Балин и другими, расположенными у Дона. Чтобы ликвидировать это противоречие, надо поставить под сомнение какой-то из противоположных источников, и К. В. Кудряшов, не решаясь посягнуть на достоверность одного сомнительного источника XVIII века, посягает на достоверность согласных указаний различных русских летописей, называя Дон Донцом и относя города Шаркунь, Сугров и Балин к среднему течению Донца. Далее он вынужден в связи с этим построением доказывать, что Игорь

¹ История культуры древней Руси, т. I, стр. 336—337.

² ПСРА, т. XXV, стр. 31.

³ М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 283.

⁴ Повесть временных лет, т. II, стр. 451.

совершил не глубокий конный рейд на Дон, а что в составе его войск были пешие воины (как-де у Мономаха в 1111 году), и это будто бы связывало быстроту движения и помешало Игорю достичь Дона.

Эти выводы у К. В. Кудряшова опираются на единственное место летописи, причем такое, которое допускает различное его толкование. То, что князья „соседоша с коней“ решили в пешем строю биться вместе с „черными людьми“, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что при сложившейся тяжелой обстановке они сознательно лишили себя возможности „утеч“ „в мале дружине“, как подчас делали князья, а отнюдь не о том, что „черные люди“ были пешими.

Вопрос о том, как биться—в конном или пешем строю, помимо всего определяется и условиями боя. В конном строю легче преследовать бежавшего противника и легче бежать с поля боя, но с боем пробиваться в пешем сомкнутом строю удобнее, так как обе руки свободны и ликвидируется сумятица конных масс. Это верно во всех случаях и тем более в применении к русскому войску, которое издавна славилось особой стойкостью в пешем строю. У русских было даже традицией принимать решительный бой пешими, несмотря на наличие коней. Так, например, в 1096 году дед северских князей Олег потерпел поражение от Мстислава Владимировича именно в такой битве: „Мстислав же перешед пожар с новгородци, и сседоша с коней новгородци, и ступишася на Кулачьце, и бысть брань крепка, и нача одалати Мстислав“.¹ Под 1216 годом летопись сообщает, что когда перед Липецкой битвой князь Мстислав сказал новгородцам и смольянам: „«а к боеви поидете, кто како хошет, ли пешь, ли на коних», то новгородци ответили: «Мы на коних не хошем, но яко же отци наши билися на Колакши пеши...». И сседоша с конь и порты и сапогы сметаша...“.² Желание войска биться в пешем строю, „соседоша с коней“, свидетельствует о решимости стать насмерть. То, что полководцы, отдав команду ссесть с коней, и сами покидают коней, крепит моральную стойкость войска. Нам думается, что смысл поведения северских князей именно в этом.

Наконец, когда Игорь обсуждает план отступления, он ни словом не обмолвливается о пешцах, говоря: „Ныне же поедемы черес ночь; а кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшии коньници переберуться, а самими как ны бог дасть“.

О конном составе войск говорят и другие данные. Так, из летописи неопровержимо явствует, что полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича, сводный полк стрельцов и полк ковуев, преследовавшие половцев, были конными, как и половецкие войска (половцы „поскочиша“, а русские „поткоша по них“).

Следовательно, пеших воинов можно искать только в оставшихся полках Игоря и Всеволода, но по смыслу заявления Святослава Ольговича — „Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати“³ — выходит, что и у Игоря и Всеволода было конное войско, если полки, „гонившие на половцах“ на уставших конях, могли отстать от полков Игоря и Всеволода: если бы у дядей было пешее войско, у Святослава такое опасение не появилось бы. Если к этому добавить еще и другие показания летописи и „Слова“, характеризующие полки Игоря

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 170.

² ПСРЛ, т. XXV, стр. 113.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 167.

и Всеволода как полки конные, то выходит, что все участники похода были конными — от князей до „черных людей“.¹

Утверждение о наличии пеших воинов позволяет К. В. Кудряшову сократить суточный переход Игоревых войск и доказать невозможность похода на Дон. Мы совершенно согласны с Б. А. Рыбаковым, когда он пишет в своей рецензии на книгу К. В. Кудряшова „Половецкая степь“: „Во многих разделах своей работы К. Кудряшов принимает за исходную величину дневной переход русских войск, произвольно определяемый им в 25 км (см. стр. 92, 117, 144). Даже там, где автор указывает исключения, он старается преуменьшить величину русского «днища». Между тем средняя цифра в 50 км для русских войск подтверждается источниками“.² Далее рецензент на богатом историческом материале показывает, что русские в различных походах покрывали по 50, 68, 70 и более верст в сутки. Опираясь на свои утверждения о размере дневного перехода, Б. А. Рыбаков должен был бы или отвергнуть вариант К. В. Кудряшова о месте битвы в районе Изюма, или, признавая этот вариант правильным, отвергнуть летописные утверждения о величине суточного перехода русских войск. У Б. А. Рыбакова же в одной статье уживаются, к сожалению, исключаящие друг друга положения.

К. В. Кудряшов, пытаюсь как-то согласовать указанное им место битвы в районе Изюма с показаниями летописи и „Слова“, указывающих место битвы где-то неподалеку от моря, приписывает летописцу, что он не различал море и озеро, полагая, что слова „а прочии в море истопоша“ означают „утонули в озере“ (по Кудряшову — в одном из Пригорских соляных озер). Он не желает замечать того, что понятия „озеро“ и „море“ в летописи различаются и употребляются каждое само по себе, например, в одном случае, „быху бо ся идуще вкруг при езере“, а в другом — „а прочии в море истопоша“.³ Он не хочет замечать и того, что в „Слове“ „морю“ сопутствует эпитет „синее“, а этот эпитет всегда русскими прилагался к настоящему морю, а отнюдь не к соляным озерам. Кроме того, в „Слове“ говорится о море, на берегах которого проживали еще готы („се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю“), т. е. Кудряшов не хочет замечать того, что речь идет о Черном море или сопредельном ему Азовском море.

* * *

Теперь на основании приведенных выше положений позволяем себе высказать несколько соображений, непосредственно относящихся к маршруту похода.

Возможно, что и в 1185 году Игорь решил воспользоваться недавними поражениями половцев и захватить их врасплох. Из Ипатьевской летописи известно, что Игорь „поеха из Новагорода месяца априля в 23 день во вторник“; Лаврентьевская же летопись говорит: „сняшася у Переяславля“.⁴ Принять последнее известие в буквальном смысле нельзя, поэтому мы, в согласии с К. В. Кудряшовым, понимаем это

¹ Многочисленные примеры того, что и „Слово о полку Игореве“ и летописные записи о походе Игоря имеют в виду только конное войско, приведены в кн.: В. Г. Федоров, Военные вопросы „Слова о полку Игореве“. М., 1951, стр. 45—46.

² Советская книга, 1949, № 11, стр. 34.

³ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 168, 169.

⁴ Там же, стр. 165, 173.

как „у Переяславского княжества“, на рубеже которого находился северский город Путивль.

В „Слове“ сказано: „Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ, трубы трубають въ Новѣградѣ, — стоять стязи въ Путивлѣ“. Отсюда делаем вывод, что центр стягивания войск был в Путивле, так как на это указывает нахождение в нем стягов, что трубы возвещают выход самого Игоря к Путивлю и что передовые отряды (сторожа) уже были за Сулою.

Полагаем, что для похода Игорь избрал кратчайший путь к месту слияния Донца с Осколом, во-первых, потому, что в походе, а тем более в дальнем, выгоднее идти кратчайшим путем, и, во-вторых, потому, что ему не было никакого смысла кружить у границ своего княжества.

Таким прямым путем мог быть путь от Путивля через Псел у современного города Сумы, через Ворсклу у Грайворона, через реку Уды к Кагальскому перевозу на Донце выше Чугуева и отсюда к Купянску на Осколе. Другой прямой путь мог проходить от Путивля через верховье Сулы, через Псел между Сумами и Лебедином, через Ворсклу между Тростянцом и Ахтыркой, через верховье Мерла у Краснокутска, затем минуя верховье Коломака, Орчика, Орели и Орельки справа и Мжи слева по-над Донцом к Савинскому перевозу¹ и затем к Осколу (выше от устья километров 30 по берегу). Хотя оба пути к Осколу почти равнозначны по расстоянию (325—370 км) и по удобствам передвижения, мы отдаем все же предпочтение второму, так как в „Слове“ есть намек на то, что сторожа переходили Сулу („комони ржуть за Сулою“), а кроме того, этот путь, видимо, был обычным для северских князей при походах на половцев (так, например, в 1183 году Игорь дважды ходил этим путем на Хирию и за Мерл).

Зная начало похода (23 апреля, вторник) и день, когда Игорь видел затмение на берегу Донца (1 мая), мы можем, имея в виду указанный нами маршрут, определить время, затраченное на переход от Новгорода до перевоза на Донце, расстояние и величину суточного перехода. Простой расчет показывает, что за 9 дней Игоревы войска покрыли 410 км, проходя в среднем по 45.5 км в день. Скорость не велика, однако летопись дает этому объяснение, говоря, что князя „идяхуть тихо, собираюче дружину свою, бяхуть бо и у них кони тучни велми“.²

Далее, независимо от того, на Кагальском или на Савинском перевозе переправились войска через Донец, они к утру четверга (2 мая) уже должны были быть у Оскола, так как от Кагальского перевоза до Купянска 50 км, а от Савинского до Оскола около 40 км. Здесь Игорь два дня, четверг и пятницу (2—3 мая), ждал Всеволода.

После встречи соединенные силы несомненно переправились через Оскол на его левую сторону в субботу 4 мая. В летописи говорится: „И оттуда поидоша к Салнице. Ту же к нимь и сторожеви приехаша, их же бяхуть послале языка ловить. И рекоша приехавше: «видихомся с ратными, ратници ваши со доспехом ездят; да или поедете борзо, или възворотимся домовъ, яко не наше есть веремя““. На это Игорь отвечает: „оже ны будеть не бившися възворотитися, то сором ны будеть пущей смерти. Но како ны бог дасть“. И тако угадавше, и ехаша черес ночь“.³ В этом отрывке несколько неясностей. Очень неопреде-

¹ См. карту № 3. Савинский перевоз отмечен в „Книге Большому чертежу“ (стр. 72, 74).

² А. С. Орлов, ук. соч., стр. 165.

³ Там же, стр. 166.

ленно указание „и оттуда пойдоша к Салнице“. Так можно сказать, имея в виду и ближайшую реку и конечный пункт похода, поскольку не указано ни расстояние до реки, ни время перехода к ней. „Ту же к ним и сторожеве приехаша“ — тоже неопределенно: то ли они приехали в момент отправки войск в поход к Сальнице, то ли тогда, когда войска достигли этой реки, то ли на пути к ней. В связи с этим не ясно и откуда „ехаша черес ночь“ — отправлялись ли они от Оскола или от Сальницы или от какого-то пункта на пути к ней.

Допустим, что „и оттуда пойдоша к Салнице“ означает не завершённое действие, а только его начало. Тогда выходит, что и остальные приведенные выше показания летописи подразумевают то же. В этом случае получается, что первая битва произошла на расстоянии однодневного пути („ехаша черес ночь“), т. е. в 50—60 км от места встречи братьев, что маловероятно, какой бы мы пункт встречи на Осколе не избрали. Далее получается, что битва произошла в 260 км от Дона (если иметь в виду юго-восточное направление), в то время как весь контекст „Слова“ говорит о том, что она произошла недалеко от Дона.

Но есть еще один решающий аргумент. И в „Слове“ и в летописи говорится, что первая битва состоялась в пятницу; если же предположить, что русичи „ехаша черес ночь“ от Оскола, то бой должен был бы произойти не в пятницу 10 или 17 мая, а в ближайшую субботу или воскресенье, ибо в среду 1 мая Игорь видел у Донца затмение, четверг и пятницу (2 и 3 мая) ждал брата, а в субботу, видимо, двинулся от Оскола.

Значит, указание летописи „и оттуда пойдоша к Салнице“ говорит о том, что, отправившись от Оскола в субботу 4 мая, Игорь спустя минимум 6 дней, т. е. в пятницу 10 мая, достиг реки, носившей название „Суюрлий“. Далее, район битвы должен отвечать следующим требованиям, вытекающим из „Слова“ и летописных данных: он должен находиться близко от Дона; это место должно быть не так далеко от моря; надо, чтобы тут же неподалеку от Дона была какая-то река, которую можно принять за Каялу, и чтобы недалеко от этой реки было озеро; надо, чтобы это место находилось на небольшом расстоянии от Донца.

Указанным требованиям отвечает район хутора Костырычного Константиновского района Ростовской области. От моря он находится на расстоянии 130 км (это, конечно, не у самого моря, но намного ближе, чем район Изюма). Если за центр второй битвы принять одно из озер, находящихся в этом районе, — скажем, озеро Песчаное, — то от него до Дона 10 км, до Донца 20 км, до устья реки Быстрой 40 км, а в 3 км от озера протекает река Кагальник.

Если принять этот вариант, то выходит, что Игорь (двинувшись от Оскола и проходя в день по 50 км) мог встретить Суюрлий на расстоянии 300 км от Оскола. На таком расстоянии находится река Быстрая, которую и можно принять за Суюрлий. Для такого отождествления можно найти основание в самом названии реки. По-тюркски „быстрая“ или „резвая“ значит „юрюк“ (см., например, в „Книге Большому чертежу“ — „а сверху реки Яика пала в Яик река Семар, по-нашему Резвая¹), а „су“ означает и „вода“ и „река“; таким образом, эта река половцами могла называться „Суюрюк“ (Zuürük), т. е. „Быстрая река“ или „Резвая река“. Трасса пути к этой реке могла пере-

¹ Книга Большому чертежу, стр. 92.

секать (если место встречи братьев было у Купянска) верховья рек Красной и Айдара, а потом по междуречью притоков Донца и реки Белой Калитвы спуститься к реке Быстрой.

Если же предполагать, что место встречи братьев находилось на Осколе против Савинского перевоза, то трасса пути могла пролегать параллельно течению Донца, пересекая низовья его притоков.

В течение пятницы полки Игоря и Всеволода, идя за полками, погнавшимися за половцами, могли пройти от Быстрой расстояние в 50 км до станицы Николаевской или в 40 км до хутора Костырычного, где могли быть половецкие вежи, и здесь остановиться, в то время как передовые полки могли продолжать, еще преследование половцев вдоль Дона (на восток). Можно допустить, что русские, окруженные противником в этом месте, начали бой в субботу и в пешем строю стали пробиваться на запад к Донцу, но, дойдя до расположенных у Кагальника озер, у одного из них потерпели полное поражение.

Этот вариант мы считаем наиболее вероятным, поскольку он согласуется со всеми источниками, но не отвергаем и той возможности, что битвы происходили за Доном. Однако в последнем случае, опираясь на Ипатьевскую летопись („оттуда поидоша к Салнице“) и Устюженский летописный свод („и поиде Игорь... за Дон з двема сыньми и братаничи“), приходится ставить под сомнение указание Лаврентьевской летописи о том, что князья только похвалялись пойти за Дон. Если все же это сделать, то тогда под Сальницей надо безусловно разуметь Сал.

Однако тут мы встречаемся с интересным обстоятельством: согласно „Книге Большому чертежу“, в Дон с ногайской стороны впадал не один Сал, а три, именно Черный Сал, Сасык-Сал и Юрик-Сал. Предполагать ошибку нет оснований, так как каждой из рек дана характеристика (протяжение, расстояние устьев друг от друга).¹ Приходится прийти к выводу, что эти реки действительно существовали, и в этом нет ничего невероятного, так как в степных местах, как это доказано наукой, реки кочуют. Возможно, что эти реки затем слились в одну, а их истоки остались на положении притоков.

В „Книге Большому чертежу“ сказано, что Черный Сал пал в Дон в 40 верстах от реки Аксай.² На этом расстоянии действительно есть устье какой-то реки, которое простирается на юг от Дона на расстояние около 20 км; причем это устье (называемое протокой Баклановской) смыкается с балкой Карагичев Лог, которая в свою очередь смыкается с балкой Ерик, уходящей на юго-восток и упирающейся в Сал. Возможно, что древний Черный Сал — это и есть нынешний Кара-Сал, или Джурак-Сал, и часть нынешнего Сала, который впадал по теперешним балкам в Дон.

В „Книге Большому чертежу“ сказано, что на расстоянии 90 верст от Черного Сала находилось устье Сасык-Сала. На этом расстоянии теперь находится устье протоки Старый Дон. Возможно, что Сасык-Сал — это нынешний Гашук и часть современного Сала от селения Веселого до хутора Капылков, где с Салом смыкается система балок, которая в свою очередь смыкается с протокой Старый Дон.

¹ Книга Большому чертежу, стр. 86.

² В „Книге Большому чертежу“ ошибочно сказано, что Черный Сал впадает в Дон в 40 верстах ниже реки Тальника (Кагальника). Надо было сказать „ниже реки Аксай“, так как предыдущее перечисление рек на ногайской стороне доведено только до Аксая, Тальник же является конечным пунктом перечисления по крымской стороне.

В „Книге Большому чертежу“ далее сказано, что от Сасык-Сала до Юрик-Сала 40 верст; на этом расстоянии находится устье глухой донской протоки, которая простирается на юго-восток более 20 км. Допустимо, что река Юрик-Сал брала свое начало от устьев реки Куберле, текла по руслу нынешнего Сала до совхоза № 36 и затем, поворачивая на северо-запад, смыкалась с современной протокой Дона.¹

Таким образом, можно допустить, что русские войска, переправившись где-то в районе впадения в Дон Сасык-Сала и пройдя от него 36 км в течение ночи, очутились на берегу Юрик-Сала (примерно в районе хутора Вислого), который и можно отождествить с Суюрлием, поскольку он мог называться и „Салюрюк“ (Salürük)—с постановкой прилагательного на второе место. Название „Салюрюк“ могло русскими быть искажено в „Суюрлий“. От устья Оскола до Юрик-Сала 390 км; значит, для того чтобы перекрыть это расстояние, Игоревы полки должны были совершать по 65 км в день, что для конного войска вполне возможно.

Перейдя Юрик-Сал, полки Игоря и Всеволода могли в течение пятицы пройти 40 км вслед за передовыми полками, преследующими бежавших половцев, и остановиться в районе, скажем, хутора Карповка, где, можно предположить, находились полководце вежи. С утра в субботу, пробиваясь к устью Донца, русские могли в воскресенье оказаться против озера Хомутец или у самого Хомутца, где они и „полегоша за землю русскую“.

Если за центр битвы принять озеро Хомутец, то Дон от этого пункта будет в 6 км, устье Донца—в 15 км, а море—в 110 км. В непосредственной близости от озера находится нынешняя протока Суссат, которая могла вместе с Подпольной, соединяющей ее с Манычем, быть основным устьем реки Маныча, поскольку в „Книге Большому чертежу“ устье ее указано именно в этом месте („а ниже реки Юрик-Сала 30 верст пала в Дон против Раздоров донецких река Маныча“).² Маныч и мог быть „Каялой“.³

Нам не кажется особенно странным даже отождествление с Каялой реки Кагальник, впадающей восточнее Дона в Азовское море. Во всяком случае, для этого больше оснований, чем для того, чтобы отождествлять с ней речку Макастиху в районе Изюма. За исключением отдаленности от Донца все прочие данные удивительно совпадают с показаниями летописи и „Слова“. Так, например, если за центр битвы принять озеро Лебязь, то Дон будет находиться в 6 км, река Кагальник (Каяла)—в 10 км, а море—в 20 км. Конечно, в этом случае надо допускать, что Игорь двигался от Оскола довольно быстро, проходя в день по 70 км, в чем ничего нет невероятного, если иметь в виду указания летописей о скорости движения русских войск и указания „Книги Большому чертежу“, в которой говорится: „а от Царева города (в устье Оскола, —В. Г.) до Перекопи скорою ездою ехати 5 дней, а с телегами ехати недели две“.⁴ От устья Оскола до Перекопа Муравским шляхом 600 км; но если даже взять путь по прямой, то и тогда, чтобы его достичь за 5 дней, надо делать в день по 90 км.

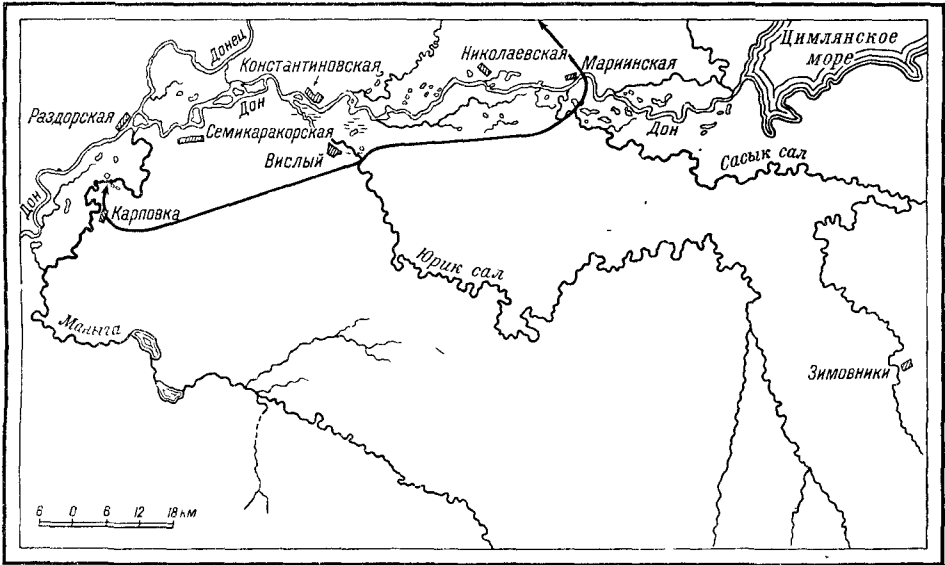
¹ См. четырехкилометровую карту Ростовской области, изданную Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР в 1947 году, или шестикилометровую карту Ростовской области, изданную этим же управлением в 1952 году.

² Книга Большому чертежу, стр. 86.

³ О реке Маныч см. в кн.: А. Ф. Самохин. Дон и его притоки. Ростиздат, 1948, стр. 59—68.

⁴ Книга Большому чертежу, стр. 67.

В заключение хотелось бы сказать о том, что, быть может, не так не правы те, которые видят в слове „Каяла“ не собственное имя, а имя нарицательное.¹ По-турецки „Kayalı“ („Каялы“) — „скалистая“, „каменистая“, „твердокаменная“, что очень правдоподобно объясняет содержание понятия, вложенного в „Каялу“ „Слова о полку Игореве“, но возможно и то, что основанием для названия этой реки послужило понятие, отражающее событие, разыгравшееся на ней. По-турецки „Kiyaklik“ („Кыяклык“) — „безжалостность“, „жестокость“, отсюда „Kiyal“, „Kiyali“ („Кыял“, „Кыялы“) — „преступная, жестокая“.²

Карта № 1.

Таким образом, под Каялой можно иметь в виду реку с действительно существовавшим названием „Скалистая“, но можно видеть и реку, которую из-за трагического исхода Игоревой битвы русские могли назвать „жестокой“, „преступной“, выразив это название, в связи с тем что эта река половецкая, на половецком языке.

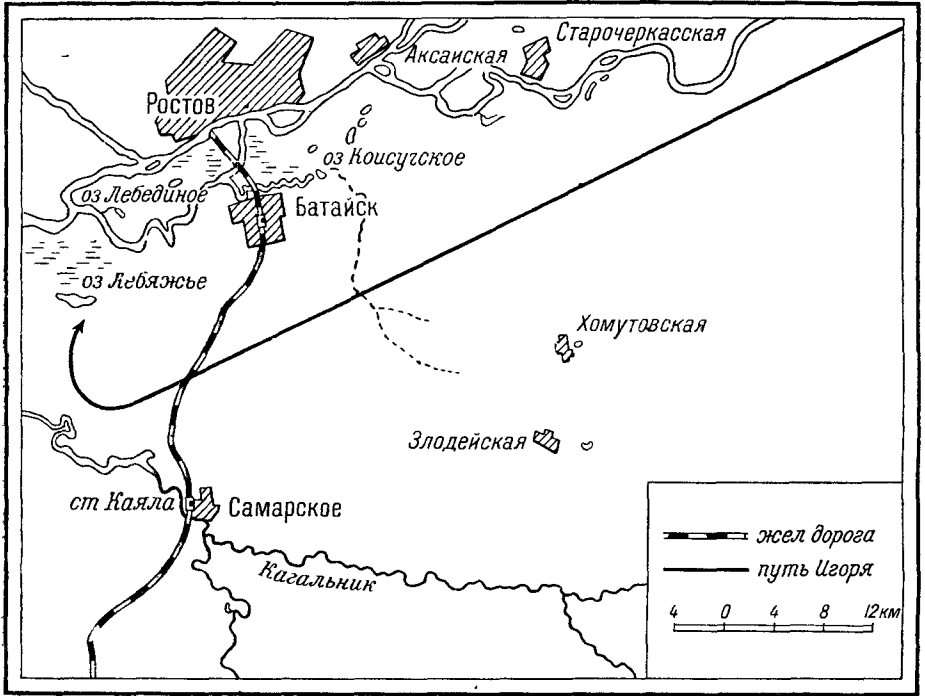
В этом случае фраза „С тоя же Каялы Святополк повелея отца своего“ приобрела бы тот смысл, что на подобной же „жестокой“ реке погибли великий князь Изяслав и молодой и храбрый Борис, которого сюда „слава на суд приведе“, как и Игоря на „безжалостную“ половецкую реку.

Однако, если автор „Слова“ реку, на которой разыгралась кровавая трагедия Игоревых войска, действительно назвал „жестокой“, „преступной“, то он, будучи последовательным, должен был бы назвать

¹ Последним по времени исследованием этого направления является статья Л. А. Дмитриева „Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве»“ (Труды ОДРЛ, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, т. IX, стр. 30—38).

² Русские могли „Каялы“ произносить как „Каяла“, так как мена одной гласной на другую свойственна и славянским и тюркским языкам (см.: С. Е. Малов. Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве“. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946), тем более она обычна в отношении слов иностранного происхождения.

реку, на которой Игорь одержал победу, в каком-то противоположном значении. На основе турецкого языка можно образовать слова, весьма близкие по звучанию к слову „Суюрлий“. Приведем два таких образования. По-турецки „ugurlu“ („угурлу“) — „счастливая“, „предвещающая счастье“, вместе с „Су“ — „Suugurlu“ („Суугурлу“), т. е. „счастливая река“, „река, предвещающая счастье“. Далее, по-турецки „erlik“ („ерлик“) — „мужество“, „храбрость“, „отважность“, отсюда „Suerlik“,

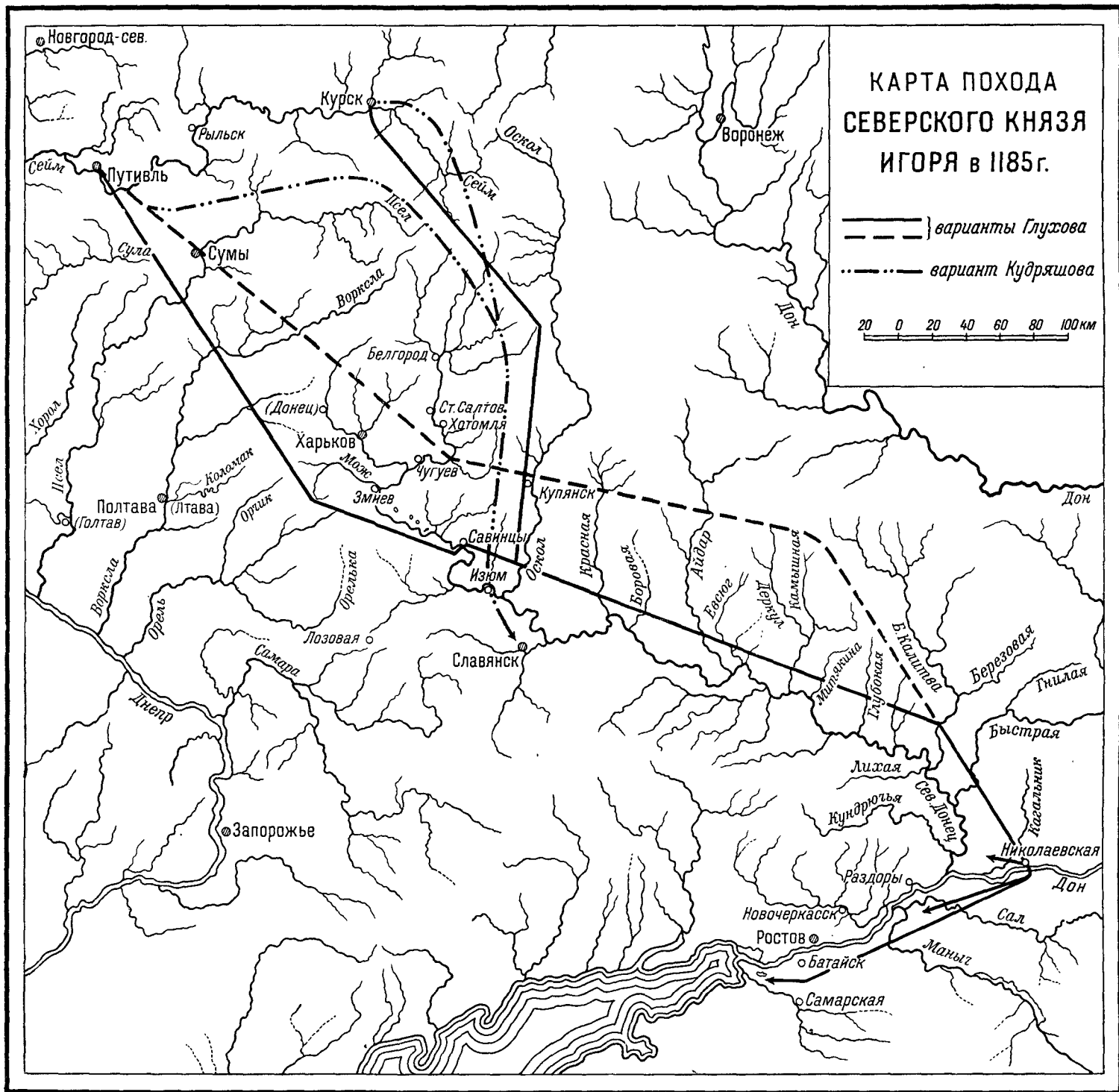

Карта № 2.

„Suerli“ („суерлик“, „суерли“) — „река мужества“, „мужественная река“.

Ничего нет невероятного в том, что одно из этих значений („счастливая“, „отважная“) легло в основу названия реки, на которой русичи, отважно сражаясь, счастливо окончили битву.

Итак, в своих заметках мы стремились в меру своих сил доказать, что Игорь во исполнение своих целей не только направился к Дону, но достиг его, что же касается определения конкретных маршрутов похода и мест сражений, то здесь мы наметили только общие пути исследования этого вопроса, опираясь на известные уже варианты, стремясь доказать, что любой из донских вариантов более правдоподобен и более согласуется с источниками, чем любой из донецких вариантов.

Карта № 3.

М. В. ЩЕПКИНА

К вопросу о сгоревшей рукописи „Слова о полку Игореве“

Настоящая работа имеет целью дополнить наши сведения о сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина, в которой находился текст „Слова о полку Игореве“. Мы будем исходить из общих палеографических наблюдений над древнерусскими рукописями, применяя эти наблюдения к тем данным, которые можно извлечь из двух дошедших до нас списков поэмы. Самые списки эти можно рассматривать как два разных приема транскрипции подлинного текста. Первая транскрипция сделана до 1796 года и в основном принадлежала самому владельцу рукописи А. И. Мусину-Пушкину, который, „через старания свои и прозбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет... перевод до желанной ясности“, как сказано в предисловии к первому изданию „Слова“.¹ Конечно, слова эти должно относить не только к переводу, но и к работе по прочтению самого текста рукописи.

Второй список поэмы представлен первым изданием 1800 года. В основу его положено чтение, принятое Мусиным-Пушкиным, однако самый принцип передачи текста, как мы увидим, в нем иной.

Если Мусиным-Пушкиным руководило желание дать удобопонятный текст, то Малиновский и Бантыш-Каменский стремились возможно точнее передать самый памятник, не пропустить и не исказить чего-либо, имевшегося в древней рукописи.

По первому изданию мы имеем возможность путем простейшего статистического расчета установить приблизительное количество листов, которое занимал в сборнике Мусина-Пушкина текст поэмы. А Екатерининская копия не только подтверждает и уточняет результаты этого расчета, но позволяет установить и построчное деление текста „Слова о полку Игореве“.

Показания современников, очевидцев, а также палеографические наблюдения позднейших русских ученых знакомят нас с характером почерка в погибшем оригинале поэмы. А особенности орфографии дошедших до нас списков дают нам указание на правописание текста.

Установить, хотя бы приблизительно, внешний вид памятника, его размеры, почерк и правописание необходимо потому, что это дает обоснование целому ряду предположений относительно неясных мест текста.

¹ Слово о полку Игореве. СПб., 1800, Предисловие, стр. VII—VIII.

Итак, обратимся к самому памятнику.

Первое издание хорошо известно и уже не раз переиздавалось факсимиле.¹ Оно состоит из предисловия „Историческое содержание песни“, принадлежащего А. Ф. Малиновскому (стр. 3—8), и текста самой поэмы с переводом и примечаниями (лл. 1—46). Текст и перевод идут параллельно двумя колоннами. Примечания даны внизу под чертой во всю ширину страницы. На одних страницах они совсем отсутствуют (стр. 13 и 39), и тогда столбцы текста и перевода содержат по 25 строк каждый. На других страницах размер текста и перевода изменяется в зависимости от количества и размера примечаний. Так, на стр. 2 эти два столбца имеют всего по 3 строки, на стр. 14—по 6 строк. Текст поэмы в первом издании содержит 787 кратких строк; если считать в среднем по 20 знаков в строке, то всего получаем 15 740 знаков. Разумеется, это приблизительный расчет, так как он исходит из среднего числа знаков в строке. Надо также принять во внимание, что в оригинале знаков было несколько меньше в результате подтитловых сокращений и выносов. Спрашивается, какого размера была листовая страница рукописи Мусина-Пушкина и сколько листов занимала в ней поэма.

В бумажных рукописях XV—XVI веков, писанных полууставом, страница листового формата бывает различной величины: она может содержать от 600 до 1200 знаков, в зависимости от величины бумажного листа и характера почерка. Говоря о листовом размере, мы имеем в виду так называемый „дестный“ лист, т. е. перегнутый пополам лист бумаги. Следовательно, мы не будем касаться рукописей, которые писаны в раскрытый лист, вроде Макарьевских Четых-миной или Лицевого свода Грозного, так как их размеры исключительны. Мы не будем также приводить рукописи, писанные в два столбца, так как, судя по всему, что известно о рукописи „Слова о полку Игореве“, можно предполагать, что она имела сплошную страницу.²

Приведем несколько примеров из листовых бумажных рукописей, писанных полууставом XV и начала XVI века, из собрания Гос. Исторического музея. Подсчет и здесь мы будем вести по среднему числу знаков в строке.

Муз. 4048, в лист, Псалтырь, первой половины XVI в., 202 лл., русский наклонный округлый полуустав с югославянскими особенностями правописания и графики; содержит 25 строк на странице, от 24 до 30 знаков в строке, т. е. от 600 до 750 знаков на странице.³

Уваров. № 86, в лист, Октоих, 1539 г., 298 лл., писан в Новгороде русским полууставом; содержит 26 строк на странице, от 29 до 35 знаков в строке, т. е. от 754 до 910 знаков на странице.

Синод. слав. № 280, в лист, Еллинский летописец и IV Новгородская летопись, 729 лл., конец XV—начало XVI в., некрасивый русский полуустав; содержит 31 строку на странице, от 30 до 35 знаков в строке, т. е. от 930 до 1085 знаков на странице.

¹ Факсимильное воспроизведение первого издания см. в следующих книгах: Первое издание „Слова о полку Игореве“. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1904; Слово о полку Игореве. Изд. М. и С. Сабашниковых под ред. акад. М. Н. Сперанского, М., 1921; Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950; Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, М.—Л., 1953 (в уменьшенном виде).

² Впрочем, опыт показывает, что количество знаков скорее зависит от величины букв, чем от размещения в один или два столбца на странице.

³ Рукопись принадлежала проф. Н. М. Каринскому.

Епарх. № 729, в лист, Минея-четья, месяц июль, 327 лл., первой половины XVI в., русский полуустав; содержит 30 строк на странице, по 40 знаков в строке, т. е. 1200 знаков на странице (размеры рукописи 33×23 см).

Мы не будем брать ни самый малый формат, ни самый большой, а возьмем средние цифры и предположим, что страница рукописи Мусина-Пушкина имела 800, 900 или 1000 знаков.

Если мы для сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина примем страницу в 800 или 850 знаков, то, судя по общему количеству знаков в первом издании, надо считать, что текст поэмы должен был занимать 10 листов, или 20 или 19 страниц, из которых последняя была неполная (15740, деленное на 800, дает $19\frac{27}{40}$; 15740, деленное на 850, дает $18\frac{44}{85}$; если несколько округлить полученные цифры, мы будем иметь в первом случае 19,5, во втором 18,5 страниц).

Если предположить страницу в 900 или в 950 знаков, то текст должен был занимать 18 или 17 страниц, или 9 неполных листов (15740, деленное на 900, дает $17\frac{22}{45}$; 15740, деленное на 950, дает $16\frac{54}{95}$).

И наконец, если принимать страницу в 1000 знаков, то текст должен был занимать 16 страниц, или 8 листов, причем последняя страница была неполная (15740, деленное на 1000, дает 15,74).

Итак, исходя из того, что рукопись Мусина-Пушкина была листового формата, мы можем предположить, что поэма, в зависимости от размера листа и почерка, занимала в сборнике от 8 до 10 неполных листов текста, или, при постраничном подсчете, от 16 до 18 страниц.

Обратимся теперь к Екатерининской копии и посмотрим, может ли этот список что-либо добавить к нашим соображениям. Екатерининская копия находится в собрании бумаг Екатерины II, в фолианте № 7, где на лл. 27—35 помещены текст и примечания, а на лл. 142—150 — содержание поэмы.

Копия эта издана: 1) П. П. Пекарским в 1864 году; 2) П. К. Симиони в книге „Древности“, Труды Археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890, с 3 фототипиями; 3) в книге „Слово о полку Игореве“, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, лл. 35—49; 4) Водовозовым в книге „Слово о полку Игореве“, Гослитиздат, М., 1954 — факсимиле.

Мы будем пока ссылаться на издание Симиони. Оно больше других дает представление о самой рукописи Екатерининской копии, так как передает ее построчно и постранично: всего 495 строк, или 17 страниц, причем на последней только 5 строк.

Это число — 17 неполных страниц — совпадает с одним из вариантов нашего расчета по первому изданию, именно со вторым вариантом, когда мы предположили, что страница подлинника заключала около 950 знаков, а весь текст поэмы занимал 17 страниц, или 9 неполных листов.

Однако описание Симиони требует уточнения. Он говорит, что на страницу Екатерининской копии приходится 30 строк; но, как показывает разметка страниц в издании Симиони, число строк в странице не одинаково, оно колеблется от 29 до 34. Правда, на развороте двух смежных страниц писец Екатерининской копии стремится дать одинаковое количество строк, но для разных разворотов числа эти различные — то 30, то 29, то 31, то 33:

Лист 27	— 26 строк плюс 3 строки заглавия
Лист 27 об.	— 30 строк
Лист 28	— 30 "
Лист 28 об.	— 30 "
Лист 29	— 29 "
Лист 29 об.	— 29 "
Лист 30	— 29 "
Лист 30 об.	— 31 строка
Лист 31	— 30 строк

Лист 31 об.	— 31 строка
Лист 32	— 30 строк
Лист 32 об.	— 33 строки
Лист 33	— 31 строка
Лист 33 об.	— 33 строки
Лист 34	— 34 "
Лист 34 об.	— 33 "
Лист 35	— 5 строк

Следовательно, страницы подлинной рукописи переданы в Екатерининской копии не совсем точно. Надо думать, что в оригинале они действительно имели по 30 строк. На это как будто указывают начальные страницы копии, где писец держится в границах 29, 30, 30 и еще раз 30 строк. О том же говорит и простейший арифметический расчет: 495 строк копии, деленные на 29, дают 16 страниц и в остатке 31 строку, т. е. еще одну страницу с лишним; тогда как 495, деленные на 30, дают 16,5, т. е. 17 страниц, из которых последняя неполная. Чем же объяснить неравномерность в числе строк на странице в Екатерининской копии?

Нам известно, что в древнерусских рукописях страницы имеют одинаковое количество строк; это обусловлено прежде всего единообразной разлиновкой.¹ Симони отмечает отсутствие разлиновки в Екатерининской копии, но это обстоятельство вряд ли могло сбить со счета опытного переписчика. Скорее можно подумать, что писец, начав с 29 и 30 строк, решил затем уместить весь текст на 16 страницах и стал к концу давать страницы в 31, 32, 33 и даже 34 строки; однако он все-таки обсчитался и, не уместив весь текст на 16 страницах, должен был на последней, 17-й, странице написать оставшиеся 5 строк. Это, конечно, возможно. Но здесь может быть и другое объяснение: число 495, деленное на 30, дает 16 страниц и еще 15 строк, т. е. полстраницы. Конечно, было бы красивее поместить на последней странице 15 строк текста вместо 5.

Предположим, однако, что писец Екатерининской копии правильно ставит подконец 5 строк на последней странице; предположим, что так действительно кончался текст поэмы в рукописи Мусина-Пушкина. Тогда где же стояли в оригинале те лишние 10 строк, которые писец разместил в копии постепенно, добавляя где по 2, где по 3 и даже по 4 строки. Остается думать, что они стояли в самом начале поэмы, т. е. что в рукописи текст начинался не сверху страницы, а в конце ее; что начало „Слова“ занимало на странице сборника последние 10 строк, сразу же после окончания летописного текста. Тогда мы должны представить себе такое деление текста „Слова“ в рукописи конца XV — начала XVI века: на первой странице — 10 строк,² затем 16 страниц по 30 строк и 17-я страница с 5 строками, т. е. всего 18 страниц, из которых первая и последняя неполные. Количество листов остается прежним — 9. Вполне понятно, что Мусин-Пушкин не хотел начинать текст в конце страницы; так можно поступать только в том случае, когда данному тексту что-либо предшествует, иначе этот прием покажется странным, а для „героической песни“ и недостаточно

¹ Мы не говорим об исключениях — о сборных рукописях, где наблюдаются листы и тетради, различно разлинованные и различных почерков.

² Как мы увидим позднее, здесь надо считать 11, а не 10 строк.

торжественным.¹ Помещать 10 строк в начале или в середине страницы тоже казалось неудобным. Возможно, что по указанию Мусина-Пушкина писец начинает поэму сверху страницы, а набежавшие лишние 10 строк разместил постепенно, прибавляя где 3, а где даже и 4 строки. Это позволило ему закончить поэму на последней странице, как и в оригинале, 5 строками.

Такое предположение вполне объясняет и неравномерность распределения строк на страницах Екатерининской копии и наличие на 17-й странице последних 5 строк, которые легко было уместить на 16 предшествующих страницах, добавив пять раз по одной строке.

По существу, для нас, конечно, неважно, как был распределен текст „Слова о полку Игореве“ на 9 листах сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина: были ли это 18 страниц, из которых на первой и на последней стояло всего по несколько строк, или 17 страниц, из которых последняя имела 15 строк. Для нас важно только, что текст в оригинале занимал 9 неполных страниц, при этом надо полагать, что страницы действительно содержали по 30 строк.

Итак, в большом листовом сборнике конца XV — начала XVI века текст поэмы занимал только 9 листов, или 18 страниц. Но для нас не так важна постраничная передача текста, как построчная. А она, повидимому, в Екатерининской копии сохранена, хотя и требует в одном месте некоторого уточнения. Всего в Екатерининской копии 495 строк. Однако, как известно, в ней пропущены, как непонятные, слова „свистъ зверинь въста зби“ — всего 21 знак.² Надо отметить, что строки Екатерининской копии неравномерны: в начале поэмы они короче, в конце длиннее; в первой половине списка они содержат от 22 до 29 знаков, во второй — от 27 до 37 знаков. Это объясняется, может быть, тем, что в начале каждой статьи древние писцы переписывают тщательнее и почерк и орфография больше следуют оригиналу, причем письмо может быть крупнее. Освоившись с начертаниями и правописанием, писец пишет уже быстрее, переходит к привычным для него приемам, и почерк становится более беглым и убористым.

Пропуск в Екатерининской копии относится, как уже сказано, к первой части списка; здесь строчки короче — от 22 до 29 знаков в каждой. Как же представить себе распределение текста по строкам в данном месте подлинной рукописи „Слова“?

В Екатерининской копии мы имеем следующее деление:

1. Ночь стонуши ему грозою, птичь
2. убуди [пропуск] дивь кличь врьху древа.

Как распределить эти строки, если вставить пропущенные слова „свистъ зверинь въста, зби“ (21 знак). Если они являются в строке продолжением слова „убуди“ (5 знаков), то слова „дивь кличь врьху древа“ (21 знак) следует считать особой третьей строкой. Тогда мы будем иметь строки следующего размера:

¹ В современном научном издании, которое сопровождается примечаниями и разночтениями, легко начать текст 10 строками на странице, но в Екатерининской копии примечания, как известно, стояли отдельно.

² Лист 28, 3-й по счету в Екатерининской копии. В загадочном слове „зби“ следует видеть, как мы покажем позднее, приписку на поле, отмечающую важность данного места: „зри“. Один из позднейших переписчиков включил ошибочно это слово в самый текст.

1. Строка в 22 знака: *Нощь стонуши ему грозою птицъ*
2. Строка в 26 знаков: *убуди. Свистъ зверинь вѣста, зби.¹*
3. Строка в 21 знак: *Дивъ кличь врѣху древа.*

Но слово „зби“ могло стоять в рукописи Мусина-Пушкина как в конце второй строки, так и в начале третьей. В последнем случае знаки распределялись в оригинале построчно таким образом:

1. Строка в 22 знака: *Нощь стонуши ему грозою, птицъ*
2. Строка в 23 знака: *убуди. Свистъ зверинь вѣста,*
3. Строка в 24 знака: *зби. Дивъ кличь врѣху древа.*

И та и другая схема одинаково возможны в этой части поэмы, так как дают сравнительно равномерное распределение знаков по строкам. Однако, повидимому, будет правильнее принимать первый вариант, так как он яснее показывает, как слово „зри“, написанное первоначально на поле, механически было включено одним из переписчиков в самый текст. Мы видим, что после вставки пропущенных слов текст Екатерининской копии увеличился на одну строку; следовательно, мы должны, повидимому, считать в оригинале „Слова о полку Игореве“ не 495 строк, как показывает Екатерининский список, а 496. Поэтому и предполагаемую начальную страницу текста надо полагать не в 10, а в 11 строк.

Для характеристики Екатерининской копии важно знать, с чего списывал писец² — с самого оригинала конца XV—начала XVI века, т. е. непосредственно с Мусин-Пушкинского сборника, или уже со списка, изготовленного под наблюдением и по указаниям А. И. Мусина-Пушкина. Всего вероятнее последнее, ибо если бы даже самый опытный писец XVIII века стал копировать рукопись XV—XVI века с таким необычным текстом, то, с одной стороны, он дал бы больше неверных чтений и неправильных делений на слова, а с другой стороны, опытный писец проще и правильнее раскрыл бы ряд сокращений и учел бы ряд выносных знаков, пропущенных Мусиным-Пушкиным.³

Однако, допустив, что писец списывал не прямо с подлинника, надо предположить, что и собственный список Мусина-Пушкина был сделан если не вполне лист в лист, то несомненно строка в строку с подлинной рукописью XV—XVI века и что он имел также 495 строк, с пропуском указанного неясного места „зби“, восстановленного затем в первом издании Малиновским. Возможно, что писцу Екатерининской копии было указано или дано в образец постраничное деление „Слова о полку Игореве“, но от него не требовалось точного соблюдения этих границ при списывании, поэтому они и сохранены лишь в основном. Что же касается построчного распределения текста, то тут, очевидно, Мусин-Пушкин определенно указал на необходимость точно следовать данному им оригиналу. В письме Екатерининской копии есть одна особенность, которая подтверждает это предположение. Как уже сказано, Екатерининская копия включает кроме текста и перевода еще так называемое „содержание“ поэмы, писанное тем же почерком, и затем „примечания“ более мелкого, убористого письма. Но и в содержании и в примечаниях соблюдается раз принятый размер букв и даются одинаковые между ними интервалы. Между тем, в письме са-

¹ Как уже указано, слово „зби“, повидимому, означает „зри“. Предположение это, высказанное впервые Н. С. Тихонравовым, принимали позднее В. Н. Щепкин и А. С. Орлов.

² Считают, что копия писана рукой постоянного писца бумаг Екатерины II (см. издание П. П. Симони: „Древности“, Труды Археолог. общ., т. XIII, вып. 2, М., 1890).

³ Ср., например, у Мусина-Пушкина: „пѣснѣ“ вместо „пѣснь“, „бы“ вместо „бысть“ и т. п.

мого текста поэмы ритмичность эта нарушается. К концу строк буквы делаются мельче, а письмо местами становится сжатым. Повидимому, писец старается уместить в строке определенное количество текста, причем по концам строк имеются иногда выносные буквы, чего мы не встречаем ни в начале, ни в середине строк.¹ Иногда писец сжимает только одно последнее слово, но если строка содержит мало знаков, то бывают случаи, когда он, наоборот, растягивает это последнее слово. По всей вероятности, писец был связан размерами строки своего оригинала и должен был уместить ее при списывании в свою строку, чем и можно объяснить неравномерность его письма.²

Мы имеем еще одно указание на то, что Екатерининская копия дает построчную копию оригинала „Слова о полку Игореве“, — это можно выяснить, если проследить, как кончаются в ней строчки. Как известно, в древнерусских и славянских рукописях строки должны оканчиваться на гласную или полугласную. Ни строка, ни перенос не должны заканчиваться согласной; когда это случается, то согласная должна выноситься над строкой.³

В Екатерининской копии строки в основном оканчиваются, как и полагается, на гласную или полугласную. Конечно, надо принять во внимание, что согласно правописанию конца XVIII века в ней проставлены всюду конечные „ъ“ и „ь“. Однако с переносами в Екатерининской копии дело обстоит иначе: мы имеем 18 случаев переносов, кончающихся на согласную, вопреки древнему правописанию. Соответствуют ли случаи такого написания подлиннику „Слова о полку Игореве“? Надо полагать, что нет. Некоторые указания в этом отношении дают нам разночтения первого издания и Екатерининской копии. Приводим сравнительную таблицу переносов в транскрипции Мусина-Пушкина по Екатерининскому списку и соответствующих им мест в транскрипции Малиновского по первому изданию.

Екатерининская копия

Стр. 35: поч|немъ
Стр. 38: полов|чине
Стр. 43: полов|ци
Стр. 38: оръ|тмами
Стр. 38: вол|комъ
Стр. 39: меж|дю
Стр. 41: рус|кыми
Стр. 46: рус|кихъ
Стр. 41: ис|суши
Стр. 44: из|далеча
Стр. 45: рас|хытисте
Стр. 47: разв|ья
Стр. 45: жем|чужну
Стр. 46: дот|чеся
Стр. 44: зем|лями
Стр. 45: ин|гварь
Стр. 45: помянув|ше
Стр. 48: кон|чакови
Стр. 49: пол|ки

Первое издание

Стр. 5: почнемъ
Стр. 11: половчине
Стр. 25: половици
Стр. 11: орътъмами
Стр. 11: в ѡкомъ
Стр. 16: между
Стр. 20: рускими
Стр. 36: рускихъ
Стр. 21: иссуши
Стр. 28: издалеча
Стр. 33: расхытисте
Стр. 39: развья
Стр. 34: жемчужну
Стр. 35: дотчеся
Стр. 30: землями
Стр. 32: ингварь
Стр. 37: помянувшие
Стр. 44: кончакови
Стр. 46: пльки

¹ Между тем в подлинной рукописи „Слова“, как это и обычно для полууставного письма XV—XVI веков, должны были иметься выносы не только по концам строк, но и повсеместно.

² См. факсимильное издание Екатерининской копии: Слово о полку Игореве. Под ред. проф. Водовозова. Гослитиздат, М., 1954.

³ Правило это указано еще В. Н. Щелкиным в работе „Рассуждение о языке Саввиной книги“ (М., 1898). То же отмечает для XVII века П. Я. Черных в книге „Язык Уложения 1649 года“ (М., 1953).

У Малиновского этих переносов не имеется, так как данные слова приходится не под конец строки. Но четыре из этих слов (выделены курсивом) привлекают наше внимание в первом издании своим особым правописанием — они имеют на месте переноса полугласную „ъ“, что вполне соответствует приемам письма древнерусских рукописей: часть слова, обрывавшаяся при переносе на согласную, получала в этом месте или вынос конечной согласной или полугласную: „орьтъмами“, „влькомъ“, „инъгварь“, „плъки».¹

Мусин-Пушкин очень считается с полугласными, когда они стоят в строке, особенно с буквой „ъ“: они могли для него означать конец слова и определяли деление на слова и фразы. Но в конце строки, притом в словах, которые были ему ясны, он оставляет только „ъ“ — оно для него означает мягкость согласной; а „ъ“, стоящий между согласными, он считает возможным отбросить как излишний знак. Поэтому мы находим у него такие написания при переносе:

Екатерининская копия

Стр. 35: косожь|скими
Стр. 37: ть|муророкань|скими
Стр. 39: оварь|ския
Стр. 43: василь|ковъ

Первое издание

Стр. 1: касожьскими
Стр. 9: тьмуророканьскими
Стр. 13: оварьския
Стр. 33: васильковъ

Понятные ему слова „плъки“, „вльки“ Мусин-Пушкин всегда передает в позднейшей русской форме: „полки“, „волки“. Так же поступает он и здесь с этими словами, встреченными с полугласной „ъ“ в переносе с одной строки на другую. Слово „инъгварь“ было ему известно из русских летописей, и он считал себя вправе выбросить излишний, по его мнению, знак „ъ“ между двумя согласными. Так же поступает он со словом „орьтъмами“, где вторая полугласная, придившаяся на переносе между двумя согласными, была сочтена излишней. Малиновский передает эти четыре случая переноса с полугласной, и его бережное отношение к орфографии памятника позволяет нам уследить конец строки оригинала. Но если в словах „инъгварь“, „орьтъмами“, „влькомъ“, „плъки“ при переносе стоял „ъ“, то в остальных случаях переноса мы вправе ожидать в подлинной рукописи „Слова“ выноса согласной, на которой обрывалась строка: по[ч]немь, поло[в]чине, ме[ж]дю, ру[с]кихъ и т. д. Однако выносов этих в Екатерининской копии не имеется; следовательно, надо полагать, что писец, соблюдая по указанию Мусина-Пушкина размер строк подлинной рукописи, не передает ни полугласных, ни выносных согласных в случаях переноса. Но если писец не соблюдает выносы, которые заведомо должны были стоять в оригинале (в рукописи), то вряд ли можно доверять другим его выносам в конце слов. Очевидно, они вызваны только желанием сократить строку, а не стремлением передать подлинник. Повидимому, сам Мусин-Пушкин не придавал им значения и, возможно, не обозначил в своем списке, с которого копировал писец; поэтому, может быть, местами выносы Екатерининской копии и соответствуют подлинной рукописи, но установить этого мы не можем. Только относительно слова „уримъ“ можно предполагать, что в нем действительно имелся вынос конечной согласной „м“. Именно благодаря этому выносу данное слово было неправильно понято как имя собственное мужского рода (одного из

¹ Согласно новому правописанию XV века, в предлогах, а также в середине слова пишется „ъ“, а не „ь“. См. об этом: В. Н. Щепкин. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 117.

воевод), тогда как здесь подразумевается название города „Рим“ или „Римов“ с предлогом „у“ вместо „въ“. Слово это следовало истолковать как „у Риме“ или „у Римове“. Итак, хотя мы и не можем положить на выносы самой Екатерининской копии, однако переданные в ней переносы слов дают нам возможность уследить 16 выносных согласных по концам строк, а в том, что это были действительные переносы подлинной рукописи, убеждают нас характерные разночтения первого издания.

Таким образом, если первое издание поэмы дает более исправный текст „Слова о полку Игореве“, то Екатерининская копия дает нам полное представление о размерах самого текста по рукописи Мусина-Пушкина: она представляет собой построчную копию с довольно точным делением на страницы. Сгоревшая рукопись „Слова о полку Игореве“ имела, по видимому, по 30 строк на странице, причем в первой части текста страницы содержали около 750 знаков, а во второй части, где строки были длиннее, около 950 знаков, т. е. сборник Мусина-Пушкина по размерам листа был близок к Уваровской рукописи, № 86, в лист, 1539 года (от 800 до 900 знаков на странице), а по объему сборник этот был не меньше рукописи Синодального собрания, № 280, которая заключает в себе Еллинский летописец и IV Новгородскую летопись — свыше 700 листов. В состав рукописи Мусина-Пушкина входили хронограф, летопись и ряд повестей. „Слово о полку Игореве“ занимало в нем 9 неполных листов, или 18 страниц, всего 496 строк. Возникает вопрос, почему Мусин-Пушкин счел необходимым дать для Екатерины II построчную копию „Слова о полку Игореве“? По видимому, он полагал, что со временем можно будет установить какой-нибудь стихотворный размер в данном тексте. Такая мысль могла появиться уже потому, что сам памятник называл себя „песнью“.

В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ

К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“

В своих статьях, посвященных „Слову о полку Игореве“, проф. Н. К. Гудзий¹ выступил энергичным защитником перестановки, предложенной акад. А. И. Соболевским² и поддержанной акад. В. Н. Перетцем.³ Текст от слов „Тогда Игорьъ възрѣ“ и до слов „а любо испити шеломомь Дону“ он считает необходимым поставить дальше, вслед за описанием курских воинов.

Вопрос о перестановке, вновь поднятый Н. К. Гудзием, является особенно важным в силу большой уникальной художественной ценности памятника, в котором предлагается сделать перестановку, и широкой его популярности в наше время. В начале своей статьи „О перестановке...“ Н. К. Гудзий говорит: „Совершенно очевидно, что в тексте «Слова о полку Игореве», как и в любом дошедшем до нас тексте, являющемся не оригиналом, а списком, всякого рода конъектуры, в том числе и перестановки, следует допускать с большой осторожностью, лишь в тех случаях, когда они вынуждаются явными ошибками текста и когда их можно обосновать достаточно вескими аргументами прежде всего палеографического характера, без чего даже на первый взгляд самые вероятные по своей логичности исправления текста не могут считаться убедительными“.⁴ Заканчивает свою статью Н. К. Гудзий следующими словами: „Думается после сказанного, что есть все основания закрепить эту перестановку в последующих научных и популярных изданиях «Слова о полку Игореве»“.⁵

Этот вывод говорит о том, что Н. К. Гудзий не только сам глубоко убежден в необходимости перестановки, но и свои аргументы считает достаточно вескими и убедительными.

¹ Н. К. Гудзий: 1) О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“. Сб. „Слово о полку Игореве“, Изд. АН СССР, 1950; 2) Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 45—47; см. также его рецензию в юбилейном издании „Слова о полку Игореве“ (Советская книга, 1950, № 12, стр. 98).

² Резюме доклада А. И. Соболевского в Историческом обществе Нестора-летописца 15 февраля 1886 г.: Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2, Киев, 1888; см. также: А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 210—212.

³ В. Перетц. „Слово о полку Игоревім“. Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926, стр. 39—40.

⁴ Н. К. Гудзий. О перестановке... , стр. 249.

⁵ Там же, стр. 254.

Рассмотрим же, насколько вески и убедительны аргументы в пользу перестановки, которые приводятся Н. К. Гудзием.

Как уже было сказано, идея перестановки принадлежит акад. А. И. Соболевскому, который высказался о необходимости ее в докладе в Историческом обществе Нестора-летописца. Ее принял В. А. Яковлев в своем учебном издании „Слова о полку Игореве“.¹

В 1916 г. А. И. Соболевский попытался обосновать перестановку аргументами палеографического характера. Но, строго говоря, доказательств такого рода А. И. Соболевский не приводит и привести их, разумеется, и не мог бы, так как трудно говорить о доказательствах в отношении погибшего памятника, а можно говорить, естественно, лишь о предположениях и возможностях. А. И. Соболевский выдвигает, во-первых, вызывающее сомнения предположение, что именно этот совершенно законченный самостоятельный абзац был написан на лицевой и оборотной сторонах одного листа пергамента крупным уставом, во-вторых, что оригинал „расшился и растрепался“, и, в-третьих, что один из ранних переводчиков перепутал листы своего оригинала. Но доказательность этих аргументов палеографического характера сам Н. К. Гудзий категорически отрицает: „Но признавая перестановку в тексте «Слова»... вполне рациональной, мы очень сомневаемся в правдоподобности сделанного Соболевским расчета строк на листах оригинала Мусин-пушкинского списка. Едва ли даже пергаментная рукопись, притом во всяком случае не ранее конца XII века, хотя бы и малого формата, хотя бы и написанная крупным уставом, к тому же рукопись светского произведения, могла содержать на листе исписанном с обеих сторон, такое малое количество текста, какое предполагает Соболевский“ (разрядка наша, — В. С.).²

Н. К. Гудзий в статье „О перестановке...“, сомневаясь в аргументах палеографического характера А. И. Соболевского, присоединяется к аргументам палеографического характера акад. В. Н. Перетца; однако эти аргументы оказались явно ошибочными, что признано было самим В. Н. Перетцем,³ о чем сообщает Н. К. Гудзий в статье 1951 года.⁴

Убедившись в ошибочности аргументов В. Н. Перетца, Н. К. Гудзий в статье 1951 года указывает, что расчет листов и количество строк в них „очень правдоподобно установлен Соболевским для одного из списков «Слова», предшествовавших Мусин-пушкинскому“.⁵ В данном случае, совершенно соглашаясь с мнением Н. К. Гудзием 1950 г. и его доводами против доказательности аргументов палеографического характера А. И. Соболевского, мы добавили бы к ним еще следующие доводы также палеографического характера.

¹ Слово о полку Игореве. Ред. и примеч. В. А. Яковлева. СПб., 1891, стр. IX.

² Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 250.

³ В. Перетц. З приводу статії проф. Груньського. Зап. іст-філол. відд. УАН, кн. XIX, 1928, стр. 352.

⁴ Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста... стр. 46—47. Совершенно правильно аргументирую против предположения А. И. Соболевского в своей статье 1950 года, Н. К. Гудзий в статье 1951 года приводит аргумент, который состоит в том, что ошибка В. Н. Перетца подтверждает „правильность расчета Соболевского“. Между тем эти ошибки крупных ученых в попытках восстановить предполагаемое расположение текста „Слова“ (с целью доказать имевшую место перестановку) говорят лишь о том, что перестановки не было.

⁵ Там же, стр. 47.

Предполагая, что текст „Слова о полку Игореве“ от слов „Тогда Игорь възръ на свѣтлое солнце“ до слов „а любо испити шеломомь Дону“ был написан на одном листе, мы должны неизбежно допустить три случайности, не встречавшихся в своем сочетании в древнерусских рукописях того времени. Первая случайность состоит в том, что гипотетический рассеянный переписчик буква в букву закончил текст перед этим самостоятельным абзацем на предыдущем листе, вторая случайность состоит в том, что этот рассеянный переписчик буква в букву закончил текст этого абзаца на данном листе. Повторение этой случайности следует считать чем-то исключительным или же признать небывалое в те времена сознательное расположение текста на листах таким аккуратным (и в то же время таким рассеянным!) переписчиком, подобным современным поэтам, что противоречит данным палеографии и явилось бы модернизированным пониманием психологии древнего переписчика.¹ Наконец, допуская эту перестановку, мы должны неизбежно допустить еще одновременно и третью случайность, но об этом мы скажем дальше.

Таким образом, аргументы палеографического характера в пользу перестановки кажутся нам чрезвычайно сомнительными, являясь, скорее, гипотезами или предположениями палеографического и психологического характера.

Предположением палеографического характера является тот аргумент, что оригинал расшился и растрепался, предположением психологического характера является аргумент о рассеянности древнего переписчика.

Нам думается, что нет никаких достаточно веских аргументов палеографического характера, которые оправдывали бы перестановку, рекомендованную А. И. Соболевским в 1916 году, поддержанную П. Л. Маштаковым в 1919 году,² акад. В. Н. Перетцем в 1926 году, Н. К. Гудзием в 1950—1951 годах и практически проводимую последним в настоящее время в каждом новом своем издании древнерусского текста „Слова о полку Игореве“.³

Этого уже одного достаточно, чтобы быть осторожным в исправлениях текста, воздерживаться от перестановки, хотя бы и оставаясь убежденным в необходимости ее. Но Н. К. Гудзий выдвигает и другие аргументы в пользу перестановки. Рассмотрим также и эти аргументы.

Н. К. Гудзий пишет: „Наконец, имеется и такой довод, поддерживающий перестановку, на который обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц при изучении текстов «Задонщины»: оказывается, что во всех списках «Задонщины» последовательность эпизодов в начальной ее части как раз согласуется с той последовательностью, которая устанавливается в результате предлагаемой перестановки в «Слове», а отсюда следует, что в руках Софония-рязанца, автора «Задонщины», оказался список «Слова», содержащий логическое расположение эпизодов в начале текста, впоследствии, в рукописной традиции, нарушенное в Мусин-пушкинском сборнике и в первом издании памятника“.⁴

¹ См., например, в статье П. Л. Маштакова „К тексту «Слова о полку Игореве»“: ИОРЯС, т. XXIII, кн. 2, стр. 75.

² Там же, стр. 75.

³ См., например: Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков для высших учебных заведений. Изд. 5-е, исправленное и дополненное, М., 1952, стр. 56—58.

⁴ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 252.

В. П. Адрианова-Перетц,¹ исходя из текстов „Задонщины“, полагает, что имела место механическая перестановка в тексте „Слова о полку Игореве“, но произошла она не ранее конца XIV века. Обратимся к текстам, приводимым самою В. П. Адриановой-Перетц в ее работе. Под реконструированным списком „Задонщины“ В. П. Адрианова-Перетц печатает отрывки текста „Слова о полку Игореве“ в той самой последовательности эпизодов, которая имеется в реконструированном тексте „Задонщины“.

Возьмем начальные эпизоды текста.

„Не буря соколы занесе чрез поля... комони ржуть за Сулою, звенитъ слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ... у Дону великаго... аркучи... княже ми непособие... не худа гнѣзда... Ольгово хороброе гнѣздо, не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе чръный воронѣ, поганьи половчине... О Бояне, соловию... абы ты сиа плѣкы ущекотал... свивая славы... свѣдоми кѣмети: под трубами повити, под шеломы възлѣлѣяни, конецъ копия възскрѣмлени...“

„...оба есвѣ Святѣславличя... а всядемѣ, братие, на свои бръзья комони да позримѣ синего Дону... испити шеломомѣ Дону... о шеломы половецкыя... сулицы... за обиду сего времени... гримлютъ сабли о шеломы... чрълеными щиты... Сѣдлаи, брате, свои бръзья комони... а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди... и поѣха по чистому полю... се вѣтри... вѣютъ съ моря стрѣлами... кровавыя зори свѣтъ повѣдают... чръныя тучи съ моря идуть, а въ нихъ трещутъ синии мльнии. Быти грому великому... кричатъ тѣлѣгы“ (разрядка наша, — В. С.).

О чем же говорит эта последовательность эпизодов? Можно ли доказывать, зная ее, например, что выделенные нами тексты в древних списках „Слова“ должны были читаться именно здесь? Очевидно, нет! Очевидно, они взяты автором „Задонщины“ из середины „Слова о полку Игореве“. В „Задонщине“ все начало текста „Слова о полку Игореве“ (за исключением обращения к слушателям, к Бояну и описания храбрости героев) перетасовано и дается в ином порядке. Сначала приводятся тексты, опирающиеся на зачин „комони ржуть за Сулою“ и т. д., затем „О Бояне, соловию“, далее идет описание воинов и предложение из речи Всеволода (оба есвѣ Святѣславличя), затем идет уже текст „а всядемѣ, братие, на свои бръзья комони“, после этого опять следует текст из речи Всеволода (сѣдлаи, брате...), а затем уже — текст „и поѣха по чистому полю“.

Что же доказывает это расположение текста? По нашему мнению, оно доказывает, что именно последовательность эпизодов, которую мы имеем в Мусин-пушкинском тексте, истинна, во всяком случае вполне может быть истинной, так как текст „Задонщины“ решительно ничего не дает для решения вопроса о последовательности эпизодов „Слова о полку Игореве“, потому что тексты „Слова о полку Игореве“ в „Задонщине“ уже в самом начале оказываются перетасованными. Мы привели образец последовательности эпизодов по реконструированному тексту, но если мы обратимся к под-

¹ В. П. Адрианова-Перетц: 1) „Задонщина“. (Опыт реконструкции авторского текста). Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 217—218; 2) „Задонщина“. (К вопросу о реконструкции авторского текста). ИАН, Отд. лит. и яз., т. VI, вып. 2, 1947, стр. 98—99.

линным спискам, то увидим почти ту же самую картину по всем спискам.¹

Итак, и этот аргумент Н. К. Гудзия не выдерживает критики и отпадает.

Перед тем как перейти к рассмотрению остальных аргументов Н. К. Гудзия задержимся несколько на той справке, которую он дает в конце статьи „О перестановке...“. Н. К. Гудзий указывает, что „перестановка, о которой идет речь, кроме издания В. Н. Перетца, принята в некоторых новейших публикациях текста «Слова» [Л. А. Творогов. Примерный облик первоначального чтения „Слова о полку Игореве“. Новосибирск, 1944; А. К. Югов (изд. „Советский писатель“, 1945), Д. С. Лихачев (в малой серии „Библиотеки поэта“, 1949), А. И. Белецкий (в „Хрестоматіі давньої української літератури“, Киев, 1949), а также в стихотворном переводе „Слова“, принадлежащем Н. Заболоцкому (журн. „Октябрь“, 1946, № 10—11)]“.

Однако в статье 1951 года Н. К. Гудзий говорит о двух из перечисленных выше изданий „Слова о полку Игореве“: „Шагом назад, благодаря произвольным перестановкам и совершенно неоправданным конъектурам, является попытка реконструкции текста «Слова» Л. И. Творогова... и А. К. Югова“ (разрядка наша, — В. С.).² Что касается перевода Н. А. Заболоцкого, то из рецензии Н. К. Гудзия на юбилейное издание „Слова о полку Игореве“ ясно, что он рассматривает перевод Н. А. Заболоцкого, как вольное переложение поэта, далекое от подлинника. Четвертый из перечисленных Н. К. Гудзием авторов, а именно Д. С. Лихачев, отказался от перестановки, предложенной А. И. Соболевским, уже во втором своем издании древнерусского текста „Слова“, не объясняя, впрочем, в нем причин изменения своей точки зрения. Позже он указал, что „как бы убедительно ни доказывалась возможность перестановки, — возможность не есть еще ее необходимость. Текст «Слова» ясен и без этой перестановки, необходимости в ней нет“.³

В отмеченной же Н. К. Гудзием очень ценной во всех отношениях „Хрестоматіі давньої української літератури“ А. И. Белецкого также и во втором ее издании (1952 г.) принята перестановка с указанием, что „порушучи поширену традицію, переставляємо абзаци... щоб уникнути логічного розриву, який міг виникнути внаслідок помилки при опрацьованні рукопису“. Перестановка принята также в превосходном истолковательном (прозаическом) переводе Л. Е. Махновца, помещенном в сборнике „Слово о полку Игоревѣ в українських художніх перекладах и переспівах ХІХ—ХХ ст.“ (Изд. АН УССР, 1953).

После этих совершенно необходимых дополнений к справке Н. К. Гудзия перейдем к рассмотрению прочих аргументов Н. К. Гудзия. При этом рассмотрении, естественно, нельзя избежать длинных выписок из рассуждений и доказательств Н. К. Гудзия.

„В результате перестановки Яковлева—Соболевского—Перетца получается действительно логически последовательное и связанное чтение, нарушенное путаницей листов, — говорит Н. К. Гудзий. — Вслед за словами «Почнемъ же, братие, повѣсть сію отъ стараго Владимира до

¹ К подобному же выводу пришел, независимо от автора этой статьи, также и Д. С. Лихачев, который говорит еще более решительно, что перестановка противоречит соответствующему месту „Задонщины“; см.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 238.

² Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста..., стр. 48.

³ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1953, стр. 237—238.

нынѣшняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣдскую за землю Русскую» идут слова: «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плѣкы¹ ушекоталь...». После того как автор высказывает предположение, как мог бы Боян воспеть Игоревы полки, речь идет о встрече Игоря с Всеволодом, при которой Всеволод предлагает брату седлать своих коней и характеризует свою дружину, а затем говорится о затмении солнца. Как бы в ответ на предложение Всеволода Игорю седлать коней Игорь обращается к своей дружине со словами: «А всядемъ, братие, на свои брѣзвыя комони...». Такая последовательность действий — сначала предложение Игорю седлать коней, а затем уже распоряжение Игоря, обращенное к дружине, — сесть на коней для похода на половцев, естественно, единственно возможная, в противоположность чтению Мусин-пушкинского текста, где сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать коней...

„Однако эта перестановка, оправданная палеографическими соображениями, диктуется не только тем, что при помощи ее получается логическая последовательность событий, но и тем весьма существенным обстоятельством, что при ее применении время солнечного затмения в «Слове» и в летописных рассказах о походе Игоря совпадает, на что не обратили внимания те, кто предложили перестановку... В Мусин-пушкинском тексте солнечное затмение предшествует походу Игоря; при перестановке же, о которой идет речь, оно становится на свое место и, в согласии с летописью, застаёт Игоря уже в пути...

„Есть еще одно очень существенное соображение в пользу такой перестановки: если придерживаться последовательности мусин-пушкинского текста в начальных абзацах «Слова», то получится, что либо затмение непрерывно продолжалось несколько дней подряд, что противостоит естественности, либо оно на протяжении недели с небольшим повторялось дважды, на что мы не имеем указаний в летописи, да и не могли бы их иметь, так как это не согласовалось бы ни с какими астрономическими законами. В самом деле, если мы сохраним в неприкосновенности Мусин-пушкинский текст, то окажется, что Игорь, готовясь к походу, видит солнечное затмение, затем проходит около девяти дней, когда он двигается навстречу половцам, и его вновь постигает затмение: «Солнце ему тьмою путь заступаше», как и в самом начале похода“.²

В этих рассуждениях и доказательствах Н. К. Гудзия переплетены два аргумента: первый из них, „еще один очень веский аргумент“, по словам Н. К. Гудзия, тот, что якобы благодаря перестановке устраняется противоречие между „Словом“ и летописью. Но А. Брюкнер возражает против перестановки, апеллируя именно к летописи: „По Ипатьевской летописи затмение случилось еще до встречи братьев, и в связи с ним Игорь обращается только к своей дружине, и так было и в «Слове». Затмение и тут произошло до встречи братьев. Иначе почему он должен был по случаю его обращаться к дружине, а не к брату?“³ Н. К. Гудзий опровергает это возражение А. Брюкнера, излагая соображения либо о возможности обращения Всеволода к Игорю через посредника, либо о том, что в „Слове“ описывается свидание Игоря с Всеволодом до начала похода (о чем мы еще скажем ниже), и в заключение говорит: „Но и независимо от того, убедительны или неубедительны эти соображения, целесообразность и оправ-

¹ Разрядка Н. К. Гудзия.

² Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 251—252.

³ Цит. по: Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 252.

данность перестановки не может подвергаться сомнению: мы не должны непременно искать полного совпадения даже в подробностях между летописными известиями о походе и тем, что о нем говорится в «Слове». Если бы даже существовало разноречие между «Словом» и летописью в определении последовательности солнечного затмения и встречи братьев, это еще несколько бы не говорило против перестановки, так как такие разноречия мы встречаем и в летописных известиях.¹

Итак, опровергая А. Брюкнера, который апеллирует к летописи, Н. К. Гудзий сам отводит также и этот „очень веский аргумент“ об устранении противоречия между „Словом“ и летописью.

Действительно, нельзя искать совпадения в деталях между „Словом“ и летописью и отнюдь не только вследствие неизбежности неточностей в изложении событий у разных авторов, но и вследствие того, что летопись и „Слово“ — произведения различного характера по своему жанру. К сожалению, в своей статье Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения.

Остается еще аргумент Н. К. Гудзья, который заключается в том, что посредством перестановки достигается „логически последовательное и связанное чтение“, который, как мы видим из предыдущего, и является единственным аргументом, приведшим к убеждению о необходимости перестановки А. И. Соболевского, Н. К. Гудзья и других ученых. В самом деле, ведь верно то, что прежде всего седлают коней, а потом предлагают на них сесть, после чего и вступают в строю, а также правильно и то, что не может затмение длиться очень долго или повторяться дважды.² Но все это остается совершенно справедливым до тех пор, пока мы забываем, что „Слово о полку Игореве“ является художественным произведением, не читаем его как художественное произведение, отвлекаемся от этого факта, не принимаем во внимание его композиции и других его художественных сторон. Вспомним же прежде всего, что заподозренное место не находится в основном тексте „Слова о полку Игореве“, где мы читаем описание курских воинов и грозных предзнаменований, связанных с началом похода. Некоторые исследователи с большим основанием полагают, что текст до обращения Всеволода к Игорю относится к вступительной части „Слова о полку Игореве“.³ Прочитав отрывки из изложения вступления исследователем композиции „Слова о полку Игореве“ С. К. Шамбинаго: „Действительно, начальная фраза: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты» — неожиданна. . . Словами «Трубы трубить въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ» поэт, продолжая ритмику Бояна, вторично начинает повесть. В дальнейшем он во второй раз упоминает и о затмении солнца“.⁴

Таким образом, не солнечное затмение произошло дважды, а автор упоминает о затмении солнца дважды, причем в первый раз во вступ-

¹ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 253—254.

² См. вышеприведенную цитату из статьи Н. К. Гудзья „О перестановке. . .“, стр. 251—252.

³ Расхождения имеются лишь в распределении отдельных строк между вступлением и основной частью, что для задачи настоящей работы не является существенным.

⁴ С. К. Шамбинаго. „Слово о полку Игореве“. История и характеристика текста. Сб. „Слово о полку Игореве“, М., 1934, стр. 187.

лении к „Слову“ и второй раз в основной его части. Здесь мы видим совсем иное толкование текста, чем то, которое пытается защищать Н. К. Гудзий в своем изложении увлекшей его ошибочной точки зрения.

Посмотрим, однако, действительно ли неожиданна во вступлении начальная фраза „Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце“.

Н. К. Гудзию кажется, что получается „логически последовательное и связное чтение“, если вслед за словами „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“ идут слова „О Бояне, солловію стараго времени! Абы ты сіа плѣкы ущекоталь“. Н. К. Гудзий подчеркнул слова „сіа плѣкы“, т. е. он думает, что раз упомянул автор „Слова“ о „плѣках“, то естественно сейчас же и последующее упоминание о них в обращении к Бояну. Так действительно может показаться более естественным и логичным, если отвлечься от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, которое прежде чем заподозривать в ошибках, как это часто делалось многими учеными (вспомним А. А. Потебню, Ф. Е. Корша и др.), надо стараться понять. Известно, сколько ошибок, ошибочных предположений, теорий, статей повлек за собой этот скептический метод, метод заподозривания, и что многое из того, что было непонятно в „Слове“ и потому заподозрено, разъяснилось благодаря второму методу, методу уяснения и стремления понять „Слово“.

Нам кажется невозможным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря, сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Это было бы совершенно художественно неубедительно. Прежде всего надо выяснить значение слова „плѣкы“ в первом и во втором случае. В первом случае оно означает, очевидно, ратников Игоря. Если принять перестановку, то во втором случае более логичным и естественным было бы признать, что слово „плѣкы“ означает то же самое (как это, по видимому, и полагает Н. К. Гудзий), и исключительный пафос обращения к Бояну, пафос воспевания этих ратников, „летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы сего времени“, оказывается мало оправданным. Поэтически еще недостаточно охарактеризована их готовность совершить героические подвиги, имеется еще только заявление о том, что Игорь „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“.

Поэтому чрезвычайно уместно, более того — необходимо, было кратко охарактеризовать главного героя „Слова“ Игоря, рыцарскую его доблесть, его поход, смелые цели похода, страшное „знамение“, предвещавшее недоброе. И только после этого, после замечательных слов Игоря: „луцѣжь бы потяту быти, неже полонену быти“ и „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“, оправданным оказывается исключительный пафос обращения к Бояну. И во втором случае слово „плѣкы“ оказывается не простым повторением, а насыщено большим, глубоким содержанием, его значение углублено, расширено, и здесь оно означает уже не только ратников Игоря, а и поход этих ратников.

Итак, обращение к Бояну идет после того, как охарактеризованы „полки Игоревы“ как со стороны силы жажды борьбы „русичей“ против захватчиков половцев, стремящихся поработить родину, так и со стороны тяжких трудностей этого похода, так как враждебная сила выступает как стихийная, мрачная и грозная сила, страшная в своей противоестественности. Это и выражено грозным знаменем, причины которого необъяснимы.

Вступление благодаря абзацу „Тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце“ оказывается насыщенным глубоким содержанием, в нем звучит уже лейтмотив всего произведения. Во вступлении даны герои, смелые цели их похода, общая историческая обстановка „сего времени“ и обстоятельства похода.

Каким сравнительно бедным, бессодержательным оказалось бы вступление без рассматриваемого абзаца. Это было бы обращение к Бояну, носящее только чисто риторический характер, оно было бы только каким-то риторическим украшением. А мы знаем, что „Слову о полку Игореве“ не свойственны риторические прикрасы, все в нем насыщено глубоким содержанием. Таковы логическая последовательность и связанное чтение художественного произведения.

Композиционно все „Слово“ представляет собой мозаику, каждый кусок которой искусно сочетается с другим. Ритмически каждый строфический кусок закончен и ритмическими переходами связан с другими. Именно вследствие этой особенности композиции „Слова о полку Игореве“ могло случиться так, что было заподозрено место нахождения одного из его абзацев.

В свете понимания „Слова о полку Игореве“ как художественного произведения, обладающего специфическими закономерностями, и вышеизложенного понимания его композиции, рассмотрим абзац „Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй турь Всеволодь“. Мы считаем, что этим абзацем начинается основная часть „Слова о полку Игореве“, начинается повитическое изображение событий после вступительной части. Совершенно ясно, что здесь не говорится о встрече Игоря и Всеволода после начала похода, о ней вообще ничего не говорится в „Слове“, это событие в нем опущено, как опущены и многие другие события. Этого не понимает А. Брюкнер в своем рационалистическом подходе к изучению „Слова“, и его возражение не достигает цели. Спор с Брюкнером беспредметен, бесплоден. Игорь является главным героем начала „Слова о полку Игореве“. Игорь предпринимает поход, ему уделяет больше всего внимания и в дальнейших частях своего произведения автор „Слова о полку Игореве“. Другие князья — участники похода не перечисляются автором „Слова“. В интересующем нас абзаце изображаются сборы в поход, рассказывается о том, что Всеволод поддерживает князя Игоря в его намерении, говоря о своей готовности отправиться в поход и давая высокую оценку боевых качеств своих воинов. И мы считаем, что Н. К. Гудзий совершенно прав, когда пишет: „Не нужно ли понимать, что это обращение Всеволода к Игорю могло относиться ко времени их встречи перед самым походом в Новгороде Северском, о которой говорится в самом начале рассказа о походе в Ипатьевской летописи, или в Переяславле, о чем идет речь в рассказе Лаврентьевской летописи“, и далее: „Если согласиться с этими соображениями, то выходит, что в «Слове», как и в летописи, затмение происходит до встречи братьев, о которой в «Слове» вообще прямо нигде не говорится“.¹ Несомненно, что в этом абзаце отражены речи Всеволода до начала похода, описание похода начинается дальше. Никакого противоречия между описанием событий в „Слове о полку Игореве“ и летописью в данном случае нет. С этой точки зрения нет и никакой загадки в соединении приведенных двух предложений из подлинника: автор „Слова“ не изображает ненужных для его произве-

¹ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 253.

дения деталей описания приезда Всеволода к Игорю, которые бы только утяжелили его произведение; стилю его свойствен лаконизм, он опускает все излишние описания, произведение его характеризуется целенаправленностью. Таким образом, не надо устранять противоречия между „Словом“ и летописью, которого не существует в данном случае, а следовательно, не нужна и перестановка; тем самым отпадает и этот последний аргумент Н. К. Гудзия в пользу перестановки.

Проверим же вопрос о необходимости перестановки с ритмической стороны. Если бы абзац „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“ был бы не на месте, должны были бы быть признаки ритмической неувязки его с соседними абзацами. Но их нет! Это обстоятельство и является третьей чудесной случайностью, которая произошла с гипотетическим рассеянным переписчиком А. И. Соболевского. Расширившись и растрепавшись листы оригинала легли, оказывается, чудесным образом; они подошли по содержанию и ритму на должное место. Этого нет в тексте „по Руской земли просторшася Половци, аки пардуже гнѣздо, и в морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови“, откуда всеми редакторами изымаются известные строки, а в данном случае это есть. И ритм предшествующего абзаца совершенно естественно переходит в ритм предложения „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Это предложение сохраняет интонацию торжественного рассказа = повествования, которая присуща предыдущему абзацу.

Теперь попробуем все же перенести заподозренный абзац в место, предлагаемое А. И. Соболевским, т. е. сделаем перестановку. Но предварительно рассмотрим строфические куски-единицы и их сочетание в том месте текста, где заподозрен пропуск, нет ли каких-либо признаков того, что здесь выпущен большой кусок текста. Ритм в описании курских воинов достигает исключительной энергии и стремительности. В звуковом отношении это подлинная музыкальная картина боевой скачки, набега, атаки. Этот звуковой вихрь соответствует содержанию — описанию лихих воинов, завершается глаголом „скачють“, раскрывающим содержание звуковой картины. Стремительность ритма достигается краткостью предложений, входящих в состав сложного.

Вставляем сюда заподозренный абзац, и мы видим, что после энергичного, стремительного ритма, полного динамики, идет интонация медлительного, как кажется по контрасту с предыдущим, торжественного рассказа-повествования „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Освобождаемся от него здесь, и мы увидим, как динамический ритм радостных сборов в поход органически переходит в динамический, энергичный ритм начала похода и грозных предзнаменований. Напряжение мажорного ритма описания курских воинов сменяется еще более напряженными мажорными ритмами грозной картины вещей предзнаменований. Мы видим здесь органическое нарастание напряжения ритма и органический контраст в содержании этих абзацев.

По содержанию после динамического описания в самом начале основной части „Слова о полку Игореве“ храбрости воинов должна следовать динамическая же картина выступления в поход, а не остановка начавшегося уже движения всего содержания и ритма песни Игорю словами „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Почему же он видит только своих воинов после описания курских воинов и не видит замечательных воинов Всеволода? Зачем же они были только что описаны?

Прочитав заподозренный абзац еще раз после описания курских воинов, мы вдруг буквально натываемся на крайне неудачный повтор здесь „Тогда въступи Игорьъ князь въ златъ стремянь“, неуместность которого ощущается также и сторонниками перестановки, неоскептиками.

И один из сторонников перестановки, редактор и интерпретатор текста и переводчик А. К. Югов, в переводе своем неслучайно заменяет этот совершенно ненужный повтор иным началом, а именно: „Тут вступил Игорь-князь в злат стремянь“. Так пытается поэт-переводчик устранить возникающие стилистические помехи при перестановке, какие он вводит в текст как редактор в своем стремлении вернуть „последовательное и связанное чтение“ искаленного текста.

Итак, мы исчерпали все аргументы, которые выдвигает Н. К. Гудзий в пользу перестановки. Неосновательность их ощущается также и самим Н. К. Гудзием, как это показывают отрицательные отзывы прежде всего самого автора о большинстве из этих аргументов и его колебания, когда он приводит их.

Стремление раскрыть ошибки в тексте „Слова о полку Игореве“ было в свое время необходимым, но затем оно вышло за рамки необходимости в труде А. А. Потебни,¹ приняло характер скептического отношения к тексту „Слова“. Увлечение находить в тексте „Слова“ ошибки, выдвигать всевозможные гипотезы захватило кое-кого из ученых последующих поколений, среди них и А. И. Соболевского. Это увлечение повлекло за собой игнорирование или нежелание уяснить своеобразие „Слова о полку Игореве“ как художественного произведения, его композицию прежде всего.

„Все эти предположения пропусков, вставок, глосс, все эти усмотрения беспорядочности и нестройности в дошедшем до нас тексте «Слова», на наш взгляд, показывают лишь то, как недостаточно изучен этот русско-классический памятник в его целом и частях“, — писал Е. В. Барсов в 80-х годах.² „Этот скептицизм опаснее прежнего, — писал также Е. В. Барсов, — он посягает на переделку памятника, сообразно личным видам и понятиям.“³ Предостережения Е. В. Барсова в отношении опасностей скептической точки зрения нельзя признать излишними или слишком устаревшими, она живуча и заразительна, и под ее влияние могут подпадать, оказывается, даже такие осторожные ученые, как Н. К. Гудзий.

¹ А. А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. Текст и примечания. Филолог. зап., 1877—1878; 2-е изд., Харьков, 1914.

² Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, ч. II. М., 1885, стр. 83.

³ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ в переводе А. С. Пушкина. М., 1883, стр. II.

М. К. КАРГЕР

К характеристике древнерусского летописца

Когда во второй половине XI века в Киеве первые русские летописцы приступили к созданию истории Русского государства, среди разнообразных исторических источников, к которым они обратились, были и различные памятники материальной культуры.

Разнообразные памятники Киева еще в далекой древности привлекали к себе внимание народа, искавшего у этих молчаливых свидетелей его далекого прошлого ответы на многие волновавшие вопросы. Интерес к памятникам старины возрастал по мере роста народного самосознания.

На территории Киева, в различных его концах, в XI—XII веках возвышалось немало огромных курганов, которые для киевлян той поры были уже памятниками далекого прошлого. Вблизи Печерского монастыря, в урочище, которое и во времена летописца называлось Угорским, находился курган, повидимому, издавна слышший „Аскольдовой могилой“, а в самом центре Ярославова города, за церковью Ирины, выстроенной князем Ярославом Владимировичем недалеко от Софийского собора, был расположен другой курган, называвшийся „Дировой могилой“. Как известно, урочище „Аскольдова могила“ сохранилось в Киеве вплоть до наших дней, а поисками Дировой могилы с увлечением, хотя и безуспешно занимались киевские археологи 30—40-х годов прошлого века.

Под 882 годом в „Повесть временных лет“ занесен рассказ, с помощью которого летописец пытался связать древнейшую новгородскую историю с киевской. Предприняв в 882 году большой поход на юг, Олег захватил Смоленск и Любеч и „подошел к горам Киевским“. Узнав о том, что в Киеве княжат Аскольд и Дир, Олег решил хитростью завладеть городом. Притворившись купцом, идущим в Греки от Олега и Игоря княжича, он заманил Аскольда и Дира на берег, и там находившиеся в засаде воины Олега убили их.¹

Передавая эту устную киевскую легенду о гибели Аскольда и Дира и о захвате города Олегом, пришедшим из далекого северного Новгорода, или Ладоги, летописец стремится подкрепить легендарный рассказ ссылкой на вещественные памятники, хорошо известные его современникам киевлянам. По рассказу летописца, убитых князей „несоша на гору и погребоша ѿ на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, к де

¹ Лаврентьевская летопись, 6390 (882) г.

ныне Олмин двор; на той могиле поставилъ [Олма] церковь свя-таго Николу; а Дирова могила за святою Ориною“.¹

Языческие курганы, напоминавшие о далеких страницах древнейшей истории родины, привлекали киевского летописца не раз. Рассказав о смерти князя Олега и о погребении его на горе Щековице, летописец и в этом случае не преминул добавить: „есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова“.²

Нужно сказать, что во времена летописца память об Олеге обросла уже многими и притом противоречивыми легендами. Если киевский летописец связывал могилу Олега с Киевом, то повесть о смерти Олега, занесенная в I Новгородскую летопись, заканчивалась словами: „есть могила его в Ладозе“.

Для подкрепления полулегендарных рассказов о деятельности первых русских князей IX—X веков летописец ссылался на языческие курганы, сохранившиеся не только в самом Киеве. Повествуя под 945 годом о смерти князя Игоря в Древлянской земле, летописец писал: „...и вышедше из града Изъкоростеня Деревлене убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстеня града в Деревех и до сего дне“.³

Под 977 годом в „Повести временных лет“ читается пространный рассказ о нападении князя Ярополка на своего брата Олега, княжившего в Деревской земле. У города Вручего (Овруча) дружина Олега была разбита наголову. С исключительной реалистичностью летописец описывает паническое отступление Олега и его полков: „Побегъшу же Ольга с вои своими в град, рекомый Вручий, баше через греблю мост к вратам градным, теснячеся друг друга пихаху в греблю; и спехнуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людые мнози, и удавиша кони чело-веди“. Заняв город и захватив княжеский стол Олега, Ярополк все же решил найти тело своего погибшего брата. Поиски сначала были безрезультатны. Тогда один „деревланин“ сказал: «аз видех яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополк искать брата и влачиша трупье из гребли от утра и до полудне, и налезоша и Ольга высподи трупья, вынесоша ѳ, и положиша на ковре“. Заканчивая это повествование, летописец добавил: „И погребоша Ольга на месте у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего“.⁴

Под 1019 годом в „Повесть временных лет“ занесен подробный рассказ о победе Ярослава над Святополком и о бегстве его в Лядскую землю. „Гонимый божьим гневом“ Святополк, по словам летописца, „прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте“. Для вящего подкрепления этого рассказа летописец добавил: „Есть же могила его в пустыни и до сего дне, исходит же от нея смрад зол“.⁵

Таким образом, на протяжении ста тридцати семи лет летописного повествования (с 882 по 1019 год) шесть раз летописец ссылается для подтверждения своего рассказа на старые языческие курганы, связанные народным преданием с историческими лицами, каждый раз отмечая при этом, что могила (т. е. курган, насыпь), о которой идет речь,

¹ Лавр. лет. 6390 (882) г.; ср. Ипатьевскую летопись под тем же годом. Имя Олмы — строителя церкви Николы упомянуто только в Ипатьевской летописи.

² Лавр. лет. 6420 (912) г.

³ Там же, 6453 (945) г.

⁴ Там же, 6485 (977) г.

⁵ Там же, 6527 (1019) г.

сохранилась „и до сего дне“, т. е. до того времени, когда писал летописец.

* * *

Не только древние курганы привлекает летописец в качестве вещественных исторических источников для подтверждения своего рассказа. Древние городища, т. е. заброшенные, опустевшие поселения, города — немые свидетели бурных событий далекого уже прошлого, также привлекают пытливого ум киевского летописца.

Под 971 годом в „Повести временных лет“ помещен рассказ о событиях военного похода Святослава в Болгарию и войны с Византией. Рассказав о военной хитрости греков и русских, пытавшихся взаимно обмануть друг друга завышенными сведениями о численности своих войск, летописец передает речь Святослава, ставшую на многие столетия вперед, вплоть до наших дней, знаменем высокой воинской доблести нашего народа: „...да не посрамям земле Руские, но ляжем костыи ту, мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою“. Великая сеча окончилась полным разгромом греков. Повествуя о том, как, преследуя отступавшие полки византийского императора, Святослав „поиде ко граду, воюя и грады разбивая“, летописец заканчивает свой рассказ об этой славной победе русского воинства упоминанием о том, что разоренные Святославом греческие города „стоять и до днешнего дне пусты“, т. е. превратились в „городища“.

Подобная же ссылка на городища как на немых свидетелей очень далекого прошлого отечественной истории сделана в самом начале „Повести временных лет“ в той замечательной по широте исторического замысла картине расселения славянских племен, которую летописец предпослал рассказу о древнейшей истории восточных славян и истории Русского государства: „Дулэбы живяху по Бугу, где ныне Вельняне, а Улучи и Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру, оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь“. Этот рассказ примечателен своей правдивой ясностью и серьезной попыткой аргументировать его объективными „археологическими“ фактами.

* * *

Широко пользуется киевский летописец ссылками на различные архитектурные памятники: укрепления, дворцы, храмы, привлекая их в качестве исторических источников для подтверждения своего рассказа о различных событиях.

Повествуя под 980 годом о борьбе Владимира Святославича с Ярополком, летописец писал: „И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киеве с людьми своими и с Блудом; и стояше Володимер, обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне“.¹ Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о крепостных сооружениях, окружавших Киевский Подол в XI—XII веках, а об остатках заброшенных уже временных укреплений, которые были сооружены дружиной Владимира, подготавливавшейся к штурму Киева.

¹ Там же, 6488 (980) г.

Неоднократно упоминает летописец о древних храмах, дворцах и других сооружениях, связанных тем или иным образом с различными историческими событиями.

Повествуя под 945 годом о прибытии в Киев послов византийского императора для заключения договора, летописец сообщает о клятве, которую сам Игорь с языческой частью дружины давал на Перуновом холме, положив на землю оружие, щиты и золото, а христианская часть дружины — в соборной церкви св. Ильи, по поводу которой летописец добавил: „я же есть над ручаем, конец Пасыньче беседы и Козаре“.¹

Под 988 годом в „Повести временных лет“ читается большой рассказ о Корсунском походе Владимира Святославича, о крещении князя в Корсунь и о вывозе из города различных трофеев. Стараясь различными аргументами подтвердить версию о крещении князя в Корсунь, в противовес другим известиям о его крещении в Киеве, летописец, для вящей убедительности развиваемой им концепции, трижды обращается к архитектурным памятникам Корсуни: „Крести же ся в церкви святого Василья и есть церкви та стояши в Корсуне граде, на месте посреди града, идеше торг деють Корсуняне“. Однако ссылку на сохранившийся до времени летописца храм он счел, повидимому, недостаточной, решив добавить и сведения о дворце, в котором жил Владимир в это время: „палата же Володимеря с края церкви стоять и до сего дне, а царицына палата за алтарем“.² С именем Владимира Святославича в Корсунь были связаны не только „палата“, где он жил, и храм, в котором он крестился. Памятью о событиях, развернувшихся в Корсунь, был еще храм, выстроенный самим Владимиром: „Постави же церковь в Корсунь на горе, идеже съсыпаша среде града, крадуше приспу, яже церкви стоять и до сего дне“.³

Памятники, увековечивавшие Корсунский поход, были воздвигнуты и в Киеве, на центральной площади. Летописец не преминул привлечь и их для подкрепления рассказа о разгроме Корсуни. Возвращаясь из похода домой, Владимир захватил из Корсуни не только „съсуды церковныя и иконы на благословенье себе“. По средневековой традиции, он забрал с собой в качестве трофеев различные монументы, стоявшие на площадях и улицах покоренного города, и украсил ими свою столицу: „Взя же ида (иды) медяне два капища и 4 кони медяны, и же и ныне стоять за святою Богородицею (т. е. за Десятиной церковью, — М. К.), яко же неведуще мнать я мраморяны суца“.⁴ Таким образом, весь ход событий Корсунского похода и крещения князя, изложенный на основе легенд, записанных летописцем, подтверждается им ссылкой на целый ряд памятников, сохранившихся до XI—XII веков как в Корсунь, так и в самом Киеве.

Этот же прием аргументации находим в рассказе о тмутораканских событиях начала 20-х годов XI века. Передавая чисто фольклорный эпизод единоборства князя Мстислава Тмутораканского с касожским князем Редедю, летописец описывает тот момент, когда Мстислав, изнемогая в борьбе („бе бо велик и силен Редедя“), взмолился: „о пречистая Богородице, помози ми; аще бо одолею сего, съзижду церковь, во имя твое“.⁵ Сказав так, он ударил Редедю о землю и зарезал его,

¹ Лавр. лет. 6453 (945) г.

² Там же, 6496 (988) г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 6530, (1022) г.

забрав „все именье его и жену его и дети его и дань възложи на Касогы“. Вернувшись в Тмутаракань, Мстислав, выполняя обет, „заложи церковь святыя Богородица и созда ю“, в подтверждение чего летописец добавил: „я же стоять и до сего дне Тьмутаракани“.¹

Наиболее поздним примером подобных ссылок на архитектурные памятники является сообщение о торжественном перенесении в 1072 году тел Бориса и Глеба в новую церковь, выстроенную Изяславом в Вышгороде. Летописец добавил о ней: „я же стоять и ныне“.²

Среди материальных остатков древности, которые привлекает летописец для подтверждения своего повествования, наряду с курганами, городищами, укреплениями, дворцами, храмами, статуями, иногда фигурируют памятные вещи, предметы, связанные с историческими лицами. Рассказывая под 947 годом о путешествии княгини Ольги на север, в Новгородскую землю, где она „устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани“ и где следами ее деятельности были „ловища по всей земли, знаменья и места и погосты“, летописец упомянул и о том, что сани княгини Ольги „стоять в Плескове и до сего дне“.

* * *

Наряду со ссылками на „археологические“ памятники в прямом смысле этого слова, излюбленным приемом летописца являются также попытки установить древнюю топографию частей города, его урочищ, сооружений, мест, где происходили те или иные события, с помощью сопоставления с современной для летописца топографией города, что для читателей XI—XII веков делало места тех или иных исторических событий конкретными, а самые события более понятными. Так, определяя местоположение древнего города Кия на горе, летописец устанавливает его словами: „Седяше Кий на горе, идеже ныне увоз Боричев“.³

Определяя территорию Киева времен Ольги, летописец говорит о нем: „Град же бе Киев, идеже ныне двор Гордятин и Никифоров“,⁴ а упоминая о княжеском дворе в это же время, уточняет его местоположение словами: „а двор княж бяше в городе, идеже ныне двор Вор’отиславль и Чюдин“.⁵ Другой княжеский двор, расположенный „вне града“, по словам летописца, находился „идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицей“.⁶ Говоря о многоженстве Владимира в рассказе о Рогнеде, посаженной на Лыбеди, летописец указывает, что место это находилось там, „идеже ныне стоять сельце Предъславино“.⁷

Повествуя под 983 годом о варяге-христианине, сына которого язычники-киевляне хотели принести в жертву богам, летописец отмечает, что двор его находился там, „идеже есть церкви св. Богородица, юже сделал Володимер“.⁸

¹ Там же, 6530 (1022) г.

² Там же, 6580 (1072) г.

³ Лаврентьевская летопись. СПб., 1897, стр. 8.

⁴ Лавр. лет. 6453 (945) г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 6488 (980) г.

⁸ Там же, 6491 (983) г.

При описании битвы с печенегами в 1036 году летописец указывает место битвы там, „и де же стоит ныне святая Софья, митрополя Русьская; бе бо тогда поле вне града“.¹

* * *

Приведенные выше отрывки летописного текста свидетельствуют о том, что с первых страниц „Повести временных лет“ и вплоть до начала 70-х годов XI века через летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной „научной аргументации“, как бы подтверждающей историческое или полуполюгендарное повествование ссылкой на разнообразные вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого.

Сам по себе этот факт, не отмечавшийся, сколько мне известно, исследователями древнерусского летописания с необходимой полнотой, представляет уже значительный интерес как для характеристики работы древнерусского летописца, так и для уяснения предистории русской археологической науки. Необходимо отметить, что исследователи древнерусского летописания, характеризуя отдельные этапы его развития, указывали среди источников, откуда летописцы того или иного времени могли черпать свои материалы, фольклорные источники, упоминая иногда в числе последних и овеянные легендами „мемориальные урочища, или предметы“, в частности древние курганы, связанные с именами исторических деятелей.² Однако эти упоминания имели обычно несколько случайный, эпизодический характер, в результате чего и самый прием летописной работы, имеющий для нас особый интерес, оставался невыясненным и терялся среди многих других особенностей труда летописца, которым исследователи древнерусских летописей уделяли основное свое внимание.

Таким образом, до настоящего времени оставалась невыполненной даже первичная задача систематизации интересующих нас „археологических экскурсов“ древнерусского летописца; вовсе же неясным оставался вопрос о том, является ли прием аргументации с помощью привлечения вещественных памятников приемом, характеризующим какого-либо определенного летописца, или же это — черта, свойственная древнерусскому летописанию вообще, или хотя бы какому-нибудь его периоду. Попытка ответить на этот вопрос заставляет нас обратиться к сложнейшей и до настоящего времени дискуссионной проблеме исторического состава „Повести временных лет“. Как установлено исследователями древнерусского летописания — акад. А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым и др., — „Повесть временных лет“, один из замечательнейших памятников высокой культуры Киевской Руси, является произведением, далеко не однослойным.

Критическое изучение этого летописного свода имеет за собой уже почти полуторавековую историю. Если даже не ставить в настоящей работе непосильную для автора задачу изучения всей историографии интересующего нас памятника, то все же необходимо отметить, что даже исследователи, изучавшие „Повесть временных лет“ за последние полвека, стояли и стоят далеко не на тождественных позициях в решении важнейших вопросов истории сложения этого памятника.

¹ Лавр. лет. 6544 (1036) г.

² История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 262. Ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 41.

Как было установлено трудами А. А. Шахматова, в составе „Повести временных лет“, прошедшей после ее создания печерским летописцем Нестором около 1113 г. еще две дополнительные редакции (в 1116 и 1118 гг.), достаточно отчетливо прослеживаются три более ранних этапа летописной работы в Киеве. Древнейший пласт, вскрытый А. А. Шахматовым и названный им условно „Древнейшим Киевским сводом“, составленный в конце 30-х годов XI в., является, по признанию более поздних исследователей, наиболее слабым звеном всей концепции Шахматова. Именно этот древнейший пласт киевского летописания получил несколько позже глубоко ошибочную историческую трактовку в трудах М. Д. Приселкова, пытавшегося доказать, что Древнейший Киевский свод 1037—1039 годов представлял собой нечто вроде докладной записки, составленной киевской митрополией, находившейся в руках греков, в Константинополь.¹

Совершенно новое понимание, решительно отличавшееся и от концепции А. А. Шахматова и тем более от трактовки М. Д. Приселкова, выдвинул в ряде своих работ по летописанию Д. С. Лихачев. Утверждая, что он лишь „продолжил наблюдения А. А. Шахматова“, внося в них „некоторые поправки“,² Д. С. Лихачев в сущности разрушил как фикцию реконструированный А. А. Шахматовым „Древнейший свод“. Труды Д. С. Лихачева установлено, что свод 1037—1039 годов „отличается не большей цельностью, чем и сама «Повесть временных лет»“,³ что не только вставки, переделки и дополнения, но и соединение идейно и стилистически разнородного материала характеризуют „Древнейший свод“.

Расслоив „Древнейший свод“ А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев доказал, что древнейшим пластом киевского летописания — „первым произведением по русской истории“ (как называл его сам автор, заменив термин А. А. Шахматова „Древнейший летописный свод“), было составленное при Ярославе „Сказание о распространении христианства на Руси“. Д. С. Лихачевым была глубоко раскрыта идейная и стилистическая основа этого произведения, вызванного подъемом политического самосознания русского народа и тесно связанного с другими явлениями литературы и всей культуры эпохи Ярослава Мудрого.⁴

Это „первое произведение по русской истории“, понимавшееся как церковная история по преимуществу, получило дальнейшее продолжение и развитие в деятельности печерских монахов — летописцев с начала 60-х годов XI века. После водворения в Киеве митрополита-грека, сменившего митрополита Илариона, летописная работа была продолжена в Киево-Печерском монастыре. Здесь первоначальное „Сказание о распространении христианства на Руси“ получает дополнения, касающиеся светской, по преимуществу военной, истории Руси; здесь были введены в летопись народные сказания о первых русских князьях, о победах русского оружия и в значительной мере события из жизни самого Печерского монастыря; здесь же в летописании впервые был применен хронологический принцип изложения по годовым статьям. По словам Д. С. Лихачева, „первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными

¹ М. Д. Приселков: 1) История..., стр. 26—27; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 75.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 62—76.

к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью¹. Характеризуя этот начальный период русского летописания, связанный с Киево-Печерским монастырем, Д. С. Лихачев справедливо утверждал, что не только идейные черты древнейшего русского летописания — его публицистические тенденции, учительный по отношению к князьям характер, рассудительность и принципиальность, — но и по существу все внешние особенности русского летописания — его связь с фольклором, с деловой речью, хронологический принцип изложения и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре.²

Трудами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия Печерских — Никона, которого Нестор в житии Феодосия называет „великим“, изображая за неустанной работой, „сидящу и страшу книги“. М. Д. Приселков выдвигал остроумную гипотезу о том, что под монашеским именем Никона в Печерском монастыре продолжал свою глубоко патриотическую деятельность смещенный с митрополичьей кафедры Иларион.³ А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым было доказано, что яркая биография Никона позволяет раскрыть и объяснить многие черты киевского летописания той поры, когда оно было сосредоточено в Печерском монастыре.

Взяв за основу „Сказание о распространении христианства на Руси“, Никон Печерский ввел в него устные предания киевского, новгородского, тмутораканского и северночерноморского происхождения; тем самым он создал, по словам Д. С. Лихачева, „первую систематическую историю русского народа“.⁴ Именно Никон придал своему произведению ту форму летописи, которая легла в основу последующего развития древнерусского летописания. К характеристике некоторых приемов летописной работы Никона Печерского нам придется еще обратиться несколько позже.

К первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным резкими конфликтами с ним Печерского монастыря, относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым „Начальным сводом“,⁵ а М. Д. Приселковым — „Сводом Ивана 1093 года“.⁶ Составитель свода 1093 года ставил себе публицистические задачи: на примерах древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась теперь как назидательное прежде всего и воспитывающее патриотизм чтение.⁷

Наконец, около 1113 года в Печерском же монастыре был создан новый памятник русского летописания — собственно „Повесть временных лет“, написанная печерским монахом Нестором, дошедшая до нас в переработках двух последующих редакторов, работавших в 1116 и 1118 годах.⁸ Несмотря на некоторые изменения, внесенные этими редакторами, „Повесть временных лет“, как это прочно установлено исследователями древнерусского летописания, может считаться созда-

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 77.

² Там же, стр. 82.

³ М. Д. Приселков: 1) Очерки . . . , стр. 181—184; 2) Нестор-летописец. Пгр., 1923, стр. 22.

⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 90.

⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 12 и сл.

⁶ М. Д. Приселков. История . . . , стр. 34—36.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 97.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. I—XI.

нием печерских летописцев. Нестор соединил в своем произведении материал и особенности более старых печерских сводов с их антигреческой и общерусской направленностью и вместе с тем придал новому летописному своду „черты официальной сдержанности нового княжеского летописания“.¹

* * *

К которому из перечисленных выше исторических пластов „Повести временных лет“, отражающих весьма различные этапы летописной работы в Киеве с середины XI по начало XII столетия, относятся приведенные выше экскурсы летописца в область вещественных, „археологических“ памятников?

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что приведенные выше ссылки летописца на различные древние памятники отличаются чрезвычайной устойчивостью в отношении литературной формы. Из приведенных восемнадцати ссылок на различные древние памятники в шестнадцати случаях летописец пользуется почти трафаретной с литературной точки зрения формулой. Рассказ о смерти и погребении Олега заканчивается словами: „есть же могила его и до сего дни“; рассказ о смерти и погребении Игоря — словами: „есть могила его у Искоростеня града в Деревах и до сего дне“; рассказ о смерти и погребении князя Олега Святославича — „и есть могила его и до сего дне у Вручего“; рассказ о смерти князя Святополка Окаянного — „есть же могила его в пустыни и до сего дне, исходит же от нее смрад зол“; рассказ о разгроме Святославом городов на Балканах — „яже стоять и до днешнего дне пусты“; рассказ о городах уличей и тиверцев на Днестре — „и суть гради их и до сего дне“; рассказ об укреплениях, созданных Владимиром под Киевом, — „и есть ров и до сего дне“; рассказ о церкви Ильи, в которой клялись дружинники Игоря, — „яже есть над ручаем, конец Пасынъче беседы и Козаре“; рассказ о Корсунской церкви Василия, в которой крестился Владимир, — „и есть церкви та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деють Корсуняне“; рассказ о корсунской палате, в которой жил Владимир, — „полата же Володимеря с края церкви стоить и до сего дне, а царицына полата за алтарем“ (подразумевается также: „стоит и до сего дне“); рассказ о церкви, построенной Владимиром в Корсуне, — „яже церкви стоить и до сего дне“; рассказ о постановке в Киеве капищ и четырех коней — „иже и ныне стоять за святою Богородицею“; рассказ о церкви в Тмутаракани, выстроенной Мстиславом, — „яже стоить и до сего дне Тмутаракани“; рассказ о церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, выстроенной Изяславом в 1072 году, — „яже стоить и ныне“; и, наконец, рассказ о саях княгини Ольги, сохранившихся во Пскове, — „и сани ее стоять в Плескове и до сего дне“. Незначительно отличающийся с литературной стороны рассказ о погребении Аскольда и Дира вызван контекстом: „на той могиле (Аскольда, — М. К.) [Олма] поставил церковь святаго Николу (перед этим место могилы определялось словами: „къде ныне Ольмин двор“, — М. К.), а Дирова могила за святой Ориною“.

Повторяющийся неоднократно прием обращения к вопросам „исторической топографии“ отличается также чрезвычайной устойчивостью со стороны литературной формы. Древнее местоположение „города

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 171.

Кия“ летописец определяет словами: „иде же ныне увоз Боричев“; местоположение Угорского — к где ныне Олмин двор“; местоположение города Киева времен Ольги — „иде же ныне двор Гордятин и Никифоров“; местоположение княжеского двора — „иде же ныне двор Воротиславль и Чюдин“; местоположение другого княжеского двора — „иде же есть двор Демьстиков за святою Богородицею“; местоположение двора варяга — „иде же есть церкви святая Богородица“; место битвы с печенегами в 1036 году — „иде же стоит ныне святая Софья митрополя Русьская, бе бо тогда поле вне града“; местоположение села Рогнеды — иде же ныне стоит сельце Предьславино“; местоположение сельца Берестова (времени Владимира) — „еже зовуть ныне Берестовое“.

Общность обоих приемов доказательства, с ссылкой на источники, объективная убедительность которых была столь привлекательна для летописца XI века, дополняемая к тому же общностью, а в значительной мере просто тождественностью литературного оформления этих приемов, склоняет нас к мысли о принадлежности интересующих нас „археологических экскурсов“ в тексте „Повести временных лет“ какому-то одному из авторов, работавших над созданием этого сложного летописного свода.

* * *

Для того чтобы вывести это предположение из категории чисто историко-литературных догадок, необходимо обратиться к содержанию тех летописных статей, для которых характерны интересующие нас „археологические экскурсии“.

Работами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено, что ряд тмутораканских событий, случившихся в те годы, когда в Тмуторакани в добровольном изгнании проживал Никон, были внесены в киевскую летопись несомненно им. Никон же внес в летописный рассказ и ряд местных преданий, связанных с более ранними событиями в Тмуторакани, как, например, фольклорное сказание о поединке тмутораканского князя Мстислава Владимировича с косожским князем Редедею.¹ Таким образом, ссылка на сохранившуюся „и до сего дне“ тмутораканскую церковь Богородицы, выстроенную Мстиславом, несомненно принадлежит Никону.

Использование фольклора Причерноморья привело Никона и к переработке более раннего рассказа „Сказания“ о крещении Руси на основе так называемой „Корсунской легенды“.² Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды, которой воспользовался Никон, своей топографической точностью указывает на ее причерноморское происхождение.³

Действительно, в рассказе о корсунских событиях мы находим и описание деталей устройства водопровода в Корсуни из колодца, расположенного вне города, и точное указание, где стоят „до сего дне“ церковь Василия, в которой крестился Владимир, палата, в которой он жил, и палата царицы. Упомянут как памятник корсунских событий

¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 424 и сл. — М. Д. Приселков. История..., стр. 38. — Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

² Д. С. Лихачев: 1) Русские летописи..., стр. 87; 2) Повесть временных лет, ч. II. М.—Л., 1950, стр. 336. Ср.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 271.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

и храм, выстроенный в Корсуни самим Владимиром, который также по летописному рассказу „стоит и до сего дне“.

Рассказ о корсунских событиях завершается сообщением о том, как в самом Киеве по средневековой традиции были установлены увезенные из Корсуни в качестве трофеев „иды медяне, два капища и четыре кони медяны“, о которых летописец не преминул сказать своей привычной формулой — „иже и ныне стоят за святою Богородицею“, добавив при этом, что „неведуще“ считают их мраморными.

Следовательно, все четыре ссылки „Повести временных лет“ на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие „и до сего дне“, приводимые в подтверждение рассказа об исторических событиях Корсунского похода, относятся к тому пласту „Повести“, который несомненно восходит к Никоновскому своду 1073 года.

По мнению М. Д. Приселкова, Никон, располагая какой-то болгарской летописью, извлек из нее героические подробности войны Святослава с болгарами и греками.¹ Таким образом, приведенная выше летописная ссылка на опустошенные Святославом греческие города, стоящие „до днешнего дне пусты“, т. е. превратившиеся в городища, также несомненно принадлежит Никону.

Небезынтересно отметить, что в летописном рассказе о болгарском походе 971 года есть еще одно место и по литературной манере, и, что важнее, по политической направленности выдающее авторство Никона. Рассказывая о притворстве греков, пытавшихся обмануть Святослава при переговорах, летописец добавляет: „Се же реща Грьци, льстяче под Русью, суть бо Греди лстивы и до сего дни“.² Один из последующих редакторов Свода 1073 года, настроенный более грекофильски, заменил слово „лстивы“ словом „мудри“,³ явно нарушив смысл довольно ядовитой никоновской реплики.

Политически заостренные ссылки на современность (на „сей день“) были, повидимому, излюбленным литературным приемом Никона. Так, услышав в Тмутаракани хазарское предание о том, что хазары когда-то брали дань с полян, но позже от нее отказались, Никон включил это предание в летопись, заметив при этом: „владеють Козары Русьстии князи и до днешнего дне“ (вероятно, в Тмутаракани).⁴

Рассказы, повествующие о древнейших страницах истории самого города Киева, связанные с событиями военной и политической истории и деятельностью первых князей, принадлежат несомненно Никону. По мнению А. А. Шахматова, рассказом о происхождении Киева начинался „Древнейший Киевский свод“ 1039 года. В действительности этот рассказ был введен в состав летописи, повидимому, Никоном Печерским, который, взяв за основу своего труда „Сказание о первых русских христианах“, составленное в 30-х годах XI века митрополитом Иларионом, добавил к этому „первому произведению по русской истории“ рассказы, касавшиеся светской истории Руси. Никон приступил к собиранию материала для своего труда еще в начале 60-х годов XI века, продолжая эту работу и в Тмутаракани, куда он вынужден был уехать в результате конфликта с киевским князем, и закончил его по возвращении в Киев.

По словам Д. С. Лихачева, „Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, восполняя недостаток

¹ М. Д. Приселков. История... стр. 33.

² Лавр. лет. 6479 (971) г.

³ Ипат. лет. 6479 (971) г.

⁴ М. Д. Приселков. История... стр. 33.

письменных материалов устными источниками".¹ Как в обработке текста древнейшего „Сказания“, так и в своем приложении к нему Никон настойчиво проводит патриотическую мысль, что Русская земля, имеющая за собой немалую военную славу в прошлом, могущественная в настоящем, не нуждается ни в чьей опеке и прежде всего в опеке константинопольской церкви.²

Никон, повидимому, и внес в летопись все рассказы о событиях древнейшей военной и политической истории Киевского государства, прочно вошедшие потом в последующую русскую историографию. Полагаю, что Никону Печерскому принадлежат и те страницы „Повести временных лет“, которые посвящены исторической топографии самого города Киева и некоторых других городов Киевской земли со ссылками на различные памятники и исторические урочища, о которых была речь выше.

* * *

Только один летописный отрывок из числа приведенных выше как будто бы противоречит высказанному нами предположению. Еще А. А. Шахматов, а за ним М. Д. Приселков, расчлняя разновременные пласты „Повести временных лет“, обратили внимание на рассказ, читающийся под 1044 годом во всех редакциях „Повести временных лет“, о том, что в этом году были выкопаны из могил останки („кости“) Ярополка и Олега Святославичей и после совершения над ними обряда крещения положены в киевской церкви Богородицы (Десятинной).³

По мнению названных исследователей, это известие оказывается несогласованным с известием под 977 годом, в котором после описания гибели Олега Святославича было сказано, что его похоронили у города Вручого и „есть могила его и до сего дне у Вручого“. Из этой кажущейся несогласованности известий 1044 и 907 годов делался вывод о том, что летописатель, который излагал предание о смерти Олега Святославича, работал до 1044 года, так как он не знал еще того, что останки Олега были выкопаны.⁴ К этому мнению присоединился позже и Д. С. Лихачев, полагавший, что „летописец, писавший о том, что Олег Святославич был похоронен у Вручого, где могила его есть «и до сего дне», работал до 1044 года, иначе он отметил бы такое важное обстоятельство, как отсутствие в могиле погребенного в ней тела Олега“.⁵

Действительно ли отмеченная тремя исследователями „Повести временных лет“ „несогласованность“ записей 907 и 1044 годов свидетельствует о том, что запись о погребении Олега и о могиле его у Вручого была сделана автором „Древнейшего свода“ и не может быть отнесена к числу дополнений, внесенных Никоном?

Полагаю, что никакой „несогласованности“ между летописными записями 907 и 1044 годов в действительности нет. Не следует забывать, что древнерусское слово „могила“ означает холм, курган, насыпь, а отнюдь не „захоронение“. Поэтому, описывая события, связанные со смертью и погребением князя Олега, Никон совершенно резонно

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

² М. Д. Приселков. История..., стр. 33. — Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 90.

³ „Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святослава и крестиша кости его, и положиша я в церкви святыя Богородица“ [Лавр. лет. 6552 (1044) г.].

⁴ М. Д. Приселков. История..., стр. 17.

⁵ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, стр. 56.

мог вспомнить существовавшую и в его дни высокую курганную насыпь у Овруча, народным преданием связываемую и в это время с именем Олега Святославича, хотя курган был уже разрыт и кости погребенного покоились в Десятиной церкви. Добавим к этому, что известны достаточно многочисленные древние могилы (курганы) — кенотафы (без захоронений), которые насыпались в память погибших на чужбине. Несомненно они также назывались могилами. Из сказанного следует, что известие об Овручском кургане Олега нет особых оснований относить к древнейшему пласту киевского летописания и более правдоподобно рассматривать его в связи с другими летописными экскурсами в область „археологических“ памятников, усматривая в них характерный прием летописной работы составителя Свода 1073 года.

Разумеется, предположение о связи этого приема с летописным творчеством Никона не исключает возможности, что последующие составители и редакторы „Повести временных лет“, в частности Нестор Печерский, под прямым влиянием Свода 1073 года, игравшего огромную роль в формировании последующего киевского летописания, могли в отдельных случаях прибегнуть к аналогичным „археологическим экскурсам“. Несомненно Нестору, в частности, принадлежит приведенная выше ссылка на опустевшие „гради“ уличей и тиверцев, сохранившиеся „до сего дне“ по Днестру „оли до моря“.

Современный исследователь, решающий задачи историко-археологического изучения древнего Киева, не может забыть огромного вклада, внесенного в дело изучения древнейшего долетописного периода истории города киевским летописцем второй половины XI века. Пытливый и ясный ум, глубокое сознание важности и ответственности задачи создания связной и правдивой истории своего народа, разносторонняя образованность и заостренная патриотическая направленность, умение связать славное прошлое своего народа с его блестящим настоящим — все это выдвигает Никона Печерского в разряд наиболее ярких и замечательных деятелей культуры Киевской Руси.

Нельзя не заметить ряда черт, тесно сближающих идейно-политическое содержание литературной деятельности Никона с основными идеями, за осуществление которых боролся несколькими годами ранее митрополит Иларион. Недаром возникла мысль о том, что Никон — это и есть удалившийся в монастырь Иларион.

Прославленный Иларионом как „град величеством сияющь“, древний Киев нашел своего первого историка и археолога в лице Никона. Ему — скромному печерскому летописцу — наша наука обязана замечательной по своей целостности и правдивости реконструкцией облика древнейшего города, который уже для самого летописца был далеким историческим прошлым.

М. О. СКРИПЛЬ

„Слово Даниила Заточника“

„Слово Даниила Заточника“, известное в науке еще со времен Н. Карамзина,¹ остается недостаточно изученным, собственно, до настоящего времени. Вызванная „Словом“ обширная литература не решила окончательно даже важнейших вопросов его изучения, таких, как вопрос о времени его происхождения, об идейном смысле его, о его жанровой природе, о хронологии его редакций, о личности его автора и пр. Все это, конечно, затрудняет определение подлинного места „Слова“ в литературном процессе древней Руси.

„Слово“ сохранилось в поздних списках (не старше XVI и XVII веков), представляющих собой две его редакции. В одной из них, обычно называемой первой, произведение Даниила Заточника именуется „Словом“. Только в самое последнее время открыт новый список этой редакции, начальные строки которого свидетельствуют о том, что в отдельных случаях произведение это называлось „Написанием Даниила Заточника“.² „Слово“ обращено в адрес сына „великаго князя (царя) Владимира“ (неизвестно какого). В другой своей редакции этот памятник называется „Молением“, или „Посланием“, и адресован „князю Ярославу Всеволодичю“.

В адресате „Слова“ обычно видят Ярослава Владимировича, сына Владимира Мстиславича, правнука Владимира Мономаха. Ярослав Владимирович с 1181 по 1199 год несколько раз был новгородским князем. Соответственно с этим и возникновение первой редакции ряд ученых относит к концу XII века. Противники этой точки зрения считают, что адресатом „Слова“ отнюдь не мог быть Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича, так как наименование Владимира Мстиславича „великим князем“, а тем более „царем“ исторически неоправдано. Владимир Мстиславич не отличался никакими личными доблестями и играл весьма неблагоприятную роль в княжеских междоусобицах; киевский стол он занял только на 4 месяца, да и то обманом. Отказавшись от Ярослава Владимировича, некоторые ученые пытались найти адресата „Слова“ среди сыновей Владимира Мономаха — Юрия Долгорукого или Андрея Доброго, полагая, что древнерусский книжник только к одному Владимиру Мономаху мог отнести почетный титул царя. Возникновение „Слова“, таким образом, передвигалось к середине XII века.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. Изд. 2-е, 1819, стр. 150—155.

² М. Н. Тихомиров. „Написание“ Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 269—279.

Однако уже очень давно было выражено сомнение в правильности такого взгляда на „Слово“. Еще в 1857 году Ф. Буслаев высказал мысль о хронологическом первенстве второй редакции, т. е. „Моления“, или „Послания“. Подобное предположение разделялось таким крупным ученым, как В. М. Истрин, а также другими исследователями. В советском же литературоведении эта точка зрения получила широкое распространение, ее придерживаются авторы некоторых значительных статей, появившихся в печати в последние десятилетия: Н. К. Гудзий¹ и В. М. Гуссов². Она вошла в академическую „Историю русской литературы“³ и в учебные пособия.⁴

Согласно этой точке зрения, литературная история „Моления“ представляется в следующем виде. „Моление“ было адресовано сыну Всеволода III Большое Гнездо — князю Ярославу Всеволодовичу, который был одновременно князем Переяславля Суздальского и Новгорода между 1223 и 1236 годами. Наименование Ярослава сыном „великого князя Всеволода“ сторонникам этой точки зрения представляется вполне закономерным: из князей Суздальской Руси Всеволод III первый начал именоваться великим князем; „честным и великим“ назвал и его сына Ярослава автор повести об Александре Невском. Таким образом, „Моление“ могло быть написано в 20-е или 30-е годы XIII века. Позже какой-то переписчик сократил текст „Моления“, изменил имя князя, и создалась так называемая первая редакция — „Слово“. Так в схематичном виде выглядит концепция сторонников старшинства второй редакции. Замечая, что далеко не все в первой редакции „Слова“ можно вывести из текста второй его редакции, некоторые из них склоняются к выводу, что обе редакции происходят от такого текста, который объединяет их характерные особенности. Такую точку зрения особенно конкретно выразил Н. К. Гудзий. „Думается, — пишет он, — что в итоге многочисленных высказываний о загадочном памятнике бесспорным следует признать следующее. Прежде всего ни один из его списков и ни одна из редакций более или менее точного представления о его архетипе не дают... Правдоподобнее всего будет допустить, что архетип заключал в себе элементы так называемых и I и II редакций“.⁵ На вопрос „Какая из этих двух редакций удержала в себе наибольшее количество тех дробных, подвижных элементов, которые входили в состав архетипа“, Н. К. Гудзий отвечает: „та, в которой мы усматриваем наибольшее количество конкретного, фактического, реального, а не отвлеченно-обобщенного материала“. И продолжает: „С точки зрения конкретности, фактической наполненности и историчности, а также присутствия личного начала все преимущества на стороне так называемой второй редакции. Из нее, и только из нее, уясняются конкретно, а не обще те личные жизненные обстоятельства, которые побудили автора написать обращение к своему князю“.⁶

¹ Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934.

² В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949.

³ История русской литературы, т. II, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 35—45.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1950.

⁵ Там же, стр. 478.

⁶ Там же.

Однако ряд советских ученых не разделяет изложенной здесь концепции сторонников старшинства второй редакции. С. П. Обнорский,¹ Б. А. Романов,² И. У. Будовниц,³ М. Н. Тихомиров⁴ и другие считают „Слово“ в его первой редакции произведением XII века. Особую ценность в этом вопросе имеет мнение С. П. Обнорского, так как оно основано на всестороннем лингвистическом исследовании „Слова“.

Изучая русский литературный язык старшего периода по ряду древнерусских литературных произведений, С. П. Обнорский делает заключение, что в языке списков „Слова“ первой редакции сохранились морфологические, синтаксические и лексические черты русского литературного языка середины XII века; язык же списков второй редакции моложе. Этим самым вопрос „о старшинстве по происхождению одной или другой редакции памятника по данным языка“ решается С. П. Обнорским в пользу первой редакции. Определяя точнее возможное время возникновения первой редакции „Слова“, С. П. Обнорский пишет: „... пора сложения памятника сравнительно не далеко отстояла от времени деятельности Мономаха (1063—1125)“. Во второй же редакции он видит „позднейшую переработку основного текста, т. е. первой редакции памятника“, и относит ее к концу XIII или к XIV веку.⁵

Далеко не во всем можно согласиться с С. П. Обнорским в вопросе о возникновении редакций „Слова“. Легко принять его вывод относительно образования первой редакции в середине XII века. Аналогичная точка зрения уже неоднократно высказывалась в науке рядом ученых, исходивших, правда, не из данных языка, а из исторических реалий „Слова“. Кроме этого, и текстологическое изучение „Слова“ также приводит к этому выводу. Но отнесение второй редакции, т. е. „Моления“, или „Послания“, к концу XIII или к XIV веку является несколько неожиданным. Оно противоречит и историческим и текстологическим данным памятника и потребовало от самого С. П. Обнорского весьма искусственного объяснения.⁶ Значительно более обоснованным является уже прочно сложившееся в науке представление о том, что вторая редакция „Слова“ написана в 20-е или 30-е годы XIII века, т. е. в годы княжения Ярослава Всеволодовича в Переяславле Суздальском и в Новгороде.

Такова вкратце история вопроса о взаимоотношении первой и второй редакций „Слова“. На более подробном освещении ее нет необходимости останавливаться, так как внимание ей уделяется почти в каждой специальной работе о „Слове“, а начальные моменты ее неоднократно были предметом подробного изложения. Но в изучении вопроса о времени возникновения „Слова“ и взаимоотношения его редакций есть одна особенность, которую следует отметить. Большинство ученых при решении его опиралось главным образом на исторические реалии „Слова“, конкретность содержания его в разных редакциях и большую или меньшую последовательность изложения в каждой из них. Только С. П. Обнорский сделал смелую попытку определить время возникновения „Слова“ в его первой и второй редакциях по данным языка всех его списков, да И. У. Будовниц выдвинул принципиальное тре-

¹ С. П. Обнорский. Очерк по истории русского литературного языка старшего периода. Изд. АН СССР, Л., 1947.

² Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947.

³ И. У. Будовниц. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). Труды ОДРА, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

⁴ М. Н. Тихомиров, ук. соч.

⁵ С. П. Обнорский, ук. соч., стр. 125—126, 127—128, 129—130 и др.

⁶ Там же, стр. 130.

бование изучения идейной направленности „Слова“ для правильной его датировки. Однако текстологические данные, которые прежде всего следовало бы привлечь при решении вопроса о времени возникновения „Слова“ и его редакций, до сих пор остаются мало использованными. Даже в научно-критических изданиях И. А. Шляпкина,¹ П. Миндалева² и Н. Н. Зарубина³ данные сравнительного текстологического изучения „Слова“ и „Моления“ используются недостаточно при решении вопросов датировки памятника, идейно-художественного своеобразия его редакций, их взаимоотношения и пр.

В настоящей статье я ставлю своей целью дать комментарии к части важнейших мест „Слова“ на основе сравнительного изучения его текстов, полагая, что это окажется небесполезным как для определения времени возникновения его редакций, так и для решения ряда других вопросов его изучения.

* * *

„Слово“ и „Моление“ уже в самом начале, в той части, которую можно назвать вступлением, дают разные чтения. Учитывая их, можно сделать некоторые предположения о том, как называлось данное произведение в оригинале, и ближе подойти к определению его жанровой природы. Я имею в виду изложение второго параграфа.⁴

„Слово“

Бысть язык мой, (яко) трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень (А, II).

„Моление“

И бысть язык мой, яко трость книжника скорописца;

тем окушахся
изреци слово; всяк союз
разверг сердца моего, разбих зле
аки древняя младенца о камень (Ч, II).

Можно с уверенностью сказать, что „Слово“ дает более близкие к протографу обеих редакций чтения этого места. Так, в „Молении“ в этом параграфе пропущены слова: „... и уветлива уста, аки речная быстрость“; в Чудовском списке они полностью отсутствуют, в списке же Ундольского встречаются в ином сочетании в параграфе XIX, так что очевидно, что первоначально они были на своем месте в тексте второй редакции. Но кроме указанного малозначительного разночтения, в этом же параграфе „Моление“ дает другое разночтение, которое невольно привлекает к себе внимание. Вместо слов первой редакции: „Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего“, здесь читаем: „Тем окушахся изреци слово; всяк союз разверг сердца моего“. Это явное искажение первоначального текста, явившееся, повидимому, в результате намерения редактора „Моления“ исправить этот текст. Переделывая текст своего источника, он ищет необходимые ему слова здесь же, поблизости, в контексте. Так, по аналогии с вышенаписанным „да развергу в притчах гадания моя“ он пишет малопонятное „всяк союз разверг сердца моего“. Что же касается начала этой фразы: „тем окушахся изреци слово“, то оно, вероятно, объясняется тем, что

¹ И. А. Шляпкин. Слово Даниила Заточника. Памятники древней письменности, 1889, XXXI.

² П. Миндалев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

³ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII веков и их переделкам. Изд. АН СССР, Л., 1932.

⁴ Ссылки и цитаты везде даются по изданию Н. Н. Зарубина.

источник „Моления“ назывался „Словом“ и это название побудило редактора „Моления“ внести исправление в текст. Фраза „покушахся написать всяк съюз сердца моего“ могла показаться ему неудачной в произведении, которое называлось „Словом“. Отсюда — не „написать“, а „изреши слово“. Очевидно, редактор „Моления“ был менее искушен в литературном деле, чем автор „Слова“, и не имел представления о том, что „Слово“, т. е. ораторское произведение, пишется. Как бы то ни было, но он последовательно именует свой источник „Словом“. Так, в параграфе LXI вместо текста первой редакции „или ми речеши: от безумия ми еси молвил“ мы читаем во второй редакции по Чудовскому списку: „или от безумия, княже, рекл есмь слово“, а по списку Ундольского даже с уточнением: „ды ли речеши, княже: от безумия есть рекл селико (т. е. вот это, данное, — М. С.) слово?“. В последнем случае „Слово“ явно обозначает название произведения.

„Словом“ называется сочинение Даниила Заточника и во всех сохранившихся списках его первой редакции, кроме списка библиотеки музея бывш. Кирилло-Белозерского монастыря № 2871.2. Ж. 74, опубликованного М. Н. Тихомировым, в котором оно именуется „Написанием Данила Заточника“.¹ Необходимо несколько остановиться на этом списке, ввиду того, что издатель его, М. Н. Тихомиров, придает ему особое значение. По его мнению, „«Написание» не было сокращением «Слова», а наоборот, оригинал «Написания», не дошедший до нас, послужил источником для «Слова», дополненным и расширенным рядом вставок“.² К сожалению, это свое мнение М. Н. Тихомиров не подтвердил текстологическим изучением опубликованного им списка. А между тем такое изучение легко опровергает его „рабочую гипотезу“. Оказывается, что этот список происходит от общего со списком Ф. А. Толстого (ГПБ.О.І. № 65) и копенгагенским списком (Копенгагенская королевская библиотека, № 553) протографа. Эти три списка объединяет ряд свойственных им и не встречающихся в других списках разночтений, причем некоторые из них явно к оригиналу не восходят. В ряде случаев список, опубликованный М. Н. Тихомировым, сближается только со списком Ф. А. Толстого. Но текст, представленный им, значительно моложе текста списка Ф. А. Толстого: в нем есть ряд механических пропусков и сознательных сокращений. Вне всякого сомнения, в результате механического пропуска из него выпала известная по толстовскому списку легендарная история „Слова“: „Сии слова аз, Данил, писах в заточение на Беле озере“ и пр. Именно здесь мы находим место, объясняющее название списка бывш. Кирилло-Белозерского монастыря № 2871.2. Ж. 74.

Толстовский список

... И узре князь сие написание и повеле Даниила свободити от горькаго заточения (Т, XLVII).

Кирилло-Белозерский список

От книги глаголемыя пчелы написание Данила Заточеника к своему великому князю (Труды ОДРЛ, т. X, стр. 270).

Все эти наблюдения, на мой взгляд, не подтверждают гипотезы М. Н. Тихомирова, согласно которой „Слово“ и „Моление“ являются „развитием того, что было дано в «Написании»“.³ Наоборот, в „Написании“ мы имеем испорченный и сильно сокращенный текст „Слова“.

¹ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 275.

² Там же.

³ Там же, стр. 279.

Самое заглавие его позднего происхождения и не может поколебать сделанного на основе сравнительного изучения „Слова“ и „Моления“ вывода о том, что сочинение Даниила в оригинале называлось „Словом“.

Таким образом, „Слово Даниила Заточника“ по своей жанровой природе является, повидимому, произведением светского ораторского искусства древней Руси и в этом направлении главным образом должно идти его дальнейшее изучение. Вся важность данного вопроса становится особенно очевидной, если мы учтем, что „Слово Даниила Заточника“ написано, как я стремлюсь доказать ниже, на несколько десятилетий раньше „Слова о полку Игореве“. Жанровую природу „Слова Даниила Заточника“ необходимо учитывать уже и сейчас при дальнейшем комментировании его: благодаря этому вернее раскрывается подлинный смысл его отдельных мест и его идейный замысел в целом.

Комментируемое мною место (второй параграф) важно еще в одном отношении. В нем, на мой взгляд, сформулирована основная цель „Слова“, то, что побудило писателя взяться за перо, написать свое „Слово“ в расчете, очевидно, произнести его перед князем. Можно только поражаться тому, что за стоятидесятилетнюю историю изучения „Слова“ никто из ученых не обратился к этому месту, и оно настолько казалось и кажется непонятным или риторически бессодержательным, что даже выпускалось в хрестоматийных изданиях для высшей школы.

Привожу это место в переводе:

„Был язык мой, как трость книжника скорописца, и речь, успокаивающая, как струя речной быстрины (см. V, XIX). Поэтому-то я попытался написать о путях, сковывающих мое сердце, и с ожесточением разбил их, как некогда младенцев о камень“.

Трудно было с большей выразительностью на аллегорическом языке памятника сказать о том, что автора побудило написать „Слово“ твердое желание освободиться от чувств и мыслей, волновавших его. Слова автора, собственно, опровергают все то, что было сказано о целях „Слова“ в научной литературе. Не княжеская опала, не желание попасть в думцы, не заточение вследствие трусости на войне или воровства и т. п. заставили его обратиться к князю, а внутреннее побуждение, определенный строй идей и чувств. В „Молении“, как мы видим, это место уже сильно изменено. Оно, очевидно, оказалось непонятным для составителя новой редакции памятника.

* * *

Высказав намерение раскрыть в „Слове“ самые заветные свои мысли и чувства, автор ожидает порицания со стороны князя, быть может, потому, что среди сатирических образов, нарисованных им, нашли свое место и „князь скуп“, и княжеский „тивун“, и княжеские „рядовичи“. Но ожидая порицания, он не думает о раскаянии, хотя и сознает, что его одиночество, бесчестие и невзгоды являются следствием того, что он не имеет „плода покаяния“.

„Но боюсь я, господин, порицания твоего, — читаем мы здесь. — Я ведь подобен той смоковнице проклятой: не имею плода покаяния; у меня сердце (непроницаемо), как лицо слепого; и ум мой бодрствует (в одиночестве), как ночной ворон среди развалин;¹ и жизнь моя, как

¹ „Уподобихся неясоти пустыней, бых яко ношный вран на нырищи“ (Пс. СІ, 7—8).

и ханаонских царей, закончилась бесчестьем; и настигли меня невзгоды, как Чермное море Фараона“ (см. А, III—IV).

В „Молении“ вся эта замечательная самохарактеристика автора и раскрытие его взаимоотношений с князем совершенно искажены. Мелкие пропуски, повторение сказанного выше, замена одних слов другими не только затрудняют понимание этого места произведения, но и затемняют его смысл в целом. И если для автора „Слова“ самое главное в том, чтобы отстоять волнующие его мысли, то в представлении редактора „Моления“ герой страдает от того, что „не ста обилие посреде дому“ его. Эта тенденция вести речь от имени героя, впавшего в нищету и ищущего милости князя, еще не раз скажется затем в „Молении“ в переосмыслении и неизбежном искажении отдельных мест „Слова“.

* * *

В литературе о „Слове“ и „Молении“ прочно держится легенда что в жизни Даниила имели место какие-то особые обстоятельства — „худые дела“, „преступление“, которые заставили его „бежать“ и в конце концов оказаться в заточении. Основания для этого ищут в следующих словах введения первой редакции: „Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своя (А, V)“. „Бежа от лица художества моего“ истолковывается как — бежал от худых дел своих (И. И. Срезневский) или бежал от своего ремесла, совершив преступление (М. Н. Тихомиров). Фантастичность такого истолкования этого места „Слова“ становится очевидной, как только мы прибегнем к текстологическому изучению его. Текстологических данных в этом случае вполне достаточно для того чтобы определить, как это место было написано в оригинале сочинения и какой смысл оно имело. В списках „Слова“ это место читается — „бежа (Т бежах; Беломорск. беже) от лица (К отаи) художества моего“. В списках „Моления“ — „бежа от лица худости („Послание“ скудости) моя“. Как же было в оригинале сочинения Даниила — „художества“, „худости“ или „скудости“?

В сочинении Даниила еще раз встречается слово „художество“. Так, в первой редакции в обращении к сыну великого князя (царя) Владимира говорится: „Пусти тучю на землю художества моего (А, XII)“. Редактор „Моления“ уже пишет: „Обрати тучю милости твоя на землю художества моего (У, XLV)“. Это один из конкретных примеров того, как тенденция редактора „Моления“ вести речь от имени героя, впавшего в нищету и ищущего милости князя, приводила к переосмыслению и искажению текста „Слова“. Действительно, в „Послании“ (Ч, XLV) первоначальный смысл этого места уже полностью изменен. Здесь герой просит князя об облегчении своего тяжелого положения („худости“): „Обрати тучю милости твоя на землю худости моя“, в то время как автор „Слова“ — повидимому, действительно сам автор, а не его герой — просит князя о внимании к его „художеству“, а не о какой-то милости или милостыне. По-новому истолковав это место „Слова“, редактор „Моления“ дополняет его изображением радости, которую испытывал бы герой, получив княжескую милость: „да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многу злата; воспую, яко напоец вина; возвеселюся, яко исполин теци пут(ь)“. Всего этого нет в тексте „Слова“, да и не могло быть. Не понимая слова „художество“ в том значении, какое было придано ему в оригинале, редактор „Моления“ заменил его словом „худость“ и выше, во введении,

в выражении „Се же бе написах, бежа от лица художества моего“ и пр. Но контекст оказался в противоречии с этим новым понятием; поэтому редактор изменил все это место, находя, по своему обыкновению, необходимые ему слова в тексте своего источника. Сейчас это место выглядит в „Моление“ так: „Тем окушахся написати. Се бежах от лица худости (Ч скудости) моя, аки Агар рабыня от руки Сарры госпожа своя (Ч, V, VI)“. Текст явно обесмыслен. Его изменение шло следующим путем: „бежа(х) от лица художества моего („Слово“), „... худости моя („Моление“)“, „... скудости моя („Послание“)“.

В контексте „Слова“ это место имеет ясный и определенный смысл. Сказав, что он не раскаивается в том, что он написал, хотя вслед за этим и постигли его невзгоды, и попутно дав замечательную самохарактеристику, автор „Слова“ в конце введения говорит о последних обстоятельствах, сопровождавших его работу; конечно, только работу над „Словом“, а не какую-либо иную. Был ли он думцем, работал ли в княжеской канцелярии, плавил ли золото и серебро, раскалял ли железо, делал ли „замечательные новгородские сосуды“ (М. Н. Тихомиров)—он многое из этого знал и понимал,—но все это не имеет никакого отношения к содержанию введения в „Слове“. Здесь речь идет о его литературном труде,—его „художестве“. „Се же бе написах,—говорит он,—бежа(х) от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своя“, т. е. „И вот написав, я избегал того, что я создал, как рабыня Агарь бежала от своей госпожи Сарры“. И вслед за этим: „Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох к обычной твоей любви (А, VI)“, т. е. „Но я видел, господин, твое расположение к себе („Моление“ Веды, господине, твое доброразумие, „Послание“ ... благоразумие; все совершенно неверно) и прибегнул к твоей неизменной любви“.

И, наконец, замечательная концовка из умело подобранных цитат: „Говорит ведь святое писание: «просите и примете». Давид сказал: «То не речи, не слова, если они не прозвучали (если их нельзя услышать)» (Ч, VII)“. Конкретный смысл этих заключительных слов введения трудно раскрыть. Можно только предполагать, что они выражают желание автора видеть свой труд, свое „художество“, в действии, идеи, высказанные им, осуществленными. Было бы очень смело предполагать, что автор „Слова“ хотел быть услышанным князем („не сут речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их“), произнести свое „Слово“ в его присутствии, так как мы в настоящее время еще не знаем, как часты были в культурной жизни древней Руси случаи устного произнесения так называемых „слов“. Но ораторская природа „Слова“ и близость его автора к князю не исключают такого именно желаний его. Как бы то ни было, но невозможно отрицать, по крайней мере, ясно выраженную здесь заботу автора о своем „художестве“.

Введение в „Слово“ явно автобиографично. В нем хорошо раскрыта цель „Слова“ и обстоятельства его создания. Оно легко развеивает легенду о мнимых преступлениях автора „Слова“ и внушает сомнение в том, что он был в заточении.

Начальные строки его (А, I)—это вдохновенный гимн в честь разума и мудрости: красота и мудрость, по словам автора, укрепляют сердце разумного в теле его. Эта высокая оценка разума и мудрости как лейтмотив проходит через все дальнейшее изложение, конкретизируясь в десятках афоризмов, пословиц, метких и острых слов.

Автор „Слова“ хотел написать обо всем том, что стесняло, отягочало его сердце („написати всяк съуз сердца моего“). Написав, он боится

княжеского порицания и в то же время говорит о том, что ему недоступно раскаяние, хотя невзгоды уже покрыли его, как Чермное море фараона. Он готов бежать от того, что он создал („от лица художества моего“), и только уверенность в расположении к нему князя заставляет его прибегнуть к неизменной любви последнего.

Во введении речь идет только о самом произведении („художестве“) автора, об авторском замысле, об опасности пострадать за то, что уже написано, и в то же время об отсутствии у автора раскаяния в сделанном. Особенно важно то, что в этой явно автобиографической части „Слова“ ничего не говорится о „заточении“ автора или о каком-то его „преступлении“, или о том, что он „впал в немилость“ у князя и т. п., т. е. обо всем том, чем в научной литературе обычно отягощается судьба Даниила. Очевидно, все это только догадки и гипотезы.

Несколько ниже, уже в центральной части „Слова“, автор далеко не двусмысленно говорит о подлинной причине своего обращения к князю, своей мольбы о милости: „Пусти тучю на землю художества моего (А, XI/1)“. Здесь слышится все та же тревога о „художестве“ своим, о своей судьбе, судьбе человека, который „языком“ своим, подобным „трости книжника“, может навлечь да уже и навлек на себя и бесчестие („бусть“ — *impietas*, *ἀσεβεια*, *ἀπόνοια*, *ἐς φληναφον* — обвинение в безумии, глупости, пустословии) и различного рода бедствия („нищету“, нищевати — бедствовать), а может быть, и прямую нищету. Это одно из первых в русской литературе выражений тревоги и опасений писателя за свои мысли и убеждения.

Однако значение введения не только в том, что оно является ключом ко всему „Слову“. В нем мы видим драгоценное свидетельство вообще о литературной жизни древней Руси. По глубине и конкретности раскрытия в нем отдельных фактов творческой биографии древнерусского писателя его трудно сравнить с каким-либо другим документом этой отдаленной эпохи. Через авторскую самохарактеристику, данную в нем, мы проникаем во внутренний мир писателя, поражающий своей сложностью и высоким уровнем культуры.

* * *

В истории изучения сочинения Даниила нередки случаи, когда при определении его редакций ученые оперируют своими представлениями о плане или композиции „Слова“ и „Моления“. При этом сторонники старшинства „Слова“ находят его план более последовательным и логичным, чем план „Моления“. Сторонники же старшинства „Моления“ приходят к диаметрально противоположным выводам. Это и понятно, ведь никто пока что еще не дал себе труда определить особенности плана „Слова“ и „Моления“ путем внимательного сопоставления этих произведений и текстологического изучения их. А между тем ученые встречают здесь такие неожиданности, которые достаточны для того, чтобы предостеречь от слишком поспешных заключений и выводов о последовательности и логичности плана „Слова“ или „Моления“, и в то же время могут натолкнуть на решение более важных вопросов. В этом отношении определенный интерес представляет начало основной части „Слова“ и „Моления“.

Надо сказать, что здесь „Слово“ и „Моление“ резко расходятся между собой в порядке расположения афоризмов. Причина этого не в перераспределении материала составителем первой или второй редакций памятника, а в механической ошибке переписчика протографа списков „Слова“. Переписывая последний параграф введения, писец дошел

до⁷слов: „Глаголет бо в писании: про- (Ч, VIII)“, и, не дописав слова „просите“, перескочил глазами на текст, начинающийся словом этого же корня: „просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будещи царствия небесного; писано бо есть: возверзи на господа печал свою, и тои тя препитает во веки (Ч, XVII)“. Все находящееся между этими двумя текстами оказалось пропущенным. По второй редакции в издании Н. Н. Зарубина это — часть параграфа VII, параграфы VIII—XVI и начало параграфа XVII. В рукописи этот текст занимал несколько листов.

Писец сразу же заметил свою ошибку и стал восстанавливать пропущенные им афоризмы, помещая их после текста, в котором механически слиты первая часть параграфа VII и вторая часть параграфа XVII. Но в самом начале этой работы его постигла новая неудача. Восстанавливая текст: „Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет; тако... (Ч, X; А, VII)“, он вновь допустил механический пропуск, скользнув глазами через несколько строк, и, найдя текст, начинающийся словом „так“, дописал: „и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко оплотом (Т) твердым (Ч, XII; А, VII)“. Получился новый текст, которого не было ни в протографе первой редакции, ни в списках второй редакции.

Затем писец восстановил текст, начинающийся словами „Но не въри на мя, господине, аки волк на ягня (Ч, XVI; А, VIII)“, и текст „Зане, господине, богат мужь везде знаем есть... (Ч, XIII; А, XIII)“.

Заметив, очевидно при проверке написанного, второй пропуск, он решил исправить свою ошибку и восстановил конец пропущенного текста: „Аз бо есмь, княже, ако древо при пути: мнозии бо посекают его и на огонь мечють; тако и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа (Ч, XII; А, XV)“. Так образовалось в дошедших до нас списках „Слова“ первой редакции повторение текста: „так и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа (А, VII и XV)“.

Затем переписчик восстановил весь остальной текст, выпавший при первом большом пропуске: „Княже мои, господине! Яви ми зрак лица своего... (Ч, XV; А, XIX)“; „Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогим (Ч, XVII; А, XXI)“; „Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моа... (Ч, XIV; А, XXVIII)“. Одним словом, все выпавшие при первом пропуске места писцом были восстановлены. Остались не восстановленными только выпавшие при вторичной ошибке писца часть афоризма „Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении“ и афоризм „Вси напищаются от обилия дому твоего“, о которых можно судить по спискам второй редакции.

Эти факты интересны сами по себе, так как они характеризуют степень сохранности текста „Слова“. Но не только в этом их значение. Косвенно они приводят к более ценным наблюдениям. Дело в том, что тексту, выпавшему при первой ошибке переписчика протографа списков „Слова“, в „Молении“ соответствует текст, в который входит упоминание имени князя. После слов: „«просите и примите»; Давид рече: «не сут речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их»“, — бесспорно бывших в протографе списков „Слова“, так как именно первый слог слова „просите“ — „про-“ — и был начальной гранью выпавшего текста, — в „Молении“ идут следующие два параграфа: „Мы же не умолчим, но возглаголем к господину своему всемиростивому князю Ярославу Всеволодичю“ и „Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем,

яко аз раб твои и сын рабы твоя (Ч, VIII, IX)". В списках „Слова“, сохранившихся до нашего времени, никаких следов этих параграфов нет. Но, быть может, они были в протографе списков „Слова“ хотя бы с упоминанием имени другого князя и выпали при первом пропуске, допущенном переписчиком? Но то обстоятельство, что переписчик, заметив свою ошибку, тщательно восстанавливал весь пропущенный текст, внушает нам уверенность в том, что в протографе списков „Слова“ в этом месте не было упоминания ни о каком князе, так как переписчик при проверке текста не упустил бы этого упоминания. Таким образом, наличие этого упоминания в списках второй редакции — не черта оригинала сочинения Даниила, а результат работы редактора „Моления“. „Слово“ же знает только „сына великаго князя Владимира“.

То, что указанные два параграфа „Моления“ вставлены в первоначальный текст рукой редактора „Моления“, изобличается и контекстом памятника. Мы уже видели на нескольких примерах, что редактор „Моления“, часто не понимая текста своего источника, стремился осмыслить не понятое им и давал неверное толкование его. Нечто подобное он допустил и в данном случае. Прочтя конец введения и не поняв его, он формально противопоставил заключительным словам введения: „не сун речи, ни словеса, их же не слышатся гла си их“, свою формулировку: „Мы же не умолчим, но возглаголем к господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодичю“. Дальше же идет самое обращение к князю: „Княже мой, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз раб твой и сын рабы твоя“. О том, что это вставка редактора „Моления“, свидетельствует и необычное для автора „Слова“ местоимение „мы“: „Мы же не умолчим“.

Вся совокупность этих данных, даже без сравнительного изучения различий первой и второй редакций сочинения Даниила, говорит о старшинстве первой редакции. Утверждение В. М. Гуссова и ряда других ученых, что вторая редакция сочинения Даниила является на самом деле первоначальной, а так называемая первая представляет уже ее переделку, окончательно должно быть признано неверным.

Но кого имеет в виду автор „Слова“, говоря о „сыне великаго князя Владимира“? Нет необходимости останавливаться на истории этого вопроса. Она неоднократно излагалась в научной литературе. Нет необходимости и в подробной критической оценке аргументации, привлекавшейся теми или иными учеными в пользу различных претендентов на роль „сына великаго князя Владимира“. Следует прежде всего вчитаться в текст самого произведения.

Есть в тексте „Слова“ и „Моления“ место, смущавшее и продолжающее смущать ученых, так как комментирование его крайне затруднено. Оно-то мне и представляется ключевым при решении вопроса о том, кого имел в виду автор „Слова“, говоря о „сыне великаго князя Владимира“, и при определении времени возникновения памятника.

С большим удовлетворением дважды отметил М. Н. Тихомиров отсутствие в опубликованном им „Написании“ ссылки на князя Ростислава, столь сбивавшей исследователей. Действительно, без нее легче видеть в „сыне великаго князя Владимира“ Ярослава Владимировича, сына Владимира Мстиславича, правнука Владимира Мономаха. Но „Написание“ далеко отстоит от первоначального текста сочинения Даниила, и отсутствие в нем ссылки на Ростислава, — которая, судя по всем сохранившимся спискам памятника, была в его оригинале, — сложного вопроса о Ростиславе не снимает. Автор „Слова“, слышавший Ростислава („Не лгал бо ми Ростислав князь“), не мог бы во времена Яро-

слава Владимировича новгородского сказать о себе, что он „ун възраст“ имеет. А это „ми“ никак иначе, как обычным дательным падежом, не объяснить, так как для этого нет данных в контексте. Да если бы и удалось оставить в стороне Даниила, все равно это не спасло бы положения, так как слова Андрея Владимировича Переяславского оставались бы приписанными Ростиславу. Считать же, что автор „Слова“ допустил такую путаницу в отношении хорошо известных ему князей, также нет никаких оснований.

Мне кажется, что это место „Слова“ будет оставаться непонятным до той поры, пока при его комментировании не будут учтены особенности самого произведения, его жанровая природа.

„Слово“ было написано как произведение светской ораторской прозы. Сам жанр ставил перед автором некоторые формальные требования, в частности требование непосредственного обращения к адресату. Этим объясняется многократное повторение формулы „Княже мой, господине!“ адресат представляется хорошо известным лицом, в обращении к которому позволительно припоминать прошлое, говорить полунамёками и т. п. Автор пишет свое „Слово“, представляя, что он стоит лицом к лицу с князем, непосредственно обращаясь к нему. Понятно, что он не имел оснований давать (или, во всяком случае, мог не давать) более точное, чем он это сделал, определение своего адресата.

Иным было положение редактора „Моления“ или „Послания“: у него все действие переключалось в план переписки героя с его князем, поэтому-то он и назвал князя полным именем.

Что же касается ссылки на Ростислава, то стоит только поверить автору, что он действительно слышал от Ростислава знаменитые слова его дяди, Андрея Владимировича Доброго, князя Переяславского, и напомнил их последнему в своем „Слове“, как трудности комментирования этого места падают сами собой. В обстановке действительного или воображаемого личного обращения автора „Слова“ к князю не нужно было говорить, чьи эти слова. Для адресата „Слова“ ведь это было ясно. И сама аргументация оказывалась весьма убедительной.

„Правильно передал мне князь Ростислав: «Лучше бы мне смерть, нежели Курское княжение»; так ведь и мужу: лучше смерть, нежели продолжение жизни в невзгодах (А, XI)“.

Итак, возникновение первой редакции следует отнести к последним годам жизни Андрея Владимировича Доброго, когда он вновь занял княжение в Переяславле Южном; возникновение второй редакции — к последним годам жизни Ярослава Всеволодовича, в ранней юности княжившего в Переяславле Южном, а с 1213 по 1236 г. — в Переяславле Суздальском.

* * *

Одним из источников „Слова Даниила Заточника“ была „Повесть временных лет“. Автор „Слова“ хорошо знает ее. В „Слове“ есть места, текстуально совпадающие с „Повестью временных лет“. Но это не пространные цитаты, а только небольшие вкрапления летописного текста в речь автора. При первом знакомстве с ними создается впечатление, что мы имеем здесь дело с цитированием летописи по памяти. Вне всякого сомнения, ряд совпадений в тексте „Слова“ с летописью только так и можно объяснить. Однако можно предполагать, что в некоторых случаях автор „Слова“ имел текст „Повести временных лет“

перед своими глазами и именно „Повести временных лет“, так как исторические ссылки в „Слове“ не выходят за ее хронологические грани.

Внимательное изучение совпадений „Слова“ с летописью приводит к выводу, что автор „Слова“ пользуется текстом летописи столь же своеобразно, как и другими своими источниками. Для него она не документ, важный сам по себе, как свидетельство об историческом прошлом народа, а материал, из которого можно черпать убедительные примеры, подтверждающие справедливость его собственных суждений. Поэтому он крайне свободно относится к летописному тексту: делает в нем перестановки, перефразирует его, объединяет разные летописные записи и пр. и т. ч., что особенно интересно, изменяет летописный текст, опираясь на истинное историческое предание.

Таковую, например, сложную историю можно предполагать для объяснения известного места „Слова“: „Яко же бо похвалися Езекии царь (А, XXII)“. Библейская история Езекии была необходима автору „Слова“ как исторический пример того, как высоко должен ценить своих „мужей“ князь. Этой цели и подчинен в данном случае материал летописи и Библии.

Ни в „Повести временных лет“, ни в каком-либо ином произведении древней Руси, оригинальном или переводном, нельзя указать текста, точно и полностью совпадающего с данным местом „Слова“, но объяснить возникновение его из определенных источников можно. Так, прежде всего следует сравнить его с летописным известием под 1075 годом о приходе послов Генриха IV к князю Святославу Ярославичу.

„Слово“

Яко же бе похвалися Езекии царь послом царя Вавилонскаго и показа им множество злата и серебра; они же реша: „наш царь богатеи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей (не) добыти“ (А, XXII).

„Повесть временных лет“

В се же лето придоша сли из немец к Святославу; Святослав же, величаяся, показа им богатство свое. Они же видевше бещисленное множество, злато, и серебро, и паволоки, и реша: „Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доишуть и болше сего“. Сиде ся похвали Иезекий, цесарь Иудейск, к послом цесаря Асурийска, его же вся взята быша в Вавилон: тако и по сего смерти все именье расыпаса разно (ПСРА, т. I, вып. 1, стр. 198—199).

Не может быть сомнения в том, что летописный эпизод о приходе послов Генриха IV к Святославу Ярославичу нашел свое отражение в этом тексте „Слова“: текстуальные совпадения „Слова“ и летописи достаточно определенно свидетельствуют об этом. Здесь прежде всего поражает то обстоятельство, что событие времени княжения Святослава Ярославича становится фактом биографии библейского царя Езекии. Правда, для этого есть некоторое основание, так как в библейском рассказе об Езекии также отмечается аналогичное событие: вавилонский царь шлет „послания и послы и дары Езекии“; Езекия показывает пришедшим к нему послам „дом ароматов, и мира, и стакти, и фимиама, и злата“ и пр. Автор „Слова“ знает об этом библейском сказании, очевидно, не только по летописи, но и непосредственно из Библии (в „Слове“ Езекия „похвалися“, как и в Библии, перед послами царя Вавилонского, а не „Асурийска“, как говорится в летописи). Вследствие всего этого крайне трудно определить — забывчивостью ли его, цитированием ли его по памяти объясняется смешение фактов биографии исторического Святослава Ярославича и библейского Езекии или же это

сознательная дорисовка библейского эпизода, усиление примера, уже использованного „Повестью временных лет“. Если принять второе предположение, тогда станет понятным, почему автор „Слова“ заставляет вавилонских послов отвечать Езекии словами Владимира Святославича („Сребромъ и златом не имам налести дружины, а дружиною налізу сребро и злато“).¹ Объяснение этому также следует искать не в забывчивости автора „Слова“. Он как писатель, а не летописец, повидимому, считал вполне допустимым такое обращение с летописным материалом, раз это было необходимо для более ясного выражения его творческого замысла.

Такова же по приемам использования летописного материала и следующая историческая ссылка автора „Слова“, непосредственно примыкающая к предыдущей: „Яко же рече Святослав князь, сын Ольжин, ида на Царьград (А, XXII)“. Для автора „Слова“ она также имеет значение примера и своим внутренним смыслом связывается с комплексом идей, волнующих его: князь обязан высоко ценить свою дружину, и между ним и ею нет никого, кроме бога.

Обращаясь к этому месту „Слова“, следует прежде всего отметить, что здесь оно читается в более кратком, чем в тексте „Моления“, изложении. Сравнительное изучение „Слова“ и „Моления“ приводит к выводу, что краткость изложения этого места в „Слове“ объясняется сокращением первоначального текста, лучше и полнее сохранившегося в „Молении“. При этом данные текстологического анализа настолько определены, что другое предположение, а именно, что текст „Моления“ является расширением первоначального текста, представленного „Словом“, вряд ли может быть выдвинуто.

„Слово“

Яко же рече Святослав князь,
сын Ольжин, ида на Царьград
с малою дружиною, и рече:
братиа!
нам ли от града погинути,
или граду от нас пленену
быти?

Яко же бог
повелит, тако будеть:

поженет бо един сто, а от
ста двинется тма. Надеяся
на господа, яко гора Сион не
подвизится в веки (А, XXII).

„Моление“

Яко же рече Святослав, сын
Олжин, ида на Царьград (У с)
малою дружиною, и рече: не
ведомо ны есть, братие,
граду ли от нас пленену быти,
или будет нам от града поги-
нути.

Аще бог по нас, кто на ны?
Рече бо (У бог): поражаю и
паки сотворю; воздвижу брани,
уоставлю мир. Нещь храбрства,
ни думы противу мне. Всяко слово
смерть и живот, но мышцею моею
уповают вся страны. Яко же аз
реку, тако и будет: повелю бежа-
ти, и побегут; повелю гнати,
то гонят. Поженет един сто, а
сто подвигнет тму. Надеяся
на мя, яко гора Сион не
подвизится во веки (У, XXII).

Беря эту историческую ссылку в ее полном виде, мы обнаруживаем в ней подбор таких изречений из Библии, главным образом из книги „Второзаконие“,² которые подтверждают мысль автора, что победа в конечном счете определяется волею божьею: „Аще бог по нас, кто на ны?“ и пр. В первой редакции здесь явный пропуск, обесмысливающий всю ссылку, поэтому в оригинале сочинения Даниила следует предполагать текст, близкий к чтению второй редакции.

¹ ПСРА, т. I, вып. 1. Л., 1926, стр. 126.

² И. А. Шляпкин, ук. соч., стр. 73.

Вся эта длинная речь вкладывается в уста Святослава Игоревича и должна, таким образом, играть роль исторического примера. Но в дошедших до нас летописях нет прямых соответствий этому эпизоду „Слова“ и „Моления“. Известная по летописям речь Святослава перед боем с греками имеет мало общего с речью Святослава, „сына Олжина“.

Вот как она читается по Ипатьевскому списку летописи под 971 годом: „И рече Святослав: «уже нам некамо ся дети, и волею и неволею стати противу: да не посраим земли Руские, но ляземы костью ту, и мертвы(и) бо сорома не имаеть; аще ли побегнем, то срам нам; и не имам убегнути, но станем крепко, аз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжет, тоже промыслите о себе»“.¹

Безразлично, исходил ли автор „Слова“ из летописного текста или из устного исторического предания, но речь Святослава приобрела у него совершенно иной смысл, чем та, которую мы знаем по летописи. В ней появилась идея, которая не могла быть доступной князю-язычнику: идея предопределения исторических судеб человечества. Провиденциальная точка зрения на исторические события — это то новое, что автор „Слова“ внес в эту речь Святослава.

Однако не следует думать, что в этом была его основная цель. Характер отношения его к своим литературным источникам, в частности к церковной книжности, заставляет быть осторожным в суждениях о его „историсофии“. Как правило, изречения, взятые им из библейских книг, в контексте „Слова“ теряют свой исконный религиозный смысл. По своей художественной функции они приравниваются к афоризмам из повести об Акире премудром, или из „Изборников“ Святослава, или, наконец, к таким, за которыми слышится русская народная пословица или поговорка. Причем этот пестрый и разнородный материал всегда подчинен определенной задаче — выражению мыслей и чувств автора, его общественно-политических взглядов.

Можно поэтому предполагать, что и в данном случае перед автором „Слова“ стояла политическая задача. Он хотел на „историческом“ примере Святослава по-новому доказать справедливость уже давно феодальной практикой выдвинутой, но в середине XII века приобретающей новое значение идеи об исключительной роли князя в военных делах. Если во внутренней политической жизни, по мнению автора „Слова“, „з добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть (А, XXXIII)“, то в военных столкновениях дело решается не княжескими „думцами“. Между князем и дружиною автор „Слова“ никого не ставит. При „добром князе“ и победа и поражение в конечном счете могут быть объяснены только волей божьей. Такой взгляд на роль князя на войне не ослаблял, а наоборот, укреплял идею о необходимости сильной княжеской власти. Провиденциальная точка зрения автора „Слова“ на исторические события отмечена в данном случае определенной политической тенденцией.

Формально сохраняя этот строй мыслей Даниила Заточника, составитель „Моления“ по сути дела отменит его, противопоставляя ему новые, подсказанные изменившимися историческими обстоятельствами соображения. В сложных условиях татаро-монгольского нашествия он будет давать своему князю, уцелевшему на первых порах только благодаря своей дипломатической изворотливости, более осторожные

¹ ПСРА, т. II, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 59.

советы. Он скажет, опираясь на авторитет Заточника: „Даниил рече (хотя Даниил Заточник отнюдь не имел в виду того, что он ему приписывает, — М. С.): «храбра, княже, борзо добудешь, а умен дорог. Мудрых полцы крепки, и грады тверды; храбрых же полцы силни, а безумни: на тех бывает победа» (Ч, XX)“. Дипломатическая осторожность составителя „Моления“ — это дань времени.

Этими двумя историческими ссылками да словами Андрея Доброго, собственно, и исчерпываются связи „Слова“ с летописью. Что же касается „Моления“, то в нем эти связи несколько шире. Здесь, кроме указанных, находятся еще две исторические ссылки; например Святополка (о битве его с Ярославом) и Боняка (о сражении с уграми). В них как бы продолжается развитие мыслей автора „Слова“ о значении князя или предводителя во время военного столкновения, о необходимости порядка в войске и в то же время предопределенности исхода боя.

Этот эпизод „Моления“ заслуживает особого внимания. В тексте „Моления“ он занимает место, логически вполне определенное, будучи помещенным вслед за изречением о гибельном значении „безнарядья“ для войска (А, XXIII; Ч, XXV и первые строки XXVI). За ним идут два параграфа, отсутствующие в данном месте „Слова“: 1) „Аз бо не во Афинех ростох... (Ч, XXVII)“ и 2) „Не остави мене, яко отец мой и мати моя остависта мя... (Ч, XXVIII)“. За этим в обратном порядке следуют изречения, соответствующие тексту параграфа XXIV и второй половины параграфа XXIII „Слова“ (Ч, XXIX).

Анализируя это место „Моления“, мы обнаруживаем в нем две бесспорные перестановки текста, общего для „Слова“ и „Моления“, и одну вставку, которая может принадлежать только составителю второй редакции этого памятника. Так, изречение „Аз бо не во Афинех ростох“ попало в тексте „Моления“ явно не на свое место. По смыслу оно выпадает из контекста, в котором речь идет о роли и значении „доброего князя“ как главы войска. Важно и то, что в „Слове“ это изречение стоит в другом контексте, почти в самом конце произведения, как бы подводя итоги всему сказанному. Еще определеннее можно констатировать перестановку текста в параграфе XXVIII „Моления“. Здесь изречение „Яко же дуб крепится множеством корения, тако и град наш твоею державою“, которым в „Слове“ начинается целое звено изречений о князе, как правителе княжества, как представителе гражданской власти, также попало не на свое место, разрывая рассуждения составителя „Моления“ о князе-воине. Что же касается изречения „Княже мой, господине! Не остави мене, яко отец мой и мати моя остависта мя, а ты, господине, прими милостию своею“, то оно всем смыслом и формой указывает на авторство составителя „Моления“. Ведь только о его герое можно говорить как о человеке, покинутом отцом и матерью и жаждущем попасть к князю милостью последнего. Составитель „Моления“ еще раз усиливает характерную черту создаваемого им образа.

Итак, в анализируемом отрывке „Моления“ можно указать ряд изречений, попавших сюда по воле его составителя. Остаются трудно объяснимыми только две исторические ссылки — на Святослава и Боняка. Можно ли отнести их за счет авторства составителя „Моления“? Я уже сказал, что в них как бы продолжается развитие мыслей автора „Слова“ о князе-воине, высказанных им, когда речь шла о Езекии и Святославе Игоревиче. Автор „Слова“ говорит здесь о том, как высоко князь должен ценить своих „мужей“, какое исключительное значение сам он

имеет во время военных столкновений и как в конечном счете исход всякой битвы определяется волей божьей. По своему внутреннему смыслу исторические ссылки „Моления“, действительно, примыкают к этому кругу мыслей автора „Слова“. Святополк, которому суждено было быть разбитым, сумел долгое время сопротивляться, так как у него было храброе войско, но все же Ярослав победил его; а Боняк легко победил многочисленное и храброе войско угров, принявших сторону Святополка: что кому определено. „Аще уставица полцы крепко, то аще побежену ему (вероятнее всего, князю,—М. С.) быти, но крепко бився, то же побегнет“,— читаем в „Молении“.

Но мог ли составитель „Моления“ развивать тот круг мыслей автора „Слова“, от которого он сам, как мы видели, вынужден был отказаться под влиянием новых исторических условий, противопоставляя старым феодальным представлениям о необходимости храбрых вождей дипломатическую осторожность „мудрых“? Не правильнее ли будет предположить, что в данном случае „Моление“ удержало текст оригинала, выпавший в „Слове“?

„Трудно допустить,— писал А. С. Орлов,— чтобы упоминания о Святополке и Боняке в нем (в оригинале памятника,—М. С.) не было“.¹ Но А. С. Орлов не приводил никаких доказательств в пользу своего мнения. А между тем справедливость такой точки зрения, кроме указанного уже соображения, можно подкрепить и характером отношения к летописному материалу автора этих исторических ссылок. Летописный материал здесь не только истолковывается в духе концепции автора „Слова“, но и литературно оформляется приемами, характерными именно для него.

Обе исторические ссылки „Моления“ опираются на текст „Повести временных лет“. Текстуальные совпадения между „Молением“ и летописью легко подтверждают этот вывод. Но автор ссылок проявляет крайне свободное отношение к летописному повествованию: он черпает из него исторические примеры и придает летописному тексту такое изложение, которое может убедительнее подтвердить его собственные мысли. Если текст летописи противоречит его суждениям, он решительно изменяет его, не останавливаясь перед нарушением фактической стороны исторического события. Такое отношение к летописному материалу мы уже видели, анализируя исторические ссылки, принадлежащие автору „Слова“.

Историческая ссылка на битву Святополка с Ярославом совпадает с летописной записью об этом событии скорее своим общим смыслом (братоубийца должен быть наказан), чем фактическими подробностями. Текстуально совпадают здесь только несколько слов.

„Моление“

Яко же Святополк и
виноват будя, избив
братию,
но тако ти есть креп-
пок,
едва к вечеру, рече, си-
лою одолев Ярослав (Ч, ХХVI).

„Повесть временных лет“

Ярослав... рече: „Брата моя!..
помозета ми на противнаго сего
убицию и гордаго“...
...бысть сеча зла, яко же не бы-
ла в Руси...
К вечеру же одоле Ярослав
(ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 144).

Вглядываясь в сопоставляемые тексты, мы достаточно отчетливо представляем характер работы автора исторической ссылки на битву

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, стр. 161—162.

Святополка с Ярославом. Соглашаясь с летописной оценкой Святополка как братоубийцы, который должен понести кару, автор не просто повторяет летописный рассказ, а использует его в связи со своей концепцией княжеской власти. Поэтому-то, признавая Святополка виновным, он в то же время утверждает, что Святополк, „яко же и виноват будя, избив братию“, был так „крепок“ (мужествен, храбр) в битве, что смог продержаться в сражении с Ярославом до вечера. Это все та же, ясно выраженная в „Слове“ и затерявшаяся при составлении „Моления“ мысль: хорошо (даже „дивна“ — удивительно, замечательно) „за добрым князем воевати (А, ХХІІІ)“. Таким образом, автор исторической ссылки на битву Святополка с Ярославом придает летописным данным новый смысловой оттенок.

Очевидно, этим обстоятельством объясняются и его литературные приемы. Пространный летописный рассказ о битве Святополка с Ярославом он сжимает буквально до одного предложения и в то же время в духе своей концепции заостряет вытекающий из него вывод.

Автор и в этом случае привлекает исторические данные для раскрытия своего творческого замысла, для иллюстрации и подтверждения своих политических взглядов.

Литературная обработка летописного текста в ссылке на битву Боняка с уграми характеризуется подобными же особенностями. Подробный летописный рассказ о борьбе Святополка Киевского с Володарем, Васильком и Давыдом сокращен здесь так сильно, что подлинный смысл этого исторического примера можно понять только в контексте „Моления“. Угры, несмотря на то что они многочисленны и обучены военному строю, должны быть разбиты: „аще побежену ему быти, но крепко бився, то же побегнет“. Читателю, придерживавшемуся той же феодальной морали, что и автор, была без объяснений понятна „причина“ поражения угров: ведь они приняли сторону Святослава Киевского, преступившего крестное целование.

Уловив общий смысл летописного рассказа, автор исторической ссылки на битву Боняка с уграми уже не интересуется фактическими подробностями сражения и изображает его согласно своим собственным представлениям о тактике боя.

Ссылка эта требует пристального внимания. В ней есть ряд мест, ярко характеризующих приемы литературной работы ее автора. Но есть в ней и „загадки“, решить которые мы беспомощны в настоящее время.

Наивный летописный эпизод о том, как Боняк благодаря своей мудрости заранее определил исход боя с уграми, в ссылке передается несколькими словами: „Боняк судивый хитростию“. Автор ссылки схватывает самое главное в этом эпизоде — свидетельство о военной хитрости Боняка, благодаря которой тот смог побудить вступить в бой и князя Давыда и свои малочисленные полки. Боняк для автора ссылки — образец хорошего военачальника. Именно поэтому он ограничивается выводом из летописного эпизода. И дальнейшее изложение летописного рассказа интересует автора ссылки только постольку, поскольку на основании его можно составить представление о Боняке как о военачальнике. Для него не важна точность передачи. Он стремится передать только общий ход событий, в которых вырисовывается значение военачальника. Поэтому он так свободно излагает описание боя Боняка с уграми.

Текст „Моления“ в очень сжатом виде передает летописный рассказ. Но это не механическое сокращение. Меняется целая картина.

„Моление“

Тако и Бок (У Боняк),
судивыи хитростию и

победив угры и галичь (У победи угры у Галича) онем нарядившемся, но сступився (У нарядившимся на сступ, а сии), яко ловцы рассеявшеся (У рассыпашася) по земли:
тако изби угры на избой, зле их погуби (Ч, XXVI).

„Повесть временных лет“

И наутрия Боняк исполчи вои свое... и раздели на 3 полкы и поиде к угром... Угры же исполчишася на заступы, бе бо угр числом 100 тысящ. Алтунопа же пригна к 1-му заступу, и стреливше побегнуша пред угры, угры же погнаша по них. Яко бежаще минуша Боняка, и Боняк погнаше сека в тыл, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угр опять, и тако множицею убивая сбиша е в мячь. Боняк же разделися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваеть галице...

Глаголаху бо, яко погыбло их 40 тысящ (ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стр. 271).

В летописи рассказывается о том, как легкий отряд половцев неоднократно заманивает полки („заступы“) угров, а Боняк, выйдя из засады в тыл уграм, уничтожает их. В тексте „Моления“ весь этот эпизод излагается иначе: полки угров приготовились к сражению (У „онем нарядившимся на сступ“), а половцы рассеялись (У „рассыпашася“) по земле, как ловцы, и перебили угров. Характер литературной обработки летописного текста ясен. Но почему в тексте „Моления“ — „победив угры и галичь (Ч)“ или „победи угры у Галича (У)“? Трудно отрицать, что текст „Моления“ сложился под влиянием слов летописи: „... и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваеть галице“. Но невозможно предположить, что автор ссылки так небрежно передавал летописный текст и так плохо знал само историческое событие, о котором идет речь. Не читалось ли это место в своем первоначальном виде несколько иначе, чем сейчас по Чудовскому и Ундольскому спискам?

Итак, общий смысл этих исторических примеров соответствует концепции автора „Слова“ о князе-воине, его представлениям о значении князя в военных столкновениях и об истинной силе, решающей исход боя. Приемы литературной обработки летописного материала в этих примерах совпадают с приемами работы автора „Слова“. Все это создает уверенность в том, что исторические ссылки на Святополка и Боняка входили в первоначальный текст сочинения Даниила Заточника.

* * *

При беглом знакомстве с центральной частью „Слова“ создается впечатление, что она состоит из разнородного материала, что здесь наряду с афоризмами, имеющими определенный общественный и политический смысл, есть много и таких, которые касаются только различного рода житейских отношений. Но в действительности это не так. Весь богатый афористический материал „Слова“ подчинен одной основной идее. Намечающаяся биографическая линия писателя (подлинная или воображаемая — это, вероятно, останется навсегда неясным), все разнообразные наблюдения, мысли и жалобы автора, бегло выраженные в отдельных афоризмах или подробно развитые в ряде циклов их, ценны в глазах автора не сами по себе. Они тяготеют, как к своему центру, к идее сильной княжеской власти. Они, с одной стороны, слу-

жат ее конкретизации и, с другой — синтезируются ею в определенное политическое credo автора.

Надо сказать, что эта особенность „Слова“ долгое время ускользала от внимания исследователей. Большинство из них сосредоточивали свое внимание на выяснении биографической линии „Слова“, узко понимая и раскрывая ее. К. Ф. Калайдович первый обнаружил интерес к биографии Даниила. Издавая полный текст Толстовского списка (ГПБ, О. I. 65), он писал: „Даниил, герой эпического Слова, жил в XII веке, был сослан в заточение на озеро Лаче... и там написал сие Послание, которое странным образом дошло в руки князя: Георгий Долгорукий приказал освободить его“.¹ Для К. Ф. Калайдовича все уже представляется ясным: и то, что автор был заточен, и то, что он, находясь в заточении, написал свое произведение, и то, что князь приказал его освободить. Этот наивный биографизм и досказывание за автора превратились потом в своеобразный „метод“ изучения „Слова“.

Блестящая характеристика, данная в 1841 году В. Г. Белинским „Слову Даниила Заточника“, не могла нарушить складывающейся традиции „университетской“ науки: эта характеристика слишком опережала ее. Белинский видел в „Слове“ образец „практической философии и учебного красноречия“, он утверждал, что „оно так и дышит духом своего времени“. По его мнению, Даниил Заточник — это „одна из тех личностей, которые на беду себе слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают..., которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им; которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить“.² Свойственное Белинскому стремление рассматривать литературные факты и явления на широком фоне русской жизни, вникать в их общественный смысл и значение, проявившееся и в данном случае, не нашло в свое время продолжения в научной литературе о „Слове“.

С. П. Шевырев в своих лекциях по истории русской словесности рассматривает „Слово“ в духе высказываний Калайдовича. Он также считает, что Даниил был сослан на озеро Лаче. Здесь Даниил, по мнению С. П. Шевырева, и написал свое произведение „в роде веселом и забавном“, добываясь от своего князя помилования. Правда, С. П. Шевырев уже чувствует связь „Слова с его эпохой“. „Слово, — пишет он, — содержит в себе множество намеков, как должно думать, на современные ему обстоятельства“. Но С. П. Шевырев не может раскрыть эти намеки, так как все они, по его словам, „облечены такой тайной безличности, что мы решительно не можем вывести из них никакого заключения, кроме одного, что оно относится к временам удельным, которых черты ярко обозначаются в Слове“.³

Ничего не сказал об идейном смысле „Слова“ и П. А. Бессонов. Хотя в своей статье об этом памятнике он первый подробно охарактеризовал его обе редакции и много сделал для установления его источников, но этого исследователя все же интересуют главным образом внешние факторы предполагаемой биографии Даниила. Все же остальное в содержании „Слова“ П. А. Бессонову представляется несущественным: и вступление к „Слову“, и указываемые Даниилом обязанности князя, и значение при нем умных людей, и порицание тиунов, //

¹ Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. 227—240.

² В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отч. зап., 1841, т. XIX, № 11, отд. „Критика“, стр. 19—20.

³ С. Шевырев. История русской словесности, т. I, ч. II. М., 1846, стр. 210—213.

и пр., т. е. все то, в чем собственно и находит свое выражение идейный смысл „Слова“.¹

Ф. И. Буслаев также повторяет биографическую легенду о Данииле. Но он уже замечает сатирический характер произведения Даниила, видит, что оно направлено „против бояр, княжеских тиунов, против злоупотреблений монастырских и т. п.“. Оценка общественного значения „Слова“ и „Моления“ у Ф. П. Буслаева еще очень расплывчата. К тому же он дает суммарную характеристику их, тем самым затемняя связи каждого из этих произведений в отдельности с общественной жизнью времени его возникновения.²

В последней трети XIX века наблюдается определенный поворот в изучении „Слова“. Больше внимания уделяется раскрытию общественных взглядов, выраженных в первой и во второй редакциях его. В статьях О. Ф. Миллера, Е. Модестова, И. Н. Жданова, И. Яхонтова, И. А. Шляпкина и других споры ведутся именно по этому вопросу. Складывается мнение о произведении Даниила не как о личном „послании“ или „молении“, а как о литературном произведении, автор которого высказал определенные взгляды „на устройство государства и взаимное отношение его членов“ (И. Яхонтов). Устанавливается резкое различие между первой и второй редакциями его. Подмечается сходство взглядов автора „Слова“ со взглядами Владимира Мономаха и пр. И хотя анализ общественного содержания „Слова“ и „Моления“ еще лишен здесь конкретности, все же в методическом отношении это определенный шаг вперед в изучении данного памятника.³

Немного нового внесло в изучение вопроса об общественном значении „Слова“ и „Моления“ и исследование П. П. Мидалева. По его мнению, автор „Слова“, принадлежа к „думцам“ князя, является носителем идеалов дружины; „Моление“ же сложено не в дружинной среде, его автор — княжеский „домочадец“, холоп.

Из пореволюционных работ особое значение в решении вопроса, интересы какой социальной группы отражены в первой и второй редакциях „Слова“, имеют исследования Б. А. Романова и И. У. Будовнича. Б. А. Романов считает Даниила Заточника представителем государственного класса, принадлежащим к его общественно неустойчивой прослойке, и показывает, как меняется его положение в различной исторической обстановке.⁴ И. У. Будовниц, подробно сравнивая первую и вторую редакцию „Слова“, раскрывает различие в их идейной направленности. В результате своего исследования И. У. Будовниц приходит к выводу, что „Моление“ — это памятник ранней дворянской публицистики, в котором „впервые зазвучал голос молодого дворянства, выступившего с требованием сильной и грозной княжеской власти, опирающейся не на бояр, а на преданных своему государю множество воев“.⁵

Исследования Б. А. Романова и И. У. Будовнича значительно прояснили вопрос об общественно-политических идеалах автора „Слова“ и составителя „Моления“. И автор „Слова“ и составитель „Моления“

¹ П. А. Бессонов. Несколько замечаний по поводу напечатанного в „Русской беседе“ Слова Даниила Заточника. Москвитянин, 1856, т. II, № 7, стр. 325 и др.

² Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 94 и др.

³ Подробное изложение истории вопроса см.: И. А. Шляпкин, ук. соч., стр. 5—40; П. Мидалев, ук. соч., стр. 11—86; И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 138—149.

⁴ Б. А. Романов, ук. соч., стр. 11, 17, 284 и др.

⁵ И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 155—157 и др.

ставят своей целью доказать необходимость сильной княжеской власти. Но конкретные представления об этой власти у них различны в связи с тем, что они отражают различные этапы в развитии феодальной Руси. Вследствие этого „Слово“ и „Моление“ отличаются между собой и в идейном отношении.

В представлении автора „Слова“ князь — центральная фигура в княжестве в отношении политическом, общественном и моральном. Он — надежда, опора и защита всех подданных: „Ты, — говорит автор, обращаясь к князю, — оживление вся человеки милостию своею“, и добавляет: „сироты и вдовицы, от велможь погружаемы“. Образ князя, во все вникающего, все и всех (от храбрых и сильных мужей и добрых бояр до сирот и вдовиц) держащего в поле своего внимания, прежде всего возникает в представлении автора „Слова“. И поэтому так свободно и непринужденно он излагает князю свои жалобы, просит поддержки в тяжелых житейских обстоятельствах и позволяет себе давать резкую оценку поступков не только княжеских тиунов и рядовичей, но и самого князя.

Автор „Слова“ сравнивает себя с травой, растущей „на застении“, лишенной света солнца и дождя, и с деревом, стоящим у дороги, которое „мнози посекают и на огонь мечют“, и считает, что только князь мог бы избавить его „от всех скорбей“ и оградить от обид „страхом грозы своей“ как „оплотом твердым“. Но на помощь и покровительство князя вправе рассчитывать каждый из его подданных. Поэтому свою просьбу Даниил произносит не только от своего имени, но и от имени широкого круга лиц, находящихся в таком положении, как и он: „Возри на птиц небесных, яко тии ни орють, ни сеють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея (А, VIII)“.

Уже в этом образе князя есть черты, которые связывают его с определенным этапом развития идеологии феодального общества. Они еще резче обозначаются, когда автор „Слова“ переходит к характеристике князя как военачальника и правителя.

Хорошо „за добрым князем воевати“, говорит автор. Хорошо потому, что „добрый“ (хороший, сильный) князь полки наряжает, ведь „многажды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя (А, XXIII)“. Это же значение „главы“, по мнению автора, имеет князь и в управлении землей, в мирном строительстве: „Гусли бо страются (Т строятся) персты, а тело основается жилами; дуб крепок (ТКН крепится) множеством кореня; тако и град нашъ твоею дръжавою (А, XXIV)“. В своей княжеской практике князь должен, по мысли автора, опираться на своих сильных и храбрых „мужей“, на „умных“ бояр и „добрых“ (хороших, знатных, почтенных) „думцев“.

Для того чтобы собрать сильных и храбрых мужей, князь не должен жалеть ни золота, ни серебра, потому что „мужи злата добудуть, а златом мужей (не) добыти (А, XXII)“. Щедрый князь — отец слугам многим: „Мнози бо оставляют отца и мать, к нему прибегают“. Он как река, текущая без берегов сквозь дубравы, „наполюще не токмо человеки, но и звери“. Скупой же князь, как река в каменных берегах: „нелзи пити, ни коня напоити“. Также и боярин: щедрый, — как колодец со сладкой водой; скупой — как колодец с соленой водой. Рука князя не должна быть „согбена на подаяние убогим: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоему дому истошки (А, XXII, XXV, XXI)“.

Нарисованный здесь облик князя приобретает уже совершенно конкретные очертания. Это тот идеал князя, тот тип государственного

деятеля, утвердить который в жизни Руси времени раздробленности своим публицистическим пером и своим личным примером с такой страстью стремился Владимир Мономах.

Рядом прямых сопоставлений можно доказать исключительную близость „Слова Даниила Заточника“ к произведениям Владимира Мономаха. В „Слове“ тот же энергичный, во все вникающий, сам „наряды творящий“ на войне и в дому князь, которого мы знаем по произведениям Владимира Мономаха („Поучение“: „Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех... весь наряд и в дому своею то я творил есмь“). Он так заботится об убогих и не позволяет вельможам „погружати“ (потоплять, губить) сирот и вдовиц, как советует это делать своим сыновьям Владимир Мономах („Поучение“: „Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не выдавайте силным погубити человека“). В сознании автора „Слова“, как и в сознании Владимира Мономаха, князь резко отделяется от его приближенных, его прямых помощников — „тивунов“, „рядовичей“ и пр. К нему обращается автор как писатель, ища покровительства и этим напоминая мономахов идеал просвещенного князя.

Автор „Слова“ как бы подхватывает идеи Владимира Мономаха. С меньшей политической мудростью, но с не меньшей страстностью он стремится упрочить в русской действительности завещанный Владимиром Мономахом русским князьям и прежде всего своим сыновьям и своему княжескому роду идеал князя. Автор „Слова“ живет традициями этого княжеского рода. Он близок с внуком Владимира Мономаха, Ростиславом Юрьевичем. Одному из сыновей Владимира Мономаха, Андрею Доброму, он адресует свое „Слово“. Кто он — неизвестно. Но видно, что он выражает идеологию господствующих слоев феодального общества времени раздробленности Руси.

На первый взгляд может показаться, что изменения, внесенные в текст „Слова“ составителем „Моления“, весьма незначительны. Действительно, большая часть афоризмов „Слова“ вошла в „Моление“ в своем первоначальном виде. Несовпадение порядка расположения их в „Слове и в „Молении“ в ряде случаев объясняется чисто внешними причинами: ошибками переписчиков. Редактор не везде убрал даже такие афоризмы, которые противоречили его личным взглядам по весьма важным вопросам. Так, например, в тексте „Моления“ осталось следующее изречение: „Яко же бо паволока испестрена многими иголки, красно лице являет, тако и ты, княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси и по многим странам славен явися (Ч, ХХХ)“. Изречение это находится в резком противоречии с антибоярской тенденцией „Моления“.

Однако „Моление“ написано в новой исторической обстановке, на новом этапе развития феодального общества древней Руси. Составитель его принадлежит к новой, в первой половине XIII века только еще возникающей прослойке феодального класса — к дворянам. И эти обстоятельства являются причиной того, что и тех немногих изменений и дополнений, какие редактор внес в текст „Слова“, оказалось вполне достаточно, чтобы придать ему иной идейный смысл. Как ни молода еще новая социальная группа — дворянство, но составитель „Моления“ уже ясно понимает ее политическое значение. „Княже мои, господине, — говорит он. — Всякому дворянину имети честь и милость у князя“. Он хорошо сознает, какие трудности надо преодолеть, чтобы добиться этой „честь и милости“, и в ряде новых афоризмов блестяще выражает

волю к социальному бытию феодальной мелкоты: „Не оперив стрелы, прямо не стрелити, ни леностию чести добыти; зла бегаючи, добра не постигнути... (Ч, XIII)“.

Однако он уже твердо убежден в том, что только благодаря князю может установиться такой порядок, при котором ему (автору) и его собратьям хлеб перестанет казаться горьким, как полынь, а питье — растворенным слезами. Этим объясняется тот новый строй, который приобретает текст „Слова“ под пером его редактора. В „Молении“ значительно усиливается просительный тон. Автор просит не покровительства для своего „художества“, а милости княжеской по причине своей „худости“ или „скудости (Ч, VI, XX)“. Он готов, используя фразеологию псалтыри, назвать себя сыном рабыни, княжеским рабом, лишь бы добиться этой милости. И, конечно, это не личная просьба: „Яко очи рабыни в руде госпожа своеи, тако очи наши в руку твою (Ч, IX, VI)“. В этом самоуничижении видна определенная тенденция. Подчеркиванием незнатности своего происхождения составитель „Моления“ как бы противопоставляет новую социальную группу, — представители которой могли надеяться на княжескую „честь и милость“ только благодаря своим личным достоинствам, главным образом уму, — знатым и родовитым вельможам. „Луче един смыслен, — говорит он, — паче десяти владеющих грады властелин без ума (Ч, XX)“.

Новая направленность „Моления“ характеризуется также несколько иным отношением его составителя к князю, чем то, которое мы наблюдали у автора „Слова“. Правда, и тот и другой отстаивают идею сильной княжеской власти. Но если автор „Слова“ еще признает необходимость участия в управлении княжеством „добрых думцев“, порицая только лихих, то составитель „Моления“ высказывается против „думцев“ вообще. „Не корабль топит человека, но ветер, — говорит он, — тако же и ты, княже, не сам владеши, в печали введут тя думцы твои (Ч, XXIII)“.

Еще ярче новое в оценке княжеской власти сказывается у составителя „Моления“ в том противопоставлении отношения дворянина к службе у князя и к службе у боярина, которое было совершенно недоступно для автора „Слова“. Автор „Слова“ говорил: „Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей работы (А, XXV)“, равно относя его и к службе у князя и к службе у боярина. Составитель же „Моления“ проводит в этом отношении резкую грань между князем и боярином. Он предпочитает носить „лыченицы“ в княжеском доме, вместо того чтобы ходить „в черлене сапозе в боярстем дворе“; служить князю „в дреузе“, нежели „в багрянице в боярстем дворе“; пить воду в доме у князя вместо меда „в боярстем дворе“; принять испеченного воробья из рук князя, „нежели боранье плечо от государей злых (Ч, XXXVI, XXXVIII)“. Этот антибоярский выпад заканчивается уже знакомым нам по тексту „Слова“ изречением: „Добру господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшие работы (Ч, X)“. Но в контексте „Моления“ это изречение имеет иной смысл, чем в „Слове“: здесь „добрый господин“ — князь, а „злой“ — боярин.

Проведение такой резкой принципиальной разницы между службой князю и службой боярину бесспорно является отражением глубоких изменений, происшедших в феодальных отношениях на Руси в XIII веке. Мелкие феодалы в самой действительности предпочитали ориентироваться на князя, а не на бояр. Идеология именно этой прослойки феодального класса и нашла свое отражение в „Молении“.

Н. Н. ВОРОНИН

Политическая легенда в Киево-Печерском патерике

В „Слове о создании великой церкви Печерской“, составленном владимирским епископом Симоном и образующем обширное вступление к сложившемуся в середине XIII века Киево-Печерскому патерику, есть несколько мест, давно привлекавших внимание историков русского искусства.

Особый интерес в этом произведении представляет „Слово 4-е“ — „О пришествии писцев церковных“, — где мы находим рассказ о строительстве Мономахом и Юрием Долгоруким соборных храмов в Ростове и Суздале „в чин и в подобие“ великой Печерской церкви и в „ту же меру“. Рассказ этот входит в ткань повествования как бы случайно и неожиданно. Сообщив „чудесные“ обстоятельства прибытия в Киев греческих художников из „Константина-града“ и доведя рассказ до пострига и смерти „писцов“, Симон неожиданно возвращается к истории „дивного чудеса“, когда „святой же дух огнем невестственным яму ископа“ для фундамента храма. Оказывается, что свидетелем этого „чуда“ был князь Всеволод, приехавший сюда из Переяславля с юным Владимиром — будущим Мономахом. Последний был болен и тут же получил исцеление, будучи „обложен“ „золотым поясом“ варяга Шимона. В связи с этим и сообщается о позднейших событиях: „И во своемъ княжении христолюбець Владимир, вземъ меру божественна тоа церкви печерская, всемъ подобиемъ създа церковь в граде Ростове: в высоту, и в ширину, и в долготу, но и письма на хартии написавъ, идеже кийждо праздник в коемъ месте написан есть, — сия вся в чин и в подобие сотвори по образу великоа тоа церкви Богоназначенна. Сын же того Гюргий князь, слыша от отца Владимира еже о той церкви сотворися (т. е. рассказ о чудесах с постройкой Печерского собора, — *Н. В.*), и той во своемъ княжении създа церковь во граде Суздаде, в ту же меру. Яже по летехъ вся та (т. е. Суздальская церковь, — *Н. В.*) распадошася, сия же едина Богородичина (т. е. Печерская церковь, — *Н. В.*) пребывает в веки“.¹ Этот текст как бы заключает „Слово“, объясняя его смысл и цель.

Данный рассказ епископа Симона о сооружении храмов на северо-востоке по образцу („по образу“) Печерского собора не вызывал у исследователей сомнений в отношении его правдоподобности. Развитие древнерусского зодчества в русле изучения и переработки масте-

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 9. В варианте 1 Кассиановской редакции „Патерика“ вместо „вся та“ значитъ „ты“, т. е. „те обе (ростовская и суздальская) церкви“; также в Феодосиевской редакции: „все ты“, т. е. все те церкви „распадошася“ (стр. 235 и 254).

рами старых образцов было подтверждено изучением ряда памятников и показаниями позднейших источников;¹ тем более закономерно было обращение к образцу в раннюю пору истории русского зодчества — в XI—XII веках. Первый каменный собор в Суздале действительно был построен при Владимире Мономахе;² В Ростове же существует новый Успенский собор XVI—XVII веков, поставленный, как можно было думать, на древнем основании первоначального храма: он имеет необычный для XVI—XVII веков шестистолпный план, близкий по размерам Печерскому собору. Авторитет епископа Симона, видимо, хорошо знавшего прошлое своей епархии и ее главных храмов, также поднимал доверие к приведенному тексту. Этот текст и стал одним из основных аргументов в системе доказательства огромного значения киевского наследия в развитии культуры и искусства русских княжеств периода феодальной раздробленности. При этом руководящая роль Печерского собора как архитектурного „образца“ распространялась не только на Ростово-Суздальскую Русь, но и на другие княжества, в столицах которых создавались храмы, одноименные Печерскому собору, т. е. посвященные Успению богородицы.³ Действительно, по своему общему типу шестистолпного, трехапсидного храма эти постройки были сродни Печерскому собору, но лишь в самых общих чертах.

Весьма существенно, что сведения, сообщаемые епископом Симоном, не находят себе подтверждения в летописных источниках.

Относительно первого Суздальского собора в летописях нет современной и точной записи под определенным годом о его постройке Мономахом. Об этом мы узнаем лишь из позднейшего текста под 1222 годом о перестройке собора князем Юрием Всеволодовичем: „Великий князь Гюрги заложил церковь каменную святых Богородица в Суждали на первомь месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушиться старостью и верх ея впал бе; та бо церкы создана прадедом его Володимером Мономахом и блаженнымъ епископомъ Ефремом“.⁴ Таким образом, припоминание о постройке Мономаха попало в летопись лишь в связи с разрушением собора в 1222 году, причем, видимо, летописец уже не располагал данными о ее дате; ничего не говорит он и о печерском „образце“, но упоминает об участии в постройке епископа Ефрема. Существенно, что о нем умалчивает текст епископа Симона, назвавший к тому же в качестве строителя собора уже не Мономаха, а его сына Юрия, который был тогда еще маленьким мальчиком при пестуне Георгии Шимоновиче и являлся лишь номинальным князем Ростово-Суздальской земли; упоминание в тексте Симона о том, что суздальская церковь „распадошася“, позволяет датировать „Слово о создании церкви Печерской“ временем не ранее 1222 года и скорее после 1225 года — года окончания нового Суздальского собора, о котором Симон говорит: „юже сам създах“.⁵ Можно также сделать и обратное заключение, что внесение в летопись припоминания об основании Суздальского собора Мономахом было как-то связано с литературным

¹ Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 73 и сл.

² Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

³ Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 268—269. — Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 143 и 341—342.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

⁵ Патерик, стр. 76. — История русской литературы, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 339.

трудом Симона, писавшего в это время свое панегирическое и насыщенное сплошными „чудесами“ „Слово“.

Благодаря раскопкам А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина мы получили возможность увидеть и изучить остатки Мономахова собора в Суздале.¹ Была вскрыта часть южной стены и юго-западного угла и часть южной апсиды. Собор был сложен в технике смешанной кладки из рядов камня и кирпича, характерной для зодчества Поднепровья XI века. В плане храм был шестистолпным, трехапсидным; в его западной части выделялся простенок нартекс. В общем тип здания был сходен с собором Печерского монастыря. Однако, вопреки показаниям епископа Симона, что собор в Суздале был построен „в ту же меру“, как и Печерский, Суздальский собор был гораздо меньше его. Внутренние размеры здания равны примерно 15 × 23.5 м, тогда как соответственные размеры Печерского собора равны 20.25 × 32.80 м. Таким образом, „образец“ последнего не был руководящим при постройке Суздальского храма, во всяком случае он был построен не „в ту же меру“. Если бы Симон имел в виду указать не на размеры, а на пропорции храма, то едва ли было бы столь точно разъяснено, что была взята „мера“ Печерской церкви „в высоту, и в ширину, и в долготу“. Следовательно, в рассказе епископа Симона о строительстве в Суздале на рубеже XI—XII веков налицо элемент нарочитого вымысла.

Относительно постройки Мономахом собора в Ростове рассказ епископа Симона совершенно одинок. Его не поддерживают ни прямо, ни косвенно ни летопись, ни другие источники. В летописи мы находим упоминание о Ростовском соборе лишь в связи с его пожаром в 1160 году. При этом оказывается, что это был монументальный деревянный, а не каменный храм. В Лаврентьевской летописи сообщается, что „того же лета погоре Ростов и церкы святое Богородице (сгоре) и яко же не было ни будеть“.² В Тверском летописном сборнике, использовавшем ростовский летописный материал, и позже в Воскресенской и Никоновской летописях и Степенной книге уточняется, что сгорела „церков дубовая... якова не бывала, потом таковой не бывати; а стоала та церковь 168 лет“,³ и что она была „чудна“.⁴ Постройка этой церкви связывается с легендарными ростовскими епископами Федором Гречином или Иларионом.⁵ В пергаменном прологе XIII—XIV веков находим указание, что епископ Леонтий был погребен в церкви Богородицы, которую якобы „создал прежде бывший его епископ“.⁶ А так как Леонтий и был в действительности первым ростовским епископом,⁷ то, видимо, „чудный“, рубленный из дуба соборный храм был построен им, т. е. не позже начала 70-х годов XI века. После пожара 1160 года на месте сгоревшей церкви князем Андреем Боголюбским в 1161—1162 годах был построен новый каменный храм.⁸ Подробности

¹ А. Д. Варганов. *Архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.)*. КСИИМК, вып. XI, М.—Л., 1945, стр. 99 и сл.

² Лаврентьевская летопись, под 1160 г.

³ ПСРЛ, т. XV, стб. 230.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 313—314.

⁵ О происхождении легендарной версии о древности Ростовской епископии, отраженной в житии Леонтия епископа ростовского, см.: М. Д. Приселков. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.* СПб., 1913, стр. 135—140.

⁶ А. Н. Насонов. „Русская земля“ и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 181, примеч. 1.

⁷ Патерик, стр. 76.

⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 233—235.

о его постройке и открытии мощей епископа Леонтия сообщает его „Житие“, полное весьма реалистических деталей.¹ Поздние источники дополняют, что это была „первая каменная церковь в Ростове“.²

Наши раскопки, проведенные в 1954 году с целью поисков остатков первоначального здания в составе стен существующего собора XVI—XVII веков, показали,³ что сведения летописи оправдываются, версия же епископа Симона не подтверждается. Никаких следов кирпичного строительства времени Мономаха не было обнаружено. В основании стен существующего собора лежит белокаменная кладка собора 1161—1162 годов, типичная для памятников строительства 60-х годов XII века во Владимире и Боголюбове. Можно, следовательно, утверждать, что по крайней мере на данном месте никакого храма, построенного на рубеже XI—XII веков, не было. Мы не сомневаемся, однако, что его не было и вообще в Ростове: епископ Леонтий был погребен в деревянном соборном храме, что едва ли произошло бы, если бы в городе был каменный собор.⁴

Таким образом, рассказ епископа Симона о постройке в Ростове каменного собора Мономахом является целиком вымышленным. Однако этот вымысел разделяется и другим автором Патерика — Поликарпом, который сообщает, что был в Ростове, когда в 1204 году Ростовский собор рухнул, и что это, по его словам, была церковь, построенная Мономахом („юже сам созда, иже и доньше стоять, ей же аз самовидець бых“).⁵ Следовательно, перед нами определенная концепция, разделяемая обоими писателями — Симоном и Поликарпом.

Существенно также, что в летописной записи 1222 года рядом с именем Мономаха, строителя первого Суздальского собора, назван епископ Ефрем. Его имя всплывает ранее и в рассказе о сожжении Суздаля князем Олегом во время усобицы 1096 года: там упомянуто, что при пожаре уцелел лишь „двор монастырьский Печерьскаго монастыря и церкви яже тамо есть святаго Дмитрия, юже бе дал Ефрем и с селы“.⁶ Подразумевается, что церковь Дмитрия, построенная, вероятно, печерским выходцем и игуменом Димитриевского монастыря в Киеве, а затем преемником Леонтия на ростовской кафедре Исаией, после смерти последнего была передана епископом Ефремом вместе с его селами Печерскому подворью в Суздале. Очевидно, что к устройству церковных дел на северо-востоке имел отношение не только Печерский монастырь, давший сюда первых епископов — Леонтия и Исаию, но и епископ Ефрем. Кто был этот Ефрем? Епископ Симон в своем списке епископов — выходцев из Печерского монастыря — называет Ефрема переславского, известного по летописи, и Ефрема суздальского, летописью не отмеченного.⁷ В этом указании епископ Си-

¹ Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 7 и сл.

² Летопись о ростовских архиепях. СПб., 1890, стр. 1—2.

³ См. отчет о раскопках в Архиве ИИМК.

⁴ Любопытно, однако, что план Ростовского собора 1161—1162 годов, повторенный с некоторыми отступлениями планом существующего храма, близок по размерам собору Печерского монастыря и превосходил по величине Успенский собор во Владимире 1158—1161 годов. По словам жития Леонтия, заложенный над его гробом храм 1161 года был „мал“ и лишь по просьбе „людия“ Андрей распорядился увеличить его (Житие, стр. 7). Весьма вероятно, что стремление повторить в Ростове величие Печерского храма было связано с печерским происхождением „первого мученика“ Ростова и с задачей его церковного прославления.

⁵ Патерик, стр. 124.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1096 г.

⁷ Патерик, стр. 76.

мон снова одинок: владими́ро-суздальская епископия возникла лишь в 1214 году и первым епископом здесь был сам Симон, конечно, знавший, что раньше епископии в Суздале не было. Приведенные упоминания летописи о епископе Ефреме под 1096 и 1222 годами относятся исследователями к Ефрему переславскому.¹ Это — крупная фигура церковной истории второй половины XI века. Выходец из феодальных верхов („каженик некто от княжа дому“), постриженный в 1061 году в Печерском монастыре, Ефрем переславский был одним из первых „сановитых“ монахов, способных возглавить новые епископии; он ездил в Константинополь для ознакомления с византийскими монастырями и стал епископом вотчины Всеволода и Мономаха — Переслава Русского, где и прославился необычайной любовью к строительству.² Ефрем, как полагают, совмещал управление переславской и ростовской епархиями после смерти ростовского епископа Исаяи.³ Возможно, что сведения о его причастности к истории северной вотчины мономашичей и церковному строительству здесь были почерпнуты из Летописца Переслава Русского, который вновь привлекался владимирским летописцем при составлении великокняжеского свода князя Юрия 1228 года.⁴ Существенно, что Лаврентьевская летопись сохранила и наиболее полное и обстоятельное описание строительства Ефрема в Переславе Русском.⁵ Весьма вероятно, что и строителями Суздальского собора были мастера, отстраивавшие епископскую резиденцию Ефрема в Переславе.

В чем же все-таки причины упоминания Симоном еще епископа Ефрема суздальского? Вряд ли можно согласиться с мнением М. Д. Приселкова, что кратковременное „слияние“ переславской и ростовской епископий под управлением Ефрема „было необычным уже для XIII в.“ и что поэтому Симон „двоит переславского епископа Ефрема“.⁶ Этот „второй“ Ефрем в списке иерархов у Симона имеет ближайшее отношение к выясненной выше тенденциозной попытке изобразить строительство первых храмов на северо-востоке в связи с исполненной „чудес“ Печерской лаврой и образом „богознаменной“ Печерской „великой церкви“. „Слово“ о ее постройке было составлено Симоном с намеренной целью прославить Печерский монастырь. Как Симон, так и Поликарп „поддерживали культ своего монастыря, утверждая его общерусское значение, всячески рекламировали авторитет его магических сил и с особенной настойчивостью напоминали о славном прошлом своего монастыря в XI и в первой половине XII в. Этот героический период... связывался в сознании писателей первой четверти XIII в. с воспоминаниями о былом могуществе всего Киевского государства, которое теперь силой истории уступило свое место Владими́ро-Суздальской Руси“.⁷ Владимирские преемники Мономаха Андрей Боголюбский и

¹ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 1, Указатель лиц, СПб., 1898, стр. 326. — П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, стлб. 329, 651. — Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, М., 1901, стр. 339, примеч. 2. — М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 291—292.

² М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 173—175, 203. — Анализ летописных сведений о переславском строительстве епископа Ефрема и данные о раскопках собора Михаила см.: М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком. В кн.: Зодчество Украины. Киев, 1954, стр. 272—282.

³ М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 291—292.

⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 89.

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 29.

⁶ М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 292.

⁷ История русской литературы, т. I, стр. 338.

Всеволод III, упорно борющийся за гегемонию своей Владимирской державы в разорванной на феодальные княжества Русской земле, потратили немало сил на создание и церковного приоритета русского северо-востока. Создание культа Владимирской иконы богородицы, учреждение без санкции высшей духовной власти владимирского праздника Покрова богородицы,¹ открытие мощей ростовского епископа Леонтия — „первого мученика“, павшего в борьбе с язычниками, связанная с попыткой его канонизации легенда об учреждении ростовской епархии самим цареградским патриархом в конце X века;² другой — уже чисто политический — миф об основании Владимира на Клязьме до Мономаха — Владимиром Святославичем,³ — все эти церковно-политические мероприятия, направленные на аргументацию законности притязаний Севера на автокефальную епископию сопровождались широким строительством многочисленных, пышно украшенных белокаменных храмов, большой и сложной литературной работой. Эти церковные мотивы пронизывали владимирское летописание XII века.⁴ Было создано (до 1165 года) „Сказание о чудесах“ Владимирской иконы⁵ и цикл церковно-служебных произведений, связанных с праздником Покрова (60-е годы); наконец, между 1164—1174 годами оформляется житие епископа Леонтия.⁶ Возвышение авторитета владимирской церкви имело немаловажное значение и для укрепления позиций церкви как крупнейшего феодала в ее столкновениях с княжеской властью, которая в скором времени покусилась на епископские владения (секуляризация князем Ярославом имений ростовского епископа Кирилла). Епископ Симон в своей литературной работе продолжает эту же линию. Он не только патриот Печерского монастыря. „Святительства нашего власть сам веси, — пишет он Поликарпу. — Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, и сиа съборныа церкви красоты Владимирьския и другиа Суждаляския церькви, юже сам създах? Колико имеа градов и сел, и десятину събирають по всей земли той! И тем всем владееть наша худость...“⁷ Симон, притворно унижаясь, гордится экономическим могуществом владимирской епископии. Но за этими прозаическими эмоциями крупнейшего духовного феодала сквозит и искренняя патриотическая гордость новой северной родиной, ее богатством и многолюдством, художественным совершенством созданных владимирскими каменосецами храмов. Симон стремится увеличить их культовую значимость, показать святость их красоты, идеалом которой являются в его сознании здания Печерского монастыря. Так складывается определенная церковно-историческая и религиозно-эстетическая концепция Симона о „чуде“ с исцелением Владимира Мономаха и о постройке им соборов Суздаля и Ростова „по образу и подобию“ великой Печерской церкви. Это переносило ореол славы и величия киевской святыни на храмы Севера, поднимало

¹ Сергей. Андрей юродивый и праздник Покрова. М., 1896. — А. М. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. „Приходское чтение“, 1911, № 19.

² М. Д. Приселков. Очерки. . . , стр. 135—140.

³ ПСРЛ, т. IX, стр. 209. — А. Н. Насонов. „Русская земля“ . . . , стр. 182 и примеч. 4.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Владимирские летописные своды. В кн.: История русской литературы, т. I, стр. 305—306.

⁵ Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы. Предисловие В. О. Ключевского. СПб., 1878.

⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 3 и сл.; А. А. Богуславский. Ростовские жития. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, Л., 1945, стр. 65. Автор готовит особый очерк о владимирской церковно-литературной работе 60-х годов XII в.

⁷ Патерик, стр. 76.

их авторитет. Нужды нет, что все это было вымыслом, что в Ростове Мономах совсем не строил собора, а действительно построенный им Суздальский собор вовсе не следовал „мере“ желаемого Печерского „образца“. Вымыслом было полно церковно-литературное творчество владимирских витий и политиков XII века, аргументировавших свои реальные претензии созданием новых легенд к вящей славе своего княжества. В этой связи естественно было предать забвению простую и реальную картину постройки Мономахом по совету с епископом переславским Ефремом сравнительно небольшого собора в Суздале, который возможно и строили переславские мастера Ефрема без всякой „чудесной связи“ с печерской святыней. Поэтому рядом с реальным Ефремом переславским, исчезнувшим из повествования Симона, в его списке епископов появляется „Ефрем суздальский“, также никак не участвующий в переносе Мономахом на север печерской традиции.

Такова еще одна археологически обнаруженная „печерская легенда“, вpletенная Симоном в его „Слово о создании церкви Печерской“ и являющаяся едва ли не основным побудительным мотивом и к самому составлению „Слова“ и его идейной концовкой.

В этой связи становится вполне ясным, что и рассказ Симона о „чудесном“ приходе царградских зодчих, якобы строивших Печерский храм, является также „историко-архитектурной легендой“, созданной Симоном с теми же целями прославления Печерского монастыря как носителя ортодоксальной архитектурной традиции.¹ В действительности Русь конца XI века не нуждалась в новом призыве греков — развитие русского зодчества было целиком в руках русских мастеров.

И все же разобранная в этой заметке „печерская легенда“ не теряет своего большого исторического значения. Она в искаженной церковно-религиозной форме отражает реальную значимость киевского культурного наследия для формирования культуры Северо-восточной Руси. Данный частный случай проявления этой киевской традиции в распространении определенной архитектурной типологии также остается в силе, но с иной формулировкой. Сейчас, после новейших археологических исследований в Киеве, можно полагать, что действительным „образцом“ трехнефных, шестистолпных храмов конца XI—XII веков было основное шестистолпное ядро Десятинной церкви (Успения богородицы).² Ее размеры (15.75×24.50 м) довольно близки размерам Суздальского собора Мономаха (15.0×23.5 м), который, по данным поздних источников, также первоначально назывался Успенским.³

Стремление же епископа Симона как можно убедительнее и конкретнее обосновать свою легенду и показать связь Владимирского княжества и церкви с культовой и художественной традицией Печерского монастыря — очага национального, антигреческого течения в церковной политике — имело глубоко положительный смысл. Симон и Поликарп, „всегда подчеркивая в своем изложении общерусское значение Печерского монастыря и его деятелей..., доводили до сознания широких масс одну из самых исторически прогрессивных идей литературы и предшествующего периода — идею единства Русской земли. И в этом их несомненная заслуга“.⁴

¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси, стр. 150.

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. К., 1950, стр. 75.

³ Летописец XVIII в. Древняя российская вивлиофика, т. 19. М., 1791, стр. 366—367.

⁴ История русской литературы, т. I, стр. 346.

Н. А. КАЗАКОВА

Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси

В XIV—XV веках в Новгороде и Пскове возникло первое на Руси широкое еретическое движение, известное под названием ереси стригольников. История ереси стригольников давно привлекала внимание исследователей. Об этом еретическом течении писали многие авторы — историки России, русской культуры и русской церкви как в своих общих трудах, так и в специальных исследованиях, посвященных изучению ереси.

Ценный вклад в изучение ереси стригольников внесла советская историография. В результате работ советских исследователей окончательно опровергнут тезис об иностранном происхождении стригольничества; показаны социальные корни ереси, порожденной глубочайшими противоречиями феодального общества; дано четкое определение сущности ереси как ереси городской; подчеркнут критический рационалистический характер идеологии еретиков. Но, к сожалению, эти ценные мысли часто высказывались в форме отдельных замечаний, не подкрепленных соответствующим анализом источников. Специального исследования, в котором были бы освещены все стороны движения стригольников, в советской литературе до сих пор не имеется. Настоящая статья ставит своей целью охарактеризовать идеологию стригольников в целом, насколько это возможно сделать на основе скудных и отрывочных известий сохранившихся источников.

* * *

Никогда церковь не играла такой большой роли в жизни общества, как в средние века. Церковь являлась крупнейшим феодальным собственником: в огромных земельных владениях церквей и монастырей работали тысячи и тысячи крепостных крестьян, своим подневольным трудом создававших те колоссальные богатства, которые скапливались в руках церкви. Будучи сама крупнейшим феодалом, эксплуатируя труд феодально зависимого крестьянства, церковь в то же время являлась носителем и проводником феодальной идеологии, укреплявшей и освящавшей базис феодального общества. Основные заповеди христианской религии использовались церковью для того, чтобы внушить народу убеждение в неизбежности феодальной собственности и феодальных порядков, приучить народные массы смиренно и покорно переносить горькую земную долю в надежде на загробное блаженство. В период средневековья все отрасли человеческого знания — история, юриспру-

денция и т. д. — были подчинены церкви, и даже сама философия являлась не более, чем служанкой богословия. Подчеркивая то положение, которое церковь занимала в феодальную эпоху, Энгельс указывал, что она выступала в качестве наивысшего обобщения и санкции существующего феодального строя.¹

Неудивительно, что при этих условиях выступления против феодализма часто принимали форму выступлений против господствующей церкви и ее учения, форму религиозных ересей, ибо для того, „чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“.² Таким образом, в условиях феодальной эпохи ереси являлись одной из форм классовой борьбы, одной из форм протеста народных масс против существующих феодальных порядков. В то же время ереси занимали важное место в развитии средневековой общественной мысли.

В каждую историческую эпоху господствующими являются идеи того класса, которому принадлежит экономическая и политическая власть. В средние века в духовной жизни общества господствовали идеи класса феодалов. Феодальная идеология свое наиболее яркое выражение получила в учении феодальной церкви — католической в Западной Европе и православной в Восточной. Однако, несмотря на господство феодально-церковной идеологии, в народном мировоззрении феодальной эпохи имели место черты, по сути своей противостоящие этой идеологии.

На Руси отрицательное отношение народа к христианско-церковной идеологии находило свое выражение в двоеверии, в приверженности народных масс к старым языческим обрядам, против чего высшие иерархии православной церкви выступали в своих посланиях даже в XIV—XV веках. В какой-то степени формой оппозиции учению господствующей церкви являлись и те представления о христианской религии, которые запечатлелись в апокрифической литературе, пользовавшейся популярностью в народе.³ Свое критическое отношение к духовенству народ выражал в пословицах и поговорках, клеймящих алчность, порочность, развратную жизнь духовенства. Порою в народном творчестве встречались и отдельные проявления далеко идущего вольномыслия, как это имело место, например, в трактовке образа Василия Буслаева — бестрашного бунтаря, который „не верует ни в сон, ни в чох“ и во время поездки в Иерусалим смело нарушает религиозные традиции.⁴ Однако эти отдельные, иногда очень смелые проявления вольномыслия не сложились и не могли сложиться в систему внерелигиозных взглядов, не могли вылиться во внерелигиозное мировоззрение. Вследствие верховного господства религии во всех отраслях умственной жизни идеология, противостоящая господствующей феодально-церковной идеологии, также неизбежно должна была принять религиозную оболочку. Эта идеология находила свое выражение в еретических учениях, которые в условиях феодальной эпохи являлись одной из форм социального протеста, формой оппозиции господствующему феодально-церковному мировоззрению.

Ереси были известны на Руси с первых веков утверждения в ней христианской религии. Уже так называемый „Устав князя Владимира“, сложившийся к XII веку, и „Святительское поучение“ XIII века упо-

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

² Там же.

³ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 72—73.

⁴ Н. П. Андреев. Былины. Л., 1938, стр. 400—403.

минают, наряду с другими категориями преступников, и еретиков.¹ Известия об отдельных еретических выступлениях в XI—XIV веках имеются и в летописях.² Однако учение первых еретиков нам не известно, и, вероятно, оно не получило большого резонанса в обществе: вплоть до XIV века источники не содержат известий в сколько-нибудь значительных еретических движениях на Руси. Повидимому, первым широким еретическим движением на Руси, оставившим глубокий след в русском обществе, была ересь стригольников.

Появление ереси стригольников было связано с теми социально-экономическими сдвигами, которые происходили в это время на Руси: развитием ремесла и торговли, ростом городов, распространением товарно-денежных отношений и обострением в связи с этим социальных противоречий. В то же время зарождение и распространение ереси именно в Новгороде и Пскове было обусловлено особенностями их исторического развития. Высокая степень развития феодальных отношений и вместе с тем яркий расцвет ремесла и торговли, экономическое и политическое господство класса феодалов и в то же время значительная роль посадского населения в жизни обеих феодальных республик, вечевой строй, вовлекавший в политическую борьбу демократические слои населения, — все эти своеобразные черты исторического развития Новгорода и Пскова обусловили необычайный размах классовой борьбы, бушевавшей в этих городах. Особенности исторического развития Новгорода и Пскова определили также высокий уровень новгородско-псковской культуры, придали этой феодальной в своей основе культуре черты известного демократизма и создали, таким образом, благоприятные условия для распространения идей еретичества и вольномыслия.

Однако, несмотря на популярность среди населения Новгорода и Пскова идей еретичества, об учении стригольников мы знаем очень мало. У стригольников существовала своя литература — „писание книжное“, которое они создали „на помощь ереси своей“.³ Очевидно, это „писание книжное“ содержало изложение основ учения стригольников. Но оно до нас не дошло, так как церковь, беспощадно борющаяся с еретическими идеями, подвергала уничтожению не только их физических носителей — еретиков, но и те памятники письменности, в которых эти идеи были запечатлены. Поэтому судить об идеологии стригольников приходится на основе тех отрывочных и бессистемных сведений, которые содержатся в обличительных посланиях против стригольников, пронизанных духом религиозной нетерпимости и ненависти по отношению к еретикам.⁴

¹ Памятники русского права, вып. 1. Составил А. А. Зимин, М., 1952, стр. 238, 241, 245. — Русская историческая библиотека (в дальнейшем — РИБ), т. VI, СПб., 1908, стр. 107.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 68, 192. Считаю нужным отметить, что дошедшие до нас известия о киевских еретиках XI—XII веков — Андрее и Дмитре — имеются в Никоновской летописи XVI века и не подтверждаются более ранними источниками.

³ Поучение русского епископа Стефана против стригольников. РИБ, VI, № 25, стр. 214.

⁴ Сохранилось шесть обличительных посланий против стригольников: 1) „Грамота константинопольского патриарха Нила в Псков“, около 1382 г. (РИБ, VI, № 22); 2) „Поучение русского епископа Стефана против стригольников“, около 1386 г. (РИБ, VI, № 25); 3) „Грамота митрополита Фотия псковичам“ от 23 сентября 1416 г. (РИБ, VI, № 42); 4) „Грамота митрополита Фотия в Псков“ от 24 сентября 1422 или 1425 г. (РИБ, VI, № 51); 5) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 22 июня 1427 г. (РИБ, VI, № 55); 6) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 23 сентября 1427 г. (РИБ, VI, № 56).

Наиболее сильной стороной учения стригольников являлась критика православной церкви и ее догматов. Критика у стригольников, повидимому, достигала поразительной силы. Недаром при чтении обличительных посланий создается впечатление, что авторы их не столько обличают еретиков, сколько защищают господствующую церковь от нападок с их стороны. Положительная часть учения стригольников, те идеалы, которые они противопоставляли ложным с их точки зрения доктринам официальной церкви, разработаны гораздо слабее. И это естественно. Ересь стригольников была по существу первым на Руси идеологическим движением, направленным против господствующей феодально-церковной идеологии. И в качестве носителей новой идеологии стригольники начали с критики идеологии старой, уделяя меньше внимания разработке положительной части своего учения. Эта черта составляла особенность не только стригольничества, но и некоторых ранних еретических учений Западной Европы, сильных своей критикой и гораздо более слабых в положительной части. Эту особенность, в частности, подчеркивает Энгельс применительно к учению Абеяра: „У Абеяра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви“.¹

Критика стригольниками православной церкви направлялась по двум линиям: по линии ее теории — отрицались важнейшие церковные догматы, — и по линии ее практики — отрицались организационные принципы и материальные основы православной церкви, подвергалась осуждению недостойная жизнь духовенства.

Один из главных пунктов критики стригольниками организационных основ православной церкви составляло осуждение „поставленья по мзде“, т. е. осуждение существовавшей в православной церкви практики, согласно которой лицо, поставляемое в духовный сан, обязано было уплачивать поставляющему особую плату — ставленические пошлины. Благодаря алчности и сребролюбию высшего духовенства эта практика превратилась по существу в симонию — продажу церковных мест. Указывая на широкое распространение поставления по мзде, на то, что лица, находящиеся на самых высших ступенях духовной иерархии, поставлены не „по достоянию“, а „по мзде“, стригольники отрицали на этом основании всю церковную иерархию. Ярый обличитель еретиков, епископ пермский Стефан, в своем „Поучении“ пишет, что стригольник „оклеветал весь вселенский събор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священнический, яко не по достоянию поставляеми“.²

Однако стригольники отрицали всю духовную иерархию, как по мзде поставленную, не для того, чтобы заменить ее новой, поставленной по достоянию. Мы считаем, что слова Стефана Пермского о том, что „стригольницы ни священниа имущи, ни учительскаго сана, сами ся поставляють учителя народа“ и далее „изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном, и поставистеся учителя народом“,³ следует понимать в том смысле, что стригольники вообще отрицали духовенство как особое сословие, членом которого можно было стать, только пройдя через поставление. Учителем, проповедником у стригольников могло быть, как мы об этом будем говорить ниже, любое лицо, обладающее соответствующими способностями и желанием. Повидимому, именно так трактовали учение стригольников в церковных кру-

¹ Ф. Энгельс. О Франции в эпоху феодализма. Архив Маркса и Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 300.

² РИБ, VI, № 25, стр. 214.

³ Там же, стр. 215, 218.

гах XVI века, когда еще свежа была память об этом еретическом движении. Один из списков „Поучения“ Стефана Пермского, включенный в Минеи, составленные по поручению новгородского архиепископа Макария в 1538 году, имеет следующий характерный заголовок: „О новгородских и псковских стригольниках, рекше взявших на ся собою достоинства, оучительства, а не от бога или от болшаго святителя поставленных в оучители“.¹ Этот заголовок свидетельствует о том, что представители православной церкви XVI века основной чертой учения стригольников считали признание ими права учительства за непосвященными в духовный сан и соответственно отрицание духовенства, как особого сословия, являющегося благодаря таинству священства носителем божественной благодати. Все эти данные позволяют утверждать, что стригольники отрицали необходимость духовенства, отрицали духовную иерархию и тем самым выступали против организационных основ феодальной церкви.

Тезис об отрицании духовенства, сформулированный стригольниками еще в первый период существования ереси, в XIV веке, получил дальнейшее развитие в первой половине XV века, когда средоточием ереси стал Псков. Псковские стригольники отрицали не только духовенство, но и монашество. На это указывает митрополит Фотий в своей грамоте против стригольников от 22 июня 1427 г. „Слышу, — пишет Фотий, — тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестиянстве небрегуще, но и чин великаго божья священства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще“.² Тезис об отрицании монашества является исключительно важным, ибо в нем ярко проявилась социальная направленность учения стригольников. Нам представляется вероятным предположение о том, что, отрицая монашество, стригольники отрицали не только самый институт, основанный на идее ухода от земной жизни с целью спасения души, но и его материальную основу — монастырское землевладение. Поскольку земельные владения монастырей составляли значительную часть феодального землевладения, постольку выступление стригольников против монашества объективно наносило удар и по феодальной земельной собственности.

Предметом резкой критики со стороны стригольников являлось также низкое состояние нравственности духовенства, недостойный, несоответствующий высоким христианским идеалам образ жизни духовных лиц. „Сии учителя пьяницы суть, ядять и пьют с пьяницами“,³ — так говорили стригольники о священниках. Но не эти обвинения, бичующие духовенство за пьянство, обжорство, распущенность, представляют для нас интерес. Стригольники, осуждая духовенство за недостойный образ жизни, с особой силой обрушивались против сребролюбия и стяжания имений, которому предавались духовные лица. „Глаголють бо стригольницы о нынешних святителех и о попех: «не достойны де их службы, яко не [не] стяжаша, но имения взимають у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя»“.⁴ Именно в этих высказываниях, направленных против стяжания духовных лиц, вновь проявилась социальная заостренность учения стригольников, ибо логическим выводом из осуждения церковного стяжательства должен был быть вывод об отрицании права церкви на владение имениями.

¹ Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание, № 1323, л. 449-а.

² РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.

³ Там же, № 25, стр. 220.

⁴ Там же.

Интересы церкви как феодального собственника затрагивало и непризнание стригольниками обрядности, связанной со смертью человека. По словам Стефана Пермского, стригольники учили, что „не достоин де над мрътвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго“.¹ Из этих слов обличителя стригольников видно, что они отрицали необходимость заупокойных молитв, а также тех приношений в церковь — приносов, милостыни и, очевидно, вкладов по душе, — которые делались с целью обеспечения спасения души умершего. Проповедь стригольников, направленная против заупокойных молитв и связанных с ними обрядов, весьма чувствительно задевала материальные интересы церкви, так как „приносы“ и „милостыня“ были одной из статей доходов духовенства; что же касается вкладов по душе, то эти вклады являлись существенным источником расширения земельной собственности церкви, так как они часто совершались вкладчиками в форме передачи церкви своих земельных владений.

Таким образом, в выступлениях стригольников против монашества, церковного стяжательства, заупокойных молитв и связанных с ними приносов ярко сказалась социальная направленность их учения, поскольку все эти выступления в той или иной мере были направлены против материальной основы церкви — церковной собственности и в первую очередь церковного землевладения.

Если в своих выступлениях против организационных принципов и материальных основ православной церкви стригольники показали себя смелыми обличителями и борцами против церкви как института феодального общества, то в своей критике церковных догматов и таинств они выступали как носители новой, включающей элементы рационализма и гуманизма² идеологии.

Господствующей традиционно-религиозной идеологии с ее требованием обязательного слепого подчинения авторитету священного писания стригольники противопоставляли пытливое критическое мышление, к догматам веры они стремились подходить с позиций разума. Эту характерную черту идеологии стригольников отмечает Стефан Пермский, по словам которого, как некогда дьявол через змея соблазнил Адама, говоря: „Послушай мене: не язь от древа животнаго, но язь от древа разумнаго; аще не снеси от древа разумнаго, не разумети ти ни добра, ни зла“, так и теперь дьявол не перестает прельщать род человеческий через стригольника, который „противно Христу повелевает, яко от древа животнаго, от причастия удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное, еже и списа на помощь ереси своей“.³

Итак, „писание книжное“, в котором, очевидно, было изложено учение стригольников, их оппонент приравнивает к библейскому древу разумному, вкусив плод которого человек мог познать добро и зло. Этим сравнением, как нам кажется, подчеркивается то, что учение стригольников было проникнуто критическим рационалистическим духом, что к догматам веры они подходили с меркой разума, пытаясь познать добро и зло, отделить истинное от неистинного.

О критическом рационалистическом направлении идеологии стригольников свидетельствует также их отношение к священному писанию.

¹ РИБ, VI, стр. 224.

² Говоря об элементах гуманизма в мировоззрении стригольников, мы имеем в виду свойственное их учению подчеркивание значения человеческой личности как активного начала (см. стр. 111 настоящей статьи).

³ РИБ, VI, № 25, стр. 213—214.

Наставники, учителя стригольников были образованными людьми — „книжниками“, как это постоянно подчеркивают даже их враги. Они являлись знатоками христианской литературы — той основы, на которой строилось все здание образованности феодального мира: „... изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном“, пишет о них Стефан Пермский. Однако стригольники признавали гораздо более узкий круг христианской литературы, нежели православная церковь. По-видимому, для них не являлись авторитетными писания отцов церкви.¹

Для стригольничества, как и для многих других еретических направлений, характерно почитание евангелия, о чем неоднократно упоминает Стефан Пермский. Но это почитание у стригольников носило совершенно иной характер, чем то почитание книжное, которое проповедывалось православной церковью. Церковь требовала слепого, без всяких рассуждений, подчинения авторитету священного писания: „Всяк бо, почитаа книжная писания без смирения и кротости, ища кого укорити чим, и тем впадает в ересь“,² — заявляет представитель ортодоксальной точки зрения Стефан Пермский. Стригольники же, почитая евангелие, пылливо вдумывались в его содержание, использовали имеющиеся в нем основания для обоснования своего учения и критики православной церкви; недаром Стефан Пермский обращается к стригольникам с упреком: „Не того деа дал Христо еуангелие в мир, чтобы почитая его, смотрити того слова, чим бы кого укорити“.³

Элементы рационалистичности явственно сказываются в отрицании стригольниками такого важного таинства православной церкви, как таинство причащения. Мотивы отрицания этого таинства могли быть двоякие: во-первых, вследствие того, что оно совершалось духовными лицами, ведущими недостойный образ жизни; во-вторых, из-за принципиальных соображений в силу непризнания за ним того значения, которое приписывала ему церковь. Само собой разумеется, что отрицание второго порядка было бы гораздо более глубоким. Не оспаривая того, что стригольники, выступая против таинства причастия, в качестве одного из аргументов указывали на то, что оно совершается недостойным духовенством,⁴ мы считаем, что в основе непризнания стригольниками этого таинства лежали соображения принципиального порядка, иначе Стефану незачем было бы обосновывать глубокий смысл и необходимость причастия (независимо от вопроса о том, кто его совершает — достойное или недостойное духовенство). Стефан Пермский пишет: „Сам бо Христо рече: «небо и земля мимо идут, а словеса мои не мимо идути. Ядый плоть мою во мне пребывает, и аз в нем; аще не снете плоти сына человеческого и не пьете крови его, живота не имате в себе»“. И вслед за этим, как бы подчеркивая принципиальное

¹ Сделать это предположение позволяет то обстоятельство, что стригольники отвергали некоторые содержащиеся в писаниях отцов церкви важные с ортодоксальной точки зрения положения, например положение о необходимости заупокойных молитв, которое обосновывается у Иоанна Златоуста, в Прологе. Что касается псковских стригольников XV века, то в „Послании“ Фотия от 23 сентября 1427 г. мы находим прямое указание на то, что они „преданей апостольских и отечьских не верующе“ (см. стр. 115).

² РИБ, VI, № 25, стр. 227.

³ Там же, стр. 221.

⁴ Об этом нам позволяет судить следующее место из „Почуения“ Стефана Пермского против стригольников: „Егда священник службу служить, тогда имети его, яко Христа, в Сионе с ученики вечеряша, и тако достойно причастися от руки его, яко от руки Христовы, а не разсужая и не распытывая о ерен божии, аще достоин, или ни“ (РИБ, VI, № 25, стр. 216).

отрицание стригольниками таинства причастия, он утверждает: „Стригольник же противно Христу повелевает, яко от древа животного от причастия удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное“.¹ Итак, причастия следует избегать как древа животного, вкушая плод которого человек остается равнодушным к добру и злу. Оно противопоставляется „древу разумному“. Эту аргументацию, направленную против причастия, можно интерпретировать, как нам кажется, лишь в одном смысле: стригольники отрицали причастие как действие, необъяснимое с точки зрения разумности, т. е. выступали в данном случае носителями рационалистических настроений.

Результатом критического подхода к догмам веры является отрицание стригольниками и другого важного таинства — исповеди духовенству. Отрицание стригольниками исповеди духовенству Стефан Пермский объясняет их стремлением отнять „от попов честь ерейскую... , еже им Христос дал вязати и разрешати грехи“.² Эти слова позволяют раскрыть мотивы, которые лежали в основе непризнания стригольниками церковной исповеди: стригольники не признавали за духовенством права „вязать и разрешать грехи“. Иными словами, они отказывались рассматривать духовных отцов как лиц, наделенных прерогативами божественной власти. Отрицание стригольниками церковной исповеди являлось логическим следствием отрицания ими духовенства как особого сословия, являвшегося носителем божественной благодати.

Аналогичные мотивы лежали, повидимому, в основе непризнания стригольниками всей обрядности, связанной со смертью человека: заупокойных молитв, приносов, милостыни, вкладов по душе.³ С другой стороны, в непризнании действительности обрядов, совершаемых духовенством с целью спасения души умершего, стригольники могли также исходить из представления об ответственности человека за свои поступки, о том, что земной жизнью человека определяется его посмертное воздаяние. Последнее предположение находит себе опору в том обстоятельстве, что в учении стригольников большое место занимало требование нравственной жизни, о чем подробнее мы будем говорить ниже.

О положительной части учения стригольников судить еще труднее. Авторы обличительных посланий против стригольников своей главной целью ставили опровержение критики стригольниками православной церкви и ее учения; поэтому в источниках критика стригольников получила более полное отражение, нежели те положительные идеалы, которые противопоставлялись ими господствующей религиозной доктрине. Кроме того, как мы уже указывали, в силу особенностей раннееретических учений положительная часть учения стригольников, его теория, вообще была разработана, вероятно, слабее.

Реконструкцию положительной части учения стригольников начнем с того, что попытаемся установить, существовали ли у стригольников какие-либо принципы церковной организации вместо опровергаемых ими организационных принципов православной церкви. Нам кажется, что на этот вопрос можно ответить положительно. Прежде всего отметим, что стригольники отделились от православной церкви: „отлучишася съборныя апостольския церкви“, — пишет о них патриарх Нил. Далее, не ограничившись отпадением от православной церкви, стригольники противопоставляли себя всему православному христианству как носителями истин-

¹ РИБ VI, № 25, стр. 214.

² Там же, стр. 224.

³ См. стр. 108 настоящей статьи.

ной веры: „себе же токмо правоверных мняще“.¹ При таких воззрениях стригольников вряд ли будет ошибкой предположить, что они основывали свои общины.

Общины стригольников, вследствие принципиального отрицания ими духовенства, не имели священников. Тезису православной церкви о том, что только лицо, прошедшее через поставление, имеет право на духовное учительство, стригольники противопоставляли утверждение о праве мирян на проповедь и духовное пастырство. Это право они обосновывали ссылкой на апостола Павла, который „и простому человеку повеле учить“.²

Но если и простой человек мог учить, то что было необходимо, чтобы стать учителем? Стефан Пермский в своем „Поучении“, говоря о стригольниках, неоднократно подчеркивает их высокую образованность, указывает, что они изучили „словеса книжные“ и говорили „от писания книжного“.³ Очевидно, эта характеристика относится не ко всей массе стригольников, которые вряд ли могли быть знатоками книжности, а к учителям стригольников. Таким образом, учителем стригольников мог стать всякий, кто имел достаточную образованность, определенные ораторские данные и, кроме того, само собой разумеется, горячую веру. Иными словами, в основе права учительства у стригольников лежал принцип личной правоспособности. Мы не знаем, результатом чего, с точки зрения стригольников, являлась личная правоспособность — результатом божественного предопределения, в силу которого человек имел соответствующие способности и желание изучить „словеса книжные“ и говорить „от писания книжного“, или результатом проявления свободной воли человека. Взгляды стригольников по этому вопросу нам не известны, в общефилософском же плане принцип личной правоспособности может признаваться как с позиций детерминизма, так и с позиций индетерминизма. Но как бы не объяснялась стригольниками личная правоспособность, признание этого принципа все равно означало подчеркивание роли человеческой личности как активного начала.

Можно предположить, что поскольку стригольники признавали человека началом активным, постольку они предъявляли к нему высокие требования. Отсюда у стригольников утверждение строгих норм нравственной жизни. Сами стригольники были людьми высокого нравственности. Это должен был признать даже Стефан Пермский, который строгие нормы поведения стригольников пытается наивно объяснить как лицемерие с их стороны, как средство, к которому они прибегали для привлечения народа: „Таковыи же беша еретицы, постницы, молебницы, книжницы, лицемерницы, пред людьми чисти творящесе: аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы веровал ереси их?“.⁴

Одной из обязательных норм поведения каждого истинного христианина стригольники считали нестяжательство, отказ от накопления богатств. Именно эта черта учения стригольников находила, вероятно, особенно горячий отклик у трудового народа и создавала им широкую популярность. Об этом мы можем судить на основании одного замечания Стефана Пермского, сделанного им с явным озлоблением: „О стригольницех же неции безумнии глаголють: «сии не грабятъ и имения ни збирають»“.⁵ За неимением соответствующих указаний в источниках мы

¹ РИБ, VI, № 22, стр. 191—192.

² Там же, стр. 222.

³ См. стр. 109 настоящей статьи.

⁴ РИБ, VI, № 25, стр. 227.

⁵ Там же, стр. 226.

не можем сказать, какая конкретная программа скрывалась за принципом нестяжательства, проповедуемом и осуществляемом стригольниками: означал ли этот принцип только призыв к отказу от накопления богатств или за ним скрывалась тенденция ко всеобщему имущественному уравниению, как у левых еретических течений Западной Европы. Во всяком случае этот принцип означал осуждение того резкого социального и имущественного неравенства, которое столь характерно для феодального общества, как и для всякого классового общества вообще, и которое санкционировалось и освящалось феодальной православной церковью.

Возвращаясь к характеристике церковной организации у стригольников, мы считаем возможным отметить, что поскольку стригольники, с одной стороны, проповедовали принцип личного нестяжательства, а с другой — выступали с резким осуждением церковных богатств, постольку мы вправе предположить, что общины стригольников не обладали собственностью. По своей организации общины стригольников напоминали, вероятно, раннехристианскую церковь с присущими ей уравнительными тенденциями и отсутствием духовной иерархии.

Стригольнические общины напоминали раннехристианскую церковь и еще в одном отношении — отсутствием сложной и пышной обрядности, выработанной феодальной церковью. Повидимому, стригольники не признавали служб, совершаемых в церквях духовенством. Место церковных служб занимала у них живая проповедь и молитвы, совершаемые учителями стригольников часто перед народом, под открытым небом. Сделать это предположение нам позволяет одно место из „Почучения“ Стефана Пермского. Среди наставлений о том, как себя должны вести истинные христиане в противовес еретикам-стригольникам, Стефан указывает: „Тако же молитися Христос в тайне повеле, всякого тщеславия и высокоумия убежати, не молитися на распутьях и на ширинах градных, ни выситися словеса книжными“.¹ Это место, как нам кажется, можно понимать в том смысле, что стригольники на городских улицах и площадях обращались со своей проповедью, наполненной „словесами книжными“, непосредственно к народу.

Из всех таинств и обрядов стригольники, насколько мы можем судить по показаниям источников, признавали лишь исповедь, причем последняя существовала у них в весьма оригинальном виде — в виде исповеди земле. „Еще же и сию ересь прилагаете, стригольницы, велите земли каются человеку“,² — пишет Стефан Пермский.

Своеобразие этого обряда побуждало каждого исследователя, писавшего о стригольничестве, пытаться в той или иной степени выяснить его содержание и происхождение. Различные точки зрения, высказывавшиеся по поводу происхождения обряда исповеди земле, по существу можно свести к двум. Представители одной точки зрения,³ являвшиеся сторонниками концепции иностранного происхождения стригольничества, выводили этот обряд из обряда покаяния, существовавшего у гейсслеров, которые, совершая покаяние, ложились кругом на землю, а затем подвергались ударам со стороны мастера-учителя.⁴ Вторую точку зре-

¹ РИБ, VI, № 25, стр. 222.

² Там же, стр. 223.

³ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. 1, М., 1898, стр. 214—216. — А. Марков. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении. Богословский вестник, 1910, май, стр. 363—364.

⁴ Гейсслеры — еретическая секта, возникшая в XIV веке в Германии и затем распространявшаяся в другие страны Западной Европы. Свое название получила от немецкого слова „die Geißel“ („бич“), так как члены ее подвергались бичеванию.

ния впервые высказал и обстоятельно аргументировал А. Афанасьев.¹ По его мнению, в основе обряда исповеди земле у стригольников лежало связанное с древними языческими верованиями славян представление о земле как о силе чудодейственной.

При чтении обличительного „Поучения“ Стефана Пермского может создаться впечатление, что обряд исповеди основывался у стригольников именно на таком полужазыческом представлении о земле. Так, Стефан Пермский доказывает неправильность этого обряда следующими словами: „А кто исповедается земли, то исповедание не исповедание есть: земля бо бездушна тварь есть, не слышит и не умеет отвечать и не воспретит сьгрешающему. Того для не подаеть бог прощения грехов к земле исповедающемуся“.² Формально можно сделать вывод о том, что если Стефан Пермский, возражая своим оппонентам, указывает, что земля — бездушная тварь и не умеет слышать, отвечать и возражать, то, очевидно, они утверждали обратное, а именно, что земля одухотворена и обладает всеми вышеперечисленными свойствами.

Однако нам кажется, что это место из „Поучения“ Стефана не следует понимать в таком смысле. Стригольникам с их бесспорной образованностью, знанием христианской литературы и некоторой склонностью к рационалистическому мышлению вряд ли могло быть свойственно полужазыческое представление о земле, наделенной атрибутами божества. Корни обряда исповеди земле у стригольников следует искать в народных представлениях средневековой эпохи, но иного порядка, не связанных с языческой древностью.

Мировоззрение народных масс феодальной эпохи представляло собой сложный конгломерат, в котором остатки языческих верований причудливо переплетались с христианскими представлениями, насаждавшимися господствовавшей церковью, а также с народным пониманием христианства. Народное понимание христианства, отклонявшееся, а порою и противоречившее догматическому учению официальной церкви, нашло свое выражение в духовных стихах, в течение веков распевавшихся русскими народными певцами.³ Именно в духовных стихах запечатлелись те народные представления, которые, как нам кажется, находятся в связи с обрядом исповеди земле у стригольников. Мы имеем в виду, в частности, космогонические представления, содержащиеся в известных стихах „Голубиной книги“.⁴ В этих стихах на вопросы:

Отчего зачался у нас белый свет,
Отчего зачалось солнце красное,
Отчего зачался светел месяц,
Отчего зачались зори ясные,
Отчего зачались звезды частые,
Отчего зачались дожди сильные,
Отчего зачались ветры буйные?

следуют ответы:

У нас белый свет начинается,
Начался бел свет от свята духа,
Самого Христа, царя небеснаго;

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, стр. 142—150.

² РИБ, VI, № 25, стр. 224.

³ Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 294.

⁴ Не касаясь очень сложного вопроса о происхождении „Голубиной книги“ и, в частности, интересующей нас ее части (различные мнения по этому вопросу изложены в книге: В. Мочульский и др. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887); отметим только, что на Руси она была известна с давних пор.

Солнце красное от лица божия,
 Млад-светел месяц от груди божьих,
 Зори ясные от риз божьих,
 Звезды частые от очес божьих,
 Дожди сильные от мыслей божьих,
 Ветры буйные от свята духа,
 Самого Христа, царя небеснаго.¹

В приведенных стихах бог выступает скорее как источник мироздания, нежели как творец мира. Бог не творит мир, как отдельно стоящая от него сила. Лицо, очи, грудь, одежда бога являются источниками природных стихий. При таких космогонических представлениях бог как бы сливается с природой.

Едва ли мы ошибемся, если будем толковать эти представления как проявление стихийного народного пантеизма. Это, конечно, не философский пантеизм, появление которого Энгельс рассматривал как результат влияния на идеалистические системы успехов естествознания, как попытку „сгладить противоположность между материей и духом“.² Тем не менее наивный стихийный пантеизм народных масс, вырвавшийся на основе постоянного общения человека с природой в процессе труда, в средние века, в условиях господства религиозного мировоззрения, представлял собой форму народного вольномыслия. Нам представляется вполне допустимым, что в основе обряда исповеди земле у стригольников лежали именно эти стихийно-пантеистические мотивы, свойственные народному мировоззрению средневековья.³

Таким образом, совершая исповедь, стригольники калялись не земле, а богу, но при этом, вероятно, они припадали к земле или совсем простирались ниц и с лицом, обращенным долу, произносили слова покаяния. Отсюда у врагов стригольников, представителей ортодоксального православия, могло возникнуть мнение о том, что в основе обряда исповеди у стригольников лежало полуязыческое поклонение земле. На самом деле, как нам кажется, содержание этого обряда составляла исповедь не земле, обладающей функциями божества, а богу, присутствующему везде в природе.

Идеология стригольничества не оставалась неизменной в течение всего периода существования ереси. Основные черты учения стригольников сложились в XIV веке. В первой половине XV века, когда ересь, подавленная в Новгороде, перебросилась в Псков, в стригольничестве появляются течения с различными идеологическими оттенками. О наличии этих течений свидетельствует грамота митрополита Фотия псковичам от 22 июня 1427 г. В этой грамоте Фотий пишет: „Слышу, тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестияньстве небрегуще, но и чин великаго божья священства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще; и тех, по слышанию слышу, иже яко Садукеемь онем проклятым подражающе суть, еже яко и въскресенью не надеюще быти мняху“.⁴ Таким образом, Фотий отличает основное направление стригольничества, главным тезисом которого являлось отрицание духовенства и монашества, от его крайнего левого течения.

¹ Голубиная книга. Калекы переходжие. Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, вып. 2, М., 1861, стр. 274—275.

² Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 646.

³ В этой связи считаем нужным отметить, что некоторые западноевропейские еретические учения также заключали в себе элементы пантеизма. Пантеизм, как мы указывали выше, Энгельс усматривал в мировоззрении Мюнцера.

⁴ РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.

Представители этого течения, сохраняя, повидимому, все основные положения стригольничества об отрицании духовенства, иночества, церковных таинств и обрядов, в то же время пошли в своих взглядах гораздо дальше.

Если стригольничеству XIV в. была присуща мысль о ненужности, нецелесообразности заукойных молитв, вкладов по душе и всей обрядности, связанной со смертью человека, то представители левого крыла псковских стригольников XV века, отталкиваясь от этой мысли, пришли к чрезвычайно смелому заключению: подобно древним Садукеям, они не верили в воскресенье мертвых! Логическим следствием этого неверия должно было быть отрицание таких важнейших представлений христианской религии, как представления о страшном суде, а также о рае и аде, ибо если нет воскресенья мертвых, значит некого судить и некому идти в рай и ад; эти компоненты потустороннего мира становятся абсолютно бессмысленными, а вместе с ними теряет всякий смысл и право на существование и весь потусторонний мир. Мы не знаем, сделали ли стригольники этот крайний, но совершенно логический вывод, — источники об этом нам ничего не говорят, — но и того заключения, до которого они дошли — об отрицании воскресения мертвых — совершенно достаточно для того, чтобы судить об исключительно высоком взлете их мысли. Ведь философской основой отрицания воскресения мертвых является материалистическое представление о реальности лишь земного материального мира. Стригольники, сами того не сознавая, выступали как стихийные материалисты.

Повидимому, о стригольниках левого крыла идет также речь в одном отрывке из последней обличительной грамоты Фотия, датированной 23 сентября 1427 года. Поскольку в этом отрывке содержится чрезвычайно интересный материал, мы позволили себе привести его целиком: „А как ми пишете о тех помраченных, что како тие стригольници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають: а понеже бо самых того истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе, но како смеють, от земля к воздуху зряще, бога отца себе нарицающе, и како могут отца себе нарицати? А убо ослепи их помрачение их. А весте, еже не ангелы-бог сведе роду человеческому на исправление, но человек достоверных, святителей и архиереи постави, и иереи, и свою власть от апостолов тем дарова; и се паки и по божественному писанию весте от апостол, еже бог наш на небеси и на земли. И котории тие стригольници, от своего заблуждения, не имуть чисте веровати православия истинного, ни к божьим церквам, к небу земному, не имуть быти прибегающе, и на покаяние к своим отцем духовным не имуть приходи: и якоже убо преже к вам писах, и ныне пишу, удаляйте себе от тех в ясты и питыи, и казньми (только не смертными, но внешнеми казньми и заточеньми) приводяще тех, да будут в познание и обращение к богу“.¹

Среди обвинений, которые Фотий предъявлял стригольникам, обратим внимание на два: во-первых, Фотий обвинял стригольников в том, что они „отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають“, во-вторых, он ставил в вину им то, что они „истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе“. Итак, по словам Фотия, стригольники „отпадали“ от бога. Нам кажется, что эти слова следует понимать в том смысле, что представление о боге, которое существовало у еретиков, существенно отли-

¹ РИБ, VI, № 56, стр. 484—485.

чалось от представлений господствующей церкви. В чем же заключалось это отличие? Стригольники не верили не только в предания апостольские и отеческие, но и в „евангельские благовести“, т. е. они не признавали евангелия с его учением о Христе, сыне божьем. А если это так, то, следовательно, они ставили под сомнение один из основных догматов учения официальной церкви — догмат троицы. В допустимости этого предположения подкрепляет нас дважды повторенные Фотием слова о том, что стригольники „бога отца себе нарицающе“. Далее, стригольники, повидимому, не признавали присущую православной церкви персонификацию, а также фетишизацию бога в виде икон и других его изображений. Недаром Фотий подчеркивает, что стригольники „на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають“ и, дальше, „от земля к воздуху зряще, бога отца себе нарицающе“. На основании этих высказываний Фотия можно предположить, что стригольники мыслили бога-отца как отца всего сущего, как безликую силу, находящуюся в природе. И подобно тому как во время исповеди, в порыве покаяния, они припадали к земле, так во время молитвы, в порыве экстаза, они обращали свои взоры к небу, к незримому богу. В основе этих представлений лежали, как нам кажется, те же стихийно-пантеистические мотивы, которыми было обусловлено существование у стригольников и обряда исповеди земле.

Что же представляло собой рассмотренное нами левое течение стригольничества? Как уже было отмечено, представители этого течения, повидимому, принимали все основные положения стригольничества об отрицании организационных и социальных основ православной церкви — именно это дало основание Фотию и, очевидно, не только Фотию, зачислить их в ряды стригольников. В то же время идеологи этого направления основное внимание обращали на разработку теоретических вопросов. И в этой области они пришли к чрезвычайно смелым заключениям: к стихийно-материалистическому по сути выводу об отрицании воскресения мертвых, к стихийно-пантеистическому представлению о боге и к непризнанию троицы, продиктованному велениями рассудка. Таким образом, это было еретическое учение с ярко выраженным уклоном в рационалистичность.

Однако черты, присущие идеологии левого течения стригольничества, не могли быть типичными для этой ереси в целом. Как мы уже отмечали, Фотий в грамоте от 22 июня 1427 года четко отделяет от основной массы стригольников левое их крыло, отрицавшее воскресение мертвых. Далее, нам кажется, что элементы рационалистичности, характерные для воззрений стригольников левого крыла, требовали от лиц, придерживавшихся этих воззрений, высокой степени образованности.

Уже из того факта, что ересь стригольников была распространена в крупнейших городских центрах Руси — Новгороде и Пскове, мы можем заключить, что это была городская ересь, связанная с торгово-ремесленным населением посада. Об этом говорит и анализ социальных идей еретиков. Как мы уже указывали, ересь стригольников была направлена против социальных и материальных основ феодальной церкви. Идеалом стригольников была раннехристианская церковь с ее простотой, отсутствием пышной обрядности и духовенства, с ее уравнительными социальными тенденциями. Но это не дает основания рассматривать движение стригольников в качестве охранительного консервативного течения, как это делают некоторые авторы.¹ Объективно стригольники боролись

¹ А. Д. Седелников. Следы стригольнической книжности. Труды ОДРЛ, т. 1, Л., 1934, стр. 130.

за создание новой реформированной церкви. В этой новой церкви не должно было быть места для дорогостоящей духовной иерархии, для торжественной, поглощавшей большие средства обрядности; новая церковь не должна была заниматься „стяжанием имений“. Одним словом, новая церковь должна была быть „дешевой церковью“, а требование „дешевой церкви“ составляло, как указывает Энгельс, главное требование всех городских ересей.¹ По своему социальному содержанию стригольничество являлось ересью посадского населения русских городов.

Философские идеи стригольников своими корнями также уходят в русский посад: развитая торгово-ремесленная деятельность посадского населения способствовала проявлению личной инициативы, подчеркиванию значения человеческой личности; высокий уровень городской культуры создавал необходимые предпосылки для развития критического мышления. Все эти особенности идеологии стригольников рисуют их нам как носителей нового, противостоящего феодально-авторитарной идеологии, мировоззрения, начинавшего зарождаться в стенах русских городов и отражавшего недовольство народных масс усилившейся феодальной эксплуатацией.

* * *

Идеология стригольничества наложила отпечаток на развитие русской общественной мысли. Прямыми идейными наследниками стригольников были русские еретики XV—XVI веков. Новгородско-московские еретики конца XV—начала XVI веков, а также московские еретики середины XVI века — Феодосий Косой, Матвей Башкин и другие — восприняли и развили основные тезисы стригольничества об отрицании духовенства и обрядности господствующей церкви.

Некоторые вопросы, впервые поднятые стригольниками, были подхвачены не только их продолжателями, еретиками XV—XVI веков, но и идеологами других слоев русского общества. Возможно, что своими выступлениями против монастырей и монастырского землевладения стригольники в какой-то степени идеологически подготовили почву для того страстного спора вокруг монастырского землевладения, который разгорелся в XVI веке в русской публицистике.

Идейное влияние стригольников, так же как и других еретических движений, нашло свое выражение и в распространении среди народных масс и в первую очередь посада критического отношения к духовенству. Это привело в XVI веке к появлению таких ярких антиклерикальных произведений, как „Калязинская челобитная“, „Повесть о попе Савве“, „Праздник кабацких ярыжек“.

Таким образом, ересь стригольников оставила ощутимые следы в идеологической жизни русского общества. Поэтому изучение идейного содержания учения стригольников, несмотря на его религиозную оболочку, представляет несомненный интерес для историков общественной мысли и литературы древней Руси.

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129.

Б. Н. ПУТИЛОВ

Песня о Евпатии Коловрате

Отсутствие подлинных фольклорных записей старше XVII века заставляет с большой тщательностью вести поиски различных следов и остатков произведений народнопоэтического творчества в памятниках древней русской письменности. Особенно значительные результаты может дать эта работа в области исторического фольклора: ведь идейно-художественное родство прогрессивной линии литературы древней Руси с народным творчеством наиболее ярко проявлялось в разработке узловых проблем исторической темы.

Советское литературоведение осветило в принципе вопрос о характере взаимоотношений и взаимосвязей лучших произведений древнерусской исторической литературы с поэтическим творчеством трудового народа и определило идейно-классовые основы этих связей.¹ Накоплено большое количество фактов, проливающих свет на состояние народнопоэтического творчества древней Руси. Но, как справедливо указывает В. П. Адрианова-Перетц, „многие из этих фактов еще не до конца исследованы. Уточнения в ряде случаев требует прежде всего самый материал, подлежащий сопоставлению: рукописный текст литературного памятника и его предполагаемый источник“.²

К числу фактов, еще не до конца исследованных, относится рассказ о подвиге Евпатия Коловрата в „Повести о разорении Рязани Батыем“ и отношение этого рассказа к народной поэзии.

Тезис о фольклорной природе рассказа о Евпатии прочно утвердился в советской науке. Исследователи подчеркивают, что внесение народнопоэтического сюжета в воинскую повесть было определено народностью самого замысла и идеологии повести, утверждавшей идею мужественной и беззаветной защиты родины, веру в возможность победы над врагом.

К какому жанру относилось народнопоэтическое произведение, легшее в основу рассказа о Евпатии Коловрате? Этот чрезвычайно важный вопрос не получил в литературе единого решения. В. Ф. Миллер относил песню о подвиге Евпатия к числу дружинных.³ Он же давал этой песне определение „богатырская“, называл ее „народной исторической“, „исторической эпической“.⁴ В. Л. Комарович, не конкретизируя

¹ См., например: В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951.

² Там же, стр. 98.

³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 326.

⁴ Там же, стр. 320, 321.

вопроса о жанровой природе произведения о Евпатии, определял его как песню.¹

В. П. Адрианова-Перетц указывает на песенный его характер, хотя здесь же говорит о „народном предании о Евпатии“.² К „особым народным историческим песням“ возводит рассказ о Коловрате Н. К. Гудзий.³ Наконец, последний исследователь вопроса, М. О. Скрипиль, категорически утверждает: „Старшей среди исторических песен времени татарского нашествия можно считать песню о Евпатии Коловрате, которая сохранилась в повести о разорении Рязани“.⁴

Какие аргументы выдвигались исследователями в обоснование фольклорного характера рассказа о Евпатии Коловрате? В. Миллер считал, что рассказ этот типично песенный по содержанию и по форме. Он дал почти полный инвентарь сопоставлений эпизода повести с народным эпосом: „Евпатий с своей ничтожной дружиной «проезжает сильные полки татарские», как Илья Муромец или Ермак; татары шатаются как пьяные; приведенным к нему воинам Коловрата изумленный их храбростью Батый ставит обычные эпические вопросы: «Коя веры есте и коя земля?». Тем же эпическим духом веет от иронического ответа, что они «посланы князем его, сильного царя, почтити и честно проводитьи», и чтобы он простил, что они не успевают чашу наливать на великую силу-рать татарскую (*Примечание*. Отметим тут же тавтологическое выражение «сила-рать»). Удивление Батыя мужественному ответу пленников, похвальба Хостоврула привести Евпатия живьем к царю, бой Евпатия с Хостоврулом, причем рязанский удалец, как эпические киевские богатыри, рассекает нахвальщика напопы до седла, сознание татарских музр при теле Коловрата, что они во многих землях и на многих бранях бывали, а таких удалцов и резвцов не видали (*Примечание*. Отметим глагольные рифмы), — все это черты, знакомые нашим былинам. Наконец, как позднейшие песни о Батыге кончаются его жалобой на русских богатырей, так и старинная рязанская песня содержит в заключении жалобу Батыя на Коловрата за то, что он его «гораздо поскепал, много богатырей его сильной орды побил», и сознание басурманского царя, что у него нет богатырей, равных Коловрату. Батыю приписывает песня даже некоторое великодушье, вызванное удивлением подвигам русского богатыря“.⁵

Существенным недостатком этих наблюдений В. Миллера является то обстоятельство, что они не идут дальше установления частных соответствий между сюжетными мотивами и стилистическими подробностями рассказа, с одной стороны, и художественными особенностями былинного эпоса, с другой. Миллер даже не ставит вопроса о рассказе из повести и его песенном прототипе как целом, не пытается установить наличие связей между отдельными „эпическими“ подробностями эпизода о Евпатии.

В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает в эпизоде о Евпатии характерную для народного эпоса идеализирующую гиперболизацию: „бьяше нещадно, яко и мечи притупишася“, „татарове стаща яко пьяны“, „татарове мяшша яко мертви востаща“, „Евпатий же исполин силою и разсече Хосто-

¹ История русской литературы, т. II, ч. I. АН СССР, 1945, стр. 83.

² Труды ОДРА, т. VIII, стр. 120—121.

³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. пятое, переработанное, Учпедгиз, М., 1953, стр. 181.

⁴ Русское народное поэтическое творчество, т. I. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 285.

⁵ В. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 319—320.

врула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше“.¹

О гиперболизации как методе художественного изображения действительности в песне говорит М. О. Скрипиль.² В. П. Адрианова-Перетц выделяет, кроме того, развернутый в рассказе о Евпатии „народнопоэтический образ битвы-пира, проходящий в разных вариантах через всю повесть“ и подчинивший себе „книжный образ «смертной чаши»“.³ Отметим здесь также следующее наблюдение Н. К. Гудзия по поводу диалога Батыя с пленными: „Перед нами яркий образчик песенной, ритмически организованной формы речи, иронически окрашенной, как в устной поэзии“.⁴

Все эти наблюдения и сопоставления сами по себе значительны и ценны. Однако они нуждаются в уточнениях, а самое главное — они должны быть пересмотрены в свете анализа поэтической системы всего рассказа. Художественную специфику народной песни, — будь это былина или историческая песня, — составляют не какие-то отдельные приемы, но именно система поэтических средств. Необходимо представить песню о Евпатии Коловрате как целое, а не в виде отдельных „следов“, остатков, сохранившихся в составе повести.

Задача эта осложняется рядом трудностей, из которых необходимо назвать здесь, по крайней мере, две. Во-первых, при сопоставлении эпизода о Евпатии Коловрате с фольклором мы вынуждены пользоваться материалами последнего в значительно более поздних записях. Во-вторых, сама песня о Евпатии, если она действительно существовала, дошла не в виде прямой фольклорной вставки, а в литературно переработанной форме. В. Миллер считал, что в эпизоде о Евпатии Коловрате следует видеть „переданную прозой“ народную песню, и говорил о ее „книжной обработке“.⁵

Характер этой „обработки“ ясно раскрыт В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым, которые показали, что рассказ о Евпатии органически связан с общим построением „Повести“ как в идейном, так и в стилистическом плане. „Он составлен в той же стилистической манере, что и весь остальной текст «Повести», и сливается с нею в органическое целое“.⁶

В „Повести“ стилистика книжная и фольклорная, образы литературные и народнопоэтические не просто сосуществуют, но представляют своеобразный художественный сплав, они выступают в единстве, которое указывает на специфику художественной системы „Повести“. Творческий метод автора характеризуется, как указывает Д. С. Лихачев, стремлением „сблизить фольклор и книжность“, но не заменить одно другим.⁷

Ясно, что автор „Повести“ не сохранил художественной системы песни о Коловрате. Но он и не уничтожил этой системы. Задача заключается в том, чтобы эту нарушенную песенную систему восстановить и тем самым представить, какой была народная песня XIII века.

¹ Труды ОДРА, т. VIII, стр. 120.

² Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 286.

³ Труды ОДРА, т. VIII, стр. 121.

⁴ Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 179.

⁵ В. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 319.

⁶ Воинские повести древней Руси. Послесловие Д. С. Лихачева, М.—Л., 1949, стр. 131—132.

⁷ Воинские повести древней Руси, стр. 142.

В частности, только восстановление этой системы или важнейших ее элементов даст возможность правильно осветить вопрос о жанровой принадлежности песни.

В имеющихся исследованиях поставлен вопрос и о возможном времени создания песни о Евпатии. Миллер считал ее „если не современной, то, вероятно, по сложению близкой ко времени события“, созданной тем поколением, „которое либо было свидетелем татарского погрома, либо слышало о нем из уст современного событию поколения“.¹ Комарович допускал, что песня о Коловрате „взяла за основание, может быть, на самом деле имевшую место какую-нибудь победоносную стычку с татарами“.² М. Скрипиль считает, что „песня о Евпатии Коловрате... очевидно, была создана по свежим следам событий, когда еще не была забыта горечь разорения родного города, гибель его защитников и детали похода Батыя“.³

Следы народнопоэтических произведений исследователи усматривают и в ряде других эпизодов „Повести о разорении Рязани Батыем“: в гордом ответе Федора Батыю на требование привести жену и в самоубийстве Евпраксии, в эпизоде с предложением Батыя Олегу перейти к нему на службу, в рассказе о „мужестве рязанском“, о „гибели рязанских князей-братьев“. Эти эпизоды якобы основаны „на устных преданиях и песнях“, близки героическому народному эпосу, изобилуют народнопесенными мотивами, не вызывают никакого сомнения в эпическом происхождении. Обобщая эти наблюдения, Н. К. Гудзий пишет, что в основе „Повести о разорении Рязани Батыем“ „несомненно лежат эпические сказания, устные поэтические произведения, связанные с самим событием“.⁴ В. П. Адрианова-Перетц предполагает, что в художественном раскрытии некоторых событий „автор повести мыслил как народный эпический поэт“.⁵

Таким образом, встает вопрос о существовании в прошлом целого цикла народнопоэтических произведений о разорении Рязани. Вряд ли этот вопрос может быть разрешен сколько-нибудь категорически, но считаться с ним при исследовании песни о Евпатии Коловрате необходимо. Наличие поэтических циклов, посвященных общей теме, — характерная особенность народной поэзии.

Одной из основных задач при изучении предполагаемой песни о Евпатии Коловрате как художественного целого является воссоздание основы этого целого, т. е. сюжета и композиции песни.

Именно этот вопрос почти не затронут в имеющихся работах. Много говорили об отдельных мотивах предполагаемой песни, но ничего не сказано о ее сюжете в целом. Работа над выяснением сюжета песни неразрывно связана с изучением образов и стилистики ее. Одна из задач настоящего исследования заключается в том, чтобы через анализ сохранившихся сюжетных подробностей, образов и поэтических приемов проникнуть в сюжет песни. Эти подробности, образы и приемы важны для нас как конкретные проявления определенного художественного метода изображения и оценки событий. Но и песенный сюжет, его особенности, как и особенности композиции, также непосредственно определяются особенностями метода и являются конкретным выражением последнего. В народной поэзии художественный метод

¹ В. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 320.

² История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 83.

³ Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 286.

⁴ Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 181.

⁵ Труды ОДРА, т. VIII, стр. 121.

выявляется и в жанре. Таким образом, анализ фольклорных элементов, сохранившихся в рассказе о Евпатии Коловрате, важен для нас не сам по себе, не только в целях доказательства его песенной природы, но прежде всего в плане воссоздания песни как художественного целого, как конкретно-исторического художественного явления, с присущими ему особенностями жанра, сюжета, композиции, стилистики.

* * *

В распоряжении исследователя находится рассказ о Евпатии Коловрате, известный в ряде рукописных редакций „Повести“. Ныне эти редакции четко определены, описаны и изданы.¹ Всё это значительно облегчает изучение интересующего нас текста.

В редакциях, которые определены Д. С. Лихачевым как основные, рассказ о подвиге и гибели Евпатия дан наиболее полно и логично. В тексте этих редакций имеются некоторые разночтения, и их необходимо учесть. Речь идет о редакциях Основной А, Основной Б первого и второго вида. Что касается остальных редакций — хронографической, воинской, типа „Сказания“, риторической, стрелецкой и др., то все они (имеются в виду разделы, посвященные подвигу и гибели Евпатия) так или иначе повторяют редакции основные, сокращают, видоизменяют, а иногда и искажают эти последние. Поскольку нас интересует фольклорный источник эпизода о Евпатии, а не литературная судьба этого эпизода, мы не будем касаться „вторичных“ редакций: для нашей задачи они никаких материалов дать не могут. Несомненно, что судьба рассказа о подвиге и гибели Евпатия в этих редакциях полностью связана с судьбой „Повести“ в целом. Можно смело утверждать, что авторы этих редакций в своей работе над интересующим нас эпизодом не опирались на подлинный песенный материал, песен о Евпатии Коловрате не знали и оперировали лишь литературными данными, хотя, быть может, песенный характер эпизода не был для них тайной.

Исходя из всего сказанного, мы привлекаем к исследованию текст трех основных редакций.

* * *

Рассказ о Евпатии Коловрате в сюжетном отношении далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Для народной песни этот сюжет очень сложен, в нем много эпизодов (или „мотивов“), которые легко развиваются в рамках воинской повести, но которые значительно труднее развить в рамках народной песни.

Рассказ о подвиге и гибели Евпатия характеризуется резкими поворотами сюжета, быстрой переменой театра действия; повествование несколько раз переносится с русских на татар и обратно. Самое развитие сюжета идет стремительно, рассказ лишен каких-либо описаний, картинных зарисовок, он исключительно динамичен. В то же время в нем нет схематичности, в рассказе действуют живые люди, а не схемы. Для характеристики композиционной стороны рассказа важно также отметить отсутствие в нем обычных в народном эпосе зачина и концовки: действие начинается сразу и завершается сюжетным эпизодом. Важную роль в развитии сюжета и в раскрытии идейного содержания рассказа играют диалоги и высказывания действующих лиц,

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском. Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949. (Все цитаты даются в дальнейшем по этому изданию).

что находится в полном соответствии с художественными принципами и воинской повести и народной песни.

Однако сюжет рассказа о Евпатии, каким мы знаем его по „Повести“, — это еще не сюжет песни, восстановить которую мы должны. Необходимо тщательно проследить весь ход рассказа, останавливаясь на отдельных его моментах, сопоставляя их с данными народной поэзии, выделяя в них то, что несомненно или более или менее вероятно принадлежит автору „Повести“.

Вот как начинается рассказ: „И некий от велмож резанских именем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловернаго царя Батыя, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приеха в землю Резанскую, и виде ея опустевшую, грады разорены, церкви пожены, люди побены. И пригна во град Резань, и виде град разорен, государи побиты, и множества народа лежаша: ови побены и посечены, а ины пожены, ины в реде истоплены“ (стр. 293).

Так представлено начало рассказа в Основной редакции А. Текст Основной редакции Б первого вида включает некоторые подробности, как бы уточняющие сведения о Евпатии. Согласно этому тексту, Евпатий был в Чернигове, „емля подать своего государя великого князя Ингоревича Резанского“ (стр. 314). Еще более „точен“ текст Основной редакции Б второго вида, согласно которому Евпатий Львович (!) Коловрат „в те поры быв в Чернигове с князем Ингварем Игоревичем у князя Михаила Всеволодовича Черниговского и емля с своей вотчины подати своего государя великого князя Юрия Ингоревича“ (стр. 334). В этой же редакции вслед за Евпатием спешит в Рязань князь Ингварь Ингоревич.

Начало рассказа во всех редакциях вполне прозаично, подчеркнута „документально“, в нем нет ничего от песни и в стилистическом отношении оно прочно связано со всей „Повестью“ в целом. То, что видит Евпатий, фактически сжато повторяет уже данную выше в „Повести“ картину рязанского разгрома.

Очевидно, что в песне Евпатий „вводился“ в действие как-то иначе, скорее всего по-эпически. Однако ни один из типичных для эпоса приемов ввода героя как будто не подходит к данной ситуации. В былинах на тему об отбитом нашествии (типа „Василий Игнатьевич и Батыга“, „Илья Муромец и Калин“) богатырь является в тот момент, когда городу грозит опасность со стороны несметных вражеских полчищ. Он является либо по призыву князя, либо по собственной инициативе. Иногда он выступает поединщиком против вражеского богатыря. Последний мотив есть и в эпизоде „Повести“, но он дан в иной ситуации. В былинах на тему борьбы с иноземным насильником (типа „Илья Муромец и Идолиде“) герой переодетым приходит в Киев изда-лека.

Одна из существенных особенностей рассказа о Евпатии Коловрате, отличающая его от всех известных былин героического цикла, заключается в том, что герой в нем появляется тогда, когда столкновение с врагом уже закончилось трагическим для русских исходом. Евпатий выступает не как защитник Рязани в прямом смысле этого слова, но как мститель за разрушение и унижение родной земли. Цель его — уничтожить врага, который уже причинил родине неисчислимые страдания. Это обстоятельство очень важно — оно накладывает особую печать на весь рассказ. Евпатий бьется с таким гневом и ожесточением потому, что он уже познал всю горечь вражеского нашествия. Такого сюжета

былинный эпос, во всяком случае в известном нам составе, не знает. В этом плане предполагаемая песня о Евпатии Коловрате значительно отличается от былины. Перед нами, следовательно, произведение с сюжетом о выступлении героя во имя мщения за народные беды. Этот сюжет для XIII—XIV веков более историчен, более типичен, нежели сюжет о ликвидации вражеского нашествия.

Вернемся, однако, к началу рассказа. Как уже было сказано, стилистически он вполне согласуется с предшествующими и последующими страницами „Повести“. Но дело не только в этой стилистической стороне. Налицо — тенденция увязать эпизод о Евпатии с некоторыми политическими идеями „Повести“. Имя Евпатия в „Повести“ прочно связано с именем князя Ингваря Ингоревича. Вместе с этим князем Евпатий находился в Чернигове; войны, взятые в плен, заявляют Батыю, что они „посланы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского“. Сразу же вслед за эпизодом о Евпатии следует рассказ о возвращении князя Ингваря в Рязань.

В Основной редакции Б второго вида связь Евпатия с Ингварем еще более выделена. В этой редакции князь Ингварь спешит в Рязань вслед за Евпатием, а затем, уже позже, организует торжественные похороны героя. Поскольку именно князю Ингварю автор „Повести“ приписывает роль восстановителя Рязанской земли, следует сделать вывод, что одной из задач „Повести“ было выдвижение большой роли этого князя, прославление его как лица, благодаря которому возродилась Рязань.¹ Включая в свою „Повесть“ переработанную песню о Евпатии Коловрате, неизменный автор имел в виду, помимо всего прочего, увязать народнопесенного героя к Ингварю и тем самым представить последнего в виде эпического князя наподобие Владимира. С этой же целью было выбрано и место в „Повести“ для песенной вставки — перед рассказом о горестном возвращении Ингваря из Чернигова. Что перед нами именно вставка, сомневаться не приходится: если убрать эпизод о Евпатии, логический ход повествования не только не нарушится, но станет еще яснее.

Связывая героя-богатыря Евпатия с князем Ингварем, автор „Повести“ явно стремился возвеличить последнего. Однако это ему в полной мере не удалось, он допустил (неосознанно, разумеется) серьезный просчет. Помимо желания автора, образы Евпатия и Ингваря в известной степени оказались противопоставлены в „Повести“. В самом деле, Евпатий, явившийся на развалины Рязани, не только „воскрича в горести душа своя“, но и „разпадаяся в сердды своем“, он бросается в бой, чтобы отомстить за обиды и, может быть, разделить судьбу погибших рязанцев. Беззаветная преданность родине, готовность отдать за нее свою жизнь — вот что характеризует Евпатия. Между тем Ингварь, вернувшись в Рязань и увидев точно такую же картину, что и Евпатий, „жалостно возкричаша“ и „от великаго кричания и вопля страшнаго лежаще на земли, яко мертв“, „и едва отольяша его“. Нет и намека на то душевное состояние, которое охватило Евпатия, увидевшего разоренную Рязань. Так столкнулись в рамках одного произведения народное понимание патриотизма, выраженное в песенных формах, и феодальные представления о князе-печальнике, выраженные в стиле житийно-воинского повествования.

¹ На большую роль Ингваря в предполагаемом Рязанском летописном своде XIII в. указывает В. Л. Комарович (История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1947, стр. 75).

Такой образ Ингваря не мог иметь места в песне. Он введен автором „Повести“, песня его не знала, в песне герой вступал в бой, очевидно, по собственному почину, он действовал как подлинно народный герой: гнев и обида вели его на битву, о возможных трагических последствиях которой он не хотел думать.

Уже самое начало песни несло в себе народную идею: герой ее, как эпический персонаж, не занимается оплакиванием погибших, не молится и не кается в грехах, но без лишних рассуждений, прямо и самоотверженно устремляется по следам врага, чтобы выместить на нем всю ярость своей души. В следующих строках автор „Повести“ полностью сохранил самый дух народной песни: „Еупатий воскрича в горести душа своя и распалася в сердце своем. И собра мало дружины: тысячу семсот человек, которых бог соблюде быша вне града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздальстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сечи без милости, и сметоша яко все полкы татарския“ (стр. 293). Именно так выступали на защиту Киева богатыри. Вот характерные аналогии из поздних былинных записей.

А как разъерилось ёго да ретивѡ серцьѡ,
Роськипелась в ём кровь горячая,
Да хватил-то он свою палицю тяжолую,
Он начял по силушки поеживатьъ,
Цяжолой палицѡй помахивать.¹

Он выехал во поле во чистое
А ко этым тотарам ко поганым,
Начали они рубить татар да поганых.²

Самый мотив преследования врага, хотя и в иной ситуации и с несколько иной мотивировкой, известен эпосу.

Поехал Батыга он от Киева,
День он ночь удаляется
От того ли от города от Киева,
От того ли князя от Владимира.
Увидел Василей Игнатѡв сын,
Разгорелось его сердце богатырскоѡ,
Роскипелась его мысль молодецкая,
Сам он говорит таково слово:
— Не поеду ко городу ко Киеву,
Ко тому князю к Владимиру,
Поеду в сугон да в следы Батыгины,
Пусть он Батыга не хвастает,
Со мной с богатырем нынь повидается.³

Близость эпизода „Повести“ к эпическому изображению битвы усиливается еще и от того, что в эпизоде эта битва показывается в первую очередь как столкновение богатыря со скопищем врагов.

Однако песня о Евпатии уже отходит от чисто эпической манеры показа русских сил. В былинах эти силы воплощаются в богатырях, и дружина там тоже богатырская. Характерна в этом отношении былина „Илья Муромец и Калин“, в которой Илье помогает Самсон с двенадцатью (иногда — тридцатью) богатырями. В песне о Евпатии присутствует реальный образ дружины. Это — воины, которые остались после

¹ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, стр. 413.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. 2. Изд. 4-е, М.—Л., 1951, стр. 331.

³ Там же, т. 1, стр. 607.

разгрома в живых. „Повесть“ называет их рабами Юрия Ингоревича, „которых бог соблюде—быша вне града“. Однако этот образ лишь намечен. С одной стороны, дружины в бою мы не видим, бьется один Евпатий. С другой стороны, сами дружинники заявляют о своей роли в битве. Здесь налицо известное противоречие, и объяснить его можно только тем, что в народном песенном творчестве той эпохи были свои, характерные именно для того времени приемы показа войска в бою. Фольклору уже известен образ-символ: воины, уничтожающие врага, — „гостеприимные хозяева“, не успевающие наполнять чаши; этот образ и вошел в песню. Более реалистический образ войска, решающего своим героизмом исход сражения, будет создан народной поэзией позднее.

В последнее время высказывается совершенно противоположная точка зрения по вопросу об историческом развитии образа эпического героя, как собирательного образа народной силы. По мнению Д. С. Лихачева, в народной поэзии „военный предводитель постепенно вытесняет подвиги своего войска и тем самым приобретает богатырские размеры, богатырскую силу, гиперболизируется“.¹ Предполагается, таким образом, что в старших эпических песнях действовала масса, возглавляемая вождем, руководителем. Постепенно в народном творчестве совершался процесс, который „в былинах позднейших приведет в конце концов к тому, что русское войско окажется поглощенным в собирательном образе богатыря. Богатырь вберет в себя реальные свойства русского войска, будет совершать подвиги один, без дружины, без товарищей по оружию: один будет освобождать и Киев, и Чернигов, один будет побеждать бесчисленное войско врагов Руси“.² Процесс этот, как считает Д. С. Лихачев, в своей начальной стадии зарегистрирован „Словом о полку Игореве“ в образе Всеволода Буй Тура.

Все это построение мне не кажется достаточно убедительным. Русский эпос не знал реального образа войска; коллективное творчество создало образ эпического героя, богатыря, который обычно бьется один, олицетворяя собой мощь и непобедимость народа. Эпический герой — это гигантское обобщение, созданное народом, в этом и заключается специфика художественной типизации в эпосе. Думаю, что пример со „Словом“ неудачен: Всеволод — не богатырь, но князь, военачальник. Богатыри не представлялись народу военачальниками, не были князьями. Другое дело, что древнерусские писатели, создавая образы князей-героев, уподобляли их богатырям и в этом случае переносили на них качества эпических героев, но оставляли их в то же время князьями, военачальниками, сохраняли за ними дружину и т. д. Образ Всеволода не может являться материалом для изучения собственно фольклорных процессов XII века, но представляет прекрасный материал для исследования вопроса о путях и характере использования народной поэзии древнерусскими писателями.

Что касается песни о Евпатии, то в ней как раз можно усмотреть начальный этап процесса, в результате которого рядом с эпическим героем появляется военная масса, войско, как решающая сила военных событий, а сам герой постепенно обретает черты реального руководителя, полководца. Песня интересна тем, что в ней запечатлено самое начало этого процесса: герой в основном остается еще эпическим, хотя действует не в эпической, а в исторической обстановке, а идущая

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. 1, стр. 246.

² Там же, стр. 246—247.

за ним дружина изображается, хотя и с элементами конкретности, но в целом еще вполне „поэтически“, участие дружины в битве передается через образ-символ.

Обратимся теперь к картине битвы с врагом, как она дана в эпизоде „Повести“. Особенностью этой картины, в частности, является то, что столкновения, сражения в прямом смысле в ней нет. Идет не бой, а уничтожение врага: „И начаша сечи без милости, и сметоша яко все полкы татарския... Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и сечаша их... И ездя по полком татарским храбро и мужествоно, яко и самому царю возбоятся... И начаша сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил, ових на полкы пресекоша, а иных до седла краяше“ (стр. 293—294). Об уничтожении врага говорят и пленные воины в своем ответе Батыю. Такое изображение военных событий вполне типично для былинного эпоса, где обычно один богатырь или богатырская дружина уничтожают вражескую силу, которая не может оказать никакого сопротивления, теряется, приходит в ужас и обычно obraщается в бегство или вся гибнет.

Напущает-то богатырь святорусския
А на тую ли на силу да татарскую.
Он спустил коня на богатырского,
Да поехал ли по той по силушке татарской,
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит.¹

Услыхала тут дружина-то хоробрая,
А как начели ездить, рубить по силушки великия
.....
Они коё бьют, коё конями топчут жа;
Они били-рубили немножко, немало — шестёры сутки,
Не пиваючи добры молодцы, не ёдаючи,
Со добрых коней да не сходяючись;
Што они прибили эту силушку да до единого.²

В известных нам военно-исторических песнях (начиная с XVI века) утверждается более реалистическая манера изображения военных событий. В этих песнях предстает действительно столкновение двух враждебных сил, идет упорная борьба, в которой и решается исход дела.

Сходилися туто й двои силы,
Что шибкие громы гремели,
Что ни люты звери проревели, —
Прогремели чугунные ядры;
Что между их протекали реки, —
Протекали реки, реки кровавые;
Что и силы полягло — что и сметы нету.³

Песня о Евпатии Коловрате в изображении битвы остается еще в рамках эпической традиции. Однако, в отличие от былин, в песне Евпатий и его войско терпят поражение, а сам герой гибнет. Эпическая манера здесь резко нарушена, конечно, во имя исторической правды. Именно в творческом, новаторском отношении к старым сложившимся традициям заключается одна из особенностей песни о Евпатии. Народ-

¹ Онежские былины. . . , т. 2, стр. 28.

² Беломорские былины. . . , стр. 441.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 127, ср. также стр. 131, 134.

ная историческая поэзия на новом этапе развития не отказывается от веками сложившихся форм изображения истории, использует эти формы, но не слепо повторяет и варьирует их, а стремится их творчески переработать в связи с новым содержанием и в то же время ищет и новые формы. Сочетание творчески развиваемых традиций с яркими элементами нового в содержании и форме характеризует художественную природу песни о Евпатии.

Воинские описания в эпизоде „Повести“ даны в виде ряда сжатых поэтических формул и образов. Относятся ли все эти формулы к области народной поэтики? Есть ли у нас соответствующие материалы для сопоставлений? Кое-какие материалы имеются. Однако надо иметь в виду, что все они — поздних записей. Выражению „и начаша сечи силу татарскую“ соответствуют типичные былинные формулы: „а как начали ездить, рубить по силушке великой“, „начали они рубить татар да поганых“, „он начал по силушке поеживать“. Выражение „Еупатий сильна полкы татарьския проеждая, бьяше их нещадно“ находит аналогии в былинных формулах типа „да поехал ли по той по силушке татарскойей... стал он бить ту силушку великую“, „он тут по силушке поеживал да прибил, прирубил всю эту силушку великую“. Эти примеры сами по себе показательны. Но стилистические аналогии такого рода обнаруживаются и в самой „Повести“, в предшествующем эпизоде рассказе о приходе Батыя и о столкновении с ним рязанцев: „Многна сильныя полкы Батыевы проеждая, храбро и мужественно бьяшеса“, „начаша битися крепко и мужественно“, „видя... бояр своих и воеводе храбры и мужествены ездяше“, Батый „веля бити, и сечи, и жещи без милости“, „а инех князей, нарочитых людей воиньских побил“. Эти примеры, наглядно свидетельствующие о близости воинской стилистики „Повести“ и былины, в то же время снимают предположение о полном сохранении автором в эпизоде песенных выражений. Он сохранил лишь некоторые стилистические детали песенного изображения битвы, переводя его в целом в привычный план книжной воинской стилистики. К таким деталям, быть может, относятся „сила татарская“, „на полы пресекоша“, „до седла краяше“. В воинской стилистике эпизода о Евпатии мы не находим многих характерных эпических формул, постоянно встречающихся в поздних записях былин и как будто просящихся в описание эпического подвига Евпатия: „силу конем топтать“, „силу бьет, будто траву косит“, „а как вперед махнет, дак делат улицей, да назад оборотитьце — переулками“, „он рубил силушку великую“ и др. В отличие от богатырей, действующих главным образом палицей, иногда копьем, — Евпатий бьет врага мечом, бросает свой притупившийся меч и действует отнятым у татарина.

Воинские описания эпизода о Евпатии содержат несколько характерных, явно народнопесенных образов-символов. Вот наиболее развернутый (в словах пленных Батыю): „Посланы... тебя сиана царя почтити и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать татарьскую“ (стр. 294). Образ этот вновь всплывает в дальнейшем в жалобе Батыя: „О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною“ (стр. 295). Подробность, относящаяся к тому же образу, встречается еще до слов пленных, а именно во фразе: „татарове же сташа, яко пьяны“. Такая манера развития образа-символа — с повторением отдельных его элементов в разных местах повествования — не характерна для народной песни. В ней обычно образ-символ получает полную и завершенную разработку в одном месте, не раздробляется и не появляется в других

местах сюжета. Поэтому предполагаю, что фраза о татарах, ставших словно пьяные, а также упоминание об „угощении“ в жалобе Батыя внесены в текст автором „Повести“ и являются как бы его вариациями народнопесенного образа. Сделаны они с исключительным тактом и подлинным проникновением в сущность народного образа.

Обычно образ, о котором идет речь, определяют как образ битвы-пира. „Битва-пир, на котором напиться допьяна значит быть убитым, — это символ народной поэзии“.¹ В. П. Адрианова-Перетц приводит в числе примеров употребления этого символа известное место из „Слова о полку Игореве“ и ответ пленных царю Батыю, давая в качестве фольклорной параллели эпизод из народной песни, где мать встречает „удала добра молодца“, который идет „сам шатается“, и спрашивает его:

Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься,
До сырой то до земли все приклоняешься.

Сын отвечает:

Я не сам так, добрый молодец, напиваюсь,
Напоил то меня турецкой царь тремя поймами. . .
Как и первое то его пойло — сабля острая,
А другое его пойло — копые меткое было,
Ево третье то пойло — пуля свинчатая.²

Этот образ В. П. Адрианова-Перетц непосредственно сопоставляет с образом свадьбы-пира, видя в них, повидимому, вариации одного образа.

Считаю необходимым внести в эти утверждения некоторые поправки. Действительно, и в народной поэзии и в древней русской литературе несчастная битва изображается нередко в символах пира, свадьбы, свадебного пира. Но эти символы применяются, по крайней мере, в народных песнях, исключительно при описании поражения русских, они никогда не применяются к теме разгрома врага. Это вполне понятно: указанный символ глубоко эмоционален, он служит для выражения неизбыточной грусти, печали в связи с неудачным исходом битвы. Кстати сказать, символ битвы-пира обычно означает не гибель, а именно поражение в кровопролитном бою; об этом наглядно свидетельствует и песенный пример, приводимый В. П. Адриановой-Перетц. В таком значении этот образ знают поздние исторические песни.³

Образ битвы-пира не совсем аналогичен образу битвы-свадьбы, последний, действительно, чаще всего говорит о гибели — достаточно вспомнить знаменитую песню о добром молодце, умирающем от ран в чистом поле и посылающем прощальный поклон семье с конем.

Однако наряду с этими образами, в общем родственными как по содержанию, так и по эмоциональной направленности, в русской народной поэзии известен еще один образ-символ, который можно определить как „битва — встреча и проводы гостей“. Он широко представлен в поздних исторических песнях главным образом XVIII века. Следующие примеры ясно раскрывают его смысл.

На наглое письмо Карла, грозящегося прийти в Питер и Москву и предлагающего подготовить ему почетную встречу, Петр отвечает:

Прошу, прошу, Карла шведкай,
На квартиру на мою, —

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 113.

² Там же, стр. 114.

³ Ср., например: Б. Путилов. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, №№ 65, 73.

У меня есть, Карла шведкай,
 Чем попотчивать тебе:
 У мене есть пироги,
 Они в Туле печены,
 Они в Туле печены,
 Черным маком чинены;
 У нас есть и сухари,
 Только зубы береги;
 Как зубов не сберегешь,
 Тут тогда и пропадешь,
 Тут же вот и пропадешь,
 Земли своей не найдешь!¹

В песне из времен Отечественной войны 1812 года Кутузов предлагает встретить Наполеона среди поля Можайского, поставить ему

Столы — пушки меднай,
 Скатёрочки — востры шашачки
 . . . Мы пошлем-то ему
 Наедочки дюза горькия —
 Ядрочки ему чугуннаи
 . . .
 Напиточки дюза крепкия —
 Вот пулечки ему быстраи,
 Ой, на закусочку ему —
 Донских-то казачушков
 Да сы пиками длинными.²

Прямая параллель к словам пленных „Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать татарскую“ имеется в исторических песнях:

Уж ты кушай, король Шведской,
 Да не прогневайся:
 Уж вам эти сухари (у нас були)
 В Туле крошены,
 В Ярославле сушены,
 К Москве вывезены!³

Близость приведенных примеров к образу, который развивается в эпизоде о Евпатии, несомненна. Правда, в поздних исторических песнях этот образ мы находим уже тщательно разработанным, обогащенным множеством подробностей, с характерными деталями, отражающими особенности воинского быта эпохи (пушки медные, бомбочки со ядрами, солдатские сухари и т. д.). В эпизоде „Повести“ этот образ предстает в начале своего развития, он еще не насыщен. В частности, здесь нет еще средств уничтожения в виде предметов „угощения“, вместо них — обычные принадлежности встречи гостей: вино, чаши. . . Но общий смысл и направленность образа уже явственно определились. В нем выражена решимость ответить сокрушительным ударом на захватнические планы наглого врага, противопоставить его самонадеянности мужество и уверенность в правом деле. Важно подчеркнуть, что этот образ проникнут иронией. В поздних песнях в мотиве встречи и „угощения“ звучит прямая и откровенная народная насмешка над врагом. В эпизоде о Евпатии Коловрате ирония более сдержанная, но и здесь она налицо.

¹ А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-Дон, 1946, стр. 67.

² Там же, стр. 90.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9. М., 1872, стр. 81.

Таков, на наш взгляд, истинный смысл образа, развернутого в ответе пленных, показавшемся Батыю столь мудрым.¹

Какое значение имеют наши наблюдения для понимания песни в целом?

Дело в том, что многие народнопесенные образы существуют не сами по себе, не изолированно, но в ряду других образов, в определенной художественной системе, и несут в себе определенное художественное обобщение. Так, образ битвы-пира всегда развивается в песнях о поражении, о военной неудаче (это прекрасно понимал автор „Слова о полку Игореве“, давший гениальную вариацию этого образа в картине разгрома русских войск); образ битвы-встречи и „угощения“ врага связан с темой отпора чужеземному нашествию, с темой стойкого сопротивления врагу. В поздних исторических песнях он связан также с темой победы, изгнания противника.

В свете всего сказанного становится понятным, что сюжет предполагаемой песни о Евпатии Коловрате строился на основной теме — отпора захватчикам. Естественно предположить, что в этой песне был мотив похвалы Батыя, предшествовавший выступлению Евпатия. Ведь именно как патриотический ответ на эту похвальбу, на наглые притязания татар воспринимаются слова пленных о том, как они „потчуют“ войска Батыя. Отсутствие этого мотива в тексте рассказа легко объяснимо — он дан автором в самом начале „Повести“: Батый „присла на Резань... послы безделны, просяща десятины в всем: во князех и во всяких людех, и во всем... И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И начаша попросити у рязаньских князей тщери или сестры себе на ложе“ (стр. 288).

Вопрос же Батыя, обращенный к пленным: „Коеа веры еста вы, и коеа земля, и что мне много зла творите?“, — не связан органически с образом, развивающимся в ответе русских воинов, и не вызывает впечатления действительно песенного.

Важное место в эпизоде „Повести“ занимает единоборство Евпатия с Хостоврулом. В редакции Основной Б первого вида имя татарина — Таврул. Приведем весь текст редакции Основной Б второго вида: „... посла шюриня своего Таврула, а с ним велику рать татарскую на Еупатиа. Таврул же похвалися пред царем, и хотя Еупатиа жива привести. И обступиша всеми полки сильными Еупатиа, и хотя его жива яти. И Еупатий же исполни силоу, и съехася с Таврулом, и разсече Таврула на полы до седла“ (стр. 336). Предполагаю, что именно последний текст из всех трех основных редакций ближе по стилистике к песенному.

Мотив единоборства русского богатыря с татарским встречается в некоторых былинах и примерно в той же ситуации, т. е. встреча происходит в разгар боя. В этом случае татарин имеет вполне человеческий облик (в отличие от былин на тему борьбы богатыря с иноземным

¹ Использование образа-символа „битва — встреча и проводы гостей“ в „Повести“ — не единственный случай в древней русской литературе. С отголосками этого же образа в его дальнейшем развитии мы встречаемся в различных редакциях „Повести о Мамаевом побоище“ (в речи князя по адресу приближающихся татар: „Се оуже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, предние оуже испиша и весели быша и уснуша“ — редакция третья; ср. также редакции вторую и четвертую: С. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. М., стр. 65, 29—30, 114) и в „Задонщине“ (в насмешливых словах фрягов по адресу Мамая: „Нето тебя князи руские гораздо подчивали, ни князей с тобою ни воевод? Нечто гораздо упилися у быстрого Дону на поле Куликкове на траве ковыле?“: Труды ОДРА, т. V, 1947, стр. 204).

насильником, в которых последний выступает в виде чудовища). Вот некоторые примеры.

И выезжат Калина во чисто поле
 И супротив русского богатыря.
 И как не два ли ясных сокола слетаются,
 И не две ли сильнии горы вместо скатаются,
 И как два сильних могучих богатыря сражаются.
 И они съехались добры молодцы побратались,
 А й у Калина царя конь на колена пал.
 А й сам ли Калина царь под конём лежит,
 И разбит он до конского до седлища.¹

А россек он буйну голову вплоть до самого седельшка:
 Развалилсэ тут Идолишшо все на́двое.²

Чаще всего в былинах богатырь просто отрубает своему поединщику голову. Былинные параллели к эпизоду единоборства могут быть продолжены. Так, былина нередко изображает чужеземного врага-захватчика в виде неизвестного богатыря. Соответствующие наименования в эпизоде „Повести“ (Евпатий „многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил“), таким образом, не противоречат эпосу. В эпосе вражеский царь нередко окружен различными родственниками. Василий Игнатьевич „убил ведь Батыгу Батыговича и убил зятя Тараканчика Карабликова“.³ В исторической песне XIV века царь Авзяк Таврулович „шурьев... дарил... городами стольными“. Главным героем песни выступает любимый шурин царя Щелкан Дюдентьевич. Шурином Ивана Грозного является и известный герой песни XVI века — Кострюк, в котором есть черты иноземного врага-богатыря.

Следующий за мотивом единоборства эпизод соответствует обычным заключительным мотивам былины: „И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полкы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбояшеса, видя Еупатия крепка исполина“ (стр. 294). Несколько иначе представлено это место в редакции Основной Б: „И начаша сечи рать татарскую, овых на полы пресекая, а инех до коня разсекоша, и многих нарочитых ту побиша“ (стр. 315).

Былины на тему о борьбе с вражеским нашествием нередко кончаются полным поражением татар, которые в страхе и панике бегут.

И видит тут Батый, что беда пришла,
 И сам говорит таково слово:
 — Неужоль таковы люди в Киеви,
 А один молодец всех татар прибил?
 Поскорешенько на коней собирается,
 И сам он, неверный, заклинается:
 — Не дай мне-ка бог на Руси бывать,
 И не детям моим и не внуцатам.⁴

Однако рассказ о Евпатии Коловрате дает совершенно иное завершение. Батый не бежит с Русской земли, а богатырь, выступивший против него, гибнет: „И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленных пороков, и едва убиша его“ (стр. 294). Несколько по-иному говорит об этом редакция Основная Б: „И нава-

¹ Онежские былины... т. 2, стр. 637.

² Беломорские былины... стр. 441.

³ Онежские былины... т. 2, стр. 293.

⁴ Онежские былины... т. 2, стр. 637.

диша нань саней множество с нарядом, и начаша из снаряда бити, и едва одолеша его“ (стр. 336). Тело убитого Евпатия привозят к Батыю, который выражает удивление силой русского богатыря. То же чувство выражено и в словах окружающих Батыя татар. В конце эпизода царь разрешает оставшимся в живых дружинникам увезти тело Евпатия. Вся эта серия заключительных эпизодов рассказа о Евпатии по своему характеру резко расходится с содержанием большинства былин на тему борьбы с иноземными захватчиками и военно-исторических песен. Для всех героических былин характерна идея непобедимости русских богатырей, воплощающих народные силы. Былины заканчиваются полным уничтожением и изгнанием врага. В таком завершении, расхлывшемся в XIII—XIV веках с исторической действительностью, прекрасно выражена вера народа в свою неизбежную победу. Эпос непосредственно, в художественных образах, в самом развитии героических сюжетов передал народный оптимизм.

Единственная былина, из известных нам, в которой богатыри, выступившие на защиту родной земли, терпят поражение в столкновении с „силой нездешней“, это — „Камское побоище“. Однако необходимо напомнить, что и в этой былине богатырей не убивают, а они, по одним вариантам, окаменевают, по другим — убегают, ужаснувшись непрерывного удвоения уничтожаемой вражеской силы.

Таким образом, рассказ о Евпатии резко расходится с эпосом в изображении судьбы героя и его дела. Нет соответствующих аналогий рассказу этому и среди военно-исторических песен. Песни о гибели, о поражении русских войск, о гибели народного героя известны, но эта тема в них реализуется через систему своих сложившихся художественных приемов и образов. В известных нам военно-исторических и военно-бытовых песнях гибель героя или войска подготовлена обычно всем ходом развития сюжета, всей системой образов. Обычно с самого начала ясно, что в песне речь будет идти о поражении, о смерти на поле боя, о неудачном исходе битвы и т. д. Народные песни, как правило, развивают одну основную идею, развивают ее в одном эмоциональном плане. В рассказе о Евпатии Коловрате такого единства стиля нет. Первая часть его — это, по существу, повествование о беспощадном мщении русских воинов насильникам, о разгроме татар, о победе. И в этой части как раз эпизод „Повести“ наиболее близок по своим художественным особенностям к эпосу. Вторая его часть — это повествование о гибели русского героя в неравном бою и оценка, устами врага, его беспримерного мужества. Вторая часть ближе к поздним историческим песням о гибели народного героя. Несомненно, что композиция рассказа „Повести“ полностью сохранила основные композиционные особенности песни о Евпатии. Это была песня, в которой многое в системе образов шло еще от эпоса, но в которой в то же время уже были сильные элементы нового в художественном понимании истории. Слагатели песни, не пренебрегая лучшими эпическими традициями, одновременно явно стремились отойти от эпических представлений в понимании и изображении событий, в частности от эпической идеализации истории, они стремились высказать суровую правду об известных им фактах истории. Это стремление отчетливо и проявилось в той части песни, которая говорила о гибели Евпатия. Но эпические приемы помогли творцам песни ярко передать основную ее идею — идею непобедимости народа, у которого есть такие богатыри. Былинные традиции использованы в песне глубоко творчески, нет и следа механического подхода к ним со стороны слагателей песни.

Идея о том, что непобедим народ, могущий выдвинуть героев, подобных Евпатию, развивается не только в первой части рассказа (а следовательно, и в соответствующих местах песни), где она непосредственно воплощена в образах Евпатия и его дружины, в их действиях и речах, но и во второй части — в характеристиках, которые дают русским татары. Собравшиеся над телом убитого Евпатия татары „начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству“, приближенные даря говорят Батыю: „Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отды наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеющие смерти и тако крепко и мужественно ездя, бьяшеся: един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища“ (стр. 294—295). И сам Батый обращается к мертвому Евпатию: „Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего“ (стр. 295). „И даша тело Еупатеево его дружине останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпостити, ни чем вредити“ (стр. 295).

Что здесь несомненно идет от песни и что принадлежит автору „Повести“? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вообще присмотреться к тому, как изображаются и характеризуются враги на всем протяжении рассказа о Евпатии. Нетрудно заметить, что эти характеристики резко отличаются от тех, которые даются им в предшествующих частях „Повести“. „Безбожный царь Батый“, „окаянный Батый“, „нечестивый Батый“ — это постоянные наименования хана на страницах „Повести“, посвященных приходу татар, их поведению, нападению на Рязань и т. д. В рассказе о Евпатии имя Батя упоминается более десяти раз. Один раз его называют „зловерный царь Батый“, в другом случае — „безбожный царь“, а во всех остальных случаях — просто „Батый“, „царь Батый“, „царь“. Это вполне согласуется с былинами, в которых при именах „татарин“, „татары“ обычны эпитеты типа „поганий“, но при имени татарского царя (Батыга, Скурла, Кудреван и др.) такие эпитеты появляются сравнительно редко: имя врага говорит само за себя!

Однако дело не только в наименованиях, в эпитетах. В „Повести“ Батый охарактеризован как „лстив бо и немилосерд“, „лукав есть и немилостив“, „порываем в похоти своея“; он легко приходит в ярость, жестоко расправляется с непокорными; видя упорное сопротивление рязанцев и большой урон в своей войске, „веля бити, и сечи, и жещи без милости“.

Ясно, что, изображая Батю в рассказе о Евпатии способным воздать должное мужеству русского богатыря, восхищающимся подвигом последнего, проявляющим великодушие по отношению к побежденному, но не смирившемуся противнику, автор „Повести“ шел не от привычных для себя традиций и представлений, а от того художественного источника, которым он пользовался при работе над рассказом, т. е. скорее всего — от народной песни. Естественно поэтому искать соответствующие аналогии к этому месту рассказа в фольклоре. Но в былинах таких аналогий нет. В образах Калина, Батыги былина ярко выделяет черты жестокого и бездушного захватчика, которому абсолютно чужды какие-либо признаки человечности: сострадание, справедливость, понятия о чести и т. д. Они хитры, вероломны, злобны. Используя приемы художественного преувеличения и заострения, творцы былины создали исключительно цельный типический образ чужеземного врага-захватчика. Образ вражеского царя, короля, полководца неоднократно встречается в поздних исторических песнях. Обычно он харак-

теризуется как наглый, самонадеянный захватчик, жестокий и хитрый, но и трусливый, легко поддающийся панике, проливающий слезы над своей разбитой армией. На великодушные поступки он неспособен, оценить честно героизм и мужество русских людей он не может.

Есть вместе с тем песня, в которой характеристика вражеского царя сходна с той, которая дана в рассказе о Евпатии. Очень важно отметить при этом, что песня эта, вполне вероятно, также связана с темой нашествия Батя. Речь идет об известном сюжете, обычно называемом „Авдотья Рязаночка“. В ней, по известным поздним записям, действует „Бахмет турецкий“, которому даны эпитеты „славный старый король“. Жестокость его, беспощадность, сила разрушений, произведенных им, нисколько не смягчаются. Но подобно тому как подвиг Евпатия тронул даже Батя, так и иного рода подвижничество „молодой женки“ Авдотьи Рязаночки заставило Бахмета преклониться перед ее умом и мужеством и ответить ей великодушным поступком. Авдотья преодолела тягчайшие преграды на пути в „землю турецкую“, сумела „с королем речь говорить“, сумела „просить у короля полону“, даже возбудила у Бахмета воспоминание об убитом брате, — в результате Бахмет разрешил ей увести с собой „народ свой полоненный“ и взять золотой казны „сколько надобно“.

Песня об Авдотье Рязаночке удивительно перекликается с предполагаемой песней о Евпатии, — и не столько в сюжетном отношении (здесь есть лишь небольшие аналогии), сколько в общем идейном плане. Эта перекличка не случайна.

Что касается частного вопроса — о характеристике вражеского царя, то приведенная аналогия ясно говорит о возможности существования в народной поэзии XIII века такой характеристики. В чем ее идейный смысл? Разумеется, народная песня вовсе не думала смягчать всей страшной, античеловеческой сущности Батя. Она говорила правду о его жестоких делах. Песня хотела сказать другое: беззаветный патриотизм, стойкость и самоотверженность, храбрость и воинская удаля простых русских людей — защитников родной земли были так велики, проявлялись с такой силой и красотой, что перед ними не могли не преклониться на какой-то момент даже враги — люди без души и чести. Именно таков смысл соответствующих эпизодов песен о Евпатии и об Авдотье Рязаночке. Здесь очевиден иной подход к теме, иная эмоциональная направленность, иная художественная манера, чем в былинах. Такого рода изображение врага не закрепилось в народнопоэтической традиции. В народной поэзии, в частности исторической, полностью восторжествовал принцип беспощадного художественного разоблачения захватчика, последовательно отрицательного отношения к нему. В известных нам исторических песнях, начиная с „Щелкана“, вражеский царь, король или его ставленники окружены ничем не смягчаемыми ненавистью, презрением, насмешкой. Таковы песенные образы турецких султанов и пашей, шведских и прусских королей, Наполеона, Шамиля и т. д.

* * *

Теперь можно сгруппировать все те эпизоды, образы и стилистические места рассказа о Евпатии Коловрате, которые, несомненно или вероятнее всего, отсутствовали в песне и внесены автором „Повести“. При этом необходимо отметить, что, перерабатывая, дополняя и изменяя песню о Евпатии, неизвестный автор „Повести“ использовал как книжные, так и народнопоэтические традиции. Возможно, что наряду

с песней в XIII веке в Рязанской земле существовали и предания о Евпатии или даже просто жили воспоминания, не оформленные художественно. Из этих источников могли придти в „Повесть“ отдельные фактические подробности: указание о том, что Евпатий в момент нашествия Батыя находился в Черниговской земле; точное определение состава дружины Коловрата (1700 человек); сообщение, что Евпатий догнал войско Батыя в „земли Суздастей“; число пленных, „изнемогших от великих ран“ („5 человек воинских“).

В рассказе есть несколько стилистических деталей, которые хотя и отсутствовали, повидимому, в песне, но носят народнопоэтический характер и свидетельствуют о чуткости автора к фольклору, о том, что он не только непосредственно включал в свою „Повесть“ фольклорные произведения, но и, говоря словами В. П. Адриановой-Перетц, мыслил как народный поэт. Сюда я отношу фразу: „Татарове же сташа, яко пьяны, или неистовы“. Полагаю, что слово „неистовы“ дано автором в качестве комментария к сравнению „сташа, яко пьяны“. Не свидетельствует ли это, что самое сравнение, фольклорное по своему характеру, было для того времени новым и нуждалось в истолковании? Сюда же следует отнести „эпический“ вопрос царя: „Коеа веры еста вы, и коеа земля, и что мне много зла творите?“. Этого вопроса, вероятно, не было в песне: в первой части ответа пленных — „Веры христианския есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, а от полку Еупатиева Коловрата“ — нет ничего песенного, а вторая его часть — собственно песенная — не является по существу ответом на вопрос Батыя. В песне Батый спрашивал у пленных о чем-то ином, его вопрос был как-то связан с основным зерном ответа — образом битвы-встречи и проводов гостей.

Выше уже говорилось о том, что все начало рассказа, вплоть до слов „Еупатий воскряча в горести душа своя“, носит чисто книжный характер и стилистически полностью согласуется со всей „Повестью“. От книжной традиции, скорее всего, идет образное выражение „татарове мняша, яко мертви восташа“. В народной сказке и, редко, в былинах герой может временно погибнуть и затем ожить с помощью чудесных средств, но этот мотив никакого отношения к фразе из „Повести“ не имеет. Автору, конечно, принадлежит первая часть ответа пленных.

Что касается собственно песенных мест и образов, то автор чаще всего передает их не путем прямого и строгого цитирования, а пересказывает их, сохраняя их общий фольклорный характер, но переключая их с языка собственно песенного на язык литературный. Эту свою задачу неизвестный писатель проделал с большим художественным тактом. В результате ему удалось согласовать сюжет народной песни с сюжетом „Повести“ в целом, согласовать и стиль вставки со стилем „Повести“, сохранив в то же время характерные особенности народной поэтической манеры.

Неизвестный автор продолжает лучшие традиции древней русской литературы в обращении с фольклорным материалом, так ярко выраженные в творчестве первых летописцев и создателя „Слова о полку Игореве“.¹

¹ Отмечу здесь, что проблема различных приемов и форм использования фольклора древнерусскими писателями в нашей науке еще не получила должного освещения, и „Повесть о разорении Рязани Батыем“ может служить благодарным материалом для ее исследования.

* * *

Как же можно представить себе сюжет песни, послужившей для автора основным источником вставки?

Ясно, что песня начиналась не с возвращения Евпатия. Естественно предположить, что начиналась она с картины татарского нашествия и разгрома Рязани. Такое предположение полностью соответствует всему, что мы знаем о построении былин или исторических песен: все они сразу вводят нас в историческую обстановку, раскрывают главное в событиях.

Известно, что одно и то же событие в произведениях народной поэзии, относящихся к одному жанру, описывается всегда очень сходно. Песня об Авдотье Рязаночке близка по теме к предполагаемой песне о Евпатии. Она как раз начинается картиной прихода вражеских полчищ и разгрома города.

Славные старые король Бахмет турецкие
 Воевал он на землю российскую,
 Добывал он старые Казань город подлесные.
 Он-де стоял под городом
 Со своей силой-армией,
 Много поры этой было времени,
 Да й розорил Казань город подлесные,
 Разорил Казань-де город напусто.
 Он в Казани князей бояр всех вырубил,
 Да и княгинь боярыней —
 Тех живых в полон побрал.¹

Разумеется, перед нами картина, данная уже в поздних, в какой-то мере измененных художественных формах, а кроме того — подвергнутая известной переделке и в части содержания. Так, в качестве врага выступает турецкий царь Бахмет, заменивший, возможно, Батюя, объектом разорения оказывается вместо Рязани Казань. Но в целом дошедший до нас текст несомненно передает основные идейно-художественные особенности древней песни. Примерно так же могла начинаться и песня о Евпатии, тем более что процитированный отрывок явно перекликается с „Повестью о разорении Рязани Батыем“. Только в предполагаемой песне о Евпатии, повидимому, имелся мотив наглых требований Батюя, его похвальбы, и картина разорения и всеобщего разрушения давалась с большим размахом. Затем шла вторая часть песни — появление Евпатия, его скорбь и гнев, решение мстить татарам и отправление в погоню. Третью часть песни составлял рассказ о военном столкновении горстки русских патриотов с полчищами Батюя. В ходе этого описания выделяются два самостоятельных эпизода: разговор пленных с царем и поединок Евпатия с Хостоврулом. Последнюю часть песни составляют эпизоды убийства Евпатия, размышления Батюя и его мурз над телом богатыря и разрешение оставшимся дружинникам увести тело Евпатия.

Таким образом, перед нами — эпическая песня с довольно сложной композицией, с развитым сюжетом, во многом новым для народной поэзии того времени. Песня эта и в сюжетно-композиционном отношении и в общем идейном плане, в самом подходе к изображению исторических событий значительно отличается от былин героического содержания. Главное ее отличие — в исторически верном показе характера

¹ Онежские былинны. . . , т. 3, стр. 370.

борьбы русского народа с татарским нашествием на первом его этапе: в это время не могло быть еще и речи об успешном отпоре захватчикам, об изгнании их из пределов Русской земли. Но не было речи и о примирении с врагом, о сдаче. Народ и в ту тяжелую годину верил в свою конечную победу. Залогом будущей победы являлись та исключительная стойкость, с какой массы простых людей встречали врага, то самоотвержение, которое они проявляли, те отдельные частные успехи, которых они добивались в столкновении с татарами. Трагический исход всех основных первых столкновений с ордами Батыя, повсеместное разорение городов и сел были восприняты народом как огромное бедствие, но не сломили его духа. Очень важным для народа в тот период было сохранить стойкость, верность родной земле, чувство гордой непреклонности перед врагом, веру в свои силы, как физические, материальные, так и духовные, нравственные. Именно этот идейный комплекс ярко выражен в песне о Евпатии Коловрате. Он роднит последнюю с песней об Авдотье Рязаночке, в образе которой народ запечатлел по существу те же героико-патриотические качества, только нашедшие иное выражение.

Песня о Евпатии с полным правом может быть названа исторической: во-первых, потому, что ее содержание, основная идея отражают определенный этап истории народа; во-вторых, потому, что в основе ее лежит определенное историческое событие, и событие это хотя и подверглось, вероятно, значительной поэтической переработке, не превратилось в обычный былинный сюжет, но сохранило в песне существенные исторические подробности. В песне о Евпатии уже налицо некоторые важные элементы нового в художественном осмыслении и изображении истории, которые затем в дальнейшем будут развиваться и крепнуть в жанре исторических песен.

Важной особенностью героического былевого эпоса в его отношении к истории является, как показывает Д. С. Лихачев, „перенесение событий в эпическую эпоху киевского князя Владимира. Этому характерному для былевого эпоса восприятию событий подчиняются и новые былины, возникающие в период с XIII по XV век“.¹ „Былины... повествуют об одном времени“.² В песне о Евпатии Коловрате время и место действия — не эпические, а исторические. Если героические былины циклизировались вокруг эпической эпохи Киева, то в исторических песнях обнаруживается тенденция к циклизации вокруг конкретных исторических событий. Каждый такой цикл раскрывает особенности изображаемой исторической эпохи, осмысляет историю как бы в ее движении, в процессе. Несомненно, что песня о Евпатии не была единственной исторической песней о судьбе Рязанской земли. Она входила в цикл, куда, возможно, входила и песня об Авдотье Рязаночке. Остатки этого цикла смутно угадываются в поэтических эпизодах „Повести о разорении Рязани Батыем“. Этот цикл сложился первоначально как местный, рязанский, но в идейном отношении он был подлинно общерусским, что и проявилось в судьбе песни об Авдотье Рязаночке, дожившей в памяти народа до XX века. Что касается песни о Евпатии, то она не сохранилась в народной традиции. Песня эта, с ее трагическим завершением, должна была уступить место былинам о разгроме татар в ту эпоху, когда этот разгром стал реальным фактом и когда, естественно, в народной поэзии на первый план выступили песни победного характера.

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 284.

² Там же, стр. 185.

Песня о Евпатии Коловрате свидетельствует о том, что с самого начала зарождения исторической песни как жанра в ней определяется такое важное качество, как подлинно художественное, поэтическое отношение к историческим фактам и лицам. Исторической песне всегда была чужда установка на фактографичность, летописную документальность и внешнюю достоверность. Ее стихия — вымысел. Именно сочетание художественного вымысла с исторической правдивостью, создание вымышленных сюжетов и образов на почве истории и раскрытие сущности исторических событий, движения истории, как понимал все это народ, через поэтическое осмысление, — составляет важнейшую специфическую особенность этого жанра, рожденного народным творчеством на новом этапе его развития.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Публицистические идеи „Сказания о Мамаевом побоище“

На основании текстологических наблюдений и анализа исторических реалий мы пришли к заключению, что „Сказание о Мамаевом побоище“ было написано в первой четверти XV века.¹

Внимание к Куликовской битве в это время подсказывалось обострившимися взаимоотношениями с Золотой Ордой, в частности таким событием, как нашествие Едигея на Русь в 1408 году. Современники объясняли успех Едигея недостаточной сплоченностью русских князей, отсутствием единения между ними. Без сомнения, поведение великого князя московского Василия Дмитриевича, уехавшего из Москвы перед приближением к ней Едигея, не могло не вызвать упрека и осуждения. Все эти события должны были породить сравнение с тем временем, когда московский великий князь Дмитрий Иванович Донской и все русские князья мужественно бились с татарами на Куликовом поле.

Именно в это время, повидимому, и было написано „Сказание о Мамаевом побоище“, так как „Летописная повесть о Куликовской битве“ не могла удовлетворить современника Едигеева нашествия. В „Летописной повести“ недостаточно подробно были освещены все эпизоды событий 1380 года, характеризовавшие военную силу, опытность и мужество русских войск и великого князя московского. Кроме того, — и это основное — „Летописная повесть“ не отвечала и на наиболее злободневный вопрос после событий 1408 года — что обеспечило победу русских в 1380 году. И автор „Сказания о Мамаевом побоище“ поставил перед собой задачу рассказать о всех событиях Куликовской битвы, охарактеризовать то главное, что обеспечило победу русских над татарами. А этим главным, как мы можем судить по всему содержанию „Сказания“ в целом, он считал единение всех русских князей во главе с великим князем московским, личное мужество и отвагу князя московского. Автор „Сказания“ хотел на примере событий 1380 года показать силу Москвы, московского великого князя, подчеркнуть, что на первом месте среди всех русских князей стоит великий князь московский, что именно он и Москва должны объединить русских князей и руководить ими. Все это и определило публицистичность „Сказания о Мамаевом побоище“. Целью настоящей статьи является показать, что „Сказание“ — произведение художественно-публицистическое, в котором публицистичность выражена в художественных образах.

¹ Л. А. Дмитриев. О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“. Труды ОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—190.

Все развитие рассказа, все действующие лица памятника группируются вокруг Дмитрия Донского. „Сказание“ — это не только рассказ о Куликовской битве, но и в значительной степени произведение, посвященное восхвалению и возвеличению великого князя московского, и в этом отношении оно несколько сближается с памятниками агиографического жанра. Эта „агиографичность“ „Сказания“ выступает с тем большей силой, что оно окрашено сильным религиозным колоритом.

В церковнорелигиозной окраске „Сказания о Мамаевом побоище“ нужно видеть отражение определенного политического мировоззрения той эпохи. В церковную форму облекалась политическая мысль, политическая оценка явлений истории. Автор дает свою оценку описываемым им событиям, оценку поведения действующих лиц своего повествования, пользуясь формулами, штампами церковнорелигиозных текстов, образами библейской истории. Желая возвысить своего героя, заострить внимание читателя на нем, представить все действия и поступки князя московского наиболее правильными, стремясь нарисовать идеальный образ великого князя московского, автор „Сказания“ при изображении великого князя с наибольшей силой пользуется этой усиливающей публицистичность „Сказания“ формой изложения — религиозной трактовкой образа Дмитрия Донского.

При первом же упоминании имени великого князя автор характеризует его в ярко выраженных агиографических чертах. Эта характеристика скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля. Дмитрий Иванович представляется смиренным христианином, помышляющим только о небесном и уповающим во всем на бога: „А государь князь великий Дмитрий Иванович смирен человек и образ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от бога будущих вечных благ“. Характеристика „смиреномудрия“ Дмитрия как бы противопоставляется рассказу о коварных замыслах Мамаю, собирающего силы, чтобы идти войной на Русскую землю, и об измене Олега рязанского и Ольгерда литовского. Дмитрий якобы ничего не знает о предстоящем ему испытании.

Прежде всего необходимо отметить, что такая ситуация явно не соответствует действительности. Дмитрий, конечно, знал заранее о приготовлениях Мамаю — только благодаря этому он и сумел подготовить, собрать силы и выйти с ними навстречу неприятелю. Но автору литературного произведения такая ситуация необходима для того, чтобы показать моральное превосходство великого князя московского над его врагами: в то время, когда против него замышляются коварные планы, он занят лишь мыслями о боге. Говоря о моральном превосходстве Дмитрия над Мамаем, автор „Сказания“ тем самым противопоставляет захватническую враждебную Русской земле политику Орды мирным устремлениям московского князя. Захватническая, разрушительная, жестокая деятельность Мамаю осуждается, и оправдывается, объявляется справедливой борьба князя московского. Дмитрий будет бороться не ради захвата, не из личных корыстных побуждений, а встанет на защиту Русской земли. Противопоставляя гордости и „высокоумию“ Мамаю „смиреномудрие“ и „крѣтость“ Дмитрия Донского, автор тем самым показывает то главное, по его мнению, различие между двумя враждебными силами, которое явилось основой победы русских над татарами. За этими религиозными категориями нужно видеть противопоставление Руси, борющейся за свою свободу и независимость, Орде, порабоцавшей и угнетавшей в течение столетий Русскую землю.

Молитвы Дмитрия Донского, с которыми он неоднократно обращается к богу, возымели успех — русские победили векового врага. Раньше Русь терпела только несчастья и поражения от татар, и это было „наказанием“ русскому народу, ниспосланным на него „свыше“ за грехи, а Дмитрий „милостью божиею и пречистыа его матери, пособием и молитвами сродников наших, святых мученик Бориса и Глеба и молением русского святителя Петра и пособника нашего и вооружителя игумена Сергия и тех всех святых молитвами“ наголову разбил полки Мамаея. Это и было высшей оценкой силы и величия московского князя.

За этой религиозной трактовкой морального превосходства князя московского над врагами Русской земли нужно видеть высшую оценку правильности всей государственной политики Дмитрия Донского. Показывая моральное превосходство Дмитрия над Мамаем, Олегом и Ольгердом, автор „Сказания“ тем самым поддерживал правильность всей объединительной политики московских князей, проводившейся отнюдь не смиренными средствами. И хотя автор и говорит, что Дмитрий победил своих врагов „милостию божиею“, тем не менее из всего содержания произведения следует, что по сути-то помогли не молитвы, а вся реальная политика Дмитрия: подчинение своему влиянию всех князей, объединение сил для борьбы с татарами, активные военные мероприятия, подготовившие победу над Мамаем.

В „Сказании“ часто приводятся пространные молитвы Дмитрия, обращенные к богу, богородице и святым. В их характере нетрудно обнаружить определенную политическую тенденцию, стремление подчеркнуть первенство в Русской земле Москвы, великого князя московского. Особенно характерно в этом отношении упоминание в молитвах великого князя имени митрополита Петра. Последний упоминается в „Сказании“ три раза: первый раз перед выходом русских войск из Москвы, второй — в молитве перед началом боя и третий — в перечислении князем Владимиром Андреевичем тех, кто помог великому князю одолеть татар. Автор „Сказания“ подчеркивает особую роль митрополита Петра для Москвы, его особое покровительство Москве; вместе с тем он показывает и общерусскую роль этого святого, называет его русским святителем, ставит его имя рядом с именами общерусских святых Бориса и Глеба. „И вжегл тебе, — говорит он о Петре, — нам светлую свещу и постави на свещнице высоце светити всей земли Русской!“.

Во второй половине XIV—начале XV века особенно пропагандировался культ митрополита Петра, всячески подчеркивалась его святость, чудесная целебная сила его мощей. В этом стремлении придать митрополиту Петру значение общерусского святого отразилась политическая борьба Москвы за старшинство среди русских княжеств: Петр величался чудотворцем и русским святителем, вместе с тем это был первый московский митрополит и через возвеличение Петра, подчеркивание его общерусского значения, возвеличивалась Москва и показывалось ее первенство среди остальных земель и княжеств.

Для конца XIV—начала XV века характерен большой интерес к киевскому периоду русской истории. И в архитектуре, и в литературе, и в летописании, и в политических доктринах того времени обнаруживалось стремление подчеркнуть преемственность Москвы Киеву. Это объясняется не только тем, что после Куликовской битвы пробудился особый интерес к прошлому русской истории, но и той политической мыслью, которая была заключена в представлении: Москва — наследница Киева, московские князья — наследники киевских князей.

В подчеркивании преемственности Москвы Киеву можно видеть стремление узаконить господство Москвы и московского князя на Русской земле. Именно в этот период московские великие князья были озабочены составлением генеалогий, в которых возводили свой род к Владимиру Мономаху и Владимиру I. Они претендовали на все наследие киевских князей.¹ Эта тенденция нашла свое отражение и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Дмитрий Иванович перед походом на Куликово поле призывает всех русских князей бороться за православную веру. В этом обращении он называет своих сподвижников „гнездом“ Владимира киевского, образ которого, в соответствии со всей окраской памятника, рисуется с церковно-религиозных позиций. Владимир просветил Русскую землю святым крещением и заповедал всем русским князьям „ту же веру хранить и дръжати крепко и поборати по ней“. Но самая суть этого эпизода „Сказания“ заключена в последних словах обращения князя московского: „Аз же, братие, за веру хощу пострадати, даже и до смерти“. Этим великий князь московский показывался как продолжатель дела, начатого Владимиром киевским, как преемник киевских князей. Все русские князья — потомки киевских князей, но старший среди них — великий князь московский, и поэтому именно он напоминает русским князьям об их великом предке и имеет право сказать, что стоит на страже того дела, которое было начато Владимиром киевским.

Время после Едигеева нашествия характеризуется усилением призывов к единению между русскими князьями для борьбы с „погаными“. Идеальный пример единения между князьями, которому должны следовать все русские князья, — отношения между Дмитрием Ивановичем и его братом Владимиром Андреевичем серпуховским. В грамотах конца XIV — начала XV века вассальная зависимость одного князя от другого определяется термином „брат“ (старший или младший), хотя по родству эти князья не были братьями. Так, например, по договорной грамоте Василия Дмитриевича 1389 года с Владимиром Андреевичем серпуховским, великий князь московский считается по отношению к своему дяде братом старейшим, родной брат Василия Дмитриевича, Юрий, — равным братом, остальные родные братья — младшими братьями.

Разумеется, автор „Сказания“, называя Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича братьями, имеет в виду и их родственные отношения как двоюродных братьев, но основной смысл слова „брат“ и в „Сказании“ — терминологический: Владимир Андреевич брат великого князя московского и в феодальном понимании — он младший, подчиненный князю московскому „брат“. Дмитрий Донской, обращаясь ко всем русским князьям, называет их всегда братьями, и в этих случаях слово „брат“ выступает только как термин: все князья — „младшие братья“ великого князя московского, его вассалы.

Характерно, что во всем памятнике великий князь назван братом только один раз: Владимир Андреевич, обращаясь ко всем воинам после битвы с призывом найти на поле брани великого князя московского, говорит: „Братья и друзи, русские сынове, аще кто жива брата моего обрящет, тыи поистинне пръвый будеть у наю“. В момент, когда неизвестно — жив или нет великий князь, когда Владимир Андреевич может горевать о великом князе не только как о господине, но и как о своем брате, он называет его братом, во всех же остальных случаях

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XV в.). Госполитиздат, 1946, стр. 19—20.

и Владимир Андреевич и другие князья называют Дмитрия или великим князем, или государем, или господином.

Именно как термин, обозначающий вассальные отношения, употреблял автор „Сказания“ слово „брат“, и это лишний раз говорит о том, что „Сказание“ было написано в начале XV века. Хотя все князья подчинены великому князю московскому и это выражается в том, что они его называют государем, господином, великим князем, вместе с тем они еще его „братья“.

Если бы автор „Сказания“ ограничился показом Дмитрия только как идеального государственного деятеля, удовлетворился бы характеристикой его морального превосходства над врагом, то этим он не смог бы создать полного образа идеального князя. В период обострившихся отношений с Ордой, после того как великий князь московский Василий Дмитриевич во время Едигеева нашествия оставил город на попечение вассального князя, а сам не выступил против врага, автору „Сказания“ необходимо было подчеркнуть воинскую силу, боевую отвагу и мужество великого князя московского Дмитрия Донского, которого он представлял в своем произведении идеалом князя. Поэтому Дмитрий, кротость, богобоязнь и смирение которого подчеркнуты автором, показан одновременно и как талантливый полководец, отважный и смелый воин. Дмитрий Донской, узнав о том, что на него идет Мамай, начинает принимать энергичные меры: созывает князей к себе в Москву, рассылает по Русской земле грамоты с призывом идти на битву против Мамаю, посылает в поле сторожи, уряжает полки на Коломне и перед боем ездит по полкам и призывает воинов биться насмерть с врагом, и т. д.

Автор „Сказания“ рисует и личную отвагу Дмитрия, его мужество, доблесть. Перед началом битвы Дмитрий Донской переодевается: свое царское одеяние он отдает любимому воину Михаилу Бренку, а на себя надевает боевые доспехи. Этим эпизодом автор показывает, что великий князь московский хочет биться с врагом наравне со всеми, как простой воин. Развитием этого эпизода служит рассказ „Сказания“, повествующий о желании великого князя московского биться впереди всех, а также рассказ об окончании сражения, когда оказывается, что великого князя на поле битвы нет, и после поисков его находят лежащим без чувств под деревом. Великий князь бился в самом центре боя, как богатырь, сразу с несколькими врагами, и, как богатырь, он не убит. Однако обессиленный, он отъезжает в сторону и падает почти замертво. Автор говорит, что доспехи на великом князе сильно побиты, но на его теле нет ни одной раны.

Почти все время рядом с Дмитрием Донским упоминается его двоюродный брат — серпуховский князь Владимир Андреевич. Это и другие обстоятельства послужили А. А. Шахматову основанием для предположения о том, что одним из источников „Сказания о Мамаевом побоище“ был не дошедший до нас памятник — „Слово о Мамаевом побоище“, составленный при дворе серпуховского князя и имевший своей целью „прославить этого сподвижника Дмитриева, с одной стороны, князей Ольгердовичей, с другой“.¹

Оставив пока в стороне вопрос об Ольгердовичах, остановимся на вопросе о роли Владимира Андреевича в „Сказании“. Действительно, тенденция „Сказания“ как-то выделить серпуховского князя среди

¹ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго „Повести о Мамаевом побоище“. СПб., 1910, стр. 180.

остальных князей, принимавших участие в битве на Куликовом поле, стремление всюду поставить его рядом с великим князем московским не подлежит сомнению. Но нет никаких оснований говорить, что „Сказание“ прославляет Владимира Андреевича в такой же степени, как и Дмитрия Донского. Отношение автора к этому князю на протяжении всего памятника неизменно и полностью соответствует идее всего произведения в целом; образ этот ни в какой степени не выпадает из системы всех образов „Сказания“, и поэтому нет причин считать, что для изображения князя серпуховского автор прибегал к какому-то другому литературному произведению. Выделение же Владимира Андреевича из числа всех остальных князей объясняется тем, что он и на самом деле по старшинству в феодальной иерархии стоял сразу же после Дмитрия московского; кроме того, особая близость между великим князем московским и князем серпуховским объясняется тем, что Владимир Андреевич владел „третью“ в Москве.

Как уже было отмечено выше, при характеристике образа великого князя московского в „Сказании“ постоянное упоминание двух братьев рядом, подчеркивание преданности и любви князя серпуховского к князю московскому, т. е. младшего старшему, наглядно иллюстрировало на их примере феодальную преданность младшего князя князю старшему. Автор настойчиво подчеркивает, что Владимир Андреевич — младший подчиненный князь великому князю московскому. Владимир Андреевич предстает перед читателем постоянным спутником великого князя московского, человеком без собственной инициативы — он лишь выполняет волю Дмитрия Донского.

Один, без великого князя московского, Владимир Андреевич выступает в „Сказании“ два раза: в рассказе о засадном полке и в рассказе о поисках великого князя после боя. Но и в этих эпизодах он очень несамостоятелен. В сущности, весь эпизод с засадным полком прославляет не серпуховского князя, а воеводу князя московского — Дмитрия Боброка Волынца. Формально старший в засадном полке — князь серпуховский, но во всех своих действиях он подчинен Волынцу. Время, когда полк должен выехать из засады, определяет Волынец, он же направляет воинов в битву („а стязи их направлены крепким воеводою Дмитрием Волынцем“). Во втором эпизоде Владимир Андреевич поневоле должен быть старшим. Великого князя нет на поле битвы, его ищут, а Владимир Андреевич — первый после него, и поэтому он временно как бы возглавляет все русское войско. Но и в этом случае он пассивен и беспомощен, он не знает, что ему делать без великого князя, „победы победителя“, он в совершенном отчаянии, так как без Дмитрия теряется всякий смысл победы: „Аще пастырь поражен и овцы разыдутся, кому сиа честь будеть, кто победе сей явится?“. Таким образом, и в этом эпизоде автор „Сказания“ ставит перед собой задачу подчеркнуть, что не князь серпуховский — глава засадного полка, решившего исход боя, был настоящим „победы победителем“, а великий князь московский, без которого русское войско окажется как овечьё стадо без пастыря.

Судя по ряду летописных записей, мы видим, что Владимир Андреевич был незаурядным военным полководцем: он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского, многими военными операциями великого князя он руководил самостоятельно. Владимир Андреевич возглавлял оборону Москвы во время угрозы нашествия Тамерлана в 1395 году и во время Едигеева нашествия в 1408 году. Все это дает основание предполагать, что он должен был играть важную роль и в Куликовской

битве. Во всяком случае современники присвоили ему после Мамаева побоища, как и Дмитрию Ивановичу московскому, прозвище Донского.¹

При чтении же „Сказания“ создается впечатление, что автор памятника преуменьшил роль Владимира серпуховского в событиях 1380 года сравнительно с действительностью. Это объясняется публицистической направленностью произведения. Основное идейное значение этого образа в памятнике определяется заданием показать пример вассального служения младшего князя старшему, удельного князя великому князю московскому. Поэтому, как самостоятельная личность, князь серпуховский для автора „Сказания“ не представлял интереса. Ему необходимо было подчеркнуть верность, преданность князя серпуховского князю московскому, и потому в „Сказании“ Владимир Андреевич предстает человеком пассивным, выполняющим только волю великого князя московского.

Верными вассалами, безусловно служащими великому князю московскому, представлены в памятнике также и остальные русские князья, принявшие участие в походе Дмитрия.

Автор изображает русских князей как единодушную группу, сплотившуюся вокруг великого князя московского. Этим объясняется то, что индивидуально, за редким исключением, князья никак не характеризуются автором. Он или говорит о них всех „князи русские“, „князи и воеводы“, или же, как, например, в рассказе об уряжении полков называет при их перечислении имена князей. На призыв Дмитрия встать на защиту Русской земли, христианской веры, князья отвечают „все купно, аки единымы усты“ готовностью „умрети с тобою (великим князем, — Л. Д.) и главы свои положити за святую веру христианскую и за твою великую обиду“.

Наиболее ярко эта преданность великому князю московскому всех князей русских показана в эпизоде, рассказывающем о желании великого князя биться впереди всех. Они не разрешают ему биться наравне со всеми, он — старший среди них и поэтому должен стоять в стороне от битвы и наблюдать за тем, как будут биться за его дело вассальные князья: „Не подобаеь тебе, великому князю, наперед самому в плъку битися, тебе подобаеь особь стояти и нас смотрити а нам подобаеь битися и мужство свое и храбрость пред тобою явити“. Великий князь московский — их господин и судья их дел: после битвы он должен одарить каждого по заслугам: „Егда тя господь упасет милостию своею, и ты разумеши, кого чим даровати“. Как в ответ на первое обращение Дмитрия, так и в этом эпизоде князья говорят о своей готовности умереть за великого князя и за его дело: „Мы же готови есмя в сий день главы свои положити за тебя, государя, и за святыя церкви и за православное христианство“.

Рассмотренный эпизод, без сомнения, имел особенную остроту в то время, когда было написано „Сказание“. Это обращение князей к Дмитрию отражало воинскую практику того времени: великий князь не должен рисковать во время боя своей жизнью, он старший, он верховный руководитель, он должен руководить сражением, наблюдать за ходом боя, а не участвовать в нем наравне со всеми воинами. Для непосредственного руководства сражением существуют воеводы и вассальные князья, которые обязаны выполнять волю великого князя.²

¹ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, стр. 298.

² Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. Труды ОДРА, т. VII, 1949, М.—Л., стр. 43.

Во время Едигеева нашествия великий князь московский Василий Дмитриевич, как отмечено выше, уехал из Москвы, что не могло не вызвать осуждения, недовольства его поступком со стороны современников. И автор „Сказания“, выражая в словах князей, обращенных к великому князю, свою точку зрения на то, как должен вести себя во время боя великий князь московский, и, очевидно, осуждая поведение Василия Дмитриевича, покинувшего Москву в опасное для нее время, ярко описал воинскую доблесть и мужество Дмитрия Донского — отца Василия Дмитриевича. Во всяком случае, являясь сторонником того, что великий князь не должен рисковать своей жизнью во время боя, автор „Сказания“ на примере Дмитрия показывает, вместе с тем, что великий князь должен лично находиться на поле сражения, быть примером воинской отваги и мужества.

Среди исторических лиц „Сказания“ мы встречаем имя митрополита Киприана. Почему автор „Сказания“ ввел его в число действующих лиц своего повествования, хотя на самом деле во время событий 1380 года Киприана в Москве не было? Кратко напомним историю поставления митрополита Киприана на московскую и всея Руси митрополию и характер его отношений с великим князем московским.

Киприан получил назначение на русскую митрополию в 1375 году, еще при жизни митрополита Алексея. В том же году он приехал из Константинополя в Литву и оттуда пытался предъявлять свои права на кафедру митрополита всея Руси. На это он получил такой ответ от великого князя: „Есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишися на живаго митрополита?“. Киприан временно остался в Литве и стал ожидать дальнейшего развития событий.

В 1378 году митрополит Алексей умер. По смерти Алексея вступало в силу законное право на его место Киприана. Поэтому он сразу же и отправился из Литвы в Москву. Но, как это известно из послания Киприана к Сергию,¹ по повелению великого князя Киприан еще до въезда в Москву был задержан вместе со своей свитой. Некоторое время его продержали под стражей в Москве и затем тайно выслали из Москвы назад, в Литву. Происходило это в июне 1378 года.

Столь неприязненное отношение Дмитрия к Киприану объясняется не только тем, что последний предъявил свои права на русскую митрополию еще при живом митрополите, к которому великий князь московский относился с большой теплотой и уважением, но главным образом тем, что Дмитрий Донской хотел видеть на митрополичьем столе своего ставленника — архимандрита придворного Спасского монастыря Михаила или, как его называют летописи, Митяя. Дмитрий хотел поставить его в митрополиты собором русских епископов. Но из-за возражений епископа суздальского Дионисия это поставление не состоялось. Тогда великий князь, снарядив пышное посольство, отправил Митяя в Константинополь. По дороге, на корабле, Митяя умер. Архимандрит Пимен из свиты Митяя интригами и подкупами получил в Константинополе митрополичий сан без ведома и согласия на то великого князя. Все это происходило в 1379—1380 годах. Дмитрий, узнав о самовольном поставлении в митрополиты Пимена и не желая видеть его на митрополичьей кафедре, позвал в Москву Киприана. В мае 1381 года Киприан прибыл из Киева в Москву. В этом же году в Москву вернулся

¹ Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Изд. 2, СПб., 1908, стлб. 173—186.

из Константинополя митрополит Пимен. По приказанию великого князя он был отправлен в заточенье в Чухлому. Но уже в октябре 1382 года великий князь прогнал Киприана из Москвы, а на его место поставил Пимена, который, однако, почти все время пробыл в Константинополе, где ему приходилось оспаривать свое право на митрополичью кафедру: на это место претендовали и суздальский епископ Дионисий, также находившийся в Константинополе, и Киприан.

В 1389 году умер великий князь московский Дмитрий Иванович Донской, в этом же году умер Пимен, еще раньше, в 1385 году, умер Дионисий. Таким образом, путь к митрополичьей кафедре Киприану после многолетней „замятни“ на русской митрополии оказался свободным. Василий Дмитриевич, в том же 1389 году заняв великокняжеский стол, зовет на митрополию Киприана. В 1390 году Киприан приезжает в Москву. С этого года и до самой смерти в 1406 году он бесценно занимал митрополичью кафедру.

Итак, в 1380 году Киприана в Москве не было и не было вообще никакого митрополита, и благословлять поход Дмитрия ни Киприан, ни какой-либо другой митрополит не мог. Чем же объяснить то обстоятельство, что автор „Сказания“, явно противореча исторической правде, ввел в число действующих лиц своего повествования митрополита Киприана?

Автору „Сказания“, поставившему своей целью на примере Дмитрия Донского показать идеальный образ великого князя московского, совершенно необходимо было представить его поддерживающим прочный союз с митрополитом. Для феодального периода сила, мощь, первенство соперничающих между собой княжеств определялись не только силой княжеской власти, но и тем, что в этом княжестве наряду с высшей государственной властью находилась и высшая церковная власть. Достаточно напомнить, какое огромное значение придавал Иван Калита перенесению митрополичьей кафедры в Москву и как он много сделал для того, чтобы подготовить почву с помощью митрополита Петра для официального в дальнейшем перенесения митрополичьей резиденции в Москву.

В произведении не документальном, историческом, а художественном, каким является „Сказание о Мамаевом побоище“, из соображений публицистических автор мог ввести в число действующих лиц и митрополита Киприана, хотя это и противоречило историческим фактам. Примеры такого вольного обращения с фактами в художественных произведениях древнерусской литературы мы наблюдаем и в самых ранних и более поздних памятниках. В „Слове о полку Игореве“ автор, для того чтобы подчеркнуть мужество и отвагу Игоря, переносит солнечное затмение ко времени до выступления Игоря в поход, хотя на самом деле оно произошло уже во время похода; в „Казанской истории“ автор заменяет разряды войск, действовавшие под Казанью в 1552 году, разрядами ливонских походов начала 60-х годов XVI века.¹

Подчеркивая религиозность Дмитрия, его смирение, рассказывая о постоянных молитвах великого князя московского, упоминая в своем рассказе игумена Сергия, епископа коломенского, автор „Сказания“ не мог не рассказать о единстве, о союзе между великим князем и митрополитом. Это тем более нужно было сделать автору „Сказания“, что период конца XIV — начала XV века, в противоположность всему

¹ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“. Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, примечание на стр. 272—273.

предшествовавшему периоду в истории Московского княжества, на самом деле ознаменовался нарушением тесного союза великокняжеской власти с властью духовной, что ослабляло позицию московского князя среди отдельных русских княжеств. Наиболее резко это проявлялось во время княжения Дмитрия, после смерти митрополита Алексея. Василий Дмитриевич пытался восстановить это единение между великим князем московским и митрополитом, он всячески стремился привлечь на свою сторону и Киприана и его преемника, митрополита Фотия, но добиться такого тесного союза с митрополитом, какой был во времена митрополитов Петра и Алексея, он не смог.

Если мы рассмотрим те эпизоды, где встречается имя митрополита Киприана, то увидим, что непосредственно к военным событиям, к битве на Куликовом поле Киприан отношения не имеет. Он выступает как официальное духовное лицо, необходимое для совершения религиозного обряда и для религиозно-моральных суждений о том или ином событии. И сама личность Киприана в данном случае значения не имеет, важно не то, что это Киприан, а то, что это митрополит, высшее духовное лицо на Руси. Митрополит нужен автору „Сказания“ для того, чтобы через него дать оценку с позиций религиозной морали действиям и поступкам великого князя московского, историческим событиям, связанным с Куликовской битвой.

Таким образом, из публицистических соображений, стремясь показать на примере Дмитрия Донского образец идеальных отношений великого князя с остальными русскими князьями и с русской церковью, автор „Сказания“, вопреки историческим фактам, делает Киприана участником событий 1380 года и показывает его, опять-таки в противоположность истинному характеру деятельности Киприана на митрополичьем столе, верным союзником и сторонником действий великого князя московского.

Сравнительно очень большое внимание в памятнике уделено литовским князьям Ольгердовичам. Это послужило А. А. Шахматову одной из причин для предположения о существовании особого литературного памятника о Куликовской битве, в котором прославлялись Владимир Андреевич, Ольгердовичи и Дмитрий Боброк Волынский. Но, как нельзя было согласиться с этим по отношению к Владимиру Андреевичу, так же нет никаких оснований считать, что эпизоды с Ольгердовичами в „Сказании“ имеют своим источником какой-то другой памятник. Все эпизоды, посвященные этим князьям, принадлежат автору „Сказания о Мамаевом побоище“. Рассказ о них тесно связан с образом литовского князя Ольгерда. Поступку Ольгерда, присоединившегося к Мамаю, противопоставляется поступок его детей, которые для защиты православной веры пошли против родного отца. Для того чтобы сильнее подчеркнуть это противопоставление Ольгердовичей Ольгерду, автор „Сказания“, вопреки исторической правде, представляет все дело так, как будто бы Ольгердовичи ушли перед самой Куликовской битвой от отца и перешли на службу к Дмитрию Донскому. На самом деле в 1380 году и Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились уже на службе у великого князя московского и, как его вассалы, должны были принимать участие в походе великого князя. Андрей Ольгердович добровольно перешел на сторону московского князя еще в 1377 году. Дмитрий Ольгердович во время похода на Литовскую землю войск великого князя в 1379 году, при осаде Трубчевска — отчинного города Дмитрия Ольгердовича, „не стал на бой, ни поднял руку противу великого князя, но со многым смиреннем изыде из града, и со княгинею своею и з детми своими и з бояре,

и прииде на Москву в ряд к великому князю Дмитрею Ивановичю, и урядися у него в ряд и крепость взя“.¹

Рассказ об Ольгердовичах в „Сказании“ в заостренной публицистической форме отражает отношение русского общества в начале XV века к Литве, ставит вопрос о союзе с Литвой. Несмотря на, то что в княжение Василия Дмитриевича (1389—1425) отношения между Русью и Литвой в общем носили союзнический характер (напомним, что Витовт был тестем Василия Дмитриевича), постоянные столкновения между русскими княжествами и Литвой не прекращались и в это время. Однако наряду с враждебными отношениями между Русью и Литвой были обстоятельства, которые сближали их между собой. В состав Литвы входило большое количество княжеств и земель с исконным русским населением. Литва была тесно связана с Русской землей единством веры. Во время написания „Сказания“ Русь и Литва составляли единую митрополию: и для Литвы митрополитом был митрополит московский. Особенно сильно обозначилась близость православного населения Литвы к Руси после 1385 года. В этом году была заключена Кревская уния, в результате которой в Литве значительно расширилось польское влияние и влияние католицизма. Это вызвало усиленный отъезд на Русь из Литвы русских князей, русского населения, обрусевших литовцев. Двойственный характер взаимоотношений между Москвой и Литвой определял и противоречивое отношение Руси к Литве той поры: с одной стороны Литва — старый враг Москвы, но вместе с тем в ней есть силы, люди, близкие к Руси и дружественно по отношению к ней настроенные, — это население исконно-русских земель, входивших в состав Литвы, пограничные князья, нередко выступавшие на стороне великого московского князя.

Ольгерд и Ольгердовичи в „Сказании“, трактовка автором их взаимоотношений и их отношения к московскому князю отражают это двойственное отношение к Литве, которое действительно имело место в начале XV столетия. Рассказом о литовских князьях автор „Сказания“ показывал, что литовские князья, исповедующие православную веру, должны идти на службу к московскому князю, защищать интересы Русской земли. Автор старается подчеркнуть, что выступление Ольгердовичей на стороне московского князя в его борьбе с татарами — угодное богу дело. Поэтому все поступки Ольгердовичей оцениваются им с точки зрения церковнорелигиозной морали: поступок Ольгердовичей — „милость божиа“. Сами Ольгердовичи сообщают великому князю: „господь бог посла нас к тебе на твою помощь“.

То, что в „Сказании“ уделяется так много внимания Ольгердовичам, показывает остроту вопроса о взаимоотношениях Руси с Литвой в начале XV века. Эпизод с Ольгердовичами, подчеркнuto подробно рассказанный автором „Сказания“ и в значительной степени, как нам уже известно, сочиненный им, нужен автору совершенно не для того, чтобы рассказать об их воинской доблести (в этом отношении показательно то, что в рассказе о битве Ольгердовичи не упоминаются совершенно, нет нигде характеристики войска этих князей, воинов литовцев), а для того, чтобы пропагандировать идею союза русских князей с православными князьями Литвы в борьбе с татарской опасностью.

Положительным персонажам „Сказания“ противопоставлены враги Русской земли, враги великого князя московского.

¹ ПСРА, XI, стр. 45.

Противопоставление русским татар проведено чрезвычайно прямолинейно. Мамай рисуется автором „Сказания“ в резко отрицательных тонах. Образ этот строится как антитеза Дмитрию Донскому. Если за Дмитрием, за всеми его поступками и делами стоит бог, то за Мамаем — дьявол: „От навождения дьявола вздвижес княз от вѣсточныа страны, имянем Мамай... И начать подстрекати его дьявол“. В отличие от великого князя московского, Мамай наделен непомерной гордостью и „высокоумием“.

В таком же прямолинейном противопоставлении русским воинам изображается военная сила врага. Если русские воины накануне битвы укрепляются в своем решении насмерть биться с „погаными“, то татары омрачаются, думая о предстоящем бое. Даже ночь накануне боя кажется иной русским и их врагам: „Поистине бо рече пророк: ночь не светла неверным, а верным просвещена“. Перед боем „начаша гласи трубнии обоих плѣков сниматися: татарьскыя ж трубы яко онемеша, а русские трубы паче утврѣдишася“.

Гораздо сложнее обстоит дело с изображением в памятнике изменников, присоединившихся к Мамаю, чтобы вместе с ним выступить против московского князя. Они тоже противопоставляются Дмитрию Донскому, но не так прямолинейно, как Мамай. Автор уделяет им гораздо больше внимания в своем рассказе, чем Мамаю и татарам вообще.

Отношение „Сказания о Мамаевом побоище“ к Олегу рязанскому отличается от той оценки этого князя, которую ему дает „Летописная повесть“. В „Летописной повести“ Олег рязанский называется „льстивым сотоньщиком“, „дьяволим советником“, „лукавым сыном“, „душегубивым Олгом“, врагом, изменником, отступником, Иудой-предателем. В „Сказании“ мы не видим столь резкого и гневного осуждения Олега рязанского; здесь отношение к нему более спокойное. Автор „Сказания“ также считает рязанского князя изменником и предателем и называет его однажды „Святополком новым“, но в тоне, в характере изображения этого князя чувствуется скорее насмешка и пренебрежительное отношение к нему. Основная мысль, которая проходит через все авторские восклицания и характеристики, даваемые им рязанскому князю, заключается в подчеркивании скудоумия Олега рязанского: „Скудость же бысть ума в главе его“, „умысливши своим худым умом“ и т. п.

„Сказание“ писалось в то время, когда между московскими и рязанскими князьями установились прочные дружественные отношения. Олег рязанский к тому времени умер, и у автора „Сказания“ уже не было столь острого неприязненного чувства к нему, как у автора „Летописной повести“; поэтому он так сдержан и спокоен в даваемых Олегу рязанскому отрицательных эпитетах. Автор „Сказания“ отмечает, что Олег — изменник, предатель общерусского дела, но эта измена рязанского князя затрагивает и волнует его, в отличие от автора „Летописной повести“, уже не столько как реальный факт, сколько как пример нарушения вассальной верности великому князю московскому. Автор „Сказания“ показывает, что Олег рязанский просчитался и оказался благодаря своей измене в невыгодном положении даже с точки зрения интересов своего княжества.

Сначала Олег замышляет только против Дмитрия, думая присоединить к своему княжеству княжество Московское, а не против всей Русской земли. Он даже надеется, что и воевать-то ему против Дмитрия не придется, так как великий князь московский сам убежит из Москвы, и тогда он, Олег, вместе с литовским князем разделат Мос-

ковское княжество между собой. Но когда Олег узнает, что Дмитрий идет против Мамаю и что на его стороне все русские князья, то он уже не осмеливается итти против московского князя. Ведь в этом случае ему придется бороться не против одного князя московского, а против всей Русской земли, против православной веры. Московский князь — не только князь отдельного княжества, но он высший князь над всеми русскими князьями, он олицетворяет собой всю Русскую землю.

В образе Олега рязанского автор показывает, что защита местных интересов толкает к измене общерусскому делу, приводит русского православного князя к тому, что он выступает против православной веры. Такое изображение князя рязанского в „Сказании“ обусловлено всем идейным смыслом этого произведения, призывом к единению князей, к полному подчинению великому князю московскому. Итти против князя московского — значит итти против всей Русской земли, против христианства.

Текстологическое сопоставление различных редакций „Сказания“ свидетельствует о том, что в первоначальном авторском тексте „Сказания“ имя литовского князя, союзника Мамаю, было Ольгерд, в то время как на самом деле литовским князем в те годы был его сын Ягайло.¹ Почему автор „Сказания“, вопреки исторической правде, назвал литовским князем Ольгерда, к 1380 году уже умершего?

Мы видели уже, что „Сказание о Мамаевом побоище“ в интересах более яркого раскрытия основной идеи отстывает в некоторых случаях от исторической документальности. Для русского человека конца XIV—начала XV века, а особенно для москвича, имя Ольгерда было связано с воспоминаниями о его многочисленных походах на Московское княжество. Ягайло же ни разу не воевал против московского князя. Достаточно привести летописную запись о смерти Ольгерда, чтобы представить отношение к нему на Руси: „В лето 6885 умре великий князь литовский Олгерд зловерный, безбожный и нечестивый“.²

Имя Ольгерда тесно связывалось с тверским князем Михаилом Александровичем, которому он неоднократно помогал в его борьбе с великим князем московским. Первый раз Ольгерд пошел на Москву в 1368 году. Он дошел до самой Москвы и осадил город, но взять его не смог. Летописец оканчивает рассказ об этом походе Ольгерда на Москву такими словами: „А преже сего таково зло не бывало Москве от Литвы; аще и от татар много зла бывало, но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаянно и всегубительно“.³ В 1371 году Ольгерд второй раз идет на Москву, осаждает город и стоит под ним семь дней, но взять его снова не может и заключает с московским князем мир, подкреплением которого явился брак дочери Ольгерда, Елены, с двоюродным братом великого князя, Владимиром Андреевичем. Но уже в 1372 году в союзе с тверским князем Ольгерд снова идет против московского князя. В бою под Любутском победу одержал Дмитрий Донской. Из этих примеров мы видим, что Ольгерд был опасным и неизменным противником великого князя московского, набеги Ольгерда на Москву и опустошения, причиняемые им Русской земле, делали его имя на Руси, а особенно в Москве и Московском

¹ Л. А. Дмитриев, ук. соч., стр. 185—199.

² ПСРА, XXIV, стр. 133.

³ ПСРА, XI, стр. 11.

княжестве, ненавистным, что так ярко выразил летописец в приведенной выше записи.

В начале XV века литовским князем был Витовт; с его именем связывалось представление о новых отношениях с Литвой, которые установились во время княжения Василия Дмитриевича и, несмотря на целый ряд столкновений и неприязненных действий Витовта против западных русских княжеств, в общем имели тенденцию к переходу в союзнические связи с Московским княжеством. Ягайло в это время был королем польским и назывался другим именем — Владислав. Непосредственно князем литовским Ягайло был очень непродолжительное время (1377—1385), и для человека начала XV века он, как историческая личность, если и был известен, то скорее всего как король польский Владислав. С именем же Ольгерда связывалось представление о характере русско-литовских отношений до Витовта, во второй половине XIV века. За именем Ольгерда стоял целый ряд представлений о конкретных исторических событиях, в которых он выступал как ярый враг Москвы, Русской земли. Поэтому, у читателя „Сказания о Мамаевом побоище“ образ литовского князя, врага Русской земли, вступившего в союз с Мамаем, чтобы идти войной на Русь, скорее мог ассоциироваться с именем Ольгерда, так как все его походы на Русь происходили незадолго до Мамаева побоища, во время фактического господства Мамаев в Орде. А через небольшой промежуток времени автор художественно-публицистического произведения тем более мог позволить себе произвести такое соединение двух врагов Москвы в действиях, столь важных для истории Московского княжества и Руси вообще, как битва на Куликовом поле. Автор памятника, разумеется, произвел эту замену имени литовского князя не в силу того, что и у него в сознании произошло это „перемещение“ исторических имен, а сделал это совершенно сознательно.

Делая союзником Мамаев Ольгерда, автор „Сказания“ тем самым особенно ярко подчеркивал силу и мощь московского князя. И татары, которые угнетали и подавляли Русь с злополучного года битвы на Калке, и литовский князь, который трижды угрожал Москве и нанес столько бедствий ее жителям, на этот раз потерпели поражение, так как с московским князем объединились почти все остальные русские князья и биться вышел весь русский народ. Ольгерд, старый опытный воин, о воинской хитрости и доблести которого с уважением и некоторым даже восхищением отзывается русский летописец, в „Сказании“ предстает перед читателем обманутым и посрамленным. Эта насмешка над исконным врагом Русской земли унижала в глазах читателя литовского князя, показывала превосходство Руси над Литвой.

Рассматривая принцип изображения героя в произведениях древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц пишет: „Оценка героя с определенной общественно-политической позиции лежит в основе каждого исторического портрета, который, таким образом, характеризует не только изображаемого исторического героя, но и самого автора, и классовую позицию того общественного строя, выразителем мнения которого является этот автор. В основе авторского выражения лежали реальные требования данного этапа развития феодального строя, поскольку эти требования признавались самим автором. Если герой в действительности и далек был от идеального выполнения этих требований, автор наделял его чертами примерного поведения, имея в виду поучительную цель — дать образец феодала данного исторического момента, показать его с лучших сторон, собрав эти стороны

в одном лице, хотя бы в действительности его исторический герой лишь в слабой степени напоминал этот примерный портрет¹.

Очевидно, в „Сказании“ целый ряд эпизодов, подробностей, относящихся к истории похода, к организации разведки, боя, подробностей военно-исторического характера, связанных с великим князем московским, является отражением исторических фактов, сведений о которых по другим источникам у нас нет; но совершенно очевидно также, что во многом, а особенно в самой трактовке и освещении автором „Сказания“ героев своего повествования, перед нами не отражение исторических событий 1380 года, а отражение идеологии автора „Сказания“, идеологии начала XV века.

Автор „Сказания о Мамаевом побоище“ поставил перед собой задачу рассказать о победе русских на Куликовом поле для того, чтобы в годы княжения Василия Дмитриевича, после Едигеева нашествия, показать, в чем была причина победы Дмитрия Донского над врагом, численно превосходившим русское войско, во время нашествия Мамай, не менее страшного, чем нашествие Едигея.

Современники Едигеева нашествия главную причину поражения русских и успеха Едигея видели в недостаточном единодушии русских князей, а также, очевидно, в том, что великий князь не возглавил лично борьбу против татар. И автор „Сказания“ на примере Дмитрия Донского нарисовал идеальный образ великого князя московского; на примере единения русских князей вокруг князя московского и их верности ему во время событий 1380 года он показал образец тех отношений, которые должны существовать между великим князем московским и удельными князьями. Рассказывая после тяжелых последствий Едигеева нашествия о блестящей победе русских на поле Куликовом, автор „Сказания“ тем самым говорил, что русские сильнее татар и что с Ордой можно и нужно бороться.

Сторонниками сильной княжеской власти, и именно князя московского, в начале XV века являлись внутри господствующего класса служилые бояре, „подручные князья“ князя великого и другие группы служилого слоя феодалов. Они были заинтересованы в усилении власти великого князя московского, в том, чтобы остальные русские князья и княжества находились в полном подчинении одного сильного князя, каким в то время уже был великий князь московский. Усиление великокняжеской власти было обусловлено развитием экономики страны, отвечало экономическим интересам служилого слоя феодалов. Усиление единовластия московского князя и подчинение ему всех остальных русских князей было необходимо для борьбы с внешними врагами Русской земли и в первую очередь с татарами. Именно эти идеи, эти устремления отразил автор „Сказания“ в своем произведении, показывая на примере Куликовской битвы успех объединения и подчинения всех русских князей великому князю московскому.

Классики марксизма-ленинизма учат, что в период феодальной раздробленности идея королевской власти является идеей прогрессивной, отвечающей интересам широких трудовых масс. „Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XIV—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 112—113.

революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним¹. Поэтому интересы служилых групп господствующего класса, поддерживавших усиление и рост Москвы и стоявших за утверждение единовластия великого князя московского, в какой-то мере совпадали с интересами широких народных масс. И автор „Сказания“, выступивший сторонником единовластия, отразил тем самым и интересы трудовых народных масс, что свидетельствует о прогрессивности „Сказания о Мамаевом побоище“.

Хотя „Сказание о Мамаевом побоище“ все проникнуто духом восхваления Москвы, великого князя московского, у нас все же нет оснований утверждать, что автором его должен был быть обязательно москвич, так как подобная „промосковская“ идеология могла иметь место не только у москвича. Но из какого бы княжества ни происходил автор „Сказания“, в каком бы месте он ни писал свое произведение, совершенно ясно, что этот памятник должен быть назван памятником московской литературы, так как он посвящен Москве, великому князю московскому, выражает идеологию растущей и укрепляющейся Москвы как единого центра Русского государства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 445.

Я. С. ЛУРЬЕ

Из истории русского летописания конца XV века

Конец XV века — период образования Русского централизованного государства — несравненно беднее памятниками публицистики, нежели XVI век. Относительная бедность русской публицистики конца XV века препятствует изучению развития общественной мысли в это время. В какой степени можно говорить в конце XV века о расслоении феодального класса, о борьбе между боярством и дворянством? Какие общественные слои поддерживали образование Русского централизованного государства и кто выступал в качестве противников этого государства? — на все эти вопросы мы не найдем прямого ответа в литературных памятниках XV века.

Однако в одном отношении исследователь, занимающийся XV веком, оказывается в более благоприятном положении, чем исследователь XVI столетия. Небогатый публицистическими памятниками, XV век зато гораздо богаче памятниками летописания, нежели последующее время. Правда, летописание местных центров — Новгорода, Твери — уже со второй половины XV века приходит в упадок: местные летописи уже не могут противопоставить себя общерусской московской летописи. Последней летописью Новгородской феодальной республики следует, повидимому, считать Строевский список Новгородской VI летописи, прерывающей свое изложение вскоре после 1471 года,¹ — вместе с ударом по новгородской политической самостоятельности Иван III нанес удар и новгородскому летописанию. Новгородские летописные своды более позднего времени, так же как и псковские летописи, носят узкоместный характер, и события общерусского значения получают на их страницах лишь косвенное и случайное отражение. Не противопоставляет себя московскому летописанию и тверская летопись конца XV века: независимо от того, какой тверской свод середины XV века положен в основу этой летописи — великокняжеский² или владычный,³ — конец XV века представлен здесь лишь разрозненными случайными записями.⁴

Ослабление местного летописания в период образования Русского централизованного государства не означало еще унификации общерусского

¹ ПСРА, IV, 1848, стр. 129—130: ч. 1, вып. 2, 1925, стр. 449—450. Последние известия (1471—1477) представляют собой, повидимому, приписки к своду.

² А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Известия АН СССР, отд. гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 741—751.

³ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 36, стр. 98.

⁴ ПСРА, XV, стлб. 497—504.

летописания. От конца XV века до нас дошла не одна, а целый ряд совершенно различных по своему содержанию и тенденциям общерусских летописей. Летописи эти до сих пор никогда не изучались как памятники по истории идеологической борьбы. А между тем сравнительное изучение этих летописей в значительной степени восполняет пробелы в истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства и помогает понять характер идеологической борьбы в этот период.

* * *

Существование в конце XV века общерусских летописей различного направления не раз отмечалось историками: о неофициальной летописи этого периода, ведшейся наряду с официальной, упоминали Г. Карпов и И. Тихомиров.¹ Известия из „неофициальной“ летописи проникли, по мнению И. Тихомирова, например, в рассказ о „стоянии на Угре“ в 1480 году. Однако, ограничив круг своего исследования несколькими летописями, даже не поставив вопроса о генеалогии московских летописных сводов и их взаимоотношении между собой, Тихомиров и другие исследователи не могли ни выделить известия этой неофициальной летописи из состава доступных им сводов, ни определить ее характера.²

Глубже подошел к решению этого вопроса А. А. Шахматов.³ Он обратил внимание на целую группу известий (второй половины XV века), проникнутых „отрицательным отношением к московскому великому князю и московской администрации“ и читающихся в ряде летописей конца XV—первой половины XVI века. Шахматов пришел к выводу, что все эти известия восходят к одному источнику, в разных своих редакциях повлиявшему на различные летописи конца XV—XVI века. Этим общим источником был, по его мнению, Ростовский владычный свод — летопись ростовских архиепископов.⁴ В редакции времени архиепископа Вассиана этот свод отразился в Ермолинской летописи, в редакции времени архиепископа Тихона — в Типографской, отчасти в Софийской II и других летописях.⁵

Мысль Шахматова о существовании в XV веке Ростовского владычного свода довольно прочно укрепилась в историографии.⁶ Однако его предположение, что все приведенные выше известия, проникнутые „отрицательным отношением к московскому великому князю и московской администрации“, восходят именно к ростовскому летописанию, не представляется нам бесспорным. В Русском государстве XV века вовсе не обязательно должен был существовать только один центр независимого и неофициального летописания, — критика московского

¹ Г. Карпов. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, ч. 1. М., 1867, стр. 112—119. — И. Тихомиров. Обзорение состава Московских летописных сводов. СПб., 1896, стр. 81—84.

² Ср. об этом в критическом отзыве А. А. Шахматова „Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной»“. [СПб., 1899 (оттиск из XL присуждения наград графа Уварова), стр. 16—90].

³ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (оттиск из Известий ОРЯС, т. VIII, кн. 4, и т. IX, кн. 1).

⁴ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 9—21.

⁵ Ср.: А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись. . . , стр. 73—83; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 146—150 и 284—301.

⁶ Ср.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 457—458 и 468—469.

князя могла исходить и из различных источников. Летописи, содержащие отмеченные Шахматовым критические замечания по адресу великокняжеской власти, имеют чрезвычайно мало общего; почти совершенно, в частности, не совпадают между собой две летописи, наиболее близко отражающие, по мнению Шахматова, ростовское летописание: Ермолинская и Типографская.

Как известно, Типографская летопись, действительно, содержит целый ряд известий, относящихся к Ростову и восходящих, по видимому, к ростовскому летописанию (в официальной московской летописи их нет). Это — известия о различных бедствиях в Ростове, о важнейших событиях в жизни архиепископской кафедры и т. д.¹ Особенно интересны в этом отношении явно местный рассказ о том, как „выло“ и „стучало“ замерзающее Ростовское озеро, известия о продаже ростовскими князьями в 1474 г. половины своей вотчины, о конфликте между архиепископом ростовским Вассианом и митрополитом Геронтием из-за Кирилло-Белозерского монастыря. Сопоставление этого известия с аналогичным известием Софийской II летописи (на тенденциях которой мы остановимся ниже) еще ярче подчеркивает горячее сочувствие летописца ростовскому архиепископу и его ненависть к „высокоумным и суетным чернцам Кириллова монастыря“ и к их покровителю — митрополиту.²

Ростовский характер приведенных выше известий делает, на наш взгляд, достаточно вероятным и предположение А. А. Шахматова о ростовском происхождении рассказа о „стоянии на Угре“ в 1480 г., содержащегося в Типографской летописи и попавшего (с теми или иными изменениями) почти во все русские летописи конца XV—XVI века. В Типографской летописи рассказ об Угре имеет наиболее развернутый характер: он направлен против „сребролюбцев богатых и брюхатых“ — тех представителей боярства, которые побуждали Ивана III к компромиссу с ханом (в частности против Софии Палеолог, бежавшей во время нашествия хана), и завершающая его концовка содержит пламенный призыв к „храбрым мужественным сыновем Руссим“ не следовать примеру „кровопивцев христьянских“ и защищать „свое отечество Рускую землю“.

Политические тенденции, обнаруживающиеся в рассказе Типографской летописи о событиях 1480 г., вполне совпадают с политической позицией ростовского архиепископа во время этих событий. Ростовский архиепископ Вассиан Рыло сыграл, как известно, важную роль в организации обороны Русского государства от последнего нападения Золотой Орды. В полном соответствии с его „Посланием на Угру“ Ивану III, рассказ Типографской летописи резко осуждает поведение братьев великого князя, смело критикуя самого великого князя за его колебания. Во время „стояния на Угре“ Вассиан был в Москве.³ Любопытно в связи с этим, что и рассказ об Угре Типографской летописи написан с точки зрения человека, находящегося в Москве: говоря о событиях на Угре, автор трижды возвращается к тому, что происходило в это время „в граде же Москве“. Наконец, весьма характерно прямое совпадение между заключительной частью рассказа об Угре и посланием

¹ Ср.: А. А. Шахматов: 1) Обзорение..., стр. 294—295; 2) Ермолинская летопись..., стр. 24—25.

² ПСРА, XXIV, стр. 186, 194 и 197.

³ И. М. Кудрявцев. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло. Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 163.

Вассиана:¹ если в заключительной части рассказа осмеиваются греческие и другие восточноевропейские государи, которые убежали от турок „с имени многыми и з женами и з детьми в чюжие страны“, то в послании Вассиан предостерегает Ивана III от той же участи: „Не обратися вспять, не речи в сердце своем: «Жену имею и дети и богатество многое, — аще и землю мою возмут; то инде вселюся!», но без сомнения вскочи на подвиг!“²

Из всех специально ростовских известий, довольно обильно представленных в Типографской летописи, в Ермолинской мы обнаруживаем только одно: перечень ростовских владык под 1396 годом. Указанный перечень никак не может считаться характерной особенностью этих двух летописей — он встречается во всех русских летописях XV—XVI веков, включая московские и новгородские; но в Ермолинской и Типографской летописях список владык не заканчивается архиепископом Григорием, занявшим престол в 1396 году, а продолжается дальше: в Ермолинской до архиепископа Вассиана Рыло, а в Типографской до Тихона. Шахматов именно в этих дополнениях к перечню владык видел доказательство того, что Ермолинская и Типографская летописи восходили к ростовским владычным сводам второй половины XV века: Ермолинская — к своду Вассиана (1467—1481); Типографская — к своду Тихона (1489—1505).³ Однако нам представляется, что само по себе такое дополнение списка владык еще не решает вопроса о происхождении летописи: ростовские владыки, наряду с новгородскими, были важнейшими иерархами русской митрополии (они носили звание архиепископов), дополнить перечень их имен без труда мог и летописец, писавший вне Ростова; помимо этого, даже заимствование одного известия еще не говорило бы о близости ко всему своду в целом.

Вторым доказательством ростовского происхождения Ермолинской летописи Шахматов считал известие 1463 года об обретении мощей ярославских чудотворцев. Известие это в Ермолинской летописи, действительно, изложено довольно своеобразно: заметив с явной иронией, что новые святые явились „не на добро всем князем ярославским — простилися они со всеми своими отчинами навек“, летописец позволяет себе кощунственную насмешку и над самими чудотворцами, именуя „новым чудотворцем“ великокняжеского наместника Ивана Сущего,

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 227.

² Возражения К. В. Базилевича против мнения А. А. Шахматова, связывавшего летописный рассказ об Угре с ростовским архиепископом Вассианом (К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 141—144), основываются на недоразумении. Шахматов („Обозрение...“, стр. 295—296) считал ростовским рассказом об Угре рассказ, читающийся в Типографской летописи, а не рассказ Софийской II—Львовской летописей, как понял К. В. Базилевич. В рассказе Типографской летописи читается полностью заключительное обращение к „сынам Русским“, но рассказ этот — вполне единый и последовательный, в то время как в Софийской II (и Львовской) соединены в сущности два разных рассказа, откуда и происходят „повторения и противоречия“, отмеченные в этом рассказе К. В. Базилевичем. Но в Типографской летописи нет ни одной из тех „хронологических и фактических погрешностей“ (двухнедельное пребывание в Красном сельде и т. д.), которые, по мнению К. В. Базилевича, делают невозможным написание этого рассказа современником и очевидцем.

³ А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись... стр. 20—23; 2) Обзорение... стр. 146—150 и 291. Уваровский список № 188 (совпадающий с Ермолинской летописью до 1417 г.), в котором перечень владык доведен только до Трифона, Шахматов считал отражением свода архиепископа Трифона (1462—1467); в Софийской II и Львовской, где список доведен до Тихона, он видел несколько иное отражение того же ростовского свода Тихона, что и в Типографской.

„отписывавшего“ на великого князя ярославские земли.¹ Шахматов сопоставил это известие с житийным рассказом, сохранившимся в Софийской II и Львовской летописях, о том, как ростовский архиепископ Трифон усомнился в святости обретенных в 1463 году мощей, но, чудесно наказанный за свое неверие, оставил в 1467 году архиепископство, поселился в том самом монастыре, „идеже святыи чудотворцы лежат, и ту пребысть плачяся и до смерти своея“.² „Не забудем, что это случилось только в 1467 году, — заключает А. А. Шахматов; — следовательно, в 1463 году летопись при Ростовском владычном доме могла с иронией и недоверием отозваться о ярославских мощах; приведенный выше текст даже прямо ведет к такой летописи, так как вряд ли в другом месте, кроме архиепископского дома в Ростове, сомневались в ярославских чудотворцах“.³

И это доказательство не представляется нам достаточно убедительным. Отметим прежде всего явную непоследовательность в рассуждении Шахматова: принимая с доверием приведенный выше житийный рассказ, он должен был бы считать, что после 1467 года в ростовском своде уже не могли сохраняться кощунственные насмешки по адресу ярославских чудотворцев; между тем указанное место читалось, по его предположению, в своде Вассиана — преемника раскаявшегося Трифона по архиепископии. Уместна ли была такая насмешка в архиепископской летописи? Не чувствуется ли в известии 1463 года (высмеивающем самое понятие чудотворства) скорее светская рука — рука человека, позволявшего себе критические замечания по адресу великокняжеского наместника, но весьма иронически относившегося и к последним ярославским князьям и к местным святыням?

Приведенные места не дают, таким образом, по нашему мнению, достаточного доказательства того, что протограф Ермолинской летописи был „почти тождественен с Ростовским владычным сводом“.⁴ Между тем, этими двумя известиями, в сущности, и ограничивается А. А. Шахматов, доказывая связь протографа Ермолинской летописи с Ростовом. Как мы уже отметили, никаких специально ростовских известий в Ермолинской летописи не обнаружено. Больше того, в этой летописи нет даже таких фактов из истории Ростова, которые встречаются в других сводах: например, известий о последних ростовских князьях, о поставлении и смерти упомянутого выше архиепископа Трифона и т. д.⁵

Но если тождество Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется нам недоказанным, то совсем уже сомнительно другое предположение А. А. Шахматова — о том, что Ростовский владычный свод был общим источником, к которому, наряду с Ермолинской летописью, восходили и некоторые другие летописи. Необходимость существования такого общего источника выводилась Шахматовым из того обстоятельства, что начиная с 1425 по 1481 год (6933—6989) текст Ермолинской летописи близок к тексту Новгородской IV летописи по Хронографическому списку (в дальнейшем: Новг. Хрон.), к тексту

¹ ПСРЛ, XXIII, стр. 157—158.

² ПСРЛ, VI, стр. 186—187.

³ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 20.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 146.

⁵ Отсутствие общих известий между различными редакциями Ростовского владычного свода отметил и Шахматов („Обзорение. . . , стр. 293—294). Не читаются в Ермолинской летописи и те ростовские известия, которые содержатся в Московско-академическом списке Суздальской летописи, представляющем собой, по мнению Шахматова, отражение ростовского свода архиепископа Ефрема („Обзорение. . . “, стр. 225—226).

неизданной летописи собрания Погодина № 1409 в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем: Погод. 1409) и к Софийской I летописи по списку Царского (в дальнейшем: Соф. I Царск.). Отмеченная А. А. Шахматовым близость этих текстов (особенно с 1458 по 1472 год), действительно, имеет место; несомненно также, что ни одна из указанных летописей не может считаться протографом остальных (часть известий читается более подробно в одной летописи, часть — в другой), — все они, очевидно, восходят к какому-то общему источнику, по-разному сокращая его.¹ Но что же это за источник?

Выделяя известия, читающиеся в Ермолинской, Погод. 1409 и сходных летописях и отсутствующие в других сводах, мы обнаруживаем, что известия эти в значительной части носят характер резких критических замечаний по адресу московских властей, с особенным подчеркиванием военных неудач. Только в двух местах критика эта носит более широкий характер: в известии 1462 года о жестокой расправе Василия II над серпуховскими боярами² и в уже упомянутом известии 1463 года о ярославских чудотворцах;³ во всех остальных случаях речь идет о военных действиях. В 1458 году русские воеводы не сумели взять Вятку по вине воеводы-взяточника Григория Перхушкова;⁴ в 1468 году не была взята Казань из-за глупости молодого великокняжеского постельника Айдара Карпова;⁵ виновником следующего неудачного похода 1469 года был воевода Иван Руно;⁶ в 1472 году, во время нападения хана Большой Орды Ахмата на Алексин, жадность воеводы Беклемишева (требовавшего „посула“ у местных жителей) едва не привела к захвату этого города татарами.⁷

Перед нами — летописный свод с острой и довольно определенной тенденцией. Рассказывая о военных неудачах русских войск, автор обнаруживает детальное знакомство с описанными им событиями, однако бросается в глаза и явная субъективность его оценок: сравнивая приведенный выше рассказ о походе на Казань в 1469 году с аналогичным рассказом в других летописях, мы встречаем там совершенно иную, вполне положительную оценку военных действий Ивана Руно.⁸

Специфически военный характер этих известий делает еще более сомнительным предположение Шахматова об их ростовском происхождении — летописец, писавший при ростовском архиепископском дворе, едва ли мог бы проявлять такой интерес и обнаруживать такую осведомленность в этих вопросах.¹ Источником приведенных известий могло

¹ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись... стр. 49—72.

² ПСРЛ, XXIII, стр. 157; ср.: Погод. 1409, л. 117; ПСРЛ, IV, стр. 148 (здесь казнь именуется только „незнаемой“). В Соф. I Царск. (ПСРЛ, V, стр. 274) осуждения казни нет.

³ ПСРЛ, XXIII, стр. 157—158; Погод. 1409, л. 117 об. Ср.: ПСРЛ, IV, стр. 148—149; V, стр. 274.

⁴ ПСРЛ, IV, стр. 147—148; V, стр. 272; Погод. 1409, л. 116. В Ермолинской летописи Перхушков не обвиняется прямо во взяточничестве, но под следующим годом сообщается о его наказании (ПСРЛ, XXIII, стр. 156).

⁵ Погод. 1409, л. 118; ПСРЛ, IV, стр. 149; V, стр. 274. Ср.: ПСРЛ, XXIII, стр. 158 (иронические замечания по адресу Айдара опущены; говорится, что русские „поидоша прочь, не учиниша ничто же“).

⁶ Погод. 1409, л. 118 об.; ПСРЛ, IV, стр. 149; V, стр. 275. Ср.: ПСРЛ, XXIII, стр. 158 (нет упоминания о Руно, но отмечается неудача).

⁷ Погод. 1409, л. 120—120 об.; ПСРЛ, IV, стр. 151; VI, стр. 31; XXIII, стр. 160 (здесь нет выпадов против Беклемишева, но в целом описание совпадает). Ср. также: ПСРЛ, VI, стр. 195.

⁸ ПСРЛ, VI, стр. 188—189; XX, стр. 280—281; XXV, стр. 282—283.

быть скорее светское лицо — человек, принимавший близкое участие в действиях московских сил, и находившийся в период составления летописи в оппозиции к великокняжеской власти. Летописный текст, сохранившийся в Ермолинской, Новг. Хрон. и других перечисленных летописях, позволяет высказать некоторые предположения об этом лице.

Заметим прежде всего, что далеко не все военные действия этого периода рисуются в интересующем нас летописном тексте в мрачном свете. Наряду с бездарными и подкупными воеводами эта летопись упоминает и такого воеводу, действия которого неизменно безупречны и постоянно увенчиваются успехом. Это — Федор Васильевич Басенок, сражавшийся с татарами еще до свержения Василия Темного в 1445 году и обнаруживший непреклонную верность Василию во время захвата власти Шемякой. В 1445 году Басенок бежал в Литву и оттуда развернул успешную партизанскую войну против Шемяки.² После победы Василия Басенок продолжал играть видную роль в военных действиях против татар и Новгорода. Близость летописца к Федору Басенку обнаруживается в ряде известий. „Тогда же мужествова Федор Васильевич Басенок“, — так сообщает о его борьбе с татарами в 6951 (1443) году Ермолинская летопись.³ Рассказывая под 6963 (1455) годом о сражениях с татарами „Сиди-Ахметевы орды“, Ермолинская, Погод. 1409, Соф. I Царск. и Новг. Хрон. летописи подчеркивают, что „Иван Васильевич Ощера с коломничи не поспе на них ударити, и пришед сы иные страны Федор Васильевич Басенок с великого князя двором, татар бил и полон отнял“.⁴ Под 6964 (1456) годом в тех же летописях повествуется о победе Басенка над новгородцами; Ермолинская летопись сохранила в данном случае и необычный эпитет по адресу Басенка — „Федор Васильевич Басенок, удалый воевода“.⁵ Не менее характерен и рассказ о покушении новгородцев на Басенка в 6968 (1460) году: „Федор Васильевич Басенок пил у посадника и поеха ночи на Городище, и удариша на него шилники, и убиша у него слугу, именем Илейку Усатого Рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новгородци же, слышавше голку, и возмятошася, и придоша всем Новымгородом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них, и едва утолишася, мало упасе бог от кровопролития.“⁶ Детальный характер этого известия, ряд подробностей — все это заставляет предполагать близость его автора к главному герою происшествия, Федору Басенку.

¹ Заметим кстати, что единственное ростовское известие, обнаруженное А. А. Шахматовым в Ермолинской летописи, — перечень ростовских владык под 1396 годом, — также не дает основания для возведения Ермолинской летописи, с одной стороны, и Новг. Хрон., Соф. I Царск. и Погод. 1409, с другой, к Ростовскому своду: в Ермолинской этот перечень доведен до Вассиана, а в перечисленных летописях — только до Григория. Несмотря на это, Шахматов возводил Новг. Хрон. и сходные с ней летописи не к более ранней, а к более поздней редакции ростовской летописи, нежели Ермолинская, — к своду Тихона („Ермолинская летопись“ . . . , стр. 78—80).

² ПСРА, XXIII, стр. 152—153. Ср.: ПСРА, VI, стр. 174—175.

³ ПСРА, XXIII, стр. 151. В Погод. 1409, Новг. Хрон. и Соф. I Царск. этого известия нет.

⁴ ПСРА, XXIII, стр. 155; Погод. 1409, л. 115 об.; ПСРА, V, стр. 271, примеч. „а“; IV, стр. 147.

⁵ ПСРА, XXIII, стр. 155; Погод. 1409, л. 116; ПСРА, V, стр. 272; IV, стр. 147.

⁶ ПСРА, XXIII, стр. 156. В Погод. 1409 и других летописях это известие короче: Погод. 1409, л. 116 об.; ПСРА, V, стр. 272; IV, стр. 148. Ср. также: ПСРА, VI, стр. 182.

Предположение о близости интересующего нас летописного текста к Федору Басенку подтверждается не только обилием содержащихся в нем известий о военных столкновениях, явным сочувствием летописи Басенку и враждебностью к ряду других воевод. Оппозиционные тенденции этого летописного текста также соответствуют данным биографии Басенка: вскоре после восшествия на престол Ивана III „удалый воевода“ подвергся опалу, ослеплению и ссылке в Кириллов монастырь.¹

Кем был создан летописный свод, связанный с Федором Басенком, мы не знаем.² Но для характеристики дальнейшей судьбы этого летописного свода заслуживает внимания одна из летописей, отразивших этот свод (и притом, повидимому, более полно, чем все остальные), — Ермолинская. Уже А. А. Шахматов отметил близкую связь этой летописи с московским купцом, строительным подрядчиком и выдающимся архитектором В. Д. Ермолиным: между 1462 и 1472 годом летопись содержит целую серию известий о строительной деятельности Ермолина.³ Шахматов считал, однако, что известия о Ермолине являются случайным элементом в общем тексте Ермолинской летописи: до включения этих известий протограф Ермолинской был, по его мнению, почти тождествен с Ростовским владычным сводом.⁴ Выше мы уже указали, почему предположение о тождестве Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется сомнительным. Если же считать, что в основе Ермолинской летописи лежал свод, близкий к оппозиционному московскому боярству, то связь между известиями о Ермолине и остальной частью свода становится значительно более понятной: представители московского патрициата Ермолины уже во второй половине XV века стали родниться с боярами и переходить в разряд земельной знати.⁵

* * *

Изучение Софийской II и Львовской дает возможность выделить еще одну общерусскую летопись конца 80-х годов XV века — летопись, оппозиционные тенденции которой обнаруживаются особенно ярко. Эта летопись была исследована А. Н. Насоновым. Он совершенно справедливо отверг мнение А. А. Шахматова, видевшего в летописном материале, сохранившемся в Софийской II и Львовской, еще одно отражение все того же Ростовского владычного свода (Тихоновской редакции).⁶ На целом ряде примеров А. Н. Насонов доказал связь протографа Софийской II — Львовской с митрополитом Геронтием.

¹ См. неизданный краткий летописчик, содержащийся в составе рукописного сборника, составленного известным сподвижником Нила Сорского Гурием Тушиным в Кирилловом монастыре (ГПБ, Соф. 1468): „В лето 6971 августа 27 Басенку очи выняли после великого князя Василья смерти год и 5 месяць (л. 183 об.). . . В лето 6981 июля 4 приехал Басенок в Кирилов жити и жил в нем 7 лет и два месяца (л. 184)“. (За сообщение этого источника я очень признателен А. А. Зимину). Ср.: С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 245; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II. М., 1951, стр. 196.

² Нам нет необходимости видеть в летописном своде, лежащем в основе Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, личную летопись Басенка. Связи отдельных лиц с теми или иными центрами летописания не раз засвидетельствованы в истории (ср., например, связь Яна Вышатича с печерским летописанием).

³ ПСРА, XXIII, стр. 157—161.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 146.

⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 110—111.

⁶ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 18, 22, 80—81. — А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 715—716.

Об этой связи свидетельствует прежде всего подробное и совершенно недвусмысленное по своим тенденциям, проникнутое горячим сочувствием к митрополиту, изложение истории столкновений между Геронтием и великим князем.¹

Основной вывод, сделанный А. Н. Насоновым, представляется нам вполне справедливым: одним из источников Софийской II—Львовской летописей был, по всей видимости, какой-то летописный памятник, защищавший интересы митрополичьей кафедры. Поскольку известия этого источника не переходят за 1489 (6997) год — год смерти митрополита Геронтия, — можно предполагать, что текст его доходил именно до этого года.

Свод, связанный с митрополитом Геронтием, дошел до нас в составе Софийской II—Львовской летописей в соединении с известиями других, уже знакомых нам сводов. Некоторые известия совпадают здесь с записями Погод. 1409, Соф. I Царск., Новг. Хрон. и отчасти Ермолинской летописей.² Другие известия в Софийской II и Львовской совпадают с таковыми с Типографской летописью.³ Как и когда проникли эти известия в протограф Софийской II—Львовской — сказать трудно: общим источником и той и другой летописи был свод 1518 года (на этом годе прерывается общий текст обеих летописей); известия, сходные с известиями Типографской, Ермолинской и других летописей, могли быть заимствованы как сводом 1518 года, так и предшествовавшей ему летописью 1488 года, связанной с Геронтием. Но даже если эти известия были заимствованы уже в 1488 году, то все равно вторичный характер их в составе промитрополичьего свода 1488 года не вызывает сомнений. Доказательством этого может служить, например, рассказ о „стоянии на Угре“, совпадающий в значительной части в Софийской II—Львовской и в Типографской. В Типографской рассказ этот вполне последователен и лишен внутренних противоречий. Начинается он с известия о выступлении против Ивана III его братьев — удельных князей; причем автор явно смотрит на эти события с общерусской точки зрения, сочувствуя великому князю. Узнав о выступлении братьев в Новгороде, Иван III спешит в Москву: „и ради быша вси людие, быша бо в страхе велице от братии его, все грады быша в осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студена без велика князя“.⁴ Совершенно иной характер носит изложение в Софийской II—Львовской летописях. Здесь сообщается о мотиве, вызвавшем братьев на выступление; о нарушении Иваном III феодального права „отъезда“ вассалов, причем с явным сочувствием цитируются слова князя Бориса Волоцкого: „что какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехати к ним... уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забых“.⁵ Следующий за этим в Софийской II—Львовской текст, сходный с Типографской — получение князем в Новгороде вести о выступлении братьев, общая радость по поводу его приезда, — совершенно неуместен после такого начала. Изложение самого „стояния на Угре“ в Софийской II—Львовской также противоречиво и не-

¹ А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 716—719.

² ПСРЛ, VI, стр. 170, 195; XX, стр. 256, 297. Ср.: ПСРЛ, V, стр. 267; VI, стр. 31.

³ ПСРЛ, VI, стр. 191—194 (в Львовской этого рассказа нет), 222—224, 232, 235—236; XX, стр. 336—339, 346—347, 350—351. Ср.: ПСРЛ, XXIV, стр. 188—192, 198—203.

⁴ ПСРЛ, XXIV, стр. 198.

⁵ ПСРЛ, VI, стр. 222; XX, стр. 336.

последовательно: здесь в сущности читается не один рассказ об этом событии, а два рассказа, соединенные вместе (и, кроме того, еще послание Вассиана на Угру), заимствованные из протографа Типографской летописи.¹ Второй рассказ, читавшийся, возможно, в своде 1488 года, первоначально гораздо резче критикует великого князя, чем рассказ Типографской (Иван III не слушался Вассиана, а слушался своих злых советников; он жил вне Москвы, боясь своих собственных граждан); обвинение в трусовом поведении во время татарских нашествий распространяется здесь не только на Ивана III, но и на его предков; решающая роль в событиях 1480 года приписывается братьям великого князя, добившимся от Ивана III обязательства не „чинити силы над ними“ и пришедшим после этого к нему на помощь (рассказ, прямо перекликающийся с приводимыми в Софийской, II—Львовской выше словами князя Бориса о „силе“, которую „чинил над ними“ Иван).² Соединение этого рассказа с рассказом Типографской привело к явным нелепостям и дублировкам текста (две поездки Ивана III в Москву и т. д.).

Таким образом, мы можем говорить, для конца XV века по крайней мере, о трех неофициальных общерусских сводах:³ о независимом, но не враждебном великокняжеской власти ростовском своде, отразившемся в Типографской, о более оппозиционном по своему характеру своде, легшем в основу Ермолинской, Новгородской по Хронографическому списку и других летописей, и, наконец, о резко враждебном великому князю промитрополичьем своде, получившем отражение в Софийской II и Львовской летописях. Существование в конце XV века столь различных по своему характеру неофициальных общерусских летописей (наряду с официальной) свидетельствует о сложном и противоречивом характере феодальной идеологии того времени: сразу же после образования Русского централизованного государства внутри правящего класса этого государства обнаруживаются серьезные разногласия. Однако существование независимого летописания внутри централизованного государства не могло быть непрерывным и длительным. Ни одна из разобранных летописей не просуществовала до конца XV века. На 1473 году прекращается совпадение между Ермолинской, с одной стороны, и Новг. Хрон. и сходными с ней летописями — с другой; здесь кончается, как мы можем предполагать, общий источник, лежавший в основе этих летописей. 6992 (1484) годом завершается протограф основного текста Типографской летописи. На 1488 году, как мы указывали, прерываются известия промитрополичьего оппозиционного источника Софийской II—Львовской. В Ермолинской летописи после 1473 года читаются лишь краткие приписки к основному тексту.

¹ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 297, примеч. 3. Из протографа Типографской заимствован, очевидно, рассказ об Угре и в Воскресенской летописи (там же, стр. 295—296).

² ПСРЛ, VI, стр. 231; XX, стр. 346. Кем и когда составлен второй рассказ Софийской II—Львовской — сказать трудно. В 1941 году автором настоящей статьи было высказано предположение о тверском происхождении этого рассказа (Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. Уч. зап. ЛГУ, № 80, стр. 85, примеч. 1). В настоящее время нам представляется более вероятным, что рассказ этот (судя по его тенденциям) — органическая часть промитрополичьего свода 1488 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской летописей.

³ Мы не касаемся здесь сводов, содержащих важные известия по русской истории, но в основной своей части местных, как, например, Устюжского свода (Устюжский летописный свод. М., 1950), Вологодско-Пермской летописи и т. д. О Вологодско-Пермской летописи см. стр. 178 настоящей статьи.

В Типографской летописи (Типографском списке)¹ после 1484 года начинается (с дублировкой двух лет — от 1482 г.) текст совершенно нового летописного свода. Текст нового летописного свода начинается с 1489 г. и в Софийской II—Львовской. Сопоставляя эти новые летописные тексты, мы обнаруживаем, что перед нами — один и тот же летописный свод; тот же самый летописный свод мы встречаем и в Новг. Хрон., и в Погод. 1409, и в Соф. Царск.; тот же свод читается, как мы увидим, и во множестве других летописей. Анализ этого нового летописного свода, вытеснившего неофициальное летописание, свидетельствует о том, что перед нами в своей основе — официальная великокняжеская летопись.

* * *

Вопрос о великокняжеском московском летописании конца XV века в сущности так же мало исследован в историографии, как и вопрос о неофициальных летописях. Твердо установленным можно считать только существование двух московских великокняжеских сводов второй половины века: свод 1472 года дошел до нас в составе неизданных летописей — Никаноровской, Вологодско-Пермской (Великопермской) и других;² свод 1479 года, существование которого было теоретически доказано А. А. Шахматовым на основании текста так называемой Ростовской и Симеоновской летописей,³ был впоследствии найден им в списке XVIII века.⁴ Несколько более поздняя редакция (90-х годов XV века) этого же свода (но зато — в списке XVI века) была обнаружена М. Н. Тихомировым и издана в т. XXV „Полного собрания русских летописей“.⁵

Летописные своды 1472 и 1479 годов могут считаться типичными образчиками великокняжеского летописания. Подробное описание политических выступлений великого князя — почти протокольный отчет о двух походах Ивана III на Новгород (в духе крайней враждебности к новгородским „изменникам“ и „прелестникам“), явный интерес к светским событиям (за счет церковных), тенденциозная переработка более ранних известий — все это крайне характерно именно для этих сводов. Но где искать продолжение великокняжеских сводов после 1479 года? Начиная с этого года мы встречаем единую цепь известий в целом ряде летописей: в уже известных нам Новг. Хрон., Погод. 1409, Соф. I Царск.; сходно с этими летописями изложение периода после 1479 года в Симеоновской, Воскресенской, в Софийской II и Львовской (после 1489 года), в дополнительном тексте Типографской (с 1484 года), в Никоновской и других летописях. Однако исследователи не склонны были возводить эти летописи к официальному своду конца XV века. Сравнивая Соф. I Царск. с Симеоновской и Воскресенской, Шахматов обратил внимание на отличия между этими летописями: в Симеоновской и Воскресенской летописях (и отчасти в Новг. Хрон.) читается ряд известий (главным образом по дипломатической истории), отсутствующих в Соф. I Царск. Исходя из этого, Шахматов предположил, что официальная летопись была

¹ О дополнительном тексте Типографской летописи см. ниже, стр. 179.

² А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 346—360.

³ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая нач. XV в. Известия ОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, стр. 457—491.

⁴ ГПБ, Эрмитаж., № 4166.

⁵ ГИМ, собрание Уварова (номер рукописи в предисловии к т. XXV ПСРА не приведен).

источником, на основании которого Симеоновская и Воскресенская летописи (независимо друг от друга) были дополнены; основным же источником всех этих летописей была, по его мнению, какая-то неофициальная летопись (хронограф, митрополичий или ростовский владычный свод).¹

Решающее значение для определения характера и тенденций интересующего нас летописного рассказа после 1479 года имеет найденный М. Н. Тихомировым Московский свод конца XV века (Уваровский список). Рассматривая известия Московского свода за 1479—1492 годы (на этом годе обрывается текст свода), мы обнаруживаем, что перед нами — текст, совпадающий с Софийской I по списку Царского и сходными летописями. Особенно близкими к тексту Московского свода оказываются летописи, текст которых также обрывается на 90-х годах XV века — уже известная нам летопись Погод. 1409, а также неизданная летопись Беляевского собрания Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина.² Почти дословное совпадение известий Московского свода за 1479—1492 годы с соответствующими известиями других летописей, так же как пространственный характер этих известий, — все это, на наш взгляд, не позволяет рассматривать известия 1479—1492 годов как случайные приписки к своду 1479 года, а Московский свод, изданный в т. XXV „Полного собрания русских летописей“, — как простую копию свода 1479 года.³ Случайные приписки к своду 1479 года не могли бы иметь такого характера и не получили бы такого распространения, как интересующий нас текст 1479—1492 годов. Но то обстоятельство, что разбираемый текст 1479—1494 годов следует именно за великокняжеским сводом 1479 года, представляется нам весьма многозначительным. Уже в Симеоновской летописи текст после 1479 года (в несколько дополненном виде) непосредственно следует за большим куском текста свода 1479 года (с 1410 по 1479 г.); Шахматов считал, однако, что текст 1410—1479 и 1479—1494 годов попал в эту летопись из разных источников, и соединение их здесь случайно.⁴ В Московском же своде конца XV века мы с самого начала по 1479 год читаем один сплошной текст великокняжеского свода 1479 года; естественно предположить поэтому, что и вся летопись в целом отражает новую, более позднюю редакцию великокняжеского Московского свода 1479 года.⁵

¹ А. А. Шахматов: 1) Симеоновская летопись... стр. 501, 505, 512; 2) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 171; 3) Ермолинская летопись... стр. 12—13 и 78—79. Ср. статьи А. А. Шахматова о хронографе.

² БИЛ, Муз. № 1512. Этот список был обнаружен А. А. Зиминим (любезно сообщившим нам о нем) и исследован А. Г. Кравченко в его еще не опубликованной работе.

³ Такое мнение высказал Л. В. Черепнин в рецензии на т. XXV ПСРЛ (Вопросы истории, 1951, № 9, стр. 143).

⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись... стр. 507.

⁵ Следует отметить, что мысль о московском характере интересующего нас летописного текста, тоже (наряду с другими гипотезами) высказывалась в работах А. А. Шахматова, хотя и в очень неопределенной форме. В „Разысканиях и древнейших летописных сводах“ (СПб., 1908) Шахматов характеризовал неизданную летопись Погод. 1409, как „сокращенный московский свод 1494 г.“ (стр. 237—238), а в статье „Летописи“ в „Новом энциклопедическом словаре“ (1916) указывал, что Симеоновская летопись „с 1481 по 1494 гг. представляет извлечение из официальной московской летописи, которой был дополнен и самый Московский свод“ (цит. по: А. А. Шахматов. Обозрение... стр. 367). Но Погод. 1409 после 1479 года почти буквально совпадает и с Московским сводом и с Соф. I Царск., а Симеоновская летопись за этот период чрезвычайно к ним близка.

Тенденции Московского свода конца XV века подтверждают это предположение. После 1479 года характер этого свода несколько не меняется; перед нами столь же детальное изложение важнейших событий политической истории Русского государства, сделанное с таких же официальных позиций, как и в части до 1479 года. Подробно изложены важнейшие военные действия этого периода — война с „немцами“ (Ливонским орденом), татарами; систематически освещаются дипломатические сношения Русского государства с другими странами — миссия Ф. Курицына в Венгрию, сношения с римским (германским) императором, Литвой, Крымом, „Иверской землей“ (Грузией) и т. д.

Особенно ясно обнаруживаются тенденции Московского свода при сравнении его с другими летописями за эти же годы. Возможности для такого сравнения дают Типографская (основной текст), Софийская II—Львовская (до 1489 года) и некоторые другие летописи. В Типографской летописи, как мы уже знаем, отразился некий неофициальный свод, связанный с Ростовом и доходящий до 1484 года; в Софийской II—Львовской вплоть до 1489 года читаются известия летописи, близкой к митрополиту Геронтию. Отсюда — возможность сопоставления параллельных известий.

Процесс образования Русского централизованного государства не был еще завершен к 1480 году; в течение ряда лет Ивану III предстояло еще вести жестокую борьбу с остатками новгородского сепаратизма; лишь в 1485 году к Русскому государству была присоединена Тверь. Неофициальное летописание приводит ряд подробностей этой борьбы — подробностей, освещение которых не всегда было приятно государственной власти. Типографская летопись, осуждавшая прежнего новгородского владыку Феофила за то, что тот не хотел, „чтобы Новгород был за великим князем“,¹ тем не менее не очень сочувствовала репрессивным мероприятиям великого князя в Новгороде. Она с явным неодобрением рассказывала, как Иван III „мучил“ и „грабил“ новгородских бояр, арестованных по „обговору“; в отместку за это, по ее словам, недовольные новгородцы „волшебством“ „ум отъяша“ у нового владыки Сергия — ставленника Москвы.² Софийская II—Львовская летопись, полностью повторившая известия Типографской о репрессиях в Новгороде,³ еще более усилила их оппозиционный характер, опустив осудительную оценку Феофила и с сочувствием сообщив, что этот владыка „нужею великого князя“ оставил епископство „в заточении сидя“; под 1489 годом здесь сообщается о новых высылках и казнях в Новгороде „обговору дея“. ⁴ В Московском своде обо всем этом говорится совершенно иначе. О репрессиях в Новгороде здесь сообщается кратко и сдержанно, причем подчеркивается, что выселенным боярам Иван III „подавал поместья в Москве под городом“ и лишь „бояр, которые крамолу держали от него, тех велел заточить в тюрьмы по городем“. Деликатный вопрос о сумасшествии архиепископа Сергия здесь совсем обойден.⁵

Так же обстоит дело и с вопросом о присоединении Твери. Софийская II—Львовская летопись, рассказывая о последних днях

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 198.

² ПСРЛ, XXIV, стр. 203.

³ ПСРЛ, VI, стр. 235—236; XX, стр. 350—351.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 235; 238—239; XX, стр. 349—350, 353—354.

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 329—330 (Погод. 1409, л. 131 об.). Рассказ о выводе „житых людей“ в 1489 году в Московском своде не сохранился из-за пропуска листа (ПСРЛ, XXV, стр. 331, сноски); ср.: Погод. 1409, л. 134.

Тверского княжества, обнаруживает явное сочувствие к тверским боярам, „изобитенным“, по словам летописи, „московскими детьми боярскими“.¹ В Московском своде рассказ о присоединении Твери носит явно официальный характер; правда, Уваровский список Московского свода сохранил это известие не полностью — под 1485 годом (от конца 6992 до середины 6994) в этом своде обнаруживается большой пропуск,² но в совпадающих с ним списках Погод. 1409 и Беляевском (как и в более поздних официальных летописях) мы читаем обвинение последнего тверского великого князя в „неправде“ (за сношения с Литвой); тверские бояре и князья именуются здесь „кормольниками“.³

Не менее интересно сопоставить изложение вопросов внешней политики в сводах конца XV века. После падения татарского ига борьба за Казань стала одним из основных вопросов русской восточной политики. Борьба эта шла с переменным успехом. Довольно неопределенными были, например, результаты большого похода 1482 года. О походе этом мы знаем только из неофициальных летописей. Они сообщают, что в походе участвовала даже артиллерия, руководимая известным Аристотелем Фиоравенти, но в конце концов Иван III „увернулся из Володимира, а судная рать ходила мало не до Казани, и умирился“.⁴ Московский свод и вслед за ним более поздние официальные летописи предпочитают вовсе не упоминать об этом событии. „Того же лета был князь великий Иван Васильевич в Владимире“ — вот все, что узнаем из этого свода.⁵ Зато о бесспорной удаче 1487 года — взятии Казани и возведении на ханский престол русского ставленника мы читаем здесь пространный и исполненный торжества отчет.⁶

Но особенно ярко обнаруживаются тенденции Московского свода и неофициального летописания при сравнении известия о взятии в 1483/84 году Киева союзником Ивана III — Менгли-Гиреем. Если для неофициальной, но не враждебной великокняжеской власти летописи (Типографская) поход Менгли-Гирея это — „злоба“, „грех ради наших“, которую летописец со своей христианской точки зрения горько оплакивает, но тайных пружин которой он не знает или не хочет знать, если промитрополичий свод (Софийская II—Львовская летописи) прямо возлагает вину за „пакости“ Менгли-Гирея на великого князя („князь же великий... повеле воевати королеву землю“), то Московский свод, не скрывая, что Менгли-Гирей пошел „по повелению“ Ивана III, полностью оправдывает это мероприятие. Перед нами — несомненно официальная точка зрения.⁷

Отмеченные нами официальные тенденции Московского свода за 1479 и последующие годы помогают понять и политический смысл одного из самых крупных летописных рассказов этого периода — рассказа о „стоянии на Угре“, читающегося в Московском своде под 6988—6989 (1480) годом. Рассказ этот — единственный случай совпадения Московского свода с неофициальным сводом, отразившимся в Типо-

¹ ПСРЛ, VI, стр. 237; XX, стр. 352.

² ПСРЛ, XXV, стр. 330.

³ Погод. 1409, л. 132 об.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 234; XX, стр. 349; XXIV, стр. 202. Ср. также: Устюжский летописный свод, стр. 94.

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 329; Погод. 1409, л. 129.

⁶ ПСРЛ, XXV, стр. 331; Погод. 1409, л. 133—133 об.

⁷ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 234; XX, стр. 349 (наряду с этим в обеих летописях читается рассказ, заимствованный из Типографской); XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 131. Ср. ниже, стр. 184.

графской летописи: так же, как в рассказе Типографской летописи здесь говорится о том, что Иван III отзывает войска к себе в Кременец, „боящиеся татарского прехождения, а слушающая злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“; так же как и в Типографской, супруга Ивана III, София Палеолог, обвиняется здесь в позорном бегстве; сподвижники ее именуется „кропивцами крестьянскими“, и на их головы призывается гнев божий.¹ Такого рода замечания, по мнению исследователей, „никак не могли иметь места в официальной великокняжеской летописи“.²

Верно ли это? Заметим прежде всего, что приведенный рассказ (с утверждением, будто Иван III слушал „злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“) читается во всех почти летописях XVI века, включая и такие, официальный характер которых ни у кого не вызывает сомнений, например в Никоновской летописи. Если бы, наряду с рассказом, находящимся в Типографской летописи и Московском своде, существовал в конце XV века еще другой официальный рассказ об Угре, то он должен был, очевидно, как-то отразиться в летописании (особенно официозном) последующего времени. Однако, изучая рассказы об Угре в летописях XVI века — в Симеоновской, Воскресенской, Никоновской, в Хронографе, „Русском временнике“ и т. д. — мы не обнаруживаем в них ни одного элемента, которого не было бы в Типографской летописи или Московском своде.

Уже одно это обстоятельство делает весьма сомнительным противопоставление рассказа Московского свода, как неофициального, какому-то недошедшему до нас официальному рассказу от Угре. Но действительно ли рассказ, содержащийся в Московском своде, никак не мог читаться на страницах официальной великокняжеской летописи? Если мы, как и прежде, сопоставим данный рассказ Московского свода с рассказами других современных летописей, то убедимся во всяком случае в одном обстоятельстве: рассказ Московского свода не только ничего не прибавляет к критическим замечаниям по адресу князя, читающимся в этих летописях, но дает в общем наиболее лояльную характеристику его политики в 1480 году. В отличие от Софийской II—Львовской, а также местной летописи — Устюжского свода,³ Московский свод ни в какой мере не проявляет сочувствия братьям Ивана III;

¹ ПСРА, XXV, стр. 329; Погод. 1409, лл. 128, 129.

² К. В. Базилевич, ук. соч., стр. 138. Сходную мысль высказывал и А. Е. Пресняков в статье „Иван III на Угре“ (Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 281—286). К. В. Базилевич (ук. соч., стр. 137—141) считал, что рассказ об Угре в Московском своде (Уваровском списке) составлен в митрополичьей канцелярии, никак, однако, не связывая этот вывод с общей характеристикой Московского свода в целом. Недостатком построения К. В. Базилевича является также то обстоятельство, что он совершенно не заметил совпадений между рассказом Московского свода и рассказом основного текста Типографской летописи (одним из двух рассказов Софийской II—Львовской). Предположение К. В. Базилевича, что некоторые черты протографа рассказа Московского свода сохранились в „Русском временнике“ — летописи XVI века, также не представляется нам убедительным. В „Русском временнике“ (ч. II, М., 1820, стр. 158—166) читается очень поздний вариант рассказа (близкий к рассказу Никоновской летописи), явно основанный на нескольких более ранних источниках (ср., например, дважды повторенное „Тогда же воева Минда Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую“ — в середине и конце рассказа); упоминания об Ошере и Мамоне и о спутниках Софии — В. Б. Тучко и др., которые К. В. Базилевич возводит к протографу „Русского временника“ и Уваровского списка, в действительности взяты „Русским временником“ из второго рассказа Софийской II—Львовской.

³ Устюжский летописный свод, стр. 93.

в отличие от другой местной летописи, Вологодско-Пермской,¹ Московский свод ничего не сообщает об обещании Ивана III поделить с братьями вотчину умершего брата Юрия и о переговорах Ивана III с ханом. Сопоставление рассказа об Угре в Московском своде с Типографской летописью также обнаруживает, наряду со значительными совпадениями, важные различия между обоими рассказами. Отсутствуют в Московском своде характерные для Типографской летописи отступления, описывающие переживания лиц, находившихся „в граде Москве“, в том числе „архиепископа Васьяна“; нет здесь весьма характерного для рассказа Типографской летописи рассуждения, что находившиеся в столице не ждали „ни от кого же помощи“, кроме бога. Мотив этот повторяется в Типографской и далее: вернувшись после ухода татар, князь якобы возглашает: „Ни ангел, ни человек спасе нас, но сам господь, пречистые и всех святых моленми“; в заключительной части рассказа автор объясняет, что он писал не для того, чтобы укорять кого-либо, „но да не похвалятся несмыслени в своем безумии, глаголюще: „Мы своим оружием избавихом Русскую землю», но дадут славу богу и пречистой богородице“. В Московском своде всего этого нет.³ С другой стороны, в Московском своде читается ряд мест, которых нет в Типографской летописи. Яснее показывают Московский свод и сходные с ним летописи связь между вступлением братьев и походом Ахмата. Ахмат, согласно этим источникам, пошел в поход, „слышав, что братия отступиша от великого князя“; в самом Московском своде (Уваровском списке) говорится даже, что Ахмат пошел „по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса“.³ Резче здесь подчеркнута и роль польского короля Казимира в татарском нашествии: в Московском своде сообщается не только о соглашении между королем и ханом, но указывается даже предполагавшийся маршрут их совместного похода: „царю от себя полем, а королю от себя“.⁴

Все отмеченные своеобразные черты рассказа Московского свода по сравнению с Типографской летописью говорят об официальном характере этого рассказа, о соответствии его тенденций политической линии великого князя (борьба с Литвой, наступление на удельных князей после 1480 года).

Чем же объяснить тогда наличие в этом рассказе приведенных мест о влиянии „сребролюбцев“ на Ивана III, о трусливом поведении Софьи Палеолог и окружавших ее „кровопивцев“? Думается, что места эти не показались бы исследователям столь невозможными на страницах великокняжеской летописи, если бы они учли важные политические перемены, происшедшие в Москве после 1480 года. В 1484 году, как мы узнаем из той же Типографской летописи, жена великого князя, Софья Палеолог, оказалась замешанной в какой-то политической интриге, связанной с одним из последних удельных князей — Василием Михайловичем Верейским. Последнему пришлось бежать в Литву; политическое положение самой великой княгини пошатнулось. В 1483 году был

¹ БАН, 16.8.15, лл. 265—281 (сходный рассказ в Софийской летописи по Воронцовскому списку: БАН, 34.2.31, лл. 457 об. — 461). Неофициальный характер свода, сохранившегося в Вологодско-Пермской летописи, подтверждается, в частности, следующим за рассказом об Угре известием о походе Менгли-Гирея на Киев.

² ПСРА, XXIV, стр. 200—201. Ср.: ПСРА, XXV, стр. 328; Погод. 1409, лл. 127—129.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 126 („по совету братьи“ — нет). Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.

⁴ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 125. Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.

арестован Василий Тучков, один из „кровопивцев“, сопровождавших Софию в ее бегстве; после 1486 года попал в опалу и Иван Ощеря, выступавший на Угре против решительного сопротивления хану.¹ В такой обстановке рассказ Московского свода о событиях 1480 года приобретал особое звучание: рассказ этот, резко осуждая Казимира и братьев Ивана, вместе с тем объяснял колебания самого великого князя (отмеченные всеми летописями и хорошо известные современникам), перенося ответственность за эти колебания на „злых советников“.

* * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что текст после 1479 года, дошедший до нас в составе Московского свода и сходных с ним летописей (Погод. 1409, БИЛ, Муз. 1512, с некоторыми отступлениями — Соф. I Царск.), представлял собой текст официального великокняжеского летописного свода. Чем же тогда объясняются те дополнения, которые делают к этому тексту Симеоновская и Воскресенская летописи (и отчасти Новгородская по Хронографическому списку), — дополнения, которые Шахматов выводил из недошедшего до нас официального свода, предполагая, что интересующий нас летописный текст был неофициальным? Обработка текста Московского свода в Симеоновской и других летописях — несомненный факт, но для того чтобы понять характер этой обработки, нам нужно учесть не только дополнения, имеющиеся в Симеоновской и Воскресенской летописях, но и сокращения, которые обнаруживаются в этих летописях по сравнению с Московским сводом.

Особенно ясно характер этой обработки выступает при сопоставлении рассказа об Угре в Московском своде и в Симеоновской летописи. Рассказ об Угре в Симеоновской (как и в Новг. Хрон. и некоторых других летописях) в общем несомненно близок к рассказу Московского свода (и имеет те же расхождения с Типографской летописью, что и Московский свод): здесь также читается вступительная часть, подчеркивающая роль братьев и соучастие Казимира в походе Ахмата; нет здесь утверждений (характерных для Типографской), что единственной причиной отступления татар была божья помощь. Однако наряду с этим рассказ Симеоновской летописи имеет и ряд отличий от рассказа Московского свода. Здесь, например, ничего не говорится о том, как архиепископ Вассиан, по поручению Ивана III, уговаривал братьев князя помириться с ним, обещая им территориальные уступки (Калугу и Алексин—Андрею);² не рассказывается, как митрополит и другие лица, находившиеся в Москве, „молили“ Ивана III „стоять крепко за православное христианство“.³ Наиболее же ярко разница между Московским сводом и Симеоновской летописью обнаруживается в том месте рассказа, где идет речь об окончательном соглашении между Иваном III и братьями после ухода Ахмата. Вот как читается это место в обоих текстах:

¹ ПСРА, XXIV, стр. 202—203; XXIII, стр. 162. Ср.: К. В. Базилович. Новгородские помещики из послужильцев, Истор. зап., т. 14, 1945, стр. 70—71. Тучков и Ощеря упоминаются в рассказе Софийской II—Львовской (ПСРА, VI, стр. 230).

² ПСРА, XXV, стр. 326; Погод. 1409, л. 125 об. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 266.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 127. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 268.

Московский свод и сходные с ним летописи

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, прият их в докончание, князю Андрею Васильевичу Большому придал Можаяск, а князю Борису Васильевичу отступися сел его. И укрепишася крестным целованием разошася. Тое же зимы...¹

Симеоновская и сходные с нею летописи

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, прият их в докончание, князю Андрею Васильевичу Большому придал Можаяск, а князю Борису Васильевичу отступися сел его. Тое же зимы...²

Легко понять, что перед нами — не случайный пропуск, а очень значительное исправление текста: „крестное целование“ братьям было со стороны Ивана III серьезнейшей политической уступкой, уступкой, которую он сделал по крайней нужде, рассчитывая при первой возможности взять ее назад.

Чем же объясняется, что Московский свод (и сходные с ним летописи) сообщил об этой уступке (как и об обещаниях Ивана III братьям через Вассиана), а Симеоновская летопись (и сходные с ней) умолчала? Можем ли мы объяснить это более сочувственным отношением Московского свода к братьям Ивана III? Как мы видели, Московский свод самый поход Ахмата объяснял тем, что „братия отступиша от великого князя“; в этом своде говорилось даже, что хан выступил „по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса“. Следовательно, ни о каком сочувствии Московского свода братьям не может быть и речи.

Для того чтобы понять причину столь существенного расхождения между Московским сводом и Симеоновской летописью, необходимо обратиться к политической истории 90-х годов XV века. Договор 1481 года между Иваном III и братьями, скрепленный крестным целованием, просуществовал недолго. В 1491 году Иван III, как мы узнаем из того же Московского свода, „сложи с себя крестное целование брату своему Ондрею Васильевичу за его измену, что он изменил крестное целование, думал на брата своего старейшего з братью... да посылал грамоты свои к царю Ахмату Болише орды, приводя его на великого князя на Русьскую землю ратью“.³ Князь Андрей был арестован; удел его — Углицкое княжество — присоединен к Москве. Расторгнув договор 1481 года, Иван III позаботился и об изъятии самого текста этого договора. Как установил Л. В. Черепнин, при присоединении Углича все документы местного княжеского архива, включая и углицкий противень договора 1481 года (московский противень и без того был в Москве), были отправлены в Москву.⁴ Естественно было внести соответствующую поправку и в великокняжескую летопись; если прежде упоминание этой летописи о „крестном целовании“ братьям было констатацией неприятного, но бесспорного факта, то теперь напоминание о „целовании“ 1481 года становилось совершенно излишним.

Когда могло быть произведено интересующее нас изменение летописного текста? Конечно, после 1491 года, но едва ли сразу же, в момент присоединения Углича. В то время, когда Иван III открыто заявлял

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 328; Погод. 1409, л. 128 об. „Крестное целование“ есть и в рассказе Типографской летописи (ПСРЛ, XXIV, стр. 201).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 269; IV (старое издание), стр. 154; IV, ч. 1, вып. 2 (новое издание), стр. 524. В Соф. I Царск., несмотря на ее близость к Московскому своду, и Погод. 1409 „крестное целование“ пропущено (ПСРЛ, VI, стр. 35).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 333; Погод. 1409, л. 136 об.

⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М. — Л., 1948, стр. 214.

о снятии „крестного целования“, не стоило еще скрывать самый факт существования этого „крестного целования“. Должно было пройти некоторое (хотя бы небольшое) время, острота воспоминаний обо всех этих событиях должна была несколько притупиться, — только тогда могла появиться возможность для удаления ненужного и обидного для великого князя упоминания о „крестном целовании“ (а заодно и известия об обещаниях братьям в 1480 году).

Итак, Московский свод и Симеоновская летопись отражают, по нашему мнению, разные редакции официального великокняжеского свода: в Московском своде (и сходных с ним летописях) отразилась редакция начала 90-х годов XV века, в Симеоновской летописи (и сходных с нею) — редакция конца 90-х годов. Отсюда и характерные отличия между обоими летописными текстами. Отличия эти выражаются, с одной стороны, в удалении сводом конца 90-х годов ряда известий своего источника. Так, Симеоновская летопись последовательно опускает даже те весьма сдержанные (по сравнению с неофициальным летописанием) известия о репрессиях Ивана III в Новгороде, которые читаются в Московском своде: под 1480 годом здесь нет известия о заточении и смерти опального новгородского владыки Феофила;¹ под 1482 годом о „поймании“ группы новгородских бояр;² под 1484 годом — об аресте и высылке под Москву другой группы бояр, „которые коромолу держали от него“;³ под 1489 годом Симеоновская летопись ничего не сообщает о „выводе“ в Москву новгородских бояр и „житых людей“.⁴ Пропуски эти были, очевидно, обусловлены той же причиной, которая вызвала удаление „крестного целования“ из рассказа об Угре. Речь шла о весьма острых политических мероприятиях, вызывавших (как мы могли видеть из неофициального летописания) довольно широкую оппозицию. По этой же причине, можно думать, были удалены и некоторые известия из рассказа об Угре: о том, как Ивана III уговаривали в Москве выступить против хана, о вторичном отступлении его к Боровску и т. д.⁵

Сократив ряд известий своего источника, свод конца 90-х годов в то же время дополнял его такими известиями, которых в своде начала 90-х годов не было. В Симеоновской летописи, как мы уже отметили, читается ряд известий преимущественно международного политического характера, которых в Московском своде нет. Под 1481 годом здесь подробно рассказывается о войне с ливонскими нем-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 326; Погод. 1409, л. 125; ПСРЛ, VI, стр. 34—35 (Соф. I Царск.). Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 266.

² ПСРЛ, XXV, стр. 329; Погод. 1409, л. 130. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 269; IV (старое издание), стр. 155. В Соф. I Царск. этого известия нет (ПСРЛ, VI, стр. 35).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 131; ПСРЛ, VI, стр. 36. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 270; IV (старое издание), стр. 155; ПСРЛ, XXIV, стр. 204 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁴ В Московском своде здесь утерян лист. См.: Погод. 1409, л. 134; ПСРЛ, VI, стр. 37. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 272; IV (старое издание), стр. 157; ПСРЛ, XXIV, стр. 206 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 327—328; Погод. 1409, л. 127—128. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 268—269. Заслуживает внимания еще один пропуск свода конца 90-х годов — невмешательство Казимира здесь не мотивируется тем, что „тогда бо воева Минли Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю“ (см. там же; это известие есть и в Типографской летописи: ПСРЛ, XXIV, стр. 200). Известие о походе Менгли-Гирея на Подолию не связывается в Симеоновской и сходных с нею летописях со стоянием на Угре [ПСРЛ, IV (старое издание), стр. 155; IV, ч. 1, вып. 2 (новое издание), стр. 254 и т. д.]; оно приводится по окончании рассказа об Угре. Эта поправка, может быть, отражает некоторое изменение в русско-крымских отношениях в конце 90-х годов.

цами;¹ под 1490 годом — об отъезде брата Софии Палеолог, Андрея, о посольстве „в Волохи“ в Молдавию;² под 1491 годом — о новых сношениях с Молдавией;³ под 1492 годом — о переписи в Твери, приезде императорского посла, о сношениях с Молдавией и Крымом, и т. д.⁴ И это отличие, на наш взгляд, вполне объяснимо. История летописания (начиная уже с „Повести временных лет“) знает ряд случаев дополнения летописного свода задним числом на основе вновь привлеченных архивных материалов. В данном случае источник таких дополнений ясен: это — „Посольские дела“, привлечение которых для пополнения летописи становится с конца XV века все более частым явлением.⁵ В конце 90-х годов, в момент, когда Русское государство вступало в новую войну на западе, сопровождавшуюся сложной дипломатической подготовкой, естествен был интерес к дипломатии предшествующих лет (в частности, к сношениям с Молдавией, игравшей важную роль в русско-литовской борьбе). Не менее понятно включение рассказа о столкновении с ливонцами в 1481 году: в конце XV — начале XVI века военные действия против Ордена опять возобновились.

* * *

Симеоновская летопись представляется нам наиболее близким отражением великокняжеского свода конца 90-х годов XV века. Этот свод отразился (с рядом дополнений и наслоений) и в более поздних летописях XVI века — Софийской II — Львовской (начиная с 6998—1490) и Воскресенской. Тот же свод, как мы можем предполагать, лег в основу нескольких летописей, не имеющих официального характера. Это — Новг. Хрон. (и близкие к ней летописи) и дополнительный текст Типографской летописи.

Новгородская летопись, сохранившаяся в Хронографическом списке начала XVI века,⁶ довольно сложна по своему составу. В своей основной части это летопись, действительно, новгородская: текст ее от начала до 1446 года совпадает с текстом ряда списков Новгородско-Псковской летописи и представляет собой, по определению Шахматова, так называемую Новгородскую V летопись (соединение Новгородской I и Новгородской IV летописей).⁷ Но после 1446 года в Хронографическом списке следует уже известный нам текст летописи, отразившейся также в списке Погод. 1409 и в Соф. I Царск. (летопись, связанная с Федором Басенком). Используя эту несомненно московскую (общерусскую) летопись, Хронографический список не только не добавляет к ней новгородских известий, но, напротив, опускает целый ряд фактов из новгородской истории, которые в этой летописи читались. Так, известие 6984 (1476) года о походе Ивана III на Новгород здесь значительно сокращено (пропущено сообщение об аресте бояр); под 1477—1478 годом здесь не только нет пространных известий об окончательном присоединении Новгорода (читающихся в Погод. 1409 и

¹ ПСРЛ, XVIII, стр. 269. В Московском своде есть известие (краткое) о походе на ливонцев под 1483 годом (ПСРЛ, XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 130 об.).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 273; IV (старое издание), стр. 157 (отъезда Андрея — нет).

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 274; IV (старое издание), стр. 159—160; ПСРЛ, XXIV, стр. 208 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁴ ПСРЛ, XVIII, стр. 275—276.

⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи... стр. 354—355.

⁶ ГИМ, Син. 280. Старое издание: ПСРЛ, IV, 1848; новое издание (только начало): ПСРЛ, IV, ч. 2, 1917 (описание рукописи — стр. II—III).

⁷ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 196—207.

Соф. I Царск.), но вообще нет ни слова об этом событии.¹ После 1479 года в Новг. Хрон. следует текст официального свода конца XV века, но не в редакции начала 90-х годов (как в Погод. 1409 и с некоторыми видоизменениями — в Соф. I Царск.), а в такой же редакции, как в Симеоновской: здесь опущено известие о „крестном целовании“ в 1481 году; не упоминается о репрессиях против новгородских бояр в 1482, 1484 и 1489 годах (но о смерти под арестом владыки Феофила упоминается);² включены зато известия о сношениях с Молдавией.³

Однако наряду с чертами, свойственными своду конца 90-х годов в целом, Хронографический список Новгородской летописи имеет ряд специфических особенностей, заслуживающих особого внимания с нашей стороны. Здесь нет, например, истории смерти сына Ивана III — Ивана Ивановича (неудачное лечение его лекарем Леоном, казнь Леопа).⁴ Иначе, чем во всех современных ему летописях (конца XV — начала XVI века), излагает Хронографический список известие 6999 (1490—1491) года о разгроме новгородской ереси. Как свод начала 90-х годов (Московский свод, Погод. 1409, Соф. I Царск.), так и свод конца 90-х годов (Симеоновская летопись и ряд сходных с ней) ограничиваются в данном случае относительно кратким сообщением о том, как, после назначения Зосимы митрополитом, был собран собор на еретиков (перечисленных поименно) и их „от святых церквей отлучиша и в заточенье их разошлеша“.⁵ В Хронографическом списке Новгородской летописи использовано то же известие (основная часть его дословно совпадает с Московским сводом, Симеоновской и др.), но оно значительно расширено. Здесь содержится не только перечисление еретиков, но и подробное изложение их учений; пространнее изложен и приговор еретикам; заключительная часть известия придает ему характер цельного рассказа: великий князь и митрополит, наказав еретиков, „чистую и непорочную православную веру ясне утвердиша, и прославиша святую троицу в едином божестве... сердцем и усты исповедающе в веку, аминь“.⁶

Что представляет собой это известие? А. А. Шахматов видел в рассказе о соборе 1490 года Хронографического списка (повторенном и Воскресенской летописью) официальный текст соборного приговора. Источником его, по мнению Шахматова, должна была быть официальная летопись.⁷ Если бы мы приняли это предположение, то нам не только пришлось бы отказаться от взгляда на Московский свод и Симеоновскую летопись как на отражение официального летописания, но и предположить, что уже через несколько лет после собора, в 90-х годах XV века (когда были созданы Московский свод и летопись, сохранившаяся в списке Погод. 1409), официальный рассказ, содержащийся в Хронографическом списке, был подвергнут значительному сокращению, и именно эта сокращенная версия попала в большинство летописей. Однако предположение Шахматова опровергается весьма просто: до

¹ ПСРА, IV (старое издание), стр. 152. Ср.: Погод. 1409, лл. 122 об.—124; ПСРА, VI, стр. 33.

² См. стр. 174, примеч. 4—5; стр. 175, примеч. 2—3. О смерти Феофила см.: ПСРА, IV (старое издание), стр. 152.

³ ПСРА, IV (старое издание), стр. 157, 159, 160.

⁴ ПСРА, IV (старое издание), стр. 157.

⁵ ПСРА, XXV, стр. 331—332; Погод. 1409, л. 135—135 об.; ПСРА, XVIII, стр. 273—274; VI, стр. 38; XXIV, стр. 207 (дополнительный текст Типографской летописи). Ср. также: ПСРА, VI, стр. 240; XX, ч. 1, стр. 355.

⁶ ПСРА, IV (старое издание), стр. 158—159.

⁷ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись... стр. 501.

нас дошел настоящий текст соборного приговора 1490 года (изданный в 1902 году и неизвестный Шахматову в период написания его статьи),¹ и мы имеем возможность сравнить его с рассказом Хронографического списка. Между обоими текстами не только не обнаруживается сходства, но имеются принципиальные расхождения, например в описании „неподобных дел еретиков“ (в Хронографическом списке еретикам приписывается взгляд на Христа как на пророка, подобного Моисею, празднование иудейской „фаски“; в официальном приговоре этого нет).

В Хронографическом списке до нас дошел, таким образом, отнюдь не официальный рассказ о соборе 1490 года. Но вместе с тем рассказ Хронографического списка обличает в составителе летописи если не хорошее знание предмета, то во всяком случае большой и специальный интерес к новгородской ереси конца XV века. Что же представляет собой эта летопись? Ответ на это дают, по нашему мнению, другие дополнения, обнаруживающиеся в Хронографическом списке при сравнении с остальными источниками. Не только известие о соборе 1490 года подверглось распространению в этом списке — известие о назначении Зосимы митрополитом здесь также дополнено. Автор считает нужным сообщить читателю, что по этому случаю „ноугородцкый архиепископ Геннадей прислал грамоту, к братии своей архиепископам и епископам, глаголя: благословен господь бог еже восхождет“ — далее следует весь текст грамоты Геннадия. Под тем же годом, после известия о соборе в Московском своде, Симеоновской и других летописях сообщается о поставлении епископа Коломенского Авраамия. Новг. Хрон. и здесь спешит сделать дополнение: „...а Ноугородцкый архиепископ Геннадей, — прибавляет она, — грамоты своя полныя не послал на его поставление“.² И, наконец, под тем же 1490 годом мы читаем еще одно добавление, хотя и не посвященное новгородскому архиепископу Геннадию, но тоже относящееся к Новгороду: о „знамени в Новгороде в Великом“.³

Как и большинство новгородских летописей, Новгородская V летопись была, повидимому, связана с новгородским архиепископским двором. Приведенные наблюдения позволяют прийти к выводу, что в Хронографическом списке этой летописи тоже содержится владычный свод — свод владыки конца XV века, Геннадия. Именно Геннадий, заклятый враг новгородских еретиков, мог озаботиться о расширении известия о соборном приговоре 1490 года. Именно в своде Геннадия, близкого сподвижника и союзника Иосифа Волоцкого, весьма естественно увидеть такую киноварную приписку к известию о смерти Пафнутия Боровского (1477): „тое же весны почал монастырь ставити старец Иосиф на Волоце“.⁴

Предположение, что Хронографический список Новгородской летописи представляет собой свод архиепископа Геннадия (или его непосредственное отражение), вполне удовлетворительно объясняет и состав этого свода. Московский ставленник в Новгороде, Геннадий, должен был считаться с политической великой князя; он не хотел рвать и с местной феодальной верхушкой. Вплоть до середины XV века летописец его следовал местной новгородской летописи. Но излагать события второй половины века — времени присоединения Новгорода — по новго-

¹ Чтения ОИДР, 1902, кн. III, отд. II, стр. 123—124.

² ПСРА, IV (старое издание), стр. 157—159.

³ ПСРА, IV (старое издание), стр. 159.

⁴ ПСРА, IV (старое издание), стр. 152, примеч. „д“.

родским источникам, враждебным Москве, было невозможно; составитель перешел на московскую неофициальную летопись, выпуская и из нее острый для новгородского читателя материал (излагать этот материал в московском духе он тоже не хотел). И, наконец, в последней части летописец взял московский официальный свод, соответственно его дополнив.

Следы этой же летописи Геннадия мы обнаруживаем и в составе новгородского свода 1539 года, дошедшего до нас в Новгородской IV летописи по списку Дубровского, в отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, в так называемой Ростовской летописи и в одном из списков Никоновской летописи.¹ Текст этого свода с 1480 по 1491 год совпадает с Хронографическим списком — не только теми чертами, которые сближают этот список со сводом конца 90-х годов XV века вообще, но и теми особенностями, которые присущи специально Хронографическому списку (отсутствие подробностей гибели Ивана Ивановича и т. д.).² Под 6999 (1490—1491) годом мы читаем здесь те же известия, что и в Хронографическом списке: пространный рассказ о соборе 1490 года, несогласие Геннадия на поставление коломенского епископа, знамение в Новгороде и т. д.³

Летопись Геннадия отразилась, по нашему мнению, и в составе неизданной Вологодско-Пермской летописи. В основе ее, как показал Шахматов, лежит Московский свод 1472 года;⁴ последующий текст 1472—1479 годов близок здесь к своду 1479 года,⁵ но несколько сокращен по сравнению с ним. Под 1480—1483 годами в Вологодско-Пермской летописи читаются известия (стояние на Угре, поход Менгли-Гирея на Киев), не совпадающие с известными нам летописями и восходящие к неизвестному, но явно неофициальному источнику: яснее всего об этом говорит трактовка похода Менгли-Гирея на Киев как несчастья, происшедшего „грех ради наших“ (в отличие от приведенной выше официальной трактовки этого события как справедливого возмездия польскому королю).⁶ Текст Вологодско-Пермской летописи за 1483—1496 годы (после повторения 1483 года) явно восходит к двум источникам: местному и общерусскому.⁷ Источником местных известий Вологодско-Пермской летописи была какая-то севернорусская летопись, связанная, скорее всего, с епископом пермским Филофеем.

Но что представлял собой общерусский источник Вологодско-Пермской летописи? Сопоставляя его с уже известными нам летописями, мы обнаруживаем в нем характерные черты свода конца 90-х годов и именно той его редакции, которая ведет к предполагаемой летописи архиепископа Геннадия (подробности, связанные с Геннадием, собором 1490 года и т. д.).⁸

¹ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, л., 1925, стр. 490—536; VI, стр. 277—315; XII, стр. 263 и сл. См. также: А. А. Шахматов. О так наз. Ростовской летописи. М., 1904, стр. 67—162 (текст) и 50—66 (исследование).

² ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 516 (смерть Феодила — „Феодосия“), 524 (дата женитьбы Ивана Ивановича — 12 I вместо 16 I), 527 (смерть Ивана Ивановича).

³ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 528—530 (нет только грамоты Геннадия о поставлении Зосимы).

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 346—354.

⁵ Ср.: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. Проблемы источниковедения, III, 1940, стр. 230—231.

⁶ БАН, 16.8.15, л. 281.

⁷ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи, стр. 231—233.

⁸ БАН, 16.8.15, лл. 297—297 об. (здесь же — подробное сообщение о смерти Мамырева; ср.: ПСРЛ, IV, стр. 157), 298—302.

Свод конца 90-х годов отразился и в дополнительном тексте Типографской летописи. Основной текст этой летописи, доходящий до 1484 года, представляет собой, как мы знаем, неофициальный свод, связанный с Ростовом. Текст этот совпадает в обоих списках летописи — Типографском и Толстовском. После 1484 года совпадение между списками кончается, и в Типографском списке начинается новый, дополнительный текст — с 1482 по 1534 год. Дублировка двух годов (1482—1483) в Типографском списке, так же как отсутствие соответствующего текста 1482—1534 годов в Толстовском списке, — все это говорит о механическом присоединении дополнительного текста Типографского списка к основному тексту. С 6990 (1482) по 7002 (1494) год дополнительный текст Типографской летописи почти дословно совпадает с текстом Симеоновской и близких к ней летописей.¹ Но дальше в дополнительном тексте Типографской летописи обнаруживается все большее количество оригинальных известий. Под 7006 (1498) годом здесь читается совершенно уникальное (хотя, к сожалению, дефектное) сообщение о введении Иваном III нового судебника, а вслед за ним — рассказ о том, как великий князь просил у митрополита и епископов прощения „о своем брате Андрее Васильевиче, что своим грехом, неосторожною, его уморил“.²

Что представляла собой летопись, отразившаяся в заключительной части Типографского списка, — сказать трудно. А. А. Шахматов видел в ней углицкую летопись,³ А. Н. Насонов — митрополичью летопись начала XVI века.⁴ Последнее предположение представляется нам мало убедительным: в основе дополнительного текста Типографской лежит свод конца 90-х годов XV века — свод, глубоко отличный от обнаруженного А. Н. Насоновым промитрополичьего источника Софийской II—Львовской (читающаяся в дополнительном тексте Типографской официозная версия похода Менгли-Гирея на Киев совпадает с Московским сводом и резко противоречит приведенному выше рассказу Софийской II—Львовской о „пакостях“ хана); в оригинальной части дополнительного текста Типографской также нет никаких известий, связанных с митрополичьей кафедрой: о назначении в 1496 году митрополитом Симона здесь сообщается кратко и весьма небрежно — „възведен бысть на двор митрополичь игумен Троецкой Симон Чиж, и нарекоша его митрополитом“.⁵ Несомненно одно: дополнительный текст Типографской летописи — неофициальная летопись, использовавшая официальный свод конца 90-х годов XV века.

¹ См. стр. 174, примеч. 3—4; стр. 175, примеч. 3. В дополнительном тексте Типографской летописи читается также известие о переписи в Твери в 7000 (1491) году, отсутствующее в Новг. Хрон. (ПСРА, XXIV, стр. 209). Только одно известие 6997 (1489) года о поставлении ростовского архиепископа Тихона (ПСРА, XXIV, стр. 205—206) не находит себе соответствия в других летописях.

² ПСРА, XXIV, стр. 213—214.

³ А. А. Шахматов. Обзорные... стр. 299—300. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. II, стр. 293—294.

⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 722—723. А. Н. Насонов ссылается на наблюдение А. А. Шахматова, согласно которому эта часть Типографской летописи „основывается на каком-то особенном московском своде, который, между прочим, имеет общий протограф с Львовской и Софийской 2 летописями“. Однако у Шахматова идет речь о совпадении текста 6997—7002 (1489—1494) годов (ср.: А. А. Шахматов. Обзорные... стр. 299), т. е. той части текста, которая в Софийской II—Львовской совпадает с Симеоновской и другими летописями, отражающими официальный свод конца 90-х годов XV века; причем сходство между Типографской и Софийской II—Львовской на этом отрезке не больше, чем сходство каждой из этих летописей с Симеоновской и другими.

⁵ ПСРА, XXIV, стр. 213—214.

* * *

К какому году может быть приурочено составление свода, условно названного нами сводом конца 90-х годов XV века? На каком годе оканчивалось изложение этого свода? Ответ на этот вопрос несколько затрудняется тем обстоятельством, что Симеоновская летопись, которую мы можем считать наиболее близким отражением этого свода, не имеет конца, — текст ее оканчивается первым известием 7002 (конец 1493) года; на 7004 (конец 1495) годе обрывается изложение Хронографического списка Новгородской летописи. Все остальные летописи, содержащие текст этого свода, относятся уже к значительно более позднему времени: текст их продолжен до начала или даже до середины XVI века. Тем самым затрудняется не только определение границы свода конца XV века, но и установление последних частей текста этого свода: конец XV века был временем ожесточенной политической борьбы; борьба эта продолжалась и в начале следующего, XVI века, — текст летописи, отражающей эту борьбу, естественно, мог подвергнуться переделке уже через несколько лет. Это относится, в частности, к обстоятельству борьбы за престол в конце княжения Ивана III: в 1498 году Иван III наложил опалу на своего сына Василия (и его мать Софию Палеолог) и назначил наследником внука — Дмитрия. В 1499 году Василий был прощен, но еще несколько лет, у власти оставался Дмитрий. В летописях XVI века мы не находим ни слова в объяснение опалы Василия — здесь говорится лишь о несправедливой опале Ивана на жену и сына „по дьяволю действу“.¹ Ясно, что перед нами — более поздняя версия, возникшая уже тогда, когда Василий вернулся к власти — стал наследником или, еще скорее, великим князем (после 1505 года). К счастью, однако, до нас дошел летописный отрывок, дающий иную, явно более раннюю, версию политических событий конца XV века. Этот отрывок сохранился в составе уже упомянутого новгородского свода 1539 года (список Дубровского, отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, так называемая Ростовская летопись и один из списков Никоновской летописи), содержащего с 1480 по 1491 год текст летописи, сходный с Новг. Хрон. Но после 1491 (6999) года текст, совпадающий с Хронографическим списком, прерывается, и далее следуют известия из какого-то другого источника за годы 1498—1500 (7006—7008), под ошибочными датами 7000—7001 (ошибка эта, как убедительно показал А. Шахматов, вызвана тем, что переписчик принял начальные слова „в лето 7000 шестаго, декабря“ за „в лето 7000, шестаго декабря“).² После этого случайного отрывка известий 1498—1500 годов вновь приводятся известия 7001 (1493) и следующих годов, но уже по какой-то новгородско-псковской летописи. Сопоставление летописного отрывка, сохранившегося в своде 1539 года, с известиями 1498—1500 годов в Соф. I Царск., Воскресенской и других летописях XVI века обнаруживает любопытную разницу между ними. В основе всех этих летописей несомненно лежит один и тот же рассказ о событиях 1498—1500 годов (известия 1498—1499 годов в нескольких местах текстуально совпадают; текст известия о войне 1500 года сходится на большем протяжении). Но тракуются события этих лет в отрывке, сохранившемся в своде 1531 года, иначе, чем

¹ ПСРЛ, VI, стр. 43, 241; VIII, стр. 234.

² ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 530—533; XII, стр. 263—265. Ср.: ПСРЛ, VI, стр. 279 (здесь — „7006 декабря“); А. А. Шахматов. О так наз. Ростовской летописи, стр. 82—87, ср. стр. 55.

в остальных летописях: в отрывке объясняется причина опалы Василия и Софии, сообщаются подробности заговора сторонников Василия: „чтоб князю Василью от отца своего отъехати великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем Дмитрием над внуком израда учинити“, отмечается и подозрительная роль Софьи, с которой после этого Иван III „начат жити в бережении“. В отрывке, правда, сообщается и о том, как в следующем, 1499 году „князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал“, но это пожалование трактуется именно как прощение „вины“; самый факт „вины“ Василия остается вне сомнений.

Такая трактовка событий конца XV века помогает нам правильно определить характер и время составления летописи, отрывок которой сохранился в составе свода 1539 года. Близость текста отрывка (кроме процитированных мест о Василии III) к официальному летописанию XVI века, так же как пространнейший рассказ о военных действиях против Литвы, читающийся в отрывке под 1499—1500 годами, — все это дает основание предполагать, что перед нами фрагмент из официальной летописи. Текст отрывка заканчивается описанием блестящей победы русских (в июле 1500 года) на реке Ведрошь и перечислением пленных. Следует ли видеть в этом окончании случайный обрыв или летопись, лежащая в основе свода 1539 г., действительно кончалась на 1500 год? Нам представляется более вероятным второе предположение. Трактовка опалы Василия в 1497—1498 годах, как заслуженного наказания за „вину“, могла иметь место в официальной летописи только до 1500—1502 годов (когда Дмитрий был лишен звания великого князя Московского и всея Руси и наследником стал Василий).¹ В своде 1539 года до нас дошел, очевидно, фрагмент официальной летописи 1500 года.

Таким образом может быть, по нашему мнению, уточнена дата свода конца 90-х годов XV века. Протограф Симоновской летописи, дающей наиболее близкое отражение этого свода, обрывался на 7002 (1494) годе, но читающийся в начале этой летописи список иерархов и князей говорит о том, что протограф ее относился к 1498—1502 годам.²

Великокняжеский свод 1500 года, обработавший более ранний свод начала 90-х годов XV века и оказавший влияние на ряд неофициальных летописей конца XV—начала XVI века, недолго просуществовал в неизменном виде. Вступление на престол Василия III неизбежно должно было привести к удалению из официальной летописи всего материала, неугодного правящему князю. Уже в первые годы княжения Василия была создана новая редакция великокняжеской летописи, сменившая свод 1500 года.³

¹ В большинстве летописей сообщается об опале на Дмитрия и назначении наследником Василия под 1502 годом (ПСРЛ, VI, стр. 48), но произошли эти события, очевидно, несколько раньше. Найденное нами сообщение краткого летописца относит окончательную победу Василия к 1500 г. (Я. С. Лурье. Первые идеологи Московского самодержавия. Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, стр. 99—100); дата эта подтверждается документальными источниками (АСЭИ, т. 1, М., 1952, стр. 542, 549—550).

² Последним князем здесь именуется „Дмитрий сын Елены Волошанки“ (1498—1502). Ср. упоминание в списке иерархов — митрополита Симона (поставлен в 1495 году) и епископа Коломенского Авраамия (1490—1501); см.: ПСРЛ, XVIII, стр. 22—24. Ср.: А. А. Шахматов. Симоновская летопись. . . , стр. 455. Самый список Симоновской летописи — середины XVI века (судя по водяным знакам и одному дополнению в списке иерархов).

³ Существование этой редакции удостоверяется списком Царского Софийской I летописи, изложение которого доведено до 1509 года (ПСРЛ, VI, стр. 54). Однако

* * *

Предложенная выше характеристика летописных сводов конца XV века может, на наш взгляд, иметь существенное значение при использовании этих сводов в качестве исторического источника. Основной материал как по политической истории, так и по истории общественных движений этого периода содержится именно в разобранных летописях; исследователю этого материала, оценивающему то или иное известие, необходимо знать, что представляет собой в целом свод, содержащий данное известие. Однако летописи конца XV века являются не только источником по истории идеологической борьбы. Летописи вместе с тем и сами были фактом этой борьбы. Сопоставление различных по своим тенденциям общерусских сводов одного периода помогает увидеть в них публицистические памятники — ту самую публицистику конца XV века, которой так не хватает историкам этого периода. Правда, летописи — довольно своеобразный памятник публицистики. Свое мировоззрение летописцы выражали не в обобщенной форме, не в форме определенных идей, а в изложении фактов политической истории. Именно оценка этих фактов (резко расходящаяся в разных летописях) и давала возможность летописцу выступить в качестве публициста, идеолога той или иной группы.

Как и публицистические памятники XVI века, летописные своды конца XV века гораздо охотнее и шире уделяют внимание внутриклассовой борьбе, нежели борьбе между классами. Голос представителей угнетенных классов не получил непосредственного отражения ни в одной из разобранных летописей, — все они так или иначе отражают позиции господствующего феодального класса (некоторое отражение настроений посадских кругов можно, пожалуй, обнаружить только в одной из местных летописей — Псковской).¹ Феодальные (в широком смысле слова) тенденции официального летописания этого периода достаточно ясно обнаруживаются в рассказах о борьбе за Новгород, читающихся в сводах 1472 и 1479 годов. Падение Новгородской феодальной республики было исторически неизбежным событием; главным противником присоединения к Москве было реакционное боярство. Это обстоятельство с достаточной ясностью подтверждается новгородскими источниками. Последняя из летописей, относящихся ко времени новгородской самостоятельности, говорит о том, что „рать“ с Москвой „зачинали лучшие люди“; а „молодые люди“ во время Шелонской битвы 1471 года „вопили“ на „больших“ и отказывались идти в бой.² Об этом же свидетельствует один из разобранных выше неофициальных общерусских сводов: в Типографской летописи, отражающей, как мы предполагаем, Ростовский владычный свод, прямо говорится, что в 1471 году „земстии люди“ были на стороне великого князя.³ Но московская летопись XVI века, использовавшая рассказ Типографской, опустила место о сочувствии „земских людей“ великому князю.⁴ Официальные московские

в основе Соф. I Царск. лежит в значительной степени не свод 1500 года, а свод начала 90-х годов XV века (см. выше, стр. 166—175).

¹ Имеем в виду, например, сообщение Псковской I летописи под 1510 годом (Псковские летописи. М.—Л., 1941, стр. 96—97).

² ПСРЛ, IV (старое издание), стр. 127—128.

³ ПСРЛ, XXIV, стр. 189.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 191 (в Львовской этот рассказ отсутствует; очевидно, в своде 1488 года он не читался). На наличие этого места в Типографской и отсутствие его в Софийской II обратила внимание И. В. Лепко в диссертации „Летописи о падении Новгорода“ (Л., 1941), но не дала, на наш взгляд, правильной оценки этому факту (там же, стр. 83, примеч. 3).

своды конца XV века изображают расстановку сил в Новгороде совершенно иначе, чем не-московские летописи. Московская великокняжеская летопись исполнена аристократического презрения к „смердам, убийцам, шилникам и прочим безименитым мужикам“. С глубоким негодованием сообщает она о том, что этот „безименитый“ народ, собравшийся на вече, новгородцы, по своей глупости „государем зовут себе, Великим Новымгородом“. Вопреки приведенным выше источникам, московский официальный летописец утверждает, будто именно „худые мужики вечники“ (в противовес „лучшим людям“) были социальной опорой анти-московской партии.¹

В общерусских сводах отражается идеология господствующего класса феодалов, но отражается со всей присущей ей сложностью и противоречивостью. К концу XV века образование Русского централизованного государства стало фактом; против образования этого государства, против присоединения к Москве отдельных земель и княжеств не выступает ни одна из разобранных выше неофициальных общерусских летописей.²

Но если вопрос об образовании Русского государства уже не вызывал споров в летописании конца XV века, то вопрос о внутреннем строе этого государства, о политике его главы — „государя всея Руси“ — оказывался достаточно спорным. В Типографской летописи мы встречаемся лишь с осторожным осуждением отдельных сторон великокняжеской политики — репрессий в Новгороде (после 1479 года), недостаточно решительной тактики Ивана III в 1480 году. Свод, связанный с Федором Басенком, легший в основу Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, идет дальше. Последовательное и злорадное высмеивание военных неудач великокняжеских войск, ироническое описание московской политики в Ярославле, наконец прямое выражение возмущения в связи с расправой над серпуховскими боярами — все это говорит о том, что определенная часть московского боярства (чьи интересы, повидимому, защищал свод) уже к началу 70-х годов стала становиться в оппозицию к великому князю, нащупывая пути сближения с недовольной местной знатью. Еще яснее говорят об этом известия свода 1489 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской. Движимые враждой к великокняжеской власти, сторонники митрополита Геронтия заходили весьма далеко: в своде 1489 года мы встречаем прямые выражения сочувствия мятежному князю (братья Ивана III) и местному (тверскому и новгородскому) боярству; обращаясь к недавнему прошлому московских великих князей, летописец прямо обвиняет Василия II в отравлении Шемяки³ и прозрачно намекает на то, что первая жена Ивана III „тверянка“ была отравлена ближайшими советниками великого князя.⁴ Свод этот, как мы видели, выступал и против внешней политики великого князя (союз с Менгли-Гиреем и т. д.).

В большинстве случаев нам трудно уловить прямую полемику между различными летописцами (до нас ведь дошли не летописные своды конца XV века, а лишь их отражение, да и то в неполном и случайном виде). Однако сохранившиеся в летописании параллельные (и резко раз-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 284—286.

² В Ермолинской летописи, как отметил Шахматов, читается даже (чуть ли не впервые в русской письменности) необычное именование московского великого князя „православным великим осподарем, во всей подсолонечной сущим“ (ПСРЛ, XXIII, стр. 157; ср.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 10).

³ ПСРЛ, XX, стр. 262, в Софийской II известия за этот год (и за весь период 6955—6961 годов) заимствованы из Московского свода (ПСРЛ, VI, стр. 180; ср.: ПСРЛ, XXV, стр. 273).

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 186; XX, стр. 277.

личные по тенденциям) тексты некоторых рассказов (например о походе крымского хана Менгли-Гирея на Киев) дают основание утверждать, что ряд вопросов идеологии Русского централизованного государства был уже поднят в летописании конца XV века. Борьба за образование этого государства велась, как известно, в значительной степени под религиозными лозунгами — под лозунгами борьбы за православную веру против всевозможных „нехристей“. Такова была идеология литературных памятников, связанных с Куликовской битвой 1380 года; такова была идеология „Послания на Угру“ Вассиана. Но сослужив важную службу в борьбе за образование Русского государства, эта идеология к концу XV века стала представлять некоторые неудобства. Северо-Восточная Русь была объединена, но Западной Руси еще долго предстояло оставаться вне Русского государства. Начиналась длинная цепь войн против Польско-Литовского государства, войн, которые неизбежно приходилось вести на западнорусских, православных землях. Столь же неизбежны были и военные союзы против Литвы с „нехристями“, в первую очередь с Крымским ханом. Враги централизованного государства очень хорошо понимали трудность положения, в которое попадал, таким образом, „православный великий осподарь“: близкий к митрополиту летописец недаром с явным издевательством рассказывал о том, как „нехристь“ Менгли-Гирей, святотатственно разграбив Печерский монастырь и святую Софию, поделился своими боевыми трофеями с великим князем. Официальный летописец должен был найти достаточно веский ответ на это и подобные ему замечания. И он нашел такой ответ. Он и не думал отрицать, что поход Менгли-Гирея был предпринят „по слову великого князя“. Да, но поход этот был не „злойбой“, не „пакостью“, а справедливым возмездием „за неисправление королевское, что приводил царя Ахмата Болшия Орды... а хотя разорити православное христианство“.

Ягеллоны — худшие, более коварные враги христианства, чем прямые нехристи. Этой концепции, выдвинутой официальным летописанием конца XV века, предстояло в последующий период большое будущее. „Горее бесермен на противку богови востали есте“, — писал Грозный (от имени одного из своих бояр) литовскому воеводе Хоткевичу.¹ В послании к Курбскому он так оправдывал свои войны на западе: „Аще ли наш глаголеши воюющих на кристьян, еже на германы и литаоны — и несть сие. Аще бы и кристьяне были в тех странах, и мы их воюем по прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многажды случалося; ныне же вемы, в тех странах несть кристьян“.²

Если московский великокняжеский летописный свод конца XV века предвосхищал, таким образом, темы официальной публицистики XVI века, то настроения оппозиционных летописцев во многих отношениях могут быть сопоставлены с настроениями их собратьев — публицистов реакционно-боярского лагеря. Характерной чертой боярской публицистики был ее своеобразный оборонительный характер: не решаясь призывать к восстановлению феодальной раздробленности, не имея собственной положительной программы, которую можно было бы противопоставить программе укрепления централизованного государства, боярские реакционеры становились в позу защитников обиженных подданных от несправедливого гнева государя. К „кротости“ по отношению к „подручникам“, „вельможам и прочим слугам“ призывал молодого Ивана IV

¹ Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, стр. 269.

² Там же, стр. 11.

Максим Грек, уверяя его, что „последние царие“ Византии погибли именно потому, что „хищаху неправедне имена подручников, презираху свои бояры“.¹ „Почто, царю, сильных во Израиле побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертями расторгл еси... и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от веки муки и смерти и гоненья умыслил еси. ? Чем провинили пред тобою и чем прогневали тя. ?“, — вопрошал Курбский в первом послании Ивану Грозному.²

Эта же тема проходит через оппозиционные своды конца XV века. „Недостойно быше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати в святой великий пост“, — рассказывает летопись, связанная с Ф. Басенком, описывая казнь серпуховских бояр в 1462 году. Промитрополичий свод 1489 года с большой тщательностью подбирает всевозможные примеры жестокости и несправедливости великого князя: тут и „обиды“ тверским боярам, и репрессии в Новгороде, и казни отдельных лиц. Особенно выразительны в этом отношении известия 6996 (1488) года — предпоследнего года свода. Перед нами как бы цельный рассказ о всевозможных казнях, репрессиях и несправедливостях великого князя. И завершается этот мрачный год зловещим предсказанием юродивого: „горети Москве на велик день“, — предсказанием, которое сбывается спустя некоторое время вопреки недоверию Ивана III.³

Летописание конца XV века перекликается с публицистикой XVI века не только по своей тематике. Poleмические приемы летописцев конца XV века тоже в значительной степени предвосхищали poleмические приемы их преемников.

Одним из излюбленных приемов русских публицистов была ирония, язвительная насмешка. Прием этот мы находим и у летописцев конца XV века, особенно в своде, который мы условно связываем с Федором Басенком. Блестящим образцом иронического стиля можно считать, например, место о ярославских чудотворцах, лучше всего сохранившееся в Ермолинской летописи. Начав с невинно-благочестивого заявления, что от гробов новых чудотворцев начало „прощати (исцелять) множество людей“, автор затем дерзко играет словами, говоря, что чудотворцы не принесли добра ярославским князьям: „простили ся они со своими вотчинами на век“, и доходит до прямого кощунства, объявляя самым „новым чудотворцем“ посланного Иваном III в Ярославль „Ивана Огафоновича Сущего, созиратая ярославской земли“ — „а иных его чюдес множество не мощно описати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дьяшос (дьявол)“. Такой дерзкой иронии мы не найдем, пожалуй, даже у публицистов XVI века, хотя некоторые аналогии к этому месту встречаются. Вспомним, например, ответ Вассиана Патрикеева митрополиту Даниилу: „То ведает бог, да ты со своими чудотворцами“, и шутку Ивана Грозного по адресу „чудотворца“ Кирилла, который оказывается в худшем положении, чем опальные бояре: „Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцем нет. Воротыньский в церкви, а чюдотворец за церковью! И на Страшном спасове судищи Воротыньский да Шереметев выше станут: потому Воротыньский церковью, а Шереметев законом, что их кирилова крепче“.⁴

Исполнены иронии и рассказы о военных неудачах в том же летописном своде. Продажного воеводу Беклемишева автор издевательски

¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 167, 184, 351.

² Послания Ивана Грозного, стр. 534.

³ ПСРА, VI, стр. 238; XX, стр. 353.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 173.

именует „человеком на рати вельми храбрым“ (тут же описывая его скандальное поведение). Неудачная попытка захватить татар врасплох описывается так: „Некто уноша именем Айдар, постелник великого князя, наполнился духа ратна, и не отпустя их (татар) нимало от судиа и кликну на них, они же устрашишася и вметашася в суды и побегоша на Волгу; в той же день содеяся спасение велико татаром, здоровьем Григорьева сына Карповича Айдаровым“. „Наполнился духа ратна“ звучит почти как пародия — пародия едва ли не на „Слово о полку Игореве“, где Игорь тоже „напльнився ратного духа“. Стоит заметить, что из свода, связанного с Басенком, этот иронический прием проник и в летописание конца XV века. Под 1496 годом мы читаем в нескольких летописях такой рассказ о нападении шведов на Иван-город: „Воевода и наместник иванегородский, именем князь Юрий Бабичь, наполнился духа ратна и храбра, нимало супротивися супостатом, ни граждан окрепив, но вскоре устраившася и побеже из града“.¹ Аналогичные насмешки над военными неудачами можно найти и в публицистике XVI века, например в посланиях Грозного Курбскому (военные неудачи бояр) и Грязному.

Отмеченные нами оппозиционные летописные своды доходили до 70—80-х годов XV века; начиная с 90-х годов великокняжеское летописание все более теснит летописание, восходящее к иным источникам. В XVI веке борьба общественной мысли получает выражение главным образом в отдельных публицистических памятниках; публицистическая струя в летописании слабеет. Это не значит, однако, что элементы публицистики совсем исчезают из летописания. И в XVI веке летопись участвует в борьбе общественной мысли, и в XVI веке официальным летописцам было с кем полемизировать. Говоря о летописях как о своеобразном литературном жанре, Д. С. Лихачев сравнил однажды (пользуясь художественным образом, взятым из самой летописи) летописное изложение с „течением большой русской реки“: „в этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки... слившиеся здесь в единое и величественное целое“.² Но своеобразие этой „большой русской реки“ заключается не только в том, что она способна принимать в себя многочисленные „притоки“, но и в том, что от нее постоянно ответвляются различные „рукава“, текущие иногда совсем в ином направлении, чем главный поток. Мы уже наблюдали эти явления на примере свода 1500 года. Свод этот, официально-великокняжеский по своему характеру, породил летопись архиепископа Геннадия, стоявшего в прямой оппозиции к политике Ивана III, и неизвестную по характеру, но явно неофициальную летопись, отразившуюся в дополнительном тексте Типографской летописи. То же явление мы встретим и в XVI веке: официальное летописание будет постоянно порождать неофициальные своды, иногда оппозиционно-боярские по своему направлению (например Воскресенская летопись 1542 года), с которым в свою очередь официальное летописание будет вести идеологическую борьбу.

Элементы публицистики были всегда присущи летописанию; они сохранились в нем до того времени, пока летописание как жанр не перестало существовать.

¹ ПСРЛ, VI, стр. 42; VIII, стр. 233. Ввиду прекращения текста Симеоновской летописи до 1496 года мы не можем точно сказать, читалось ли это известие в официальном своде 1500 года или оно проникло в летописание позже.

² Повесть временных лет, ч. II, стр. 5.

Г. Н. МОЙСЕЕВА

О некоторых источниках „Казанской истории“

В русской литературе характеристике Ивана Грозного посвящено много исторических сочинений, публицистических статей и художественных произведений. Серьезный интерес к личности царя был проявлен уже его современниками. В числе их исследователи отмечают в первую очередь А. Курбского, который отвел в своих писаниях большое место обрисовке своего политического врага — московского царя Ивана IV. Среди сочинений Курбского выделяется в этом отношении „История о великом князе московском“ — произведение, целиком посвященное Ивану Грозному, в котором нашли свое „историческое обоснование“ все упреки, брошенные изменником в его первом послании царю.

В те же годы образ Ивана IV был запечатлен в высокохудожественной историко-публицистической повести — „Казанской истории“, автор которой подробно останавливается на биографии своего героя, пристально всматривается в его государственные и военные преобразования и в похвале, заключающей произведение, подводит итог деятельности московского государя на определенном этапе его жизни.

В раскрытии образа Ивана IV автор „Казанской истории“ неуклонно преследует одну цель — связать все исторические достижения второй половины XVI века с именем царя, поставить лично ему в заслугу крупнейшие военные победы на восточной и западной границах Русского государства, оправдать его суровую борьбу с боярством.

Высокая оценка общественно-политической деятельности Грозного автором „Казанской истории“ неоднократно вызвала у ряда исследователей сравнение ее с отношением народа к личности царя, выраженным в устных исторических песнях и былинах, дошедших до нашего времени в записках начала XVIII века.¹ Сближая эти оценки, исследователи объясняли их общим у писателя и у народного поэта отношением к исторической теме.²

Как уже справедливо отмечено И. У. Будовницем, „все писания XVI и XVII вв. о Грозном носят преимущественно мемуарный характер“ и написаны „главным образом по личным воспоминаниям“.³ „Казанская история“ в этом отношении существенно отличается. Она создана

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 301—347.

² См. об этом подробнее: В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 103.

³ И. У. Будовниц. Иван Грозный в русской исторической литературе. Истор. зап., № 21, 1947, стр. 275.

на основе ознакомления автора с громадным и разнообразным материалом,¹ своеобразно подобранным и тенденциозно освещенным на страницах его „красной и сладкой“ повести.²

Анализ подбора источников и рассмотрение отношения к ним автора смогут поэтому дать значительный материал для характеристики и творческого метода писателя и его идеологии. В создании образа центрального героя „Казанской истории“ — царя Ивана Васильевича Грозного, — естественно, наиболее характерные черты его общественно-политического мировоззрения должны сказаться особенно выпукло.

Впервые к изображению царя Ивана IV автор „Казанской истории“ приступает в главе „О смерти великого князя Василия и о приказе царства сыну его, о самовластии бояр его“. С фактической стороны она целиком основана на известиях „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, который и начинается описанием последней поездки Василия III в Троице-Сергиевский монастырь и подробно излагает всю обстановку при московском дворе к моменту смерти великого князя.³

Автор „Казанской истории“ отметил в своем произведении основные моменты этого события: прощание Василия III с женой и сыновьями и передачу царства старшему сыну — Ивану.

Рассказ о кончине Василия III служит автору „Казанской истории“ поводом кратко, но очень выразительно описать безрадостное детство малолетнего царя Ивана IV, когда, после смерти Василия III, князья и бояре воспользовались отсутствием сильной власти. Пренебрегая государственными интересами, боярские группировки захватывали попеременно власть в свои руки, обогащались за счет казны, не оберегали границ государства, ввели в практику в судах посулы и взятки.

Описание детства царя нашло свое отражение и в произведении самого Ивана Грозного. Речь идет о рассказе „Царева государева послания“. Сравним эти два рассказа.

В „Казанской истории“: „Всем тогда князем и бояром, и вельможам, и судьям градским самовластием живущим, не по правде судящим, по мзде, и насилствуя людем, никого же блюдушмися, ... и не брегущим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губляху, и вельможи крестьян губяху продажею великою. И умножишася обиды, татбы и разбой, и убийства, по всей земли рыдание и вопль велик“.⁴

В „Царевом государевом послании“: князья и бояре после смерти Василия III „на грады и на села наскочиша, и тако горчайшим мучением многоразличными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мящесе и строити, и, вместо сего, неправды и неустроения многая устроиша, мзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще“.⁵ Рассказ о государстве во время боярского правления непосредственно смыкается с высказываниями

¹ В составе его были и личные наблюдения. См. статью Г. Н. Моисеевой „Автор «Казанской истории»“ (Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 280—284).

² См. характеристику разрядов времени казанских походов Грозного в статье Г. Н. Моисеевой „Автор «Казанской истории»“, стр. 268—273).

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 409—419.

⁴ Казанская история, М.—Л., 1954, стр. 73.

⁵ Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, М.—Л., 1951, стр. 34.

автора „Казанской истории“ о детстве царя: „Ростяху оба сына его (Иван и Георгий, — Г. М.) в воле своей, и без отца и без матери, богом самим брегомы и учимы, и наказуемы“.¹ Нетрудно увидеть в фразе „Казанской истории“ переключку с высказываниями самого Ивана IV: „Аз же возрастох в небрежении, и в ненаказании отца и матери“. Средневековый писатель не мог оставить сирот без покровительства бога и если Иван жалуется, что он вырос „в небржении и в ненаказани“, то в „Казанской истории“ сироты Иван и Юрий стали „богом... брегомы и учимы и наказуемы“.²

Самовластие временщиков не знало пределов: „... и тако свое хотение во всем улучиша, и сами убо царствовати начаша. Нас же, со единокордным братом, свято почившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или убожайшую чадь. Якова же пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по воли и не по времени юности“.³ О детях никто не беспокоился. Малолетнего царя оскорбляли и притесняли: „нас бо государей своих никоего промышления добротного бо не сподобиша, сами же премесишася богатства и славе, и тако скончаша — друг на друга. И елико сотвориша!“.⁴

Уже будучи взрослым, Грозный никогда не мог забыть детских впечатлений о времени боярского правления. „Колики напасти яз от вас принял, колики оскорбления, колики досады и укоризны... какова злая пострадах от вас от юности даждь и доселе!“.

В „Казанской истории“ налицо обобщение воспоминаний Грозного о его детских годах. То, что Иван IV передает как субъективное чувство („колики напасти... колики оскорбления... какова злая пострадах...“), в „Казанской истории“ отражено и как действие: „державны мал сей остася отца своего и матери, во юности своей вся собою позна“, и как результат этого действия: „яко злато в горниле, в бедах искусися“.⁵ Только в „Царевом государевом послании“ и в „Казанской истории“ мы встречаем такое описание детства Ивана Грозного. Поэтому знакомство автора „Казанской истории“ с „Царевым государевым посланием“ и использование его автором не оставляют, как нам кажется, сомнения.

Повествование о казанских походах Ивана Грозного автор предвзряет главой „О цари и великом князе Иване Васильевиче и о разуме его, и о премудрости его, и о соглядане от него бояр его, и о избежии, и о соглядане земля своя, и о любви к воем своим, и уведание его о Казанском царстве“. Глава начинается с описания венчания Ивана IV на царство, причем рассказ этот точно совпадает с соответствующим эпизодом Новгородской III летописи.

„Казанская история“

И возрашу же в велик разум приимшу же великому князю Ивану Васильевичу, и восприимник бысть по отце своему во всей Русьской земли державе великаго царьства Московского. И воцарися на царство великим царством в лето 7055 (1547 г.) месяца генваря в 16 день, и помазан святым миром, и вен-

Новгородская III летопись

Поставление царя Иоанна Васильевича. Того же лета венчан бысть на царство московское государь царь и великий князь Иван Васильевич, всея России самодержец, генваря в 16 день, и помазаша святым миром, и венчан бысть святыми бармами и венцем Мономаховым, по древ-

¹ Казанская история, стр. 72.

² Там же.

³ Послания Ивана Грозного, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ Казанская история, стр. 74.

чан святыми бармами и венцом Манамаховым, по древнему чину царьскому, якоже и римстии цари и гречестии православнии цари поставляхуся, и наречеса царь державы Руския, и самодержец русский показася великий, и страх его одержаша вся языческая страны. И бысть велми премудр, и храбр и серд, и крепкорук и силен телом, и легок ногама, аки пардус; подобен по всему деду своему великому князю Ивану. И преже бо никто же от прадед его словяше в Руси царь, и не смеяше от них поставитися царем и зватися новым тем именем, блюдушеся завидения и востания на них поганых царей неверных.¹

нему закону царскому, якоже Римстии и Гречестии царие православнии поставляхуся; и наречеса царь и великий князь, всея Великия Россия самодержец великий показася, и страх его одержаше вся языческие страны, и бысть велми премудр, и храбросерд, и крепкорук и силен телом и легок ногами аки пардус, подобен во всем деду своему великому князю Иоанну Васильевичу преже бо его никто же от прадед его царем словяше в России, не смеяше от них никиждо поставитися царем, и зватися тем новым именем, блюдушеся зависти ради и востания на них поганых царей и неверных.²

Если мы обратимся к рассказу о венчании Ивана IV на царство в „Летописце начала царства“, то увидим, что здесь подробно описан весь чин венчания, „столовая изба“, где Грозный собрал близких ему людей, одежда придворных, украшения церкви, „бармы и шапка Мономаха“, приведены цитаты из церковного богослужения. Все эти данные отсутствуют в рассказе Новгородской III летописи.

По существу рассказ „Казанской истории“ описывает не самый факт венчания, а значение его для укрепления русского государства. В рассказе проведена параллель между Иваном IV и его дедом Иваном III: „подобен по всему деду своему великому князю Ивану“. Этим автор как бы показывает преемственность политики московских великих князей и вместе с тем дает нам ключ к пониманию Ивана III как предшественника Ивана IV в его внешней политике. В главе о походе Ахмата на Русь автором „Казанской истории“ поведение Ивана III истолковано также как поведение Ивана IV.³ В главе о венчании Ивана Грозного на царство показано, что юный великий князь не случайно, а законно, по праву присвоил себе титул „самодержца и царя“, ибо он продолжал независимую политику своего деда. Таким образом, весь рассказ о венчании Ивана IV на царство — не простая вставка биографического характера, как это полагал Г. Э. Кунцевич.⁴ Рассказ органически связан с идейным замыслом всего дальнейшего повествования о Грозном; поэтому закономерно, что за описанием венчания следует характеристика основных политических мероприятий Грозного и их значения для укрепления могущества Русского государства.

Сходство рассказа „Казанской истории“ о венчании Грозного на царство с рассказом Новгородской III летописи можно объяснить заимствованием этого рассказа из повести летописью. Литературное происхождение этого рассказа не вызывает сомнения. Здесь нет и тени документальности описания, — налицо истолкование самого факта венчания и его значение в политике московских великих князей, в их борьбе за централизованное Русское государство. Аналогичный переход из

¹ Казанская история, стр. 73.

² ПСРЛ, т. III, стр. 250.

³ И. М. Кудрявцев. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в., Труды ОДРА, т. VIII, стр. 158—186.

⁴ Г. Э. Кунцевич. История о Казанском царстве, СПб., 1905, стр. 208.

„Казанской истории“ в летопись мы можем наблюдать на примере повести об Ахмате, которая в редакции „Казанской истории“ вошла в хронографы XVII века, в Латухинскую степенную книгу¹ и отразилась в „Новом летописце“.

Переноса рассказ о венчании из „Казанской истории“, составитель Новгородской III летописи захватил и часть следующей за этим рассказом характеристики Грозного. В „Казанской истории“ эта характеристика в целом дает оценку итогов всей деятельности Грозного первых лет его самостоятельного царствования, выделяя то, что с точки зрения автора представляло главную заслугу царя перед государством. В Новгородской III летописи такая обобщенная характеристика Ивана Грозного не подготовлена предшествующим изложением. Очевидно, редактор Новгородской III летописи перенес весь рассказ о венчании Ивана IV на царство из „Казанской истории“ и притом не отделил собственно рассказ о венчании от характеристики Ивана Грозного и захватил поэтому часть ее.

Показывая заслуги Ивана Грозного, автор „Казанской истории“ подчеркнул мнение о нем иностранных государей, которые „похвалиша его и прославиша его“. Но особо автор отличает отношение к Ивану IV турецкого султана и приводит его характеристику деятельности русского царя: „Воистину ты еси самодержец и царь премудры и верны и волны божии слуга. Удивляет бо нас и ужасает превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругвь прогоняет и попалает воздвижущихся. Уже от нея вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеют“.² Мнение турецкого султана не случайно выделено автором „Казанской истории“ при перечислении „поганных царей и нечестивых королей“.

Передовая публицистика XVI века, вставшая на защиту политических мероприятий Ивана Грозного, выдвинула образ идеального государя, который ввел в стране законы, направленные на укрепление государства, создал сильную и боеспособную армию, могущую защитить народ от посягательств внешних врагов, сумел обуздать своеволие феодальной знати. В произведениях крупнейшего публициста середины XVI века — Ивана Семеновича Пересветова — был создан образ идеального монарха — турецкого султана Магомета. Именно поэтому автор „Казанской истории“, поставивший своей задачей показать в своем произведении идеальный образ русского царя Ивана Грозного, своеобразно „переключался“ с Иваном Пересветовым. В характеристике государственной и политической деятельности Ивана IV автор „Казанской истории“ отметил те черты, какие считает необходимым выделить и Иван Пересветов. Не случайны поэтому совпадения в оценке автором „Казанской истории“ судебных и военных реформ 50-х годов XVI века, отношения Грозного к „воинникам“ и „вельможам“ с обрисовкой „программного и мудрого“ государя у Пересветова.³

Перечисляя во вступительной к дальнейшему изложению характеристике Грозного его мероприятия по укреплению централизованного Русского государства, автор „Казанской истории“ особо отмечает, что, вступив на престол, „благочестивый царь, самодержец, Иван Васильевич всеа Русии, и вся мятежники старья избив, владевши царством не по

¹ П. Г. Васенко. Заметки о Латухинской степенной книге. Сборник ОРЯС, СПб., 1903, стр. 52—55.

² Казанская история, стр. 73.

³ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“, стр. 273—276.

правде до совершенного возраста своего, и многих вельмож устраши, от лихоиманя и неправды обрати“.¹

Кто были „старые мятежники“, избив и устранив которых Иван IV смог создать могучее, единое государство? Обратимся снова к первому посланию Грозного Курбскому. По справедливой оценке И. И. Смирнова, „Основная цель всех литературных произведений Ивана Грозного заключается в том, чтобы доказать полную правоту своего поведения, подчеркнуть принципиальный характер своей политики, соответствие ее основным принципам государства и власти“.²

Говоря в „Царевом государевом послании“ об измене Курбского, Грозный ставит ее в связь с политикой враждебных власти великого князя московского группировок родовитых князей и бояр, тех, кто владели царством до „совершенного возраста“ царя. Измена Курбского связана с поведением его предков. Грозный пишет: „Но понеже убо извыкосте от прародителей своих и измену чините, — яко же дед твой, Михайло Карамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя, умышляючи изменные обычаи, такоже князем Дмитрием внуком на отца нашего блаженные памяти великого государя Василия многи пагубы и смерти умышлял; тако же и матери твоея дед, Василей Иван Тучков, многая поносная и укоризная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износили; такоже и дед твой, Михайло Тучков, на преставление матери нашея, великая царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву, многая надменная словеса изрече“.³ Во главе заговора во время детства Грозного стоял брат Андрея Курбского.⁴

Для того чтобы отстоять Русское государство от иноземных нашествий, укрепить власть великого князя московского, нужно было сломить сопротивление князей и бояр, этих „старых мятежников“, тянувших Россию вспять, к феодальной раздробленности, к междоусобным войнам. Только сильная, единодержавная власть царя способна прекратить княжеские распри: „Аще убо царю не повинуются подвластныя, никогда же от междоусобных браней престанут“.⁵ Свою внутреннюю политику Грозный четко и ясно обосновывает теоретически: „То убо вся царствия нестроением и междоусобными бранями вся растлятся. И тако ли убо пастьрю подобает, еже не рассмотряти о нестроении о подвластных своих? И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярим, ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имея, то несть царь“.⁶

Ивану IV предстояла жестокая борьба с княжеско-боярской оппозицией.

Попытка княжат и бояр во время болезни Грозного в 1553 году передать власть не его годовалому сыну — Дмитрию, а двоюродному брату — Владимиру Андреевичу была первым преступлением „недоброточив“ Грозного. Измены воевод князя Д. И. Вышневецкого, Владимира Заболоцкого, их переход в лагерь неприятеля, попытка бегства за границу И. Д. Бельского в 1562—1563 годах, Д. И. Курлятева, какой-то проступок одного из самых видных московских воевод, князя

¹ Казанская история, стр. 73.

² И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 106.

³ Послания Ивана Грозного, стр. 29.

⁴ Там же.

⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 20.

М. И. Воротынского, подорвали доверие Грозного к князьям-воеводам. В 1563 году был разработан лично Грозным план похода на литовский город Полоцк. До царя дошли известия, что воеводы хотят изменить. Поступил донос на князя Владимира Андреевича и его мать Евдокию. В 1564 году из Юрьева бежал в Литву вместе с несколькими служилыми людьми главный московский воевода князь А. М. Курбский. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. В письме к Курбскому Грозный писал: „Вы почали против меня болши стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти“.¹ В январе 1565 года Иван Грозный уехал в Александровскую слободу, откуда прислал две грамоты: первую — к духовенству, князьям и боярам, приказным и служивым людям; вторую — „к гостям, купцам и ко всему православному христианству града Москвы“. В первой грамоте Грозный перечислял „измены“ княжат и боярства, начиная со смерти Василия III, т. е. старые и новые измены. Народу Грозный писал, „чтобы они никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет“. В 1565 году были казнены виднейшие представители княжья: князь А. Б. Горбачев с сыном, его родственники; тогда же были арестованы несколько князей Оболенских, князь П. А. Куракин-Булгаков, Д. И. Немой-Оболенский, И. И. Яковлев, Л. А. Салтыков, В. С. Серебряный-Оболенский; П. М. Щенятев подвергнут опале и затем убит.² „Неизбежность такой политики опричного террора, ее объективная необходимость диктовалась тем, что в борьбе против царя князья и бояре не останавливались ни перед какими средствами, вплоть до попытки выдачи Ивана Грозного польскому королю“.³

Казни родовитого боярства и княжья были глубоко продуманным мероприятием Грозного. В письме к Курбскому он пишет: „А в иных землях сам узриш, елико содевается злым злая. То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любить; а в иных землях израдец не любят: казнят их, да тем утверждаютя... ино таких собак везде казнят“.⁴

Вот это именно политическое мероприятие Грозного и отразил автор „Казанской истории“ в словах: „вся мятежники старья избив“. Но почему автор выбрал такую форму, не упомянув об опричнине? Ответ нужно искать в том обстоятельстве, что в официальных документах этот термин не употреблялся. Московская дипломатия в наказах иностранным послам внушала мысль, что никакой опричнины не существует. Так, в апреле 1566 года литовскому гонцу Ф. Юрша на вопрос его об опричнине было наказано отвечать: „у государя... некоторые опричнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю служат правдою, и те при государе живут блиско; а которые желали неправды и те живут от государя подале“.⁵ Пребывание Ивана Грозного в Александровской слободе было наказано объяснять так: „Государская воля, где хочет, тут живет, а то село блиско Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство правит на Москве, и в слободе“.⁶ Можно полагать, что автор „Казанской истории“ придерживался официальной точки зрения на освещение политики Ивана Грозного периода 1564—1566 годов.

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 210.

² П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 13—20.

³ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 93—94.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 31.

⁵ Сборник РИО, т. 71, стр. 331.

⁶ Там же, стр. 591.

Основной идейно-политический замысел „Казанской истории“ — все-сторонне осветить роль Грозного в проведении победоносного похода под Казань — подчеркнут автором и композиционно: показ всей истории русско-казанских отношений с начала основания Казанского ханства до царствования Грозного занимает в произведении приблизительно одну пятую часть, тогда как описанию внешнеполитической деятельности Ивана IV посвящен весь остальной рассказ. Естественно поэтому обратить внимание на то, чем руководствуется автор при раскрытии образа царя в этой основной части своего произведения.

Опираясь в описании фактических сведений на рассказы „Летописца начала царства“, автор „Казанской истории“ упорно проводит мысль о том, что все исторические заслуги принадлежат лично царю, а все неудачи — политические и военные — происходили по вине феодальной знати.

Уже в первой главе, целиком посвященной оценке деятельности Ивана IV, автор, говоря о военных замыслах царя, определяет размах иноземных нашествий „от Крыма и до Казани“: „многи грады Руския, старыя, запустеша от поганых: Рязанская земля и Сиверская Крымским мечем погублена, Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от Казанцов запусте“. ¹ И здесь отчетливо проступает знакомство автора „Казанской истории“ с „Царевым государевым посланием во все его российское царство“, где, отвечая Курбскому, Грозный говорит о необходимости защитить население окраинных земель от татарских набегов: „Всем убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православные, и от Крыма, и от Казани: до полуземли пусто баше“. ²

В главах, повествующих о подготовке к штурму Казани и о взятии города русскими войсками, обнаруживается новый источник „Казанской истории“, живо сказавшийся на истолковании событий, особенно при изображении роли Ивана Грозного в этот период. Речь идет о приписках на полях „Летописца начала царства“, имеющих большое значение для раскрытия идеологии их составителя — редактора „Летописца“. ³ Конкретное сопоставление описаний событий в „Казанской истории“, в основном тексте „Летописца начала царства“ и его приписках показывает, что автор „Казанской истории“ во всех случаях согласовывал свой рассказ с пометами редактора, сознательно следуя за его интерпретацией фактов. Так, при описании взрыва казанских стен рассказ „Казанской истории“ сближается с приписками к „Летописцу начала царства“, имевшими целью напомнить о личном участии царя в последних приготовлениях к взрыву. Под 4 сентября 1553 года в „Летописце“ имеется помета, исправляющая первоначальный текст. Вместо сообщения: „И в неделю, на литургии, тогда чтушу диакону святое Евангелие, и последнее возгласи, глаголя: «и будет едино стадо и един пастырь», и вкупе со гласом от подкопу взорвало тайник и с людьми Казаньскими“, приписка дает новый текст: „и в неделю порану возвестиша царю, яко поспел подкоп под тайник, и царю объездышу град и смотрящу, и внезапу от подкопу взорвало тайник и с людьми Казаньскими“. ⁴

¹ Казанская история, стр. 74.

² Поселания Ивана Грозного, стр. 47.

³ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. Истор. зап., т. 23, стр. 251—289.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 506.

Автор „Казанской истории“ эту краткую помету развертывает в красочный рассказ, помещенный в 78-й главе. Иван Грозный „наказа же крепко всем князем и воеводам и полкочначальником, да готови будут все часу того к приступу, егда возгласят ратные трубы, . . . и объехав все полки своя и, яко от бога извещение прием, и повелевает хитрецом под крепкими стенами во рвех глубоких зажигати свирепое зелье огненное; сам же в стан свой приехав и паки на молитву к богу обратился со слезами; стояще, весь вооружен в златыя броня, в рекомы калантырь, и готов на подвиг. . . И егда зажжено бысть огненное зелье в рвех, священнику же чтущи на молебне святое евангелие и конец того возгласившу: «и будет едино стадо и един пастырь», и аки друга верна с тем во едино дело согласистася, в той час абие возгреме земля, яко вели гром, и потрясеса место все, идеже стояша град, и позыбахуся стены градныя и вмале весь град не паде от основания“.¹

Автор „Казанской истории“ умело согласовал запись „Летописца начала царства“, приурочившую взрыв подкопа под стены Казани к определенному моменту церковной службы, с пометой редактора, подчеркнувшего ведущую роль царя при взятии города. Судя по помете „Летописца начала царства“, Грозный не присутствовал на литургии: подкоп был закончен в то время, когда Грозный объезжал полки, здесь-то ему и сообщили („возвестиша царю“) и об окончании работ, и как раз в это время „внезапну от подкопа взорвало тайник“. По рассказу „Казанской истории“, Иван Грозный успел объехать полки, вернуться в стан, обратиться к молитве — тогда и произошел взрыв.

Из сопоставления видно, что автор „Казанской истории“ согласовал два рассказа об одном и том же событии.

Такое же стремление подчеркнуть роль Грозного выступает и в приписке к тексту „Летописца начала царства“, где говорится о том, что после взятия Казани русскими войсками на том месте, где стояло царское знамя, была заложена церковь, и царь принимал в построении церкви личное участие.

В „Летописце начала царства“:

Основной текст

И повеле благочестивый царь и великий князь в своем полку под своим знаменем молебная пети по обеде, благодарение богу воздающе и в той час повеле животворящий крест поставити и церковь поставити.

Приписка

И повеле благочестивый царь и великий князь в своем полку под своим знаменем молебная пети, (по обеде) благодарение богу воздающе; и в той час (повеле) животворящий крест поставити (ти) своим а рукама с протопопом и церковь поставити повеле.²

В „Казанской истории“: „ . . . и вскоре восхоте благоверный царь обещание свое исполнити. . . и повелевает всем воеводам и воем на плещах своих от леса древние носити. И сам преже рукама своим а древо секирою посече и от леса на плещу своею принесе“.³

Главы „Казанской истории“ о возвращении Грозного с войском из Казани, основанные на летописных рассказах и сведениях „Летописца начала царства“ также внимательно согласуют изложение с приписками на его полях.

¹ Казанская история, стр. 149.

² ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 514.

³ Казанская история, стр. 161.

Редактор „Летописца начала царства“ счел нужным дополнить рассказ о встрече царя-победителя Казанского царства с народом при его возвращении в Москву. В Нижнем Новгороде, по словам „Летописца“, царя встретили посланные из Москвы бояре „также и множество народа` богу велие благодарение приносят“. На полях добавлено: „А градские людие священницы сретоша с кресты у судов, архимандрит и весь церковный причет, также и множество народа; и якоже видеша благочестивого царя, вси падоша ницы и поклонишася и с великими слезами к богу велие воздарение воздаша“.¹

Автор „Казанской истории“ вспомнил об этой вставке редактора: „И егда бысть в Нижнем Нове граде царь князь великий, и оттоле поиде на конех к царствующему граду Москве, и встречаху его священницы и мниси с народом со кресты исходящи из градов, из сел, стоящих на пути ему, с молитвами ис похвалами и с веселием великим“.²

Может ли быть случайным совпадением тот факт, что и редактор „Летописца“ и автор „Казанской истории“ считают необходимым отметить популярность царя у народа и низшего духовенства? Полагаем, что это совпадение было следствием знакомства автора „Казанской истории“ с приписками к „Летописцу“. При описании встречи Грозного в Москве в „Летописце“ на полях пространно перечислено, кто именно с восторгом приветствовал царя: „И бояре престаревшийся днми, князь Михайло Иванович Голиця Булгаков да Иван Григорьевич Морозов, и всенародное множество, старики и юнии, малии и велиции, и всяк возраст мужеска полу и женска, с благодарением и со слезами встречают“.³

В „Казанской истории“ въезд царя в город описан так: „Изыдоша на поле за посад в стретение царя и великаго князя, и велможи его, и вси старейшины града, богатии и убози, юноша и девы, и старцы со младенцы, черныцы и черницы, и спроста все множество безчисленное народа московского“.⁴

Нетрудно увидеть в „боярах, престаревшихся днями“ (Голиц-Булгакове и Иване Морозове) „старейшин града“, в „старых и юных“ — „юнош и дев, и старых со младенцы“ и в обобщающем „всяк возраст мужеска полу и женска“ — „спроста все множество народа Московского“.

Итак, в числе разнообразных источников „Казанской истории“, послуживших ее автору материалом для воссоздания образа Ивана Грозного, значительное место занимает „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, составленный между 1553—1555 годами в кругах лиц, близких к царской семье.⁵ Не менее важным источником, особенно в освещении событий, оказались для автора „Казанской истории“ приписки на полях „Летописца начала царства“, вышедшие если не из-под пера самого Грозного,⁶ то из среды его доверенных лиц и с его ведома.⁷

¹ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 517.

² Казанская история, стр. 166.

³ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 518.

⁴ Казанская история, стр. 166.

⁵ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. ЛЗПИАК, т. I (XXXIV), 1927, стр. 87—89.

⁶ Д. Н. Альшиц, ук. соч., стр. 251—289.

⁷ С. В. Бахрушин. „Избранная рада“ Ивана Грозного. Истор. зап., т. 15, 1945, стр. 33.

Особое место среди источников „Казанской истории“ занимает произведение самого царя — „Царево государево послание во все его российское царство на клятвопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи о их измене“, давшее автору не только обильный материал для воссоздания целых эпизодов из биографии царя, но и, что самое главное, точку зрения на исторические факты, общую оценку роли в завоевании Казани обеих враждующих сторон: феодальной знати, с одной стороны, и царя, поддержанного дворянством, — с другой.

В создании идеализированного образа Ивана Грозного автор „Казанской истории“ использовал художественный опыт передовой дворянской публицистики и, в первую очередь, ее виднейшего представителя — И. Пересветова.

Подбор источников и их социальный характер раскрывают нам круг интересов автора, выявляют ту общественную среду, в которой формировалось его мировоззрение. Это — ближайшие помощники Ивана Грозного, открыто преследующие и в области идеологии те же цели, которые царь осуществлял в своей государственной деятельности.

А. А. ЗИМИН

**„Беседа валаамских чудотворцев“ как памятник позднего
нестяжательства**

„Беседа валаамских чудотворцев“ принадлежит к числу наиболее ярких памятников русской публицистики, своим острием направленных против стяжательной деятельности монашества.

Впервые „Беседа“ была издана О. Бодянским в 1859 году, правда, в дефектном виде (без начала, содержавшего указания на Сергия и Германа — валаамских чудотворцев).¹ На основании антистяжательского содержания памятника издатель приписал его перу Вассиана Патрикеева. Несмотря на то, что уже вскоре А. С. Павлов высказал сомнения в авторстве Патрикеева и отнес „Беседу“ ко второй половине XVI века, гипотеза Бодянского надолго утвердилась в литературе.

Новый этап в изучении „Беседы“ связан с ее публикацией в 1895 году по 13 спискам В. Г. Дружининым и М. А. Дьяконовым.² „Беседа“ на этот раз была издана с относящимися к ней дополнениями — „Иным сказанием“ и „Изветом“. Издатели решительно отвергли возможность того, что автором „Беседы“ был Вассиан Патрикеев, и предположительно датировали памятник временем после „1553—54 годов“.³ Уже в рецензии на издание X выпуска „Летописи занятий Археографической комиссии“, в котором была помещена „Беседа“, А. Е. Пресняков, возражая издателям этого памятника, в осторожной форме предложил считать „Беседу“ произведением конца XVI—начала XVII века, ибо „перед нами тот круг впечатлений и тревог, которыми были взволнованы русские люди при наступлении Смутного времени“. Не пытаясь решить вопроса окончательно, Пресняков заключил: „Во всяком случае вопрос о времени, когда возник этот памятник, представляется еще очень темным и далеким от окончательного решения“.⁴ И действительно, в дальнейшем исследователи неоднократно возвращались к решению вопроса о времени сложения „Беседы“. Однако весьма ценные соображения А. Е. Преснякова ими по существу игнорировались. И. А. Стратонов, например, полагал, что памятник возник в связи с секуляризационным движением начала XVI века и датировал его

¹ Рассуждение инока — князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами. Чтения ОИДР, 1859, кн. 3, отд. III, стр. I—VIII, 1—16.

² Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. ЛЗАК, вып. X, СПб., 1895, отд. II (Далее — Беседа...), стр. I—XXIV, 1—32. Здесь же помещена обстоятельная историография вопроса.

³ Беседа..., стр. XIX.

⁴ А. Е. Пресняков. Рецензия на ЛЗАК, вып. 10. ЖМНПр., 1896, № 9, стр. 161—162.

1503—1510 годами (т. е. до присоединения Пскова, последнего из „уделов“, о необходимости присоединения которых писал автор „Извета“).¹

С. Л. Авалиани вернулся к точке зрения Бодянского. Усматривая в авторе „Беседы“ Вассиана Патрикеева, он датировал ее временем заключения этого князя-инока в темницу, т. е. 1531—1535 годами (до попытки секуляризации при Елене Глинской, о которых ничего не сообщает автор „Беседы“).²

Н. Петров рассматривал „Беседу“ как одну из подготовительных работ к Стоглаву,³ написанную около 1549—1550 годов. Он полагал, что за валаамскими чудотворцами скрываются два реальных лица: Адриан, игумен Андрусовской пустыни на Ладожском озере, и Геннадий Любимский, близкие к нестяжателям.⁴ А. С. Архангельский предположил, что первоначальный текст памятника представлял собой церковное поучение, своеобразное минейное чтение, появившееся в первой половине XVI века. Позднее на полях его противником вотчинного землевладения были сделаны полемические заметки (попавшие затем в текст) и добавлены „Извет“ и „Иное сказание“. Окончательную обработку „Беседы“ Архангельский относил ко времени до 1550—1551 годов, поскольку в ней упоминаются еще удельные князья, но нет сведений о реформах Ивана Грозного.⁵ Н. К. Гудзий в своей ранней работе отказался от попытки уточнить время написания „Беседы“.⁶

Обстоятельный критический разбор взглядов И. А. Стратонова, С. Л. Авалиани и Н. Петрова дал Г. П. Бельченко, который, однако, сам по вопросу о времени составления „Беседы“ вернулся к точке зрения В. Дружинина и М. Дьяконова.⁷ Особенно неудачной была попытка автора представить „Беседу“ соединением двух произведений: отрывка из поучения к инокам, откуда якобы взяты стр. 14—21 (по изданию Дружинина и Дьяконова) и некоторые другие места с поучением, обращенным к царям, публициста боярского направления.⁸ „Беседа валаамских чудотворцев“, несмотря на некоторую хаотичность изложения, представляет собой единое произведение, направленное против монастырского землевладения и участия иноков в политической жизни страны. Обе эти темы имеют двух адресатов: с одной стороны, царскую власть, с другой — монашествующую братию. Отсюда, естественно, обращение автора то к царям, то к монахам. Однако это отнюдь не дает права искусственно выделять отдельные куски „Беседы“ в два самостоятельных произведения. Никаких следов сшивки двух посланий, идейно-тематических или структурных противоречий между ними Бельченко не нашел.

¹ И. А. Стратонов. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Уч. зап. Казанск. унив., 1906, № 3, стр. 23 и сл.

² С. Л. Авалиани. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“ как исторический источник. Богословский вестник, 1909, № 3, стр. 380—381.

³ Н. Петров. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Филол. зап., 1905, вып. III—V, стр. 51—53.

⁴ Там же, стр. 31, 34.

⁵ А. С. Архангельский. Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913, стр. 282, 300 и сл. Взгляды Архангельского разделял В. Вальденберг (В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 301).

⁶ Н. К. Гудзий. К вопросу об авторе „Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Русск. филол. вестн., 1913, № 3, стр. 159.

⁷ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе и об авторе „Беседы преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Одесса, 1914.

⁸ Там же, стр. 20—27.

В дальнейшем в исторической и литературоведческой науках прочно утвердилось мнение о том, что „Беседа валаамских чудотворцев“ появилась в середине XVI века.¹ Его подкрепили новыми соображениями А. Д. Седельников² и И. И. Смирнов³ и без новой аргументации повторил И. У. Будовниц.⁴ И несмотря на все это, общепринятая в настоящее время датировка „Беседы“ нуждается в пересмотре.⁵ Памятник написан действительно после канонизационных соборов 1547—1549 годов, на которых признан „чудотворцем“ (святым) новгородский архиепископ Иоанн; в произведении имеется прямая ссылка на Иоанна как на „нового чудотворца“.⁶

Однако нет никаких оснований относить его появление к середине XVI века. Уже ряд исследователей обращали внимание на отсутствие в „Беседе“ каких-либо упоминаний о реформах Ивана Грозного, связанных с ее сюжетами (например Стоглав и др.). Это давало основание Петрову считать, что „Беседа“ возникла еще до Стоглава, а Седельникову — датировать ее временем до 1565 года (ввиду отсутствия даже намеков на опричнину). Но гораздо правдоподобнее полагать, что „Беседа“ возникла значительно позже реформ 50-х годов XVI века, упоминать о которых, следовательно, было уже нецелесообразно.

В. Г. Дружинин и М. А. Дьяконов относили „Беседу“ и „Иное сказание“ ко времени после 1553—1554 годов на том основании, что в первом памятнике имеется критическая мысль о „самовластии“ человека, которую они приписывали Феодосию Косому,⁷ а во втором произведении упоминается о „вселенском соборе“, на котором якобы присутствовал архиепископ Иоанн.⁸ В похвальном слове Иоанну говорится об обличении архиепископом на соборе „еретиков, хулящих неразделимаго в две постасе, а четверцу ищущих“.⁹ Это выступление Иоанна изда-

¹ См., например: Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли т. 1. М., 1914, стр. 168.

² А. Д. Седельников. Две заметки по эпохе Ивана Грозного. Сб. статей к 40-летию ученой деят. акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 167—173.

³ И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI века. Истор. зап., кн. 15, 1945, стр. 249.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 246—247.

⁵ В настоящей работе специально не рассматривается вопрос о времени написания „Извета“ и „Иного сказания“, появившихся во всяком случае, не ранее основного текста „Беседы“. Решение этого вопроса является особой задачей, требующей пересмотра всех сохраняющихся рукописных текстов памятника.

⁶ „По благословению иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа великаго Новаграда, новаго чудотворца“ (Беседа... стр. 1). О „новых чудотворцах“, имея в виду святых, канонизированных в 1547—1549 годах, писал еще И. С. Перевесов. Выражение „новый чудотворец“ не значит, что „Беседа“ написана вскоре после соборов 40-х годов XVI века. Святые, канонизированные на этих соборах, назывались „новыми чудотворцами“ много лет спустя. См., например, святцы второй половины XVII века — ГИМ, Синод. № 529/901 (Горский и Невоструев. Описание рукописей синодальной библиотеки, отд. III, ч. II. М., 1917, стр. 418 и сл.), службу „новому чудотворцу“ Зосиме Соловецкому в сборнике 1604 г. (там же, стр. 239), подписи XVII века „книга новых чудотворцев службы“ (там же, стр. 239) и „книга новых чудотворцов службы“ (там же, стр. 223). В одной рукописи конца XVI века „новым чудотворцем“ назван даже Стефан Сурожский (ГИМ, Синод. № 322/569, л. 180).

⁷ „Мнози убо глаголют в мире, яко самовольна человека сотвори есть бог на сесь свет“ (Беседа... стр. 25).

⁸ „Иоанн архиепископ, слышав на вселенском соборе от преподобных сирцев извет“ (Беседа... стр. 31).

⁹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 268.

тели памятника также связывают с соборами 1553—1554 годов на еретиков Башкина, Косого и др.¹ Однако еретиков осуждали еще в конце XV века, когда мысль о самовласти души высказывал Федор Курицын. Связь же „Беседы“ с соборами 1553—1554 годов установить невозможно. Феодосий Косой не говорит о „самовласти“ человека, а выступает вообще против властей.

Автор „Беседы“ отвергает мысль о самовласти человека лишь фактом существования властей. Если бы он имел в виду суждения Косого, то он должен был бы отстаивать прежде всего тезис о том, что „подобает в христианстве властям быти“, против которого выступал Косой. Этого в „Беседе“ нет.

Выступление против „самовласти“ человека скорее всего следует отнести к началу XVII века. Именно тогда в ряде произведений проводилась мысль о том, что „бог сотворил человека самовластна“ (см., например, „Сказание о Петре Волосском“² и предисловие к Краткой космографии, известной по многочисленным спискам).

А. Д. Седельников датирует „Беседу“ „около (и именно после) середины XVI века“, прежде всего исходя из энергичного характера выступления против влияния монахов на царя.³ Выпад „Беседы“ против „певцов“ Седельников связывает с существованием певческой школы при дворе Ивана IV.⁴ Эти аргументы явно недостаточны: влияние монашества можно наблюдать не только в середине XVI века, но и позднее — в годы опричнины, во время правления царя Федора. То же можно сказать и о певческой школе, существовавшей как в середине XVI, так и в конце XVI—начале XVII века.

Общими соображениями об обострении борьбы за землю в середине XVI века руководствуется И. И. Смирнов, настаивающий на датировке „Беседы“ 50-ми годами XVI века.⁵ Однако вопрос о монастырском землевладении вставал остро и позднее; достаточно вспомнить, например, соборы 1580 и 1584 годов, запретившие монастырям приобретение новых земель.

Таким образом, аргументация в пользу середины XVI века как времени написания „Беседы валаамских чудотворцев“ явно недостаточна.

Анализ содержания памятника говорит о том, что „Беседа“ появилась не ранее конца XVI—начала XVII веков. В ней прежде всего вспоминается о власти „царских воевод“, а воеводское управление повсеместно было введено не ранее начала XVII века.⁶ К этому времени окрепла и приказная система,⁷ упоминающаяся в „Беседе“ как явление, уже прочно бытовавшее в Русском государстве.⁸ В „Беседе“ говорится, что „цареве в титулах пишуща самодержцы“.¹⁰ Однако термин „самодержец“ прочно вошел в титулатуру лишь к концу XVI— началу XVII века.

Термины „Извет“ и „Иное сказание“, которым озаглавлены два при-

¹ Беседа... , стр. XVIII.

² ГПБ, Солов. № 863, л. 87.

³ А. Д. Седельников, ук. соч., стр. 167.

⁴ Там же, стр. 171—173.

⁵ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 259.

⁶ „Где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, ту милости божия несть“ (Беседа... , стр. 23).

⁷ Временник ОИДР, 1849, кн. III, смесь, стр. 6.

⁸ Впервые „приказ“ как конкретное учреждение упоминается только в 1569 году. См.: А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. Докл. и сообщ. Инст. истории АН СССР, 1954, № 3, стр. 173.

⁹ „Не богоугодно... инокам из миру, аки царевем мирским приказным сбирати себе всякие царские доходы“ (Беседа... , стр. 13).

¹⁰ Беседа... , стр. 4.

бавления к „Беседе“, как заглавия литературных произведений встречаются лишь в начале XVII века (см. „Извест старца Варлаама“ и „Иное сказание“).¹

Одним из лейтмотивов „Беседы“ является упрек царей в „простоте“.² Само обращение к „царям“ говорит не только о том, что этот термин уже давно закрепился на Руси за главою самодержавной власти, но, возможно, и о том, что на престоле сменился уже не один царь. Во всяком случае в середине XVI века, т. е. непосредственно после коронации Ивана Грозного и принятия им титула „царь“, абстрактные рассуждения по адресу „прежних государей и христолюбивых царей“³ вообще вряд ли могли появиться, — ведь царь-то на Руси был еще один, и современники не знали, закрепится этот титул за его наследником или нет.⁴ Вряд ли мог относиться к Ивану IV упрек в „простоте“, он скорее соответствовал характеру царя Федора или Михаила Романова.

Уже А. Е. Пресняков отметил наличие в „Беседе“ отражения событий конца XVI—начала XVII веков в форме предсказаний и видений (характерных для публицистики начала XVII века):⁵ „Начнут быти глады и морове частые и многие всякие труссы, и потопы и междуусобные брани и войны и всяко в мире начнут гинутьи грады и стеснятся и смятения будут во царствах велики и ужаси, и будут никим гоними волости и села, пустеют дома христианские, люди начнут всяко убывати и земля начнет пространнее быти, а людей будет менши, и тем достаным людем будет не пространной земли жити негде. Царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременятися за свою царскую простоту и за иноческие грехи и за мирское невоздержание“.⁶

Возможно, перед нами недвусмысленный намек на разорения конца XVI—начала XVII века и частые перемены на царском престоле того времени. Можно усмотреть также прямые выступления против всевозможных тушинских перелетов, изменявших родине и призывавших себе на помощь войска иноземцев, в нижеследующих словах „Беседы“: „Горе роду христианскому, прельстившимся в неверных порты и шлыкки и имущим их на себе, держащим их неверных прелести и впускающе их в землю свою и ищущим от них помощи и хранящимся⁷ ими и их храбростию израильтеския грады и станы христианския. Таковии несть раби, но враги именуются; понеже оставя божию помощь и от неверных ищут помощи и надежи, и потом ими же обезчестени и изневолены будут и грады их ими обладани“.⁸

Об измене царю и „латинской“ прелести автор говорит и в другом месте: „Беда и скорбь и погибель роду христианскому, отставшим веры христианския и изменившим благоверному царю и государю своему и

¹ Термин „извест“ встречается и в „Ином сказании“ „Беседы валаамских чудотворцев“ (Беседа. . . , стр. 29).

² См. „за простоту прежних государей“ (Беседа. . . , стр. 8), „за свою царскую простоту“ (стр. 9); ср. стр. 10, 28 и др.

³ Беседа. . . , стр. 8.

⁴ Когда Ермолай-Еразм в середине XVI века обращался к „благохотящим“ царям, он имел в виду настоящее и будущее, в то время как автор „Беседы“ писал не только о настоящем, но и о прошлом.

⁵ См. „Беседа и видение преподобных отец наших игуменов Сергия и Германа“ (Беседа. . . , стр. 2).

⁶ Беседа. . . , стр. 9.

⁷ В других списках лучше: „хранящим“.

⁸ Беседа. . . , стр. 22—23.

возлюбив слабую и прелестную незаконную нам латынскую и многих вер веру“.¹

Таким образом, „Беседа валаамских чудотворцев“ была написана не ранее конца XVI—начала XVII века.

С другой стороны, „Беседа“ не могла появиться позднее 1611 года. Памятник сложился в среде валаамского монашества (его автор все время обращается к инокам Валаамского монастыря). Однако уже в 1611 году Валаамский монастырь был сожжен шведами. По миру 1617 года территория, на которой он находился, перешла к Швеции и была возвращена лишь в начале XVIII века.² В годы Ливонской войны и в конце XVI века Валаамский монастырь сильно пострадал от нападений шведов и эпидемий. Уже в феврале 1578 года он подвергся нападению шведов, в результате которого было убито 18 старцев и 16 послушников.³ В 1581 году умерло от мора 37 старцев и 47 послушников.⁴ После мира со Швецией в 1595 году монастырь постепенно восстанавливается.⁵ Когда именно, в конце XVI—начале XVII века в Валаамском монастыре была написана „Беседа“, сказать трудно.

По вопросу о классовой и политической направленности „Беседы“ также нет единого мнения у историков и литературоведов. Большинство из них полагают, что памятник отражает взгляды боярства.⁶ Г. В. Плеханов, например, прямо писал, что „автор «Беседы» обеими ногами стоит на боярской точке зрения“.⁷ Однако исследователи часто ставили в тупик несомненные черты идеологии сильной самодержавной власти, имеющиеся в „Беседе“.

В этом отношении показательна оценка „Беседы“, данная Вальденбергом. Этот исследователь полагал, что автора „Беседы“ „нельзя считать ни последовательным заводжцем, ни последовательным осифлянином“.⁸ По его мнению, основу политических взглядов автора „Беседы“ составляло осифлянское учение о покорности царю.⁹ Однако в „Беседе“ имеются черты явного нестяжательства.¹⁰ В конечном счете, по Вальденбергу, „вся Беседа написана исключительно с целью защиты интересов боярства“.¹¹ Н. К. Гудзий считал, что автор „Беседы“ разделял взгляды заводжцев, но „путался“ в идеологических вопросах, потому и допускал некоторые отступления в пользу осифлян.¹²

Оригинальную точку зрения высказал И. И. Смирнов, полагающий, что „Беседа“ представляет собой „памятник публицистики, вышедший из среды черного волостного населения русского Севера“.¹³ Разбирая

¹ Беседа . . . , стр. 14; ср. во введении „обличение на еретика и на неверных вся, победа и одоление на царевы враги“ (там же, стр. 1).

² Слово о Валаамском монастыре. Изд. III, СПб., 1888, стр. 11.

³ Остров Валаам и тамошний монастырь. СПб., 1852, стр. 29. В июне 1578 г. Иван IV освободил монастырскую варницу от платежа государственных налогов (там же).

⁴ Слово о Валаамском монастыре, стр. 10.

⁵ Еще в ноябре 1598 года валаамский игумен получил право временно пользоваться угодьями Антониева монастыря, пока его вотчина не будет вновь заселена крестьянами (Остров Валаам и тамошний монастырь, стр. 30).

⁶ Г. П. Бельченко, ук. соч., стр. 27. — А. Д. Седельников, ук. соч., стр. 172—173 и др.

⁷ Г. В. Плеханов, ук. соч., стр. 76.

⁸ В. Вальденберг, ук. соч., стр. 301.

⁹ Там же, стр. 302.

¹⁰ Там же, стр. 303.

¹¹ Там же, стр. 306.

¹² Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 159.

¹³ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 257.

текст этого произведения, И. И. Смирнов установил, что в нем 61 раз упомянуто слово „мир“ в разных значениях, в том числе в смысле „мира земного“, „общества“ вообще, а в 6 случаях — как „черная волость или коллектив жителей черной волости“. Основной вопрос, разбираемый в „Беседе“, по Смирнову, это „вопрос о том, как должен управляться мир“.¹ При этом „иноки являются главной и единственной враждебной силой, противостоящей миру“.² С другой стороны, „самодержавная власть царя рассматривается как гарантия защиты интересов мира“.³

Итак, произведение посвящено судьбам чернососных волостей. Правда, И. И. Смирнов предпочитает употреблять более широкий термин „мир“, но это не меняет дела, ибо даже общество вообще „выступает в „Беседе“ как единый и целостный мир — мир «волостей с крестьянами». В нем нет никого, кроме крестьян — «мирян»“.⁴

Разбор текста „Беседы“ опровергает схему И. И. Смирнова. Действительно, как установили еще Дьяконов и Дружинин, „Беседа“ сложилась на русском севере, отсюда и широкое использование ее автором слова „мир“. Но этот термин в произведении не равнозначен волости или волостной организации крестьян.⁵ Само употребление слова „мир“ и „мир“ и „мирское“, действительно, характерно, но оно говорит о том, что автор „Беседы“ был монах из севернорусских земель, противопоставлявший иноческую жизнь мирской.⁶ Не случайно героями произведения им были выбраны основатели Валаамского монастыря — Сергей и Герман.

Неверно, что главной враждебной силой в „Беседе“ выступают иноки. Автор, наоборот, стремится отстоять чистоту монашеской жизни, критикуя только теневые стороны монашества.⁷ Само произведение адресовано монахам („иноком о бозе на большее спасение“).⁸

Наконец, уже И. У. Будовниц отметил, что если бы автором „Беседы“ был идеолог чернососного крестьянства, то было бы непонятным, почему он выступает сторонником боярского совета при царе и защитником воеводского управления.⁹ Впрочем, вывод самого И. У. Будовница о том, что в Беседе „поднимают свой голос низы русского монашества“,¹⁰ нельзя признать верным. В „Беседе“ нет противопоставления руководства монастырей рядовому монашеству: в стяжании обвиняются монахи вообще без подразделения на какие-либо группы. Подобные обвинения выдвигали и Вассиан Патрикеев и Максим Грек, которые, конечно, не были представителями рядового монашества.¹¹

¹ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 251.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 252.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ Случай, отмеченные И. И. Смирновым, могут рассматриваться как указания на „мирское“ население в отличие от монашеского — и только.

⁶ См., например: „Мы, многогрешни и прегрешни иноцы возлюбил инокство, отеклися мира“ (Беседа... , стр. 15).

⁷ Он пишет, что иноков нельзя „не гневить и не осуждати“, а „почитати их честно и милостиво им давати и обители им соруждати“ (Беседа... , стр. 3).

⁸ Беседа... , стр. 2.

⁹ И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 250—251.

¹⁰ Там же, стр. 254.

¹¹ И. У. Будовниц, вслед за рядом исследователей, обвиняет автора „Беседы“ в „неучености“, якобы характерной для рядовой братии (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 254). Однако отсутствие ссылок на святоотеческую литературу не является показателем „неучености“ автора, а может и свидетельствовать о его нежелании пользоваться писаниями „святых отцев“.

„Беседа валаамских чудотворцев“ — памятник позднего нестяжательства, вышедший из среды севернорусского монашества. В духе Вассиана Патрикеева и Максима Грека ее автор рассматривает, как „погибель, что иноком волости владети и мир судити и от них по христианом приставом ездити и на поруки их давати и пьянству в иноках быти и мирскими слезами кормитися“.¹

Выступает автор „Беседы“ и против податных и иных привилегий монастырей, считая не „богоугодным“ делом, „что инокам из миру, аки царевым мирским приказным сбирати себе всякие царские доходы“.² Богатство монастырей держится на эксплуатации „мирян“ и „бельцев“, т. е. светских служебников, детенышей и крестьян, находящихся в тяжелом положении. Мы, пишет автор, „покоим себе пьянством и брашном от тружającychся нам и от мирян вся лучшая именуем брадкую пищу и питие себе, а не тружającymся на нас, ниже милующих и питающих нас. Зависти ради лишаем бельцов от брашна своего лучшаго; а по достоянию подобает пища и питие, лучшее все мирянном и тружającymся на нас, а не нам, иноком“.³ Все эти пороки монашеской жизни для автора — „новая ересь“.⁴ Филиппики автора „Беседы“ против „пьянственного жития“ монахов перекликаются с приговорами 1580—1584 годов, направленными против монастырского землевладения. В них подчеркивалось, что монастырские села „в пустош изнуряютца ради пьянственного и непотребного слабого жития многообразне“.⁵

Непримиримая вражда к стяжательству монахов сочетается у автора с протестом против участия монашества в политической жизни. В условиях конца XVI—начала XVII века это означало выступление против церковной иерархии, в которой важнейшие посты захватили политические противники нестяжателей — осифляне. В середине XVI века, когда у власти находился близкий к нестяжателям Сильвестр, когда вопрос о победе осифлян или нестяжателей был не вполне ясным, проповедь отхода от участия в политической борьбе не могла слететь с уст сторонника нестяжателей, предлагающего к тому же целый ряд преобразований в социально-политическом строе страны.

Автор „Беседы“ выступает с теорией богоутвержденности царской власти⁶ и с проповедью покорности царям.⁷ В соответствии с идеологией растущего самодержавия, он считает, что „достоит царю грозну быти“.⁸ Правда, „гроза“ царская должна быть смиренная.⁹ Самодержавие представляется автору в виде царской власти, сочетающейся

¹ Беседа... стр. 13.

² Там же.

³ Беседа... стр. 15—16. Ср. „на нас, иноков, по вся дни тружаются без выбору и нас, иноков, питают своими вольными и невольными трудами, во всем пред нами послушание творят. А мы, оказания, ... лишаем таковых богоизбранных брашна своего“ (там же, стр. 17—18).

⁴ „Новая ересь, что инокам волости со христианы владети и мир им судити и на поруки им давати и приставом по них инокам посылати и из миру всякие царские доходы, аки царем и прочим мирским властем, иноком собирати и мир слезити, и во обителих пьянству и сладости быти... и от бельцов собишу себе лучшая пища и питие держати“ (Беседа... стр. 21).

⁵ См.: СГГД, 4. 1, № 200, ср. № 202.

⁶ „Богом бо вся свыше предана есть помазанику царю и великому богом избранному князю. Благоверным князем русским свыше дана есть богом царю власть надо всеми“ (Беседа... стр. 2—3).

⁷ „Покоряйтеся благоверным царем и великим князем... и во всем им прямите“ (Беседа... стр. 2).

⁸ Беседа... стр. 10.

⁹ Там же, стр. 24.

с властью бояр, князей и прочих мирян.¹ Царю следует „с советники совет совещевати о всяком деле“.² Причем монастырям жалуют свои вотчины только „малосмысленнии царю, Христу противници“.³

При оценке взглядов автора „Беседы“ на политическое устройство России надо иметь в виду, что мысль о том, кто должен управлять „миром“, излагается им не сама по себе, а лишь как обратная сторона основного для него тезиса о неучастии монахов в политической жизни страны. Поэтому нельзя искать какой-либо точности в перечислении автором тех чинов, какие должны осуществлять светскую власть. Им называются и царь, и князья, и бояре, и „прочие миряне“. Важно лишь одно: власть царя мыслится автором в сочетании с властью князей, бояр и других царских „приятелей“. Указание на участие в управлении „прочих мирян“ вполне соответствует „вселенскому совету“, т. е. земскому собору, из „Иного сказания“ „Беседы“. В целом же автор констатирует положение, сложившееся с конца XVI—начала XVII века, когда после смерти Ивана Грозного, сначала при царе Федоре, затем при Василии Шуйском и Михаиле Романове, усилилась роль боярской олигархии. Вместе с тем в этот период даже нестяжательские публицисты усвоили осифлянскую теорию о богоустановленности власти самодержца. В „Беседѣ“, следовательно, дана характеристика самодержавия, сосуществующего с боярской думой и боярской аристократией, т. е. строя, утвердившегося в России к XVII веку.

Не являясь непосредственно идеологом боярства, автор „Беседы“ в целом создал схему политического строя России, приемлемую для боярской аристократии конца XVI—начала XVII века.

Социальные реформы сводятся у автора к предложению царям собирать доходы „с пощадою“ и „милосердно, а не гневно, ни по наносу“ „всякие дела делати“.⁴ То же самое обращение адресовано и к „верным воинам“.⁵ Автор предлагает заменить землевладение монастырей ежегодной ругой (денежным жалованьем) и особыми „промышленными улусами“ (в условиях севера прежде всего соляными варницами), на которых бы монахи сами выполняли все работы.⁶

Все эти реформы должны, по мысли автора, улучшить положение Русского государства, облегчить тяжелую долю крестьян и укрепить авторитет монашества.

Таков был проект преобразований, вызванный к жизни хозяйственным разорением страны и обострением классовых противоречий конца XVI—начала XVII века. Возникнув в кругах севернорусского монашества, пытавшихся воскресить нестяжательские идеи, этот проект был далек от основных насущных задач социально-экономического и политического развития России. Основные причины тяжелого экономического

¹ „Царем и великим князем достоит . . . всякие дела делати милосердно с своими князи и с боялары и с прочими миряны“ (Беседа . . . , стр. 3; ср. стр. 5); цари „держат мир“ со своими „пособники“, т. е. „с своими приятели с князи и а боялары“ (там же, стр. 4); „подобает с миром во всем ведати царю самому со властями своими“ (там же, стр. 24).

² Беседа . . . , стр. 10; ср. также: „царем с боялары и с ближними приятели о всем советовати накрепко“ (там же, стр. 27).

³ Беседа . . . , стр. 10.

⁴ Беседа . . . , стр. 3; ср. стр. 21. Упомянув о „гневных“ делах, автор, возможно, имеет в виду опричные порядки.

⁵ „К своерным и в домех их быти кротко, щедро и милостиво, и их не бити, ниже мучити и грабленя не творити“ (Беседа . . . , стр. 22).

⁶ „Подобает иноком примати годовая урочная милостыня“ (Беседа . . . , стр. 3; ср. стр. 24, 26).

положения страны автор усматривал не в усилении эксплуатации крестьян и хозяйственном разорении, а в существовании монастырского землевладения. Ограничив в 1584 году дальнейший рост земельных богатств монастырей-вотчинников, русское правительство впоследствии основное свое внимание в социальных преобразованиях обратило на рабочие руки, столь необходимые широким кругам дворянства, и провело целый ряд мероприятий по закреплению крестьянства. В условиях существования множества запустошенных земель центральным вопросом социально-экономической действительности в России конца XVI—XVII века становится крестьянский вопрос.

Не представляла особенной актуальности и политическая сторона проектов автора „Беседы валаамских чудотворцев“: роковые последствия мнимого засилья монахов при царском дворе были явно преувеличены в политических целях публицистов нестяжательского толка.

Отражая некоторые стороны русской действительности конца XVI—начала XVII века, и разбирая причины хозяйственного разорения и политических неурядиц, автор „Беседы“ задумывался над теми проблемами, которые волновали современных ему публицистов (дьяк Тимофеев и др.). Однако основной целью произведений этого автора было стремление реформировать строй жизни русского монашества путем воскрешения нестяжательских идей. К положению Русского государства и трудящихся он обращает свое внимание лишь постольку, поскольку ему необходимо обосновать свои предложения о преобразовании монастырей и показать пагубные последствия монастырского землевладения и участия монахов в политической жизни страны. Этот крайне узкий аспект произведения показывал постепенную деградацию нестяжательской публицистики в конце XVI—начале XVII века.

* * *

Не многие из публицистов XVI—начала XVII века предлагали развернутые проекты преобразования социального и политического строя Русского государства. К их числу относятся как Иван Пересветов, так и автор „Беседы валаамских чудотворцев“.¹ Правда, они писали в разное время: если первый видел еще начало реформ Ивана Грозного и намечал в своих сочинениях пути их продолжения, то второй писал уже после завершения политических преобразований в тяжелой обстановке хозяйственного разорения, осложненной внешнеполитическими неудачами. Это наложило свой отпечаток на весь тон сочинений — оптимистические прогнозы Пересветова сменились мрачным сознанием тяжелого положения и поисками выхода из него.

И. С. Пересветов — идеолог передовой части растущего дворянства, захваченного реформационным движением. Автор „Беседы“ — представитель позднего нестяжательства из числа севернорусского монашества с идеологией, вполне приемлемой для боярской аристократии конца XVI—начала XVII века.

¹ В литературе делались попытки непосредственно связать „Беседу“ с сочинениями Пересветова. Так, П. Н. Милоков предполагал, что „Беседа“ была непосредственным откликом на пересветовские проекты, ибо в ней содержатся возражения против проповеди „самовластия души“, находящейся также в „Сказании о Петре Волосском“ (П. Н. Милоков. Очерки по истории русской культуры, т. III, вып. 1, СПб., 1903, стр. 61—62). Однако „Сказание о Петре Волосском“ не принадлежало Пересветову и явилось произведением 20-х—30-х годов XVII века. Вальденберг, напротив, рассматривал сочинение Пересветова как ответ на „Беседу“ (В. Вальденберг, ук. соч., стр. 331—332). Но публицист конца 40-х годов XVI века не мог отвечать на произведения конца XVI—начала XVII века.

Реформационное движение затронуло и автора „Беседы“, но иначе, чем Пересветова. Лозунг секуляризации земель дополнялся у автора слабым вниманием к авторитету святоотеческой литературы. На этом дело и кончалось. Публицист в целом находился на вполне ортодоксальной церковной позиции, чего нельзя сказать о Пересветове с его утверждением, что „бог любит правду больше, чем веру“. В сочинениях Пересветова не только нет ссылок на „святых отцев“, но и вообще о церкви как учреждении мы не найдем почти никаких упоминаний.

Значительно дальше шел Пересветов и в своих социальных взглядах. Если автор „Беседы“ предлагал лишь некоторое смягчение податного гнета, то Пересветов энергично выступал против кабального и полного холопства.

Разница отправных идеологических позиций определила разницу как в существе предлагавшихся обоими публицистами реформ, так и в форме, в которой они выражались. Оба публициста вкладывают свои думы и чаяния в уста исторических персонажей — в этом они сходятся. Но у Пересветова главные герои — крупные государственные деятели: Петр воевода волоцкий и Магмет-салтан. Автор „Беседы“ делает героями монахов, основателей Валаамского монастыря — Сергия и Германа.

Если Пересветов предпочитает жанр светской исторической повести и челобитной, прямо адресованной Ивану Грозному, то автор „Беседы“ избирает жанр, близкий к видению, т. е. из церковной литературы, и адресует свое сочинение монашествующей братии и лишь косвенно „царям“ вообще. Пересветов, отражая интересы передовой части господствующего класса, прежде всего задумывается о судьбах государства, изыскивая пути и средства для его укрепления. Для автора „Беседы“ главное — переустройство монашеской жизни, а изменения в политическом строе следует провести лишь исходя из этих преобразований и в связи с ними.

Пересветов — убежденный сторонник самодержавия и „царской грозы“. Сторонником самодержавной власти был и автор „Беседы“. Однако формы осуществления на практике самодержавия не очень волнуют этого публициста, выступающего против участия в политической жизни страны монашества, т. е. тех кругов, к которым он сам принадлежал. Если Пересветов предлагает решительно перестроить центральный аппарат, то автор „Беседы“ оставляет все по-старому, указывая только на вред, проистекающий от участия монашества в управлении страной. Поэтому у автора „Беседы“ самодержец на деле оказывается ограниченным Боярской думой и „прочими княжатами“ (возможно, также и земским собором). Этот публицист, как и Пересветов, выступал сторонником царской „грозы“, но лишь с тем условием, что „гроза“ должна быть милостивой.

Сравнение сочинений Пересветова с „Беседой валаамских чудотворцев“ показывает, что дворянский публицист середины XVI века отличался несравненно большей дальнозоркостью, чем представитель позднего нестяжательства, писавший после него не менее чем через пятьдесят лет.

В. В. ДАНИЛОВ

Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века

Во введении к истории русской литературы XVII столетия В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что художественная литература эпохи крестьянских войн, и польско-шведской интервенции „тесно сплетается с документальным материалом“ и между ними устанавливается стилистическая связь. Это „сказывается в деловом языке некоторых повестей и в церковной риторике, которой не лишены особенно грамоты Троицкого монастыря“.¹

Что „искусные иноки“, как говорили в XVII веке, сообщали своим военно-политическим воззваниям риторический характер, это вполне естественно, так как для них культура выразительной речи была делом профессиональным. Но приемы художественной речи проникают гораздо дальше и глубже — в московские грамоты и другие документы, не связанные с церковными кругами.

Задача моей статьи — рассмотреть московские грамоты и близкие к ним документы: отписки, памяти, послания и пр., преимущественно XVII столетия, со стороны изобразительных и выразительных средств языка, что может дать понятие о более широком уровне литературного развития, чем изучение одних художественных произведений.

Крупные изменения, происходившие в Русском государстве XVII века, складывание всероссийского рынка, окончательное закрепощение крестьян, обострение классовой борьбы и усиление самодержавия вызвали потребность в усиленном законодательстве. Соборное уложение, отразившее сдвиги в социально-экономическом развитии страны, представляло собой более развитую систему права, чем предшествовавшие законодательные памятники; однако, как и во всех кодексах феодальной эпохи, в уложении отсутствовали нормы, регулировавшие деятельность центральных учреждений, а также определявшие взаимоотношения центральных учреждений с местными.² Это обусловило необходимость появления многочисленных правительственных грамот, представлявших „частные или местные распоряжения по тем или иным вопросам управления и суда“, из которых мало-помалу вырабатывались общие нормы.³

Администрация на местах, с своей стороны, должна была сноситься отписками с центральной властью. „О всем ко государю почасту

¹ История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 18—19.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1950, стр. 256.

³ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3-е, СПб., 1910, стр. 217—218.

писати“, как говорится в царском наказе 1622 года вяземским воеводам“.¹

Гражданская власть в сношениях с населением широко пользовалась письменным словом. В окружной царской грамоте 1637 года о преследовании „денежных воров“, т. е. фальшивомонетчиков, приказывалось „против сего нашего указу написать памяти и приклеити у таможен, и по городовым воротам, и в ряде, и по улицам, и по малым торжком, и во всяких местех, где людем сход, опричь церквей, чтоб тот наш указ всем людем был ведом“.²

Церковная власть, центральная и местная, сообщалась с подчиненными ей организациями и лицами также посредством грамот и посланий, причем часто требовалось широкое распространение списков грамот по местам. Например, Ростовский митрополит Варлаам, посылая богомольную грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь по поводу возобновления войны с Польшей в 1632 году, наказывал игумену: „послал бы еси с ее наши грамоты списки слово в слово“.³ Поэтому законодательно-административная деятельность центрального правительства и работа по управлению местных гражданских, а также церковных органов требовали громадного числа профессионалов пера: подьячих, „дьячков от письма книг“⁴ и земских писарей. Только население с большой культурой грамотности могло создать целое сословие специалистов письма, разбросанных по всем городам, от западных границ Московского государства до его сибирских окраин. Число не просто грамотных, а искусно грамотных людей в разных классах населения, желавших использовать свое образование для приобретения средств к жизни и, покинув занятия своих родителей, пойти в подьячие, было так велико, что создавало конкуренцию для всего подьяческого сословия. Поэтому, под очевидным давлением снизу, царь Михаил Федорович в 1641 году указал „во все приказы послать памяти, чтоб поповых и дьяконовых детей, и гостиных и суконных сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей, — в подьячие не принимали“.⁵ Среда профессионалов, „дьячьей избы“, как показывает этот документ, впитывала в себя представителей различных социальных слоев и по необходимости должна была совершенствовать свое мастерство, как это свойственно всякой профессии, и из нее выходили настоящие писатели XVI столетия (историограф „Смутного“ времени, автор „Временника“, дьяк Иван Тимофеев, а во второй половине того же века — Григорий Котошихин).

Чтобы охарактеризовать грамоты и близкие к ним документы с литературной стороны, останавлюсь на некоторых постоянных в московских грамотах, особенно XVII века, приемах художественной речи, встречающихся в них довольно часто.

Говоря о приемах художественной речи, которые можно рассматривать как формы сознательной профессионально-литературной обработки текста грамот, необходимо установить отличие их от тех художественных форм, встречающихся в грамотах, которые отражают художествен-

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею, т. 3, СПб., 1841, № 116, стр. 175. (В дальнейшем — АИ).

² Акты, собранные Археографическою экспедициею, т. 3, СПб., 1836, № 266, стр. 207. (В дальнейшем — АЭ).

³ Там же, № 334, стр. 489. По тому же поводу новгородский митрополит Киприан в окружной грамоте в Архангельский монастырь указывал игумену „от себя богомольные грамоты разослати нарочно наскоре“ по другим монастырям и погостам.

⁴ АЭ, т. 3, № 333, стр. 488.

⁵ АИ, т. 3, № 92, стр. 108.

ную стихию народного языка, и являлись обычными, истари присущими ему художественными элементами.

Мы назовем персонифицирующей метонимией формулу: „куда топор ходил, куда коса ходила“, употребляющуюся в грамотах, утверждающих пределы владения полезной землей и хозяйственными лесными участками. Но она вошла в грамоты не как орнаментальная форма, а как консервативная юридическая формула, которую находим в грамотах разных столетий. Приведем несколько примеров. Жалованная грамота 1400 года ярославского князя Толгскому монастырю: „се яз, князь Федор Федорович, пожаловал есми игумена с братьею Толгсково деревнею Куколциным, и с лесом, и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою землею, что к ней истари тянуло“.¹ Жалованная грамота 1443 года можайского князя Троице-Сергиеву монастырю: „се яз, князь Иван Ондреевич, пожаловал есми игумена Зиновья с братьею, дал есми в дом святой Троице в Сергиев монастырь, в своей вотчине, монастырек Юрьи Святый в Раменце да Поповское на реце на Шексне со всем тем, что к тому монастырьку, к Поповским, издавна потягло, где топор и коса ходила“.² Купчая на селцо Михайловское с деревнями 1571 года: „купчую ему (дьяку Василию Щелкалову, — В. Д.) на ту Уланову вотчину Айгустова велел государь дати, что к тому селцу, к Михайловскому, и к деревням истари потягло, куды ходил серп и коса, и соха, и топор“.³ Жалованная царская грамота Иверскому монастырю 1654 года: „изволили дати. . . отчину нашу новгородской приписи, что был пригород Холм на Ловати реке, со крестьяны и с деревнями и со всеми угоды, куды истари ходил плуг и соха, и топор“.⁴

Следовательно, метонимии, относимые нами к поэтической лексике, являются здесь выражениями юридического порядка.

Точно так же наблюдаемый в языке некоторых грамот ритм есть проявление присущего народной речи ритмического сказа, а не личное сочинительство писца:

А тебе меня, своего брата старейшего,
имети ти честно и грозно;
а мне тебе, своего брата младшего,
держати в братстве и во чти, без обиды...
а добра ти мне хотети везде во всем:
в Орде и на Руси без хитрости...
а кто мне будет, великому князю, друг
и моей братьи младшей, —
то и тебе друг.
а кто мне — недруг и моей братьи младшей,
то и тебе недруг...⁵

По недружбе мне ни на кого не зятати,
а по дружбе мне ни по ком не покрыти...⁶

И даже иные рифмованные формулы, приказания или клятвы, восходят в грамотах к народной рифмованной афористической речи, имеющей

¹ АЭ, т. 1, № 15, стр. 11.

² Там же, № 38, стр. 29.

³ Там же, № 280, стр. 316.

⁴ АЭ, т. 4, № 78, стр. 115.

⁵ Договорная грамота 1435 г. великого князя Василия II Темного и удельных князей: углицкого Димитрия Шемяки и бежецкого Димитрия Красного с галицким князем Василием Косым. АЭ, т. 1, № 29, стр. 20.

⁶ Покрестная запись 1598 г. на верность службы царю Борису Федоровичу. АЭ, т. 2, СПб., 1836, № 10, стр. 59.

место в „Изборнике Святослава 1076 года“, в „Молении Даниила Заточника“ и более всего представленной в пословицах, потому что рифма способствовала запоминанию нравственных правил и наставлений, содержащихся в афоризмах. Сюда принадлежат такие рифмованные формулы, как: „другу не дружить, а недругу не мстить“,¹ „по дружбе никому не норовити, а по недружбе никому не мстити“,² „как начали, так бы и докончали“,³ „как есте начали, так бы есте совершали“⁴ и пр.

Конечно, и метонимии, персонифицирующие земледельческие орудия, и ритмический сказ, и рифмованные приказания — всё это должно было действовать на тех, для кого были написаны грамоты, как действует художественно оформленное слово, но это не плод осознанного стремления профессионала письма повлиять словесною формою на слушателя или читателя, это стихийное проявление творческих элементов народной речи.

Говоря о художественно-литературной обработке московских грамот, я имею в виду приемы их изложения, которые приходится отнести именно к осознанному стремлению профессионалов письма повысить уровень своей работы, сделать ее искуснее и ценнее. К таким осознанным художественным формам в грамотах относится рифмованная речь в распространенном изложении, к которой любили прибегать авторы исторических повестей и мемуаров XVII века, вставляя ее в прозаический текст.

Обыкновенно авторы грамот пользуются рифмой морфологической, чаще всего глагольной. Глагол-сказуемое, преимущественно в инфинитивной форме, заменявшей императив, имел в грамотах, подобно древним классическим языкам, подчеркнутое место в конце речевой единицы или ее более или менее самостоятельной части. Таким образом, благодаря одинаковым глагольным окончаниям создавалась рифмованная неметрическая речь. Грамоты пользуются ею не безразлично. Большею частью рифма появляется в грамотах в случаях, когда она становится средством эмоционального воздействия.

В грамоте воевод князя Одоевского и Головина 1614 года к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого и Марину Мнишек говорится: „ныне всего Российского государства дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди, и атаманы, и казаки... польским и литовским людям зло их доводят, и там их, врагов и разорителей, доходят, и содеянное ими им мстят, польскую и литовскую землю воуют, жгут и пленят... И вы б... против всяких государевых и Московского государства недругов — иноязычников крепко стояли, и везде, не щадя голов своих, кровь свою проливали, и пленных хрянских душ из бесерменских рук высвобождали, а к таким воровским заводам не приставали“.⁵

Рифма придавала приказаниям сугубо императивный характер и поэтому встречается в грамотах, адресованных лицу, от которого требовалось строгое выполнение предначертаний центральной власти.

В 1625 году в Кузнецкий острог, вокруг которого жили ясачные люди — татары и остяки, был послан на воеводство Федор Голенищев-Кутузов. Он должен был сменить прежнего воеводу, при котором население страдало от насилий и поборов, тогда как московское правитель-

¹ АИ, т. 5, СПб., 1842, № 133, стр. 227.

² АЭ, т. 2, № 10, стр. 60.

³ АЭ, т. 2, № 127, стр. 236.

⁴ АЭ, т. 3, № 21, стр. 30.

⁵ АЭ, т. 3, № 19, стр. 24—25.

ство стремилось „государевых ясачных людей от государя не отгоняти и не жесточити“. Для этого новому воеводе дается наказ в наиболее запоминаемой и энергической форме: „татар и остяков от русских людей, от обид и от насильства оберегати, и к ясачным людем ласку и привет держати, и воров от воровства унимати, и наказанье и оборончинити, и ясаков лишних с ясачных людей не имати, и у ружников и у оброчников хлеба на себя Федору не покупати, и самому никакими товары не торговати, и в иные города и в уезды с товары торговли и покупати от себя не посылати“.¹

В грамоте Михаила Федоровича 1617 года, обращенной через новгородского митрополита Исидора ко „всяким служилым и жилецким и уездным людем“ и обладающей всеми чертами церковной риторики, рифмуются книжные отглагольные имена существительные на -ение: „В безгосударное время от польских и от литовских, и от немецких людей, и от безбожных Агарян Измаилтеского рода учинишася многим градом и местом запустение, и святым божним церквам и обителем разорение, и многое бесчисленное крестьянское кровопролитие и позжение, и истопление, и в плен расхищение“.²

Такое накопление слов с созвучными окончаниями в приведенных примерах, число которых можно увеличить во много раз,³ конечно, не было случайностью: это — преднамеренный литературный прием.

Стремление сочинителей грамот к тому, чтобы их содержание служило „ко укреплению и к прибыли вперед, прочно и стоятельно“ и чтобы власти на местах „не гораздо плутали“, вызвало насыщение языка грамот синонимическими словами и выражениями, которые, подкрепляя мысль, ведут к ее более красочному словесному оформлению. Из грамот можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать более веским приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная.

Вот несколько примеров.

1567 г. ... государь, великий князь Иван Васильевич... зело оскорбися и опечалися.⁴

1613 г. ... вы, слыша то, ... скорбите и жалеете...⁵

1613 г. ... и служба ваша к нам и раденье ко всей земли... учинили памятну и славу во веки.⁶

¹ АИ, т. 3, № 134, стр. 222.

² АИ, т. 3, № 284, стр. 451.

³ Рифмованную речь находим в грамоте ростовского митрополита Филарета 1606 года по случаю войны с приверженцами второго самозванца (АЭ, т. 2, № 57, стр. 126), в царской грамоте в Устюжну-Железнопольскую 1608 года о защите против мятежников и литовских людей (АЭ, т. 2, № 93, стр. 188), в царской похвальной грамоте ярославским ратным людем за усердную службу 1609 года (АЭ, т. 2, № 127, стр. 236), в отписке выгодоцев к пермичам о сборе ратных людей 1609 года (АЭ, т. 2, № 102, стр. 200), в грамоте терского воеводы Головина астраханским воеводам о Заруцком и Марине 1614 года (АИ, т. 3, № 30, стр. 28), в сборной грамоте российского духовенства донскому казачьему войску о Заруцком и Марине 1614 года (АЭ, т. 3, № 23, стр. 40), в грамоте бояр и всех чинов людей Московского государства Волжскому казачьему войску о содействии против Заруцкого и Марини 1614 года (там же, № 26, стр. 56), в царской грамоте в Новгород по поводу Столбовского мира со шведами 1617 года (АИ, т. 3, № 284, стр. 450), в окружной царской грамоте о сборе денег для обороны против крымских татар 1637 года (АЭ, т. 3, № 268, стр. 409), в богомольной царской грамоте во Флорищеву пустынь по случаю нашествия татар и турок 1678 года (АЭ, т. 4, № 227, стр. 314) и др.

⁴ АИ, т. 1, № 275, стр. 312.

⁵ АИ, т. 3, № 6, стр. 5.

⁶ АЭ, т. 3, № 3, стр. 3.

- 1614 г. ... им в свою землю ехать безо всякого задержания и зацепки.¹
 1614 г. ... ныне мы, холопы государевы, стали пеши и бесконны.²
 1614 г. ... в Астрахани мы Маринки и Ивашка Заруцкого держати не смели для смуты и шатости.³
 1616 г. ... и мы ... молили и просили, и' радели и промышляли.⁴
 1622 г. ... в Сибирских городех хлеб живет дорог... и то делается нерадением, небереженьем вашим.⁵
 1625 г. ... бережи накрепко, чтоб ... на караулах и на сторожах было бережно и у сторожливом.⁶
 1625 г. ... и они б, уездные люди, жили ... во всем в покое и в тишине.⁷
 1627 г. ... а как отживут урочные годы, и тогда они свободны и вольны, куда хотят.⁸
 1627 г. ... в той деревне люди бедны и скудны.⁹
 1635 г. ... обыскивати накрепко, не боясь и не страшась никого ни в чем.¹⁰
 1640 г. ... А старцом велеть жить в монастыре стройно, смирно и немятежно, в покорении и в повиновении.¹¹
 1676 г. ... ему, Вавиле, ... в ясных остяках шатости и измены проводить.¹²
 1682 г. ... чтоб они пришли в познание и от смятения однолично отстали и были нам, великим государем, в обыклом повиновении и в послушании.¹³
 1697 г. ... было многое их челобитье, что они вконец оскудали и разорлись.¹⁴

Немного, однако, наберется пар синонимов, которые бы не встречались в различных грамотах. Рядовой подьячий черпал их из готового, сложившегося запаса стилистических средств или из старых документов, по которым он учился сочинять.

Особенно показательно традиция приказно-литературной школы проявляется на примере двух грамот, относящихся к разным годам и царствованиям.

В 1610 году царь Василий Шуйский пожаловал Путяте-Дружине-Садилову и его потомству „в род их неподвижно“, т. е. в вотчину, часть поместья, которым владел Путята. По этому поводу была дана грамота, в которой его служба изображена целым рядом хвалебных синонимов: „он, Путята, будучи на Москве, в осаде, против тех злодеев наших стоял крепко и мужественно и многое дородство, и храбрость, и кровопролитие, и службы показал, и голод, и наготу, и во всем оскуденье, и нужу всякую осадную терпел, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости; и от тое их великия службы и терпенья польские и литовские люди и русские воры от Москвы отошли“.¹⁵

В 1614 году такое же пожалование поместья в вотчину было дано царем Михаилом Федоровичем Ивану Степановичу Урусову „за службу, что он служил и в осаде в Великом Новгороде, и в Торжку, и в Твери“.

¹ АЭ, т. 3, № 17, стр. 20.

² АИ, т. 3, № 22, стр. 22.

³ АИ, т. 3, № 36, стр. 34.

⁴ АИ, т. 3, № 284, стр. 449.

⁵ АИ, т. 3, № 107, стр. 151.

⁶ АИ, т. 3, № 134, стр. 212.

⁷ АИ, т. 3, № 135, стр. 219.

⁸ АИ, т. 3, № 148, стр. 240.

⁹ АИ, т. 3, № 149, стр. 241.

¹⁰ АИ, т. 3, № 184, стр. 337.

¹¹ АЭ, т. 3, № 298, стр. 441.

¹² АИ, т. 5, № 4, стр. 9.

¹³ АИ, т. 5, № 96, стр. 148.

¹⁴ АИ, т. 5, № 262, стр. 475.

¹⁵ АЭ, т. 2, № 159, стр. 272.

Пожалование было утверждено грамотой, в которой сказано: „а он, Иван, будучи с боярином нашим, со князем Михайлом Васильевичем Шуйским, против тех врагов наших стоял крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость, кровопролитие, службы показал“. Далее таким же образом, слово в слово, повторяется характеристика, данная Путяте при Василии Шуйском.

Следовательно, два лица, находившиеся в разных местах и в различных условиях, были обрисованы одинаковыми героическими чертами подьячского стилистического графарета, причем некоторые новоторжцы решительно отрицали героизм Урусова и даже обвиняли его в том, что он „вору крест целовал“, о чем подали челобитную, хотя она и была отвергнута.¹

Наиболее художественные приемы речи, создающие наиболее сильные интонации, свойственны документам, идущим от образованных представителей церкви, которые, по словам царской грамоты 1616 года к игумену Троице-Сергиева монастыря Дионисию, „подлинно и достохвально извычки книжному учению и грамотику и риторию умеют“.²

В 1611 году жители города Ярославля послали казанскому митрополиту отписку об ополчении, в составлении которой самое близкое участие должны были принять двенадцать человек чернецов и „соборных попов“, подписавших отписку. Изображая бедствия Русской земли, авторы говорят: „А тесноты русским людям не lze исписати: на Москве и по городом вся православные крестьяня от насильства и кормовых правевеж нещадных в смертной скорби сетуют и плачут и рыдают, с часу на час ожидают смерти“.³ „Сетуют и плачут и рыдают“ — это классический пример восходящей градации синонимов.

Воззвания к русскому народу во время польской интервенции патриарха Ермогена представляют не только образец высокого и самоотверженного патриотизма, но и большого словесного искусства: недаром его называли „вторым Златоустом“. „Ныне, — писал Ермоген о своих современниках в грамоте 1611 года, — безумнее всех явишася: оставльше свет, во тьму отпадоша, оставльте живот, смерти припрягошася; оставльше надежду будущих благ, ... в ров отчаяния сами ся свергоше“.⁴ Это тоже классический пример, в данном случае — анафоры.

Можно было бы повторить почти всю теорию художественного стиля на примерах, взятых из московских грамот. Но я не ставлю задачи исчерпать содержащийся в них изобразительный и выразительный материал. Моя цель наметить в грамотах черты литературной обработки и профессиональной школы. Подьячий, не говоря о людях, „извычных книжному учению“, не всегда простой писец или только чиновник, но часто человек с литературно-художественными навыками. Подобно рисовальщику инициальных букв и заставок в рукописных книгах, старавшемуся разукрасить букву плетенкой, веточками и другими измышлениями своей художественной фантазии, более одаренный подьячий стремился стилистическими приемами привлечь внимание к словесной форме грамоты.

В грамотах обычна формула неотъемлемости и неизменности дарованных прав, построенная на повторе: „а у которых пошлинников на

¹ АЭ, т. 3, № 190, стр. 276.

² АЭ, т. 3, № 329, стр. 483.

³ АЭ, т. 2, № 188, стр. 322.

⁴ АЭ, т. 2, № 169, стр. 288.

грамоты грамота, а на сю мою грамоту грамоты нет“.¹ Эту формулу один подъячий сделал еще более звонкой, играя словом „грамота“. Под его пером в жалованной грамоте 1455 года белозерского князя Михаила Андреевича Афанасию Внукову формула неотъемлемости прав приняла такой затейливый вид: „А на которые грамоты грамоту свою дам своему наместнику или рыбнику, а на сю грамоту грамоты моей не дам. А будет ми дати на сю грамоту своя грамота, и яз дам во имя, на Афанасьеву грамоту, свою грамоту. А будет на него, имя Афанасьеву, грамота, ино Афанасьева грамота в грамоту“.²

К литературной обработке грамот относится также цитирование библейских изречений, поскольку цитаты служат не только приемом убедительности, но также выразительности и образности речи. Не говорю о библейских цитатах, встречающихся в грамотах представителей церкви. Имею в виду цитаты из писания в гражданских документах по памяти, без указания на то, какому в отдельности произведению принадлежит приводимое изречение.

В грамоте Донского казачьего войска 17 мая 1614 года „великому и славному рыцарскому Волскому, Терскому и Яицкому войску“, в которой донские казаки убеждали товарищей по оружию подчиниться новому царю Михаилу Федоровичу и быть „в соединенье душами и сердцаы своими“, говорится: „задняя забывают, на предняя возвращаются, а ожидают, государи, будущих благ; а ведаете и сами святого бога писанье: тысяща лет, яко един день, а день един, яко тысяща лет“.³ „Задняя забывают, на предняя возвращаются“ — это слова из послания апостола Павла к филиппийцам (III, 13), источника которых казачий сочинитель грамоты не называет. Дальше следует общее указание на писание „святого бога“, и из второго послания апостола Петра, также без ссылки на источник, приводится богословская мысль, что тысяща лет, как один день, а один день, как тысяща лет. Встает вопрос, почему эта мысль должна была служить доказательством того, что казаки обязаны подчиниться Михаилу Романову. Вероятно, сочинитель воспользовался ею как „притчегу хитрою“, по выражению Даниила Заточника, непонятною, но возбуждающею воображение.

Летом того же 1614 года на грамоту астраханских воевод, с призывом итти против Заруцкого и Марины, донские казаки отвечали, надо полагать, пером автора предыдущей своей грамоты, что они волжским, терским и яицким казакам писали много, чтоб они задняя забывали, а на предняя простиралися, отступили бы от всякого зла, сотворили благо“.⁴ Изменение текста первой цитаты („возвращаются“ — „простиралися“) подтверждает предположение, что она приводится не из книги.⁵ Если бы сочинитель грамот брал цитаты из самого писания, вряд ли он не подкрепил бы их сакраментальными словами: „яко же глаголет“ апостол Петр или Павел, но он не знал источников цитат, которые входили в его умственный инвентарь или в устной передаче или из сборников изречений, где не отмечались источники последних.

Наконец, укажу на риторическое оформление документа XVII столетия посредством произведения русской литературы XIII века. В 1636 году, по указу патриарха Иоасафа, была дана память тиуну Манойлову и поповскому старосте Панкратию о прекращении в московских церквах

¹ АЭ, т. 1, СПб., 1836, № 223, стр. 212.

² АЭ, т. 1, № 374, стр. 466.

³ АИ, т. 3, № 12, стр. 13.

⁴ АИ, т. 3, № 22, стр. 22.

⁵ „Отступили бы от всякого зла, сотворили благо“ — из Псалма 34, 15.

бесчинств, в связь с которыми, как наказание, ставятся бедствия, испытанные русским народом в Смутное время: „Весте ли убо, яко творящим злая и придут ли на ны благая? Чего не пострадохом! Не пленена ли земля? не взяты ли быша гради? не падоша ли без оружия? не помроша ли скоти и не оскудеша ли нивы? И сия вся содеяшася ныне пред очима нашими в наше наказание, а никако же вспомянухомся!“¹ Это не только подражание риторическим вопросам Серапиона Владимирского, но и прямое заимствование из его второго „слова“: „Не пленена ли бысть земля наша? не взяты ли быша гради наши? не вскоре ли падоша отци и братия наша?“. Эти слова проповедника эпохи татарского нашествия почти дословно воспроизведены в документе XVII столетия.²

Заканчивая обзор художественно-литературных приемов, наблюдаемых в грамотах и близких к ним документах Русского государства, можно сказать, что некоторыми приемами они часто сближаются с художественно-литературными произведениями, потому что им не чужда установка на выразительность. Сочинители грамот стремились „снять с языка повседневную одежду и придать ему внешность праздничную“, как распространительно интерпретируется одна скупая фраза в „Поэтике“ Аристотеля (глава XXII),³ иначе говоря, старались посредством определенного подбора слов и их сочетаний воздействовать на умы и чувства читателей и слушателей.

Авторы грамот, светские и церковные, не были только писцами типа сухих канцеляристов более поздних времен, но обладали художественно-литературными навыками и известным литературным развитием, что было не столько индивидуальным явлением, сколько проявлением профессиональной традиции или, говоря условно, профессиональной школы.

¹ АЭ, т. 3, № 264, стр. 403.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, стр. 24.

³ Поэтика Аристотеля. Перевод В. И. Захарова, Варшава, 1885, стр. 87.

М. Д. КАГАН

**„Повесть о двух посольствах“ — легендарно-политическое
произведение начала XVII века**

К характеристике памятника

Предметом данной работы послужило малоизвестное произведение древнерусской литературы. В описях рукописных отделов и архивов, а также в редких упоминаниях в научной литературе оно обычно называется подложными или вымышленными статейными списками посольств Андрея Ищенна в Царьград и князя Захария Сугорского в „Цысарскую“ землю. Указанные „подложные“ статейные списки являются, как это обнаруживается в процессе их изучения, единым литературно-публицистическим произведением начала XVII века, которое в дальнейшем будем называть „Повесть о двух посольствах“.

В основу сюжета повести положены подлинные исторические события — посольство Андрея Ищенна-Кузминского в 1571 году в Константинополь¹ и посольство князя Захария Ивановича Сугорского в 1576 году к Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург.² Оба посольства решали важные вопросы внешней политики Руси XVI века: первое касалось вопроса о сохранении мирных отношений с враждебной Турцией, второе было подготовкой к дипломатическому признанию укрепления русских в Ливонии. Повесть о двух посольствах не может служить историческим источником по истории русской дипломатии 70-х годов XVI века. Это — написанная на тему о посольствах легенда, в которой достоверные сведения тесно переплетаются с вымыслом.

В дворянско-буржуазной науке повесть не нашла своего исследователя, хотя известна была уже Н. М. Карамзину. В примечаниях к IX тому „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзин наряду с источниками о посольствах 70-х годов XVI века упоминает о существовании на тему об этих посольствах „басни“, внесенной в некоторые новые летописцы, и пересказывает ее содержание.³ Под „басней“ Карамзин имел в виду нашу повесть. Позднее произведение привлекло внимание акад. А. С. Орлова, который высказал предположение, что неизвестный автор был знаком с челобитными и произведениями Ивана Пере-

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Уч. зап. МГУ, вып. 94, М., 1946, т. I, стр. 122—125.

² Я. С. Дурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева. Истор. зап., М., 1948, № 27, стр. 291—300.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. 2-е, т. IX, стр. 115, примеч. 348; стр. 161—163, примеч. 442.

светова.¹ Аналогию текстов из рассказа о посольстве Сугорского с произведениями Пересветова усматривает и В. Ф. Ржига.² Мысль о связи „Повести о двух посольствах“ с сочинениями Пересветова в советской историографии поддерживается А. А. Зиминим.

Если, с одной стороны, утверждается связь „Повести о двух посольствах“ с публицистикой XVI века, то, с другой стороны, замечено сходство этого произведения с литературной традицией XVII века. А. Н. Робинсон, исследуя вопрос о жанре „Поэтической повести об Азове“, обращается к „вымышленным статейным спискам“ Ицкеина и Сугорского и указывает на жанровую, тематическую и идейную близость обоих произведений.³ Хотя А. Н. Робинсон называет еще „Повесть о двух посольствах“ ее старым и неверным названием — „вымышленные статейные списки“, но он уже определенно говорит о ней как о литературном произведении XVII века, обладающем рядом стилистических и художественных достоинств.

Несмотря на столь интересные наблюдения, сделанные в последнее время относительно „Повести о двух посольствах“ и как бы намечающие ее место в древнерусской литературе, сама она, как единое литературное произведение, оставалась неизученной, списки ее — неразысканными, текст — неисследованным. Цитируя „Повесть о двух посольствах“, А. Н. Робинсон пользовался позднейшей, четвертой редакцией текста, которая издана в „Памятниках древней письменности и искусства“ (изд. ОЛДП, СПб., 1883) без указания рукописи и без вариантов. Четвертая редакция „Повести“ в издании ОЛДП расчленена на два самостоятельных „статейных списка“, и тексту не предпослано ни предисловия, ни объяснения.

Остановимся на вопросах о том, что представляет собой „Повесть о двух посольствах“ как политическое и публицистическое произведение, когда она была создана и кто ее автор, наконец, какова ее литературная форма и место в ряду публицистических произведений древнерусской литературы.

* * *

„Повесть о двух посольствах“, рассказывающая о посольстве 1576 года князя Захария Ивановича Сугорского в „Цысарскую землю“, не могла быть написана ранее 1576 года — даты исторически достоверного посольства.

Верхнюю хронологическую границу дает список Библиотеки Академии Наук СССР 4.7.16, датируемый началом XVII века. В этом списке переписчик тем же почерком и теми же чернилами дописал после текста повести, сразу же после упоминания града „Станбала“ (Стамбула): „Создан бысть Царьград благоверным царем Костянтином в лето 6000 от 29-го. И был за православным хрестьянстве 1132 лета, а взят от турскаго в лето 6961 мая в 29 день, и тому, как взят, по 29 день 161 год. А после распятия хрестова создан Царьград в 290-м в 6 году“. Датирующим в этой приписке является отсчет от даты взятия Царьграда турками 161 года (6961—5508=1453; 1453+161=1614), что

¹ А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (текст). М., 1906, стр. 35, 36.

² В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI века. Чтения ОИДР, М., 1908, т. I, стр. 52.

³ А. Н. Робинсон. Жанр Поэтической повести об Азове. Труды ОДРА, т. VII, М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 100—102.

дает, как мы видим, 1614 год. Автора приписка заинтересовало совпадение числа 29: „лето 6000 от 29-го“ — дата создания Царьграда, взят турками он был 29-го мая, от распятия Христова создан Царьград в „290-м в 6 году“ — цифру 29 десятков переписчик ставит отдельно от 6 единиц, наконец, в какое-то ему, переписчику, современное 29 число исполняется 161 год со времени взятия Царьграда турками. Из расчетов ясно, что приписка сделана в 1614 году, а это свидетельствует о том, что к 1614 году „Повесть о двух посольствах“ уже существовала и начала распространяться в списках. Итак, приблизительную дату написания произведения надо искать на хронологическом отрезке в 48 лет от 1576 до 1614 года.

Из всех известных нам списков „Повести“ ни один палеографически (по почерку и филиграммам) не датируется XVI веком. Самые старшие списки относятся к началу XVII века. В число старших входит и датированный 1614 годом список БАН, 4.7.16.

Обращаемся к анализу содержания произведения с точки зрения наличия в нем хронологических указаний. В „Повести о двух посольствах“ наряду со сведениями документального характера — точными датами посольств, правильно отображенным ходом военных действий в Ливонской войне — находятся сведения совершенно фантастического характера. Вероятнее всего, что точно датированные факты попали в „Повесть“ из документов и в таком случае ничего не говорят о времени создания произведения.

Более определенно о датировке „Повести“ можно говорить, основываясь на одном из ее фантастических мест. В рассказе о посольстве Сугорского в Вену цесарь Максимилиан, изображенный стодевятилетним пророком, предсказывает, что в Русской земле „будет потрясение великое, потому что многие власти, а несогласны: „А смятение в вашей земли лет в десять, мало болши или менши десяти, а земля ваша распространитца ведами и царь многими царствы обладает“. — В литературных памятниках XVII века длительность „смутного“ времени начала века определялась десятью годами; таким образом, упоминание десятилетнего срока в пророчестве Максимилиана соответствует традиции литературы XVII века.¹

В нарочито завуалированной форме пророчества Максимилиана автор „Повести о двух посольствах“ говорит именно о событиях начала XVII века. По крайней мере, так понималось это место читателями XVII века. В позднейших редакциях „Повести о двух посольствах“² сразу вслед за пророчеством Максимилиана идет текст, в котором предсказывается частая смена царей на русском престоле, причем в иносказательных характеристиках русских правителей легко угадываются фигуры Федора („кроток зело и без свирепства и будет от многих окрестных царств и государств почитаем зело“), Бориса Годунова („самоназванный царь от мала рода и конюшего боярства“), Самозванца („от последних некто вскочит яко пес на царский престол“), Шуйского („возведен будет на царский престол от вашего российского народа и от честных, но не благоденствовати имать, мнози бо междоусобные

¹ Авторы, писавшие о „Смуте“ в первой половине XVII века, относили ее начало к 7111 (1604) году — году похода первого Самозванца, а концом ее считали обычно 7121 (1613) год — год воцарения Михаила Романова (так считал и автор „Иного Сказания“, И. М. Катырев-Ростовский).

² Позднейшие редакции „Повести о двух посольствах“ — третья и четвертая — датируются также XVII веком.

брани тогда будут“), наконец Михаила Романова („останок царского роду вашего царя, в детстве убо ни во что же вменен“).

Автор „Повести о двух посольствах“ знал события начала XVII века и знал, что они длились десять лет. Таким образом, „пророчество“ Максимилиана выглядит как предсказание *post factum*. Это убеждает нас в том, что „Повесть о двух посольствах“ написана в то время, когда „Смута“ была уже позади, но до 1614 года, т. е. предположительно в 1612—1614 годах.

С меньшей определенностью можно ответить на вопрос — до или после венчания на царство Михаила появилась „Повесть“. Максимилиан рассказывает русским послам притчу о своем подручнике Михаиле, который был спасен из разрушенного землетрясением города Мелхила¹ (там он был вырезан из чрева погибшей при катастрофе матери). Михаилу Максимилиан предсказывает, что тот некогда в великой области будет царем. Если в самом имени Михаила усмотреть намек на Михаила Романова, которого или прочли еще на царство или уже избрали, то можно сделать предположение, что „Повесть“ написана после его избрания или во всяком случае после того, как вопрос об избрании уже был решен. При этом отнюдь не следует отождествлять Михаила из притчи и присущие ему атрибуты — спасение из чрева мертвой матери, служба у Максимилиана, — с Михаилом Романовым и обстоятельствами его воцарения. Дело тут только в туманном намеке-предсказании и, позво- лительно думать, не случайным совпадении имен.

Как мы уже указали, от литературного произведения „Повести о двух посольствах“ нельзя требовать точного отражения фактов, однако некоторая путаница дат, фактов, неточно переданных исторических событий позволяет предположить, что автор не был ни современником, ни, тем более, свидетелем событий, о которых писал. Так, „Повесть“ начинается с рассказа об отправлении в 1570 году посла Андрея Ищенина к турецкому салтану Мурату с жалобой на крымского хана, который пришел к Москве с войной и сжег посады. В действительности речь идет о событиях не 1570, а 1571 года, причем посольство Андрея Ищенина-Кузминского выехало из Москвы в апреле, а набег на Москву Девлет-Гирей совершил в мае. Посольство 1576 года во главе с князем Захарием Сугорским происходило не в Вене, как об этом сказано в „Повести“, а в Регенсбурге. В „Повести“ говорится о том, что посланник Ждан Квашнин, прибывший в Австрию в 1578 году, ведет переговоры с Максимилианом II. В действительности Квашнин не мог застать в живых Максимилиана II, умершего в 1576 году, а имел дело уже с его сыном Рудольфом.

Эти неточности указывают, что произведение было написано некоторое время спустя после событий 70-х годов. Повидимому, целый ряд деталей ко времени написания „Повести“ уже изгладился из памяти писавшего. Не противоречат нашей датировке и те политические вопросы, которые оказались затронутыми в „Повести“. Как мы постараемся показать в дальнейшем, политические вопросы, поднятые в „Повести“, оставались актуальными и для внешней политики XVII века. „Повесть“ в рукописях, как правило, окружена произведениями XV—XVI веков. Это также можно считать характерным для произведения, проявившегося в начале XVII века.

Если предположить, что „Повесть о двух посольствах“ написана в последнем десятилетии XVI века, то целый ряд моментов в содержа-

¹ Город Митилен.

нии „Повести“ окажется необъяснимым. В частности, предсказание „смуты“ в Русской земле придется считать не предсказанием *post factum*, что вполне естественно, а своего рода „научным предвидением“, что просто невероятно. Затем лейтмотив „Повести“ — восхваление правления Ивана Грозного — звучит для XVI века по меньшей мере странно, так как в таком случае, по предвидению автора, правление это приведет к смуте и несогласию властей. Наконец, в дальнейшем мы обратим внимание на то, что по своей литературной форме и жанру „Повесть о двух посольствах“ характерна именно для XVII века.

Приведенные соображения дают возможность с большой долей вероятности относить „Повесть о двух посольствах“ к началу XVII века.

* * *

Автор „Повести о двух посольствах“, несомненно, был связан с Посольским приказом. Об этом говорит тема произведения — повесть о посольствах, форма произведения — статейный список, знакомство автора с важнейшими вопросами внешней политики. Автор был знаком с расстановкой политических сил в Европе XVI века, понимал, что противоречия между Россией и Турцией могли сблизить Россию с Габсбургами, понимал и то, какое важное значение имела Ливонская война для всей внешней политики России.

„Повесть о двух посольствах“ отражает не только социальные интересы и литературный вкус той среды, из которой она вышла, она отражает также и профессиональные знания этой среды. Прежде всего это знание посольского дела и посольского делопроизводства. Автор „Повести“ знаком со статейным списком посольства князя З. И. Сугорского и дьяка Андрея Гавриловича Арцыбашева к цесарю Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург¹ и с дневником послов.² Имея много общего со статейным списком, этот дневник более подробно, и в то же время более ярко, с целым рядом бытовых деталей передает события посольства. Дошел до нас и статейный список посольства Андрея Ищенина-Кузминского в Царьград.³

При сопоставлении текстов статейных списков с „Повестью о двух посольствах“ становится ясно, что композиция „Повести“ построена по образцу дипломатических документов. Рассказ о посольстве Сугорского разбит датами так же, как это сделано в статейном списке и дневнике послов. Автор „Повести“ в некоторых местах следовал за содержанием дипломатических документов, переносил его в свое произведение. В переговорах 1576 года между Максимилианом II и послами Ивана IV большое место занимал вопрос о положении в Ливонии. Максимилиан стремился дипломатическим путем добиться прекращения Ливонской войны, так как она затрагивала интересы его вассалов — северогерманских князей. Однако русские послы отвечали Максимилиану по наказу: „Ливонская земля искони вечная отчина наших прародителей, и от наших прародителей отстав, дани нам давать не похотели, и мы их мно-

¹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1. СПб., 1851, столб. 584—718. Статьиный список издан по материалам из Архива Посольского приказа (дела царского двора 1575—1578, № 3; сейчас хранится в ЦГАДА).

² Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание Эрмитажное 98. Дневник этот не издан. Найден он Я. С. Лурье, который предполагает, что Эрмит. 98 не список, а оригинал (Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 году. Истор. зап., М., 1948, № 27, стр. 294, примеч. 15).

³ ЦГАДА, Дела турецкого двора, № 2.

гижда напоминали, чтоб они, познав свои вины перед нами, исправились и дань нам попрежнему давали; и они перед нами ни в чем не исправились, еще и прибавили всякого неисправления и грубости; и мы на них рати свои многожда посылали“.¹ Аналогично трактует вопрос о Ливонии автор „Повести о двух посольствах“: Ливония — вотчина русского государя, царь ходил в свою вотчину — в Ругодив. Пайдинские немцы не ударили Ивану Грозному челом, за это он и велел разорить и сжечь город Пайду. В „Повести“ звучит та же тема, что и в дипломатических документах: неисправление и вина ливонцев перед русским государем.

Сложность сюжета „Повести о двух посольствах“ заключается в том, что в ней соединены темы посольства 1570 года в Турцию и посольства 1576 года к Максимилиану Габсбургу. Во внешней политике Русского государства XVI века эти темы были связаны самым теснейшим образом. Правительство Священной Римской империи делало все возможное, чтобы использовать Русское государство как заслон против наступающих на Европу турок. Для этого Габсбурги стремились воспользоваться любым обострением отношений между Русским государством и Турцией, что открывало возможность дипломатического сближения Русского государства с Габсбургами. 1571—1572 годы ознаменованы ухудшением русско-турецких отношений (набеги Девлет-Гирея на Москву), а в 1576 году в переговорах с Сугорским Габсбурги пытались сделать первый шаг к заключению с Русским государством антитурецкого союза.

Статейные списки также соединили эти две темы. Габсбургов интересовали русско-турецкие отношения, поэтому послу в Регенсбург Захарю Сугорскому в наказе было написано следующее: „А нечто спросят князя Захарья и Андрея,² коим обычаем недруг государев крымский, пришед к Москве и посады пожег. И князю Захарью и Андрею говорити: крымский царь государя окрал, прислал к государю нашему царю и великому князю тое весны о перемирье гонцов своих, и государь, оплошась на то, рать свою послал на непослушника своего, на свейского короля. А сам государь наш для земских справ отъезжал по селом своим, оплошась на присылку крымского царя; и царь через свою правду пришел с турскими и с крымскими со многими людьми на московские места и посады у Москвы пожег“.³ По содержанию это место из наказа послам почти полностью совпадает с началом „Повести о двух посольствах“, где рассказывается об отправлении русского посла Андрея Ищенина к „турскому“ Мурату-салтану с жалобой на крымского „Мингирея царя“, который „через крестное целование и мирное поставление“ пришел на Русь с войной и сжег московские посады.

Сюжетной связкой двух рассказов о посольствах в „Повести“ служит тема титулов: турецкий султан не хочет принимать посольство Ивана IV, потому что тот титулет султана в посольском листе так же, как и его вассала — крымского царя. Иван IV озабочен — какие же титулы следует писать в обращении к турецкому султану. На этом заканчивается рассказ о посольстве Ищенина. Следующий за ним рассказ о посольстве Сугорского снова начинается темой титулов: князь Сугорский послан к христианскому королю Максимилиану узнать, какими титулами пишется турецкий султан. В конце рассказа сообщается, что

¹ Памятники дипломатических сношений. . . , таб. 655.

² Андрей — дьяк Андрей Гаврилович Ардыбашев.

³ Памятники дипломатических сношений. . . , таб. 605—606.

Максимилиан удовлетворил просьбу русского царя, послав ему подлинную дипломатическую грамоту турецкого султана со всеми его титулами.

Пересылка грамотами, важность правильного посольского ритуала, а особенно необходимость правильного титулования — все это вопросы дипломатического делопроизводства. Сюжет титулов находит себе подтверждение в статейном списке посольства 1576 года. Послы несколько раз возвращали обратно грамоту Максимилиана с ответом Ивану IV, потому что там неверно написан был титул русского царя — без царского имени.

Отсутствие текстуальных параллелей в „Повести“ и в статейных списках посольств 1571 и 1576 годов и совпадение в них некоторых тем позволяет сделать предположение, что автор „Повести о двух посольствах“ писал на память, сильно отклоняясь от документов в сторону вымысла.

Связь автора „Повести о двух посольствах“ с Посольским приказом можно усмотреть и в языке произведения, как и в дипломатических документах, простом, деловом, лишенном риторичности, близком к разговорному.

Начало каждого рассказа в „Повести“, дата и краткое изложение дела типичны и для статейного списка. Ср. в „Повести“: „В лета 7078-го посланье государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Царьград с титьлами“, и далее: „ходил во Царь Град от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии посол Ондрей Ищенин, да с ним дьяк Василей Алексеев прозвища Белогуз ко царю Мурат Сольтану Турскому на Мингирея царя и на калгу на царевича на крымскаго“. Так писались и в статейных списках „отпуски“ послов и посланников из Руси: „лета 7086-го сентября в 20 день государь царь и великий князь с сыном своим со царевичем князем Иваном Ивановичем... приговорил к Рудельфу, цесарю Римскому, послать от себя посланника своего Ждана Квашнина, чтоб Рудельф цесарь похотел с ним, с государем, быть в братстве и в любви“.¹

Вторично формула дипломатического документа применена автором в третьей части „Повести“; в этом случае использована форма верительной посольской грамоты.

Посольская грамота
... послали есмя к теб[е], брат[у] свое-
[му] посланника своего Ждана Ивановича
Квашнина, и что тебе от нас наш послан-
ник учнет говорить, и ты б ему верил,
то есть наши речи.²

„Повесть о двух посольствах“
... послал есми к тебе своего избран-
наго человека, и что тебе учнет говорить,
а то слово наше, и ты б ему верил.

В „Повести о двух посольствах“ то же построение фраз, те же формулы и терминология, какие характерны для дипломатических документов.

В посольском наказе князю Сугорскому предлагается секретно разведать, „какова цесарева область воинскими людьми издоволена и казною, и много ли с цесарем воинских людей живет в походе?“.³ Сравним это с вопросом Максимилиана русскому послу Сугорскому в „Повести“: „сколь велика Руская земля и сколь сильно ходит госу-

¹ Памятники дипломатических сношений... , стлб. 718.

² Там же, стлб. 725. Буквы в квадратных скобках исправлены мною, в тексте — „тебя, брата своего“.

³ Там же, стлб. 612.

дарь вашъ?“. В статейном списке посольства Сугорского к Максимилиану II рассказывается: „И как князь Захарей говорил цесарю государское титуло, и цесарь курфистру каленскому, и детем, и Боворскому князю велел встати...“¹ Сходно изложено это событие — чтение государева титула князем Сугорским — в „Повести“: „А как посол князь Захарья до листа говорил титулу и государя нашего челобитье и посольство правил, Максимьян в те поры всё стоял“.

В „Повести о двух посольствах“ часто применяются обороты, ставшие, вероятно, обычными в посольских речах. В том случае, когда речь идет о войне, для статейного списка характерна формула: „и за их неправды государь наш на них гнев свой положил“.² Находим ее и в „Повести“: „и государь наш на них за то гнев свой положил“.

Общи статейному списку и „Повести“ такие обороты, как „коим обычаем“, „с которыми государи и с короли“, „великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велел тебе поклониться“, „царя... рука... высока“. Выразительность повествования достигается построением рассказа в форме монологов и диалогов, частым употреблением обращений, риторическими вопросами, построением фразы по принципу противопоставления. В „Повести о двух посольствах“ большое место занимает передача устной речи, заранее продуманной и искусно подготовленной, с особо выработанными приемами, типичными для ораторского искусства русских послов.

Можно думать, что фонд документов Посольского приказа был доступен автору „Повести“. В „Повести о двух посольствах“ отражены татарские дипломатические грамоты XVI века, привлечшие внимание писателя несколько необычной для русского дипломатического делопроизводства образностью языка. Сравним грамоту турецкого султана в третьей части произведения с местом из грамоты Муртазы Ахматова сына к Ивану III.

Грамота

... предние наши о кости о лодыжном мозгу юрта деля своего разбранилися, да того деля промез их много лиха и нелюбви было... а тот бранный огонь любовною водою угасил“.³

„Повесть о двух посольствах“

Прежняя у нас с тобою брань была и нелюбовь о кости о лодыжном мозгу. И много у нас с тобою было брани и нелюбви. И мы прежний огонь с тобою любовною водою угасили, и опять огонь зажегся.

Однако писатель не довольствовался тем материалом, который ему давали документы Посольского приказа. Он включал в свое произведение легендарные события (посол Андрей Ищени бросался на турецкого султана с „будеем“ и был помилован), целые легендарные рассказы — притчу о сыне мертвой матери, кипрскую историю, любовался остротой вымышленных им дипломатических коллизий. При этом вымысел не нарушал целостности произведения, написанного в форме статейного списка, ибо статейный список включает в свой состав различные разнотипные части: тексты дипломатических грамот, речи, непосредственный рассказ от первого лица, иногда о вымышленных фактах.

„Повесть о двух посольствах“ принадлежит к произведениям литературного жанра, испытавшего на себе сильнейшее влияние деловой

¹ Памятники дипломатических сношений... , стлб. 676.

² ЦГАДА, Дела турецкого двора, № 2, л. 166.

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1, Сношения Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Под ред. Г. Ф. Карпова, СПб., 1884, стр. 69.

письменности, ее языка и формы. Но с другой стороны, произведения этого жанра уже обособились от делового документа в строгом смысле этого слова и занимают свое место в ряду литературных произведений. Посольский приказ и посольское делопроизводство играли в этом процессе немаловажную роль. Деятельность Посольского приказа была тесно связана с деятельностью литературной; можно указать на связь посольского дела в XVI веке с летописанием¹ и отчасти с публицистикой. В приказах создавался не только новый литературный язык и стиль, создавались кадры людей образованных, обладающих широким политическим кругозором. Особенно это относится к деятелям Посольского приказа.

Итак, автор „Повести о двух посольствах“ принадлежал к среде Посольского приказа. Можно еще больше уточнить этот вывод и отметить, что в Посольском приказе он занимал невысокое положение, был связан с демократической средой. „Повесть о двух посольствах“ несомненно была рассчитана на широкий круг читателей. Она написана простым языком, понятным самому демократическому, не искушенному в книжности читателю.

* * *

„Повесть о двух посольствах“ относится к произведениям легендарно-исторического жанра с ярко выраженным тяготением к публицистике. Исторические события, которым посвящена „Повесть“, в какой-то степени определили круг политических вопросов, нашедших в ней свое отражение. Публицистичность „Повести“ раскрывается в образах художественного повествования, она как бы замаскирована исторической темой, легендарностью и занимательностью сюжета. В легендарно-историческом произведении поднят целый ряд политических вопросов, которые могли волновать современника борьбы русского народа с польско-литовской и шведской интервенцией и воцарения первого Романова.

Большое место в „Повести о двух посольствах“ занимает вопрос о характере царской власти. Как известно, внутрикласовая борьба между боярством и все более укреплявшимся новым слоем феодального класса — дворянством — проявлялась и в отношении каждого из сословий к царской власти. Боярство стремилось ограничить власть царя и пыталось при воцарении молодого Михаила Романова захватить всю полноту власти в свои руки; дворянство мечтало о сильной централизованной самодержавной власти, опирающейся на дворян, защищающей их интересы в борьбе за крестьян и землю, в борьбе за место у кормила государственного управления.

Прославление в „Повести о двух посольствах“ личности Грозного говорит о политических симпатиях автора произведения. Образ Грозного — это образ идеального государя, автор подчеркивает самодержавный характер его правления. В произведении, посвященном вопросам международных отношений, могущество русского государя сказывается прежде всего в независимости его внешней политики: „Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии самодержець единовластелен, а обладает многими, а не спрашиваетъца ни с кем, а миритца не боясь“. Русские послы говорят о царе, что он никому не платит дани, „дани в выходы сам емлет, и любечи ково

¹ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 363—368.

дары посылает, и любячи у которово царя или у короля многие дары и сам принимает, а выходы и дани кладёт на царей и на королей, не спрашиваясь никаго и не боясь ни в чем“.

Автор „Повести о двух посольствах“, следуя за Пересветовым, приводит мнение о русском царе мудрых философов: „Он подобен храбростию и ратью Александру царю Макидонскому и прославился во всех... царех, а подобен возрасту и досужеству царю Костянтину“. Похвалу мудрых философов передает русским послам цесарь Максимилиан, утверждая тем самым славу русского царя при дворах европейских государей.

Автор „Повести“ высказывает и свое отношение к внутренней политике Грозного. Он отмечает, что Грозный, недовольный деятельностью своих бояр, изменил старый порядок обсуждения государственных дел, он „на бояр своих кручинился, на Мьстисловского с таварыщи¹ ... И учал государь с тое поры прибирать своих дворян думных, всякия думы наперед с теми думает, то ж и з бояры сидит“.

Автор с явной симпатией относится к дворянам. Одним из самых замечательных героев „Повести“ является дворянин посол Андрей Ищеин. На тяжелой государевой посольской службе он проявляет героизм и бесстрашие. В ответ на оскорбительное обещание турецкого султана „засесть“ Москву и взять в плен русского царя Андрей Ищеин кидается на султана „з будем“. За это паши приговаривают его к смертной казни — скинуть с палаты. Но турецкий султан, восхищенный героизмом русского посла, отменяет казнь. Он ставит в пример своим пашам Андрея Ищеина, который „за своего государя изволил умерети“: „и вы мне тако ж служите и за меня умирайте“, — говорит султан пашам.

Таким образом, социальное лицо автора „Повести о двух посольствах“ и его политические взгляды обрисовываются четко. Это — человек, тесно связанный с интересами служилого дворянства. В новом царе он хочет видеть правителя, защитника дворянских интересов вроде Грозного. По вопросу о характере управления государством, о характере царской власти автор „Повести“ продолжал линию прогрессивной публицистики XVI века, линию Пересветова.

Сюжет о посольствах позволил автору „Повести“ высказать свой взгляд на место Русского государства в системе европейских и азиатских стран. „Повесть о двух посольствах“ — произведение глубоко патриотическое по своему характеру. Одна из основных его тем — тема величия Русской земли. Автор не случайно подчеркивает то уважение, которым пользовались при Иване IV русские послы при дворах иных государей; там их встречают с почетом, с честью, с великими дарами. Посол русского царя находится в числе самых близких к цесарю Максимилиану людей. Максимилиан беседует с ним во время поездок. Это описание не соответствовало действительному посольскому ритуалу, но автору было важно воскресить в умах современников мысль о величии и силе Русской земли, мысль о ее международном авторитете. На вопрос цесаря Максимилиана, „сколь велика Руская земля, и сколь сильно ходит государь ваш“, князь Сугорский отвечал: „земля... руская велика и чудотворцов в ней много и милость

¹ Возможно, что вводя имя Метиславского, автор имел в виду опалу Грозного на Ивана Метиславского в 1571 году, когда тот, по его собственному признанию, навел татар на Москву. Но также вероятно, что автор намекал здесь на Федора Метиславского — главу семибоярщины. С именем Ф. Метиславского связывалась деятельность боярской оппозиции периода земского собора 1613 года.

от них и чудеса великая, а за государем ходит силы в собрание 400 000 головами своими“.

Автор напоминает русскому читателю об официальной дипломатической теории, изложенной в „Сказании о князьях владимирских“, где говорится о происхождении русских государей от Августа-кесаря, римского императора. По мысли автора „Повести“, русский царь находится в родстве с христианскими государями Европы через общего предка Августа-кесаря. Максимилиан называет Грозного своим братом. Происхождение от Августа дает русскому царю право на владение Царьградом.

Из „Повести о Вавилонском царстве“ взят сюжет о присылке царских регалий. Максимилиан посылает Ивану Грозному с великой честью скипетр царства римского, державу, диадему и порфиру. Вместе с этими „великими дарами“ отправлена Грозному грамота турецкого султана за шестнадцатью золотыми печатями, которую у султана добыл обманным путем вассал Максимилиана, царь острова Кипра. В „Повести о Вавилонском царстве“ Константин посылал дары Владимиру Мономаху, как залог мира и дружбы, с просьбой „не воевать Византию“; в „Повести о двух посольствах“ Максимилиан также посылает Ивану Грозному дары как залог мира и дружбы, как надежду на помощь в борьбе против турок.

Автор „Повести“, рассказывая о прошлом, перебрасывает мостик к своему времени. В пророчествах Максимилиана говорится именно о том времени, которое наступит после десятилетнего „смятения“ и „трясения“ Русской земли. Он говорит о том, что после бедствий Русская земля „распространится велми“ и „царь многими царьствы обладает“, после смятения „даря вашего рука будет высока и обладает всем и скончается в век“. Автор писал в то время, когда события „Смуты“ были уже позади. Вот теперь, по предсказанию Максимилиана, и должен был начаться расцвет и „распространение“ Русского государства. И автор-патриот верил в это „предсказание“.

В условиях хозяйственного разорения, в условиях еще не изжитых последствий интервенции мысль о предсказанном Русской земле возрождении была мыслью агитационной, призывающей бороться за укрепление государства, за восстановление его былого могущества и международного авторитета. Перед правительством Романовых стояла задача—восстановить все прерванные за годы интервенции дипломатические связи, добиться официального признания новой династии и потребовать, чтобы новому государю оказаны были те же почести, что и прежним законным русским царям. Несмотря на тяжелое положение Русского государства, в Европе оценили значение победы русских в борьбе с поляками и утверждения новой власти. Русское государство вступало снова в состав мировых держав, как значительная сила, которая оказывала немаловажное влияние на всю европейскую политику и с которой надо было считаться. Появление в публицистической литературе темы величия Русской земли было очень важным фактом общественной мысли первой четверти XVII века, отвечало политическим запросам русского читателя того времени.

В „Повести о двух посольствах“ большое место занимает тема дипломатической борьбы с Турцией. Русско-турецкие и русско-крымские отношения занимали важное место во внешней политике Русского государства в XVI—XVII веках. Традиционной официальной политикой Посольского приказа было стремление сохранить мирные отношения с Турцией и Крымом. Фактически этих мирных отношений никогда

не было. Набеги крымских отрядов на русские „украины“ и даже на Москву происходили в период Ливонской войны неоднократно. В 1613—1614 годах ногайские татары во время набегов разоряли русские окраины.

В своем произведении автор отражает отношение широких читательских кругов к турецкому султану и Турции как к силе злой и враждебной. В „Повести“ показана как дипломатическая, так и военная победа над этим врагом. В разговоре с турецким султаном русские послы угрожают закрыть торговую дорогу на Астрахань, положить на него дани и выходы, отнять его улусы. Иван Грозный в „Повести“ обвиняет турецкого султана в том, что тот незаконно владеет Царьградом, что он „не от царского еси прирощенья, но от атаманов заблаужших агаренския веры и от сибиль“.

В рассказе о посольстве Сугорского в ироническом тоне говорится о турецком султани. В кипрской истории рассказывается о том, как ловко кипрский царь обманул султана и, пообещав отдать Кипр, получил от него грамоту, по которой присвоил себе титул владельца азиатских земель. Вместо острова Кипра турецкому султану посылают карту Кипра на 60 листах александрийской бумаги. В свою очередь кипрский царь отправляет турецкому султану грамоту, в которой издевательски требует, чтобы тот „однолично“ „Царьград очистил“: „И ты в Цареграде полно царствовал, хошу и я царствовати на степени царяградцкой“. Когда турецкий султан, посрамленный и разъяренный, нападает на Кипр, его войско разбивают наголову. В рассказе о посольстве Сугорского турецкий султан показан обманутым, глупым и смешным человеком.

Популярность „Повести“ среди русских читателей неразрывно связана с той смелостью, с которой ставились в ней жизненно важные для русского общества вопросы. Обращаясь темой повествования в прошлое, автор в основном имел в виду сегодняшний день Русского государства, ставил на обсуждение вопрос о его судьбе.

„Повесть о двух посольствах“ написана в оптимистическом тоне. Мотив силы Русской земли и тон уверенности в ее великом будущем уместен и естественен в „Повести“ — произведении, написанном после победы над польскими интервентами. Как бы ни тяжело было положение Русского государства в этот момент, оно было государством, победившим врагов.

„Повесть о двух посольствах“ не стоит особняком в древнерусской литературе. Мы укажем ниже на группу произведений того же жанра, идеологическое сходство или различие которых с „Повестью“ требуется еще установить. Однако „Повесть“ может быть сопоставлена как агитационно-публицистическое произведение с некоторыми известными и изученными произведениями XVI и XVII веков; можно указать и на связь „Повести“ с отдельными сюжетами устного народного творчества. А. Н. Робинсон причисляет „Повесть о двух посольствах“ к произведениям, в основу литературной формы которых легли образцы канцелярских документов — челобитной, войсковой отписки, статейного списка.¹ К тому же жанру легендарно-политических произведений, написанных в форме деловых документов, относится еще целый ряд мало изученных дипломатических так называемых „подложных“ грамот,² „посольская книга“ XVII века с рассказом о посольстве

¹ А. Н. Робинсон, ук. соч., стр. 100—102.

² Там же, стр. 102—105.

Шараб-Веригина, также вероятно „подложная“ и тоже неизученная.¹ Предшественниками их в XVI веке можно назвать челобитные И. С. Пересветова, а также дипломатическую переписку Грозного. В произведениях XVI века их „деловая“ форма еще не утратила полностью своего служебного значения; „челобитные“ подавались, дипломатические послания отсылались их адресатам. Однако по содержанию эти челобитные и дипломатические грамоты были публицистическими произведениями, с самого начала рассчитанными на широкий круг читателей.

Отличие произведений XVII века, в частности „Повести о двух посольствах“, в том, что форма деловых документов теряет в них всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием. Элемент деловой в содержании произведения почти полностью вытесняется элементом литературным, художественным. Произведения XVI века, связанные с формой деловой письменности, как правило, писались авторами от своего имени. В XVII веке авторы подчас пишут от имени известных исторических лиц. Так появляются „подложные“ переписки Грозного с турецким султаном.

* * *

Тип публицистического литературного произведения в форме делового документа был выдвинут в начале XVII века самой жизнью. В период восстания Болотникова и польско-шведской интервенции идеологическая борьба играла огромную роль. К литературной агитации прибегали все борющиеся классы и политические группировки. Воззвания от имени восставших рассылались из лагеря Болотникова; эту же форму обращения к населению использовал и Лжедмитрий I. Известны грамоты патриарха Гермогена с призывом бороться против поляков, пересылались письмами целые города в период организации народного ополчения. „Подметные письма“ исходили из среды демократических ремесленно-торговых и служилых кругов. В форме такого агитационного подметного письма была написана „Новая повесть“, в которой анонимный автор-патриот призывал всех православных подняться на борьбу с поляками и изменниками.

„Повесть о двух посольствах“ сближается с произведениями периода польско-шведской интервенции и появившимися несколько позже, во-первых, своей агитационной направленностью и, во-вторых, использованием форм документов деловой письменности, продолжая уже сложившуюся традицию.

В понимании автора главнейшие политические вопросы, затронутые в произведении, — о восстановлении международного престижа Русского государства, о защите интересов дворянства, о сильной царской власти, об отношении к событиям „Смуты“, — были тесно связаны, зависели один от другого и не могли решаться друг без друга. Поэтому трудно сказать, что из всего этого входило в основной замысел автора, тем более что в „Повести“ эти вопросы затронуты среди рассказов о занимательных событиях посольств. О „Смуте“, например, вспоминается в завуалированной форме предсказания. В этой связи рассказанная Максимилианом притча о сыне мертвой матери выглядит аллего-

¹ ГПБ, Рукописный отдел, Q XVII № 20; ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 1879 (137), 4°.

рией: после стихийного бедствия, „трясения“, разрушения города остается живое существо — младенец Михаил, которому суждено стать царем в великой области.

В объяснении публицистами XVII века „Смуты“ как наказания за грехи людей, но грехи не против религиозной морали, а гражданские, отразился новый взгляд людей XVII века на историю общества. В их понимании исторических событий всё меньшая роль отводилась божественному предопределению и всё большая — деятельности самих людей. Здесь сказалося осмысление тех событий, которые происходили перед глазами, — занятие престола выбранным „всею землей“ царем, активное участие народных масс в событиях.¹ Автор „Повести о двух посольствах“ разделяет взгляд публицистов XVII века на причину событий. Предсказанное Русской земле „смятение“ произойдет оттого, что „многие власти, а несогласны“; в таком решении вопроса нет даже намека на божью волю. „Несогласие властей“ — это политическая слабость центральной власти. Так понимали кризис центральной власти передовые слои русского общества.

Публицистические произведения первого двадцатилетия XVII века на ином историческом материале обсуждают вопросы, аналогичные тем, которые затрагивает и „Повесть о двух посольствах“: причины и следствия „Смуты“, обоснование законности вступления на престол нового царя, борьба с внешними врагами. Таким образом, по своей тематике, „Повесть“ идет в русле современной ей публицистики. Однако самый жанр „Повести“ — легендарно-политического произведения резко отличен от современных ей жанров „сказаний“, „плачей“, „подметных писем“, „видений“. Отличие это объясняется прежде всего литературной средой, где создана „Повесть“. Практическая деятельность в Посольском приказе вырабатывала особые навыки, которые и сказывались на литературном труде; создавались своеобразные жанры, формально связанные с документами дипломатического делопроизводства.

Из литературных явлений, бытовавших и обсуждавшихся в среде Посольского приказа, несомненно отразились в „Повести о двух посольствах“ „Сказание о князьях владимирских“² с его легендарной родословной русских царей от Августа-кесаря, принятый официальной литературой сюжет о присылке царских регалий из „Сказания о Вавилоне граде“ и отголоски теории Москва — третий Рим,³ из которой в „Повесть“ проник только вывод — о праве русского царя владеть Царьградом.

Наличие элементов официальной государственной теории, использовавшейся в дипломатической практике, в таком неофициальном в целом произведении, как „Повесть о двух посольствах“, подтверждает зависимость ее автора от среды Посольского приказа. Знакомство автора „Повести о двух посольствах“ с произведениями Пересветова также, возможно, объясняется тем, что они хранились в казне Посольского приказа. Однако использование им пересветовских произведений связано уже с более глубокими причинами.

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 115—116.

² Р. П. Питолина. К вопросу об официальных политических идеях русского централизованного государства (Сказание о князьях Владимирских). Автореф. диссерт. на соискание ученой степени канд. истор. наук. Л., 1953.

³ Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в пековской литературе. Труды ОДРА, т. VIII, М.—А., 1950, стр. 187.

* * *

Со временем Ивана IV и с его именем связан расцвет публицистики середины и второй половины XVI века. Прославление личности царя и его деятельности исходит из дворянского лагеря. Имя Грозного, а также интерес к международной обстановке и событиям внешней политики объединяют сочинения Пересветова, „Казанскую историю“ и дипломатическую переписку самого Ивана IV. „Повесть о двух посольствах“ сближается с этими произведениями тем, что в ней, как и в них, поставлены вопросы злободневные, требующие немедленного практического решения, и вместе с тем вопросы эти поданы на фоне исторической темы.

По своей идеологии, классовой направленности и политическим задачам „Повесть о двух посольствах“ близка к произведениям И. С. Пересветова. Для своих мыслей о силе Русской земли и для характеристики Ивана Грозного автор применил почти те же выражения, в каких писал об этом Пересветов. Отрывок из спора греков с латинянами: „Есть у нас царство волное и царь волный, благоверный, государь князь великий Иван Васильевич всеа Русии, и в том царстве велико божие милосердие, знамения божие, светяыя чудотворцы, милость божия от них, яко и от первых святых, богу угодивших“¹ сопоставляется с ответом посла князя Сугорского Максимилиану: „земля де руская велика и чудотворцов в ней много и милость от них и чюдеса великая“.¹ Характеристики Грозного у Пересветова и у автора „Повести о двух посольствах“ совпадают.

Еще большим сходством отличается высказывание о русском царе мудрых философов. У Пересветова в большой челобитной говорится: „Пишут о тебе, о государе, мудрые философы о благоверном великом царе, что будет о государе о тебе слава великая вовеки, яко же о кесари Августе и о цари Александре Макидонском“.² В рассказе о посольстве Сугорского сказано: „про государя де вашего мудрые философы пишут, да которые его знают и дегей его, что он подобен храбростью и ратью Александру царю Макидонскому, и прославился во всех нас царех, а подобен возрасту и досужеству царю Костянтину“. Мудрые философы у автора „Повести“ это те же пересветовские мудрые философы. Их мнение в „Повести“ передает цесарь Максимилиан, образ которого создавался под явным влиянием образа пересветовского Петра, волошского воеводы. Как и Петр, Максимилиан — пророк и предсказатель, оба они — мудрые и просвещенные государи, при дворах которых находятся великие люди и философы, оба дружески относятся к Ивану IV и Русскому государству. Возможно, что в этих образах просвещенных государей и мудрых философов сказался в известной мере рационализм XVI века.

Надо думать, что автор „Повести“ сознательно использовал пересветовские образы, сознательно сближал идеи своего произведения с пересветовскими идеями — они были близки и его литературным задачам. Герой Пересветова — это воинник, которого автор рекомендует царю держать близко к себе, „держати, как сокола чередити и всегда ему сердце веселити“.³ Такие воины будут люты „против недруга государева играть смертной игрою“,⁴ будут умножать славу русского

¹ В. Ф. Ржигга, ук. соч., стр. 77—78.

² Там же, стр. 60.

³ В. Ф. Ржигга, ук. соч., Приложения, стр. 62.

⁴ Там же.

царя. Одним из самых привлекательных персонажей „Повести о двух посольствах“ — Андрей Ищени — такой же простой воин на государственной службе. Защищая в трудном и опасном посольском деле честь своего государя, он так же, как воинник в бою, „играет смертной игрою“. Прототипом посла Андрея Ищени в „Повести“ послужил сын боярский Андрей Иванович Ищени-Кузминский, о котором в стайном списке его посольства в Турцию неоднократно говорится, что он „у государя молодой человек“, т. е. не из знатных. Таким образом, социальные симпатии Пересветова и автора „Повести о двух посольствах“ также совпадают. Оба автора выражают интересы и настроения служилого дворянства.

Большое внимание уделяет Пересветов войне. Война заставляет увеличивать войско, усиливает его боеспособность, а тем самым укрепляется и царство. Автор „Повести о двух посольствах“ развивает ту же тему. Он показывает Русское государство в Ливонской войне, а царя — руководящим военными действиями. Автор начала XVII века одобряет активную внешнюю политику. Он принужден сказать о потере завоеваний Грозного в Прибалтике — „которые ныне города иманы — недолговечны“, — но он твердо убежден в том, что они будут отвоеваны вновь и на сей раз навсегда; „а впредь достанутся опять, да за вашим государем и скончаютца. Да не токмо города, но и земля вся“.

Касаясь, как и Пересветов, турецкой темы, автор „Повести о двух посольствах“ развивает ее иначе, чем тот. Для Пересветова Турция и Магмет-салтан в большей мере фантастические идеальные понятия, чем реально существующие. Это — способ показать, каких блестящих успехов добился и не христианский государь, введя в своем царстве правду. Пересветов считал возможным пропагандировать свои проекты реформ под видом порядков, введенных в царстве Магмет-салтана. Последнему прощается даже сомнительное происхождение — то, что отец Магмет-салтана был разбойником на море, силой покорившим себе Турецкую землю, и то, что сам Магмет-салтан, взяв Царьград, „вере христианской поругался и красоту церковную обесчестил, звони церковные поотимал и кресты с церквей повывносил, и в церквах мезгити поделал на свои скверные молитвы“.¹

В своем отношении к Турции автор „Повести“ стоит ближе к жизни, чем Пересветов. У него Турция — это настоящая Турция, и он выражает в своем произведении отношение к ней широких кругов русских читателей XVII века. Как и у Пересветова, султан в „Повести“ не царского рода, а „от атаманов заблужших агаренския веры и от сибиль“. Султан ничего не может сделать с русским послом, который дерзко с ним разговаривает, а потом кидается на него „з будеем“. Этим автор утверждает силу Русского государства, от лица которого смелый посол говорит и действует. Автор показывает посрамление и военное поражение султана при попытке его овладеть островом Кипром. Даже в основу легендарных деталей автор положил реальную жизненную ситуацию скрытой политической вражды Русского государства с Оттоманской Портой.

Автор близок к Пересветову и тем, что использует в своей „Повести“ те же фантастические элементы — пророчества и предсказания. Элемент легенды занимает в „Повести о двух посольствах“ большое место. Эпизод прощения турецким султаном Андрея Ищени, пророчества Максимилиана, притча о сыне мертвой матери и кипрская история

¹ В. Ф. Ржигга, ук. соч., Приложения, стр. 64.

важны для раскрытия идейного смысла произведения. В легендарной форме предсказаний автор излагает свои основные мысли о царской власти, о будущем Русской земли.

Выбор автором легендарной формы не случаен. Легендарно-политические сказания бытовали в русской литературе XV—XVI веков. В XV и начале XVI века политическая легенда еще тесно связана с религиозным сюжетом, элемент легендарный — это по преимуществу „чудо“ иконы, видения, явления святых. Но религиозные легендарные сюжеты используются в политических целях.¹

В XVI—XVII веках в ряде политических публицистических произведений религиозная легенда почти полностью вытесняется легендой светской. Легендарность в них опирается на политический сюжет. К группе подобных произведений относятся „Повести о Вавилоне“, легенда о Мономаховых регалиях, где фигуры трех святых отроков не занимают центрального места, „Сказание о князьях Владимирских“ с утверждением легендарной родословной русских царей. В произведениях Пересветова характер политической легенды носят „Сказание о царе Константине“ и „Сказание о Магмете-салтане“.

Светскость легендарного сюжета больше присуща прогрессивным и до известной степени демократическим по своему происхождению произведениям. Используя форму легендарно-политического сказания, отражая в своем произведении элементы государственных политических теорий, автор „Повести о двух посольствах“ воскрешал лучшие традиции предшествующей русской публицистики.

„Повесть о двух посольствах“ сближается активной политической ролью в идеологической и политической борьбе своего времени с казачьими повестями об азовском взятии и осадном сидении. А. Н. Робинсон отметил близость содержания и идеологии этих произведений.²

Повести об Азове, как и „Повесть о двух посольствах“, связаны с традицией устной посольской речи и посольским делопроизводством. В повестях нашли себе место и дипломатические переговоры, и разговор о титулах, и речевые обороты, характерные для статейного списка.

В среде вольного казачества складывались особые традиции демократической литературы. Литературная работа питалась многими источниками. Речи в казачьем кругу, самостоятельные дипломатические отношения с Москвой, с Персией, Турцией и Крымом и посольское делопроизводство; письменные обращения к днепровскому казачеству с призывом к совместным действиям, наконец, сюжеты устного народного творчества — всё это нашло отражение в казачьих повестях. Почти такие же черты характерны уже и для „Повести о двух посольствах“. Особенно близка к „Повести о двух посольствах“ „Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении в 1642 году“.

Как и „Повесть о двух посольствах“, „Поэтическая повесть об Азове“ начинается с сообщения о присылке послов, извещающих о приходе сил турецкого султана под Азов. В обеих повестях речь идет о турках, которые, собрав многие силы, приходят на русские земли. Если в „Повести о двух посольствах“ явная вражда не переходит в открытую войну, то в „Поэтической повести“ об Азове русские и турки показаны в условиях войны. Если в „Повести о двух посольствах“ превосходство русских показано в области дипломатии, то в „Поэтической по-

¹ М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания древней Руси. Докл. и сообщ. Филол. инст., вып. 2, Л., 1950, стр. 53.

² А. Н. Робинсон, ук. соч., стр. 102.

вести“ об Азове показано военное превосходство русских. На протяжении почти столетия, от Пересветова до казачьих повестей об Азове, турецкая тема в русской литературе развивается в строгом соответствии с жизнью, с тем, в каком состоянии находились реальные взаимоотношения двух государств.

Отношение к турецкому султану в „Повести о двух посольствах“ и в „Поэтической повести“ об Азове выражено одинаковым образом. В „Повести о двух посольствах“ султана обвиняют в том, что он родом от атаманов „заблужших агаренския веры“ и от „сибия“. Казаки говорят еще резче, что соответствует состоянию войны: „Ровен он, собака смрадный пес, ваш турецкий царь, богу небесному у вас в титлах пишется. Как он, бусурман поганой, смеет так в титлах писатися и подобитися вышнему? (ср. с риторическим вопросом в „Повести о двух посольствах“: „как так мог изрещи сия неподобная словеса?“). Не положил он, похабной бусурман, поганы пес, скаредная собака, бога себе помощника, обнадежился он на свое тленное богатство, вознес от ед его сатана гордостию до неба, опустит его за то бог с высоты в бездну во веки“¹.

В „Повести о двух посольствах“ на предложение турецкого султана вернуть Астрахань русский посол презрительно спрашивает, где турецкий султан „свой царской ум пострамил и степень свою попрал“. Почти таким же вопросом — „Где полно ваш Ибрагим турецкой царь ум свой дел?“² — отвечают казаки на требование султана вернуть Азов. И в том и в другом произведении говорится о глупых пашах. „Ты, царь, не с мудрыми, з глупыми пашами думу думал“, — говорят послы в „Повести о двух посольствах“; „поедте вы к своим глупым пашам, не мешкая, а опять к нам с такою глупою речью не еадите“³ — говорят казаки посланным от турок, осаждающих Азов.

В обоих произведениях учтена историческая роль „украинного“ казачества в защите Русского государства от нападения. В „Повести о двух посольствах“ приведена угроза Ивана Грозного, что он „велит терским Хвалимского моря атаманом и донским, и волским атаманом и казаком приклоншии твои (турецкого султана, — М. К.), арды и земляи многие попленити и пропуску в Крым, из с Крыма в Озов и в иные города и земли не велит дать проходов всяким людем ни в которые орды. И от твоего любимаго города Топракова и Далмиюся, и от Азова, и от Новаго, и от иных проч не велит отступить казаком, и дани многие и выходы на них государь наш положит“⁴. К тем же политическим результатам привело занятие казаками Азова. Этим казаки „разделили... государя царя турецкого тем Азовом городом со всею ево ордою крымскою и нагайскою“, „разлучили ево с корабельным пристанищем“, „затворили... тем Азовом городом всё море Синее: не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморския города“⁵. В обеих повестях проводится мысль о том, что русский царь может использовать против турок и татар силы казаков — за „неисправление“ (в „Поэтической повести“), за „неумство“ и „безверство“ (в „Повести о двух посольствах“).

Присуща обоим произведениям тема величия Русской земли и силы русского государя. В „Поэтической повести“ говорится о том, что

¹ Воинские повести древней Руси. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 67.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ Там же, стр. 63.

„государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд бусорманских, персидских и еллинских, аки в небе солнце“.¹ Так же говорил о Русском государстве князь Сугорский: „земля де руская велика и чудотворцов в ней много“.

В „Повести о двух посольствах“, в рассказе о посольстве Ищенина, развивается тема сильного русского царя, обладателя многих земель, с которых он берет дани и выходы, — царя, который, не боясь, кладет дани на царей и на королей. Государь этот самодержавен в своей Русской земле. Так же дан образ русского царя и в „Поэтической повести“: „А государь наш великий, и праведный, и пресветлый царь и великий князь Михайло Фёдорович всеа России самодержец и многих государств и орд обладатель: много у него, великого государя, в вечном холопстве таких бусорманских царей служат ему, великому государю, как и ваш Ибрагим, турской царь“.²

В обоих произведениях проводится мысль о необходимости вернуть земли, завоеванные турками, а особенно Царьград и Иерусалим с христианскими святынями.

Идейная близость „Повести о двух посольствах“ и „Поэтической повести“ об Азове свидетельствует о том, что у демократических кругов городской приказной среды и у вольного казачества были общие интересы, общие политические взгляды, одинаковое отношение к вопросам борьбы с турками. Почти одинаковыми словами выразили авторы двух разных произведений своё преклонение перед силой и могуществом родной земли.

Оба произведения сближаются литературно-образительными средствами. В них используются выразительные речи послов, унижение противника насмешкой, авторы иногда рифмуют фразы, применяют песенную ритмику речи. Оба произведения написаны простым языком, близким к языку деловому и разговорному.

„Повесть о двух посольствах“ и „Поэтическая повесть об азовском осадном сидении в 1642 году“ в какой-то степени использовали образы и сюжеты устного народного творчества. Турецкий султан, восхищенный храбростью русского посла, осмелившегося поднять на него руку, чувствует свое бессилие перед его мужеством, прощает его и ставит в пример своим пашам. Этот сюжет близок к народному эпическому рассказу о Евпатии Коловрате, известному нам как часть „Повести о разорении Рязани Батыем“.³ С большим трудом убив Евпатия из „тмочисленных пороков“, Батый обращается к его телу со словами: „О Коловрате Еупатие, гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полки падоша. Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего“. И даша тело Еупатиево его дружине останочной, которые пойманы на побоище. И веля их царь Батый отпустить и ни чем вредити“.⁴ Почти так же действует и говорит турецкий султан в „Повести о двух посольствах“: „И царь турской не велел его вредити ничем, а рек: «Тако за своего государя изволил умерети, и вы мне тако же служите и за меня умирайте»“. В обоих случаях показано превосходство русских в смелости, преданности, отсутствие у них страха

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 68.

² Там же.

³ Там же, стр. 13—14.

⁴ Там же, стр. 14.

перед смертью. Основная мысль народного рассказа остается неизменной, облекаясь различными литературными сюжетами.

Словесная перепалка с турецким султаном в „Повести о двух посольствах“ находит себе аналогию в устной сказке XVII века, которая дошла до нас уже в письменной традиции и известна под названием „подложной“ переписки Грозного с турецким султаном. О том, что сюжет, близкий к сюжету „переписки“, бывал как устная сказка, мы узнаем от Исаака Массы. Сюжет „переписки“ заключается в следующем: турецкий султан требует у Ивана Грозного дани и выходов за 12 лет и хочет запугать его своей силой и страшным видом. Грозный обещает ему три дани: во-первых, острый меч и „неунятую“ саблю, от которых султан спрячется в горы каменные, во-вторых, пушки и скорострельные пищали, от которых султан и в горах не укроется; в-третьих, посольство, которое живьем захватит султана и пленником привезет к русскому царю.¹

Детали сюжета устной сказки, которую приводит Исаак Масса, отличаются от письменного варианта: в ответ на требование дани Грозный посылает турецкому султану мех чернубурой лисицы, обритой до гола и крысью шкуру и предупреждает, что в случае следующей угрозы и требования дани его, турецкого султана, обреют как эту лисицу, а русские рати разорят турецкую страну.² В „Повести о двух посольствах“ такого сюжета нет, но общий смысл насмешки над турецким султаном, отказ платить ему дань, обман его — всё это близко по духу народной сказке о переговорах турецкого султана с Грозным.

С народным творчеством „Повесть о двух посольствах“ сближается отношением к личности Грозного. Публицистам XVII века свойственно было обсуждать личность Грозного в ее противоречии, раскрывать светлые и темные стороны его характера. Публицисты из боярского лагеря стремились всячески очернить самодержавного царя. В народных былинах и сказках запечатлелся другой образ, царя-патриота, защитника простых людей от изменников бояр. Тенденция народных произведений — противопоставить Грозного всем другим правителям как хорошего царя — наблюдается и в „Повести о двух посольствах“. О царе Иване Васильевиче говорится только положительное, — это идеальный правитель, который царствует один, принимает непосредственное участие в ратных делах, царь над царями.

Присутствие в „Повести о двух посольствах“ мотивов устного народного творчества еще раз доказывает демократический характер этого произведения.

* * *

Итак, в результате изучения „Повести о двух посольствах“ мы считаем возможным прийти к следующим основным выводам.

1. „Повесть о двух посольствах“ — публицистическое произведение первой четверти XVII века, написанное вскоре после событий крестьянской войны и польско-литовской интервенции.

¹ „Переписка“ опубликована А. Поповым в „Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции“ (М., 1869, стр. 443—452). Лучшие списки „переписки“ находятся в рукописи ГПБ Погел. собр. № 1570, лл. 173 об. — 184.

² Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г., за короткое время правления нескольких государей. М., 1937, стр. 27—28.

2. По своему жанру „Повесть“ принадлежит к легендарно-политическим произведениям с тяготением к исторической теме. „Повесть о двух посольствах“ испытала на себе сильнейшее влияние языка и стиля деловой письменности, в первую очередь статейных списков.

3. По своему жанру „Повесть о двух посольствах“ близка также к сочинениям Пересветова и к казачьим повестям об Азове — произведениям, связанным с литературной традицией Посольского приказа.

4. Автор „Повести о двух посольствах“, хорошо знакомый с посольским делом и с посольским делопроизводством, вероятно был служащим Посольского приказа.

„Повесть“ дополняет наше представление о литературе той эпохи, когда начался переход от средневековой литературы к литературе нового времени, и является одним из образцов тесного сближения формы литературного произведения с формой делового документа, при одновременном очень сильно сказавшемся в памятнике общем процессе отделения художественной литературы от деловой письменности, характерном для XVII века.

Ниже мы публикуем обзор списков и самый текст „Повести“.

Археографический обзор списков и текст „Повести о двух посольствах“

Общие замечания

Судя по тому, как связаны единым сюжетом о титулах все три части „Повести о двух посольствах“, их можно считать в целом единым произведением. Если в более поздних списках встречается отдельно рассказ о посольстве Ищеина, либо рассказ о посольстве Сугорского, то в ранних списках они всегда находятся вместе.

Однако история текстов двух частей „Повести о двух посольствах“ складывалась по-разному. Это можно объяснить различной стилистической манерой, в какой написаны обе части. Рассказ о посольстве Ищеина, выдержанный в форме речей (монологов и диалогов), почти не подвергся переделкам. Единственным крупным изменением следует считать большую вставку документального характера, где перечисляются пришедшие к Москве в мае 1571 года крымские и ногайские мурзы. Посол Андрей Ищеин и дьяк Василий Алексеев приходят „извещать“ турецкому султану на крымского царя, „что тот Мингирей царь и калга царевичь приходили с крымскими царевичи, и с мурзами, и с шеренскими князьями, и с казыевским улусом, и с меншими ногаи, и Девей з детьми, и Бока, и мурза с товарищи, и казаки золотые болшие орды, заволские ногаи, и измаилевы телехматовы дети Урас и Чемат, и Кучув мурза, и Шиншидумет с шестью братиею своею, и с кочевенскими татары, и со всеми с крымскими и ногайскими мурзами, и иных орд с прибыльными людьми за умножение грехов наших, а через крестное целование и через мирное стояние на Русь воевати, Москву град и божие милосердие храмы пожгла 79 году мая в 24 день на вознесение господя нашего Исуса Христа. И погорела Москва вся во едину три часы“.¹

¹ ГПБ, собрание Погодина, № 1573, л. 31. Вставка носит явно документальный характер. Однако ее происхождение пока неизвестно. В Никоновской летописи такого текста нет. Возможно, что известие взято из посольских документов (известия о приходе татар к Москве в мае 1571 года имеются в Крымских книгах посольского приказа № 13 и Турецких книгах посольского приказа № 2, находящихся сейчас в ЦГАДА).

Дата 7079 года во вставке вызвала в некоторых списках изменение даты в начале рассказа о посольстве Ищенна. Например, в списках ГПБ, собрание Погодина, № 1573, Q XVII. 17 и других вместо даты 7078 стоит дана 7079, а в списках ГПБ, собрание Титова, охр. кат. № 1121, КП 182/1939 нет даты во вставке и не изменена дата в начале рассказа о посольстве Ищенна.

Разделение текста рассказа о посольстве Ищенна на две редакции по признаку наличия или отсутствия вставки совершенно условно.

„Повесть о двух посольствах“ как единое целое разделена на редакции на основе изменений текста рассказа о посольстве Сугорского. Текст рассказа о посольстве Сугорского подвергался большим изменениям на протяжении всего XVII века, причиной чего является, вероятно, сама повествовательная форма произведения и наличие в нем разнообразных почти самостоятельных рассказов (притча о сыне мертвой матери, кипрская история, пророчества и пр.). Если характерная дипломатическая речь рассказа о посольстве Ищенна строго определяла круг затронутых вопросов и была трудна для перефразировок, то описательный и повествовательный характер текста рассказа о посольстве Сугорского создавал возможность стилистических и композиционных переделок. Перестановки слов в списках „Повести о двух посольствах“ встречаются столь часто, что их приходилось не брать в рассмотрение при подведении вариантов в тех случаях, когда эти перестановки не влияли особенно сильно на состав и содержание фразы. Таким образом, варианты этих перефразировок не отражают.

Вторая редакция „Повести о двух посольствах“ стала складываться, по видимому, вскоре после появления в свет самого произведения. Самым ранним из известных нам списков второй редакции следует считать список из сборника ГПБ, Погод. 1615, датированного А. Ф. Бычковым 1632 годом (см. стр. 242 настоящей статьи).

Вторая редакция является редакцией стилистической. Ее основной отличительный признак — развернутый титул короля Максимилиана, помещенный в послании, которое привозит к Максимилиану и читает перед ним князь Захарий Иванович Сугорский. Кроме того, в списках второй редакции много общих для всех списков этой редакции перефразировок текста, которые, не меняя основного содержания „Повести“, дают иные чтения. Эти перефразировки настолько значительны, что делают невозможным подведение вариантов по этой группе списков к основному тексту „Повести“. Вот примеры этих перефразировок: король, встав, принимает лист у Сугорского, „а как посол до листа князь Захария Сугорской его титла говорил и государя нашего царя челобитье и посольство правил“,¹ Максимилиан, принимая посольство, все время стоял. В описании полков, идущих в свите Максимилиана, упоминается не только полк сына его Филиппа, но и полк племянника его Андрея.

В нескольких списках этой группы (ГПБ, собрание Ф. А. Толстова, Q, XVII. 17 и БАН, Арх. № 257) всё описание ритуала поездок Максимилиана переработано следующим образом. „И те избранные и думные его мудрые философы потому же едут по сторонам кон же во своем месте. А иной земли в их статья человек не вмещается. А едут по статьям по обе стороны. А подле цесаря с сторону едет сын его Филипп, а з другую страну — племянник его Андреян, да

¹ ГПБ, собрание Ф. А. Толстова, Q, XVII. 17, л. 149 (ср. с текстом первой редакции).

подручник царев Михаил, а посол бывает близь царя пред ним или за ним. А назади идет за ними полк кесарев, а в нем всех земель люди идут в одном месте. И за тем идут полки сына его Филиппа, да племянника его Андреяна, а ставятся полки кои ж себе полк. А всех людей с цесарем ходит в объезд с 30 тысящь воинских конных людей, кроме кошев“.¹

Во второй редакции упоминается большее количество взятых Иваном Грозным городов: „город Пернов, город Апсел, городок Лиговер, городок Коловер, городок Падцу, городок Салочь, городок Перкаль, городок Вагалу и со всем их народом, и с пушками, и мызы их, тех городков, со всеми с статки и з животы“.²

Изменения сделаны и в притче о сыне мертвой матери. Она начинается сообщением о том, что „был де в моей области в море остров, а в нем два грады. И пришло божие разгневание, град един именован Мелхия камен погибе“.³ После сообщения о гибели города рассказывается о том, что „на том же острове в море другой град, именован Тордор . . . и от того трясения из Тордора избежаша гости на телегах к Мелхия граду“.⁴

Все эти места, процитированные из списка второй редакции, есть и в первой, но там они даны в иных перефразировках, более лаконично. Создается впечатление, что вторая редакция разъясняет, распространяет лаконичный текст первой. Вот яркий пример такого разъяснения и распространения текста: во второй редакции вопрос Максимилиана о силе русского царя выглядит так: „коль сильно ходит государь ваш, а сродыч мой царь и великий князь на недруга своего“.⁵

В настоящем издании мы публикуем только текст первой редакции, как представляющий наибольший интерес.

Отметим то рукописное окружение, в котором дошла до нас первая редакция „Повести о двух посольствах“. Сборники, в которых она сохранилась — это сборники литературного и исторического содержания. Рядом с „Повестью“ часто помещены „Казанская история“, „Сказание о церкви Софии в Новгороде“, „Послание архиепископа Вассиана на Угру“, „Сказание о мамаевом побоище“, „Путешествие Трифона Коробейникова“, „Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков“ и ряд других произведений. Особо следует отметить соседство с „Повестью о двух посольствах“ произведений Пересветова, посланий Грозного и Курбского, повестей об Азове, а также дипломатических грамот.

Для рассказа о посольстве Сугорского за основу взят список Библиотеки Академии Наук СССР, 4.7.16. Варианты к этому списку подведены по пяти спискам первой редакции: ГПБ, собрание Погодина, № 1574 (П), 1573 (Б), 1955 (И) и Q. IV. 414 (К); ГБЛ, собрание Ундольского, № 503 (У).

В рукописи БАН, 4.7.16, вследствие утраты листов, от рассказа о посольстве Ищенна сохранился только самый конец. Основным списком для рассказа о посольстве Ищенна выбран список ГПБ, собрание Погодина, № 1574. Варианты подведены по спискам: ГПБ, собрание Погодина, № 1573 (Б), Q. IV. 414 (К); собрание Ф. А. Толстова, Q. XVII. 17 (Б); собрание Титова, охр. кат. № 1121 (Т), F. XVII, 15 (С), КП 182/1939 (Ф); БАН, Арх. № 257 (О); ГБЛ, собрание

¹ ГПБ, собрание Ф. А. Толстова, Q. XVII. 17, л. 150 об. (ср. с текстом первой редакции).

² Там же, л. 151 об.

³ Там же, л. 152.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 150.

Ундольского, № 603 (У). Исправления даны в квадратных скобках. Орфография текста упрощена: „ѣ“ заменено „е“, „і“ — „и“, „оу“ — „у“, „ѳ“ — „ф“, „ъ“ в конце слов опущен, титла раскрыты и надстрочные буквы внесены в строку.

Списки ГБЛ, М 1518, М 1517; собрание Никифорова, № 381; М 5408, М 8779; собрание Егорова, № 909, а также список ГПБ, КП 182/1939 указаны мне А. А. Зиминим. Список ГПБ, собрание Титова, охр. кат. № 1121 указан М. А. Салминой, список ГПБ, собрание ОЛДП, Ф. 40 — Н. Н. Розовым.

Приношу свою благодарность В. Г. Гейману и В. Ф. Покровской, помогавшим мне при датировке списков.

Списки первой редакции

1. Библ. Акад. Наук СССР, № 4. 7. 16. Сборник исторический, список начала XVII в., скоропись, 8°, лл. 19—34 об., филигрань-кувшинчик с одной ручкой, с короной и полумесяцем на крышке, с буквами „РО“ (близок по типу к помещенному у Н. П. Лихачева под № 4126, дат. 1587 г.). Заглавия киноварью. Список взят за основной для рассказа о посольстве Сугорского. Вследствие утраты первых листов тетрадки, от рассказа о посольстве Ищенна остался только самый конец.

2. Библ. Акад. Наук СССР, № 16. 7. 15. Сборник, список конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 100—114 об. Рассказ о посольстве Ищенна со вставкой и с изменением даты.

3. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание М. П. Погодина, № 1574. Сборник исторический, список начала XVII в., скоропись, 4°, лл. 67—81. Список наиболее исправный.

4. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание М. П. Погодина, № 1573. Сборник исторического и дипломатического содержания, список середины XVII в., скоропись, 4°, лл. 31—49. Рассказ о посольстве Ищенна со вставкой, характерной для второй редакции.

5. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание М. П. Погодина, № 1955. Сборник исторический, список конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 190 об. — 197 об.

6. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. IV. 414. Сборник исторический, список первой четверти XVIII в., полуустав, 4°, лл. 176 об. — 192.

7. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание ОЛДП, Ф. 40. Сборник, список XVIII в., скоропись, 1°, лл. 4—7.

8. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание ОЛДП, Ф. XV. Сборник поздний, конца XVII—середины XIX в., список конца XVIII в., скоропись, 1°, лл. 18—21.

9. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Вяземского, Q. CCLXXXIII (283). Сборник, список первой половины XVII в., скоропись, 4°, лл. 192—198 об.

10. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 603. Сборник исторический, список первой половины XVII в., скоропись, 8°, лл. 219—250.

11. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 620. Сборник, список первой половины XVII в., скоропись, 4° лл. 1—16 об.

12. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 761. Сборник исторический, список начала XVIII в., скоропись, 4°, лл. 63 об. — 70 об. (посольства Сугорского нет, только посольство Ищенна).

13. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание музейное, М 1517. Сборник публицистического характера, список второй половины XVII в., скоропись, 4°, лл. 231—241. Рассказа о посольстве Ищеина нет, только о посольстве Сугорского.

14. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание музейное, М 1518. Сборник, список конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 214—261.

15. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание музейное, М 435. Сборник, список XVII в., скоропись, 8°, лл. 369 об.—376 об. Рассказ о посольстве Ищеина — вторая редакция.

16. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание фундаментальное, № 196. Сборник исторический, список начала XVII в., скоропись, 4°, лл. 273—277 об. Рассказа о посольстве Ищеина нет.

17. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Никифорова, № 381. Сборник, список первой половины XVII в., скоропись, 4°, лл. 74—81.

18. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Общества истории и древностей российских, № 197. Сборник, список середины XVII в., скоропись, 4°, лл. 40—57 об.

19. Гос. Исторический музей, собрание А. С. Уварова, № 1917. Сборник исторический, список XVII в., скоропись, 8° малая, лл. 544—555 об. Рассказа о посольстве Ищеина нет.

Списки второй редакции

20. Библ. Акад. Наук СССР, Арханг. № 257. Сборник, список XVII в., полуустав, 4°, лл. 196—214 об. Рассказ о посольстве Ищеина, с характерной для второй редакции вставкой.

21. Библ. Акад. Наук СССР, № 16. 6. 18. Список первой половины XVII в., полуустав, 8°, лл. 1—17. В списке только рассказ о посольстве Сугорского.

22. Библ. Акад. Наук СССР, № 17. 5. 31. Сборник, список середины XVII в., скоропись, 4°, лл. 158—166 об. Список рассказа о посольстве Сугорского. В начале списка сделана механически вставка из рассказа о посольстве Ищеина.

23. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Ф. А. Толстова, Q XVII. 17 (II № 249). Сборник духовного содержания, список середины XVII в., полуустав, 4°, лл. 143—154 об.

24. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII. 164. Сборник религиозно-нравоучительного характера, список конца XVII в., полуустав, 4°, лл. 164—187 об.

25. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание М. П. Погодина, № 1615. Сборник духовного содержания, А. Ф. Бычков датирует сборник 1632 годом по записи, находящейся после Апокалипсиса, помещенного на лл. 16—57 рукописи,¹ скоропись, переходящая в полуустав, 4°, лл. 62—71. От рассказа о посольстве Ищеина сохранился только конец.

26. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание А. А. Титова № 2350 (охр. как. № 1121). Сборник исторический, список конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 310—325.

27. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, КП 182/1939. Сборник, список конца XVII—начала XVIII в., полуустав, 4°, лл. 130—151.

¹ См. А. Ф. Бычков. Описание рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1883, стр. 454, 456.

28. Гос. Публ. библ. им. Е. М. Салтыкова-Щедрина, собрание СПб. духовной академии, № 424. Сборник, список XVII в., скоропись, 1°, лл. 53—67. Рассказ о посольстве Ищеина со вставкой, но без перемены даты.

29. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Соловецкого монастыря, № 1500 (41). Сборник, список середины XVII в., скоропись, 8°, лл. 107—130 об. Рассказ о посольстве Ищеина со вставкой и с изменением даты.

30. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Соловецкого монастыря, № 1247 (1137). Сборник, список первой половины XVII в., скоропись, 8°, лл. 143—153. В списке только рассказ о посольстве Сугорского.

31. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Вяземского, О. LXVI. Сборник, список первой половины XVII в., полуустав, 8° малая, лл. 196—235. Рассказ о посольстве Ищеина со вставкой, без изменения даты.

32. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 632. Сборник повестей и сказаний, список середины XVII в., полуустав, 8°, лл. 321—342 об.

33. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание музейное, № 8779. Сборник, список XVIII в., скоропись, 4°, лл. 35 об.—49 об.

34. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание музейное, М 5408. Сборник исторического содержания, список XVIII в., скоропись, 1°, лл. 479—486 об.

35. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Егорова, № 909. Сборник, список середины XVII в., скоропись, 1°, лл. 658 об.—633 об.

36. Гос. Исторический музей, собрание Исторического музея, № 1388. Сборник летописный, список XVIII в., скоропись, 1°, лл. 256 об.—264 об.

37. Гос. Исторический музей, собрание А. С. Уварова, № 1909 (151). Сборник легендарных повестей, список XVII в., написан четкой мелкой скорописью, 16°, лл. 15 об.—39 об.

Списки переходного типа от первой редакции ко второй

38. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание М. П. Погодина, № 1556. Сборник, список середины XVII в., скоропись, 8° малая, лл. 85 об.—96 об.

39. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. XVII. 15. Сборник, список середины XVII в., скоропись, в лист, лл. 198—205 об.

40. Гос. исторический музей, собрание исторического музея, 1551. Сборник дипломатического содержания, список первой половины XVII в., скоропись, 4°, лл. 41 об.—58.

41. Гос. исторический музей, собрание Синодальной патриаршей библиотеки, № 58/360. Сборник, список первой половины XVII в., скоропись, 8°, лл. 149 об.—180 об.

42. ЦГАДА, собрание М. А. Оболенского, № 96. Сборник, список середины XVII в., полуустав, 4°, лл. 199—215.

43. Гос. Библ. им. В. И. Ленина, собрание Тихонравова, № 379. Сборник, список датируется началом XVIII в., полуустав, 8°, лл. 1—13. Список дается по описанию А. А. Зимина, поэтому о редакции его сказать трудно.

Текст первой редакции

В лета 7078-го посланье государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Царь Град с титълами

Ходил во Царь Град ^{1,1} от царя ² и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии ³ посол Ондрей ⁴ Ищеин ⁵, да ⁶ с ним ⁶ дияк Василей Алексеев ⁷ прозвища Белогуз ⁷ ко царю Мурат Солтану Турскому на Мингирея царя ⁸ и на калгу на царевича на крымского.

А в государеве посланье пишет:

От восточные страны полуденныя области ⁹ авгарскому и миркоскому ¹⁰ державу, антиохии азия ¹¹ великия властвующа и нареченна а непокореньному ¹² цареградцькому и седмикохмьскому, и стихийскому ¹³, шамскому ¹⁴, теврискому, нездорскому ¹⁵, станборскому, измаильтенскому царю ¹⁶ над цари полуденныя страны отокаданского ¹⁷ Дамаска преславущаго ¹⁸ и иных ¹⁹, от колена даднаго ²⁰ праардитель ²¹ измаильтеских родов, Мурату преславущему царю ²² салтану обдержжательну.

²³Статья государева посла: ²³

Божиею милостию ²⁴ государь царь и великий князь ²⁵ Иван Васильевич всеа Русии ²⁶ владимерский, московский, наугородцький, царь казанский, царь астраханьский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, государь ²⁷ Новаграда ²⁸ низовские земли, черниговьский, реванский, ²⁹ полотцький ³⁰, вологодцький ³¹, ростовский, ярославский, белозерский ³², готорский ³³, обдорский ³⁴ и кондорский ³⁵ и всея сиверския ³⁶ земъли ³⁷ и северныя страны ³⁸ повелитель и государь ³⁹ восточныя ⁴⁰ земли вифлянския ⁴¹ и иных многих земель обладатель колена преславуща и праардителя восточнаго царя ⁴² Августа кесаря, и римския ⁴³ земъли областна ⁴⁴ от Рюрика короля прироженга ближнего ⁴⁵, московский государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии ⁴⁶ велел тебе поклонитися ⁴⁷. Извещаю тебе, царю, на твоего ⁴⁸ посаженника, на крымского ⁴⁹ на ⁵⁰

1,1—1 нет У. 2—3 нет УК. 4 доб. Иванович У. 5 доб. Кузминской У. 6—6 нет КВ. 7—7 нет УКВ. 8 доб. крымского У. 9 доб. турскому УБКВОТСФ. 10 микорскому УКТС; мироносному Б; мирокорскому ВО; миторскому Ф. 11 Азоя К; и казе Б. 12 и пореченна У; покоренна К; не впрядь покоренна БС; не впрядь покорна ВО; не предпокорна ТФ. 13 доб. и ратовеостровскому (родосостровскому Б) и мянюрскому (месюрскому БТФ) и вавилонских оток богданскому (бугдуйскому Т) и шамаханскому (шеймихильскому Б) УБКВОТСФ. 14 нет УК; и врамскому Б. 15 изскиндерскому Б; изскиндерскому ВО; изонидырскому Т; и изендырскому С; и ордынскому Ф. 16 нет К. 17 отокадальнаго УВОТС; от востока данного Б; доб. дальнего К. от отока дальнаго Ф. 18 зовущаго У; словуща Б; и словущего К; словущу ВОТФ; словущему С. 19 ныне Б. 20 даносмир У; даннаго ти БВО; даннома К; данномии ТСФ. 21 праардителей У. 22 нет Б; доб. турскому Т. 23—23 посол говорил У; посол Б; нет К; послова статья ВОТ; государеву титулу посол говорил Ф. 24 доб. великий ВОТСФ. 25—26 нет У. 26 доб. самодержец К. 27 государств Б; доб. царь и великий князь К; доб. и великий князь Т. 28 нет Б. 29—32 нет С. 30 нет Б. 31 володцький ВО. 32 нет БКВОТФ. 33 удорский БВОТСФ; нет К. 34 нет К. 35 кондинский БКС; кондейский ВОТФ. 36 сибирския БК ВОТФ; нет С. 37 нет С. 37—38 нет Б. 39 доб. иверские земли грузинских царей, кабардинские земли и иных многих государств и К; доб. иверския земли грузинских царей и кабардинских черкасских князей и иных государств государь и обладатель восточные и северныя, и полуденныя и государь Т. 40 ныне Б; отчинныя ВО; вотчинныя Т. 41 вифлянские Б; доб. и западных и северных стран К. 42 нет Б. 43 прусские УБКВОТСФ. 44 обладателя У. 45 блаженнаго У. 46 доб. самодержец К. 47 доб. пословы речи Т. 48 доб. царского У. 49 нет УФ; доб. царя Т. 50 доб. Мурат УКВОТСФ.

Мингирея царя и на колгу царевича,⁵¹ пришли в мою землю войною и повоевали⁵¹ и Москву град⁵² пожгли⁵³.

⁵⁴ Дияк статью говорил царю⁵⁴.

⁵⁵ И не велиш⁵⁵ ему з государем⁵⁶ царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии в крестном целованье и в мирном постовление⁵⁷ крепко стояти, и ему, крымскому Мурат Менгирею царю, и лутчим мурзам вперед велишъ задор чинити, и с войною на Русь хадити, и государь нашъ царь⁵⁸ великий князь⁵⁹ Иван Васильевич всеа Русии⁶⁰ с⁶¹ твоим посаженником,⁶¹ с крымским царем⁶² или кто по нем ин будет, велит своим голдовником с ним управитъца.

⁶³ Статью посол говорил.⁶³

Буди тебе,⁶⁴ царю,⁶⁵ ведома:⁶⁶ ты своево полку не справуешъ⁶⁷ и областных своих не уймешъ, и татем⁶⁸ через мирное⁶⁹ крестное целованье в наши украинны и на наши города войною учнут ходити,⁷⁰ и государь нашъ царь⁷¹ и великий князь⁷² Иван Васильевич всеа Русии⁷³ держав наши⁷⁴ руские земъли⁷⁵ и иных многих земель обладатель велит⁷⁶ терским хвалимского моря атаманом и⁷⁷ донским и волским⁷⁸ атаманом и казаком⁷⁹ приклонши⁸⁰ твои арды⁸¹ и земъли⁸² многие поплени и пропуску⁸³ в Крым,⁸⁴ из с Крыма в Озов и в иные города⁸⁵ и земъли⁸⁶ не велит дать проходов всяким людям ни в которые орды. И от твоего любимаго города Топракова⁸⁷ и Далмиюся,⁸⁸ и от Азова,⁸⁹ и от Новаго, и от иных проч не велит отступитъ⁹⁰ казаком, и дани многие⁹¹ и выходы на них государь нашъ⁹² положит.

⁹³ Дияк статью говорил:⁹³

И то⁹⁴ тебе,⁹⁵ царю⁹⁶ турецкий,⁹⁷ буди ведома, тогды тебе будет на⁹⁸ нашего государя⁹⁹ царя¹⁰⁰ и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии¹⁰⁰ нелюба, когда твоих послов многих^{11, 1} и² посланников окола Хвалимского моря ни в которые³ земъли государя нашего⁴ царя и великого князя⁵ Ивана Васильевича всеа Русии⁶ воинские люди⁷ учнут побивати и в те земъли не учнут пропушати,⁷ а у тебя в том взочнетца в твоей державе сметение великое, и ис твоих прежреченных улусов твоих посаженников⁸ велит государь⁹ выгнать а за твое неумства,¹⁰ а их безверства.¹¹

^{51—51} пришел в мою землю с воим через крестное целование и через мирное стояние татем, и землю повоевал Б; пришел в мою землю войною через крестное целование и чрез мирное стояние, татем землю повоевал ВО. ⁵² грады К. ⁵³ пожег БВОС, ^{54—54} дияк говорит царю У; дияк Б; диячая печь ВОТС; нет Ф. ^{55—55} велишъ ли Б. ⁵⁶ доб. нашим БКВОФ, ⁵⁷ стояние УБВОТСФ. ^{58—60} нет У. ^{59—60} нет КВОС. ^{61—61} твоими посаженники БКВОС. ⁶² доб. Мингиреем Б. ^{63—63} посол говорил У; посол Б; статья государева посла К; доб. посол говорил К; нет Ф. ⁶⁴ доб. господарю ВО; господарю Т. ⁶⁵ доб. турецкий ВОТС. ⁶⁶ доб. господарю турецкому Б. ⁶⁷ спрашиваешъ УБКВО; исправуешъ ТФ. ⁶⁸ доб. царем У. ⁶⁹ доб. стояние БТФ; доб. поставление К; доб. и С. ⁷⁰ приходити УБКВОТСФ. ^{71—73} нет У. ^{72—73} нет КВОТ. ^{73—74} державный УБКВО; державным Т; державные С. ^{73—75} нет Ф. ⁷⁶ доб. своим БКВОТСФ. ⁷⁷ доб. казаком К. ⁷⁸ астороханским Б. ^{79—79} нет К. ⁸⁰ прикаanye Б. ⁸¹ города Б. ^{82—86} нет К. ⁸³ доб. вашим С. ^{83—84} нет С. ⁸⁵ нет БВОТСФ. ⁸⁷ Кракова У. ⁸⁸ Калмиюса БВТФ; Калмиюсова О; Далмаса К. ⁸⁹ Азова К. ⁹⁰ отпустить У. ⁹¹ нет Ф. ⁹² доб. царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии за то Б; доб. за то УКВОТСФ. ^{93—93} дияк говорил У; дияк Б; дияк речь говорит ВОТС; нет Ф. ⁹⁴ Ино Т; нет Б. ⁹⁵ господарю турецкому Б. ⁹⁶ государь У. ⁹⁷ господарю КС; господарю ВО; господарю царю ТФ. ⁹⁸ нет Б; доб. царю ВО. ⁹⁹ от Т. ¹⁰⁰ доб. великаго ОТС. ^{100—100} нет У. ^{11, 1} и многих У; нет Т. ² нет У. ³ доб. орды и в Б. ^{4—6} нет У. ^{5—6} нет КВОС. ^{7—7} не учнут пропушати У; не учнут пропушати, а учнут побивати БВОФ. ⁸ Испр. по УБК, ВОТСФ в руках посаженником; ⁹ доб. нашъ царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Б. ¹⁰ невежество Б; неистовство К. ¹¹ безмерство Б.

Царь же турский Мурат Саатан Ослимович^{12 13} с пашами¹³ государя нашего послу речь говорил податну¹⁴; славнаго и великого, князя¹⁵ московского и иных¹⁶ всеа Русии¹⁷ сибирские¹⁸ земъли и всея¹⁹ северныя²⁰ страны повелителя и²¹ вотчиннаго²² вифильянские земли²³ и обладатель²⁴ многих земель,²⁵ токмо не моей, посол²⁶ на²⁷ весь Крым²⁸ и на крымскаго царя с молвою²⁹ ко мѣне пришел, мне извещати и неправду³⁰ сказывати. Велеа³¹ к отъвету быти в пятый день³² после податнаго³³ листа³⁴ посолства.³⁵ А в ту пять³⁶ дней посол у потриярха³⁷ по упросу³⁸ еа³⁹ трижды.⁴⁰ И в пятый день⁴⁰ по повелению цареву с приставом⁴¹ посол пред царя пришел, и встреча государя нашего послу честна⁴² с прибавкою. Запрос царев: по повелению⁴³ спрашивают паша,⁴⁴ а царь⁴⁵ слушает,⁴⁴ как крестное целованье и мирное поставление⁴⁶ промѣж государя царя⁴⁷ и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии⁴⁷ ⁴⁸вашие земли⁴⁸ самодержьца⁴⁹ с моим посаженником⁴⁹ с крымским царем с Менгиреем⁵⁰ утверждение о воинском деле и обидях была.

⁵¹Статья государева посла:⁵¹

Государь нашъ царь⁵² и великий князь Иван Васильевич всеа Русии⁵³ своими⁵⁴ з детми,⁵⁵ з двема царевичи,⁵⁶ с царевичем Иваном⁵⁷ Ивановичем, да с царевичем Федором Ивановичем⁵⁸ многолетствует, а царствует един, а думает с своими царевичи, и в думу припускает маистатов⁵⁹ велеумных своих голдавников и бояр,⁶⁰ и воевод великих своих государевых.⁶¹

И крестьянские победы николи не хотя видети⁶² по цареву⁶³ ж повелению говорят паша:⁶⁴ почто вашъ царь и государь с нашим голдавником⁶⁵ с крымским посаженником⁶⁶ с Менгиреем⁶⁷ царем⁶⁸ мирное поставление⁶⁹ и крестное⁷⁰ утверждение чинит⁷¹ с нашим⁷² государем⁷³ царем⁷⁴ и великим⁷⁵ не спрашиваетца⁷⁶ и, не хотя нашему⁷⁷ царю турскому покорен быти и выход давати, миритьца⁷⁸ втайне а⁷⁹ бьет челом⁷⁹ и управы просит на нашего посаженника въяве?

⁸⁰Статья государева посла:⁸⁰

Наш великий⁸¹ государь царь⁸² и великий князь Иван Васильевич

¹² Исалимович УКТФ; Иславичъ Б; Исламович ВО; если мовла С. ¹³⁻¹³ нет Б Т. ¹⁴ поданну К. ¹⁵ доб. царя У; царя БВОТС. ¹⁶⁻¹⁸ Иоанна Васильевича Ф. ¹⁶ нет Б. ¹⁷ русския земли Б; доб. и всеа Б. ¹⁸⁻¹⁹ нет Б. ¹⁹ нет К. ²⁰ Испр. по УБКВОТСФ, в рукописи северныя. ²¹⁻²² обладателя Б. ²² вотчины У; восточнаго С; вотчинника Ф. ²²⁻²⁴ нет Ф. ²³⁻²⁴ обладателя У. ²⁴⁻²⁵ нет Б. ²⁶ доб. говорил У. ²⁷ испр. по УБКВОТСФ, в рукописи не. ²⁸ улус Б. ²⁹ с молбою Ф. ³⁰ неправды УКТСФ; доб. его БВОТФ; доб. сен С. ³¹ доб. послу БС. ³² 17 день Б; доб. послу ВОТФ. ³³ даннаго Б; поданнаго К. ³⁴ доб. и УБВОТ. ³⁵ нет КСФ. ³⁶ 17 Б. ³⁷⁻³⁸ хлеба У. ³⁸ доб. хлеба ВТСФ. ³⁹ доб. с приставы Б. ⁴⁰⁻⁴⁰ нет Б. ⁴¹ в 17 день Б. ⁴² нет У; доб. и часта ВОФ; доб. и чиста (ТФ) была ТФБС. ⁴³ доб. цареву БКВФ. ⁴⁴ доб. государева нашего посла Ф. ⁴⁴⁻⁴⁴ перед царем Б. ⁴⁵ доб. в то время Ф. ⁴⁶ стоянье БВОТСФ. ⁴⁷⁻⁴⁷ нет У. ⁴⁸⁻⁴⁸ Испр. по УБКВОТСФ, в рукописи в наша. ⁴⁹⁻⁴⁹ нет У. ⁵⁰ Миригрием Ф. ⁵¹⁻⁵¹ посол говорят У; посол Б. ⁵²⁻⁵³ нет У. ⁵³ доб. со царевичи Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ нет У. ⁵⁵⁻⁵⁶ нет Б. ⁵⁷ Исправлено; в рукописи Иваном дважды. ⁵⁸ доб. здравствуют и Ф. ⁵⁹ магистанов БВО; магнитов К. ⁶⁰ нет Т. ⁶¹ государств БВОТ; нет Ф. ⁶²⁻⁶⁴ запрос царев говорят паша Б; запрос царев, царевы по цареву вельню говорят С. ⁶³ государеву У. ⁶⁵ нет БВО. ⁶⁶ нет Б; царем Т. ⁶⁷ доб. нареченным БВОТСФ; Миригрием Ф. ⁶⁸ нет Б. ⁶⁹ стоянье БВОТСФ. ⁷⁰ доб. целованье УВО; доб. целованье и БКТСФ. ⁷¹ Так в У, в рукописи нет; утверждает ВО; учинил К; стави промѣж себя Ф. ⁷² Испр. по УБВОТОФ, в рукоп. нашему; в нашем К. ⁷³ господарем ВО. ⁷⁴ нет Т. ⁷³⁻⁷⁵ нет У. ⁷⁵ нет КБ; доб. Саатаном Ф. ⁷⁶ Испр. по У; в рукописи спрашивает; спрашиваяся БКВОТФ; спрашивался Ф. ⁷⁷ доб. государю БТСФ; доб. господарю ВО. ⁷⁸ доб. с ним Ф. ⁷⁹⁻⁷⁹ нет Б; челобитье С. ⁸⁰⁻⁸⁰ посол говорил У; посол Б; статья послова ВО. ⁸¹ нет Б.

всё Русии⁸² самодержецъ⁸³ единовластелен, а обладает⁸³ многими,⁸⁴ а не спрашиваетъца ни с кем, а миритца не боясь, поверил безверной⁸⁵ вашей вере;⁸⁶ а ваше[му]⁸⁷ турскому царю не челом бьет, а⁸⁸ на вашего посаженника, на крымскаго царя извещает⁸⁹ безверие и⁹⁰ неправду.

⁹¹Стотья, дьяк говорил:⁹¹

Государь нашъ царь⁹² и великий князь⁹³ Иван Васильевичъ всеа Русии⁹⁴ дани и выходу развее дару не дает никому. Дани и выходы сам емлет, и⁹⁵ любечи ково дары посылает, и⁹⁶ любячи у⁹⁷ котороу царя или у короля⁹⁸ многие дары и сам принимает, а выходы⁹⁹ и дани кладет¹⁰⁰ на царей и на каролов, III,¹ не спрашиваясь никаго и не боясь² ни в чем.

³Стотья государева посла³:

Государю нашему⁴ царю⁵ и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии⁵ и его царскому⁶ величеству не подобаетъ царю турскому и авгарскому и иных⁷ выходу давати и дани⁸ посылати, развее самому⁹ имати на турских властных¹⁰ властех¹¹ и на преклонших¹² его ордах. И царь турской¹³ умолчал¹⁴ з гневом пашам¹⁵ говорити,¹⁶ и велел¹⁷ говорити:¹⁸ не отдаст¹⁹ мне вашъ царь Астрахани, и я пошлю на вашего царя своего посаженника, крымскаго царя и иных многих и велю вашу Русь пленить, и Москву велю засесть и вашего царя пред себя велю²⁰ привести²¹ и со всеми властели его. И государев посол к турскому²² царю кинулся²³ з будеем,²⁴ и паша его подхватила²⁵ и приговорила его прямо²⁶ с²⁷ полаты скинуть.²⁸ И царь турской не велел его вредить ничем, а рек:²⁹ тако³⁰ за своего государя³¹ изволил умерети,³² и вы мне тако ж служите³³ и за меня умирайте.³⁴

³⁵Дьяк статью говорит.³⁵

Ты, царю, не ведаешь,³⁶ ты с турцы властвуешь,³⁷ и многие земли тебе приклонились, а нашего³⁸ государя царя³⁹ и великого князя⁴⁰ Ивана Васильевича⁴¹ всеа Русии⁴² атаманы от моря от Хвалимьскаго и казаки терские,⁴³ и волские⁴⁴ с твоих державных земель⁴⁵ и областных городов со многих дани и выходы многие⁴⁶ емлют, да ещо государь нашъ⁴⁷ им не повелел.⁴⁸

⁸²⁻⁸² нет У. ⁸³⁻⁸³ единовластелин, а обладатель У; единовластел и обладатель Б. ⁸⁴ многих земель Б. ⁸⁵ безсерменской К. ⁸⁶ доб. крестному целованью Б; доб. и вашему крестному целованью ВОТСФ. ⁸⁷ исправлено, в рукописи ваше. ⁸⁸ нет У. ⁸⁹ доб. вам ваше БВОТС; доб. ваше Ф. ⁸⁹⁻⁹⁰ вам ваше неверие и У. ⁹⁰ доб. вашу К. ⁹¹⁻⁹¹ нет УТ; дьяк Б; дьяк статью говорил К; днатья речь ВО; дьяк речь говорил С; потом речь говорил Ф. ⁹² нет У. ⁹³⁻⁹⁴ нет К. ⁹⁵⁻⁹⁶ нет УБКВО. ⁹⁶ доб. государь вашъ царь Т. ⁹⁷ нет БВС. ⁹⁸ доб. и он дары посылает и у него Б; доб. дары посылает и у того ВО. ⁹⁹ доб. емлет ВОТ. ¹⁰⁰ емлет Б.

III,¹ доб. и кладет Б. ² доб. их ВОТФ. ³⁻³ нет У; посол Б; посол статью говорит ВОТСФ. ⁴ доб. великому ВОТС. ⁵⁻⁵ нет У. ⁶ государскому Т. ⁷ доб. царств У. ⁸ дару Т; дара Ф. ⁹ нет Б. ¹⁰ на властных У; нет Т. ¹¹ областех УК ВОТС; и областных БФ, ¹² преславущих С. ¹³ нет К. ¹⁴ учал УКВОТС; рече пашам своим Ф. ¹⁵ нет ТФ. ¹⁶ нет Ф. ¹⁶⁻¹⁸ нет У. ¹⁷ нет К; доб. пашам ТС, доб. к послу Ф. ¹⁷⁻¹⁸ Астрахани просити. Паша же ркуще ВО. ¹⁸ нет К; спросити ТС. ¹⁹ даст У. ²⁰ нет У. ²¹ поставити Т; доб. жива Ф. ²² нет Т. ²³ подался БВО. ²⁴ нет Ф. ²⁵ подхвати БВО. ²⁶ вон Б. ²⁷ из УБКВОТС. ²⁸ кинути УБ ВОТФ; выкинути БС. ²⁹ и рек У; молвил Ф. ³⁰ так У; нет БВО. ³¹ доб. он БС. ³² смерть прияти БВО. ³³ доб. верою и правдою Ф. ³³⁻³⁴ нет С. ³⁵⁻³⁵ дьяк говорил У; нет Б; дьяк речь говорил ВОТС; посол говорил речь Ф. ³⁶⁻³⁷ и во Цареграде царствувешь Ф. ³⁷ царствуешь К; доб. и в Цареграде царствувещи БВОТ. ³⁸ доб. великого К. ³⁹⁻⁴² нет У. ⁴¹ доб. московского К. ⁴⁰⁻⁴² нет БВОТС. ⁴³ доб. и донские УБК ВОТСФ. ⁴⁴ нет К. ⁴⁵ нет С. ⁴⁶ нет Б. ⁴⁷ доб. царь С. ⁴⁸ повелел БВО; велел С.

⁴⁹ Стотью посол гово(р)ил: ⁴⁹

Ты, ⁵⁰ царю, не с мудрыми, ⁵¹ з глупыми ⁵² пашами думу ⁵³ думал, ⁵⁴ государю нашему такому ⁵⁵ царю ⁵⁶ и великому князю ⁵⁷ отвечаешь, ⁵⁸ Астрахани просити велишь и посажеников своих хочешь послать Москву засесть. И ты где ⁵⁹ свой царьской ум пострамил ⁶⁰ и степень свою ⁶¹ попрал, ⁶² как так мог изреци сие неподобная словеса! ⁶³

⁶⁴ Того ты, царю, не ведаешь, ⁶⁴ что велел тебе государь наш ⁶⁵ царь ⁶⁶ и великий князь Иван Васильевич ⁶⁷ всеа Руси ⁶⁸ говорити. Не подобает тебе, царю, во Цареграде царьствовати, ⁶⁹ не от царьского еси ⁷⁰ прироженья, но от атаманов заблужших агаренския веры ⁷¹ и от сибиль; ⁷² подобает ти ⁷³ Царьград отдати прародителя Августа ⁷⁴ кесеря государю нашему царю ⁷⁵ и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, ⁷⁵ тот бо от колена царска и ⁷⁶ престола римьска ⁷⁶ и Царьградска. ⁷⁷ И царь, ⁷⁸ думав, велел ⁷⁹ з гневом ответ дати: ⁸⁰ почему мне ваиш царь ⁸¹ и великий князь ⁸² велик? А я его не мню ⁸³ велика. Велик он в своем царстве ⁸⁴ над своими манстаты ⁸⁵ и властели, а мне ⁸⁶ пишет ⁸⁷ [бесчестно и то] ⁸⁷ он тем себя бесчестит. Пишет к моему посаженику к Менгирею царю в Крым ⁸⁸ муратом Менгиреем ⁸⁹ царем и любимым братом своим, а мне великому такому царю так же написал ⁹⁰ — Мурату сольтану турскому, авгарьскому царю. Назвал меня братом.

А по нашему ⁹¹ языку Мурат, то и брат. ⁹² И вашь меня царь ⁹³ сверстал в посолстве с моим посажеником, с крымским с Менгиреем царем. И я ⁹⁴ своим посажеником ⁹⁴ в Крым, ⁹⁵ Менгирею царю и иным ⁹⁶ посажеником, ⁹⁷ пишуся да и подобен им ⁹⁸ царем, ⁹⁹ а вашего ¹⁰⁰ царя IV, ¹ и великого князя ¹ по тому посолству ² не хочю. И велел к государю нашему царю ³ то в лист написать.

⁴ Посол ⁵ слово ⁶ молвил: ⁴ царь ⁷ силен на своей ⁸ степени.

⁹ Слово государева днака: ⁹ Силен ¹⁰ своим властным людем и пашем и всех предслужажих ¹¹ его, ¹² а не нашему ¹³ государю царю и великому князю ¹³ Ивану Васильевичу. ¹⁴ [Царь с пашами отве-

⁴⁹⁻⁴⁹ посол говорил У; посол Б; статья посла государева КВО. ⁵⁰ то С. ⁵¹ доб. своими думцами Б; доб. думники ВО; доб. думными С. ⁵² доб. думными У; нет Т. ⁵³ нет УБКВОТФ. ⁵⁴ нет БВОТФ. ⁵⁵ нет Б; такову великому ВОТФ. ⁵⁶⁻⁵⁷ нет УС. ⁵⁷ доб. ответ БВО; доб. Иоанну Васильевичу всеа России Ф. ⁵⁸ отвечал У. ⁵⁹ нет Б. ⁶⁰ попрал УБКВОТФ. ⁶¹ царскую БВОСФ; доб. еси Б. ⁶² пострамил УБКВОТФ. ⁶³ доб. царь слушает, послу велит говорити, посол говорит ВОТФ; доб. и царь слушает и послу велел говорить Ф. ⁶⁴⁻⁶⁴ ведаешь, царю Б; ведаешь ли, царю ВО. ⁶⁵ доб. державный К; доб. великий ВО. ⁶⁶⁻⁶⁸ нет У. ⁶⁷⁻⁶⁸ нет ВОТ. ⁶⁸ доб. самодержец К. ⁶⁹ доб. понеже С. ⁷⁰ ты У. ⁷¹ доб. и от колена волшебникова БВОТФ. ⁷² себичь Б. ⁷³ доб. царю У. ⁷⁴ нет БТ. ⁷⁵⁻⁷⁵ нет У. ⁷⁶⁻⁷⁶ от колена Кесарска Б. ⁷⁷ доб. царя турского речь Б. ⁷⁸ доб. турецкий К; доб. думу ВОС; доб. с пашами з гневом думу Т. ⁷⁹⁻⁸⁰ отвечать Т. ⁸⁰ доб. пашам К. ⁸¹⁻⁸² нет У. ⁸² доб. Иван Васильевич В, доб. Иван Васильевич все Руси Т. ⁸³ доб. себе УК ВО. ⁸⁴ доб. и государстве ВО, доб. и во своем государстве СФ. ⁸⁵ мангыт К, магистаны ВО. ⁸⁶ доб. он БС. ⁸⁷⁻⁸⁷ исправлено по УБКВОТФ и по списку БАН, 4. 7. 16; в рукописи и бесчестит. ⁸⁸ крымскому Т. ⁸⁹ нет ВО. ⁹⁰ доб. в своем посольском листу ВОТФ. ⁹¹ вашему У. ⁹² доб. а атай-отец ВО; доб. и отец Т, доб. а ти отец С. ⁹³ государь С. ⁹⁴⁻⁹⁴ своему посаженику ВОТФ. ⁹⁵ крымскому ВОТФ. ⁹⁶ доб. своим БКВОТФ. ⁹⁷ доб. не пишуся братом КВОСФ, доб. не писал братом Т. ⁹⁸ иным УБ. ⁹⁹ государем БВОТФ; господин К; государь Ф. ¹⁰⁰ доб. государя У. IV, 1-1 нет У. ² доб. к собе братства ВО. ³ нет У. ⁴⁻⁴ к царю посла государева слово ВО. ⁵ доб. государев С. ⁶ нет УКТ; государев Ф. ⁷ нет К. ⁸ доб. царской ВО. ⁹⁻⁹ дяк молвил УК; к нему ж государева дьяка ВО; нет ТФ. ¹⁰ нет УВОТФ. ¹¹ предлежащих С. ¹²⁻¹² Исправлено по БКВОСФ; в рукописи а нашему; доб. великому К. ¹³⁻¹⁴ нет БВОТФ; Московскому всеа Росии К. ¹⁴ доб. всеа Руси У.

чал: я с вашим¹⁵ царем¹⁶ и великим князем Иваном Васильевичем] всеа Русии¹⁶ брани¹⁷ [не хочу] и рати вчинати¹⁸ [не веделю], а тот вашъ изветъ сышу¹⁹ на своего холопа, на крымскаго²⁰ посаженника, вашему государю царю²¹ на брата его²² на Менгирея царя обран²³ учиню²⁴ и управу дам.²⁵ И листъ таков,²⁶ запечатов, послал²⁶ и послов отпустил из Царяграда поздравову,²⁷ с честию и з дары.²⁸

И как²⁹ послы пришли²⁹ к государю царю³⁰ и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии³⁰ из Царяграда,³¹ и листъ³² за царевую печатью³² подали, и государь послов пожаловал, Ондрея Ищенна,³³ да³⁴ Ва[с]илья Алексеева³⁵ Белогуза,³⁶ а на бояр своих кручинился³⁷ на Мьстисловского с таварыщи, что его в том продумали. И учал государь³⁸ с тое поры прибирать³⁹ своих дворян думных⁴⁰ всякия думы⁴⁰ наперед⁴¹ с теми⁴² думаетъ⁴³ то ж⁴³ и з бояры сидит. И о том⁴⁴ государь⁴⁵ бы в великой кручине, как бы ему⁴⁶ о том⁴⁷ турскому⁴⁸ и крымскому⁴⁸ ответъ⁴⁹ дати порознь.⁵⁰

В лета 7084 году послание государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к цысарю крестьянскому Максимьяну

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии о том послал к ближнему своему, ^{1,1} благоприятному приятелю¹ в цысари к рымскому и цысарскому королю Максимьяну царю и ² посла³ своего ⁴ князя Захарья Ивановича Сугорского и велел о том доложить и допросити, которым королем и царем турской⁵ пишот⁶ свои⁷ титулы, коим обычаем.

А в государеве послание⁸ наречен область данную⁹ власть все¹⁰ западные страны над цари¹¹ царь,¹² держащу¹³ скипетр¹⁴ непобедимыя державы¹⁵ Августа кесаря римскаго царя,¹⁶ цысарь царю¹⁷ Максимьяну королю.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии от своего царского величества владимерский, московский, наугороцкий,¹⁸ ¹⁹ да ту же титулу пишут, что и во Царьград,¹⁹ велел тебе государю²⁰ поклониться.

И король, встав,²¹ листъ²² принял. А как посол князь Захарья до листа говорил титулу и государя²³ нашего челобитье и посолство пра-

¹⁵ доб. государем УБКВОТСФ. ¹⁶⁻¹⁶ нет У. ¹⁷ доб. межусобныя ВОТСФ. ¹⁸ вчинати Б, чинити Ф. ¹⁹ слышу и УБ. ²⁰ доб. царя своего Б. ²¹ нет У; доб. и великому князю КТФ. ²¹⁻²² нет Ф. ²³ оборонь УБВОФ, оборону КТС. ²⁴ нет К. ²⁵ доб. ему У. ²⁶⁻²⁶ дал К. ²⁷ здорово К; дал бог здорово ВОФ; дал бог поздорову ТС. ²⁸ доб. в 7080-го лета ВОТ; доб. пришан в лето 708 году Ф. ²⁹⁻²⁹ посол пришел У. ³⁰⁻³⁰ нет У. ³¹ нет К. ³²⁻³² з государеву Ф. ³³ доб. Кузминского У, Шенна СФ. ³⁴ доб. дияка БКВО, нет Г. ³⁴⁻³⁵ Алексия К. ³⁴⁻³⁶ нет Т. ³⁷ учал кручиниться УБКВОТС; почал кручиниться Ф. ³⁸ нет ОТ. ³⁹ нет К. ⁴⁰⁻⁴⁰ всяких дум ВО. ⁴¹ доб. стал Ф. ⁴² доб. дворяны ВОТСФ. ⁴³⁻⁴³ потом же ВОФ. ⁴⁴ доб. царь ВО. ⁴⁵ доб. нашъ царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Т; доб. царь ФС. ⁴⁶ доб. государю мочно Ф. ⁴⁷ той кручине У. ⁴⁸⁻⁴⁸ царю Ф. ⁴⁹⁻⁵⁰ порозведати. ⁵⁰ доб. и титула их розвести ВО.

^{1,1-1} благоприятелю К. ² нет БК. ³ послал У. ⁴ доб. посла У. ⁵ турским И. ⁶ пишешь И. ⁷ своими И. ⁸ доб. пишет У. ⁹ дальнюю П. ¹⁰ нет И. ¹¹ царем И. ¹² царю ПКИ. ¹³ державу У. ¹⁴ скипетры Б. ¹⁵ доб. от УПБИ. ¹⁶ нет Б. ¹⁷ нет У. ¹⁸ нет И. ¹⁹⁻¹⁹ всю титулу сполна и сильных У; да тут пишут титулы прежние и иных БИ. ²⁰ доб. цысарю королю УПК; царю цесарю И. ²¹ встал УИ; встал Б. ²² исправлено; в рукописи ошибочно дважды лист. ²³ царя И.

вил,²⁴ Максимъян в те поры все стоял и держали²⁵ его²⁶ под руки²⁶ сын его Филип, да племянник его Андрей, потому что он добре стар, во сто в девять²⁷ лет. А обычай же у него²⁸ таков: многие философы у него избранных²⁹ многих орд и земель, а служат ему всякие люди, ванеже силен велми. Думные его философы стоят избранны и всякие³⁰ люди по статьям.

В цысарех первое посолство было во граде в Ведне, на реке на Ведне.³¹ На берегу³² город,³³ полаты у него все каменные, все аспид. Крылдо через стену на реку, а от полат царевых аспидно, а на крылде пять рундуков мощено все аспидом же, потому что крылдо высоко. А у всякого крылца решетки медные болшие на рундуках, что ворота, позолочено красно. А в оконцах³⁴ у брусков³⁵ у медных втирано каменные драгое, а иных³⁶ крустали по гусину яйцу. А верхнее крылдо стеколчето мурчито, а все красно золочено.

Подле город по обе стороны города, а среди³⁷ крылца чердак стеколчат³⁸ высоко вознесен³⁸ востровверх. А полаты все с подзоры золотыми, а³⁹ на всех³⁹ писаны всякие орды и земли, и царства были⁴⁰ многие, а крыты полаты цветы розными круг.⁴¹ Крайние полаты золочено и лужено, а в серетках полаты востровверхи крыты⁴² медию⁴³накрасно золочено.⁴³ А царева полата посреди всех полат, а крыта арапскою⁴⁴ медию, не узнать,⁴⁵ что не⁴⁶ золото,⁴⁷ толко не скажут.

Турки, которые у царя у римскаго, человек 8 или 9, или болши, те⁴⁸ стоят⁴⁹ и ездят⁵⁰ в одном месте и перед царем вместе ставятца⁵¹, ни един без одного. А гречани потому ж, человек их⁵² з⁵³ десять, или сколко будет, тако ж по другую сторону царя ставятца.

Римляне тако ж пред царем⁵⁴ стоят и⁵⁴ ездят вместе. И жиды, и поляки,⁵⁵ и русь, и литва, и немцы, и волинцы, и угряне, и волохове — все по своим статьям ставятца и ездят.⁵⁶ А⁵⁷ в статьях их⁵⁷ не по многу,⁵⁸ по 7 человек, или по 8, и по 10.⁵⁹ А болши 12, а менши 7 — нет. У него ж велемудры⁶⁰ философы избранны⁶¹ и всякие⁶¹ люди.

А как Максимъян король цысарь⁶² поедет⁶³ в объезд, или в виноград гулять, или в Санфир⁶⁴ город на Дунаи от Вядина девяносто⁶⁵ верьст, и ту думные его⁶⁶ дворяне, избранные люди потому ж едут по сторонам,⁶⁷ кой же⁶⁷ во своем месте, а иной⁶⁸ земли не вмещаетца.⁶⁹ А посол бывает подле царя или за ним. А по сторону царя⁷⁰ едет сын его Филип, а по другую сторону⁷¹ — племянник его Андрей, а за ним подручник его, Михайло, да⁷² посол государя⁷³ нашего, а за ним идет полк его, а в нем всяких⁷⁴ людей и земель⁷⁵ [идут в одном месте, а воеводы у них по землям]⁷⁵ и головы потому же, да за тем сына его полк поидет, а воевода⁷⁶ в нем⁷⁷ потому ж, а земель розных

²⁴ доб. и царь К. ²⁵ исправлено по УБКИ; в рукописи держал. ²⁶⁻²⁶ исправлено по УБКИ; в рукописи подручник. ²⁷ десять У. ²⁸ у них К. ²⁹ избранны мудрых У; избранны мудры Б; избранные мудрые КИ. ³⁰ великие ПБКИ. ³¹ доб. у моря УБКИ. ³² доб. а Б. ³³ доб. и БК. ³⁴ концев ПБК. ³⁵ бровок Б; решеток К; брусков И. ³⁶ у иных ПБКИ. ³⁷ посеред П. ³⁸⁻³⁸ нет И. ³⁹⁻³⁹ в навесах БИ. ⁴⁰ и бытъя У; и бытъи К; и бытъ И. ⁴¹ кругом ПКИ, а кругом Б. ⁴² накрыты Б. ⁴³⁻⁴³ и на красном[м] золоте И. ⁴⁴ аравитцкою У. ⁴⁵ а не узнаешь И. ⁴⁶ нет БИ. ⁴⁷ золочено И. ⁴⁸ доб. себе УБИ; доб. бо себе К. ⁴⁹ статью К. ⁵⁰ нет К. ⁵¹ стоят У. ⁵² нет И, вм. „их“ — „восем“. ⁵³ и И. ⁵⁴⁻⁵⁴ нет У. ⁵⁵ поляне И. ⁵⁶ доб. вместе Б. ⁵⁷⁻⁷ статья их Б. ⁵⁷⁻⁵⁸ понемногу У. ⁵⁹ девяти УИ. ⁶⁰ велми мудры УПБ, велми есть мудрие И. ⁶¹⁻⁶¹ великие УБИ. ⁶² цысарской У. ⁶³ едет У. ⁶⁴ Самфир Б. ⁶⁵ 100 Б. ⁶⁶ доб. воеводы и Б. ⁶⁷⁻⁶⁷ каждо Б; кждо И. ⁶⁸ иные Б. ⁶⁹ вмещаются Б. ⁷⁰ нет У. ⁷¹ нет У. ⁷² и поидет У. ⁷³ царя И. ⁷⁴⁻⁷⁵ земель У; земель люди БИ. ⁷⁵⁻⁷⁵ исправлено по УПБИ; в рукописи пропуск. ⁷⁶ воеводы УБ. ⁷⁷ нет УИ.

людей и воеводы и головы потому ж, а ставятца ⁷⁸ по полком. ⁷⁸ А в полке же людей ⁷⁹ на выезд ⁷⁹ ходит на конех служивых ⁸⁰ тысящ с поатретьятца, а кроме кошевых.

Да ⁸⁵ году ⁸¹ ездил царь в виноград и посла государева роспришивал, сколь велика руская земля и сколь силно ходит государь ⁸² вашь. И князь Захарей сказал, земля де руская велика и чудотворцов в ней много, и милость от них, ⁸³ и чюдеса великая, а за государем ⁸⁴ ходит силы в собранье 400 000 головами своими. ⁸⁵ И король подивись, ⁸⁶ и похваля ⁸⁷ бога, распространит ⁸⁸ впрעדь руская земля.

И царь учал посла ⁸⁹ князя Захария встречати, коли де ⁹⁰ вашь государь ⁹¹ был под Пайдою, а посылал воевод своих под немецкие города, под Коловер, а Пайду сам взял и немец велел пожечь. А колыванские немцы, собрався, ⁹² от Коловера воевод отбили и наряд ⁹³ поимади. Мне де то сказывали датские немцы.

И государев посол цысарю ⁹⁴ королю сказал:

„Тогда государь нашь ходил ⁹⁵ в обезд ⁹⁵ во свою отчину, в Ругодив и в иные города, и пошел ⁹⁶ на рубеж. И пайдинские немцы его, государя, не встречали ⁹⁷ и челом ему не ударили, и он, государь, ⁹⁸ велел город ⁹⁹ их разорити, их велел жещи. А под те города послал государь нашь лехких, людей, ¹⁰⁰ и наряд: две полковых, да скорострелную, да три затинных. Тогда немцы взяли. ¹⁰⁰ И государь нашь на них за то гнев свой положил, да послал на другой год воевод своих ^{11.1} и велел те городки поимати. И воеводы государевы городов взяли — Перков, ² Апсел, ³ Падду, Салам, Перков, ² Вакулу и с мызами, и со всеми их животы, и с нарядом“.

И король цысарской сказал, про государя де вашего мудрые ⁴ философы пишут, да которые его ⁵ знают и детей его, что он подобен храбростию ⁶ и ратью ⁶ Александру царю Макидонскому и прославился во всех нас царех, а подобен возрасту и досужеству царю Костянтину. Да еще в вашей земли будет трясение великое, потому ⁷ что многие власти, ⁸ а несогласны. А смятение ⁹ в вашей земли ¹⁰ лет здесять, мало болши или менши десяти, а земля ваша ¹¹ распространитца велми и царь многими царьствы обладает. И едучи из винограда, моавил:

„Да попометуйде ¹² Максимьяна короля ¹³ цысаря царя крестьянского, что я говорил, ¹⁴ то все в вашей земле збудетца“.

Да едучи, сказал притчу про своего подручника, про Михаила, что он мертвой матери сын. Было де в моей земле божие разгневание, в 59 году град погиб Мелхил именем, тому ¹⁵ 26 лет. И пришла на него ¹⁶ туча каменная, и огонь, и гром. ¹⁷ Пожгло град ¹⁸ каменье и ¹⁸ полаты, ¹⁹ не токмо полаты, ¹⁹ но и подошву каменную за беззаконие. И став ²⁰

78—78 в полках И. 78—79 нет И. 80 нет И. 81 даты нет, вместо нее с послом государевым У. 82 царь И. 83 доб. 6с Б. 84 доб. нашим У; доб. нашим царем Б. 85 нет УБИ. 86 подивился УБИ. 87 похваляла УБ. 88 распространится УБИ. 89 нет У. 90—91 государь ваш царь Б. 91 царь У. 92 нет Б. 93 снаряда У. 94 цысарскому У. 95—95 нет И. 96 прошел П; пришел УБ; пришли И. 97 встретил УБКИ. 98 доб. за то К. 99 города К. 100—100 с лехким нарядом. И тогда немцы взяли у государя нашего людей наряд (людей и наряду УБКИ): две полковых, да скорострельную, да три затинных УПКИ.

11.1 нет Б. 2 Пернов УБ. 2—2 нет КИ. 3 Гапсель Б; доб. Лигверь УБ. 4 доб. люди и КИ. 5 нет У. 6—6 нет У. 7 нет У. 8 властели Б. 9 смятенья У; доб. будет У. 10 доб. будет БКИ. 11 нет Б. 12 помяните де КИ; доб. тогда КИ. 13—14 нет И. 14 говорю УБК. 15 доб. же есть У; доб. ныне КИ. 16 них У. 17 доб. и молия К. 18—18 и каменные УБК; каменной И. 19—19 нет У. 20 встала УБК; встала П; встала И.

буря великая, и пришли волны²¹ морские, ²²да и ²² место града того помыло и песок рознесло. А тот град стоял на острове, и на том же острове город, а от того города тридцать верст, именем Тордор.²³ И в ту ночь было в том граде трясение великое от божия разгневания. И пришли ис того града Тордора²⁴ гости на телегах к Мелхиграду иже погиб,²⁵ и место равно;²⁶ развее нашли жену мертву в погребѣ, а у ²⁷ней чрево²⁷ терзаетца. И оне разрезали утробу и выняли из нее подручника моего²⁸ младенца и привезли его ко мне. И аз его даа воспитати, и ныне ²⁹стоит предо мною и ²⁹пред вами, да некогда в великой области будет царь. Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после ³⁰царя вашего рука³⁰ будет³¹ высока и обладает всем и скончатца в век.

Да 86 году пришел ³²в цысари³² от государя царя и великого князя ³³Ивана Васильевича всеа Русии³³ посланник³⁴ Ждан Иванович Квашнин, и Максимьян царь³⁵ посольства у Ждана слушал. И в посольстве пишот, что государь латыгорские и влифинские³⁶ земли 27 городов взял, а вѣстреча не была нигде.

И цысарской король крестьянский похвалял бога и прославляя ³⁷Государя, и великую честь послом получил и дары многие³⁷ и великие государю³⁸ прислал: скипетр³⁹ римскаго, державы непобедимыя и дьядиму⁴⁰ и порфиру⁴⁰ ⁴¹и послание со умилением писал,⁴² и на турскаго царя титулу и полную грамоту к государю нашему писал⁴³ как коли оманул турскаго⁴⁴ царя посаженник его, ⁴⁵цысарскаго царя,⁴⁵ а был посажен⁴⁶ на Кипре острове.

И турской просил Кипра острова, а давал⁴⁷ кипрьскому царю против того языские⁴⁸ антиохийская, ⁴⁹вавилонские, индейские⁴⁹ страны и тебризы⁵⁰ и скиндыр⁵¹ и писал ему ⁵²братом, а нарек под собою вторым царем. А кипрьской⁵² царь⁵³ о том докладывал цысарскаго Максимьяна короля, а на Кипре⁵⁴ 74 епископы, да ⁵⁶три митрополиты.⁵⁵ И цысарь показал⁵⁶ ему, — такову грамоту у него возми,⁵⁷ что он тебе писал братством и под собою царем нарек, и те б тебе царства в титулу ввел. И тогда мне скажи, а остров ему кипрьской отсули, да как ⁵⁸грамота к тебе такова придет,⁵⁹ и ты ко мне пришли, и яз тебе ⁶⁰о том⁶⁰ указ учиню.

И кипрьской царь остров отсулил турскому царю, и царь был рад, что безбранно такову землю достал,⁶¹ и велел очистити все те свои царства на приезд кипрьскому царю, и грамоту к нему, и дары многие⁶² великие послаа,⁶³ и велел ему к себе ехать.⁶⁴ А кипрьской⁶⁵ остров царь турской⁶⁶ повеле ехать⁶⁷ шестьсот катарг⁶⁸ людей, да велел Кипр⁶⁹ засести.

²¹ доб. великие И. ^{22—23} где У. ²³ Тартар У. ²⁴ Тартара У. ²⁵ доб. град УИ. ²⁶ доб. рознесло У. ^{27—27} нее во чреве У. ²⁸ доб. Михаила УБК. ^{29—29} нет Б. ^{30—30} рука вашего государя Б. ³¹ доб. его КИ. ^{32—32} нет У. ^{33—33} нет Б. ³⁴ исправлено по УПЕКИ; в рукописи посланник. ³⁵ король КИ. ³⁶ вифляские УПЕКИ. ^{37—37} исправлено по ПБК; в рукописи пропуск. ³⁸ доб. нашему К. ³⁹ доб. царства УБКИ. ^{40—40} нет. ^{41—42} послаа со умилением грамоту писал И. ⁴² писати Б; послаа К; доб. грамоту писал К. ⁴³ послаа БКИ. ⁴⁴ рускаго И. ^{45—45} цысарский КИ. ^{45—46} нет У. ⁴⁶ посаженник его КИ. ⁴⁷ Исправлено по УПЕКИ, в рукописи даа; доб. ему БКИ. ⁴⁸ языские У; языки Б; языки КИ. ^{49—49} нет У. ⁵⁰ тебризский УК; доб. з дары К; тебризские дары И. ⁵¹ нет К; индар У. ^{52—52} нет У. ⁵³ доб. так сотворил КИ. ⁵⁴ доб. острове У. ^{55—55} 10 митрополитов Б. ⁵⁶ приказал ПБКИ. ⁵⁷ возму К. ^{58—59} грамоты таковы к тебе придут П. ⁵⁹ будет КИ. ^{60—60} нет И. ⁶¹ отдал У. взял К; отдал так И. ⁶² нет КИ. ⁶³ прислаа ПБКИ. ^{63—64} нет И. ⁶⁵ в кипрьской У; на Кипър П; на кипрьской К; Кипр И. ^{66—67} посла Б; послаа К; велел И. ⁶⁷ ити У. ⁶⁸ катарых К. ⁶⁹ остров УК, нет И.

И как приехали⁷⁰ з дары и з грамотами⁷¹ на Кипр⁷² от турского⁷³ послы, и кипрской царь ту⁷⁴ грамоту и дары прислал к цысарскому королю к Максимьяну. И цысарской король прислал к нему лист, а назменовал⁷⁵ Кипр остров весь и города все как стоят, все вызнаменовал⁷⁵ на штидесят листех на александреской бумаге⁷⁶ и велел тот остров послати к турскому царю на бумаге.⁷⁶

И кипрской царь так сотворил, послов⁷⁷ турскаго царя засадил,⁷⁸ а иных лестию отпустил,⁷⁸ и титлы те же написал во своем послании. А написал:⁷⁹ цысарского⁸⁰ посаженик и голдовник, твой брат⁸¹ Аизия,⁸² и Антиохия великия, и вавилонские, и индзейские⁸³ — и все титлы сполна выписал, — брату моему⁸⁴ турскому⁸⁵ царю,⁸⁶ что б еси однолично мне Царьград очистил и все мои⁸⁷ царства по духовной⁸⁸ нашей грамоте, которую еси ко мне прислал; а у ней шестнатцать царств печати золотые.⁸⁹ И я ту духовную грамоту⁹⁰ принял и послал к государю своему к Максимьяну королю царю⁹¹ римскому и всея западных страны. И ты в Цареграде полно царствовал, хошу и я⁹² царьствовати на степени царяградской.

Царь же турской посрамлен⁹³ и възъярися⁹⁴ и посла те свои катарги с нарядом и с войною на Кипр остров и велел⁹⁵ пленити и воевати. И кипрской царь⁹⁷ собрався⁹⁶ и их дождався великим собранием. Да и цысарской царь⁹⁷ прислал полтараста тысящ⁹⁸ на гольях,⁹⁹ а иных¹⁰⁰ в коробленных¹⁰⁰ послал.¹⁰¹ И турских людей² божиим изволением² побили, а живых 90 000 взяли. И с тое поры турской царь³ за великим срамом⁴ не зсылаецца ни с цысарским, ни с кипрским.

И цысарь⁵ ту его⁶ грамоту, турскаго царя, за всеми за шестнатцатьми печатями золотыми⁷ послал к государю нашему⁸ царю и великому князю⁹ Ивану Васильевичу всеа Русии,¹⁰ а велел ему с тех мест теми ж титлами писатись.¹¹

Да послов¹² государя нашего¹² отпустил честно, да молвил: „Которые ныне города иманы¹³ — недолговечны, а впредь достанутца¹⁴ опять, да за вашими¹⁵ государем и скончаютца. Да не токмо города, но и земля вся“.

А послы вышли на петров день того же году 86-го году. А на осень под Кесью воевод государевых побили и наряд отлучили.

Послание¹⁶ православнаго царя¹⁶ к турскому¹⁷

Высокостолному властелю, превознесенному честью, яко же рогу инорогу,¹⁸ Маю¹⁹ Сулембеку²⁰ Салтану царю Костянтину белозерскому²¹ и карманскому, твоя²² области многия земли, божиею мило-

⁷⁰ приехал УКИ. ⁷⁰⁻⁷¹ нет У. ⁷² доб. остров К. ⁷³ доб. царя К.
⁷⁴ тебе И. ⁷⁵⁻⁷⁵ нет БИ. ⁷⁶⁻⁷⁶ нет Б. ⁷⁷ послал К. ⁷⁸⁻⁷⁸ нет У.
⁷⁹ доб. в своем послании И. ⁸⁰ доб. царя К; цесарской И. ⁸¹ нет Б; доб. кипрской царь К. ⁸² Азия БИ; Иаоя К. ⁸³ доб. страны и тефризския, индарские У. ⁸⁴ своему У. ⁸⁵ нет У. ⁸⁶ доб. салтану К. ⁸⁷ нет И.
⁸⁸ данной Б. ⁸⁹⁻⁹⁰ на ту данную грамоту. И я Б. ⁹¹ государю И. ⁹² исправлено; в рукописи я и я. ⁹³ доб. бьсть КИ. ⁹⁴ доб. вельми К. ⁹⁵ доб. Кипр К. ⁹⁶ исправлено по П; в рукоп. собравъ вся. ⁹⁷⁻⁹⁷ нет И. ⁹⁸ доб. людей И.
⁹⁹⁻⁹⁹ конных У; на колесницах Б. ¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ на кораблях УКИ.
¹⁰¹ И, 1 нет КИ. ²⁻² нет К. ³ нет Б. ³⁻⁴ великий срам приял У.
⁵ цысарской УБ. ⁶ нет Б. ⁷⁻⁷ А и кипрской царь грамоту турскаго царя за всеми за 16 печатями золотыми послал ко государю своему КИ; доб. как К; доб. и он И. ⁸⁻¹⁰ нет, УБИ. ⁹⁻¹⁰ нет К. ¹¹ писати УКИ. ¹²⁻¹² нет И.
¹³ доб. те Б. ¹⁴ доб. они УИ. ¹⁵ нашим К. ¹⁶⁻¹⁶ от государя У. ¹⁷ доб. царю УБК. ¹⁸ инорогову Б. ¹⁹ нет Б; Маю УК. ²⁰ Селемен УК.
²¹ беломорскому УБК. ²² тося П.

стию²³ царь и великий князь²⁴ дикого и глубокого²⁵ поля послаа еси к тебе своего избраннаго²⁶ человека.

И что²⁷ тебе учнет говорить,²⁸ а то слово наше, и ты б ему верил.

Отписка²⁹ турскаго царя³⁰ к православному³¹ царю

Хто у тебя таков³² во благочестивых, яко же ти³³ есть³⁴ прародителей твоих сын³⁵ Святославъ,³⁶ внук Игорев великий князь Владимир,³⁷ Той бо крести³⁸ рускую землю святым крещением, от того процвете благоухание и благоверие, и крестная твоя сила светоносная херугов. Непобедимый³⁹ царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, ближний еси нашъ брат, святой и милосердый,⁴⁰ правдою еси праведен, а⁴¹ величеством еси⁴¹ велик, ко всем людем еси⁴² счаслив.⁴³ Велика б твоя и честна держава была до втарараго пришествия.⁴⁴

Прежня у нас с тобою брань была⁴⁵ и нелюбов⁴⁵ о кости, о лодыжном мозгу. И много у нас с тобою было брани и нелюбви. И мы прежни огонь⁴⁶ с тобою любовною⁴⁶ водою угасили,⁴⁷ и опять огонь зажегся. И слух⁴⁸ до нас доходит, до великого нашего града Станбала, люди твои уловляютца, яко ж море, и казнь твоя нам⁴⁹ на радость.⁴⁹

Создан бысть Царьград благоверным⁵⁰ царем Костянтином в лето 6000 от 29-го. И был за православным хрестьянстве 1132 лета, а взят от турскаго в лето 6961 мая в 29 день, и тому, как взят, по 29 день 161 год.

А после распятия христова создан Царьград во 290-м в 6 году.

²³ доб. государь УК. ²⁴ доб. Иван Васильевич все Руси УБК. ²⁴⁻²⁵ дико-глубокого К. ²⁶ избнаго УБ; доб. избнаго К. ²⁷ доб. он УПБ. ²⁸⁻²⁸ ни говорит Б. ²⁹ послание К. ³⁰ доб. отписка К. ³⁰⁻³¹ Московскому У. ³² доб. явися УБК. ³³ исправлено; в рукописи ты. ³⁴ есть бо ПБ; есть ко К; есть бо в У. ³⁵ сыну Б. ³⁶ исправлено; в рукописи смонславъ; Светослав УБК. ³⁷ Владимирский У; доб. и К. ³⁸ доб. всю К. ³⁹ доб. государь К. ⁴⁰ милостив У. ⁴¹⁻⁴¹ велик естеством У. ⁴² нет У. ⁴³ доб. и приветлив БК. ⁴⁴ доб. господня К. ⁴⁵⁻⁴⁵ об одной У. ⁴⁶⁻⁴⁶ нет У. ⁴⁷ исправлено по БК; в рукописи угасилъся; гасил У; угасим сильна П. ⁴⁸ исправлено по П; в рукописи слух. ⁴⁹⁻⁴⁹ негодна есть К. ⁵⁰ исправлено по смыслу; в рукописи глаговерным.

В. Н. АВТОКРАТОВ

**„Речь Ивана Грозного 1550 года“ как политический
памфлет конца XVII века**

I

Конец XVII века — один из переломных моментов в истории нашей страны. Это было время укрепления феодально-абсолютистской монархии, период начала прогрессивных преобразований Петра I.

Для характеристики и детального изучения этой яркой и насыщенной событиями эпохи наука располагает значительным количеством различных источников по истории социально-экономических отношений, по истории внутренней и внешней политики Русского государства. Известен и ряд исторических памятников, характеризующих развитие общественной мысли конца XVII—начала XVIII века. Источники такого рода, в частности, освещают отношение современников к личности Петра I и его борьбе за преобразование страны и „укрепление национального государства помещиков и торговцев“.¹

В числе таких письменных памятников нам известны записки современников — Желябужского,² Куракина,³ Неплюева⁴ и др., а также публицистические сочинения Посошкова,⁵ Салтыкова, Курбатова.⁶ Авторы этих произведений — представители прогрессивных слоев русского общества — положительно относились к петровским преобразованиям и сами активно участвовали в них. Ряд исследователей подверг глубокому изучению этот материал, уже прочно вошедший в научный оборот.

Хуже обстоит дело с изучением сочинений политических противников Петра I.

Представители антипетровского лагеря класса феодалов не имели возможности открыто распространять свои взгляды, но тем не менее в своей политической борьбе и они пользовались средствами письменной агитации. К числу памятников такого рода относятся так называемые „обличительные тетради“ старца Авраамия, опубликованные

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 105.

² Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. ИРА, СПб., 1840.

³ Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. 1. СПб., 1890.

⁴ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893.

⁵ Библиографию изданий сочинений Посошкова и литературы о нем см. в кн.: Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посошков, жизнь и деятельность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 163—166.

⁶ См.: Н. П. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.

недавно Н. А. Баклановой,¹ а также „речь“ Ивана Грозного 1550 года, до сих пор не рассматривавшаяся еще как памятник русской публицистики конца XVII века.

Правда, историки давно уже обратили внимание на этот красочный рассказ, помещенный в составе одного, так называемого Хрущевского списка Степенной книги и образно рисуящий торжественный момент самого приступа к реформам в середине XVI века. В этом рассказе изображается молодой царь Иван IV, обращающийся с Лобного места к собравшим на Красную площадь со всего государства людям „всякого чина“ с речью, в которой он слезно умоляет их оставить вражду между собой, кается в своем блюм легкомыслии и обещает впредь наказывать неправедных лихоимцев и сребролюбцев, расхищающих казну и отягощающих своей алчностью народ. Затем царь жалуется чином человека незнатного — А. Адашева, поручая ему принимать и разбирать челобитные „у бедных и обидимых“.

Эта речь была известна в исторической литературе уже в начале прошлого века, но некритически признавалась, с отдельными оговорками, за подлинный документ, „ярко освещающий“ историю Земского собора 1550 года. На такой позиции стоял впервые издавший этот памятник Н. М. Карамзин.² В 1819 году „речь“ Грозного была вновь издана — во II томе „Собрания государственных грамот и договоров“.³ Так „речь“ на Лобном месте была в начале XIX века введена в научный оборот. Целый ряд русских историков использовал ее в своих работах, посвященных времени Ивана IV.⁴

В. О. Ключевский⁵ был первым, кто внес элемент критического подхода в изучение „речи“. Отметив в памятнике целый ряд несообразностей и анахронизмов, он отказался признать его достоверным источником, однако не решился подвергнуть документ всесторонней и глубокой критике.

Н. П. Лихачев⁶ в конце прошлого столетия все еще признавал имеющиеся в памятнике ошибки следствием позднейших „искажений“ переписчиков. Впервые обнаружил подделку „речи“ С. Ф. Платонов,⁷ который указал, правда, в несколько неуверенном тоне, на факт фальсификации. Окончательное решение вопроса о подделке памятника он передавал на суд „специалистов-палеографов“.

Специально этими вопросами занялся П. Г. Васенко. В 1903 году он опубликовал статью „Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года“.⁸ П. Г. Васенко попытался произвести палеографический анализ памятника, описал содержание сборника,

¹ Н. А. Бакланова. „Тетради“ старца Авраамия. Истор. архив, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 131—155.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. СПб., 1892, стр. 65—66.

³ СГГид, т. II, № 37.

⁴ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI. Изд. 2-е, Изд. „Общественная польза“; К. А. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. 1, Сочинения исторические. М., 1889, стр. 147; К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. II, вып. I. СПб., 1885, стр. 215—216.

⁵ В. О. Ключевский. Первый сборник статей. Пгр., 1918 (на обложке: 1919), стр. 378—380.

⁶ Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного. Истор. вестник, 1890, май, стр. 382.

⁷ С. Ф. Платонов. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года. Сочинения, т. 1, Статьи по русской истории. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 201—205.

⁸ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. ЖМНП, 1903, апрель, стр. 386—400.

в котором находится Хрущевский список Степенной книги, и очень кратко остановился на вопросе об источниках фальсификации. К заслугам этого автора следует отнести обнаружение в тексте Хрущевского списка Степенной книги, помимо „речи“ Ивана IV, другой фальсификации — подделанного известия о посылке некоего Ивана Андреевича Чевкина-Дурного в составе свиты великой княгини Елены Ивановны в Литву (конец XV века). П. Г. Васенко попытался найти и автора вставок. Он указал на семейство Колтовских как на среду, из которой, вероятнее всего, мог выйти автор фальсификации.

В целом небольшие этюды С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко ярко иллюстрируют порочность формального буржуазного источниковедения. Если С. Ф. Платонов ограничился только указанием на существование подделки речи Ивана IV (да и то в предположительной форме), то П. Г. Васенко искусственно объяснил фальсификацию генеалогическими мотивами. Методологическая слабость С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко сделала их выводы недостаточно убедительными. Тем самым и факт подделки для многих исследователей оставался не доказанным до наших дней.¹

Некоторые советские историки, не отвергая выводов С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко о подложности „речи“, не считают возможным, однако, согласиться с их определением времени возникновения фальсификации. Как известно, С. Ф. Платонов полагал, что подделка совершена „не раньше, как во второй половине или даже в последних десятилетиях XVII века“ и не позднее 1740—1742 годов.² П. Г. Васенко относил вставки „к исходу XVII столетия“.³

В одной из своих ранних работ С. В. Бахрушин пытался связать фальсификацию со временем городских восстаний 1648 года.⁴ Однако этот автор не проделал палеографического анализа рукописи и руководствовался только общими гипотетическими построениями.

Наконец, недавно С. О. Шмидт выдвинул новое предположение о времени составления „речи“ Ивана IV. „Окончательная редакция“ этого документа датируется С. О. Шмидтом 30-ми годами XVIII века и связывается с политической борьбой в среде господствующего класса в период „бироновщины“.⁵ Однако С. О. Шмидт не проделал специального источниковедческого и палеографического анализа, который совершенно необходим для правильной датировки подделки.

В целом мы можем констатировать, что даже те исследователи, которые признавали подложность этого оригинального памятника, все же не рассматривали его как публицистическое произведение древнерусской литературы.

¹ „Речь“ Ивана IV некритически использована в ряде работ советских исследователей; Н. И. Шатагин. Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1940, стр. 105; П. В. Сытин. 1) О старой и новой Москве. Детгиз, М.—Л., 1947, стр. 29; 2) Из истории Московских улиц. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 40; С. Юшков. 1) К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. Вопросы истории, 1950, № 1, стр. 85; 2) К вопросу о сословно-представительной монархии в России. Советское государство и право, 1950, № 10, стр. 46.

² С. Ф. Платонов. Речи Грозного... стр. 204.

³ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги... стр. 400.

⁴ С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 г. Научные труды, т. II, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 80.

⁵ С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950, стр. 446, примеч. 10.

* * *

Сборник, в котором находится Хрущевский список Степенной книги,¹ содержит в себе 798 листов листов in folio, сброшированных в несколько десятков тетрадей, пронумерованных славянской цифирью. На некоторых чистых листах сборника имеются пометы и надписи разными почерками, изучение которых помогает нам сделать важные выводы. Так, на первом непронумерованном листе сборника мы находим надпись: „Царя Ивана Васильевича. Начало царству его в тетради 65-й, 16 (границы, — А. В.), глава 7-я“. Надпись эта отсылает читателя к 65-й тетради (которая начинается с л. 520) и к главе 7. Глава 7, однако, начинается несколько ранее, на л. 517 об. Следовательно, чтобы найти начало указанной главы и прочесть о начале царствования Ивана IV, читателю нужно будет последовательно перевернуть лл. 519 и 518, т. е. те самые листы, на которых помещена вставленная „речь“ царя на Лобном месте. Оказывается, что лицо, сделавшее вставку, сочло нужным и натолкнуть читателя на нее.

На л. 517 об. имеется помета „Андрея Хрущова“ (скоропись XVIII века). Это же имя мы встречаем и на внутренней стороне верхней обложки, где мы находим текст, частично зачеркнутый чернилами: „Из библиотеки Хрущова“ (скоропись XVIII века). На последнем листе сборника имеется короткая запись (XVII век): „Книга хронограф окольничего Семена Семеновича Колтовского“ (л. 798 об.); повидимому, это автограф. Итак, в конце XVII века владельцем сборника был С. С. Колтовской, а в XVIII веке (до 1740 года) он принадлежал А. Ф. Хрущеву.² Датировать вставку „речь Ивана IV“ представляется правильным не позднее чем XVII веком, так как надпись, адресуемая читателю к этому месту рукописи, судя по почерку, сделана в этом столетии. Кто-то пытался популяризировать вставленный фрагмент („речь“) и оставил к нему отсылочную справку, причем сумел это сделать достаточно тонко: читатель, пожелавший согласно этой справке ознакомиться с событиями царствования молодого „царя Ивана Васильевича“, был вынужден перелистать листы со вставленным текстом.

* * *

Детальный анализ содержания всего сборника, в котором помещена Хрущевская Степенная книга, не входит в нашу задачу. Коротко об этом писал П. Г. Васенко,³ отмечая, что первые пять листов сборника являются позднейшим механическим присоединением к основной рукописи и содержат в себе „Повесть о начале Руси“, напечатанную по другому списку А. Н. Поповым.⁴ Далее в сборнике следует сама Степенная книга (лл. 6—551), затем окончание Хронографа второй редакции (лл. 552—573), „Сказание Авраамия Палицына“⁵ (л. 574—682), а после него переводная „Повесть о создании и о пленении Тройстем“

¹ Сборник хранится в Центральном Гос. Архиве древних актов в фонде Библиотеки Московского Гос. Архива Министерства иностранных дел (ф. 181) под № 26/34.

² Андрей Хрущев — известный „конфидент“ А. П. Вольнского; был казнен вместе с последним в 1740 году.

³ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги. . . , стр. 389.

⁴ А. Н. Попов. Изборник русских хронографов русской редакции. М., 1869, стр. 442—447.

⁵ Полное его название в рукописи: „История вкратце от начала царства блаженного царя Федора Ивановича всеа Руссии. История в память предыдущем родом“.

(о Троянской войне, лл. 682 об.—688) и еще один памятник переводной литературы — „Повесть дивна о девице Динаре-царевне, иверского царя Александра дщерь, как победи перьского царя“ (лл. 688 об.—691 об.). Заключает сборник „Казанская история“ (лл. 691 об.—797).

П. Г. Васенко, однако, не задался целью сделать какие-либо выводы из рассмотренного им состава сборника. А эти выводы напрашиваются сами. В самом деле, все памятники русского происхождения, только что упомянутые выше, не могут быть датированы ранее чем первой половиной XVII века. Таков Хронограф второй редакции,¹ таково и „Сказание Авраамия Палицына“.² „Казанская история“ помещена здесь в позднейшей редакции, появившейся не ранее конца первой четверти XVII века, как определил Г. З. Кунцевич, которому был известен наш список „Казанской истории“ и который отнес его по времени происхождения ко второй половине XVII века, а по содержанию — к так называемой восьмой, позднейшей, редакции этого памятника. На основании целого ряда наблюдений Г. З. Кунцевич высказывает вполне убедительное предположение, что наиболее ранние списки восьмой редакции уже существовали в 1640 и в 1657 годах.³

Относительно характера и датировки самого Хрущевского списка Степенной книги известны выводы П. Г. Васенко, который на основании сравнения многочисленных списков этого памятника осветил несколько этапов истории текста Степенной книги. Для нас представляется важным его замечание о том, что тот вид Степенной, к которому принадлежит Хрущевский список, мог появиться не ранее грани XVI—XVII веков.⁴

Наконец, мы можем датировать составление сборника в целом периодом правления царя Алексея Михайловича (1645—1676), так как в тексте Хрущевского списка мы находим упоминание о последнем как о здравствующем лице.⁵

* * *

Перейдем теперь к анализу вставок в Хрущевскую Степенную книгу. Всего мы находим здесь три вставки, каждая из которых имеет самостоятельное и законченное содержание. Первая по порядку вставка (на лл. 464—466) повествует о судьбе Ивана Андреевича Чевкина-Дурного, посланного, как уже отмечалось, в составе свиты дочери Ивана III, великой княжны Елены, в Литву. Вставка эта основывается на действительном показании Степенной книги о свадьбе Елены с литовским великим князем Александром, но вся история с И. А. Чевкиным представляет собой известие крайне недостоверное, изобилующее анахронизмами и многочисленными фактическими ошибками. Эта вставка перебивает в нескольких местах подлинный текст и заканчи-

¹ Датировка Хронографа второй редакции дается в трудах А. Н. Попова (Обзор хронографов русской редакции, вып. II, М., 1869, стр. 70) и С. Ф. Платонова (Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 82). Оба исследователя называют дату — 1616—1617 годы.

² А. Палицын окончил работу над своей „Историей вкратце“, по собственным словам, „в лето 7128-е“, т. е. в 1619—1620 годы (С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , стр. 223).

³ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, стр. 109, 184—185 и 695.

⁴ П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской письменности, ч. 1. СПб., 1904, стр. 116.

⁵ ЦГАДА, ф. 181, дело № 26/34, л. 30—30 об. В дальнейшем в скобках указываются только номера листов этого сборника.

вается известием о награждении сына И. А. Чевкина-Дурного Михаила волостью „в Кашире“, после того как сам Чевкин погиб в Литве.

Вторая вставка (на лл. 469—470) заключает в себе подлинный текст Степенной книги, перемещенной по причинам, о которых будет сказано ниже, из одного места в другое.

Третью вставку (на лл. 518—519) составляет знаменитая „речь“ Ивана IV.

Вопрос о датировке всех трех вставок решается прежде всего на основании палеографического анализа, данные которого должны быть сопоставлены и сверены с материалом изучения их содержания. Изучая текст первой вставки, нетрудно заметить, что в Хрущевском списке Степенной книги отсутствует на обычном месте целиком глава 24 — „Наречение на государство великого князя Василия и о взятии Угрич и Гогоulich“, ¹ которая всегда помещается в списках Степенной книги после рассказа о нападении короля Яна-Альбрехта на волошские земли. Однако глава 24, содержащая сведения о примирении в 7007 (1499) году Ивана III со своим сыном (будущим Василием III), а также известие о походе на Югорскую землю, все же имеется в нашей книге. Она перемещена только в другое место и находится во второй вставке (на лл. 469—470). Чтобы сохранить хронологическую последовательность событий, была изменена и дата, которой открывается глава 24: вместо 7007 года указывается год 7011 (1503) (л. 469 об.).

Как эта вставка, так и последующая за ней (лл. 518—519) сделаны за счет удаления последнего листа каждой тетради. Последняя вставка и содержит „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 году (лл. 518—519).

Установлено, что на всех вставленных листах в громадном количестве случаев повторяются характерные начертания букв и одни и те же орфографические приемы их употребления в тексте. Из значительного количества примеров, которые можно было бы здесь привести, укажем лишь на написание буквы „и“. На всех без исключения вставках в Хрущевский список Степенной книги широко употребляется десятиричное „i“ с запятой вместо точки над мачтой. Такое изображение этой буквы относится исключительно к союзу „и“, ² а также к ее употреблению в качестве первой буквы имен собственных: „Иван“, ³ „Ияков“, ⁴ „Иосиф“ и т. д. В то же время основной текст Хрущевской Степенной книги либо вовсе не знает такого написания „и“, либо знает ее в написании киноварью или вообще заглавных, жирно выписанных букв (лл. 463 об., 467, 467 об.). Десятиричное „i“ с двумя точками употребляется на вставленных листах исключительно в составе многобуквенных слов. Имеющиеся немногочисленные отклонения от этого

¹ Ср.: ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 571—572.

² В значении союза очень редко употребляются восьмиричное „и“ и десятиричное „i“ с двумя точками (лл. 466, 569 об. и 519 об.). Во всех случаях такие графические начертания падают только на те места текста вставных листов, которые дословно повторяют текст Степенной книги.

³ Также производные от этого слова: „Ивановича“ и пр. Интересно, что издатели СГГид заметили эту особенность употребления десятиричного „i“ в тексте „речи“ Ивана Грозного на Лобном месте и, сделав редакторскую вставку в начале памятника (имя и титул Ивана IV), напечатали слово „Иван“ через десятиричное „i“ хотя в других документах СГГид это же слово передано через восьмиричное „и“.

⁴ Написание „Ияков“, т. е. через десятиричное „i“ с двумя запятыми над мачтой, встречается в начале фразы на местах вставочных листов, точно воспроизводящих текст Степенной книги (л. 466 об.).

правила падают только на те места, где на листах-вставках точно повторяется подлинный текст Степенной книги. Количество подобных наблюдений, говорящих об общности орфографических приемов писца всех вставленных листов, можно было бы увеличить.

Изучение почерка вставок в целом позволяет утверждать, что нельзя привести примера такого графического изображения какой-либо буквы на одном из вставных листов, какого нельзя было встретить на других вставных листах.¹

Другое наблюдение касается водяных знаков. Еще С. Ф. Платонов указал на имеющуюся на листах-вставках филигрань „голова шута“, столь широко распространенную в различных вариантах на Руси в 80-е годы XVII века. Этот знак оказывается почти полностью тождественным знаку № 3540 по Н. П. Лихачеву, который им датируется 1680 годом.²

Следовательно, идентичность почерков и указанных приемов орфографии текста вставок говорят о том, что техническим исполнителем всех вставок было одно лицо. Учтя датировку — 1680-е годы (водяной знак), — мы должны признать эти годы наиболее вероятным временем вставок.

II

Вопрос об авторе вставок в Хрущевский список Степенной книги решается, казалось бы, тем указанием, которое мы встречаем в „Родословном сборнике“ В. В. Руммеля и В. В. Голубцова. Здесь, в разделе, посвященном роду Хрущевых, упоминается (под № 9) некто Лука Иванович, о котором сказано, что в 1543 году он был воеводой в Чернигове, в 1544 году — четвертым воеводой в казанском походе, в 1550 году участвовал третьим воеводой в полоцком походе, а в 1547 году записал речь Иоанна Грозного, произнесенную им с Лобного места к народу, которая оканчивается обращением к Адашеву: „Алексий, взял я тебя из нищих“.³

Однако в данных этого сборника о Л. И. Хрущеве имеется ряд несообразностей. Во-первых, почему-то Лука Иванович упомянут в нем дважды. Сначала он указан в качестве восьмого сына основателя рода Ивана Ивановича Хруща, якобы выехавшего из Польши на Русь в 1493 году. Здесь о нем сообщаются сведения, приведенные нами выше. Вторичное упоминание о нем находим после поколенной росписи двух других „родов“ Хрущевых-однофамильцев под рубрикой: „В роспись не вошли“.⁴ Биографические данные о Л. И. Хрущеве, помещенные под этой рубрикой, повторяют то, что сказано было о восьмом сыне Ивана Хруща, за исключением лишь известия о записи им „речи“ царя, и пополняются новым материалом: „2-й воевода в Чернигове

¹ Исключение составляет однажды встречающееся написание буквы „д“ с острым хвостом вниз (в слове „последи“, л. 466). Однако это следует отнести за счет механического перенесения графики подлинного текста на вставленный лист. В подлинном тексте соседних листов встречается подобное начертание буквы „д“ в ряде слов: „воевода“, „древяной“, „одолеша“, „сиде“, „Андрей“ (лл. 463—467). Обыкновенное же начертание этой буквы на вставках похоже на обыкновенную современную печатную букву „д“.

² Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, СПб., 1899, стр. 414; ч. III, СПб., 1899, табл. CCCCLXVII.

³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб., 1887, стр. 613.

⁴ Там же, стр. 642.

(1580—81); гонец в Польшу (1582); 2-й воевода передового полка на Дону (1585); 2-й воевода сторожевого полка в Ливнах (1586); 2-й воевода в Брянске (1590)". Получается, что Лука Хрущев исполнял должность гонца в 1582 году, будучи уже в весьма почтенном возрасте, когда ему никак не могло быть менее 60 лет.

Известно, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов пользовались при составлении своего „Родословного сборника“ материалами русского генеалога конца XVIII века М. Г. Спиридова. В частности, все сведения о Л. И. Хрущеве несомненно заимствованы ими из рукописи М. Г. Спиридова, хранящейся в рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Единственно, о чем не сообщает М. Г. Спиридов, это о том же сомнительном случае записи „речи“ Ивана IV Лукой Хрущевым.¹

Однако и те сведения, которые заимствованы В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым у этого автора, не могут быть признаны верными. М. Г. Спиридов использовал в своей работе ряд недоброкачественных документов. Так, например, он использовал фальшивые разрядные записи, из которых и почерпнул известия об участии Л. И. Хрущева в походах на Казань 1544 года и под Полодк 1550 года, которых на самом деле не было вовсе.² Не был Лука Хрущев и вторым воеводой в Чернигове в 1543 году, это известие также извлечено из фальшивой разрядной книги.³ Вслед за М. Г. Спиридовым авторы „Родословного сборника“ показали брата Луки — Еремея „завоеводчиком“ в Ливонском (по Спиридову — „в Колыванском“) походе 1540 года, который также является вымышленным.

Возникает сильное сомнение в реальном существовании самого Л. И. Хрущева. Если сведения о нем до 1550 года извлечены из вымышленных разрядов, то последующие известия о его службе, которые мы находим у М. Г. Спиридова и у авторов „Родословного сборника“, относятся к другим лицам. Так, оказывается, что в 1580—1581 годы не Л. И. Хрущев был вторым воеводой в Чернигове, а другое лицо,⁴ что не Лука Иванович, а Лукьян (т. е. Лука) Борисович Хрущев был в передовом полку на Дону в 1585 году, а в 1590 году — в Брянске.⁵

Среди многочисленных источников книги В. В. Руммеля и В. В. Голубцова были так называемые „Заметки из родословия“, напечатанные под прозрачными инициалами М. Н. Х. (т. е. М. Н. Хрущев) в „Русской старине“.⁶ Автор „Заметок“ указывает одного из Хрущевых, не называя его имени (помещенного у него под № 1), и дает ему следующую характеристику: „Хрущев, летописец 1547, записавший речь Ивана Грозного при назначении Адашева окольничим, служил при дворе“.

¹ М. Г. Спиридов. Записки о старинных службах русских благородных родов (в 15 частях). Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: F. IV. 61. О Хрущевых см.: ч. 2, стр. 107 и сл.

² Об этой работе М. Г. Спиридова см.: Л. М. Савелов. Лекции по русской генеалогии, 2-е полугодие. М., 1909 (год на титульном листе не указан), стр. 107 и сл.

³ Вымышленный поход 7041 года. ГИМ, Рукописный отдел, Увар. № 898 (197), л. 13. Почему М. Г. Спиридов перенес воеводство Л. И. Хрущева в Чернигове на десять лет позднее (7041—1533 год), остается пока неизвестным. Указанный факт сообщен нам А. А. Зиминим, за что пользуемся случаем изъяснить ему свою глубокую признательность.

⁴ ДРВ, изд. 2-е, ч. XIV, стр. 399—400.

⁵ Сибирский сборник, часть историческая, т. 1, стр. 89. — ДРВ, изд. 2-е, ч. XIV, стр. 470—471. ЦГАДА, ф. 181, д. 125/173, л. 205.

⁶ „Заметки из родословия“ составляют первую часть небольшой статьи „Хрущовы“ (Русская старина, 1883, апрель, стр. 472).

Нет ничего удивительного, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов, вообще относившиеся неразборчиво к качеству используемого ими исторического материала, включили эту характеристику в свою работу. Но автор „Заметок“ не имел в своем распоряжении документов XVI века. Он сам говорит о том, что материалом для древнейшей части родословия послужили „фамильные предания“ — категория источников вообще весьма сомнительного характера.

Первыми достоверными для автора представителями его рода являются братья:

- „2. { Александр — боярин и посол в Польшу в 1584 г. и в Крым в 1603 г.
 { Петр — посол к донским казакам 1603 г.
 „3. Лукиан Петрович или Александрович“.¹

Таким образом, автор „Заметок“ не знает, чьим же сыном был Лукиан Петрович, известный нам по родословной росписи,² в которой прямо указывается: „У Петра Ивановича сын Лука, прозвище Казарин, написан во Дворовой же книге“.³ Ясно, что с родословной росписью своих предков М. Н. Хрущев знаком не был.

„Фамильные предания“ относительно некоего Хрущева, записавшего „речь“ Ивана Грозного, находят в свою очередь вполне удовлетворительное объяснение. Опубликование в начале XIX века памятника Н. М. Карамзиным и в Собрании государственных грамот и договоров и факт былой принадлежности данной Степенной книги Хрущевым натолкнули представителей этой дворянской фамилии на желание связать происхождение памятника со своими, хотя бы и вымышленными, предками, отчего и получили хождение в кругу семьи Хрущевых подобные „фамильные предания“ (эта мысль подтверждается тем фактом, что Адашев был произведен в окольные лишь в конце 1553 года, а не в 1547 году).⁴

В. В. Руммелю и В. В. Голубцову оставалось только связать запись „речи“ с определенным именем — с Л. И. Хрущевым, который, как они полагали, следуя за М. Г. Спиридовым, жил как раз в середине XVI века. Весьма возможно, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов сами сильно сомневались в подлинности сведений о Луке Ивановиче. Этим может быть объяснено помещение ими сведений о нем в двух различных местах своего труда. Версию о составлении „речи“ одним из позднейших Хрущевых, выдвигаемую С. О. Шмидтом,⁵ по мнению которого окончательная редакция „речи“ Ивана IV относится к 1730-м годам, приходится также отвергнуть, в силу того, что вставки в текст сборника сделаны были еще в конце XVII века. Сам сборник, принадлежавший в XVII веке окольному С. С. Колтовскому, попал в собственность Хрущевых позднее, очевидно в составе приданого жены

¹ Там же.

² Родословная роспись Хрущевых известна нам по копии XVIII века, хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. IV. 735). Начало росписи отсутствует, текст открывается словами: „Яков бездетен, 4 — Епифаний, прозвище Шарап, бездетен, написан во Дворовой книге...“. Под текстом росписи имеется надпись, удостоверяющая, что данная копия снята с подлинного документа, поданного в Разряд 16 марта 1686 года думным дворянином Федором Меньшим Григорьевичем Хрущевым. См. об этом: Отчет Публичной библиотеки за 1896 год. СПб., 1900, стр. 87.

³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 165.

⁴ ДРВ, изд. 2-е, ч. XX, стр. 40.

⁵ С. О. Ш м и д т, ук. соч.

А. Ф. Хрущева, женатого на внучке С. С. Колтовского Анне Александровне.¹

* * *

Наш вывод о предполагаемом авторе вставок получает серьезные обоснования при анализе их содержания. Разбирая содержание вставки об И. А. Чевкине-Дурного, можно убедиться, что она отражает интересы не дворянской фамилии Хрущевых, а Колтовских. Действительно, эта вставка содержит, наряду с подлинным рассказом о сватовстве литовского великого князя Александра за дочь Ивана III Елену и о последующей затем свадьбе, и поддельные фрагменты,² говорящие о дворянине Иване Андреевиче Чевкине-Дурного, который „с товарищи“ был послан вместе с Еленой в Литву и претерпевал там всякие лишения. В конце концов он, как „и инии мнози“, умер в Литве „от нужды“ вместе с великой княгиней.

В том виде, в котором вся вставка дошла до нас, эти сведения должны служить как бы прелюдией, историческим обоснованием рассказа о том, как Иван III, узнав о смерти дочери, а с ней и И. А. Чевкина с его товарищами, щедро наградил родственников погибших членов русской свиты великой княгини и в первую очередь „Иванова сына — Чевкина Михаила — волостью в Кашире и иными различными милостями и утешаше, глагола им: «Мне вашего горше, яко дщерь свою погубил. Вам же аз мздо воздаю за смерть отцов ваших и матерей, и дядей, и братьи»“ (л. 466 об.). Следовательно, обоснование прав потомства И. А. Чевкина-Дурного на земельные владения в Каширском уезде было одной из целей этой фальсификации. Но, конечно, и вообще „прославление“ рода имелось в виду поддельщиками. Колтовские же и были тем дворянским родом, который вел свое происхождение от Михаила Ивановича Чевкина, упомянутого во вставке.³ Однако на проверку это оказывается обычной генеалогической легендой.

Летописные памятники не знают никакого И. А. Чевкина-Дурного, который бы сопровождал великую княгиню Елену в Вильно, а тем паче оставался там в составе ее русской свиты; между тем и Воскресенская летопись и „Владимирский летописец“ указывают состав посольства и провожавших лиц.⁴ Поданная 25 июня 1686 года в Разрядный приказ Дмитрием Колтовским родословная роспись не знает ни гибели И. А. Чевкина в Литве, ни щедрого пожалования его сына Михаила волостью в Каширском уезде. Однако в ней все же указывается, что И. А. Чевкин был „дан в Литву в приданые“, а сын его Михаил будто бы „служил Шемячичу, был в Стародубе и на поместье приехал к великому князю рязанскому“. Только после этого Михаил Иванович, согласно данному документу, „стал слыть Колтовской“.⁵

¹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов, ук. соч., т. I, стр. 624. Хрущевы и Колтовские имели многочисленные и близко расположенные поместья и вотчины в Каширском уезде. См.: Реестр по г. Кашире писцовым, межевым и переписным книгам Поместного приказа № 322 (ЦГАДА).

² Вопрос о подложности этих сведений, на наш взгляд, вполне обстоятельно доказан П. Г. Васенко в цитированной нами работе „Хрущевский список Степенной книги...“.

³ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы родословных росписей, № 18 (подана 25 июня 1686 г.) и № 46 (подана 20 мая 1686 г.).

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 229. — Истор. зап., кн. 15, стр. 290—291. См. также: Сборник РИО, т. XXXV, стр. 163—164.

⁵ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Столбцы родословных росписей, № 18, л. 1.

Однако на деле происхождение Колтовских не связано с И. А. Чевкиным-Дурного. Фамилия Колтовских более раннего происхождения, чем это предполагали ее представители, подавая в 1686 году свои родословные записи в Разряд. Так, летописям известен некто Федор Колтовский уже в 1492 году.¹

М. И. Колтовский для середины XVI века — лицо вполне достоверно существовавшее. Он записан в „Дворовую тетрадь“ 50-х годов XVI века по Коломне и, вполне возможно, как многие прочие колоненцы, был связан с Каширой.²

Одна из родословных записей конца XVI века указывает, что Михаил Иванович „служил у Шемятича, а ныне живет в Стародубе на поместье“. Так опровергается известие родословной росписи Колтовских о службе Михаила Ивановича рязанскому великому князю (Рязань была присоединена к Москве в 1517 году) и подтверждается его служба Василию Шемячичу, так как перед нами свидетельство современника („ныне живет“).

Однако предание об отдаче И. А. Чевкина „в приданые“ повторяется в этой росписи: „У Ондreja у Кузмина дети: Иван — пошел в Литву с великою княжною да Левонтий — на поместье в Новгороде“.³

Таким образом, предание о посылке И. А. Чевкина в Литву восходит к устной традиции XVI века и имеет, следовательно, серьезные основания, хотя ясно, что Колтовские с И. А. Чевкиным ничего общего не имеют.

Автор вставки в Хрущевскую Степенную книгу не указал, какой именно волостью „пожаловал“ великий князь Иван III Михаила Ивановича Чевкина, не желая тем самым выдавать себя, но имел в виду он несомненно Колтовскую волость. Колтовские определенно топонимически связывали свое имя с названием села Колтово, стоящем при реке Оке.⁴ Имеются бесспорные данные о том, что этим селом в XVII веке владели на поместных и вотчинных началах будущий окольничий Семен Семенович Колтовской и его брат Василий Семенович.⁵ Это значит, что в XVII веке у Колтовских существовали вполне реальные причины для составления ложного известия о награждении И. А. Чевкина (которого они, как мы уже знаем, считали своим предком) земельными владениями именно в Каширском уезде.

* * *

Выяснив, таким образом, цели фальсификации одной части листов Хрущевской Степенной книги (земельные притязания в Каширском уезде и несомненно цели прославления рода в целом), мы получаем

¹ ПСРА, т. XII, стр. 233; т. XX, 1-я половина, стр. 357.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь..., стр. 158, 160, 161, 163. С Коломной Колтовские были связаны и в XVII веке. Например, Я. П. Колтовской имел поместья „на Кашире да на Коломне“ (ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25503, ч. II (старый № 117), дело № 13, л. 143).

³ См.: Рукописный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, Рум. собр. № 348, л. 150; Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897.

⁴ Село Колтово находится в 5—6 км к западу от г. Каширы.

⁵ В 1649—1650 годах селом Колтово и рядом других поместий и угодий около него владели братья С. С. и В. С. Колтовские и их родственники-однофамильцы. В 1678 году селом Колтовым владел один из прежних владельцев А. Д. Колтовской. Поместье С. С. Колтовского находилось тогда рядом (село Тарасково). См.: ЦГАДА, Поместный приказ, Реестр по г. Кашире писцовым, межевым и переписным книгам, № 322, лл. 143 об., 144 об., 150, 150 об., 152 об., 153, 294, 357 и др.

возможность точнее поставить наиболее раннюю дату совершения подделок.

В январе 1682 года московское правительство вынесло решение об отмене местничества, были сожжены разрядные книги. Предполагалось пополнить государев родословец, составленный еще при Иване IV. Для этой цели дворянам было предложено подать в Разрядный приказ свои родословные росписи.

Колтовские, как указывалось выше, подали в 1686 году две росписи, сохранившиеся в подлинниках до настоящего времени. Скорее всего подделка в составе Хрущевской Степенной книги была совершена после 25 июня 1686 года, т. е. после того числа, когда была подана вторая родословная роспись. В противном случае (если подделка была бы совершена раньше) Колтовские, наверно, отразили бы в росписи свои генеалогические притязания, которые здесь отсутствуют.

Петровские указы (табель о рангах и пр.) положили конец рецидивам местнических споров в среде господствующего класса феодалов. Поэтому к началу XVIII века генеалогические предпосылки фальсификации отпадают. Следовательно, подделка не могла быть совершена позднее этого времени.

III

Если во вставке с пожалованием волостью сына Ивана Чевкина налицо причины подделки генеалогического, родословного порядка, то чем же является „речь“ Ивана Грозного? Никакими генеалогическими причинами объяснить ее появление нельзя. Представляет ли она собой текст, основанный на конкретных исторических источниках, или это сплошной вымысел? Необходимо выяснить цели составления „речи“, выявить ее источники, проверить ее соответствие исторической обстановке середины XVI века.

В самом деле, если существовали документы, содержание которых было в какой-то мере использовано автором вставок в Хрущевский список Степенную книгу, то „речь“ может рассматриваться как ценный источник для характеристики эпохи Ивана IV.

Выяснение источников „речи“ Грозного на Лобном месте должно идти по двум линиям. Во-первых, следует выяснить: использованы ли автором „речи“ Грозного на Лобном месте литературные и исторические памятники, известные в настоящее время науке, а если использованы, то в какой степени? Во-вторых, необходимо установить: могли ли здесь быть использованы памятники, до нас не дошедшие?

Известна запись публичных выступлений Ивана IV в 1549 году на совещании с представителями высших феодальных кругов, которое вошло в историческую литературу под наименованием „Собора примирения“.¹ В 1551 году царь снова выступал — на открытии Стоглавого собора.² П. Г. Васенко считал записи этих выступлений источником подделанной „речи“ на Лобном месте.

Выступление Ивана IV на Стоглавом соборе действительно имеет некоторые черты сходства со вставкой в Хрущевскую Степенную книгу. В целом ряде случаев мы имеем возможность указать на общность некоторых выражений обоях памятников.

¹ ПСРЛ, т. XIX, ч. 1, стр. 528—529.

² Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, главы 1—4.

Стоглав

1. Молю вас, святейшии отцы... утвердите в мя любовь, яко и в присного вам сына (гл. 2, стр. 24).
2. Зело бо желаю и радуясь, и согласую сослуживен быти с вами и вере поборник во славу святые троны (там же, стр. 24).
3. И всякого чину царска и княжеска, и боярска и всех православных христиан, иже добрыми делы просиявших (гл. 4, стр. 26).
4. Отцы наши, Макарий митрополит и вси архиепископы, и епископы (там же, стр. 27).
5. Юности моя и неведения моего, ныне же сих всех злых дел возненавидевшие и добрая и богоугодная дела возлюбим (там же, стр. 28).
6. Бояре и вельможи, вернии и любимии отцем моим... паче же себе самовластие учиниша (там же, стр. 30).
7. И прощение у них прошу за юность и неведение. И по скончании дядей моих, не по мнозе времени, и мати моя представилася... (там же).
8. И тако бояре наши, улучаше себе время, сами владеюще всем царством самовластно (там же).
9. Аз же возростох в небрежении и в наказании отца своего и матери (там же).
10. И в плен разхищение всякого священнического... чину (там же).
11. В седьмое на десять лето возраста государя (там же, стр. 36).
12. И в 19 лето возраста моего (там же, стр. 37).

„Речь“ на Лобном месте

1. а) Умысли смирить всех в любовь.
б) Молю вашу веру к богу и к нам в любовь.
2. Да будещи помощник нас в любви и поборник.
3. Сбрати свое государство из городов всякого чину.
4. Советовав со отцем своим Макарием митрополитом.
5. а) Юности ради моя и пустоты.
б) Замедления ради юности моя и пустоты, и беспомощства.
6. Силнии мои бояря и вельможи о мне не радеша и самовластии быша.
7. См. №№ 5 и 6.
8. И неправд ради бояр моих. См. № 6 по Стоглаву.
9. Родители о мне не брегше.
10. И сами себе саны и чести похитиша.
11. Егда же бысть в возрасте 20 году.
12. См. № 11.

Вопрос о заимствовании содержания вставки в Хрущевскую Степенную книгу из записи выступления Грозного на Стоглаве, однако, не может быть решен только на основании продемонстрированного сходства терминологии. Есть ряд доводов, которые должны внушить осторожность при решении этой проблемы.

Во-первых, налицо лишь общность отдельных слов, а не фрагментов текста. Затем, эта общность относится лишь к характеристике отношения царя к боярству и вельможам и к самой характеристике Грозного, причем последняя во вставке явно усилена в сторону самоуничтожения царя.¹ Далее, совпадения, отмеченные выше, наблюдаются иногда во фразах совершенно различного содержания (см. в таблице примеры №№ 2, 3). Кроме того, общность терминологии сопутствует не всей вставке, а только ее первой половине. Со слов „и безсудства неправедного и лихоимания, и сребролюбия“ следует совершенно оригинальный текст, заключающий в себе описание „неправд“ бояр и властей, обещание царя самому взяться за исправление пороков общества, обращение к А. Адашеву и заключение.

По-иному представлена в Стоглаве сама обстановка, в которой происходил собор. Его заседания, как известно, открылись вовсе не

¹ Ср., например; „Юности моя и неведения моего“ и „Замедления ради юности моя и пустоты, и беспомощства“ (пример № 5 в таблице).

на Красной площади, у Лобного места, а в „царских палатах“, причем точно указана и дата открытия собора: „7059, месяца февраля в 23 день“.¹ Наконец, различна сама идейная направленность вставки в Хрущевскую Степенную книгу и речей царя на Стоглаве. В Стоглаве, несмотря на ряд резких упреков, брошенных в адрес боярства, царь не угрожает им, а, наоборот, действует с ними заодно против осифлянского духовенства. В „речи“ же с Лобного места угрозы по адресу „сильных“ и вельмож звучат вполне определенным лейтмотивом.

В целом структура и содержание „речи“ являются отличными и независимыми от Стоглава. Следовательно, можно говорить лишь об использовании автором вставки в Хрущевскую Степенную книгу материала речей царя на Стоглаве.

С другим выступлением Ивана Грозного в середине XVI века — выступлением на так называемом „Соборе примирения“, запись которого дошла до нас в составе Хронографа, — „речь“ на Лобном месте не имеет ничего общего. Во-первых, здесь мы имеем дело с произведением совершенно другого характера. Хронографическая запись выступления Ивана IV в 1549 году свободна от риторики, она конкретно указывает имена бояр, участвующих в этом совещании в царских палатах (а не на Красной площади!), конкретно указаны и обиды, чинимые боярами, о которых говорил тогда Иван IV.² Царь здесь не только не грозит боярам, после того как они бьют челом о прощении своих вин, но и прямо заявляет: „По ся время сердца на вас в тех делах не держу и опалы на вас ни на кого не положу“³ (сравни с этим „Ждите воздаяния своего!“ во вставке).

Можно предположить, что автор подделки в какой-то мере использовал при составлении „речи“ подлинный текст Степенной книги. Правда, в подлинном тексте нет никакого упоминания о выступлении царя когда бы то ни было с Лобного места; но там есть рассказ о положении Русского государства в годы малолетства Ивана IV. Так, там говорится, что после смерти царицы Елены Глинской бояре и „прочие вельможи“, воспользовавшись моментом, занялись расхищением казны.⁴ „Кийждо себе различных и высочайших санов желажу, и инии ж получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда, и желание на восхищение чюждого имения. И воздвигоша велику крамолу между себе. И властолюбия ради друг друга коварствоваху“.⁵

Если учесть, что подделанную „речь“ Ивана IV от этих слов в Хрущевском списке отделяет буквально одна страница, то можно сделать предположение, что именно это место натолкнуло автора „речи“ на мысль о сходстве переживаемого им периода со временем малолетства Петра I. В процитированном месте встречается и упоминание о крамолах, и о захвате „чюждого имения“ и о стремлении получить

¹ Стоглав, стр. 19.

² „... До ево царсково возрасту от них и от их людей детям боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и вы иных обидных делах, и оне бы вперед так не чинили, детям бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делах не было никоторья“ (ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 528).

³ ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 529.

⁴ На полях Хрущевского списка в этом месте отмечено: „Зри“ (л. 517 об.).

⁵ Цит. по тексту Хрущевской Степенной книги (лл. 517 об. — 518). Редакция текста в ПСРА (т. XXI, ч. 2, стр. 634) несколько отличается от нашего. В первом тексте, например, есть упоминание, что маленькому Ивану было в год смерти его матери 8 лет („осмому лету тогда наставшу от рождения его“), это совпадает с указанием вставки („аз остался... матери своей осми лет“).

„различные и высочайшие саны“. Однако в подлинном тексте Степенной книги, как и в Стоглаве и в Хронографе, нет ни слова об А. Адашеве, а между тем именно к нему заставил обратиться Ивана Грозного автор фальсификации. Это может навести на мысль, что в руках автора „речи“ был какой-то документ, где именно А. Адашеву приписывается руководство специальным учреждением, ведавшим разбором челобитных. На такой именно точке зрения в настоящее время стоит С. О. Шмидт. По его мнению, „вставка в Хрущевскую Степенную книгу свидетельствует о серьезных познаниях ее составителя в истории времени Ивана Грозного“; „есть основания утверждать... — пишет С. О. Шмидт, — что возглавлял его (Челобитный приказ, — А. В.) действительно... Алексей Федорович Адашев“.¹

Однако этот взгляд С. О. Шмидта вызывает возражения. Внимательный анализ сведений, сообщаемых вставкой с „речью“ в Хрущевскую Степенную книгу, позволяет нам отвергнуть мысль о том, что источниками вставки могли послужить документы XVI века, известные в конце XVII века, но не дошедшие до нас. Фактические сведения вставки не только не находят подтверждения в известных нам памятниках эпохи Ивана Грозного, но и прямо противоречат им.

Уже указывалось, что соборы XVI века никогда не происходили на Красной площади; мало того, само Лобное место в XVI веке не играло той значительной роли в общественной жизни столицы, которую оно получило впоследствии (см. об этом ниже).

Далее, речь помещена между событиями 1547 года. Ивану IV было в этом году 17 лет, а не 20-й год, как нас уверяет вставка („Егда же бысть в возрасте 20 году“). Пожалование А. Адашева в окольные приказные места произошло в 1553 году,² а не тогда, когда это утверждает памятник. Сам А. Адашев происходил не „от нищих и от самых молодых людей“, а из довольно знатного рода костромских бояр.³

Следует добавить, что сведения о выступлении Ивана IV на Лобном месте более нигде не встречаются, кроме как в единственном списке Степенной книги. Ни летопись, ни хронограф, ни разрядные записи, ни литературные источники, ни свидетельства современников ничего не говорят нам о таком исключительном событии, как созыв Земского собора на Красной площади в Москве и как публичная речь молодого царя с Лобного места.

Ясно, что и эта вставка представляет собой подделку, поскольку все ее сведения, поддающиеся проверке, противоречат действительному положению вещей в XVI веке.

Но откуда же в этой фальсификации появилось имя Алексея Адашева? Как и Стоглав, в конце XVII века была широко известна переписка Грозного с Курбским. Оба они — и царь и князь-изменник — неоднократно вспоминали в своей полемической переписке имя А. Адашева. Истинное происхождение рода Адашевых, целиком истребленного Иваном Грозным за измену, было к концу XVII века порядком позабыто, но язвительные слова о нем царя сохранились. Грозный в письмах к Курбскому называет, как известно, А. Адашева „собакой“, „батожником“, „взятым от гноища“ и т. п.⁴

¹ С. О. Шмидт, ук. соч., стр. 446.

² ДРВ, изд. 2-е, ч. XX, стр. 40.

³ См.: Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного... стр. 392.

⁴ Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 36, 41 и др.

* * *

Содержание разбираемой нами „речи“ Ивана Грозного не может быть в целом возведено к историческим и литературным источникам, повествующим о соборах XVI века, но оно ярко отражает социально-политические взгляды ее автора и определенные события в общественной жизни того периода, когда памятник этот был составлен (т. е., как уже было установлено палеографически, в 80—90-е годы XVII века).

Публицистический характер содержания памятника не вызывает никаких сомнений, он лишь слегка прикрыт риторическими восклицаниями „грозного царя“. В этом можно убедиться, внимательно рассматривая содержание памятника.

Во-первых, автор вставки отмечает тяжелое положение страны. Государство, по его словам, „в велицей тузе и печали“ (л. 518 об.). Тяжелое положение страны выражается в „крамолах“, „неправдах“, „вражде“ людей между собой. Здесь же выясняются и причины этих „неправд“. На первое место ставятся личные качества царя: его молодость и неподготовленность к правлению. Те же, кому следовало бы радеть о нем, — старые и опытные советники государя — перестали заботиться о нем: „силнии мои бояря и вельможи о мне не радеша“ (л. 518 об.). Они сами сделались самовластными, корыстолюбивыми хищниками, обижали народ, разоряли и отягощали его, творили несправедный суд.

Во-вторых, в уста Ивана IV вкладывается изложение тех основных мероприятий, которые должны исправить положение. Царь, „умыслив“ прекратить вражду между подданными („смирить всех в любовь“ — л. 518 об.), советуется с духовным владыкой:¹ „Молю тя, святыи владыко, да будеши помощник нам и любви поборник“ (там же). Следовательно, церковь рассматривается как моральный руководитель и помощник мероприятий царской власти. Очевидно, по совету с духовным владыкой, царь должен притти к решению о созыве Земского собора: „собрати из городов всякого чину“ (там же).

На Земском соборе должны быть поставлены, по мнению автора, следующие вопросы, направленные на искоренение „крамол и неправд“: наказание лихоимцев и хищников, которые „сами себе саны и чести похитиша“ и „многие слезы на ся воздвигосте“ (лл. 518 об., 519), организация, в противовес существующему „несправедному“ суду, хорошего, „справедного“ суда. Этого можно достигнуть, согласно автору, очень просто: стоит только заменить старых, корыстолюбивых судей, „несправедный суд по себе“ творящих (л. 519), судьями честными, правдивыми „от бояр и вельмож“ (л. 519 об.). Наконец, по мнению автора, на Соборе должно произойти официальное привлечение к участию в управлении государством представителей дворянства, „молодых людей“. Их представителям должны быть поручены ответственные посты, они должны возводиться по заслугам в думные чины. Это явится залогом успешной работы государственного аппарата. Мысль о выдвижении на важные посты представителей широких слоев неродовитого дворянства продемонстрирована во вставке эпизодом с назначением А. Адашева „челобитные приимати у бедных и обиди-

¹ Как А. Адашев, так и Макарий для автора фальсификации только авторитет прошлого. Степенная книга называет Макария „дивным во святителех“ (л. 518 по Хрущевскому списку).

мых, и назирати их с рассмотрением“ (л. 519). В самых исключительных случаях и сам царь должен стать в роли „судии и обороны“. („разве елико чево большего дела невместно“ — л. 518) и сам должен „неправды разоряти и хищения возвращати“ (там же).

Какую же идеологию выражал автор памятника? Идеологию ли борьбы за утверждение феодально-абсолютистской монархии или идеологию борьбы за сохранение старой формы феодального строя с боярской думой и боярской аристократией?

В. И. Ленин резко разграничивал эти два понятия. Он писал: „Русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»“.¹

В памятнике постоянно чувствуется стремление провести параллели между временем молодого Ивана IV и молодого Петра I.

От энергичного Петра I ждут резкого поворота, но не вперед к прогрессивным преобразованиям, а назад, к привычному дедовскому укладу жизни с его медленным „непоспешанием“ вперед. Весь памятник пронизан консервативным духом. В нем сохранились элементы местнической идеологии,² поддерживается старый институт—боярская дума, выпячивается роль духовной опеки церкви над царской властью. Сама апелляция к Земскому собору—институту, также уходящему безвозвратно в прошлое,—представляет собой для условий конца XVII века явление реакционное. Однако веяния времени, событий 80—90-х годов XVII века чувствуются в „речи“ достаточно явственно, причем аспект, в котором события эти отразились, подчеркивает и то, как воспринимал их автор подделки.

Насколько же соответствует действительному положению вещей обращение фальсификатора к Земскому собору? Земские соборы во второй половине XVII века потеряли свое былое значение. В ряде случаев правительство обходится уже без их помощи. В. К. Никольский, которому принадлежат две работы по этому вопросу,³ делает вывод, что в этот период „место Земских соборов заняли односословные собрания выборных, приглашаемых на совещания по техническим вопросам“.⁴ В 80-е годы такие односословные дворянские совещания еще имели некоторое значение. Последний из таких соборов происходил в начале 1684 года и был создан „для постановления вечного миру и о союзе... с польским королем“,⁵ но вопросом о мире с Польшей ему не пришлось заниматься, так как переговоры с польскими послами были отложены на неопределенное время,⁶ а служилые люди, приехавшие в Москву, в течение двух месяцев занимались чем-то другим. С деятельностью этого собора связываются некоторые указы, проведенные в интересах дворянства: закон об упорядочивании размежевания земель⁷ и особенно указы о частичной реорганизации провинциального суда, изданные после коллективного челобитья мелких

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 308.

² „Разве елико чево большего дела невместно...“ (л. 519).

³ В. К. Никольский. 1) Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 гг. Научн. труды Индустриально-педагог. инст. им. К. Либкнехта. Соц.-эконом. серия, вып. 2, М., 1928; 2) Рязанское соборное представительство при царях Алексее, Федоре и патриархах. Рязань, 1919.

⁴ В. К. Никольский. Земский собор... , стр. 49.

⁵ В. К. Никольский. Рязанское соборное представительство... , стр. 92.

⁶ Мир был заключен только в 1686 году.

⁷ ПСЗ, т. II, № 1067, 7 августа 1684 г.

феодалов — участников Собора.¹ В сопоставлении с содержанием „речи“ это обстоятельство может оказаться весьма симптоматичным, ибо автор подделки здесь пять раз употребляет слово „суд“, противопоставляя „суд неправедный“ „суду праведному“.

Нетрудно установить связь между упоминанием о доверии, оказанном А. Адашеву („челобитные приимати“) в тексте памятника, и реальной исторической обстановкой конца XVII века. В конце 1677 года Челобитный приказ был ликвидирован и дела его передали во Владимирский судный приказ. В 1683 году Челобитный приказ был снова восстановлен и существовал как самостоятельное учреждение до февраля 1685 года.² Работа последнего собора (январь—март 1684 года) падает как раз на этот промежуток времени. Очевидно, именно в Челобитный приказ подавали дворяне свои челобитья, послужившие толчком к изданию вышеупомянутых указов.³

Следует отметить то особое значение, которое занимало в XVII веке в жизни Русского государства в целом и Москвы в частности Лобное место на Красной площади. Здесь, по словам иностранного наблюдателя (Мейерберга), „совершались торжественные обряды, обнародовались царские указы и царь или боярин его обращал свое слово к народу“.⁴ Представители официальной церкви в свою очередь тоже неизменно придавали Лобному месту исключительное значение. Ежегодные торжественные богослужения, совершаемые здесь патриархами, отмечаются и Дворцовыми разрядами — своеобразной придворной летописью тех времен. И. Снигирев, исследователь вопроса о значении Лобного места, подчеркивал, что в актах „иногда оно называется царевым, без сомнения потому, что с него возвещался суд царев“.⁵ Все это объясняет, почему фальсификатор избрал Лобное место для выступления царя с целой программой мероприятий в духе консервативных кругов феодального класса, идеалом которых была сословно-представительная монархия XVII века.

Таким образом, подделанная „речь“ Ивана Грозного предстает перед нами как произведение остро публицистическое, с несомненной реакционной сущностью.

* * *

Факт составления фальсификаций, помещенных в состав Хрущевской Степенной книги, не является каким-то необычным явлением на Руси XVI—XVII веков. Подделками документов в ту пору занимались в первую очередь в монастырских канцеляриях для обоснования прав на земельные владения, затем к подлогам стали широко прибегать и частные лица — светские феодалы.

¹ Указ об усилении судебной власти и провинциального дворянства путем возвращения в юрисдикцию его представителей — „губных старост“ и рассмотрения „разбойных, убийственных и татинных дел“ (10 марта 1684 г.) и указ о закреплении за мелкими феодалами ряда процессуальных и судебно-пошлинных преимуществ (11 ноября 1684 г.). См.: В. К. Никольский. Земский собор... , стр. 48.

² См.: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 221—222.

³ С. О. Шмидт, следовательно, прав, когда он связывает это место в памятнике с реально существовавшим Челобитным приказом, но он ошибочно предполагает, что речь идет о „Челобитенном приказе“ середины XVI века. См.: С. О. Шмидт, ук. соч., стр. 445—446.

⁴ Цит. по кн.: И. Снигирев. Лобное место в Москве. ЧОИДР, 1861, кн. 1, стр. 3.

⁵ И. Снигирев, ук. соч., стр. 2—3.

Известны различные методы и формы составления подделок — от изготовления вымышленных подражаний статейным спискам и разрядным книгам¹ до переделки отдельных букв в подлинных документах, отчего изменялся смысл и содержание документов.²

А. Введенский, сделавший в свое время попытку собрать весь известный по этому вопросу материал,³ отмечал ряд подделок, служивших целям политической борьбы, фальсификаций, носивших характер пасквиля, политической сатиры и т. п. „Все эти подделки имеют обычно политическую заостренность“, — писал он. Автор относит к такой категории подделок „генеалогический пасквиль“ на род Сукиных, „рукопись старицы Марии, урожденной кн. Одоевской“ и др.⁴ Непонятно, почему автор не отнес к этому же типу и „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте, а ограничился лишь кратким определением: „Эта подделка, повидимому, вышла из той среды, которая была заинтересована в продолжении практики земских соборов“.⁵ А. Введенский, упрекая С. Ф. Платонова за то, что последний, „вскрывая подделку, воздерживается, однако, от изложения мотивов подделки“,⁶ сам также не подверг памятник источниковедческому и литературоведческому анализу.

Особенный размах подделка документов получила в конце XVII века в связи с организацией Палаты родословных дел.⁷

Итак, мы выяснили, что к фальсификациям в XVI—XVII веках прибегали и для достижения узких целей возвеличивания рода, обоснования своих земельных прав, и в целях политической борьбы. Подделки в составе Хрущевской Степенной книги наглядно подтверждают оба эти положения.

* * *

Во второй половине XVII века интерес к личности и эпохе Ивана Грозного особенно возрос. В эти годы появляется большое количество списков его сочинений, летописей, исторических повестей, родословных и разрядных записей, копируются и отдельные грамоты, относящиеся к этому периоду.

Несомненно, что этот интерес, проявлявшийся в обществе к Грозному и его времени, должен быть поставлен в прямую связь с тем фактом, что целый ряд крупных подделок отнесен их авторами именно к этой эпохе — достаточно отдаленной от современников и достаточно популярной в той среде, на которую они рассчитаны. Таковы упомянутые уже нами вымышленные разрядные книги никогда не существовавших походов (Колыванского похода 1540 года и др.), упомянутый пасквиль на род Сукиных, составленный в виде родословной росписи, статейные списки вымышленных посольств Андрея Ищеина к султану Мурату (1570 год) и Захария Ивановича Сугорского к королю Макси-

¹ Впервые указал на существование вымышленных разрядных книг Н. П. Лихачев (Правительственный вестник, 1877, № 90, 26 апреля, стр. 2).

² См. любопытный пример в кн.: Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 23—24.

³ А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. Сб. „Проблемы источниковедения“, I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 102—103.

⁵ Там же, стр. 102.

⁶ Там же, стр. 101, примеч. 1.

⁷ См.: Л. М. Савелов. Лекция по русской генеалогии, 2-е полугодие. М., 1909, стр. 44, 45 и др.

милиану (1576 год), и т. д.¹ Бросается в глаза и тот характерный факт, что все эти оригинальные, указанные нами произведения облечены в документальную форму, чем достигалась, по мнению авторов, бо́льшая убедительность их содержания.

Древнерусские литературные памятники этого типа мало еще изучены, но уже сейчас можно сказать, что среди подделок XVII века „речь“ Ивана Грозного с Лобного места к „людям всякого чину“ следует расценить как произведение наиболее яркое по форме и последовательно выдержанное в своем духе до конца.

* * *

Ранее мы установили, что автором вставок в Хрущевский список Степенной книги был Семен Семенович Колтовской.

Теперь нам надлежит выяснить, в какой мере идеологические устремления фальсифицированной „речи“ Ивана Грозного на Лобном месте отвечают тем историческим сведениям, которые нам известны об этом деятеле второй половины XVII века.

Разработка вопросов, связанных с историей последнего Земского собора 1684 года и со значением Лобного места в общественно-политической жизни Москвы XVII века, приобретает весьма конкретный характер в свете имеющегося у нас материала о С. С. Колтовском. Прежде всего известно, что С. С. Колтовской присутствовал на Соборе 1684 года в числе стольников.² Стольники как высший слой московского дворянства всегда присутствовали на торжественных церемониях, связанных с Лобным местом, — будь то новогодие, празднование Казанской божьей матери или вербное воскресенье. Царь Петр избегал торжественных богослужений, но все-таки, до смерти своей матери Наталии Кирилловны, вынужден был иногда присутствовать на них. Так, 23 марта 1684 года на Лобном месте появились оба царя. Патриарх раздавал им „вайя и вербы“. Это произошло менее чем через 20 дней после роспуска собора 1684 года. Стольник С. С. Колтовской почти наверно был в составе московских дворян, окружавших Лобное место и получавших вербы из рук митрополитов.³ Торжественность совершения этих обрядов отражена была и в рассматриваемой подделке: „И в день недельный изыде со кресты на Лобное место“ (л. 518 об.).

Поведение молодого Петра вызывало сильное недовольство в консервативных верхах феодального класса, значительной части духовенства и в среде приказной интеллигенции. Причиной тому были личные качества молодого царя, которого обвиняли в нарушении установившихся традиций, насмешке над обрядами православной церкви („всешутейший собор“), частых пирах, знакомстве с иноверцами и пр. Сильное недовольство возбуждала и политика нарышкинского правительства.

¹ Вымышленные статейные списки посольств Андрея Ищеина к турецкому султану Мурату (7078/1570 гг.) и князя Захария Ивановича Сугорского к королю Максимилиану (7084/1576 гг.). В кн.: Памятники древней письменности. СПб., 1883. Исследование и издание последних см. в этом же томе „Трудов“ ОДРА (Примеч. Ред.).

² Кроме С. С. Колтовского на Соборе в числе стольников присутствовал и его родственник Алексей Дмитриевич Колтовской, один из владельцев села Колотово (ЦГАДА, Портфели Миллера, ф. 199, № 130, XII, тетр. 3, л. 49).

³ Дворцовые разряды, т. IV, СПб., 1855, ст. 274. Ср. также ст. 458, 498, 562 и др.

Интереснейшие сведения об умонастроениях в 80—90-х годах указанных выше кругов дают так называемые „обличительные тетради“ старца Авраамия, содержание которых живо перекликается с установками фальсифицированной „речи“ Грозного.¹ „Обличительные тетради“, написанные в документальной форме „челобитной“, появились как результат многих разговоров, содержащих резкую критику поведения молодого царя и существующих неурядиц в государственном управлении. Разговоры эти велись в келье старца Авраамия — строителя Андреевского монастыря на Воробьевых горах, в кружке оппозиционно настроенных подьячих московских приказов. Бывали в келье у Авраамия и крестьяне подмосковного села Покровского Посошковы — Роман и его брат Иван, будущий знаменитый публицист.²

Из содержания сочинения старца Авраамия выясняется, что участников кружка возмущало то, что царь Петр I не занимался в те годы исправлением административного и судебного аппарата, где процветали взяточничество и волокита. В кружке Авраамия жаловались также на чрезмерное увеличение приказного персонала,³ критиковали нарушение Петром традиционных церемоний, его демократизм в обращении и устройство театра в подмосковном селе Измайлове.⁴ В целом ряде мест Авраамий высказывает мысли, параллельные идеям „речи“ Грозного.

Петр, по словам старца, покинул „всякое правление государства своего и приказал править похотникам, мздоимцам“. „Теперь, — говорит Авраамий, — уже впредь и добра вскоре не чают“. В государстве же вследствие этого „в настоящее время мнози тужат и гораздо болезнуют, и есть-де о чем болезновать“.⁵ Вспомним, что царь, прежде чем собрать Земский собор, тоже видел „царство свое в велицей тузе и печали“ (л. 518 об.): „И всего того не приписать, что говорят. И ни в чем путного рассмотрения не стало“. Сравни с этим „вручаю тебе челобитные примати... и назирати их с рассмотрением“ — в фальсифицированной „речи“ Ивана IV (л. 519).

Так же как автор „речи“, Авраамий признает необходимым обсуждение насущных вопросов на Земском соборе, который он предполагает составить из Освященного собора, родственников царя „и иных честных и породных, и преимуших в разуме, и допущенных до его честности или мочи, бояр и окольных, и думных людей. И о том, — добавляет Авраамий, — чаю аз, что от них ему, великому государю, челобитье и прошение было...“.⁶ Авраамий, правда, сужает круг лиц, которые должны обсуждать насущные вопросы государственного управления, он не предлагает собрать „государство из городов всякого чину“, но несомненно, что он имеет в виду совещания такого рода, которые в конце века заменили собой земские соборы. В „обличительных тетрадях“ мы также сталкиваемся с вопросами суда: „судей выбрать разум-

¹ Памятник опубликован Н. А. Баклановой, ук. соч., стр. 131—155.

² Вопрос о взаимоотношениях И. Т. Посошкова и Авраамия подробно рассмотрен в кн.: Б. Б. Кафенгауз, И. Т. Посошков, его жизнь и деятельность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 20—36. На стр. 173—181 этой книги издано начало розыскного дела об Авраамии.

³ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145—146.

⁴ См. показания И. Бубнова на допросе по делу Авраамия 14 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 178.

⁵ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145. См. также показания Н. Кривева на допросе от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁶ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 149.

ных, и праведных, и постоянных, а непородных честью... чтоб судили праведно“.¹

Можно было бы еще продолжить сопоставление установок подделанной „речи“ и „обличительных тетрадей“ Авраамия, анализ текста которых, как устанавливает Н. В. Устюгов, приводит к выводу, что они „являются памятником борьбы с теми новшествами, которые нарушали привычные московские порядки“.² Но и сказанного уже достаточно для того, чтоб утверждать, что оба памятника близки по духу и содержанию. Они характеризуют ту внутреннюю борьбу, которая происходила в кругах господствующего класса в самом конце XVII века.

Хочется только подчеркнуть еще один небезынтересный момент. Из допроса членов кружка Авраамия выяснилось, что маневры войск в 90-х годах вызывали у них особенное негодование. Они с возмущением говорили о „потехах непотребных под Семеновском и под Кожуховым, для того что многие были биты, а иные и ограблены“.³

Дворцовые разряды донесли до нас известие, отмеченное под 1691 годом: „Нынешнего 200 году, октября в 6 день, велено окольному Семену Семеновичу Колтовскому быть в походе в селе Семеновском. И он, окольный, будучи в том походе... их государскому указу учинил непослушание многое и противность. И октября в 18 числе... самодержавцы указали: за ту его вину и ослушание честь у него окольность — отнять и написать его с городом по Лебедяни в дети боярские, чтоб на то смотря, иным его братье неповодно было так делать“.⁴ Так оборвалась служебная карьера С. С. Колтовского. Собранные нами сведения по его биографии раскрывают лицо типичного представителя феодального класса второй половины XVII века и подтверждают наш вывод о подделке им известий Хрущевской Степенной книги.

Сын незначительного дворянина,⁵ С. С. Колтовской начал свою службу в 1641 году,⁶ молодым человеком, как это повсеместно наблюдается в ту эпоху. Он участвовал, по собственным его словам, „в походах в летних и в зимних, и з бояры и воеводы во многих посылках был“.⁷

Однако, насколько это позволяют судить имеющиеся у нас в распоряжении документы, служба С. С. Колтовского была по своему характеру преимущественно придворной. „Живу я, холоп твой, при

¹ См. Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 152.

² Рецензию Н. В. Устюгова на VI том „Исторического архива“ см. в „Вопросах истории“ (1951, № 10, стр. 128—131).

³ См.: М. М. Богословский. Петр I. ОГИЗ, 1940, стр. 385. Один из участников кружка Авраамия подьячий Н. Кренин показал, что, будучи на потехах, от „разных чинов людей слышал такие слова, которые в тетрах написаны“ (царь „уклонился в потехи, оставя лутшее, начал творити всем печальное и плачевное...“); см. допрос от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁴ Дворцовые разряды, т. IV, стр. 613. Первоначальная редакция этой записи, сделанная рукой боярина Т. Н. Стрешнева, предусматривала, очевидно, обычный для таких случаев вариант: „А будет он, Семен, в город (Лебедянь, — А. В.) не поедет: скажет болен — и ево вывести в телеге и, выняв ис телеги, указ великих государей сказать, каков писан выше сего“ (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Московский стол, стлб. № 946, ч. 3, л. 15).

⁵ Семена Игнатьевича Колтовского. См. о нем: Дворцовые разряды, т. II, ст. 87, 416, 610, 827, 860, 865, 952.

⁶ Челобитная С. С. Колтовского, поданная в мае 1676 года с просьбой о назначении его воеводой в г. Козлов (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Приказный стол, стлб. № 1431, л. 7).

⁷ Там же.

твоей государьской милости в передней“, — писал он в одной из своих челобитных в сентябре 1650 года.¹ Все 50-е годы XVII века Колтовской, будучи в московском чине стряпчего, часто упоминается „Дворцовыми разрядами“ в составе царской свиты во время так называемых „походов“ Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь и в подмосковные села.² Собственно полковой службы он никогда не нес, но в 1652—1656 годы был „во 162-м и во 163-м смоленском, во 163 же и во 164 в виленском, во 164 же в рижском походах в... государеве полку“.³

Показанный с 1661 года в стольниках,⁴ он встречается уже на торжественных церемониях (сотенный голова дворян при въезде шведских послов в 1662 году,⁵ в составе провожающих антиохийского патриарха Макария в 1668 году).⁶

Вся служебная деятельность С. С. Колтовского связана со двором: его посылают „с милостивым словом и о здоровье спрашивать“,⁷ он отправляется на Дон приводить к присяге царю Федору Алексеевичу ратных людей,⁸ на похоронах Алексея Михайловича он нес гроб царя,⁹ „дневал и ночевал“ у гроба его сына,¹⁰ участвовал в работах последнего Земского собора.¹¹ Наконец под старость, после 1688 года, он стал окольным.¹² За это время, с 1641 года под конец 80-х годов, С. С. Колтовской лишь один раз в течение трех лет (1676—1678 гг.) был городовым воеводой в Козлове, куда его назначили по собственному челобитью для поправления расстроившегося бюджета.¹³ Есть известие о назначении С. С. Колтовского валовым писцом Московского уезда в марте 1688 года.¹⁴ Таковы вкратце „службы“ С. С. Колтовского.

Документы рисуют С. С. Колтовского человеком своекорыстным, стяжателем, жаждущим власти, зверски жестоким с подчиненными.¹⁵ Одной из черт его характера была, очевидно, и строптивость, послужившая впоследствии поводом к разжалованию из окольных („государеву указу учинил непослушание многое и противность“¹⁶). Не

¹ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25503, ч. II (старый № 117), дело № 13, л. 143.

² Дворцовые разряды, т. III, стр. 172, 217, 230, 247, 256, 308, 507.

³ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25458, ч. II (старый № 69), дело № 18, л. 256.

⁴ Дворцовые разряды, т. III, дополнительный, стр. 256.

⁵ См.: М. Г. Спиридов. Записки о старинных службах русских благородных родов. Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: F. IV. 61, ч. 7, стр. 279.

⁶ Дворцовые разряды, т. III, примеч. к столбцам 789—790.

⁷ Был послан в марте 1674 года к боярину кн. Г. Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу. См.: Дворцовые разряды, т. III, стр. 939.

⁸ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25458, ч. II (старый № 69), дело № 18, л. 256.

⁹ Дворцовые разряды, т. III, ст. 1642.

¹⁰ См.: М. Г. Спиридов, ук. соч., та же стр.

¹¹ Январь—март 1684 года. ЦГАДА, Портфели Миллера, ф. 199, № 130, XII, тетр. 3, л. 49.

¹² Еще 13 марта 1688 года он упомянут стольником (ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 717, лл. 686—692).

¹³ ДАИ, т. IX, прибавления, стр. 229, ст. 1.

¹⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 717, лл. 691—692.

¹⁵ ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказный стол, стлб. № 678, лл. 143—148. Также см.: ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. № 889, лл. 131 об., 139.

¹⁶ Дворцовые разряды, т. IV, ст. 613.

следует думать, однако, что С. С. Колтовской представлял собой какое-либо исключительное явление в среде русских феодалов. Он был типичным представителем своего класса и эпохи.

Старик С. С. Колтовской, прошедший всю жизнь вблизи царского двора, воспитанный в духе преклонения перед самодержцем, помнивший многочисленные земские соборы середины XVII века, значение патриарха в прошлом, отрицал новые веяния, которыми знаменовалось начало петровских преобразований. Озлобленный нанесенным ему в октябре 1691 года бесчестьем, он мог составить (а еще вероятнее, заказать) публицистическое произведение, в котором звал царя к прошлому.

Итак, палеографические наблюдения, с одной стороны, и собранный источниковедческий и биографический материал — с другой, приводят нас к одному и тому же автору фальсификации.

Если сопоставить замеченное нами выше усиление отрицательной характеристики личности Ивана IV во вставке по сравнению со Стоглавом с превращением отрицательной характеристики Грозным А. Адашева („батожник“ и пр.) в смягченную характеристику человека незнатного „от молодых людей“, то лишний раз проясняется политическое лицо автора вставки. Недаром в качестве своего политического идеала С. С. Колтовской избрал А. Адашева. А. Адашев — окольничий середины XVI века — рисовался С. С. Колтовскому как раз таким сотрудником царя, каким бы хотел стать сам опальный окольничий XVII века. Если первый не был последовательным сторонником централизаторской политики Ивана IV, то и последний не разделял абсолютистских стремлений молодого Петра I, который сам, по словам К. Маркса, „восхищался“ деятельностью Грозного.¹

Искусно сочиненный памфлет, однако, не стал достоянием широкой гласности в те времена, когда его скрытый смысл был хорошо понятен современникам. К тому же первое проявление неповиновения и строптивости со стороны С. С. Колтовского было вскоре прощено ему и он получил официальное прощение и восстановление в чине (январь 1692 года),² но не в положении! Характерно, что даже запись о возвращении „чести“ С. С. Колтовскому не была внесена в официальные разряды. Если признать высказываемую нами точку зрения правильной, то можно считать, что С. С. Колтовской сам как бы указал нам авторство подделки. Подделка помещена в Степенной книге среди событий 1546 года. В этом году Ивану IV было только 17 лет. Вставка же начинается со слов: „Егда же бысть в возрасте 20 году“ (л. 518 об.). Историки не придавали значения этому анахронизму, а между тем, если отвлечься от имени Ивана Грозного и целиком обратиться к событиям 80—90-х годов XVII века, все станет ясным. В 1691 году двадцатый год шел самому Петру I (родился 30 мая 1672 года) и в этом же году постигла опала С. С. Колтовского!

Таким образом, ряд собранных фактов позволяет нам считать авторство С. С. Колтовского вполне достоверным, а подделанную „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте определить как своеобразное публицистическое произведение, составленное, вероятнее всего, в промежуток между октябрём 1691 года и январём 1692 года и направленное против дальнейшего укрепления абсолютизма.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, Хронологические выписки, стр. 165.

² ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 950, л. 288.

Изучаемое произведение является одним из первых показателей растущего недовольства реакционной части феодалов — светских и духовных. За ним в недалеком времени последовало выступление Авраамия, созрел заговор Цыклера и Соковнина, затем разразилась борьба со сторонниками царевича Алексея. Разыскание в наших архивохранилищах новых публицистических произведений древнерусской литературы должно стать важной и увлекательной задачей советских исследователей — филологов, историков и архивистов.

П. Н. БЕРКОВ

Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков

(„Комедия“, „интермедия“, „диалог“, „игрище“ и др.)

Первые русские комедии, написанные в соответствии с новыми эстетическими требованиями, сложившимися в России в классе феодалов в конце XVII—первой половине XVIII века, были созданы А. П. Сумароковым в 1750 году. С этого времени обычно и рассматривают историю русской комедии.

Однако и термин „комедия“ и произведения в этом жанре и в близких ему разновидностях были известны в России задолго до этой даты.

Вопрос о русской театральной терминологии мало привлекал внимание наших исследователей. Лишь В. Н. Всеволодский-Гернгросс посвятил ему несколько страниц в своей „Истории русского театра“,¹ но к рассмотрению материала исследователь подошел с несколько иной стороны, чем та, которая интересует нас. Автор анализировал термины „игрище“, „комедия“, „потеха“ и пр. с точки зрения родовой, а не видовой или жанровой; эти наименования интересовали его как различные названия разных по характеру „зрелищ“, независимо от обрядово-фольклорного, церковного или светского содержания последних и — главное — вне учета их классового понимания и употребления.

Термин „комедия“ имел в России довольно длительную историю, которая коротко может быть сформулирована как переход от общего родового наименования к частному, видовому, от широкого обозначения зрелищ вообще к специальному жанровому названию. При этом в разных слоях общества в разное время существовало разное понимание данного явления культуры и разное отношение к нему и его месту в общественной жизни.

Если оставить в стороне такие однажды встречающиеся в старорусской письменности выражения, как „москоудство“ (Лука Жидята, XI в.), „слаточъхар“ (XIII в.), „игры скоукольные“ (XIV в.),² имевшие отношение к различным видам зрелищ феодальной Руси домосковского периода и не удержавшиеся в языковом и литературном обиходе последующих столетий, то привычный термин „комедия“ и производные

¹ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, т. I. Л.—М., 1929, стр. 54—56.

² См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, табл. 176; т. III, 1903, табл. 379 и 380.

от него историки театра находят лишь в материалах, относящихся к концу XVI—началу XVII века.

Наиболее раннее упоминание термина „комедия“ (в форме „комедийные действия“¹) имеется, возможно, в документе времени Бориса Годунова, о находке которого сообщали некоторые, не заслуживающие, विशेषतः, особенного доверия газеты в 1908 году.²

Около того же времени слова „комедия“ и „комидийник“ были употреблены на Украине известным публицистом-монахом Иваном Вишенским. В „Послании к старице Домникии“ Иван Вишенский упрекает руководителей львовских братских школ за то, что „трудиться в церкви не хотят; только комедии строят и играют“.³ Еще ранее, в „Писании до всех обще в Лядской земли живущих“ (около 1593 г.), Иван Вишенский с сокрушением и негодованием восклицал: „Вместо зась евангелской проповеди, апостолской науки и святых закона и ограниченья цноты и учтвосты сумненя христианского, ныне поганские учителя, Аристотели, Платоны и другие тым подобные машкарники а комидийники в дворех Христа Бога владеют“.⁴

Сведения о иезуитской школьной драме в Польше и о братской школьной драме на Украине проникли в это время в Москву. „Потешная“ палата, построенная вскоре же после избрания Михаила Федоровича на престол в 1613 году, была отчасти связана с определившимся уже интересом к сценическим зрелищам; возможно, „потехи“,⁵ которые развлекали двор в начале XVII века, представляли соединение акроба-

¹ Слово „действие“ в „Материалах“ И. И. Срезневского отмечено только в значении „действие“ (греч. *ἐνεργεῖα*) (ук. соч., т. I, стлб. 784).

² Заметку о комедийных действиях при Борисе Годунове см. в: 1) газ. „Набат“, 1908, 6 марта, № 188; 2) газ. „Русская речь“, 1908, 7 марта, № 671; 3) перепечатка в „Известиях Археологической комиссии“ (1908, прибавление к вып. 27, стр. 57). В этой заметке мы читаем следующее: „В Путивле, в стенах Молченского монастыря, в его библиотеке, богатой старинными рукописями, найден недавно весьма любопытный документ, имеющий громадное значение для истории театра в России. Оказывается, что общепринятый взгляд, относящий начало первых театральных представлений ко времени царя Алексея Михайловича и приписывающий инициативу их боярину Матвееву, — неверен. Театральные представления, или, как именует их автор найденной рукописи, „комедийные действия“, происходили еще во времена Бориса Годунова в Курске при воеводстве князя Ивана Дьякова. Воевода был весьма просвещенный по тому времени человек и охотно принял в Курске заграничных комедиантов“. Для представлений была отведена особая изба, которая в документе названа „потешной“. Иноземные актеры именуются здесь „комедиантшиками“. Все это вызывает, однако, сомнения. Во-первых, в генеалогической литературе и в „Указателе имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах“ кн. Н. Н. Голицына (СПб., 1912), нет никаких указаний на существование князей Дьяковых, а среди дворян Дьяковых не встречается курский воевода конца XVI века Иван Дьяков; во-вторых, о рукописном собрании Молченского Путивльского монастыря нет никаких сведений в работах И. М. Смирнова „Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ“ (Сергиев Посад, 1916) и С. И. Маслова „Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяно-русской библиографии и палеографии“ (Киев, 1918).

³ Цит. по кн.: В. И. Резанова. Драма українська. Київ, 1926, вип. 1, стр. 13; приведенный текст модернизирован. Ср.: В. Н. Перетц. Старинная украинская литература (XV—XVII вв.). Сб. „Отечество. Сборники национальных литератур“, т. I, Пгр., 1916, стр. 194. Обычно это послание относят к концу XVI века (Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Изд. 2-е, Юрьев, 1912, стр. 258); И. П. Еремин в печатающемся исследовании об Иване Вишенском датирует это послание 1605 годом.

⁴ О. І. Біледький. Хрестоматія давньої української літератури. (Доба феодалізму). Вид. 2-е, Київ, 1952, стр. 107.

⁵ Наиболее раннее употребление слова „потеха“ отмечено И. И. Срезневским в „Хождении за три моря“ Афанасия Никитина (1466—1472) (Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стлб. 1306).

тики с отдельными сценками комического содержания.¹ Во всяком случае, в статейном списке кн. А. Н. Львова-Ярославского о посольстве в Польшу в 1635 году театральное представление на библейскую тему названо было „потехой“.² Через два года русские послы в Польше Степан Проестев и Гаврила Леонтьев видели, как они потом сообщали в своем донесении, „комедию, по-русски потеху“.³

Таким образом, первые сообщения о „комедии“, „комедийных действиях“, „комидийниках“ относились не к жанру „комедии“, а к зрелищам вообще, к „потехам“. Такое понимание термина продержалось очень долго, причем оно преимущественно относится к зрелищам, „потехам“ верхов феодального польского и русского общества.

Однако наряду с таким употреблением слова „комедия“ складывалось и другое, отличавшееся от первого тем, что слово применялось только к собственно театральным представлениям, независимо от осуществляемого в данном спектакле жанра. Поэтому в театре при дворе Алексея Михайловича всякий спектакль назывался „комедией“, а заглавия отдельных пьес включали это обозначение, как, например, „Малая комедия Баязет и Тамерлан“, „Комедия о Навходносре царе, о теле злате и трех отрощех, в печи не сожженных“, „Жалостная комедия об Адаме и Евве“, „Малая прохладная комедия об Иосифе“ и т. д.⁴ Еще настойчивее применялся термин „комедия“ в качестве составной части названий пьес в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны: „Комедия св. Екатерины“, „Комедия Хрисанфа и Дарии“, „Комедия Евдокии мученицы“, „Комедия Петра Златых Ключей“ и т. д.⁵ Любопытно, что здесь заглавия пьес конструируются уже без предлога „о“ или „об“, т. е. термин „комедия“ окончательно приобрел устойчивое содержание.

Если внимательно присмотреться к приведенным выше заглавиям, в особенности ранним, в прилагательных, предшествующих общему родовому обозначению, можно различить некоторые элементы жанровой дифференциации. Так, „малой комедией“ называли пьесу, состоявшую из 3—4 „действ“,⁶ тогда как просто „комедия“ должна была иметь большее число актов (например, „Июдифь“ заключала 7 „действ“, „Комидия притчи о блудном сыне“ — 6 „частей“ и эпилог). „Прохладной комедией“ назывались пьесы с благополучной развязкой, так как слово „прохладный“ означало „приятный, доставляющий удовольствие“; такова „Комедия о Иосифе“, конец которой хотя и утрачен, но библейский сюжет которой, как известно, говорит о торжестве героя предания. Напротив, „жалостная“ или „жалобная комедия“ представляла пьесу с трагическим финалом. Так, в „Предисловии“ к „Жалостной комедии об Адаме и Евве“ автор обращался к зрителям, вернее к царю, со следующей просьбой: „чего ради смиренно молю вашего царского величества о милосердном прощении, да мы ю <беду, которую принес в мир Адам>, яко человецы и о человеческом начале, также и о паде-

¹ Подробные указания соответствующего материала собраны в известных книгах И. Е. Забелина о быте русских царей и русских царяц.

² См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. II. Изд. „Общественная польза“, М., стр. 1219.

³ Там же, стр. 1229.

⁴ См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1. М., 1873, стр. 204, 224, 243 и 270. В последнем случае слова „Малая прохладная комедия“ находятся не в заглавии, а в предисловии.

⁵ См.: И. А. Шляпкии. 1) Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898, стр. 1—40; 2) Старинные действия и комедии петровского времени. Пгр., 1921, стр. II (нумер.).

⁶ Здесь „действо“ означает уже „действие“ как перевод латинского „actus“ (акт).

нии и конечной гибели его <Адама> нечто в малой жалобной комедии, то есть о Адаме и Еве, представим“.¹ Были, повидимому, комедии и целиком веселые. Это можно заключить из предисловия к той же комедии об Адаме и Еве. Автор говорит здесь, что „ныне при потешных радостных комедиях“ он, вспоминая об Адаме, хочет „и единую малую жалобную комедию примешать“.

Из сказанного видно, что при кажущемся жанровом однообразии репертуара последней четверти XVII века авторы, актеры и зрители отчетливо различали в нем несколько видов пьес, по меньшей мере три: „жалостные“, или „жалобные“, „прохладные“ и, наконец, „потешные“, „радостные“.

Однако следует остановиться еще на одной особенности тогдашнего театрального словоупотребления. Уже у Ивана Вишенского встретилось выражение „комедии строят и играют“. В известной инструкции, данной правительством Алексея Михайловича полковнику фан-Стадену при отправлении за границу для найма актеров, указывалось, что ему надлежит законтрактовать разных мастеров, в том числе и таких, „которые б умели всякие комедии строить“.² Через несколько дней после отправления фан-Стадена был дан царский указ „иноземцу магистру Ягану Годфриду“, т. е. пастору Грегори, „учинити камедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь, и для того действия устроить хоромину вновь“.³ Наконец известно, что в библиотеке кн. Вас. Вас. Голицына в конце XVII века имелись „четыре книги письменные о строении комедии“.⁴

Таким образом, перед нами опять несколько выражений, имеющих бесспорное значение терминов.

Первый из терминов — „строить комедию“, „строение комедии“. Из контекста, в котором эти выражения встречаются, можно заключить, что „строить комедию“, „строение комедии“ имело смысл „организация театра“. „Учинить“ же „комедию“ в указе, данном Грегори, значило „организовать спектакль“, „провести режиссуру“ (в таком первоначальном понимании, какое привычно для XVII и XVIII веков),⁵ тогда как „играть комедию“ в основном означало „принимать участие в спектакле в качестве актера“. Наше современное „исполнять пьесу“ выразилось словами „действовать“. Поэтому приведенная выше фраза „на комедии действовать из Библии книгу Есфирь“ означала „на спектакле исполнить в качестве пьесы книгу Есфирь из Библии“. „Действо“ соответствовало нашему теперешнему слову „пьеса“. Поэтому встречались „комедии“ с заглавием, в которое составной частью входило слово „действо“, например: „Артаксерксово действо“, „Темир-Аксаково действо“, „Действо о князе Иефаии Галаатском“, „Действо о десяти девах“, „Действо о страдании святыя мученицы Праскевии“ и т. д. К началу XVIII века слова „комедия“ и „действо“ стали употребляться одинаково в значении „драматическое произведение“, „пьеса“. Так,

¹ См. Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1, стр. 244.

² См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1, стр. VII—VIII; С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, стр. 1.

³ См.: С. К. Богоявленский, ук. соч., стр. 8.

⁴ См.: С. М. Соловьев. История России..., т. II, стр. 1052.

⁵ Может быть, даже „написать пьесу“. См.: Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный. М., 1704, стр. 147 (второй пагинации): „учиняю, зри располагаю или творю“.

сборник Историко-театрального музея им. А. А. Бахрушина, опубликованный в посмертно изданной книге И. А. Шляпкина „Старинные действия и комедии петровского времени“, носит название: „Комедии или действия, от разных историй сочиненны, яже следует ниже“.

Здесь мы подошли к одному очень, на наш взгляд, любопытному моменту. Видя в большинстве пьес хорошо знакомые библейские сюжеты, и зрители, и авторы, и актеры привыкли считать, что „действовать“ значило „представить на сцене“, „представить в виде пьесы“, или, говоря современным языком, „инсценировать“ знакомый сюжет. Иногда такой инсценировке подвергались не церковные (библейские, житийные или иные), а исторические сюжеты из книг, также обычно знакомые более или менее образованному зрителю. Именно на это знакомство с сюжетом намекает одно место в прологе к „Баязету и Тамерлану“, или „Темир-Аксакову действию“. Здесь актеры, обращаясь к царю, говорят: „Падаем до земли к ногам вашего царского величества и милосердия просим, чтобы нас в той комедии про Темир-Аксака не осудили, есть ли мы в чем прибавим или убавим, и просим милосердно выслушать“.¹

Впрочем, уже в первое десятилетие русского театра слова „комедия“ и „действие“ изредка стали одинаково употребляться в значении „инсценировки“. Так, заглавие пьесы Симеона Полоцкого „Комидия притчи о блудном сыне“ должно по существу означать „сценическое представление“, „инсценировка“ притчи о блудном сыне. Еще больше упрочилось подобное понимание термина „комедия“ в начале XVIII века. В составленном в то время „Лексиконе вокабулам новым по алфавиту“ слово „комедия“ объяснено так: „действие, повесть некую в лице лицами представляющее“; причем тут же прибавлено: „игра веселая“.² Тот же смысл имеет и заглавие упомянутого выше сборника Историко-театрального музея им. А. А. Бахрушина.

Может быть, одним из первых авторов, начавших употреблять слово „комедия“ в указанном смысле, был Симеон Полоцкий.

Так, в „Предисловце“ к комедии „О Навходносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных“, автор, изложив кратко содержание библейского рассказа о трех отроках (из книги пророка Даниила), продолжает, обращаясь к царю:

То комидийно мы ходем явити
И аки само дело представи
Светлости твоей и всем предстоящим,
Князем, боляром, верно ти служащим,
Во утеху сердец. Здрави убо зрите,
А нас в милости своей сохраните.

¹ См. Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1, стр. 204.

² См.: Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 147 и 371. Однако в „Лексиконе трехязычном“ Ф. Поликарпова слово „комедия“ поясняется следующими латинскими параллелями: „comedia“, „spectaculum“, „scena“ (стр. 150). Там же приведены слова: „комедийный“ — „comicus“, „scenicus“; „комедийтворец“ — „comicus“; „комедию творю“ — „comediam ago“ („действую комедию“), „facio histrioniam“ („делаю театральное представление“). Таким образом, консервативный по своим тенденциям „Лексикон трехязычный“ Ф. Поликарпова включает как старые значения слова „комедия“, так и новые, тогда как „Лексикон вокабулам новым по алфавиту“ ограничивается только новыми значениями. Следует отметить, что у Ф. Поликарпова слово „действие“ отсутствует (есть „действие“ как отглагольное существительное, с переводом: ἐνέργεια „operatio“, „efficatio“, „efficientia“, „effectatio“).

И далее следует ремарка: „По сем [после произнесения „Предисловца“] да играют“,¹ т. е. „исполняют пьесу“. Таким образом, наречие „комидийно“ должно было означать „театрализованно“, „в форме пьесы“. Совершенно аналогично употреблено Симеоном Полоцким слово „действие“ в „Прологе“ к „Комидии притчи о блудном сыне“. Вообще этот „Пролог“ очень важен в качестве теоретической декларации (едва ли не первой) в русской драматургии. Поэтому с ним нам следует познакомиться обстоятельней.

Благороднии, благочестивии,
 Государие премилостивии!
 Не тако слово в памяти держится,
 Яко же аще что делом явится
 Христову притчу действием проявити
 Зде умыслихом и чином вершите.
 О блуднем сыне вся речь будет наша,
 Аки вещь живу, узрит милость ваша.
 Всю на шесть частей притчу разделихом,
 По всяцей оных нечто примесихом
 Утехи ради, ибо все стужает,
 Еже едино без перемен бывает.
 Извольте убо милость си явити,
 Очеса и слух к действию приклонити:
 Тако бо сладость будет обретенна,
 Не токмо сердцам, но душам спасенна.
 Велию пользу может притча дати,
 Токмо извольте прилежно внимати.²

В этих не во всем понятных современному читателю старинных формулах проводится мысль о преимуществе наглядного („аще что делом“, т. е. в виде действия, „явится“) знакомства с литературным материалом. Это сознание подобного преимущества побудило автора представить здесь в виде пьесы („действием проявити зде“) евангельскую притчу о блудном сыне, последовательно („чином“) излагая ее. Притча разделена, предупреждает автор, на шесть частей, и ко всякой из тех („по всяцей оных“) шести частей „нечто, — говорит автор, — примесихом“. В отличие от „Пролога“ к „Баязету и Тамерлану“, введение прибавлений к основному тексту („примесихом нечто“) в „Комидии притчи о блудном сыне“ теоретически аргументируется: это сделано для удовольствия зрителей, так как все надоедает („стужает“), что остается без перемен. И далее идет самая, пожалуй, интересная часть „Пролога“ — тезис не только о приятном для чувств („не токмо сердцам“), но и полезном для нравственности („но душам“) воздействии пьесы.

Из приведенного выше материала видно, как употреблялись в практике Симеона Полоцкого слова „комидия“, „комидийно“, какое содержание вкладывал этот драматург в устанавливавшиеся термины. В этой связи следует остановиться и на эпилоге комедии „О Навходносоре царе“. Снова обращаясь к царю, Симеон устами актеров благодарит Алексея Михайловича

... о сей благодати,
 Яко изволи действия послушати.
 Светлое око твое созерцаше
 Комидийное сие действие наше...³

¹ Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, Под ред. И. П. Еремина, М.—Л., 1953, стр. 192.

² Там же, стр. 163.

³ Там же, стр. 202.

В театроведческой литературе, насколько мне известно, очень мало внимания уделено роли Симеона Полоцкого в формировании русской театральной терминологии. Так, например, не отмечено, что уже в „Комидии притчи о блудном сыне“ (часть пятая) в одной ремарке употреблено слово „феатр“ в значении „сцена“ (актеры „пойдут за завесу... токмо един слуга на феатре останет...“).¹ Если принять обычную датировку написания „Комидии притчи о блудном сыне“ 1673—1675 годами, то можно с уверенностью сказать, что здесь слово „феатр“ было употреблено за тридцать почти лет до общепринятой и общепризнанной даты якобы первого употребления слова „театр“ в русской литературе: согласно В. Н. Всеволодскому-Гернгроссу, такой датой является 1702 год.²

Впервые употребил Симеон Полоцкий в этой же комедии и термин „интермедия“, правда, еще в латинском написании. В конце первой части „Комидии“ есть ремарка: „И пойдут вси за завесу. Певцы поют, и будет *intermedium*“, причем последнее слово, по указанию издателя, Н. С. Тихонравова, „приписано собственною рукою Полоцкого“.³ В дальнейшем слово „интермедиум“ (в латинском написании) встречается в конце всех последующих частей этой пьесы, за исключением шестой, ремарка которой гласит: „Пение будет, а по нем эпилог“.⁴

В литературе уже обсуждался вопрос о том, как надо понимать термин „*intermedium*“ у Симеона Полоцкого. Н. Ласточкин, автор специальной статьи „Комедия притчи о блудном сыне“, проанализировал указанные ремарки и предположил, что „именно они-то и касались сценария интермедий“.⁵ Однако предположение это явно не убедительно. Не останавливаясь здесь подробно на данных, не позволяющих нам согласиться с точкой зрения Н. Ласточкина, укажем только, что его истолкование стиха „по всяцей оных <шести частей> нечто примесихом“, считаем все же правильным. Таким образом, в „Комидии притчи о блудном сыне“ были какие-то „интермедиумы“, введенные „утехи ради“; очевидно, это были вовсе не связанные с притчей забавные сценки; в противном случае, если бы интермедии развивали сюжет притчи, Симеон Полоцкий не стал бы говорить, что „все стужает, еже едино без перемен бывает“.

Хотя „интермедиумы“ „Комедии притчи о блудном сыне“ до нас не дошли, мы все же можем на основании аналогичных интермедий или интерлюдий, сохранившихся от других пьес XVII и начала XVIII века, судить о характере и существовании этого жанра. В нескольких рукописях не всем понятные латинские названия „интермедия“ и „интерлюдия“ авторы или переписчики передавали своими русскими эквивалентами. Так, в „Русских драматических произведениях“ Н. С. Тихонравова⁶ приведены под одним общим заглавием несколько интермедий, названные здесь „междоречием“ и относимые издателем к концу XVII века.

¹ Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 184. Слово „театр“, или „феатр“, в „Материалах“ Срезневского и в „Лексиконе трехязычном“ Ф. Поликарпова отсутствует.

² В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, т. I, стр. 54.

³ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. I, стр. 303. Тихонравов взял текст „Комидии“ из рукописного „Рифмологiona“ Симеона Полоцкого.

⁴ Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 173, 177, 182 и 187.

⁵ Н. Ласточкин. Комедия притчи о блудном сыне. Сб. „Старинный спектакль в России“, Л., 1928, стр. 129.

⁶ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. I, стр. 400—410.

Несколько ранее Н. С. Тихонравов в издававшихся им „Летописях русской литературы и древности“ поместил семь „пролюдий“ из рукописи, озаглавленной „Интерлюдии, или междувброшенная забавная игралища“.¹ Таким образом, интермедии, интерлюдии и пролюдии как по содержанию, так и по характеру своему представляли посторонний по отношению к основной пьесе материал („междувброшенный“, „междоречие“), притом „забавный“, „для утех“. Следовательно, как жанр чисто комический именно интермедии и интерлюдии, а не ранние серьезные комедии стоят в преддверии новой русской комедии.

Интермедии и интерлюдии, а также и „комедии“, в антрактах которых эти „междоречия“ исполнялись, были тесно связаны со школьным театром, представлявшим, в особенности вначале, главным образом иллюстрации к читавшимся в школах курсам пиитики и богословия. Из последнего по преимуществу брались сюжеты, первая же давала теорию („правила“) различных драматических жанров, допускавших „школьной“ эстетики. Из курсов пиитики, которые достаточно уже известны благодаря работам Н. И. Петрова, П. О. Морозова, В. Н. Перетца, В. И. Резанова и др., явствует, что в основном школьная драма признавала четыре жанра: трагедию, комедию, трагедокомедию и комедотрагедию. Для интермедий и интерлюдий школьная пиитика, насколько можно судить по обнародованному материалу, специальных определений не имела; отсутствует это слово и во всех словарях, упомянутых выше.

„Комедия“ в одной из этих пиитик (1700) определялась (в переводе) так: „Комедия — драматическое стихотворение (poesis), в котором не без веселья и шуток (non sine lepore et facetiis) изображаются гражданские и частные действия, или это стихотворное изображение (expressio) человеческой жизни в лицах, создаваемое для удовольствия и пользы“.² Содержание этого определения сохранялось при всяких изменениях редакций и в других курсах пиитики, как равным образом и формула „не без веселости и шуток“ („non sine lepore et facetiis“, „cum lepore et facetiis“). Характеризуя этот жанр на основании пиитик, В. Н. Перетц указывал, что школьные теоретики, в противоположность трагедии с ее „бедствиями знаменитых мужей“, с ее „великими и благородными деяниями прославленных мужей и героев“, комедию ограничивали изображением „низких и простонародных (plebeas) дел, действий (actiones) маловажных лиц“.³

Несмотря на то, что вообще известно довольно большое количество школьных пьес, „комедий“ и „действ“ конца XVII и начала XVIII века,⁴ среди них нет почти ни одной, подходящей под приведенное выше определение комедии, которое, очевидно, оставалось только теоретическим. Повидимому, специальный характер школьного театра, порожде-

¹ Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. II, отд. II. М., 1859, стр. 37—60. Слово „игралище“ в „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского зарегистрировано в переводном слове Иоанна Златоуста (рукопись XIV в.) в значении „игры“: „На игралищи пребудете до полудне“ (т. I, столб. 1020).

² См. В. Н. Перетц. 1) К истории польского и русского народного театра, I—X. СПб., 1905, стр. 1; 2) Из начального периода жизни русского театра. СПб., 1907, стр. 3—10.

³ В. Н. Перетц. 1) К истории... стр. 1; 2) Из начального периода... стр. 4.

⁴ Перечень этих произведений и литературы о них см. в ст.: В. П. Адрианова-Перетц. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. Сб. „Старинный спектакль в России“, Пгр., 1923, стр. 184—197.

ния феодального уклада русской и украинской жизни XVII—XVIII веков, препятствовал обращению к этому жанру. Лишь позднее, в спектаклях труппы Кунста—Фюрста встречаются комедии, полностью отвечающие приведенным выше определениям школьных пиитки.

Выше было показано, что в начале XVIII века (например, в театре Натальи Алексеевны) как характер репертуара, так и театральная терминология в общем остались без изменений; это и понятно, так как театр и литература отставали от более быстрых изменений в быту высших сословий тогдашнего общества. Впрочем, в одном из официальных документов, перечислявших наличные тексты драматических произведений той поры, находится указание на две „комедии“, приписываемые подьячему Семену Смирнову и озаглавленные „О Тенере, Лизетинном отце, винопродавце“ и „О Тонвуртине, старом шляхтиче, с дочерью“; в подзаголовках „комедии“ эти названы „перечневыми“ и „шутовскими“.¹ Эти определения в театроведческой литературе некоторые авторы представляют как новый шаг в развитии русской театральной терминологии. Однако это неверно.

Прилагательное „шутовская“ не требует никаких особых разъяснений: очевидно, оно означает наличие в комедии фигуры шута, а также общий комический характер пьесы. Сложнее обстоит с термином „перечневая“. В научной литературе установилось мнение, что „перечневыми“ комедии эти названы потому, что они состояли не из текста, а из сценария, „перечня“ пьесы, которая, таким образом, была якобы импровизованной, вроде итальянской „комедии масок“. В защиту такого толкования термина говорит то обстоятельство, что позднее, в царствование Анны Иоанновны, в 1730-х годах, сценарии итальянских импровизированных комедий носили название „перечней“, а сами комедии назывались „перечневыми“. Но правильно ли на основании поздних терминов делать заключение о содержании терминов более раннего времени? Можно ли, не имея никаких доказательств того, что в России в конце XVII—начале XVIII века, были такие прекрасно сыгравшиеся труппы, которые могли проводить импровизованные спектакли, — можно ли предположить, что сценарии, находившиеся у Семена Смирнова, писались „вообще“, а не для конкретного исполнения? Не проще ли понять слова „перечневая комедия“ как указание на то, что среди текстов пьес, перечисленных в известном документе, находились и „перечни“ „комедий“, а не самые „комедии“.

„Лексикон трезязычный“ Ф. Поликарпова слово „перечень“ переводит греческим и латинским словом „synopsis“ („обозрение“, „обзор“) и еще латинским „compendium“ („сокращение“); кроме того, там приведено выражение „перечнем перечневаго“ с добавлением „зри сокра-

¹ Список пьес, в котором указаны „перечневые“ и „шутовские“ комедии „О Тенере, Лизеттине отце, винопродавце“ и „О Тонвуртине, старом шляхтиче, с дочерью“, напечатан в кн.: П. О. Морозов. История русского театра. СПб., 1889, стр. 264, примеч. 1. Однако текст у Морозова воспроизведен неточно. В строке 10 должно быть „у Семена Смирнова“, а не „Семена Смирнова“, как напечатано у Морозова. Документ этот находится в настоящее время в ЦГАДА (Москва), в фонде Посольского приказа в „Комедиантских делах“ (ф. 114, дело № 31). Из слов „у Семена Смирнова“ можно заключить только, что перечисленные две „шутовские комедии“ находились у Семена Смирнова, бывшего в это время уже не актером, а подьячим Посольского приказа (П. О. Морозов, ук. соч., стр. 228, примеч. 1); делать из этого вывод, что Смирнов был автором, кажется мне, нет оснований. Во-первых, обе комедии идут под №№ 9 и 10 в списке переведенных комедий; во-вторых, то обстоятельство, что обе комедии были изготовлены в трех экземплярах, говорит скорее о том, что у Смирнова они были именно в переписке и, вероятно, как не сверенные еще не возвращены в Посольский приказ.

ценне".¹ Таким образом, не остается сомнений в том, что „перечневой комедией“ в то время называлось не что иное, как сокращенное изложение, либретто, программа пьесы.

Программы, либретто спектаклей были известны с конца XVII, а скорее с начала XVIII века. Так, например, в „Древней российской вивлиофике“ Н. И. Новикова были перепечатаны наряду с текстами некоторых пьес XVII—начала XVIII века также и программы других тогдашних „комедий“; ряд таких программ („Действо о святой мученице Евдокии“ и „Свобождение Ливонии и Ингерменландии“ и пр.) воспроизведен у Н. С. Тихонравова в „Русских драматических произведениях“.² А в статье о трагедокомедии Феофана Прокоповича „Владимир“ Н. С. Тихонравов указывал: „Программы были писанные, иногда же печатались... Конечно, эти программы, назначавшиеся для небольшого кружка зрителей школьных драм, печатались в самом незначительном количестве экземпляров. Этим объясняется необыкновенная редкость программ Московской славяно-греко-латинской академии“.³ Таким образом, выражение „перечневая комедия“ правильное, на мой взгляд, толковать не как новый жанровый термин, а как простое обозначение того, что позднее превратилось в театральные программы и афиши.

В самом начале XVIII века в русской театральной терминологии появилось наименование „диалог“. Так, Стефан Яворский, бывший в то время протектором Славяно-греко-латинской академии (с 1700 г.) доводил до сведения графа Ф. А. Головина, что „в Московской академии уготовляются диалоги“.⁴ Повидимому, это письмо относится к 1701 году, так как не позднее 14 ноября 1701 года уже была поставлена „Комедия Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным в евангельском пирулюбце и Лазаре изображенная“.⁵ 4 февраля 1702 года была „действием явлена“ „Комедия Страшное изображение второго пришествия Господня на землю“, а 29 июня того же года „Комедия Царство мира, идолослужением прежде разоренное“. Таким образом, слова в письме Стефана Яворского „уготовляются диалоги“ надо понимать как „подготавливаются спектакли“.

Нельзя считать, что употребление термина „диалог“ в значении „спектакль“ или „пьеса“ было только фактом индивидуального слово-

¹ Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный, стр. 4 об. (второй пагинации).

² Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. I, стр. 419—428; т. II, стр. 3—33, 345—355 и 428—439.

³ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, М., 1898, Примечания, стр. 19, примеч. 18. В подготавливаемом Т. А. Быковой и М. М. Гуревичем „Описании книг кирилловской печати светского содержания 1689—1725 гг.“ учтены все известные „перечни“ пьес.

⁴ Письмо Стефана, митрополита Рязанского, к Головину о диалогах в Московской славяно-греко-латинской академии. ЧОИДР, 1892, IV, отд. Смесь, стр. 27.

⁵ Вопрос о датировке этого спектакля запутан: Н. С. Тихонравов считал, что „Комедия“ была написана в ноябре 1701 года, а играна, очевидно, на масленице 1702 года. Этой же точки зрения придерживался И. А. Шляпкин (см. его предисловие к изданию „Ужасной измены“: СПб., 1882, стр. III—IV, примеч.). Предположение это основано на толковании выражения „запустные пирования“, встречающемся в тексте программы спектакля, как „масленичные пирования“. Слово „запустный“ отсутствует у И. И. Срезневского, Ф. Поликарпова, В. Даля, Г. Дьяченко (Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), М., 1899) и др. У Срезневского есть слово „запуск“ в значении „заговенье“, с примером „на Филипови запуски“ („Материалы...“, т. I, стлб. 941). „Филипов пост“, „Филиповки“ — рождественский пост; канун его, „филипово заговенье“, — 14 ноября (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, т. IV, стлб. 1140). Таким образом, пьеса была играна в ноябре 1701 года, а не на масленице следующего года, когда шла уже другая „комедия“.

употребления Стефана Яворского. В ряде рукописных драматических произведений, относящихся к школьному театру Славяно-греко-латинской академии первой четверти XVIII века, термин „диалог“ встречается не один раз.¹ В особенности вошел термин „диалог“ в употребление в начале 1720-х годов („Диалог Слава Российская“, „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“ и др.).² Такое значение этого термина держалось довольно долго, и не только в практике школьной драмы („Диалог в Тферской семинарии бывший июля 8 дня (1745 г.)“³), но и в светском театре 1780-х годов.⁴ Лишь в конце XVIII века слово „диалог“ приобретает наше современное значение.⁵

С конца второго десятилетия XVIII века в Петербурге и Москве начинают гастролировать иноземные труппы (1719—1727 годы с перерывами — труппа Экенберга—Манна; 1728—1729 годы — французская ярмарочная труппа, и т. д.). В постановках этих трупп русский зритель знакомился с более новым для него репертуаром. Одновременно распространялось, в особенности в образованных кругах, знакомство с европейской драматургией с помощью литературы. В статье В. Н. Перетца „Из начального периода жизни русского театра“⁶ приведен ряд театрально-теоретических материалов из рукописных и печатных источников первой половины XVIII века. Часть из них заимствована из латинских школьных пиитик, которые, как признает сам автор, „имели далеко не широкий круг распространения, ограничиваясь стенами школы“, а язык их „был доступен немногочисленным представителям интеллигенции, прошедшей школьную премудрость“; поэтому данные материалы, помогая уяснению характера „школьной“ драмы, почти ничего не дают для понимания дальнейшего развития русского театра. Другая часть материалов, приведенных в названной статье В. Н. Перетца, взята из книги „О изобретателях вещей“ Полидора Виргилия и из „Примечаний к Ведомостям“, приложения к „Санкт-Петербургским ведомостям“, печатавшимся Петербургской Академией Наук наряду с немецким изданием той же газеты. Анализируя статьи из „Примечаний“, В. Н. Перетц правильно предположил, что они — переводные, но не знал, очевидно, что оригиналы этих статей писались петербургскими академиком, например, Ф. Г. Штрубе-де-Пирмоном, Я. Штелином и, вероятно, адъюнктом Крамером,⁷ и печатались в немецком издании „Санкт-Петербургских ведомостей“.

Нельзя, конечно, отрицать, что все эти материалы, в особенности статьи в „Примечаниях“, пользовавшихся и в годы своего издания и много позднее большой популярностью, влияли на формирование дра-

¹ См.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913, стр. 19—23. Возможно, что опубликованный здесь „диалог“ относится к 1701—1702 годам, когда шел вопрос об обучении царевича Алексея.

² См.: Труды ОДРА, т. X, 1954, стр. 389 и сл.

³ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории театра в Твери в XVIII веке. Сб. „Старинный театр в России“, Пгр., 1923, стр. 109.

⁴ См.: А. О. Аблесимов. Диалог Странники, на открытие Нового Петровского театра (1780). М., 1780.

⁵ См.: Кн. П. И. Ш[аликов]. Столетие Ла-Фонтена. Диалог. Сб. „Ипокрена, или утехы любословия“, ч. II, 1799, стр. 295—297. Слово „диалог“ в современном значении впервые зарегистрировано в „Новом словотокователе“ Н. М. Яновского (ч. I, СПб., 1803); ср.: Словарь современного русского литературного языка, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, столб. 773.

⁶ Изв. ОРЯС, 1907, кн. 3, стр. 181—225; отд. оттиск: СПб., 1907, 45 стр.

⁷ См.: П. П. Пекарский. История Академии Наук, т. II. СПб., 1872, стр. 555; Материалы для истории Академии Наук, т. VI. СПб., 1896, стр. 493.

матической эстетики тогдашнего, прежде всего дворянского, зрителя (лица других классов общества в придворный театр не допускались). Однако, хотя материал проанализированных В. Н. Перетцем статей не отражал состояния русского театра тех лет, излагая положение вещей в театре античном и европейском, русские переводы этих статей чрезвычайно интересны со стороны передачи театральной терминологии средствами русского языка. И здесь встречаются знакомые термины: „действие“, „комедия, или увеселительная игра“, „интермедия“ и т. д. Комедия и трагедия называются „позорищными играми“, так как „позорищный“ в конце XVII и начале XVIII века означало „театральный“ и „сценический“. Так, „Лексикон трехязычный“ Ф. Поликарпова слово „позорище“ переводит на греческий язык через *θέατρον, θεαρητήριον* („театр, зрелище“), а на латинский через „*locus spectandis ludis*“ („место для смотрения игр“), „*spectaculum*“ („зрелище, спектакль“); „позорищный“ — через *θεατός, θεαρητός* („зрелищный“) и „*spectabilis*“ (то же самое).¹ В статье, помещенной в №№ 85 и 86 „Примечаний к Ведомостям“ 1739 года, уже встречается выражение „театральные действия“.

Новым в этой статье по сравнению с ранней терминологией являются названия „опера“, „пантомима“. Впрочем, некоторые из них были употреблены русскими писателями и ранее, хотя в печати произведения, где упоминались эти термины, появились уже после данной статьи.

Гораздо больший интерес, чем переводные статьи, рассмотренные В. Н. Перетцем, представляют некоторые непривлекавшиеся до сих пор материалы конца 1720-х годов и следующих десятилетий. Так, в русских афишах и газетных объявлениях французской ярмарочной труппы 1728—1729 годов встречаются термины „позорище“, „комедиантский театр“ (во французском оригинале — „театр комедии“) и т. д. Но это пока еще только приурочивание старых названий к новым, отчасти, понятиям.

В 1731 году был издан Академией Наук первый ее лексикографический труд — „Немецко-латинский и русский лексикон“, так называемый „Вейсманов лексикон“. Здесь мы встречаем следующие материалы, относящиеся к нашей теме:

„Comödie, comoedia, комедия; живоличное повести, или басни изображение; позорище, игральце.“

Eine Comödie halten, agiren, agere comoediam, комедию, игральце отправляти.

In die Comödie gehen, spectatum ludos ire, в комедию, на игральце поити; поити комедии смотрети.

Comödie sehen, perspectare ludos, смотрети комедии.

Comödienschreiber, comicus, poeta, писатель, слагатель комедии.

Comödienhauß, chorum, дом, где комедии отправляются.

Comödiant, histrio, mimus, комедиант; шуткотворец; забавник.

Einem Comödianten abgeben, agere histrionicam, в комедианство вдаться, в комедиантских действиях упражняться.

Comödiantisch, histricus, комедиантский, комедиантски.

Comödianterey, histrionica, действо комедианское.

¹ Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный, стр. 17 об. (второй пагинации). Слово „позорище“ в значении „зрелище, представление“ зафиксировано у И. И. Срезневского начиная с XI века, но главным образом в переводных памятниках („Материалы. . .“, ч. II, стлб. 1090). Оно держалось в литературном языке до конца XVIII века (см. также у А. Н. Радищева в „Дневнике одной недели“).

Comödiantenmeister, oder Printz, histricus princeps, начальник комедианский, главный в комедии.

Comödien-Geld, lucar, платежи за смотрение комедии“ (стр. 121—122).

Schauer, Zuschauer, spectator, смотритель, зритель.

Schau-Bühne, -Platz, theatrum, феатр, позорище, позорищное место; wo das Volck steht, cavea, то место, с которого люди комедию или протчих игр смотрят; der Sitz für die vornehmste Zuschauer, orchestra, первое место к смотрению знатнейшими особами; wo die Comödianten herfürtetet, scena, сцена, проход, место на феатре, где комедианты выходят.

Schau-Spiel, ludi, позорищное играние, деяние; ein lustiges, comœdia, веселое играние, комедия; ein trauriges, tragoedia, печальное играние, трагедия; halten, anstellen, repraesentare spectaculum, appargare ludos, сочиняти, представляти, играти комедию; zum Schauspiel gehörig, theatralis, theatricus, феатрический, комедиантский, до комедии касающийся, принадлежащий, приличные; Schauspieler scenicus, histricus, комедиант, кощун; der Printz darunter, imperator histricus, начальник комедианский, управитель в комедии; die Kunst Comödien zu spielen, studium histrionale, ars histrionica, искусство комедическое, комедианское, кощунское; Schauspiel-Geld, -bey den Comödien, lucar, плата, заплата за смотрение комедии“ (стр. 531).

Из этого большого перечня явствует, что к началу 1730-х годов еще не окончательно установилась в отдельных случаях театральная терминология и что наряду с привычными словами существовали такие устарелые, как „кощун“ в значении „актер“. Впрочем, и у Поликарпова слово „кощунник“ встречается с переводом „scurra, sannio, jocator“ („шутник, балагур, скоморох, забавник“).¹

Однако следует иметь в виду, что при передаче иностранных слов лексикографы часто, в особенности в ранние периоды истории языка, создавали искусственные эквиваленты, не имевшие еще широкого обращения в литературе и в бытовом обиходе. Возможно, кое-что подобное есть и в „Вейсмановом лексиконе“.

Значительно интереснее поэтому пояснение слова „комедия“ в одном из „примечаний“ к переводу „Разговоров о множестве миров“ Фонтенелля, сделанном Антиохом Кантемиром в 1730 году (издан в 1740 г.). Здесь сатирик, в связи с упоминанием в тексте Фонтенелля комедии Мольера, пишет: „Молиер был славный писатель французских комедий в царство Лудовика XIV“. „Комедия, — поясняет Кантемир далее, — есть живое изображение какого простого и смешного действия к исправлению нравов и к увеселению зрителей“.² Близкое к уже известным нам школьно-педагогическим определениям комедии, только что цитированное примечание свидетельствует о жанровом, а не родовом понимании термина. Но среди других примечаний Кантемира к тому же переводу встречается материал, который, на первый взгляд, говорит о старом „родовом“ понимании термина „комедия“. Здесь имеется в виду определение „оперы“, которую сатирик характеризует как „живое изобра-

¹ Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный, стр. 154 об. (первой пагинации). Слово „актер“ впервые зафиксировано в „Словаре на шести языках“ Г. Полетики (СПб., 1763, стр. 230). В „Словаре современного русского языка“ Академии Наук (т. I, М.—Л., 1948, стлб. 83) указывается как первая фиксация слова „актер“ „Словарь“ И. Нордстета (1780).

² А. Д. Кантемир, Сочинения, т. II, СПб., 1868, стр. 402.

жение какого важного действия“ и тут же, как бы противореча себе, прибавляет: „тем только разнит с комедиею, что на комедии изображатели просто говорят, а на опере говорят поючи“.¹ Противоречие это объясняется тем, что определение понятия „опера“ Кантемир взял из литературы; в то же время различие между оперой и комедией он пояснил читателям на знакомом им материале: в русской театральной жизни 1730 года злободневной новинкой были оперы-буфф, ставившиеся итальянской труппой саксонского короля, присланной на коронацию императрицы Анны Иоанновны. За этим же исключением, у Кантемира мы встречаем твердое употребление слова „комедия“ в жанровом значении.

Интересны другие определения Кантемира, находящиеся среди примечаний к „Разговорам“ Фонтенелля. Так, „феатр“ у Кантемира означает сцену: „то место, где комедианты стоя изображают действо свое — (полбк) позорище“; в определении „украшений“ мы встречаем слово „повесть“, которое должно означать „фабулу“, „сюжет“ пьесы („Украшения. Чужестранным словом декорации называется все то, что в опере и в комедиях служит для украшения феатра, чрез которое зрителям место представляется, каково повесть требует, то есть иногда полем, иногда городом, морем и проч.“).²

Опуская примечание, посвященное „машинам театральным“, остановимся на пояснении к слову „партер“, которое Кантемир истолковывает так: „Партер. Палата та, где играют оперы, разделена на три части. Вошедши дверьми к передней стене, сделан феатр, или место, на котором изображители представляют свои действия; около прочих трех стен кругом сделаны в несколько рядов чуланчики маленькие, из которых смотрят оперу знатнейшие особы (а знатнейшие на опере бывают те, которые больше денег заплатят). Порожнее место меж феатром и чуланчиками называется партер, и там-то весь народ собирается“.³

Примечания Кантемира свидетельствуют о переходе „ранней“, средневекового типа комедии к „новой“ русской комедии, а также о постепенном установлении театральной терминологии. В этой связи интересны попытки Кантемира ввести некоторые, не привившиеся, впрочем, замены иностранных театральных терминов русскими. Одни из них, на наш взгляд, довольно удачны. Таково, например, мелькнувшее дважды в приведенных выше выдержках слово „изобразатель“ вместо „комедиант“, „актер“. Менее удачно слово „артель комедиантов“⁴ вместо „труппа“. Таким образом, материалы Кантемира говорят о значительном сдвиге в интересующей нас области, свидетельствуют о том, что театральная терминология XVII века продолжает жить в литературном и бытовом употреблении, приобретая при этом большую точность и близость к нашей современной.

К 1730-м годам относятся еще некоторые документы, насколько мне известно, не привлекавшиеся исследователями в этой связи и свидетельствующие о продолжавшемся творчестве в театральной области.

Для истории русской театральной терминологии эпохи „ранней“ комедии имеет большое значение опубликованная В. Н. Перетцем пьеса, озаглавленная „Акт комедиальный о Калеандре, цесаревиче греческом,

¹ Там же, стр. 403.

² Там же. „Словарь современного русского литературного языка“ указывает, что слово „декорация“ впервые зафиксировано в „Новом словотолкователе“ Н. Яновского (1803) (см.: т. III, М.—Л., 1954, стлб. 565).

³ Там же, стр. 403—404.

⁴ Там же, стр. 370.

и о мужественной Неонильде, десаревне трапезонской, скомпанованный в Москве 1731 году в 16 день¹. В основу издания положен режиссерский экземпляр, обильный ремарками, позволяющими довольно подробно восстановить характер актерской игры. Здесь мы находим ряд терминов, ранее не встречавшихся, как, например, „аргументум“, означающий „мизансцену“ (стр. 1, 3, 7 и т. д., примечания); „медератор“ (стр. 128, 134 и 383), „мидиратор“ (стр. 259), „модератор“ (стр. 265), соответствующие нашему „режиссеру-суфлеру“;² „театр“ — в строгом значении „сцена“; рядом со словом „театр“, употребляемом в этом значении, в тексте пьесы находятся выражения „сценическое действие“ (стр. 128) и „сценическое изображение“. Сама трехактная пьеса была столь обширной (текст ее занимает свыше 375 печатных страниц), что каждый раз представление состояло из одного только действия, и поэтому эпилог каждого акта кончался словами „модератора“, приглашавшего „смотрителей“, „слушателей“ и „спектаторов“ прийти завтра „для зренья“ следующего действия (в „эпилоге“ третьего акта „медератор“ обращался к зрителям: „а на завтрашний день первого действия для смотрения просим“, стр. 383).

В помещенной в том же сборнике пьесе Исаакия Хмарного „Драма о Езекии, царе Израильском“ (1728) встречаются выражения „игральный, паче же обученный театр действия“ (стр. 453), „спектамен“, (т. е. „зрелище“, „спектакль“) (там же) и др.

Термины „аргумент“, „сценический“ и другие встречаются и в других „комедиях“ этого времени (например, в опубликованном Г. П. Георгиевским „Действии об Эсфири“, 1722—1724). Все эти пьесы либо являются частью репертуара школьного театра, либо восходят к нему и, вероятно, из него взяли и терминологию.

С конца 1720-х и начала 1730-х годов, как уже было указано выше, в Петербурге и Москве гастролируют одна за другой, а иногда и одновременно западные труппы; спектакли некоторых из них были доступны и непридворным зрителям. Таковы, например, гастроли голландской труппы 1738 года и немецкой комедии 1740-х—1750-х годов. В спектаклях этой последней антрепризы обыкновенно находились две обязательные части: разыгрывавшаяся куклами пьеса из репертуара старого немецкого театра, так называемая „Haupt- und Staats-Action“ („главное и государственное действие“), и „Nach-Spiel“ или „Nach-Comödie“, исполнявшаяся актерами, „живыми персонами“. Эти названия изредка встречались и в русских источниках того времени, например в газетных объявлениях. Поэтому не бесполезно отметить, что „главным и государственным действием“ первая пьеса спектакля называлась по следующим соображениям: она была более длительной и составляла основную часть спектакля, отсюда и происходило наименование „Haupt-Action“ („главное действие“) противоположавшееся „Nach-Spiel“ или „Nach-Comödie“, исполнявшимся „после“, в дополнение. „Staats-Action“ — так пьеса называлась по своему содержанию, ибо героями ее были владетельные особы и сюжетом ее были события государственной жизни, исторические или вымышленные.

Почти аналогичное положение было в спектаклях французской труппы Сериньи, игравшей в России с 1744 по 1757 год. Эта труппа

¹ В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра. СПб., 1903, стр. 1—387. Название этого сборника не вполне правильное. Из четырех пьес, включенных в книгу, одна датирована 1731 годом, в другой упоминается Петр II; две остальные не содержат данных для датировки.

² „Модератор“ взято с латинского: „moderator“ — „управляющий“.

ставила либо трагедию с одноактной комедией в дополнение, либо большую комедию в пять или три действия, опять-таки с маленькой комедией в дополнение. Такая „малая комедия“ называлась иногда в русских источниках „пети-пьес“ („petit pièce“). В „Российском театре“ с самого начала его публичной деятельности, с 1757 года, установился порядок, при котором в каждом спектакле шла трагедия и затем „малая комедия“. Это обозначение встречается уже в первых афишах „Российского театра“, от 5 и 8 февраля 1757 года, несколько лет назад обнаруженных Д. Д. Шамраем в архиве Академии Наук. Однако термин „малая комедия“ встречается ранее — в неопубликованной, правда, в свое время части трактата Тредиаковского „Рассуждение о комедии вообще и в особенности“ (1752). „Обыкновенно трагедия препровождена бывает некоторым родом служанки, называемыя малая комедия, какие явились и на нашем языке прозою, — пишет Тредиаковский, намекая на комедии Сумарокова „Тресотиниус“, „Чудовищи“ и др., — а чтоб сказать о них по совести, больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие“.¹

Незадолго до выступления Сумарокова в качестве драматурга (трагедия „Хорев“, 1747; комедия „Тресотиниус“, 1750) и теоретика литературы („Епистола о стихотворстве“, 1748) в Академии Наук был напечатан „Христофора Целлария Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом для употребления Санктпетербургской гимназии“ с „Реестром российских слов из Краткого Целлариева лексикона выбранным и по алфавиту расположенным“ (СПб., 1746, 404 и 154 стр.).²

Здесь мы встречаем слова „комедия“, „комедиант“, „комический“, „комедиантский“, „по-комедиантски“, „по-комически“ (стр. 394; стр. 142, 294), „сцена“ (стр. 294), „театральное представление“ (стр. 319), „театр“, „театральный“ (стр. 403). Наряду с этими словами встречаются и „позорище“ в значении „пьесы“ (стр. 176) и в значении „театр“ (стр. 403).

Таким образом, ко времени появления первых комедий Сумарокова окончательно устанавливается в русской театральной практике жанровое употребление слова „комедия“ как произведения с забавным, смешным сюжетом и обязательной благополучной развязкой.

В начале 1770-х годов в литературно-театральный обиход вводится новый термин — „слезная комедия“, позднее заменяющийся равнозначными терминами: „слезная драма“, „мещанская трагедия“, „гражданская трагедия“ и т. п. В последней четверти XVIII века термин „драма“ очень часто заменяет термин „комедия“ и заменяется им. Так, например, около 1766 года появляется принадлежащий Б. Е. Ельчанинову перевод пьесы Д. Дидро „Побочный сын“ с подзаголовком „комедия“.³ Эта же самая пьеса была переведена и издана в 1788 году И. Яковлевым с подзаголовком „драма“. Во вступительной статье,

¹ См.: Л. Б. Модзалевский. „Евнух“ В. К. Тредиаковского. Сб. „XVIII век“, Л., 1935, стр. 312.

² Перевод „Краткого лексикона“ Целлария с латинского был сделан академическим переводчиком И. Ю. Ильинским (Материалы для истории Академии Наук, т. V, стр. 777); „Реестр“ составил А. И. Богданов (см.: П. П. Пекарский. История императорской Академии Наук в Петербурге, ч. II. СПб., 1873, стр. 199). О „Лексиконе“ Целлария см.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 358; здесь ни переводчик, ни составитель реестра не указаны.

³ См.: П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 139 и 155.

озаглавленной „Переводчик к читателю“, находятся в высшей степени интересные для истории вопроса данные, показывающие, что „драма“, „гражданская трагедия“ рассматривалась как жанр более демократический, чем „высокая трагедия“. Вот, что читаем мы в этом предисловии:

„Главное намерение моего автора при сочинении сей драмы состояло в том, чтобы сделать ее образцом гражданской трагедии и ввести во вкус и в употребление оные. Намерение самое похвальное! Неужели несчастья одних токмо знатных людей, героев, завоевателей империй или разорителей многих народов заслуживают общую чувствительность; а участь прочих добрых людей нашего внимания не достойна и никаких впечатлений в нас произвести не может? Предрассуждение управляет нравами! Но не должно ли, чтобы разум когда-нибудь хотя слегка просвещал оные!“¹

Кроме перечисленных терминов, появляются в последней четверти XVIII века еще термины „драмма с голосами“² и „лирическая комедия“³, означающие то же самое, что и „комическая опера“.

Мы рассмотрели почти все основные виды названий „комедии“, употреблявшиеся в раннем и отчасти новом периоде истории русского театра. Все эти термины, как видно было из изложенного материала, относились преимущественно к театру господствовавших классов России XVII и XVIII веков; понимание их, определения, встречавшиеся в некоторых источниках, отражали именно эстетику этих господствующих слоев общества.

Одно только наименование осталось нами не рассмотрено — зафиксированный в документах конца 1740-х—начала 1750-х годов термин „русская комедия“, „российская комедия“.

Одно из наиболее ранних упоминаний этого термина встречается в просьбах „комедиантов“ о разрешении им „играть комедии“. В Москве с 1749 по 1768 год было подано в Главную полицеймейстерскую канцелярию не менее восьми „доношений“ от разных лиц демократического происхождения (служителей, канцеляристов, студентов Славяно-греко-латинской академии, копистов и т. д.) с просьбой разрешить им „содержать российскую комедию“, „играть русскую комедию“, „производить русские гисторические каммеди“ и т. д.⁴ В несомненной связи с этими „русскими“ и „российскими комедиями“ стоит законодательный документ — именной указ, объявленный петербургским генерал-полицеймейстером А. Д. Татищевым 21 декабря 1750 года, в котором разрешалось в частных домах устройство вечеринок с представлением „русских комедий“⁵.

Что представляла собой „русская“ или „российская комедия“? Никаких определений этого жанра в литературе того времени мы не имеем.

¹ Д. Дидро. Побочный сын, или испытание добродетели. Драма. Перев. И. Я. СПб., 1788, стр. VII—VIII.

² Н. П. Николаев. Розана и Любим. Драмма с голосами. М., 1781.

³ И. Ф. Богданович. Радость Душеньки. Лирическая комедия, последуемая балетом. СПб., 1786.

⁴ См.: И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год, М., 1891, стр. 558—564. В „Санкт-Петербургских ведомостях“ (1747, 1 мая, № 37, стр. 296) было напечатано первое русское театральное объявление о том, что „санктпетербургский купец Иван Лукин намерен играть комедию“, с указанием места и дней спектаклей. Здесь термина „русская комедия“ еще нет.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи, собрание 1, т. XII, № 9824; С. С. Данилов. Материалы для истории русского законодательства о театре. Сб. „О театре“, Л.—М., 1940, стр. 184.

Однако наличие в некоторых „доношениях“ перечней пьес, которые предполагали ставить организаторы „российской комедии“, позволяет судить о том, что представляла эта разновидность комедии. В одних случаях перед нами явное продолжение традиций школьной драмы (например, „Аполлонский арт (акт?)“ и „Эсфорский арт“, упомянутые в доношении служителя Кондратия Байкулова,¹ стоят в связи с такими „действиями“, как „Дафнис, гонением любовного Аполлона в древо-лявровое превращенная“²); в других — мы имеем дело с пьесами типа „Акта о Калеандре, цесаревиче греческом, и о мужественной Неонильде, цесаревне трапезонской“, — таковы акты „о храбром Неаполитанския земли герцоге Фридрихе“, „О Кире, царе перском, и о скифской царице Томире“, „О Леандре и Лювизе“ и „О Ипполите и Жулии“.³

Таким образом, „русская“ или „российская комедия“ в том виде, как рисуют ее нам официальные источники, представляет на первый взгляд продолжение „ранней“ комедии. Но можно, однако, с уверенностью предположить, что этим репертуаром не исчерпывалась „русская комедия“. В ней были, очевидно, и собственно комические, даже сатирические пьесы. На эту мысль наводят следующие обстоятельства. Цитированный указ от 21 декабря 1750 года запрещает при устройстве „русских комедий“ наряжаться в монашеское („чернеческое“) и „прочее, касающееся до духовных персон платье“. В резолюции Главной московской полиции на „доношение“ канцеляристов В. Хилковского и И. Глушкова о разрешении им „играть российскую камедь“ было записано 13 декабря 1749 года, что позволение будет дано, „ежели оные акты (перечисленные нами выше, — П. Б.) не противные и не богомерзкой игры“. В инструкциях, данных полицейским чинам в связи с разрешением московской полицией разным лицам в 1757—1758 годах „играть российские комедии“, предлагалось „смотреть накрепко, дабы богопротивных игр не происходило“, „чтобы в той камеди богомерзких и прочих неприличных игр не было“.⁴ Все это говорит о том, что запрещения касались каких-то „игр“ антицерковного и иного „непристойного“ характера, возможно, антибюрократического, антидворянского. Иначе слова „смотреть накрепко“ не имели смысла.

Обращает на себя внимание то, что в только что цитированных инструкциях запрещаемые пьесы или части их носят название „игр“. С этим термином мы уже несколько раз, — в разном, правда, виде, — встречались.⁵ Так, определение „комедии“ в „Лексиконе вокабулам новым“ кончалось пояснением — „игра веселая“. Интерлюдии в рукописи, с которой Н. С. Тихонравов перепечатал их во II томе своих „Летописей“, были названы „междувброшенная забавная игралища“.

¹ И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 559. Этимология слова „арт“ не ясна, может быть, от латинского „ars, artis“ — „искусство“. Возможно, однако, и такое осмысление: термин „интермедия“ превратился в народном русском театре в „артемедия“ (см.: В. И. Лукин и Б. Е. Ельчанинов, Сочинения и переводы, СПб., 1868, стр. 187); а отсюда произошло и изменение слова „акт“ в „арт“ как пьесы большего размера, чем „артемедия“.

² См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. II, стр. 440—484; П. О. Морозов. История русского театра, стр. 289—294.

³ См.: И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 560. Одна из пьес этого репертуара („О Кире, царе перском, и о скифской царице Томире“) сохранилась. Она перепечатана в приложении к „Истории русского театра“ П. Морозова (стр. XXI—XXIX).

⁴ И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 560, 562—564.

⁵ В „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского слово „игра“ отмечено по переводному памятнику конца XII—начала XIII века в значении „scenicos ludos“ — „театральных игр“ (ч. I, стр. 1019).

В упоминавшейся выше „Епистоле о стихотворстве“ А. П. Сума-рокова находится термин „игрище“:

Для знающих людей ты игрищ не пиши.

Следует иметь в виду, что второй стих, поясняющий мысль Сума-рокова, звучит так:

Смешить без разума — дар подлая души.

Иными словами, „игрища“ — это смешные пьесы черни, „подлого народа“. Я. Штелин в статье „К истории театра в России“ писал о том, что придворные конюхи на масленице и святках разыгрывали „жалкие комедии“, „игрищи“ („комедии“, поясняет он) и сравнивает их с французскими „sottises (!) théâtrales“, с грубыми фарсами.¹ Наконец, с названием „игрище“ и „игралище“ в применении к народному репертуару XVIII века мы встречаемся в „Описании столичного города Санкт-Петербурга“ акад. И. Георги, изданном в 1794 году в переводе П. Безака (немецкий текст вышел в свет в 1790 году). „Игралища, — пишет Георги, — уже с древних времен были увеселением российского народа... Общества молодых мужчин, слуги и другие представляют наиувеселительнейшим образом в приторных одеяниях всякие комические и трагические важные деяния, басни, сказки, чудеса, кощунства и пр. Каждое представление не продолжается более получаса, а потому и бывает оных в день до 30 и более“. Отметив, что на „игралищах“ выступают скороходы, эквилибристы и атлеты, Георги продолжает: „Простой народ имеет также и здесь от праздника Рождества Христова до 6 генваря сборища, игрищами называемые, где представляют разные смешные игралища, при коих арлекин или дурак всегда бывает“.²

Из приведенных материалов видно, что „русская“ или „российская комедия“ представляет одну из разновидностей „игрищ“, или „игралищ“. Хотя, как указывает Георги, в составе „игралищ“ исполняются и „трагические важные деяния“ (вероятно, „акты“), однако основной характер этого вида народных зрелищ — забавный („комические... деяния, басни, сказки“), даже сатирический („кощунства“). Таким образом, „русская комедия“ и „игрища“ — это демократическая линия русской комедии XVIII века.

Со времен статьи Н. С. Тихонравова „Начало русского театра“ „игрища“ рассматриваются в качестве одного из элементов русского историко-театрального процесса.³ Особенно много места уделил этому жанру В. Н. Всеволодский-Гернгросс в первом томе „Истории русского театра“; здесь глава вторая — „Театр семейно-племенной общины“ — занята изложением и анализом материалов „игрищ“.⁴ Однако для всех театроведов, от Тихонравова до Всеволодского-Гернгросса, понятие „игрище“ остается неизменным, равным самому себе, и именно исключительно явлением „обряда—игры“. На дальнейшее развитие игрищ, на их переход из области обрядной в сферу театральную, на социальное содержание этого жанра в XVII—XVIII веках историки

¹ J. Stehlin. Zur Geschichte des Theaters in Rußland. В кн.: Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Rußland, t. I. 1769, Riga und Leipzig, стр. 399—400. В русском переводе 1779 года (и его последующих перепечатках) это место опущено.

² И. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 655—656 (§ 1014).

³ Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. III, отд. II. М., 1861, стр. 9 и сл.

⁴ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, т. I, стр. 99—191, в особенности стр. 155—174.

литературы и театроведы внимания почти не обращали; в общих курсах по истории русского театра эти более поздние игрища вовсе не нашли отражения. Между тем как раз в этих игрищах и игралищах XVII—XVIII веков явно ощущается биение народной жизни, звучит острое и едкое слово, зло и метко схвачены типы привилегированных слоев дворянско-помещичьей России, складывается многое из того, что войдет позднее в „настоящую“ комедию в качестве важного, может быть, основного элемента.¹

История термина „комедия“ и близких к нему показывает, что новая русская культура и театр XVIII века не отвергли терминологию, возникшей еще в XVII веке, но наполнили ее новым содержанием.

Рассмотрение некоторой части истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков обнаруживает наличие двух линий в развитии русской театральной культуры: одной, выражавшей и удовлетворявшей эстетические потребности дворянства, и другой, связанной с демократическими слоями города, преимущественно Петербурга и Москвы, и деревни.

Между ними происходит и идеологическая борьба и, наряду с нею, и взаимодействие. Последнее чаще всего проявляется в сфере театральной терминологии. Многие театральные термины, возникшие в дворянской и духовной среде в XVII—XVIII веках, входят в общенародный словарный состав русского языка и сохраняются в языковом употреблении до нашего времени. Некоторые же театральные термины XVII—XVIII веков проникают в народный театр, частично изменив форму („комедь“, „кумедь“).

В так называемом „Всенародном театре“ 1765—1766 годов, организованном академическими типографскими рабочими, режиссер назывался „медиатором“ (ср. „модератор“ на стр. 294), а пьесы — „комедиями и артемедиями“,² т. е. интермедиями. С начала 1770-х годов появляется ряд печатных пьес, жанровое обозначение которых было „игрище“ („Игрище о святках“, 1774; „Народное игрище“, 1774; „Трактир, комедия, или Питейной дом, веселое игрище, переводила на российский язык девица Н., пребывающая в одном из украинских городов, где и комедия сия на тамошнем феатре несколько раз представлена была“, 1777; „Ямщики на подставе. Игрище невзначай“, комическая опера Н. А. Львова, 1788, и др.).

Таким образом, театральная терминология XVII—XVIII веков отражала внутреннее развитие русской комедии; анализ этой терминологии и ее содержания, ее социального употребления помогает нам понять историю русской литературы и театра XVIII века как естественное продолжение истории литературы и театра XVII века, являясь, таким образом, еще одним доказательством того, что между древнерусской литературой и литературой XVIII века разрыва не было.

¹ Подробнее об этом см.: П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX веков. М.—Л., 1953.

² В. И. Лукин и Б. Е. Ельчанинов, Сочинения и переводы, стр. 187.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

О происхождении глаголической азбуки

Проблема возникновения и происхождения глаголической азбуки принадлежит к числу самых запутанных проблем в истории славяно-русской письменности. Наличие в раннем периоде славяно-русской письменности двух различных азбук — глаголической и кирилловской — издавна обращало на себя внимание и заставляло искать источники того и другого письма. Но в то время как источник кириллицы ясен — византийское унциальное письмо, источник глаголицы не выяснен до настоящего времени. Господствовавшее в литературе в течение долгого времени мнение о том, что глаголица произошла от византийского минускула, оказалось несостоятельным.

За последние годы появилось немало работ, посвященных вопросам возникновения древнерусского языка и литературы, а также происхождения славяно-русской письменности.¹ Авторы некоторых из этих работ в той или иной мере касаются глаголической азбуки; отдельные работы посвящены специально истории и происхождению глаголицы, причем особое внимание уделяется сходству некоторых глаголических букв с так называемыми „загадочными знаками Причерноморья“. Это сходство уже давно отмечалось отдельными исследователями, не занимавшимися специально происхождением глаголицы, но только в самые последние два-три года на основании этого сходства некоторые исследователи сочли возможным говорить о том, что глаголица была древнейшим славянским письмом, возникшим у восточных славян ранее IX века, что истоки глаголической азбуки следует искать в Причерноморье, что „письменность у восточных славян в середине IX в., несомненно, существовала, к тому времени уже укрепилось буквенное глаголическое письмо“.²

Кроме В. В. Виноградова, о глаголице как древнейшем письме восточных славян говорится в работах П. Я. Черных, А. С. Львова,

¹ П. Я. Черных. 1) Язык и письмо. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, гл. 4; 2) Происхождение русского литературного языка и письма. Учпедгиз, 1950. — Д. С. Лихачев. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, 1951, № 12. — А. С. Львов. К вопросу о происхождении русской письменности. Русский язык в школе, 1951, № 6. — Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. — Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. — В. В. Виноградов. Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его „История древнерусского языка“. В кн.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953. — Н. А. Константинов. История русской азбуки. Знание — сила, 1953, № 1, стр. 1—6.

² В. В. Виноградов, укр. соч., стр. 9.

Д. С. Лихачева и Н. А. Константинова. Во всех высказываниях по этому поводу красной нитью проходит мысль о самобытности глаголицы, возникшей на Руси помимо воздействия средневековой греческой письменности или при минимальном ее воздействии.

Эта мысль кажется особенно привлекательной в настоящее время, когда рядом работ советских ученых доказано самобытное возникновение русской государственности, древнерусского литературного языка, древнерусской литературы. Естественно, что ныне представляется крайне заманчивой возможность доказать также самобытное возникновение древнерусского письма. Наиболее решительно и определенно о глаголице как древнейшей русской азбуке высказываются А. С. Львов и Н. А. Константинов. Н. А. Константинов тщательно подбирает материал для доказательства своей гипотезы о том, что „древнейшей азбукой (на Руси, — Е. Г.) была, по всем данным, глаголица, уступившая место в IX—X веках кириллице“. При этом он находит уже возможным ставить причерноморские знаки в один ряд с буквами глаголицы, заранее предполагая, таким образом, что приводимые им причерноморские знаки имели буквенные значения, т. е. были алфавитом в полном смысле этого слова.

Однако подобранный Н. А. Константиновым материал не может служить доказательством его гипотезы, так как в составленных им таблицах приводятся знаки без указаний на источники, откуда тот или иной знак был заимствован: в отдельных случаях для изучения истории глаголических букв (т. е. букв IX века, а по мнению Н. А. Константинова — возникших еще ранее) привлекаются памятники, ничего общего с историей письма не имеющие или относящиеся к более позднему времени.¹

Попытки изобразить глаголицу как самобытное древнерусское, или „скифское“ (по выражению Н. А. Константинова), письмо основаны только на внешнем, подчас случайном сходстве отдельных глаголических букв (или некоторых форм этих букв) с так называемыми „загадочными знаками Причерноморья“, причем историческое свидетельство и языковые данные древнейших глаголических памятников не принимаются во внимание.

Совершенно несостоятельной оказывается теория происхождения глаголицы как древнерусского письма, когда с ее помощью пытаются ответить на вопрос — почему же глаголица уступила место кириллице и не оставила при этом почти никаких следов в древнерусской письменности?² Почему глаголица оказалась нежизненной?

Если допустить, как это делает, например, П. Я. Черных,³ что Кириллом была изобретена кириллица, которую позднее стали вводить правящие круги и духовенство в качестве официального письма, то все же совершенно невероятно, чтобы насаждаемое искусственно письмо

¹ Н. А. Константинов, ук. соч., стр. 1—6; на стр. 5 помещен рис. 7 под названием „Предполагаемая история глаголической буквы «буки»“, где изображены, между прочим, „Стяг Святослава“ и „Воинский стяг новгородцев XV века“.

² Употребление отдельных глаголических букв в некоторых древнерусских рукописях (например, в Евгеньевской псалтири XI в.) или применение глаголицы в виде тайнописи есть явление случайное.

³ П. Я. Черных. Язык и письмо, стр. 134. П. Я. Черных дает следующее объяснение: „Ввиду того, что кириллица в IX—X вв. получила широчайшее распространение в разных славянских странах, она и в древней Руси, вскоре после крещения, получила значение официального письма, признанного и одобренного светской и церковной властями. Именно это обстоятельство и объясняет факт исчезновения не только ранней, но и поздней глаголицы в древней Руси“.

начисто могло вытеснить письмо, выросшее на каких-то местных основах и имевшее к X—XI векам длительную историю развития.

Также с помощью древнерусского происхождения глаголицы совершенно невозможно объяснить, почему все древнейшие глаголические рукописи носят на себе несомненные следы древнеболгарской языковой традиции, почему „в областях, где началась или куда рано проникла проповедь первоучителей, мы не находим кириллицы, а находим глаголицу“.¹

Еще И. Шафариком была высказана гипотеза о том, что именно глаголица была изобретена Кириллом; позднее эта гипотеза получила развитие в работах целого ряда исследователей, как, например, И. В. Ягича,² В. Н. Щепкина,³ И. Вайса⁴ и др.

Е. Ф. Карским⁵ была высказана мысль о том, что глаголица была изобретена учениками Мефодия в период гонений со стороны немецкого духовенства на славянское богослужение.

В 1952 году вышла из печати работа болгарского ученого Емила Георгиева „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“, где также доказывается, что именно глаголическая азбука есть „азбука Константина-Кирилла“.⁶

Важнейшими доводами в пользу этого положения Ем. Георгиев считает „мораво-паннонскую глаголическую традицию“, т. е. языковые особенности древнейших глаголических рукописей, указывающие на их происхождение из тех областей, где началась миссия Кирилла и для которых была составлена им новая азбука. Георгиев подчеркивает также, что в житиях Кирилла и Мефодия говорится о создании Кириллом именно новой азбуки, каковой может считаться только глаголица.⁷

Обширная литература, посвященная происхождению глаголицы и вопросу о старшинстве одной азбуки перед другой, вызвана вполне понятным интересом к факту существования двух, столь различных по формам азбук, а также стремлением найти источник глаголической азбуки, непохожей ни на какую другую европейскую азбуку. Однако, на наш взгляд, глаголица пользуется несколько преувеличенным вниманием, особенно со стороны исследователей, желающих доказать, что именно она была древнейшей русской азбукой.

В задачи предлагаемой работы не входит разбор всех доказательств правильного, на наш взгляд, положения, что глаголица была изобретением Кирилла, а кириллица распространялась постепенно, была „исторически сложившимся“ письмом, по выражению Ем. Георгиева.

Настоящая работа имеет целью показать, что нежизненность глаголической азбуки объясняется нежизненностью ее источника.

Возникшая на совершенно искусственной основе, глаголица не смогла противостоять кириллице, распространившейся и развивавшейся по мере роста потребности в письме. Нежизненность глаголицы проявляется не только в том, что сфера ее применения со временем (позднее XII века) была крайне сужена и ограничивалась пределами Хорватии и

¹ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 13.

² И. В. Ягич. Глаголическое письмо. Энциклопедия славянской филологии, вып. 3, СПб., 1911.

³ В. Н. Щепкин, ук. соч., стр. 12—14.

⁴ Jo. Vajš. Rukověť hlholské paleografie. Praha, 1932.

⁵ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 355—364.

⁶ Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, Изд. Болгарской Акад. Наук, 1952.

⁷ Ем. Георгиев, ук. соч., стр. 6—10.

Адриатического побережья, а также и тем, что глаголица не оставила почти никаких следов в письменности Болгарии и древней Руси.

То обстоятельство, что именно в глаголических рукописях представлены древнейшие образцы древнеславянского языка, ни в коей мере не противоречит положению Ем. Георгиева¹ о том, что кириллица возникла спонтанно и ранее глаголицы. В древнейших глаголических и кирилловских рукописях до нашего времени сохранились лишь образцы официальной церковной письменности, для которой и была предназначена глаголица.

Частая переписка, различного рода бытовые записи (счета, учебные тетради и т. п.) средневековья почти не сохранились, так как их значение, их ценность с точки зрения владельцев была преходящей; актовый материал погиб по тем общеизвестным причинам, по которым погибло громадное большинство культурных ценностей средневековья.²

Применение сокращений слов в глаголических и кирилловских рукописях XI века свидетельствует о большей зависимости глаголицы, чем кирилловского письма, от греко-латинской письменности; число сокращений, не заимствованных из греческих и латинских рукописей, в кирилловских памятниках в 10 (десять!) раз больше, чем в глаголических памятниках. Именно в кирилловских рукописях определенно намечено то направление, по которому в дальнейшем пошло развитие сокращений в славяно-русской письменности: сокращения с помощью выносных букв, под титлом и без титла. Таким образом, уже в XI веке глаголические рукописи в известном смысле оказываются беднее кирилловских, больше, чем последние, зависят от греко-латинских образцов.

Настоящая работа имеет целью показать несомненную связь глаголической азбуки со средневековой греческой письменностью, но не тем греческим письмом, которое обычно встречается в греческих рукописях и которое могло проникать в среду славян постепенно, по мере расширения связей с Византией и ознакомления с культурой Византии.

Формы глаголических букв в большинстве своем были заимствованы из своеобразных и малоизвестных, а в средние века доступных лишь высокообразованным византийцам видов греческого письма; эти особенные виды или системы письменных знаков были унаследованы византийской культурой от античной и эллинистической культур и почти не получили распространения вне пределов Византийской империи.³

Средневековая (как, впрочем, и античная) греческая письменность не была ограничена теми видами письма, которые обычно изучаются при ознакомлении с палеографией средневековых греческих рукописей. В этих рукописях имели довольно широкое распространение системы специальных знаков, употреблявшихся для сокращений слов, для тахиграфии (быстрого письма), для обозначения терминов в текстах учебного содержания (например, в комментариях к поэмам Гомера, в медицинских, астрологических и алхимических сочинениях), для целей криптографии (тайнописи) и магии.

¹ Положение это было высказано еще И. И. Срезневским в „Палеографических заметках“ (Изв. Акад. Наук, т. IX, стр. 161—167).

² Как известно, в письменном наследии средневековой Западной Европы и Византии богослужебные рукописи — памятники официальной церковной письменности — также составляют подавляющее большинство.

³ Специальные системы письменных знаков в средние века были известны не только в Византии, но и в Западной Европе и на Востоке. Многие из этих знаков встречаются в особых алфавитах, составлявшихся искусственно; как форма, так и значение отдельных знаков могли несколько видоизменяться при переходе из одной системы в другую.

Употребление тахиграфических, криптографических, алхимических и прочих специальных знаков прослеживается в греческой письменности вглубь веков до начала нашей эры.¹ Более древние материалы не привлекались, так как уже папирусы первых веков нашей эры дают меньше аналогий, чем средневековые рукописи.

Формы отдельных знаков несколько видоизменялись с течением времени, формы других знаков оставались неизменными.

Применение тахиграфии было широко распространено в византийской письменности; однако обычно тахиграфические значки применялись для изображения не цельных слов, но отдельных слогов, некоторых предлогов, союза *καί*. Рукописи, целиком написанные с помощью тахиграфии, встречаются сравнительно редко.

Специальные знаки для отдельных слов или понятий употреблялись обычно в рукописях ученого содержания, например в алхимических или медицинских рукописях, в сохранившихся к гомеровским текстам и т. п., словом, в тех текстах, которые были рассчитаны на достаточно подготовленного читателя, сведущего в той или иной отрасли науки или ее изучающего.

Криптография чаще встречается в астрологических рукописях или в приписках писцов.² Все эти системы специальных знаков остались чуждыми славяно-русской письменности за исключением некоторых систем тайнописи.

¹ Нами использованы следующие труды, касающиеся греческих магических папирусов и других магических памятников со снимками: K. Preisendanz. Die Griechische Zauberpapyri, Bd. I—II. Leipzig, 1928—1931; Fr. Kenyon. Greek Papyri in the British Museum, vol. I. London, 1893; Fr. Kenyon. The Palaeography of Greek Papyri. Oxford, 1899; F. Foat. Sematography of the Greek Papyri. Journal of Hellenic studies, vol. XXII, 1902, с. 135—173; R. Wünsch. Antikes Zaubergefäß aus Pergamon. Jahrb. d. K. Deutschen Archäolog. Inst., 6. Ergänzungsheft, Berlin, 1905; Th. Hopfner. Griechisch-ägyptischer Offenbarungszauber. Studien zur Paläographie und Papyruskunde, hrsgb. von C. Wessely. Heft XXIII, Leipzig, 1924, стр. 144—145.

Специальные труды, посвященные истории алхимических знаков, могут быть использованы лишь с оговоркой, так как в них не всегда указываются даты памятников; авторами их подбираются данные из памятников самого разнообразного времени и происхождения. См., например: Lüd y. Alchemistische und chemische Zeichen. Berlin, 1928; Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. VIII, pars II. Bruxelles, 1911; pars III, Bruxelles, 1912; M. Berthélot. Les origines de l'alchimie. Paris, 1885; M. Berthélot. Collection des anciens alchimistes grecs. 2-e livraison, Paris, 1888; G. W. Gessmann. Die Geheimsymbole der Chemie und Medicin des Mittelalters. München, 1900; Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis; Notae sententiarum, mathematicae, astronomicae, chymicae, iatricaе. Lugduni, 1688.

О тахиграфических и прочих специальных знаках см.: V. Gardthausen. Griechische Paläographie. 2-te Aufl., Leipzig, 1911—1913; Г. Ф. Церетели. Сокращения в греческих рукописях. Изд. 2-е., СПб., 1904; B. de Montfaucon. Palaeographia graeca. Parisiis, 1708; Joh. Nicolai. Tractatus de siglis veterum. Lugduni Batavorum, 1723; F. Kopp. Palaeographia Critica. I—III. Mannheim, 1817—1829; A. Mentz. Geschichte und Systeme d. griechischen Tachygraphie. Berlin, 1907.

О магических и криптографических алфавитах вообще см.: G. Selenus. Cryptomenytices et Cryptographiae. Libri IX, Lüneburg, 1624; Winkler. Siegel und Charaktere in der muhammedanischen Zauberei. Berlin, 1930.

² На сходство глаголической азбуки с магическим, так называемым очковым, письмом греческих рукописей, указал М. А. Шангин в заметке „Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит“ (Историк-марксист, 1940, № 2, стр. 168). Но это наблюдение прошло незамеченным, так как М. А. Шангин не разобрал вопрос достаточно углубленно и привлек лишь поздние греческие рукописи XVII века. Смерть помешала М. А. Шангину закончить начатое исследование. Еще ранее сходство некоторых букв глаголицы со знаками, встречающимися на геммах, было отмечено В. И. Григоровичем. См.: И. В. Ягич, ук. соч., стр. 65; В. И. Григорович. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852, стр. 59—60.

Однако Кириллу эти специальные системы греческой письменности были известны, о чем можно судить на основании следующего текста его жития: „Егда же прииде к Царюграду, вдаша и учителем, да ся учить, и в три месяци навик всю грамотикую, и по прочаа ся ят учения. Научи же ся Омиру и геомитри, и у Льва и у Фоте диалексице, и всем философским учением, к сим же и риторикии и арифметикии, и астрономии, и мусикии, и всем прочим еллинским учением“.¹

Возможно, что о знании Кириллом систем тайнописи, а скорее магического письма, свидетельствует и другое место жития, где идет речь о том, как философ прочитал надпись на Соломоновой чаше: „Есть же в святей Софии потирь от драгаго камня, Соломоны дела, на нем же суть письма жидовска и самаренска, грани написани, их же никтоже не можаше ни почести, ни сказати. Взем же ю философ, почет и сказа...“.²

В глаголице всего 39 букв; форм букв 42, так как отдельные буквы (иже, хер, ер) имели разные формы. Как видно из прилагаемых таблиц, для 31 глаголической буквы имеются прообразы среди различных знаков средневековой греческой письменности. Для 11 букв соответствующих знаков подобрать не удалось, хотя сходство с некоторыми знаками несомненно есть. Отсутствие прообразов среди греческих знаков для этих форм может объясняться как тем обстоятельством, что не все знаки, бытовавшие в греческой письменности в свое время, были зарегистрированы в доступных нам памятниках, так и тем, что отдельные формы букв могли быть плодом творческой фантазии Кирилла.³

Таким образом, большинство глаголических букв было заимствовано из специфических систем греческой письменности. Даже рядовому грамотному византийцу не все эти системы были в равной мере знакомы; для восприятия этих систем знаков нужно было нечто большее, чем простая грамотность. Так, для знания тахиграфических систем нужно было быть писцом-профессионалом; для запоминания знаков, обозначающих части человеческого тела или некоторые химические элементы, употребительные в качестве лекарств, надо было изучать медицину; для запоминания особых приемов письма, встречающихся в юридических текстах, надо было быть юристом, и т. д. Тем более для другого народа осталась чуждой азбука, построенная на совершенно искусственном основании, составленная из знаков, не употреблявшихся в обычном письме.

Эта искусственно составленная азбука никоим образом не могла конкурировать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое проникало в славянские земли постепенно, не только в рукописях. Унциальные буквы можно было видеть на монетах, церковной утвари, на иконах и фресках, в многочисленных надписях.

Глаголица, созданная Кириллом искусственно, не могла противостоять кириллице именно потому, что ко времени создания глаголицы византийский устав уже вошел в употребление у славян, уже в какой-то мере, правда, пока еще „без устройства“, применялся в качестве „славянского письма“. Искусственно подобранные и искусственно распро-

¹ Цит. по кн.: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. (Труды Славянской комиссии, т. I). Л., 1930, стр. 4.

² Там же, стр. 26.

³ В указанной выше работе „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“ Ем. Георгиев также считает возможным, что некоторые формы были изобретены Кириллом (ук. соч., стр. 82).

страняемые знаки глаголической азбуки не были понятны не только самим славянам, но и прибывшему в славянские земли греческому духовенству, которому также приходилось изучать глаголическую азбуку; в этом смысле положение греческого духовенства было трудным: отправление богослужения на малознакомом языке затруднялось тем, что заимствованные из греческой письменности знаки во вновь изобретенном славянском письме несли совершенно иную функцию букв.

Остается открытым вопрос о том, каким путем происходил процесс приспособления византийского унциального письма к древнеболгарскому и древнерусскому языкам, т. е. каким путем и в течение какого времени происходил процесс становления кириллицы. Вряд ли можно согласиться с мнением Е. М. Георгиева, что кириллица была вполне упорядочена и существовала в законченном виде ранее изобретения глаголицы Кириллом.

Но проблема происхождения кириллицы и не является задачей статьи. Задачей было показать источник глаголицы, скрывающийся все-таки в средневековой греческой письменности, и показать, что именно в искусственности этого источника и заключается причина нежизненности глаголицы.

Что касается сходства отдельных глаголических букв с некоторыми знаками Причерноморья, то сходство это не случайно: и знаки и глаголица имели общий источник в греческой письменности, но в Причерноморье эти знаки были занесены в эллинистическую эпоху, а глаголица была создана на их основе в IX веке.

Пояснения к таблицам

При передаче форм букв и знаков в прилагаемых таблицах соблюдалась максимальная точность. Однако даже при условии фотографического воспроизведения форм палеограф всегда должен помнить о возможном искажении отдельных деталей. На наш взгляд, полного совпадения форм искать и не следует. Известная разница могла зависеть от разнообразных причин: от материала, на котором изображался знак (знаки, вырезанные на камне, отличаются от тех же знаков, написанных на пергамене), от опытности и навыка писца (ученик, начинавший изучать тахиграфию, выводил отдельные знаки тщательнее, нежели опытный писец, записывающий юридический акт) и т. д.; наконец, разница в формах знаков может зависеть и от степени сохранности памятника, где какое-либо пятнышко или изъян могут несколько, а подчас и значительно, видоизменить знак. Кроме того, вряд ли можно предположить, что Кирилл, составляя свою новую азбуку, имел перед глазами специально составленные таблицы различных знаков (хотя такие таблицы, вероятно, существовали для отдельных систем). Скорей всего, что, будучи человеком широко образованным, Кирилл использовал те знаки, которые он хорошо знал, помнил и которые ему казались по каким-то соображениям пригодными. Это подтверждается и формами юсов, для изображения которых он использовал не столько уже существовавшие формы, сколько принцип их построения.

Ссылки на исследования, где найдена та или иная форма, приводятся сокращенно. В книге Селена¹ по истории криптографии приведен ряд алфавитов разных веков, составленных искусственно; все эти алфавиты

¹ G. Selenus, ук. соч.

западноевропейского происхождения, некоторые из них приписываются историческим лицам (например, Беде Достопочтенному); в случаях привлечения форм букв из указанных алфавитов эти формы определяются как „буквы искусственного алфавита“, с краткой ссылкой на книгу Селена.

Формы некоторых букв рассматриваются вместе, вследствие их сходства, несмотря на то, что этим нарушается алфавитный порядок.

Для некоторых букв приводятся различные их формы, которые в этих случаях заимствуются из указанного руководства Вайса.

После таблиц помещены фотографии с некоторых средневековых греческих рукописей, заимствованные из издания М. Бертело.¹

Таблицы форм букв и знаков

† азъ По поводу формы этой буквы Емил Георгиев в своей работе пишет следующее: „Глаголическое А, †, возникает

под влиянием креста. В своем азбучном акростихе Григорий Богослов, любимый поэт Кирилла, говорит: «Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιῶν θεῶν („Полагай бога началом и концом всего“»). Кирилл знал этот акростих и под его влиянием написал свою азбучную молитву. Мысль Григория, что всё мы должны начинать и заканчивать богом, известна и ученику Мефодия, пресвитеру Константину: «Добро есть убо, братие, всегда от бога начати и до бога скончати, якоже Григорий Богослов рече». Когда ученики, сиясь изучить азбуку, занимались писанием ее букв, то ставили в начале крест, чтобы он им помогал. Об этом сообщает Константин Костенецкий. Кирилл делает этот крест, написанный в начале изучаемой азбуки, первой буквой своей азбуки“ (ук. соч., стр. 80—81).

К сказанному Георгиевым следует добавить еще некоторые соображения.

Греческие и латинские документы раннего средневековья также имеют в начале, перед текстом, один или три креста, символизирующих имя Христа, равноценных словам: „ante omnia Christus“. В дипломатике этот знак называется хризмон. (Иоанн Златоуст в беседе на послание апостола Павла к Колоссянам (P. Migne, Patrologia graeca, vol. LXII, стр. 364) упоминает обычай помещать имя Христа в начале писем; см. также: A. Giry. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, стр. 530—531).

Таким образом, начиная свой алфавит хризмоном, Кирилл начинал его призыванием имени Христа. Следует указать, что некоторым магическим алфавитам, которых было немало в средневековой греческой письменности, также предшествует хризмон (M. Berthélot. Collection des anciens alchimistes grecs, стр. 156).

¹ M. Berthélot, ук. соч.

♁ — знак,
ческих
(R. W.
стр. 144

U_

♁ — β; бу
ского ал

1

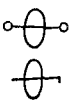

-

☾ есть

☾ — знаки
астроло

☾ — е; б
(G. Sele

1

- живете —знаки, встречающиеся в греческих магических текстах уже в III—IV в. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 144—145; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 18).
- земля —знаки, встречающиеся в греческих астрологических и магических текстах разных веков (от IV до XV в. н. э.) (Th. Hopfner, стр. 145; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 10).
- —Πυρρός, ἤτοι Ἄρης (огненный, т. е. Арес); знак, встречающийся в средневековых греческих рукописях астрологического содержания (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).
- иже —καρδία (сердце); знак, встречающийся в греческих медицинских и астрологических рукописях XI—XV вв. (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).
- —υ; буква в криптографическом греческом алфавите на папирусе (F. Foat, стр. 169).
- и —ἥλιος (солнце), также χρυσός (золото); древний астрологический знак (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16; Lüdy, таблица на стр. 17 и др.).
- слово —α; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).
- —ignis circulatorius (огонь круговой) (Lüdy, табл. 72; J. Nicolai, стр. 82).
- —acetum (уксус) (Lüdy, табл. 17; по указанию Николаи (J. Nicolai, стр. 77) встречается в сочинениях Галена, Диоскорида, Павла Эгинского).
- дровь —Σκόρπιος (скорпион), один из знаков зодиака (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).
- То же в кириллице XII в. —один из греческих тахиграфических знаков (V. Gardthausen, стр. 270).
- —знак, встречающийся в греческих магических текстах (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5, 12, 17 и др.).

 како

 — π; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

 — massa pilularum (пилюльная масса) (J. Nicolai, стр. 82).

 — ρ
 — χ
 — κ
 — α
 } эти знаки и им подобные употреблялись в греческих рукописях для тахиграфического написания слов, начинающихся с буквы κ и для союза και; эти знаки встречаются уже с первых веков н. э. (Церетели, Сокращения, табл. VI—VII; A. Mentz, стр. 49).

 — ἀρτάβη (артаба); мера веса в Египте (Fr. Kenyon, Palaeography, стр. 154—155).

 — κ
 — η } буквы искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

 — capricornus (козерог); один из древних знаков зодиака (Lüdy, табл. 108; A. Bouché-Leclercq, стр. 195).

 — λ буква в греческом криптографическом алфавите на папирусе (F. Foat, стр. 169).

 люди

 — σ буква искусственного алфавита (Selenus, стр. 281).

 То же в Киевских
 листках и листках
 Клоца

 — знак на магической таблетке IV в. н. э. (R. Wünsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 145).

 мыслете

 — знаки в греческих магических текстах, III—XV вв. н. э. (V. Gardthausen, стр. 351; Fr. Kenyon, Greek Papyri, vol. I, стр. 91, 97; M. Berthélot, Collection, стр. 112; B. de Montfaucon, стр. 286).

 — ἄλας (соль) (M. Berthélot, Collection, стр. 112).

 — μ; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

 наш

 — π; знак, встречающийся в греческой письменности (V. Gardthausen, стр. 355).

ƒ — этот знак с другим значением имеется в дельфийской стенографической таблице IV—III вв. до н. э.

ƒ — о; буква искусственного алфавита, приписываемого Беде Достопочтенному (G. Selenus, стр. 282).

ƒ — n; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

он

о — υῖος (сын) (M. Berthélot, Collection, табл. VII).

ук

о — θυμίαμα (фимиам) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 20); этот же знак встречается во многих астрологических рукописях.

покой

π — π; буква в греческом криптографическом алфавите (V. Gardthausen, стр. 306).

π — ποταμός (река) (M. Berthélot, Collection, табл. III, стр. 110; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 11).

ρ — ρ; буквы в греческих криптографических алфавитах (V. Gardthausen, стр. 306).

рци

б	— ερ	} — в тахиграфии эти и им подобные знаки употреблялись для слов, в которые входила буква ρ (A. Mentz, стр. 43; Allen, Notes on abbreviations, табл. II, и др).
б	— χρ	
б	— ωρ	
д	— ρ	

хер

б	— ἡμέρα (день)	} — древние астрологические знаки (V. Gardthausen, стр. 342 и др.).
д	— νύξ (ночь)	

Ϟ — Ἑρμῆς (гермес) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).

Ϟ — φωσφόρος, ἡτοι Ἀφροδίτη (светоносящий или Афродита) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).

Ϟ — ταῦρος (вол); один из древних знаков зодиака (Lüdy, табл. 5; A. Bouché-Leclercq, стр. 57, и др.).

FIGURE 6. — Planche IV

ὁραταῦτα λασημα κ' γοσ καλως :-
 Ἑρμηνειων νοσημων γινεσθαι ἱερωτη ἔχνης και
 χρυσουλου βιβλου :-
 5 Ὁρμηλιου χρυσοσ Δ· χρυσου ρινισμα ΣΠ· ἄργυρος Σ·
 υδραργυρος Δ· χρυσου πελασ ΠΣ· χρυσοσ και και
 μωσος Δκ· χρυσοκολλα Σ· χρυσου μαιμα Σ
 ἄργυρου γη Σ· ἄργυρου χρυσοκολλα Σ· ἄργυροσ
 10 κεκαυμωσ Σκ· χαλκοσ κυπριος Ρ· χαλκου γη
 Δ· χαλκου ρινισμα Ψ· χαλκου πελασ Π· χαλ
 κωσ κεκαυμωσ Ρ· χαλκου ιος δ· ὠριχαλκοσ Ω·
 χαλκοσ Ψ· κασιληροσ Ψ· Ψ· θ· ὀ· μόλιβδοσ Δ·
 κρονοσ φαιων· μόλιβδο χαλκοσ Λ· μόλιβδου γη
 15 Δ· μόλιβδου ρινισμα Ψ· μόλιβδοσ κεκαυμωσ
 Δ· ἄλλωσ κασιληροσ Ψ· κασιληρου γη Ψ· κασιλη
 ρου ρινισμα Ψ· κασιληρου πελασ Π· κασιληροσ
 κεκαυμωσ Ρ· νεφελην λιθαργυρου λευκην πε
 20 γησ αν λ· νεφελην ξανθην παρσ αν Ν· λιθαργ
 γυρου αν Σ· θρον απυρου Σ· θρα θ· θρον α
 θικλου Ψ· αφροσελινον Φ· οινωσ αμινωεσ οχ·
 25 ραφαιον ελαιον Φ· κικιρον ελαιον κλ· νιρον Π
 Θ· σιπλησ σιμασ *· σιπλησ Θ· σιπλησ
 Η· καθμα καθ· μαγισοσ αμ· ελασ Δ· ελασ
 κοινοσ αλκ· Μ· Η· υλεμοσ οτο V· ασβεσ
 Δ· σινοπισ πονηκη Σ· ππ· ἄλλωσ πε· χαλ
 30 κωσ ο· χαλκω Χ· λπλι· ἐλιδριου βδ· βα
 λασταν υδατ ω· ομερια υδατ ζζζ· υδωρ V
 ημερα δδ· νυκτεσ θ· ὠραι δ· ημερον νηλου

Лист из греческой алхимической рукописи XIV века.

Точного совпадения форм в средневековой греческой письменности для юсов подобрать не удалось. Но в отношении этих букв применен тот же самый принцип, который применялся в греческих рукописях для обозначения разных химических соединений и т. п. Беря за основу знак одного химического элемента, средневековые алхимики присоединяли к нему различные детали, таким образом получая обозначения соединений этого элемента с другими или физического его состояния. По такому же принципу построены формы для юсов йотированных, ука, еры.

Химические знаки

	σιδηρός	— железо.
	σιδηροῦ γῆ	— железистая земля.
	σιδηροῦ ρίνισμα	— железные опилки.
	σιδηροῦ πέταλον	— лист железа.
	σιδηροῦ ἴος	— железная ржавчина.
	χρυσός	— золото.
	χρυσὸν ρίνημα	— золотые опилки.
	χρυσὸν πέταλον	— лист золота.
	χρυσὸν μάλαγμα	— сплав золота.

Ниже приводятся формы некоторых знаков, употреблявшихся в различных алхимических и магических текстах; эти формы и подобные им могли быть использованы для глаголических юсов. Число и разнообразие таких знаков велико (J. Nicolai, стр. 147; Fr. Kenyon, Greek Papyri, vol. I, стр. 91, 114; R. Wünsch, таблица; Catalogus codicum astrologorum graecorum, vol. VIII, таблицы и снимки с рукописей; M. Berthélot, Collection, стр. 114; Lüdy, разные таблицы, и т. д.).

Разные магические и алхимические знаки

⌘	⌘	⌘	⌘		
⌘	⌘	⌘	⌘	⌘	⌘

Б. В. САПУНОВ

Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков

Из общей цепи вопросов, связанных с возникновением и становлением книжного дела в древней Руси, данная статья рассматривает один вопрос о распространении книг в домонгольское время. Цель проделанной работы сводится к попытке подсчитать примерное количество книг, которое могло быть в обращении на Руси с X века по 1240 год. Вопрос идет, конечно, о выявлении только порядка числа, так как всякие попытки дать более или менее точный ответ означали бы по сути дела дискредитацию самой идеи.

Любое книжное собрание можно оценивать со стороны того, что оно содержит, и со стороны количества книг или, как говорят библиотечные работники, экземплярности. Настоящая работа касается преимущественно этой последней стороны. В ней сделана попытка по различным косвенным данным приблизительно определить широту распространения книги и грамотности в различных слоях населения.

По подсчетам, произведенным Н. В. Волковым в конце XIX века, количество памятников древней письменности XI—XIV веков, часть из которых сохранилась фрагментарно, равнялось 691 единице.¹

В настоящее время число это приблизилось к 1000.

Совершенно естественно, что на основании одного только числа сохранившихся книг невозможно делать какие-либо выводы о незначительности общего количества книг в древней Руси. Отдельные, случайно сохранившиеся экземпляры отражают только незначительную часть всего книжного фонда Древнерусского государства.

В настоящее время едва ли можно надеяться, что самые тщательные розыски в наших книгохранилищах значительно увеличат количество известных нам книг. Необходимо поэтому использовать все доступные средства, чтобы попытаться, хотя бы гипотетически, представить себе подлинную картину распространения книг в древней Руси.

В результате кропотливой и длительной работы можно подсчитать примерное количество письменных источников, использованных при составлении летописей, житий святых, посланий и других видов сохранившихся до наших дней литературных произведений древности. Работами А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и других исследователей вскрыт сложный состав русских летописей, впитавших в себя большое количество местных летописных записей, княжеских родослов-

¹ Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. Памятники древней письменности, СПб., 1897.

цев, византийских хроник, международных договоров, грамот, произведений поучительной и церковно-служебной христианской литературы и другого письменного материала.

„Слово о полку Игореве“ само по себе свидетельствует о широком развитии в XI—XIII веках литературы светского характера.

В произведениях XI—XIII веков часто ощущается большая по тем временам начитанность их авторов. Это заставляет предположить наличие в крупных городах древней Руси каких-то библиотек и своеобразных архивов, где хранились книги и документы.

* * *

Для решения вопроса о примерном общем количестве книг, бытовавших на Руси, нами была сделана попытка использовать методикку, предложенную Н. В. Волковым и заключающуюся в выявлении примерного количества церковно-служебных книг путем подсчета церквей.

Методика работы, основанная на статистических подсчетах, таила в себе значительные затруднения. В самом начале нашей работы по учету всех сведений о церквях по летописям, житиям святых, по отчетам археологических экспедиций и по другим доступным изучению источникам нам было совершенно ясно, что никогда нельзя будет составить полный список всех церквей X—XIII веков. Далекое не все построенные церкви упоминались летописцами; часто сведения о церквях приводятся случайно, в связи с другими событиями или с гибелью церквей в результате пожаров либо нашествия врагов. Отдельные церкви, существующие и поныне, не отмечены в письменных памятниках. Так, нигде не сказано о постройке церкви Параскевы-Пятницы на торгу в Чернигове, церкви св. Георгия в Старой Ладоге и др. В результате проделанной работы документально удалось установить постройку в 52 городах с X века по 1240 год 323 церкви¹ (табл. 1). Из этого числа для 247 церквей известны даты постройки, для 76 таких сведений нет. Особенно подробно новгородские летописцы отмечали постройки церквей в своем городе. В Новгороде упоминается 125 церквей, для 100 из них отмечены годы сооружения. На втором месте стоит Киев, в котором названо 49 церквей (39 датированных), затем идут Владимир на Клязьме — 21 церковь (17 датированных), Ростов — 14 церквей (10 датированных), и т. д.

Приведенные в табл. 1 данные сами говорят о своей неполноте. Например, по Владимиру на Клязьме с 1120 по 1215 год зарегистрирована постройка 16 церквей, а за 42 года, с 1185 по 1227 год, сгорело 73 церкви (в 1185 году — 32, в 1193 году — 14 и в 1227 году — 27 церквей). Кажется маловероятным, что в одном из крупнейших городов древней Руси — Галиче — было только две церкви или что в Киеве, который был одним из самых больших городов средневековой Европы, было 49 церквей, тогда как для Новгорода известно 125.

Необходимо попытаться еще каким-то другим путем определить примерное количество церквей и монастырей древней Руси.

Основываясь на сведениях летописей, акад. М. Н. Тихомиров насчитывает к 1238 году в древней Руси 239 городов.² Они распределяются

¹ В это число вошли только те церкви, сведения о которых восходят к домонгольскому времени; церкви, которые упоминаются во второй половине XIII века, но даты постройки которых неизвестны, при подсчете не учитывались.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Уч. зап. МГУ, вып. 99, М., 1946, стр. 20—24.

Таблица 1

Количество церквей, построенных с X по XIII век, по письменным и археологическим данным

№ п/п	Города	X век	XI век	XII век	XIII век	Итого датированных	Недатированных	Всего
1	Альта	—	—	2	—	2	—	2
2	Белгород	1	—	3	—	4	—	4
3	Васильев	1	—	—	—	1	—	1
4	Витебск	2?	—	—	—	2?	—	2?
5	Владимир Волинский	1	—	1	—	2	—	2
6	Владимир на Клязьме	1	—	13	3	17	4	21
7	Вышгород	1	4	1	1	7	1	8
8	Галич	—	1	2	—	3	—	3
9	Город на Саре	—	—	—	—	—	1	1
10	Город на Воляни	—	—	—	—	—	1	1
11	Город на Остре	—	—	—	—	—	1	1
12	Городня	1	—	—	—	1	—	1
13	Дарогочин	—	—	—	1	1	—	1
14	Дмитриев	—	—	—	—	—	1	1
15	Егорьевск	—	—	—	—	—	1	1
16	Зарайск	—	—	—	—	—	1	1
17	Игорево Сельцо	—	—	—	—	—	1	1
18	Изяславль	—	—	—	—	—	1	1
19	Канев	—	—	1	—	1	—	1
20	Киев	9	15	12	3	39	10	49
21	Кидекша	—	—	1	1	2	—	2
22	Коломна	—	—	—	—	—	1	1
23	Корсунь	1	—	—	—	1	—	1
24	Кострома	—	—	—	1	1	1	2
25	Лида	—	—	—	—	—	1	1
26	Лучин	—	—	1	—	1	—	1
27	Москва	—	—	—	1	1	—	1
28	Муром	—	—	2	—	2	3	5
29	Новгород Великий	2	5	75	18	100	25	125
30	Новгород Нижний	—	—	—	3	3	1	4
31	Овруч	1	—	—	—	1	—	1
32	Перемышль	—	—	1	—	1	—	1
33	Переяславль Залесский	—	—	1	—	1	—	1
34	Переяславль Южный	—	5	—	—	5	—	5
35	Полоцк	—	2	1	—	3	—	3
36	Псков	2	—	3	—	5	—	5
37	Путивль	—	—	—	—	—	1	1
38	Ростов	2	—	2	6	10	4	14
39	Рязань	—	—	—	1	1	4	5
40	Смоленск	—	—	9	—	9	—	9
41	Старая Ладога	—	—	1	—	1	1	2
42	Суздаль	—	—	2	2	4	1	5
43	Тверь	—	—	—	—	—	1	1
44	Торжок	—	1	—	—	1	—	1
45	Торопец	—	—	—	—	—	1	1
46	Тмутаракань	—	1	—	—	1	—	1
47	Углич	—	—	—	—	—	1	1
48	Устюг Великий	—	—	—	2	2	3	5
49	Холм	—	—	—	—	—	2	2
50	Чернигов	—	3	3	—	6	1	7
51	Юрьев	—	—	1	1	2	—	2
52	Ярославль	—	—	—	2	2	1	3
	Итого	25	37	138	46	247	76	323

по векам следующим образом (учитываются только первые упоминания о них):

IX—X века	— 26 городов
XI век	— 62 города (всего 88)
XII век	— 120 городов (всего 208)
XIII век	— 31 город (итого 239)

По мнению самого М. Н. Тихомирова, эти цифры сильно занижены, так как большое количество городов не отмечено летописцем. Из 52 городов и населенных пунктов, указанных в табл. 1, в списке М. Н. Тихомирова отмечены только 40 с 298 церквями. Неужели в остальных 199 городах не было церквей? Конечно, они были, и подсчитать их примерное количество можно путем установления числа церквей, находившихся одновременно в различных городах Руси. Ответить на этот вопрос помогают сведения о пожарах, которыми полны летописи.

В 1221 году во время большого пожара в Ярославле, когда погорел „мало не весь город“, сгорело 17 церквей. В 1211 году в Ростове Великом во время пожара сгорел почти весь город и в том числе 15 церквей. В конце XII—начале XIII века во Владимире на Клязьме летописцы отметили 3 крупных пожара: в 1185 году погорел почти весь город и сгорело сразу 32 церкви; в 1193 году сгорела половина города, в том числе 14 церквей; в 1227 году сгорела большая часть города и 27 церквей. Особенно подробны сведения о пожарах в Новгороде: 4 августа 1134 года во время пожара на Торговой стороне сгорело 10 церквей; 23 апреля 1152 года погорел весь торг от ручья до Славы и сгорело 8 русских церквей и 1 варяжская церковь; осенью 1177 года сгорела часть Наревского конца и 5 церквей, и т. д. Характерно, что эти пожары по большей части не охватывали целиком всего города, они уничтожали не больше 20—30% городских кварталов.

На основании этих данных можно заключить, что в Ярославле в начале XIII века имелось 17—20 церквей, в Ростове Великом в то же время около 15, во Владимире на Клязьме к концу XII века 32—35, в Новгороде Великом в XII—начале XIII века 40—50 церквей.

Постараемся определить примерную численность населения древнерусских городов. Ответить на этот вопрос гораздо труднее, так как прямых сведений в летописях нет, а основываясь на косвенных данных, нельзя рассчитывать на точность ответа.

Киев казался современникам одним из самых больших городов Европы, соперником Царьграда. Титмар Мерзебургский, побывавший в нем в 1019 году, говорит, что ко времени смерти Владимира I „в этом большом городе, составляющем столицу этого государства, имеется более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же неизвестное множество“.¹ В Лаврентьевской летописи записано, что во время эпидемии 1092 года в несколько месяцев было продано 7000 гробов² и город при этом не опустел. Дружина князя Святополка состояла из 700 человек,³ а в случае необходимости Святополк мог выставить 8000 воинов⁴ и т. д.

Памятники материальной культуры также говорят о больших размерах Киева. В качестве политического центра Киев стягивал к себе людей разного положения и звания — купцов, воинов, представителей духовенства, феодальную знать. Население Киева в период расцвета

¹ См.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 28.

² Лаврентьевская летопись, под 1092 г.

³ Там же, под 1093 г.

⁴ Там же.

(конец XI—начало XII века) можно считать примерно равным 50 000—60 000 человек или больше.¹

Вторым по численности населения городом Руси был Великий Новгород. В 1016 году Ярослав „избил славную тысячу“, и в городе осталось еще около 1000 воинов. В походе Ярослава на Киев участвовало около 3000 новгородцев и 1000 варягов. В 1215 году Ярослав Всеволодович обманом захватил под Торжком 2000 новгородцев, после чего в Новгороде не осталось воинов. В большой пожар 1211 года в Новгороде сгорело 4300 дворов.² Во время голода 1231 года похоронено 3300 человек и т. д.

На основании этих, а также ряда других соображений можно предположить, что в начале XI века в городе могло проживать примерно от 5000 до 10 000 человек, в начале XIII века 10 000—20 000.³

Из больших городов, кроме Киева и Новгорода, следует назвать Чернигов, оба Владимира, Галич, Полоцк, Псков. Они едва ли много уступали Новгороду по численности населения. В начале XIII века в каждом из них проживало 10 000—15 000 человек. Дальше можно поставить Ростов, Суздаль, Старую Рязань, Ярославль, Смоленск с числом жителей 5000—10 000 человек. Другие города отличались меньшими размерами и население их редко превышало 1000 человек.⁴ Итак, в Новгороде Великом в начале XIII века проживало около 20 000 человек и имелось 40—50 церквей, во Владимире на Клязьме 15 000 жителей и 30—35 церквей, в Ярославле 7000—10 000 жителей и 17—20 церквей, в Ростове Великом 5000—7000 жителей и 15—18 церквей и т. д.

В среднем получается, что в один приход входило примерно 500 человек.

В списке городов, составленном М. Н. Тихомировым, дается 239 названий. По нашим данным, церкви зафиксированы в 52 городах и населенных пунктах; 40 городов из них с 298 церквями имеются в списке М. Н. Тихомирова, 12 населенных пунктов с 23 церквями в список не внесены. Из 40 городов на долю 10 крупных (Киев, Новгород Великий, Псков, Чернигов, Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Вышгород, Муром, Смоленск) приходилось 248 церквей, на долю остальных 30 более мелких городов — 50 церквей. В 12 населенных пунктах (городах) имелось 23 церкви.

Отсюда можно сделать предположение, что в небольшом древнерусском городе находилось не менее двух церквей. Учитывая, что в этих городах население равнялось примерно 1000 человекам, можно считать, что средний приход состоял из 500 человек.

Из жития Феодосия Печерского можно сделать вывод, что в середине XI века в маленьком городке Курске, население которого не превышало 1000 человек, помимо соборной церкви имелись еще другие храмы.⁵ В Старой Ладоге — сравнительно небольшом пригороде Новгорода — в XII веке имелось 5 каменных храмов⁶ и, видимо, несколько деревянных.

¹ См.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 126.

² Считаая, что в каждом доме проживало 2—4 человека, можно предположить, что после пожара 1211 года без крова осталось около 12 000 человек.

³ См.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 125.

⁴ Там же, стр. 126.

⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1911, слово 8.

⁶ Георгиевский собор (начало XII в.), церковь Климента (1153 г.), церковь Успенья (середина XII в.) и две безымянных церкви.

Исходя из примерного количества жителей в крупнейших городах древней Руси, можно составить таблицу вероятного количества приходских церквей, которые существовали в этих городах (табл. 2).

Таблица 2

Вероятное количество приходских церквей, существовавших одновременно в начале XIII века в крупнейших городах

№ п/п	Город	Население	Вероятное количество приходов	Зафиксированное количество церковных зданий
1	Киев	60 тыс. \pm 10 тыс.	100—120	49
2	Галич	30 тыс. \pm 5—10 тыс.	50—60	2
3	Новгород	20 тыс. \pm 5 тыс.	40—45	125
4	Владимир на Клязьме	15 тыс. \pm 5 тыс.	30—35	73 (сгорело за 42 года)
5	Владимир Волинский	15 тыс. \pm 5 тыс.	30	2
6	Чернигов	15 тыс. \pm 5 тыс.	30	7
7	Псков	15 тыс. \pm 5 тыс.	30	5
8	Полоцк	15 тыс. \pm 5 тыс.	30	3
9	Ростов Великий . . .	10 тыс. \pm 3 тыс.	20	15 (сгорело в 1211 г.)
10	Рязань Старая	10 тыс. \pm 3 тыс.	20	1
11	Переяслав Русский . .	10 тыс. \pm 3 тыс.	20	5
12	Суздаль	10 тыс. \pm 3 тыс.	20	5
13	Витебск	10 тыс. \pm 3 тыс.	20	2 (7)
14	Ярославль	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	17 (сгорело в 1221 г.)
15	Смоленск	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	9
16	Новгород Нижний . . .	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	4
17	Муром	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	5
18	Лудк	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	
19	Перемышль	7 тыс. \pm 2 тыс.	15	
20	Вышгород	ок. 1 тыс.	2	8
21	Белгород	ок. 2 тыс.	4	4

В списке М. Н. Тихомирова за вычетом 21 крупного города остается 218 городов. Прибавив к этому числу 12 населенных пунктов, не вошедших в список М. Н. Тихомирова, но имевших, по нашим данным, церкви, зафиксированные годами их постройки, получаем 230 небольших городов, общее число жителей в которых могло достигать 200 000 человек, а число церквей могло быть около 460.

Всего в 251 городе древней Руси в начале XIII века могло быть около 1000 церквей. Заранее можно быть уверенным, что эта цифра (1000) скорее занижена, чем завышена, так как большое количество населенных пунктов городского типа, как, например, Райки, не попали в этот список. Если 1000 церквей существовали одновременно, то за 250 лет (с 988 по 1240 г.) число их должно быть значительно увеличено. Летописные своды полны известий о частых пожарах, истреблявших огромное количество церквей. Многие церкви по несколько раз восстанавливались заново после очередного пожара. Так, например, церковь св. Василия на Ярышевой улице в Новгороде была срублена в первый раз в 1151 году, в 1194 году она сгорела, в 1195 году срублена вновь, в 1261 году опять сгорела и в 1262 году построена в тре-

тый раз (на деньги чернеца Василия). За период с 988 по 1240 год для Новгорода можно установить 88 церквей различных названий, из них 60 строилось по одному разу, 21 церковь по 2 раза, 5 по 3 раза и 2 по 4 раза. Итого 88 церквей имели 125 зданий.

Примеров подобного рода можно привести много. Естественно, что во время больших пожаров в Новгороде, да и других городах, сгорали книги.¹ Восстанавливая церковь после пожара, ее часто приходилось снабжать новым комплектом книг.

Если считать, что за 250 лет, с 988 по 1240 год, во всех городах древней Руси было построено и снабжено „иконами многоценными и еуангелии многоценными и всеми книгами исполонь“² 2000 приходских церквей, то ошибка будет безусловно в сторону занижения (имеем в виду церковные здания).

Церкви в древней Руси находились не только в городах, но, конечно, и в сельской местности, иначе придется утверждать, что подавляющая масса населения страны находилась вне воздействия христианства. Данные археологии показывают, что к XI—XIII векам христианство широко охватило всю территорию страны. Несмотря на сохранение отдельных элементов языческих обрядов, захоронение совершалось согласно требованиям православия. Сведения о сельских церквях совершенно отсутствуют в исторической литературе. Молчат о них летописи и другие литературные источники; едва ли смогут когда-нибудь помочь в этом вопросе и археологические раскопки. Между тем имеется возможность установить примерное число сельских храмов в древней Руси.

По мнению А. Яковлева, на территории Древнерусской державы в XI—XIII веках проживало около 6—8 млн человек при средней плотности 5 человек на 1 квадратный километр.³

Численность городского населения Киевской Руси могла приближаться к 500 000—600 000,⁴ что составляло 6—8% от общего населения страны. Чтоб охватить церковным влиянием 6—8 млн человек, необходимо было весьма большое количество церквей, раз в 10 больше того, какое имелось в городах. Для осторожности возьмем более скромное соотношение 1:3, при котором число сельских храмов должно равняться 6000 единиц.

К городским и сельским приходским церквям необходимо добавить еще некоторое количество церквей, находившихся в домах феодалов.

Крупнейший знаток истории русской церкви Е. Голубинский в подтверждение своей мысли о широком распространении домовых церквей в домонгольской Руси приводит грамоту константинопольского патриарха Германа к митрополиту Кириллу, написанную в 1228 году, из которой следует, что отдельные представители феодальной знати имели своих священников из купленных рабов.⁵ Для совершения церковных служб домашние священники были обязаны иметь необходимый минимум церковных книг, которые, являясь собственностью феодала, могли хра-

¹ См., например, Новгородскую первую летопись под 1240, 1272, 1298 и 1340 годами, а также Лаврентьевскую летопись под 1185 годом и др.

² Новгородская первая летопись под 1127 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 508.

³ А. Яковлев. Холопы и холопство в Московском государстве в XVII в., т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1944, стр. 198.

⁴ См.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 125—126.

⁵ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом. 1 М., 1901, стр. 470—473.

ниться в молельных, или „крестовых“, комнатах. С точки зрения новгородского летописца не было ничего удивительного в том, что в частных домах могли находиться книги и иконы. Так, во время большого пожара летом 1340 года в Новгороде „изо многих церкви не успеха вынести ни икон, ни книг, также ни из домов“.¹

Как велико могло быть количество домовых церквей? Естественно, что в разных городах и в разное время оно было весьма различно. Большое число их могло быть только в крупных городах и преимущественно в самом Киеве.

Титмар Мерзебургский писал в 1019 году, что в 1015 году в Киеве имелось более 400 церквей.² Никоновская летопись утверждает, что в пожар 1017 года в Киеве сгорело „яко до семи сот“ церквей, а по свидетельству Лаврентьевской летописи, в пожар 1124 года, 23 и 24 июня, их сгорело „близь шести сот“. Эти цифры всегда вызывали сомнения в их реальности. В них видели некое мифическое число, вроде „сорока сороков“ церквей белокаменной Москвы, гиперболическое выражение большого числа церквей древнего Киева. Между тем эти цифры могут быть весьма близки к действительности, если в их число включены помимо приходских также домовые церкви. Характерно, что такое большое количество церквей зафиксировано только для XI—начала XII века и совершенно не известно для более позднего времени (от середины XII века до 1240 года). Учитывая значительно меньшие по сравнению с Киевом размеры столиц феодальных полугосударств, следует сократить и число боярских домовых церквей, находящихся в них. Вместо 300—400 церквей, зафиксированных для Киева, для городов Владимир на Клязьме, Галич, Новгород и других крупных центров следует считать существование примерно 100 домовых церквей одновременно в каждом.

Если предположить, что по всей Руси за 250 лет было построено и снабжено книгами 20 000—30 000 домовых церквей, то это число будет, по всей видимости, значительно меньше того, сколько их было на самом деле.

Помимо церквей, церковно-служебная литература находилась в монастырях. По мнению Е. Голубинского, в Киеве и Новгороде было по 17 монастырей, во Владимире на Клязьме — 6, в Смоленске — 5, в Чернигове, Полоцке и Ростове Великом — по 3, в Переяславле Южном — 2, в Галиче, Владимире Волынском, Переяславле Залесском, Суздале, Муроме, Пскове, Старой Руссе, Новгороде Нижнем, Ярославле и Тмутаракани — по одному.³ Итого в 18 городах было 66 монастырей. М. Н. Тихомиров утверждает, что „количество монастырей в домонгольской Руси по очень неточным, заниженным сведениям летописей составляет 70“.⁴

Нам удалось установить для времени с X века по 1240 год наличие 127 монастырей; для 71 монастыря из этого числа известна дата постройки (табл. 3). Беглый просмотр таблицы говорит, что собранные нами данные далеко не полны. Едва ли в Киеве, который был значительно больше Новгорода, было вдвое меньше монастырей, чем в последнем. Трудно предположить, что в Галиче было только 2 монастыря. Дело объясняется тем, что Новгород лучше отражен в летописи и о

¹ Новгородская первая летопись, под 1340 г.

² См.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 28.

³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом 2. М., 1904, стр. 746—763.

⁴ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 182.

его монастырях известно больше. Всего монастырей в древней Руси было едва ли меньше 200.

Таблица 3

Количество монастырей древней Руси по городам и с указанием даты постройки

№ п/п	Города	X век	XI век	XII век	XIII век	Итого датированных	Итого не датированных	Всего
1	Архангельск	—	—	—	—	—	1	1
2	Боголюбов	—	—	—	—	—	1	1
3	Брянск	—	—	—	—	—	1	1
4	Валаам	1	—	—	—	1	—	1
5	Владимир Вольнский	—	—	—	—	—	1	1
6	Владимир на Клязьме	—	—	5	—	5	3	8
7	Вологда	—	—	1	—	1	—	1
8	Вышгород	—	—	1	—	1	1	2
9	Галич	—	—	—	—	—	2	2
10	Глухов	—	—	—	1	1	—	1
11	Городец	—	—	—	—	—	1	1
12	Зарайск	—	—	—	—	—	1	1
13	Заруб	—	—	—	—	—	1	1
14	Киев	4	9	1	1	15	7	22
15	Кидекша	—	—	1	—	1	—	1
16	Кострома	—	—	—	1	1	—	1
17	Купятицкий	—	—	—	—	—	1	1
18	Ледкий	—	—	—	—	—	1	1
19	Муром	—	1	—	—	1	—	1
20	Новгород Великий	—	—	—	—	—	1	1
21	Новгород Вольнский	—	—	—	2	2	—	2
22	Новгород Нижний	—	—	—	—	—	1	1
23	Новгород Северский	—	—	—	—	—	1	1
24	Переяславль Залесский	—	1	—	—	1	1	2
25	Переяславль Южный	—	—	2	—	2	—	2
26	Полонице на Волыне	—	—	—	—	—	1	1
27	Полоцк	—	—	1	1	2	2	4
28	Псков	—	—	—	—	—	3	3
29	Путивль	1	—	—	1	2	3	5
30	Ростов	—	—	—	2	2	—	2
31	Рязань	—	—	3	—	3	4	7
32	Смоленск	—	—	1	—	1	1	2
33	Старая Ладога	—	1	—	2	3	1	4
34	Суздаль	—	1	—	—	1	—	1
35	Тмутаракань	—	1	—	—	1	—	1
36	Торжок	—	—	—	—	—	1	1
37	Туров	—	—	—	—	1	1	2
38	Угровск Великий	—	—	—	1	—	1	1
39	Устюг Великий	—	2	—	—	2	2	4
40	Чернигов	—	—	—	—	—	1	1
41	Юрьев	—	—	1	—	1	1	2
42	Ярославль	1	2	13	4	20	8	28
	Всего	7	18	30	16	71	56	127

Подведем итоги. 2000 церквей городских приходских, 2000—3000 городских домовых, 5000—6000 приходских сельских, 2000 монастырей —

таковы те приблизительные цифры, которые мы можем вывести для древней Руси. Всего за 250 лет по всей Руси было построено около 10 000 церковных зданий.

* * *

Другим вопросом, требующим разрешения, является вопрос о минимальном количестве книг, без которых не мог обойтись в церкви ее клир. Как известно, содержание и ход церковной службы определяются уставом, так называемым Типиконом. В середине XI века Феодосий Печерский ввел в своей обители устав греческого Студийского монастыря, предварительно подвергнув его незначительной переработке. По сообщению Лаврентьевской летописи под 1051 годом, устав этот вскоре был воспринят всеми монастырями древней Руси. Служба в приходских и домовых церквях совершалась по тому же плану, что и в церквях монастырских, но только с некоторыми сокращениями.

Учитывая требования Типикона, предельный минимум книг для приходской или домово́й церкви должен был состоять из: 1) Евангелия апракос, 2) Апостола апракос, 3) Служебника, 4) Требника, 5) Псалтыри, 6) Триоди Постной, 7) Триоди Цветной и 8) Минеи Общей. При отсутствии указанных восьми книг служба совершаться не могла.

Часовник или Октоих можно было заменить Псалтырью Следованной.

В соборных, а также кафедрально-епископских церквях и в церквях монастырских количество необходимых книг было несколько большее. Помимо книг, обязательных для приходских церквей, здесь нужно предполагать наличие следующих богослужебных книг: 9) Воскресного Октоиха, 10) Шестоднева, 11) Стихираря, 12) Ирмология, 13) Паремейника, 14—25) Минеи Месячных и, наконец, 26) Типикона. Кроме того, в монастырях должно было находиться большое количество церковно-учительных книг для „душеспасительного“ чтения. Так, например, во время трапезы полагалось читать Четы-Минеи — сборник „житий“, расположенных по дням месяцев, всего 12 книг.

Все вышперечисленные книги не только полагалось иметь в церквях и монастырях, но они и действительно существовали в домонгольской Руси. По подсчету, произведенному Е. Голубинским, в начале XX века было известно 73 богослужебные книги 15-ти названий, написанные до 1240 года, в том числе 8 Евангелий апракос, 33 Минеи, 5 Триодей Постных, 8 Стихирарей и т. д.¹ У Волкова указано 12 названий и 88 единиц.² Существование всех означенных выше книг зафиксировано литературой.

Подведя итоги, мы можем сказать, что для совершения службы в 10 000 церквях и 200 монастырях нужно было иметь около 85 000 книг.

* * *

Подсчитывая церкви и монастыри, церковно-служебные книги древней Руси, мы вовсе не занимались этой задачей ради ее самой. Данная цифра (85 000) нужна только как определенная исходная точка для установления общего числа книг, обращавшихся в древней Руси, книжный фонд которой вовсе не ограничивался церковной литературой.

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом 2, стр. 523—530.

² Н. В. Волков, ук. соч.

Для древнерусского раннефеодального государства монастыри являлись не только религиозными центрами. В значительной степени они были центрами книжности и средневековой образованности.

Обладая значительными материальными ценностями, богатые монастыри могли предоставить инокам большие возможности свободно заниматься как литературным трудом, так и переписыванием книг. В монастырях вырабатывались навыки письма и создавались, повидимому, постоянные штаты переписчиков. Так, монах Печерского монастыря Иларион был „книгам хитр писати“. В деле „книжного строения“ уже наметилась определенная специализация: в то время как Иларион писал книги, Никон переплетал их, а Феодосий прял нить для переплетов.

Крупные монастыри располагали хорошими библиотеками. Книги помещались на „полатах“ — на хорах, служивших часто местом хранения всей монастырской казны. Есть основания предполагать, что фонды этих библиотек были весьма обширны. Несложный расчет подтверждает подобное предположение. Общее количество монашествовавших в древней Руси исчислялось тысячами человек. В одном только Киево-Печерском монастыре в XI веке находилось 180 черноризцев.¹ В Смоленском Авраамиевом монастыре в XIII веке было только 17 монахов, но автор жития Авраамия объясняет это исключительной строгостью самого игумена.² Для духовенства, особенно черного, переписывание книг считалось богоугодным занятием. Студийский устав подразумевает грамотность всех монахов. Если переписыванием книг в Киево-Печерском монастыре занималось только 10 человек, т. е. 5.5% от общего числа черноризцев, то и тогда за два столетия существования монастыря количество переписанных книг естественно могло достичь сотен единиц. Кроме того, в Соборной церкви Печерского монастыря хранились греческие книги, привезенные туда, согласно преданию, греческими архитекторами, строившими этот храм.

26-й пункт Студийского устава предполагал наличие в монастырях порядочных библиотек. Для хранения книг выделялся специальный человек.

„Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево и собираются братия в книгохранительную комнату, и берет каждый книгу и читает до вечера, перед клепанием же к светильничному ударяет опять однажды книжный приставник и все приходят и возвращают книги по записи, кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии“.³

Не известно, сколь точно выполнялся этот пункт во всех монастырях, но вполне естественно предположить, что к исполнению данного предписания устава стремились все настоятели монастырей. Так, например, основатель Печерского монастыря Феодосий постоянно призывал братию к „почитанию книжному“.⁴ Монах этого же монастыря Никита выучил наизусть Ветхий Завет, а инок Дамиан не спал ночами, читая книги.⁵

„Житие Авраамия Смоленского“ заставляет предполагать наличие в Смоленске богатой библиотеки. Начитанным человеком был сам Авраамий. Игумен монастыря, в котором он постригся, был „хитр божественным книгам... и никто не смея пред ним от книг глаголити“.⁶

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 96—97.

² Житие Авраамия Смоленского. Смоленская старина, вып. 1, 1909.

³ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. 1, полутом 2, стр. 781.

⁴ Новгородская первая летопись, стр. 199, под 1074 г.

⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 37, 91.

⁶ Житие Авраамия Смоленского. Смоленская старина, вып. 1, 1909, стр. 135 и др.

Имеются отдельные указания о существовании личных библиотек. В Киево-Печерском патерике записано, что ученик Феодосия инок Григорий имел у себя в келье книги. Повидимому, книг было немало, так как одну часть из них у него украли, другую часть он отдал „властелину града“, третью же часть он продал, раздав деньги убогим.¹

В XII веке черниговский князь Святополк (Николай) потратил много своей казны на покупку книг, которые дарил затем Печерскому монастырю. Подобные вклады могли поступать и от других богатых постриженников монастыря, таких, как Ян Вышата, Еразм, Моисей Угрин, Исаакий Затворник, Никон черноризец и др.

Крупные библиотеки имелись также при соборных церквях. Так, Лаврентьевская летопись под 1176 годом сообщает о том, что „на палатех“ соборной Успенской церкви по Владимире на Клязьме наряду с золотом, серебром, драгоценными тканями и иконами хранились книги. Повидимому, помимо церковной казны на хорах Успенского собора помещались ценности, принадлежавшие горожанам, так как „ключи палатные, церковные“ хранились у последних. Когда в 1176 году Ростиславичи разграбили Успенский собор, владимирские граждане потребовали от своих новых князей, чтоб все захваченные ценности, в числе которых упоминаются книги, были немедленно возвращены на место.

Во время боевых действий книги часто захватывались в качестве военного трофея. Так, зимой 1168 года войска Андрея Юрьевича Боголюбского под командованием его сына Мстислава захватили и разграбили Киев. Наряду с иконами и ризами из церквей и монастырей были увезены книги.² В 1203 году Рюрик с половцами, ворвавшись в Киев, разграбил церковь св. Софии, Десятинную церковь, а также ряд других церквей и монастырей. Захватчики „поймали“ драгоценные кресты, сосуды, „порты“ первых князей и книги.³

В Ипатьевской летописи под 1288 годом в некрологе князю Владимиру Васильковичу имеется чрезвычайно интересная запись всех церквей, построенных им, а также вкладов в церкви и монастыри, в числе которых упоминается большое количество книг. В Благовещенскую церковь Кременца князь Владимир Василькович вложил окованное серебром Евангелие апракос, Апостол апракос, Паремейник, „сборник отца своего“; в Бельске он „поустроил церкви иконами и книгами“; во Владимире Волынском в епископскую церковь Богородицы вложил списанное им самим и окованное серебром Евангелие и Апостол апракос; в монастырь „свой“ вложил Апостол и Евангелие апракос, Апостол, который „писал сам“, „сборник отца своего“ и молитвенник; в епископскую церковь Перемышля вложил Евангелие апракос, окованное серебром и жемчугом, которое, как говорят, „сам списал“; в Епископскую церковь Чернигова вложил Евангелие апракос, писанное золотом и окованное жемчугом и серебром; в церковь Георгия в Любомле — Евангелие апракос, окованное золотом, с дорогими камнями и жемчугом, да еще Евангелие и Апостол апракос, Прологи 12-ти месяцев, Миней, Триоди, „Октаи“ (Октоихи) и „Ермолай“ (Ирмологий), служебник св. Георгия и молитвенник; в церковь Петра в Бресте — Евангелие апракос. Итого, больше чем в 7 церквей им было вложено более 49 книг, причем в одну церковь Георгия в Лю-

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 92, 96, 97.

² Лаврентьевская летопись, под 1168 г.

³ Там же, под 1203 г.

бомле князь Владимир Василькович пожертвовал не меньше 35 книг. Всего вложено было, видимо, значительно больше, так как отмечались только наиболее дорогие по оформлению книги.

Выводы из этих данных интересны в двух отношениях. Они отражают, во-первых, примерный состав богослужебных книг и, во-вторых, общее количество экземпляров, находившихся в одной церкви. Следует учитывать, что многие из перечисленных церквей были построены раньше и вклады Владимира Васильковича только обогатили их библиотеки.

В „Повести временных лет“ под 1037 годом читаем: „... и собра (Ярослав, — Б. С.) писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы, и... ими же поучаша верное люде...“.

В 1130 году новгородский князь Всеволод-Гавриил построил на Петрягином дворще церковь Ивана „и устроил есьмь иконами многоценными, и еуангелии многоценными, и всеми книгами исполонь“.¹ Так снабжались книгами, видимо, и другие церкви, независимо от того, кто их строил (табл. 4).

Таблица 4

Количество церквей Новгорода Великого с X века по 1240 год с указанием, кто строил и когда

Кто строил	X век	XI век	XII век			XIII век					Итого	
			1100—1119 гг.	1120—1139 гг.	1140—1159 гг.	1160—1179 гг.	1180—1199 гг.	1200—1209 гг.	1210—1219 гг.	1220—1229 гг.		1230—1239 гг.
Князья	1	3	3	5	—	2	3	—	—	—	—	17
Владыки	1	—	—	—	1	1	8	—	2	—	—	13
Духовенство	—	—	2	—	1	1	3	—	—	—	—	7
Бояре	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Гости	—	1	1	1	1	3	7	2	—	—	—	16
Уличане	—	—	—	—	4	2	7	—	—	1	—	14
Посадники	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	—	5
Не известно	—	1	—	3	3	2	10	2	—	5	1	27
Всего	2	5	6	9	10	11	39	5	5	7	1	100

Помимо книг в церквях хранились документы. Своеобразный архив, например, имелся при церкви Ильи в Киеве.

Наконец, книжные собрания находились в частных руках. Князь Святослав Ярославич наполнял свои клетки книгами. Большие собрания книг были у Владимира Святославича, который любил „словеса книжные“,² у Ярослава Мудрого, который „книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне“. Любя книги, Ярослав „многы написав, положи в святей Софии церкви, юже созда сам“.³

¹ Новгородская первая летопись, стр. 508.

² Там же, стр. 166.

³ Повесть временных лет, т. I, под 1037 г.

Имеются основания утверждать, что в библиотеке митрополита Климента Смолятича была хорошо представлена греческая литература. По крайней мере Гомера, Аристотеля и Платона Климент читал.¹ Ярослав Осмомысл Галицкий был „... мудр и речен языком... и честен в землях“.² Отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич, как известно, знал пять языков, не покидая дома. Возможно, что в его распоряжении находились и книги на этих языках. В „Молении Даниила Заточника“ ясно сквозит знакомство Даниила с библейей и полунасмешливое отношение его к священному писанию.³ Как отмечалось уже, библиотеки были также у черниговского князя Святополка и инока Печерского монастыря Григория. По сообщению Лаврентьевской летописи, ростовский епископ Кирилл был „богат зело“ книгами, как никто до него в Ростовской земле.⁴ Летописи зафиксировали случаи, когда при пожарах в частных домах горели книги. Например, летом 1185 года во время большого пожара во Владимире на Клязьме из теремов выносили на двор и куны, и книги, и паволоки, и сосуды без числа, но „огонь все взя“.⁵ Во время пожара 7 июня 1340 года в Новгороде „... не успеха вынести ни икон, ни книг... из домов“.⁶

Во время последних раскопок А. А. Монгайт на территории Старой Рязани в рядовых жилищах часто встречались медные застёжки книжных переплетов — единственная хорошо сохранившаяся в земле деталь древних рукописных книг. Застёжки встречались не только в домах богачей, обнаружены они были также в жилищах ремесленников.⁷

Большой интерес для решения интересующего нас вопроса представляют краткие летописные сведения об организации обучения в древней Руси. Под 988 годом в Новгородской первой летописи читаем: „... послов нача (Владимир Святославич, — Б. С.) посылати о нарочитой чаде дети имати, даяти на ученье книжное“. То же самое записано в „Повести временных лет“ под тем же годом. Под 1030 годом в Софийской первой летописи находим: „... прииде (Ярослав, — Б. С.) к Новгороду, собра от старосты и поповы детей 300 учити книгам“.⁸ Под 1037 годом в „Повести временных лет“ сказано, что Ярослав Мудрый раздавал списанные книги в „поучение верным людям“. Школы по подготовке священников имелись при епископских кафедрах. Под 1030 годом во Второй Новгородской летописи читаем: „... преставися архиепископ (читай „епископ“ вместо позднейшей правки „архиепископ“, — Б. С.) Аким Новгородский и бяше ученик его Ефрем, иже ны учаща“.⁹

¹ См.: Хр. Лопарев. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. Памятники древней письменности, вып. XL, СПб., 1892; Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

² Ипатьевская летопись, под 1187 г.

³ См.: Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника. Труды ОДРА, т. X, 1954, стр. 106—109.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1229 г.

⁵ Там же, под 1185 г.

⁶ Новгородская первая летопись, стр. 351.

⁷ А. А. Монгайт. Раскопки Старой Рязани. Сб. „Древняя Русь“, М., 1953, стр. 317.

⁸ ПСРА, т. V, стр. 136.

⁹ Большое количество известий о школах и библиотеках древней Руси встречается у В. Н. Татищева. В конце XI века, по его словам, во Владимире имели место смотр училищ и наставление учителей (В. Н. Татищев. История Российская, кн. II, М., 1773, стр. 181). В 1086 году Всеволод Ярославич основал в Киеве училище для обучения девиц писанию и другим наукам (там же, стр. 138). При кафедре новгородского епископа Иакима была в 1030 году основана школа, где обу-

В настоящей работе мы не собираемся рассматривать вопрос о том, чему учили в школах Владимира I и Ярослава Мудрого. Можно сказать одно: „Учение книжное“ — это не простая грамотность, а систематическое образование, обучение тогдашним наукам.

Так, о митрополите греке Иоанне II, умершем в 1089 году, „Повесть временных лет“ сообщает: „... бысть же Иоан муж хытр книгам и учению ... и сякого не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк“. Митрополит Кирилл II, поставленный в 1224 году, охарактеризован как муж „... учителен зело и хытр учению божественных книг“.¹ Об Иларионе в „Повести временных лет“ под 1051 годом сказано, что он „муж благ; книжен и постник“; о митрополите Клименте записано: „... бысть книжник и философ так, яко же в Русской земле не бяшет“. О греке митрополите Иоанне Скопце, заведомо грамотном человеке, сказано довольно сдержанно: „... бе же сеи муж не книжен и умом прост, и просторек“. Князя Бориса Владимировича Нестор характеризует так: „... бяше бо и грамоте научен“. Составитель Ипатьевской летописи, рассказывая о Владимире Васильковиче, умершем 10 декабря 1288 года, отметил, что он „... глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик“.²

Чтоб дети „нарочитой чади“ могли освоить премудрость „учения книжного“, необходимо было иметь определенное число книг, по которым можно было учить и учиться.

Учились не только в Киеве и Новгороде, но и в других городах. Так, например, Феодосий Печерский учился в Курске. Следовательно, и в других городах имелись какие-то библиотеки, которые использовались для обучения.

* * *

Церкви и монастыри не являлись единственными центрами письменности и книжности древней Руси. Б. А. Рыбаков разделил всех известных писцов XI—XII веков на две группы по признаку отношения их к церкви и расположил их в хронологическом порядке.³ Выводы из его таблицы получились чрезвычайно интересные. Оказалось, что из 25 известных за два столетия подписей только 7 можно достоверно

чади греческому языку (там же, стр. 105; ср. Вторую Новгородскую летопись под 1030 г.). В конце XII века Михаил Юрьевич, внук Мономаха, был „вельми изучен писанию, с греки и латыни говорил их языком, яко русским“ (там же, кн. III, М., 1774, стр. 220). В конце XII века князь Роман Ростиславич Смоленский основал в Смоленске училище, где содержал учителей греков и латынгов. Сам он был „вельми учен всем наукам“, истратил всю свою казну на книги и школы (там же, стр. 238—239). Под 1214 годом находим у В. Н. Татищева запись о том, что Константин Всеволодович устроил училище при церкви Богородицы в Ростове (стр. 382). В начале XIII века он основал в городе Владимире на Клязьме при церкви Михаила архангела еще одно училище, где русские и греческие иноки учили „младенцев“. В это училище Константин Всеволодович вложил все собранные им книги. 11 мая 1227 года во время большого пожара училище сгорело (стр. 446 и 415). В записи от 2 февраля 1218 года сказано, что князь Константин Всеволодович был большой охотник до чтения и научен многим наукам, он завел архивы, занимался переводами книг. Одних греческих книг у него было более 1000 единиц, часть из которых он купил за большие деньги, часть получил в подарок от патриарха. При князе всегда было много ученых людей, с которыми он разговаривал „от словес книжных“. Сведения В. Н. Татищева о высокой образованности и любви к книгам Константина Всеволодовича подтверждаются и другими источниками. В Лаврентьевской летописи под 1218 годом записано, что Константин Всеволодович основал много церквей и наполнил их книгами, что он „часто бо чтяша книги с прилежанием“.

¹ ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стб. 447.

² ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 921.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 405—407.

относить к лицам духовного звания;¹ 18 писцов не указали своей принадлежности к церкви,² с XIII века они уже называют себя „мастерами“. В XI веке книги пишут церковники, но с конца столетия в Новгороде Великом возникает ремесло „книжных писателей“, и дошедшие до нас книги конца XI—XII века в подавляющем большинстве принадлежат светским писцам (72⁰/₀).

Наблюдения над особенностями почерков рукописных книг, изучение поправок одних писцов текста, написанного другими писцами, изучение совместных надписей ряда писцов на одной книге привели исследователей к установлению факта разделения труда между писцами, факта наличия мастеров и подмастерьев. Так, например, Н. М. Каринский доказал, что дьяк Иоанн, писец „Святославова изборника“, имел у себя помощника.³ Для ускорения переписки крупных книг применялась кооперация писцов. Так, Рязанская Кормчая 1284 года была написана пятью писцами. Следует предположить, что писцы работали индивидуально и одновременно, так как изготовленные ими части механически сшивались, иной раз с белыми листами внутри книги.

Превращение списывания книг в светскую профессию отражало широкое распространение грамотности среди посадского населения древнерусских городов на рубеже XI—XII веков. Кроме 25 книжных писцов для XI—XIII веков известны имена 7 мастеров, подписавших изготовленные ими изделия. Это Стефан, Братило и Коста из Новгорода, Костянтин из Вщижа, Лазарь Богша из Полоцка (1161 г.), Максим и Н[и]ждим из Киева.

Большая библиография древнерусских надписей собрана А. С. Орловым.⁴ Однако, основываясь на одних литературных источниках, нельзя было представить себе истинные размеры распространения грамотности.

Совершенно исключительный материал для решения этого вопроса был получен в последнее время советскими археологами. Так, раскопки А. Л. Монгайт в Старой Рязани летом 1948 года показали, что большая часть кирпичей Успенского собора имела клейма в виде отдельных букв или знаков. На некоторых кирпичах было оттиснуто имя мастера: „Яков тв“, т. е. „творил“.⁵ Раскопки, произведенные в последние годы М. К. Каргером в Переяславле Хмельницком, дали большое количество граффити на стенах храмов и надписей на сырце-кирпиче. Раскопки в Чернигове, производившимися сотрудниками Гос. Эрмитажа, было выявлено много клейм на кирпичах церкви Параскевы-Пятницы (XII в.), часть из которых является буквами. Каждый год археологи находят множество надписей на самых обычных бытовых предметах, свидетельствующих о широком распространении грамотности среди простых людей древней Руси. Сюда входят надписи

¹ Поп Упырь Лихой (1047 г.), дьякон Григорий (1057 г.), дьякон Иоанн (1073 и 1076 гг.), пресвитер Петр (1092 г.), дьякон Константин Добрыло (1164 г.), пономарь Творимир-Иаков (конец XII в.).

² Мишка (1092 г.), Завид (1092 г.), Дёмка (1095 и 1096 гг.), Григорий (1096 г.), Михаил (1097 г.), Константин (XI в.), Федор (XII в.), Путята (ок. 1100 г.), Иоанн (ок. 1100 г.), Алекса, сын Лазаря (ок. 1117 г.), Жадан (ок. 1117 г.), Офрем (XII в.), Офрем (XII в.), Илья (XII в.), Лаврентий (XII в.), Матфей (конец XII в.), Моисей Княнин (конец XII в.).

³ Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 10.

⁴ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.

⁵ А. Л. Монгайт. Раскопки Старой Рязани, стр. 312.

на женских пряслицах, венцах срубов, крышках от бочек, сапожных колодках, глиняных сосудах и т. д. и т. п. 26 июля 1951 года А. В. Ардиховский впервые обнаружил во время раскопок в Новгороде берестяные грамоты, которые являются ценнейшими документами, совершенно по-новому освещающими многие стороны культуры Древнерусского государства.¹

Появление с XII века особой профессии „книжный переписчик“ свидетельствует о возрастании потребности в книгах, которую не могли удовлетворить монастырские писцы, работавшие больше для внутреннего потребления, чем на продажу. Рост грамотности ремесленного населения создавал благодатную почву для образования прослойки людей, живших списыванием книг. Книга становится товаром, предметом купли-продажи. Владимир Василькович, например, купил у „протопопине“ молитвенник.² Имели место случаи воровства книг,³ также свидетельствующие о том, что книга имела реальную рыночную ценность, что ее можно было продать.

В настоящее время трудно ответить на вопрос, в каком соотношении находились церковные и светские книги в домонгольское время. Однако ясно, что отношение это не может быть выведено из соотношения дошедших до наших дней книг светского и церковного содержания. Можно предположить, что если число церковных книг приближалось к сотне тысяч, то общее количество книг, бывших в обращении в Древнерусском государстве с X века по 1240 год, должно исчисляться порядком сотен тысяч единиц.

Сколь велика была книжная производительность в XI—XIV веках, можно судить, между прочим, по тому, что в продолжение второй половины XVI и всего XVII века пергаменом харатейных книг оклеивали тимпаны и фрашкеты⁴ на Московском печатном дворе. Во всех уцелевших расходных книгах Печатного приказа XVII века начиная с 1620 года постоянно встречаются указания на покупку большого количества харатейных книг для вышеуказанных целей.⁵ Книги, дошедшие до наших дней, составляют, видимо, доли процента от общего количества книг домонгольского времени. Удивляться этому совершенно не приходится, так как за 700—900 лет, прошедших с момента создания книг, было слишком много причин к тому, чтобы они не сохранились. Междоусобные войны, нашествия монголов и других внешних врагов, пожары истребляли массу книг.⁶ Лучшая сохранность церковных книг объяс-

¹ А. В. Ардиховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. Изд. АН СССР, М., 1953; А. В. Ардиховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. Изд. АН СССР, М., 1954.

² Ипатьевская летопись, под 1288 г.

³ Патерик Киевского Печерского монастыря, слово 28.

⁴ „Тимпан“ (итал.) — деталь ручного печатного станка; представляет собой обтянутую пергаменом четырехугольную раму, на которую накладывали лист бумаги для оттирка; „фрашкет“, „рашкет“ (итал.) — рамка, прикрывающая лист, положенный на тимпан, от загрязнения при печати.

⁵ См.: В. Е. Румянцев. Иван Федоров — первый русский книгопечатник. М., 1871, стр. 5.

⁶ Н. Аристов писал, что с 1055 по 1238 год было 80 областных войн (Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 251). В. В. Мавродин подсчитал, что за XIII—XIV века и первую половину XV века русские выдержали более 160 войн с внешними врагами (Образование Русского национального государства. М.—Л., 1941, стр. 127). С 1045 по 1712 год в Новгороде было 108 зафиксированных летописями пожаров, во время которых сгорело не менее 816 церквей (Д. Прозоровский. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887, стр. 158—177 и др.).

няется специфическими задачами подбора и хранения книг в монастырских библиотеках, откуда происходят почти все сохранившиеся до нашего времени домонгольские книги.

* * *

Последний вопрос, на котором следует остановиться, — это вопрос о примерной цене древнерусских рукописных книг и стоимости их изготовления. Точного ответа на этот вопрос дать нельзя, так как прямых указаний по этому поводу почти не сохранилось. Следует оговориться, что такие совершеннейшие произведения искусства, как „Остромирово Евангелие“ (1056—1057 гг.) или „Мстиславово Евангелие“ (1117 г.), цену которого, как записал переписчик, „един бог ведае“, не могут идти в расчет при определении стоимости книг того времени, именно в силу исключительной техники своего исполнения. Для примера возьмем „Архангельское Евангелие“ 1092 года и попытаемся установить его цену, так как оно было, повидимому, рядовой книгой. Себестоимость данной книги складывалась из стоимости материала (пергамена, чернил) и оплаты труда переписчика и переплетчика, причем главные затраты шли на пергамен и на оплату переписчика.

Сырьем для производства пергамена служили кожи молочных телят (так называемый „опоек“), коз, овец, жеребят и других животных. Судя по русскому названию пергамена — „телятина“, он изготовлялся в России преимущественно из кожи телят. Выход товарной кожи из шкуры молочного теленка колеблется от 65 до 80 дм.¹ Судя по анализам древнего пергамена, процесс его производства не был связан с какими-либо крупными затратами на оборудование и химикалии. Для написания „Архангельского Евангелия“ нужно было 530 дм¹ пергамена, которые можно было получить из 9—12 телячьих шкур. 28-я статья „Русской Правды“ оценивает теленка в 5 резан, 45-я статья определяет взыскать с вора за покражу теленка 5 кун.¹

Цена 8—12 опойков могла равняться цене одного-полтора телят, т. е. 5—8 кунам. Цена пергамена, видимо, была не столь велика, ибо в противном случае заказчики книг позаботились бы, чтоб переписчики более аккуратно использовали харатью и не делали поля, занимавшие около $\frac{2}{5}$ площади листа.

Рабочий день у различных переписчиков был различен. Так, у попа Упыря Лихого, дьякона Григория и других лиц духовного звания едва ли оставалось много времени для переписывания книг. Больше 3—5 часов в день тратить на списывание они не могли. У переписчиков профессионалов, число которых в XII веке резко увеличилось, рабочий день был значительно больше и мог доходить до 10—12 часов.

При наличии разной скорости списывания, зависящей от индивидуальных качеств человека, списать в час 500—600 знаков было вполне возможно. Четвероевангелие, содержащее около 350 000 знаков, могло быть списано церковнослужителем примерно за 150 рабочих дней, т. е. 5½ месяцев, считая, что воскресенье они не работали. Переписчик мирянин мог выполнить работу значительно скорее, примерно за 50 рабочих дней или — с воскресными днями — за 2 месяца. Факты подтверждают наши расчеты. Так, например, „Остромирово Евангелие“ дьякон Григорий писал с 21 октября 1056 года по 12 мая 1057 года, т. е. больше 6 месяцев. Апостол 1220 года в 240 листов был написан в 2 ме-

¹ Правда Русская, т. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 185 и 396.

сяца без нескольких дней, т. е. переписчик писал по $4\frac{1}{2}$ листа в день, причем его рабочий день был не меньше 10—12 часов. Летопись Лаврентия 1377 года была написана за 73 дня, по $2\frac{1}{3}$ листа в день. Труд переписчика был тяжел. В „Добриловом Евангелии“ 1164 года имеется характерная приписка: „... яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист“. За свой тяжелый труд писец в тех случаях, когда его нанимали, получал едва ли больше, чем рядовой ремесленник того времени. Просматривая расценки для наемных строителей по „Русской Правде“ и по отдельным высказываниям летописей,¹ можно прийти к убеждению, что одна куна в день считалась высокой подневной оплатой.² Получая одну резану в день, переписчик мог заработать за списывание Евангелия (2 месяца) около гривны. С учетом стоимости сырья, работы кожевника, переписчика, переплетчика себестоимость „Архангельского Евангелия“ могла равняться 1.5—2 гривнам.³ Если для феодалов и верхов городского посада книга была вполне доступна, то для городских низов эта цена была слишком высокой преградой к приобретению книги.⁴

* * *

В заключение необходимо отметить, что древнерусские люди любили и ценили книгу. Ее заботливо выносили при пожарах из охваченных пламенем церквей и теремов, ее пытались спасти при нашествии врагов. В русских летописях имеются замечательные слова о пользе „учения книжного“: „Велика бо бывает полза от ученья книжного... мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных. Се суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгам бо есть неищная глубина... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей“,⁵ „Муж мудр, не имея книг, подобен есть оплоту без подпор стоящю, аще будет ветр, то падется“.⁶

Помимо отдельных частных выводов о широком распространении грамотности среди населения древней Руси, о наличии большого числа читателей и переписчиков, о существовании хорошо поставленного дела размножения книг в особых мастерских, напрашивается общий вывод о том, что XI—XIII века были временем большого развития древнерусской книжной культуры, которое было насильственно задержано на долгие годы татаро-монгольскими захватчиками.

¹ См., например: ПСРЛ, т. III, стр. 210.

² См.: Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951.

³ В Ипатьевской летописи под 1288 годом есть запись, что за молитвенник, купленный у „протопопине“, князь Владимир Василькович заплатил 8 гривен кун.

⁴ Можно предположить, что помимо книг на пергамене в XII—XIII веках существовали книги на бересте. Иосиф Волоцкий писал про Сергея Родонежского, жившего в XIV веке, что „в обители блаженного Сергия и самые книги не на харатях писаху, но на берестях“. Берестяные книги были, видимо, много дешевле пергаменных.

⁵ Повесть временных лет, т. I, 1037 г.

⁶ Новгородская первая летопись, стр. 561.

МАТЕРИАЛЫ и СООБЩЕНИЯ

В. В. ДАНИЛОВ

Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года

Изборник Святослава 1073 года содержит большое число тематически подобранных выдержек и цитат из византийских авторов. Среди их имен, из которых многие обладают широкой литературной популярностью, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ориген и др., остается в тени имя Исидора Пелусиота. Ни С. Н. Палаузов, перечисляя писателей, вошедших в Изборник,¹ ни И. Я. Порфирьев в „Истории русской словесности“, ни другие авторы, писавшие об Изборнике, не называют Исидора Пелусиота. Впервые в общем обзоре переводной литературы Киевской Руси Исидор Пелусиот назван в „Истории русской литературы“, изданной Академией Наук СССР в 1941 году (т. 1, стр. 191). Между тем Исидор Пелусиот в Изборнике 1073 года цитируется двенадцать раз по различным вопросам, что дает основание привести справку о нем, его сочинениях и характеризовать переводы его текстов в Изборнике.

В русской литературной историографии Исидору Пелусиоту посвящена монография проф. П. С. Казанского, но она написана сто лет назад, с церковной точки зрения, не раскрывающей наиболее интересные для нас литературные стороны сочинений Исидора.²

О его жизни не известно ничего достоверного, даже нет точных сведений о времени его рождения и смерти. То, что сообщается о нем византийскими авторами, носит схематически-житийный характер.

Исидор родился в Египте и жил во времена императора Феодосия II Младшего, царствовавшего с 408 по 450 год. Рассказывается, что он был сын „благородных“ и „благочестивых“ родителей, но оставил семью, богатство и почести и постригся в монахи в монастыре, в дельте Нила, возле города Пелусии, откуда пошло его прозвище. Письма Исидора, из которых отдельные исследователи черпали сведения о нем, дают разноречивые показания. Даже относительно времени смерти Исидора можно сказать только, что он умер после 434 года.

Этому автору приписывается большое эпистолярное наследство, доходившее, по словам константинопольского патриарха XIV века Никифора, до 10 тысяч писем.³

¹ С. Н. Палаузов. Век болгарского царя Симеона. М., 1852.

² П. Казанский. Св. Исидор Пелусиот. Прибавления к изданию св. отцов в русских переводах, ч. 14. М., 1855, стр. 472—547.

³ См.: P. Migne. Patrologiae cursus completus. Sancti Isidori Pelusiotae, epistolarum libri quinque. Patrologiae graecae, t. LXXVIII, 1864, стр. 115.

В западноевропейских библиотеках известно около 40 списков писем Исидора. Древнейший список, состоящий из 1600 писем, датирован 986 годом, и затем списки идут включительно до XVII века.

Первое типографское издание писем Исидора в трех книгах вышло в Париже в 1585 году. Оно содержит 1213 писем в греческих подлинниках, с латинским переводом Якова Биляя Прунея. Следующее издание, вышедшее в 1605 году, принадлежит Кунраду Риттерсгусу, юристу по специальности, присоединившему к первым трем книгам писем открытую им четвертую книгу, с ее латинским переводом. Современники восторженно приветствовали это открытие. Знаменитый филолог Иосиф Скалигер писал Риттерсгусу: „Поздравляю тебя или, лучше сказать, литературную республику с найденным сокровищем“. В честь Риттерсгуса Скалигер написал стихи на древнегреческом языке. „Исидор, ранее изданный в свет, — так начинается стихотворение Скалигера, — это были некоторые члены его тела, а не все тело. Теперь Риттерсгус, краса досточтимых законов, радует нас цельным телом Исидора“.¹

В 1623 году Андрей Скотт издал в Антверпене по ватиканской рукописи еще 569 неизвестных писем Исидора. В 1629 году он переиздал собрания Биляя и Риттерсгуса, присоединив свое собрание как пятую книгу писем Исидора. В 1638 году он повторил все издание.

На основе всех предыдущих изданий в Риме в 1670 году по почину кардинала Франциска Барберинского вышло новое издание писем Исидора, проверенное по рукописям, под редакцией Петра Поссини. Это издание вошло в греческую серию „Патрологии“ Миня как ее 78-й том. Здесь Исидору приписывается 2012 писем при 605 адресатах. Такое количество писем внушает сильное сомнение в принадлежности их одному лицу. Мало достоверно, чтобы столько писем могло сохраниться от одного автора, жившего не в центре Византии, а на ее окраине, в глухом и, повидимому, небогатом монастыре, откуда невозможно было сноситься с таким числом адресатов.

В сочинении „Рассуждение об Исидоре Пелусиоте и его письмах“ (1737) Геуман считает большую часть приписываемых Исидору писем не принадлежащими ему — или сочиненными по его образцам, или записанными с его слов и ни к кому не посылавшимися. Проф. П. С. Казанский возражал против этого мнения, указывая на имеющееся в письмах Исидора „замечательное сходство и по языку, и по духу“: „Обличительные письма Исидора, — говорит он, — кроме частых указаний в них на современность, доказывающих их подлинность, все сходны по тому смелому голосу истины, каким говорил, можно сказать, один Исидор Пелусиот“.²

Конечно, известное ядро писем Исидора должно принадлежать ему, — иначе откуда могло бы появиться представление о нем как об их авторе, но впоследствии его имя сделалось общим, ходячим в отношении эпистолярно-дидактической формы, как стало общим авторским именем имя Иоанна Златоуста для церковно-ораторской формы.

Самый факт позднейшего появления отдельных сборников писем Исидора, существовавших независимо от первых трех книг, служит косвенным доказательством того, что эти письма накапливались в среде византийских книжников в продолжение многих лет и по традиции были отнесены к одному автору. На коллективное происхождение значитель-

¹ P. Migne, ук. соч., т. LXXVIII, стр. 118.

² П. Казанский, ук. соч., стр. 514—515.

ной части писем Исидора указывает также отсутствие биографических сведений о нем. Когда он был жив, он был неизвестен, и им не интересовались. Но, применяя к Исидору слова Гоголя о себе, можно сказать, что его имя стало счастливее самого Исидора. Когда накопилось большое число писем с его именем, оно обратило на себя внимание; византийские авторы стали сообщать об Исидоре разнообразные слухи, и была создана биографическая схема по готовым трафаретам житийной литературы.

Под покровом имени Исидора Пелусиота, которым стали пользоваться как псевдонимом, появилась та обличительная смелость писем в отношении адресатов, не исключая самого императора Феодосия, на которую П. С. Казанский ссылается как на доказательство подлинной принадлежности писем Исидору, но которые так же не принадлежали ему, как большая часть оппозиционных эпиграмм в русской рукописной литературе 20—30-х годов XIX века, традиционно приписывавшихся Пушкину, не принадлежала последнему.

Хотя письма Исидора Пелусиота представляют продукт коллективной мысли, тем не менее они объединены высокой культурой языка и древнегреческими литературно-философскими традициями. Письма Исидора идут из кругов, очень близких к древнегреческой классической литературе, с выработанными литературно-художественными вкусами, где, как читаем в письме к софисту Гарпокре, „одни хвалили высоту мыслей Платона, другие — величавость Эврипида; одни любили простоту Исократ, другие — суровость Демосфена; иные, наконец, одобряли ясность и тонкость речи Эсхина“.¹

Древнегреческая классическая литература рассматривается в письмах Исидора в одной нравственной плоскости с библейской. Так, рассуждая в письме к схоластику Олимпию о том, что убеждения не всегда влияют на тех, кого стараются убедить, автор сначала приводит библейские примеры такого положения, а затем классические: „Обрати внимание, — говорит автор, — на тех, кто был вне церкви и достиг высшей славы в красноречии, в его силе и убедительности. Почему Платон, это сокровище греков, по собственному решению изгнал себя? Не потому ли, что он не мог убедить ни одного тирана? Далее, почему Пифагор, который, по общему убеждению, был исполнен мудрости, отступился от общения с Фаларисом? Не по той ли причине, что даже после такого высокого назидания последний продолжал оставаться тираном? Почему Сократ, который превосходил всех мудрецов своего века, погиб, приговоренный к цукуте? Не потому ли, что люди не сносят равнодушно тех, кто старается их исправить?“²

В письме к Офелию Грамматику автор убеждает последнего, раз он признает себя философом, сносить оскорбления, приводя в пример нравственную стойкость Сократа,³ хотя христианский писатель мог бы в этом случае назвать имена, более убедительные для христианина.

Таким образом, Исидор Пелусиот, несмотря на то, что он должен быть признан коллективным автором, является наследником классической греческой философии и литературы и оформленного, отшлифованного древнегреческого языка.

¹ Р. Migne, ук. соч., кн. IV, письмо ХСІ, стр. 1152.

² Там же, письмо ССV, стр. 1297

³ Там же, кн. I, письмо ХI, стр. 185.

С этим языком встретился древнеболгарский переводчик Исидора, и в этом отношении переводы его писем в Изборнике Святослава 1073 года на древнеболгарский язык, на котором не было наследства, равного греческой литературе, представляют значительный литературно-языковой интерес.

Привожу начала цитат из Исидора в Изборнике 1073 года по фотолитографическому изданию Общества любителей древней письменности 1880 года¹ со ссылками на греческие оригиналы по изданию Миня.

1. „Более и хоуждее о единомъ пытаемо есть...“. Лист 10 об. — Migne, кн. I, письмо Герону Схоластику, № CDXXII.

2. „Исидорово отъ поспѣшньныхъ главизна. Мьнѣ хоудое вѣдѣние единое приложи отъшствие...“. Лист 34 об. — Migne, кн. I, письмо Таумазию, № CDII.

3. „Исидорово. Аште бо и небърания имѣния и дѣвства намѣ не оустави христость...“. Лист 47 об.

4. „Коньчное Исидорово. Чесо ради Каинъ и Ламехъ разбои сътворивъша не тѣчно мучена быста...“. Лист 47 об. — Migne, кн. IV, письмо Исаю, № VIII.

5. „Исидора Пилоуснискааго отъ посълани. Въ грѣсѣхъ бо не видѣ пытаемъ есть тѣчью грѣховны...“. Лист 56 об.

6. „Исидорово посълание къ еусевию епископоу. Зиждеши, яко же глаголють, дръкѣве въ Пилоусии...“. Лист 88. — Migne, кн. I, письмо Евсевию епископу, № XXXVII.

7. „Исидорово отъ посълани. Вѣдомо же да есть, яко единого ради грѣха казниться вся земля и градъ...“. Лист 96 об.

8. „Исидорово отъ посълани. Чоудиши ли ся, любениче, како своихъ дръкѣвъ богъ не штади...“. Листы 106—106 об. — Migne, кн. I, письмо Каллопию пресвитеру, № LXXIII.

9. „Исидорово отъ посълани. Яко же не бѣ съблзна...“. Лист 205.

10. „Исидорово. Оулавляють бо оутваряюшtese мужи жены...“. Лист 207.

11. „Того же о дѣвствѣ. Еже есть оубо отъ чръва матера каженкъ и цѣломоудръ...“. Листы 207—207 об.

12. „Исидорово отъ посълани. Миръ святитель съвыше отъ прѣстола...“. Лист 218 об.²

Чтобы дать общее представление о степени близости древнеболгарских переводов Исидора к греческим подлинникам, привожу письмо, которое в Изборнике названо „Исидорово послание к Евсевию епископу“, в греческом оригинале, в переводе Изборника и в подстрочном, дословном русском переводе.

¹ При передаче текстов Изборника современными буквами юсы и йотированные гласные изображаются соответственно их русскому произношению; слова под титлами раскрываются.

² Мне не удалось подыскать греческие оригиналы для всех приводимых в Изборнике Святослава 1073 года переводов писем Исидора Пелусиота. Возможно, что некоторые письма, приписывавшиеся ему, сохранились только в этих переводах. В неоконченном издании Изборника 1073 года Е. В. Барсова в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1882 г.“ (1883, октябрь—декабрь, кн. 4) есть греческие параллели к письмам Исидора Пелусиота, как они читаются в греческом подлиннике Изборника: это тексты 3-й и 5-й нашего перечисления цитат. Указываю также русские переводы некоторых писем Исидора, попавших в Изборник, в издании: Творения св. отцов в русском переводе, изд. при Московской духовной академии, 1859, т. 34, ч. 1, 1-й текст — стр. 238, 2-й — стр. 228, 6-й — стр. 25—26, 8-й — стр. 52.

Migne, т. LXXXVIII, кн. I, письмо
XXXVII

Κτίσεις, ὡς φασί, ἐκκλησίαν ἐν Πηλουσίῳ, λαμπρὰν μὲν τοῖς μηχανήμασι, πονηροὺς δὲ τοῖς ἐπιτηδεύμασι, χειροτονῶν τιμημασί καὶ ἀδικίαις, καὶ ὑβρεσίν, καὶ πενήτων ἐκπίεσμαῖς, καὶ πτωχικοῖς δαπανήμασιν, ἔπερ οὐδὲν ἐστὶν ἕτερον, ἢ οἰκοδομεῖν Σιών ἐν αἵμασι καὶ Ἱερουσαλήμ ἐν ἀδικίαις. Οὐκ χρῆζει δὲ ὁ Θεὸς ἐξ ἄλλοτριῶν θυσιῶν, ἀλλὰ ταυτην ὧς θυόμενον κύνα μυσάττεται. Παύσαι τοίνυν καὶ κτίζων καὶ ἀδικῶν, ἵνα μὴ εἰς ἔλεγχον σοὶ ὑπὸ Θεοῦ ὁ σπκος ἐκεῖνος ὡς εὐρεθῆ μετεωρος μάλιστα ἀμενος, καταβυῶν, δὲ σου αἰώνια, ἔξ ὧν ἐκτίσθη κακῶν, καὶ τοὺς ἐστερημένους μισθοῦ ἀπαντῶν, καὶ τὴν ὄμυαν τῶν βλαβέντων ζητῶν.

Изборник Святослава 1073 г.,
л. 88

Зиждеши, яко же глаголють цръкве въ пилоснии, хътростыми оубо свѣтлоу. зълыми же нравы и неправдами и оукоры и оубогыхъ насильемъ и нищихъ трощениемъ. еже ино ничто же есть. нъ акы зьдати сионъ въ кръвхъ и ероусалимъ въ неправдахъ. не трѣбуеть же богъ отъ штюжихъ жртвъ нъ акы трѣбоу полагаема пьса гноушаеться. прѣстави оубо зижда и неправдоу. да не цръкы та на обличение прѣдъ богымъ обряшеть ти ся. на высоту оубо възграждена въпьюшти же на тя въ вѣкы. и без мълчания с иеремиемъ: горе, иже зиждеть домъ свои на высоту съ неправдою и горьница своя не въ соудѣ оу ближняго ему дѣлателе тоуне. и мзды емоу не отдасть, но тѣкыхъ зыли съзъдася и лишенихъ напѣдъ прося и отъмышления врѣжденихъ възиска.

Приводим дословный перевод греческого оригинала.

„Ты строишь, как говорят, церковь в Пелусии, блестящую вымыслами, но [помраченную] дурными действиями, поборами за хиротонии, и неправдами, и обидами, и притеснениями бедняков, и издержками [собираемыми с] нищих, что есть не что иное, как сооружать Сион на потоках крови и Иерусалим на несправедливостях. Не желает же бог жертвоприношения из чужих достояний, но гнушается им, как приносимой в жертву собакою. Поэтому прекрати и строить и поступать несправедливо, чтобы в улику тебе от бога дом тот не оказался, высоко воздвигнутый, но вопиющий на тебя вечно [о том], из каких зол он выстроен, и встречая лишенных платы, и требуя возмездия за убытки“.

Текст послания к епископу Евсевию в Изборнике длиннее оригинала, потому что распространен вставкою из пророка Иеремии, гласящей в русском переводе: „Горе тому, кто строит дом свой неправдою и горницы свои беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его“ (Иеремиа, XXII, 13). Цитата, как я полагаю, не принадлежит переводчику, но пошла из глоссы, с поля рукописи, может быть, той, с которой был списан Изборник, и расстроила конструкцию и связь изложения. В остальном оригинал передан точно и понятно.

Хотя переводчик вообще старался быть как можно более близким к греческому оригиналу, все же последний подвергнулся некоторой осмысленной переработке.

В письме к епископу Евсевию в Изборнике опущены слова греческого оригинала „поборами за хиротонии“, как указывавшие на явление, присущее развращенной византийской церкви, но чуждое еще патриархальной болгарской церковности X века.

В греческом тексте письма, названного в Изборнике „Коньчье Исидорово“ (л. 47 об.) и начинающегося словами „Чесо ради Каинъ и Ламехъ, разбой сътворивъша, не тѣчно мучена быста“, — письма, трактующего о нравственном различии между преступлением Каина и преступлением отца Ноя, Ламеха, признавшегося своим женам, что он убил мужчину и мальчика и испытывает нравственные мучения (Книга

бытия, 4, 23), есть слова: „Ибо есть божественный оракул, увещающий: «Скажи ты грехи свои сначала, чтобы оправдаться»“.

В Изборнике вместо этого читаем: „Сего ради, рече, повѣдай ты грѣхы своя прѣжде, да оправдишися“. Переводчик исключил слова „ибо есть божественный оракул“, понятные для наследников древнегреческой культуры, но ничего не говорившие болгарину X века, и заменил их неопределенно-личным глаголом „рече“. В этом случае переводчик сознательно произвел, как говорит акад. В. В. Виноградов в учении о безличных глаголах, устранение „производителя действия“¹ и придал слову „рече“ тот же смысл апофегматического обобщения, какой оно имеет в „Слове о полку Игореве“, в фразе: Помняшь бо, рече, первых времен усобице“. Это неопределенно-личное „рече“, равное употребляемому в поговорках и пословицах народно-украинскому „мовляв“,² вносит в древнеболгарский перевод Исидора элемент народного языка.

Письмо Исидора к пресвитеру Каллопию, начинающееся в Изборнике словами „Чоудиши ли ся, люблениче, како своихъ цръквьъ богъ не штати“ (л. 106), говорит о землетрясениях, которыми был обилен V век и которые вообще свойственны дельте Нила. В греческом подлиннике этого письма есть фраза: „И не печалься о том, что происходит ныне на твоих глазах“. В древнеболгарском тексте в Изборнике такой фразы нет: переводчик опустил ее как относившуюся к тому времени, когда было написано письмо, и потерявшую смысл в его время.

Таким образом, все эти три случая пропусков в древнеболгарских переводах Исидора, сравнительно с их оригиналами, находят объяснение: переводчик опускал то, что было чуждым современному ему читателю.

Отступления от греческого оригинала в отношении лексики также незначительны и не нарушают общего содержания. Синтаксическую сторону греческого текста переводчик воспроизводил точно, сохраняя синтаксические конструкции и не опуская ни одного союза. В переводах писем Исидора встречаем в Изборнике придаточные предложения, полностью соответствующие греческим конструкциям: дополнительные с союзами „како“ (ὅπως) и „яко“ (ὅτι), времени с союзом „егда“ (ὅτε), цели с союзом „да“ (ὡς) и условные с союзом „аште“ (εἰ).

Но переводчик Исидора Пелусиота не дословно подражает греческому языку, он создает аналитический перевод однородных греческих конструкций на древнеболгарский язык, не навязывая последнему чуждого построения речи.

Можно указать только один случай, когда переводчик подчинился типически-греческой конструкции и ввел ее в свой язык. В греческом языке со многими непереходными глаголами, в том числе с глаголом *παύομαι* — „перестаю“, соединяется предикативное причастие, например: „Я перестал говорить“ — по-гречески *πέπαυμαι λέγων* („Федон“ Платона), что дословно значит „я перестал говорящий“.

В древнеболгарском и в древнерусском языках глагол „прѣстати“ требует инфинитива, как, например, у Даниила Заточника: „Уже бо прѣстану глаголати“. Но в Изборнике в переводе письма к епископу Евсевию вместо „прѣстани оубо зиждити и неправьдовати“ сказано „прѣ-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 463.

² Например: „Прийшлось сусідові, мовляв, хоч сядь та й плач“ (Гринченко. Словар української мови, II, стр. 437).

стани оубо зиждя и неправьдоуя“, что в точности передает конструкцию греческого оригинала: *παύσαι τοίνυν και κτίζων και ἀδικῶν.*

Если исключить последнюю конструкцию, то можно сказать, что древнеболгарский переводчик Исидора Пелусиота обладал в области лексики и синтаксиса достаточными достижениями для перевода греческих оригиналов, представлявших наследие древнегреческого языка, получившего еще за три века до Исидора талантливую грамматическую разработку в виде синтаксиса Аполлония Дискола.

Высокая степень развития древнеболгарской речевой культуры, обнаруживаемая в переводах писем Исидора, не была чужда самому памятнику, и от нее, конечно, зависело то, что Изборник нашел продолжительный резонанс на русской почве, от середины XI по XVII век, о чем свидетельствует одна из рукописей, в составе которой А. С. Архангельский обнаружил список „Вопросов и ответов Григория Богословца“ „в том же самом виде без малейших изменений“, как они читаются в Изборнике 1073 года.¹

¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, I—II. Казань, 1889, стр. 189.

И. П. ЕРЕМИН

Литературное наследие Кирилла Туровского¹

Кирилл Туровский (умер не позже 1182 г.) в историю древнерусской литературы вошел прежде всего как выдающийся мастер так называемого „торжественного“ красноречия.

Красноречие — область творчества, характерная для древнейшего периода нашей литературы; в XIII—XIV вв. этот род художественной литературы приходит в упадок и скоро почти совсем исчезает из литературного обихода.

Уже современники по достоинству оценили высокое мастерство Кирилла Туровского. „Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси“, — писал о нем его древний биограф. Очень рано речи Кирилла Туровского были включены в состав „Златоуста“ и „Торжественника“ — сборников-антологий, в которых и переписывались наряду с речами знаменитейших, наиболее ценимых в старину греческих мастеров ораторского слова.

Несомненно подлинными произведениями Кирилла Туровского на данном этапе нашей науки могут быть признаны следующие: притча о душе и теле (слепце и хромце), повесть о беспечном царе и его мудром советнике, „сказание о черноризчестемь чину“, речи, или слова (пока только восемь можно признать бесспорно подлинными). Объем гимнографического творчества Кирилла Туровского в науке еще не установлен; полное издание этого круга его произведений — дело будущего.

В отличие от существующих изданий Кирилла Туровского — К. Ф. Калайдовича (1821), акад. М. И. Сухомлинова (1858), проф. А. И. Пономарева (1894), уже давно ставших библиографической редкостью и малодоступных даже для специалистов, современное издание его сочинений должно ставить своей задачей учесть по возможности весь рукописный материал, относящийся к его литературной деятельности, объединить в одном собрании только те его произведения, которые действительно ему принадлежат.

I

Притча о душе и теле (слепце и хромце) была написана Кириллом Туровским в 60-х годах XII в. (не ранее 1160—1162 гг. и не позже 1169 г.);² принадлежность ее перу Кирилла не подлежит сомнению. Это — обличительный памфлет, направленный Кириллом против его

¹ Настоящий археографический обзор сочинений Кирилла Туровского открывает собой публикацию его произведений, которая будет начата в XII томе „Трудов ОДРА“.

² См.: И. П. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. Изв. ОРЯС АН СССР, т. XXX, 1925, стр. 351.

современников: Феодора епископа Ростовского и, очень возможно, князя Андрея Боголюбского;¹ на первого в тексте притчи имеются прямые намеки.

В основу притчи лег широко популярный в мировой литературе аполог о слепце и хромце; аполог этот в изложении Кирилла Туровского наиболее близок к той версии его, которая читается в Вавилонском Талмуде (беседа императора Антонина с раввином).²

Дошла до нас притча о душе и теле Кирилла в списках не ранее XIV в.: *Государственного Исторического музея* (Москва): сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 286 об.—294 об.;³ сб. собр. Уварова, № 1837 (610), XVII в., лл. 123—138, 195—197;⁴ сб. собр. Уварова, № 2028 (1129), начала XVIII в., лл. 44 об.—59; *Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина*: сб. Волоколамского монастыря, № 143 (504), XVI в., лл. 151 об.—168, № 137 (492), XVI—XVII вв., лл. 40 об.—58, № 161 (525), XVII в., лл. 172—192; *Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина* (Ленинград): сб. Новг.-Соф. собр., № 1262, пергаменный, XIV—XV вв., лл. 1—4 („Блаженнаго Кюрила книги епископа Турьскаго слово полъзно и хромци и о слѣпци“);⁵ № 1420, XVI в., лл. 74—84 об., № 1490, XVI в., лл. 116 об.—131 об., № 1459, XVI—XVII вв., лл. 334—347 (нач.: „и доньнѣ человекообразно глаголющим бога...“); сб. собр. Толстого, Q. I. 214, XVI в., лл. 31 об.—47;⁶ сб. собр. Толстого, O. I. 64, XVII в., лл. 524 об.—534 об. (нач.: „Рече господь: человек никто домовит бше...“); сб. собр. Титова, № 2074 (522), XVI в., лл. 320—340 об., № 1521 (3723), XVIII в., лл. 43—52; сб. собр. Погодина, № 1934, XVI в., лл. 13 об.—21, № 1609, XVII в., лл. 95—114 об., № 1024, XVII в., лл. 211 об.—218, № 801, XVII в., лл. 257—271 (нач.: „и того ради молю вы прилѣжно почитати святыя книги...“); сб. собр. Михайловского, O. 523, XVIII в., лл. 237—251 об.; сб. собр. Соловецкого монастыря, № 845 (955), XVII в., лл. 340—358 об., № 886 (996), XVIII—XIX вв., лл. 233 об.—244; *Библиотеки Академии Наук СССР* (Ленинград): *Сводный патерик ризницы Соловецкого монастыря*, № 485 (452) (22), конца XIV в., лл. 231—243, сб. 32.16.21, XVIII в., лл. 46—56 об.; *Сборник* (Москва, 1647), лл. 436 об.—447 об.⁷

¹ И. П. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. Изв. ОРЯС АН СССР, т. XXX, 1925, стр. 340—348.

² См.: И. Франко. Притча про слѣпця і хромця. Статьи по славяноведению, вып. II. Под ред. акад. В. И. Ламанского, СПб., 1906, стр. 129—155. Ср.: М. И. Сухомлинов. Два семитические сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы. В кн.: Исследования по древней русской литературе акад. М. И. Сухомлинова. (Сборник ОРЯС Акад. Наук, т. LXXXV, № 1). СПб., 1908, стр. 675—677. Также ср.: Die Rechtswissenschaftliche Section des Babilonischen Talmuds, Hg. von L. Goldschmidt, B. 2. Berlin, 1907, стр. 386—387.

³ По этому списку притча была издана В. Н. Щепкиным. См.: Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. ЧОИДР, 1889, кн. III, отд. I, стр. 127—146; здесь же и постратейное описание Чудовского сборника № 20 („соединения Торжественника с Златоустом“).

⁴ По этому списку притча была издана в отрывках М. И. Сухомлиновым. См.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, СПб., 1858, стр. XLVI—LI и стр. 132—134, № XXII.

⁵ Текст, близкий к тексту Чудовского сборника № 20, но дефектный (отрывок).

⁶ По этому списку притча была издана впервые К. Ф. Калайдовичем. См.: Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821, стр. 132—152.

⁷ См. еще „Слово душеполезно о хромци и о слепци“ по ныне утраченному списку XV в. собр. Погодина (И. И. Срезневский. Новые списки поучений Кирилла Туровского. Изв. ОРЯС, т. III, СПб., 1854, стр. 372—381) и отрывок притчи по рукописи XVI в. Нямецкого монастыря, № 91 (А. И. Яцимирский).

Все перечисленные списки по тексту однотипны и восходят, с небольшими вариациями, к одному общему источнику; текст притчи издается мною по Сводному патерику¹ конца XIV в. ризницы Соловецкого монастыря, БАН (бывш. Археографической комиссии), № 485 (452) (22); варианты — по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), и сб. собр. Титова XVI в., № 2074 (Т).

II

В принадлежности Кириллу Туровскому повести о беспечном царе и его мудром советнике нет оснований сомневаться: и по содержанию и по стилю она близко напоминает другие его сочинения — притчу о душе и теле, сказание об иноческом образе; надписана повесть в большинстве списков именем „Кирила мниха“, как и многие другие несомненно подлинные его произведения.

Сомнение вызывает только указание ряда списков повести XVI—XVII вв., что отправлена она была Кириллом „к Василию игумену Печерскому“.

Указанию этому противоречит прежде всего сам текст повести. Автор в тексте ни разу не обращается к Василию игумену во втором лице единственного числа, все обращения только во втором лице множественного числа: „град убо есть, братье, съставление челоуечьскаго телесе“, „не мните мене кроме святых книг сих вземлюща“, „си же имущи обещања, о мниси, подвизайтесе!“, „кождо вас съблюдет себе“, „бог же мира мноюю милостию да створит в ашему отчъству сему прияту быти сказанию“, „яко же бо кони, текуще в стаде, друг другу ретешесе, преспевають, — тако и вы ревнуйте святых отецъ подвигу“, „мене же, акы пса, молю вы, не презрите“ и т. п. Обращает на себя внимание в этой связи и предупреждение автора, что повесть свою он снабдил толкованием — „успеха ради простейших“ („быстрии умом преже сказания си ведят“). Есть, наконец, в тексте повести место, непонятное в устах автора, если допустить, что повесть действительно была отправлена в Киев игумену Печерского монастыря: „... мнихы не манастырь славныи творить, но добрая дельть мнишьская. И се яве есть от Феодоса, игумена Печерскаго, и же в Киеве, понеже нелицемерно мнишьствова, възлюбив бога и братью свою, акы своя уды; тем же и бог възлюбил и место его ради прослави паче всех, иже манастырь в Руси“. На это в свое время обратил внимание уже Е. Е. Голубинский,² по мнению которого, повесть была отправлена не Василию игумену и не в Печерский монастырь, „а братству какого-то другого неизвестного монастыря“.

Противоречит указанию, что повесть была отправлена Василию игумену Печерскому, и одна деталь летописного рассказа об этом Василии. В Печерские игумены Василий — поп на „Щековице“ — избран был в 1182 г., после смерти Печерского игумена Поликарпа; постригал его в монахи, по словам летописца, митрополит Никифор, присутствовали при обряде пострижения Николай епископ Полоцкий и Лаврентий епископ Туровский. У нас нет оснований не доверять этому

Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. Памятники древней письменности, № CLXII, СПб., 1906, стр. 148—150).

¹ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, стр. 126—137.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом 1. М., 1901, стр. 810.

летописному известно;¹ вывод же отсюда следует только один: если в 1182 г. туровскую кафедру уже занимал Лаврентий, то Кирилла, очевидно, уже не было в живых; предполагать, что Кирилл добровольно (или недобровольно) уступил кафедру Лаврентию, а сам удалился на покой, и, следовательно, в 1182 г. и позже еще был жив, — никаких данных у нас нет.

В свое время Л. Гёц высказал предположение, что повесть, как и сказание об иноческом образе, принадлежит к числу ранних произведений Кирилла, написанных им еще до того, когда он стал туровским епископом.² Следующие места в тексте „повести“ действительно как будто указывают на это: „... плетем, акы детищъ, пред вашим отчъством...“, „...бог же мира многою милостию да створить вашему отчъству сему приуту быти сказанию...“.

Как имя Василия игумена Печерского попало в заглавие повести? Ответ на этот вопрос, как кажется, дает опубликованное А. В. Горским в 1851 г. по рукописному сборнику XVI в. Синодальной библиотеки, № 935 (по каталогу 1823 г.), „Послание нѣкоего старца к богоблаженному Василию архимандриту о скимѣ“ (нач.: „Поклоняние от моего недостойнства к твоему преподобству...“).³

Из послания следует, что отправлено оно было архимандриту Печерскому, — по мнению А. В. Горского, тому самому архимандриту Василию, об избрании которого сообщает под 1182 г. Киевская летопись. Очень возможно, что адресатом послания действительно является этот Василий, но отсюда, конечно, еще не следует, что послание принадлежит Кириллу Туровскому. Попытка А. В. Горского связать послание с именем Кирилла во всяком случае лишена достаточных оснований: послание в известном нам списке именем Кирилла не надписано; ссылка на повесть Кирилла также не может иметь доказательного значения, так как имеются все данные полагать, что имя Василия игумена Печерского в ряде списков повести XVI—XVII вв. — позднейшая интерполяция.

Синодальный сборник № 935 содержит в себе, помимо послания, некоторые произведения Кирилла Туровского: повесть (здесь она озаглавлена „О нѣкотором цари, ратнаго оружия не имяше. Повѣсть чудна о черноризцѣх“), сказание об иноческом образе. Не свидетельствует ли это о том, что послание и явилось ближайшим источником той интерполяции в заглавии повести Кирилла, о которой идет речь? Послание и повесть тесно объединяются единством темы; сходство по содержанию и могло внушить писцам представление, что оба произведения были отправлены одному и тому же лицу — Василию игумену Печерскому.

По вопросу о том, откуда извлек Кирилл Туровский самый рассказ, явно восточного происхождения, о беспечном царе и его мудром советнике, послуживший материалом для его повести, мнения исследователей расходятся: по утверждению акад. М. И. Сухомлинова,⁴ он взят Кириллом, в легкой переработке, из романа о Варлааме и Иосафе; по

¹ См.: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 423—424.

² L. K. Goetz. Die Echtheit der Mönchsreden des Kyrill von Turov. Archiv für Slavische Philologie. Hg. von V. Jagic, B. 27, 1905, стр. 191.

³ См.: Послание к Василию архимандриту Печерскому XII столетия. Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, ч. 10, М., 1851, стр. 346—357.

⁴ М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, стр. LIII—LVII. Ср.: Повесть о Варлааме пустыльнике и Иосафе царевиче индийском. Перевод с арабского акад. В. Р. Розена, под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 61—66.

мнению И. Франко,¹ — „притчу про царя і бідарів у ямі Кирило Турівський пізнав не з грецького, а з жидівського жерела, в версії девчому зближеній до Ібн-Хісдаєвої, і то пізнав правдоподібно не в писанім тексті, а в устній переповіді, і користуючи ся нею для ілюстровання головних тез свого посланія, переробив її будову відповідно до своєї спеціальної цілі“.

Повість Кирилла в полном своем составе дошла до нас в списках не ранее XVI в.: ГИМ: сб. собр. Уварова, № 740 (691), XVI в., лл. 218 об.—230;² сб. собр. Барсова, № 1419, XVI в., лл. 161—166 об. (кон.: „...радость бо, рече, бывает и любовь. Богу нашему слава“); ГПБ: сб. собр. Толстого, Q. I. 214, XVI в., лл. 16 об.—28 об.;³ сб. собр. Толстого, Q. I. 233, XVII в., лл. 1—45 об.; сб. собр. Погодина, № 801, XVII в., лл. 251 об.—256 об.; сб. собр. Титова, № 2074 (522), XVI в., лл. 304—320; сб. собр. Титова, № 1763 (2152), начала XVII в., лл. 152 об.—157 об.; БАН: сб. 21.5.7, XVI в., лл. 22 об.—29 об. (кон.: „... аки дѣтищъ предъ вашимъ отчѣствомъ нѣмующе вашу веселиемъ любовь. Ему же подобаеть всяка слава, честь и поклоняние, отцу и сыну и святому духу нынѣ и присно и вѣки вѣком“).

В отрывках повесть известна нам и по спискам XIII—XIV вв.: отрывку, опубликованному в 1902 г. М. И. Соколовым по пергаменному сборнику XIII—XIV вв.,⁴ сербского извода, собр. П. С. Сречковича (Белград),⁵ и отрывку сборника Троицкого собр. („Златая цепь“),⁶ ГБЛ, № 11 (2025), XIV в., лл. 92—94 („Слово о скороминувшемъ семь житиѣ“).⁷

Оба последних текста не принадлежат к числу лучших; в Белградском списке, например, читаем: *царство* вместо *царь*, *при необояни* вместо *присно о небоязньстве*, *възальву* вместо *внезапу*, *окытания* вместо *опытания*, *небесную* вместо *телесную*, *слыи* вместо *слыши*, и т. п.; в Троицком списке: *потай житье* вместо *потаеное житие*, *простиша* вместо *простейших*, *составлениць* вместо *составление*, *выстѣся* вместо *выстѣся*, *ни взни* вместо *ни в праздник*, и т. п.

Текст повести издается по наиболее исправному списку — сб. XVI в. собр. Титова, № 2074 (522); варианты — по Белградскому отрывку XIII—XIV вв. в издании М. И. Соколова (Б), Троицкому отрывку XIV в. (Т) и сб. XVI в. собр. Уварова, № 740 (У).

III

Сказание об иноческом образе Кирилла Туровского (принадлежность его перу Кирилла удостоверяется показаниями большинства списков)

¹ И. Франко, ук. соч., стр. 137—139.

² По этому списку повесть издана М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 79—89, № XIV).

³ По этому списку повесть издана К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века. . . , № XIV, стр. 117—131).

⁴ Подробные сведения об этом сборнике см. в кн.: М. И. Соколов. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Изв. Историко-филолог. инст. кн. Безбородко в Нежине, т. XI, М., 1889, стр. 5—22.

⁵ См.: М. И. Соколов. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. Древности. Труды Славянской комиссии Московск. археолог. общ., т. III, М., 1902, стр. 223—234.

⁶ См.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878, стр. 15—18.

⁷ Отрывок этот был издан дважды — М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 79—83, № XIV) и Ф. И. Буслаевым (Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 499—503).

еще ждет своего исследователя; пока что научная литература об этом памятнике исчерпывается заметкой акад. М. И. Сухомлинова¹ (беглые сопоставления сказания с вопросо-ответной литературой), лишенной какого-либо серьезного научного значения статьей Е. Воронцова² (обзор содержания сказания) и замечаниями Л. Гёца³ (о времени написания сказания и его составе).

В тексте сказания читается такое место: „...Подобаеть же и болшим и меншим игуменом (*вар.*: и малу и велику игумену) с полицею служити и не просити того у епископа; то бо есть черньцю, — епискупу (*вар.*: епископу же) чю же, а игуменом свое: на плотней бо чистоте держитъся ефуд, а не по власти сана. А и сам веси, яже не епископ всем черньцем малую манатку възлагаеть на плещи“. По мнению Л. Гёца, строки эти свидетельствуют, что Кирилл написал сказание, когда еще не был епископом.

Известные мне списки сказания четко делятся на три группы.

К спискам первой группы (обычно читаются в составе Кормчих книг) относятся: *ГИМ*: Кормчая Синод. собр., № 132, пергаменная, 1282 г., лл. 604—611 об.,⁴ собр. Уварова, № 125 (213), начала XVI в., лл. 456—460, 467—473;⁵ собр. Уварова, № 1776 (206), XVI в., лл. 420—437; собр. Уварова, № 1810 (527) (390), XVII в., лл. 414 об.—423 об.; собр. Уварова, № 564 (297) (215), XVII в., лл. 267 об.—269 об.; собр. Барсова, № 1419, XVI в., лл. 172—173 об., 175—178 (кон.: „... не постражом мучения“); *ГБЛ*: Кормчая, № ССXXXI, XV—XVI вв., лл. 359—364; собр. Пискарева, № 39 (474), XVI в., лл. 416—424 (Из Софьйских правил ис харатейных Великого Новагорода“); *ГПБ*: собр. Толстого, Ф. II. 74, 1517 г., лл. 363 об.—370 об. („Из Софейских правил харатейных Великого Новагорода“); собр. Толстого, Ф. II. 87, XVI в., лл. 379 об.—381, 384—386 об.; собр. Толстого, Q. I. 223, начала XVII в., лл. 510 об.—521 об.; собр. Толстого, Q. XVII. 67, XVI—XVII вв., лл. 120—121; собр. Богданова, O. I. 303, XVII в., лл. 159—177; собр. Богданова, O. XVII. 41, XVII в., лл. 259—260 (кон.: „... еще не ползуеши своя души, но паки возвратишия в мир“); собр. Соловездкого монастыря, № 495 (415) (476), 1519 г., лл. 412 об.—414, 418—420 об.; собр. Погодина, № 231, XVI в., лл. 535—537 об., 542—546; собр. Погодина, № 1294, XVI в., лл. 178—184; собр. Погодина, № 232, конца XVI в., лл. 227—229 об., 233 об.—236; собр. Погодина, № 233, XVII в., лл. 736 об.—738 об., 743—746; собр. Погодина, № 237, XVII в., лл. 831—833 об., 838—841 об.; *БАН*: сб. 21.4.9, 1460 г., лл. 396—397 об. (кон.: „... но паки възратишия в мир. Богу нашему слава нинѣ, присно и в вѣкы. Амин“).

Вторую группу составляют списки: *ГИМ*: сб. Чудова монастыря, № 20, пергаменный, XIV в., лл. 277 об.—282; *ГПБ*: сб. Новг.-Соф. собр., № 1389, XVI в., лл. 206 об.—213; сб. Новг.-Соф. собр. № 1474, XVI—XVII вв., лл. 266—274; сб. собр. Погодина, № 894, XVI в., лл. 313—317; сб. собр. Погодина, № 1584, XVII—XVIII вв., лл. 20—28; сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 10-1087, 1446 г., лл. 367—375 об. (кон.: „... да и ты, мнише, пожри свою волю и сожьзи и“); сб. собр.

¹ Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. LIX.

² Е. Воронцов. Мысли об иночестве св. Кирилла Туровского. Вера и разум, 1900, № 11.

³ L. K. Goetz, ук. соч., стр. 191, 193—195.

⁴ По этому, древнейшему, списку сказание издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века. . . , стр. 102—106).

⁵ По этому списку сказание издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 90—98, № XV).

Богданова, F. I. 690, XVII в., лл. 5—14 об. (кон.: „... взимающе учением своим от ада грѣховнаго“).

К третьей группе относится список *ГПБ*: сб. собр. Толстого, Q. I. 214, XVI в., лл. 6—16 об.¹

Списки первой и второй групп объединяются отсутствием заключительной главы сказания; в списках первой группы (Кормчих) сказание обрывается словами „также и игуменом с полицею служащим снимати манатку с плечу“; в списках второй группы — теми же словами, но дополненными примечанием: „подобает же и болшим и меншим игуменом с полицею служити и не просити того у епископа“. В некоторых списках первой группы отдельные главы сказания переставлены или перебиты другим материалом: заповедью юным чернцам, поучением о посте Василия Великого и пр. Заключительная глава сказания — „О аггельстѣм образѣ мнишьстѣм указ“ — читается только в списке третьей группы: *ГПБ*, сб. собр. Толстого, Q. I. 214. Этот последний список, XVI в., является, следовательно, единственным пока известным нам полным списком „сказания“. К сожалению, по качеству текста он далеко не безупречен.

Встречаются в рукописях и извлечения из сказания; так, например, в приложениях к Сводному патерику XV в., собр. Толстого, *ГПБ*, F. I. 211, читаем (л. 212 об.): „Пишетъ святыи Кирил мних Туровский [о] образѣ иноческом сице: Егда израильтяне из Египта и поидоша скврозѣ Чермное море...“ (кон.: „...быст, рече, облак и покров им, еже есть мантия покров божий“). Тот же отрывок (обработка одного эпизода из начальной части сказания) находится в сборнике *ГПБ*: собр. Толстого, Q. I. 65, начала XVII в., лл. 4 об.—5 об.; собр. Толстого, Q. XVII. 17, XVII в., лл. 64 об.—65 об.; Новг.-Соф. собр., № 1418, XVI в., лл. 353 об.—354 об.; Новг.-Соф. собр., № 1449, XVI—XVII вв., л. 587; собр. Погодина, № 1300, XVI—XVII вв., л. 134 об.²

В пергаменном сборнике XIV в. Чудова монастыря, № 20, вслед за сказанием (текст второй группы) читается слово „о подвизѣ иночьскаго жития“ (нач.: „не подобаетъ убо истиннымъ инокимъ из оград своихъ исходити...“). По мнению К. И. Невоструева, в 1862 г. опубликовавшего этот текст,³ слово „о подвизѣ иночьскаго жития“ принадлежит перу Кирилла Туровского и может рассматриваться как заключительная глава сказания, судя по месту, занимаемому им в составе Чудовского сборника, и некоторому сходству со сказанием по содержанию. Доводы К. И. Невоструева нельзя признать убедительными; сходство по содержанию само по себе еще ничего не доказывает (мало ли пишется произведений на одну и ту же тему!), как ничего не доказывает и тот факт, что слово в Чудовской рукописи № 20 читается непосредственно после сказания, так как эта рукопись — сборник. В гипотезе К. И. Невоструева нет к тому же и никакой необходимости, так как полный текст „сказания“ нам известен (сб. собр. Толстого, Q. I. 214).

Текст сказания издается по древнейшему списку (первой группы) — Синодальной Кормчей 1282 г.; варианты — по Чудовскому сб. XIV в.,

¹ По этому списку К. Ф. Калайдовичем издана заключительная глава сказания (Памятники российской словесности XII века... , № XIII).

² См. еще отрывок сказания по рукописи XVI в. Нямецкого монастыря, № 91: А. И. Яцмирский. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии... , стр. 147—148.

³ К. И. Невоструев. Древнерусские поучения и послания к инокам о монашеской жизни. Духовный вестник, 1862, № 6, стр. 118—127. То же слово в переводе на русский язык см. в кн.: К. Невоструев. Некоторые древнерусские поучения об иноческой жизни. М., 1866, стр. 5—13.

№ 20 (Ч), и сб. собр. Толстого, Q. I. 214, XVI в. (Т); недостающие части текста восполнены (в скобках) по Чудовскому сборнику (отрывок „Подобаеть же и болшим и меншим игуменом с полицею служити...“ читается и в списке Толстовском, — следовательно, восходит к архетипу сказания) и по Толстовскому („О аггельствѣ образѣ мнишьствѣ указ“).

IV

Речи Кирилла Туровского — наиболее известная часть его литературного наследия. Все они относятся к разряду так называемого торжественного красноречия. Войдя в состав „Торжественника“ и „Златоуста“, они приобрели широчайшую популярность на Руси и охотно переписывались вплоть до XIX в., причем переписывались бережно и точно, редко подвергаясь редакционной переработке. Некоторые из них в XVII в. даже печатались, перелажались в стихи, становились предметом литературного подражания („Статир“ священника г. Орла Пермской епархии).

По своему содержанию восемь слов Кирилла, бесспорно ему принадлежащих, распадаются на две группы: одни („в неделю цветоносную“ и „на Вознесение“) написаны на так называемые двенадцатые праздники, все остальные — на воскресные дни первого круга недель церковного года, начиная от пасхи и до пятидесятницы (приписываемые Кириллу слова этого круга на неделю пятую и на неделю восьмую ему не принадлежат).

1. Первое по обычному счету слово Кирилла Туровского — „в неделю цветоносную“ — известно во многих списках не ранее, правда, XIV в. Мною были изучены следующие: *ГИМ*: пергаменный сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 178—181; собр. Уварова: пергаменный Златоуст, № 1770 (589) (361), XIV в., лл. 224 об.—229 об.,¹ сб. № 1779 (513) (367), XVI в., лл. 86 об.—91 об., Златоуст, № 313 (595), XVI в., лл. 126 об.—129 об., сб. № 1781 (348) (368), XVI в., лл. 22—25; *ГБЛ*: пергаменный сб. Троицкого собр., № 9 (2022), XIV в., лл. 32 об.—36, пергаменный сб. („Златая цепь“) Троицкого собр., № 11 (2025), XIV в., лл. 119 об.—122 („Слово на вербнице великаго Антиоха Ерусалимскаго“);² собр. Пискарева: Пролог с приложениями, № 92 (527), второй половины XV в., лл. 179—183 об., сб. № 124 (559), XVI в., лл. 523—526, Торжественник, № 127 (562), XVII в., лл. 222—228; *ГПБ*: собр. Толстого: сб. F. I. 251, XVI в., лл. 118—121 об., сб. Q. XVII. 63, XVII в., лл. 116—121 об.; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1272, XVI в., лл. 131—134 об., сб. № 1485, XVI в., лл. 29 об.—39 об.; сб. собр. Богданова, F. I. 691, XV—XVI вв., лл. 27 об.—30 об.; собр. Титова: Торжественник, № 519 (2072), XVI в., лл. 65 об.—68, Синаксарь, № 2074 (522), XVI в., лл. 93 об.—100, сб. № 762 (963), XVII в., лл. 243 об.—248 об., Златоуст, № 759 (2140), XVII в., лл. 202—208, Златоуст, № 1763 (2152), XVII в., лл. 36—39 об., Златоуст, № 757 (2067), XVII в., лл. 251—257; собр. Соловецкого монастыря: Торжественник, № 1160 (365) (1051), XVI в., лл. 103—106, Измарагд, № 271 (360) (278), XVI в., лл. 138—143, Торжественник, № 1162 (367) (1053), 1600 г., лл. 112—117 об.; собр. Погодина: Торжественник, № 949, XVI в., лл. 51 об.—54 об., Торжественник, № 952,

¹ По этому списку слово издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, № II, первый столбец).

² По этому списку слово издано М. И. Сухомлиновым (там же, № II, второй столбец).

XVI в., лл. 171 об.—178, Златоуст, № 994, XVI в., лл. 128 об.—133.¹

Все перечисленные списки по тексту однотипны; текст слова печатается по пока неизданному, наиболее исправному списку — сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в.; варианты — по Уваровскому Златоусту, № 1770, XIV в. (У), по Троицкому сб. № 9, XIV в. (Т), и по сб. собр. Пискарева № 92, XV в. (П).

В научной литературе указывалось на связь первого слова Кирилла со словом Тита Бострийского („Яко неизмерима глубина“), со словом Иоанна Златоуста („От чудес на чудеса господня“) и др.²

2. Второе слово Кирилла — „на пасху“ — дошло до нас в списках также не ранее XIV в. Мною изучались следующие: ГИМ: собр. Уварова: Златоуст, № 1770 (589) (361), XIV в., лл. 229 об. — 235 об.,³ Торжественник, № 329 (384) (612), XV—XVI вв., лл. 461 об. — 464 об., сб. № 1779 (513) (367), XVI в., лл. 161 об. — 167 об.; ГБЛ: собр. Пискарева: сб. № 92 (527), второй половины XV в., лл. 184 об. — 189 об., сб. № 124 (559), XVI в., лл. 553—555 об., Торжественник, № 127 (562), XVII в., лл. 261—269; ГПБ: собр. Погодина: сб. № 872, конца XIV в., лл. 299—303 об., Учительное Евангелие, № 187, XVI в., лл. 142 об. — 146 об., сб. № 945, XVI в., лл. 28 об. — 32 об., Торжественник, № 952, XVI в., лл. 222 об. — 230 об.; сб. — Кирилло-Белозерского монастыря, № 138—1215, XVI в., лл. 49 об. — 55 об.;⁴ Новг.-Соф. собр.: сб. № 1272, XVI в., лл. 181 об. — 185 об., сб. № 1278, XVI в., лл. 204—207 об., сб. № 1275, XVII в., лл. 407—412, сб. № 1463, XVII в., лл. 285—291; сб. собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв., лл. 30 об. — 34 об.; собр. Титова: сб. № 2074 (522), XVI в., лл. 157 об. — 165 об., Торжественник, № 519 (2072), XVI в., лл. 177—180, сб. № 1763 (2152), XVII в., лл. 68—72 об.; собр. Соловецкого монастыря: Торжественник, № 1160 (365) (1051), XVI в., лл. 219—223, Торжественник, № 1161 (368) (1052), 1600 г., лл. 39—45 об.; сб. собр. Толстого, Ф. I. 224, XVI в., лл. 150—153 об.⁵

Все перечисленные списки делятся на две группы. К первой группе относятся Уваровский Златоуст, № 1770 (589) (361), сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 138-1215, сб. Новг.-Соф. собр., № 1463,

¹ См. также: К. Ф. Калайдович, Памятники российской словесности XII века..., № II (текст слова издан по Сборнику Волоколамского монастыря, № 9, начала XVI в.); А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский, и его поучения. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. Под ред. проф. А. И. Пономарева, СПб., 1894, стр. 126—130 (перепечатан текст по изданию Калайдовича, но с разночтениями по Троицкому сборнику № 9, XIV в.).

² М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XVII—XVIII, XXVI—XXVII, XLIII. — А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 185, 188. — В. П. Виноградов. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского. В память столетия (1814—1914) имп. Московской духовной академии. Сборник статей, II, Сергиев Посад, 1915, стр. 315—318; ср. В. П. Виноградов. Уставные чтения, III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, стр. 99—102.

³ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 11—18, № III).

⁴ По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 131—135).

⁵ См. также: К. Ф. Калайдович, Памятники российской словесности XII века..., № II (текст слова издан по сб. Волоколамского монастыря № 17, 1535 г.); В. Н. Перетц. Отчет об экскурсия семинария русской филологии в Житомир. Универс. известия, № 10, Киев, 1911, стр. 87—89 (текст слова в вариантах издан А. В. Багрием по сб. Вольнского епархиального древлехранилища, I. № 121, XVII в.).

Торжественник собр. Соловецкого монастыря, № 1161 (368) (1052); ко второй — все остальные. Основное отличие списков первой группы от второй — отсутствие отрывка 4—5 (см. текст). Читался ли этот отрывок в авторском тексте? Думаю, что читался, хотя его и нет в древнейшем списке (Уваровском Златоусте, № 1770). Некоторые из перечисленных рукописей, в частности сб. собр. Пискарева, № 92, сб. собр. Титова, № 2074, содержат в себе не только слово „на пасху“, но и другие слова Кирилла; по тексту все они буквально или почти буквально совпадают с текстом тех же слов по древнейшему из пока известных и наиболее исправному списку — Толстовскому сборнику XIII в. Списки второй группы, очевидно, лучше передают первоначальное чтение, ближе воспроизводят авторский текст.

Текст слова печатается мною, в силу указанных соображений, не по древнейшему списку (Уваровскому Златоусту № 1770), даже не по Погодинскому сб. № 872, конца XIV в., а по сб. собр. Пискарева № 92 (527), второй половины XV в., как самому исправному из числа всех списков второй группы; варианты печатаются по Уваровскому Златоусту № 1770, XIV в.

В научной литературе отмечалась связь слова „на пасху“ Кирилла со словом „о законе и благодати“ митрополита Илариона, со словом Епифания Кипрского на великую субботу („Что се днесь безмолвие много“) и со словом, приписываемым Евсевию Александрийскому („Возлюблении, добро есть рещи, каково есть благовещение предтечи во аде“), и др.¹

3. Слово Кирилла „в Новую неделю — о Фомине испытании ребр господень“ полностью дошло до нас в списках не ранее XIV в.; в отрывке оно известно нам и в списке XIII в. — сб. ГПБ, собр. Толстого, Ф. п. I. 39, лл. 1—5 об. (нач.: „Христово ясно проповѣдаютъ...“).² Слово изучалось мной по следующим спискам: ГИМ: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 185 об. — 190 об.; собр. Уварова: Златоуст, № 1770 (589) (361), XIV в., лл. 235 об. — 244,³ сб. № 1781 (348) (368), XV в., лл. 41 об. — 46 об., Торжественник, № 329 (384) (612), XV—XVI вв., лл. 469—473, сб. № 339 (64), XVI в., лл. 47 об. — 50, сб. № 1779 (513) (367), XVI в., лл. 172—185 об.; собр. Барсова: сб. № 1396, XV в., лл. 39—44 об., сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 325 об. — 333 об.; ГБЛ: Троицкого собр., № 9, сб. XIV в., лл. 68—73 об.; сб. собр. Пискарева, № 92 (527), второй половины XV в., лл. 189 об. — 195 об.; ГПБ: сб. собр. Толстого, Ф. I. 224, XVI в., лл. 213—218 об.; сб. Новг.-Соф. собр.: сб. № 1265, конца XV в., лл. 39—44 об., сб., № 1278, XVI в., лл. 218 об. — 223, сб. № 1275, XVII в., лл. 414—421; сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 138-1215, XVI в., лл. 160 об. — 169 об.;⁴ сб. собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв., лл. 34 об. — 39 об.; собр. Титова: сб. № 2074 (522), XVI в., лл. 176 об. — 186 (между лл. 183 и 184 утрачен лист), Торжественник, № 519 (2072), XVI в., лл. 185—189,

¹ М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XXX—XXXII. — А. И. Пономарев, Св. Кирилл, епископ Туровский. . ., стр. 186—187. — П. В. Влاديمиров, Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1900, стр. 158. — В. П. Виноградов, Уставные чтения, стр. 102—106.

² По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века. . ., № III; недостающее начало слова восполнено по сб. Волоколамского монастыря № 17, 1535 г.).

³ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 19—24, № IV).

⁴ По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский. . ., стр. 136—142).

Златоуст, № 759 (2140), XVII в., лл. 239 об. — 249, Златоуст, № 1763 (2152), XVII в., лл. 78 об. — 84, Златоуст, № 755 (3009), XVII в., лл. 224 об. — 230 об., Златоуст, № 757 (2067), XVII в., лл. 321 об. — 331, Златоуст, № 763 (88), XVIII в., лл. 158 об. — 164, сб. № 1569 (1978), XVIII в., лл. 153—158; собр. Соловецкого монастыря: Торжественник, № 1160(365)(1051), XVI в., лл. 281—286 об., сб. № 915(639)(805), XVI в., лл. 598—606, Измарагд, № 271 (360)(278), XVI в., лл. 164—171 об., Торжественник, № 1161(368)(1052), 1600 г., лл. 84 об. — 92 об., Златоуст, № 1054(363)(944), XVII в., лл. 69 об. — 80, Златоуст, № 1055(364)(945), XVII в., лл. 56 об. — 65; собр. Погодина: сб. № 945, XVI в., лл. 38 об. — 44, Торжественник, № 949, XVI в., лл. 96—100 об., Торжественник, № 952, XVI в., лл. 238 об. — 249, Златоуст, № 994, XVI в., лл. 261 об. — 268 об., сб. № 816, XVII в., лл. 135—142 об., Торжественник, № 956, XVII в., лл. 44 об. — 50 об., сб. № 1002, XVII в., лл. 377 об. — 388 об.; сб. Общества древней письменности, F. XCVIII, XV в., лл. 4 об. — 7 об.; Торжественник собр. Вяземского, Q. LXVI, XV—XVI вв., лл. 278—285.

Все перечисленные списки по тексту однотипны; текст слова издается по сб. Чудова монастыря № 20, XIV в., варианты — по отрывку сб. собр. Толстого XIII в. (O), по Уваровскому Златоусту № 1770, XIV в. (У), по Троицкому сб. № 9, XIV в. (Т), по сб. XV в. собр. Пискарева, № 92 (П).

Особую группу списков этого слова составляют следующие списки ГПБ: сб. Новг.-Соф. собр., № 1274, XVI в., лл. 532 об. — 535, сб. собр. Погодина, № 1002, XVII в., лл. 372—377 об., Златоуст собр. Титова, № 755 (3009), XVII в., лл. 221—224, Златоуст собр. Титова, № 763(88), XVIII в., лл. 156—158 об. Здесь слово читается в сокращенном виде, отброшена вся вступительная часть (нач.: „Днесь ветхая вся конецъ приаша и се быша вся новая...“). Этот сокращенный вариант, очевидно, воспринимался как особое слово, отличное от обычного; во всех списках указанной группы — за исключением Новг.-Соф. № 1274 — за ним непосредственно следует то же слово, но полного типа.

В литературе отмечалась связь этого слова Кирилла Туровского со словом Григория Назианзина на тот же праздник, со словом Иоанна Златоуста („Се бо приспех вам долг поведати“) и др.¹

4. Четвертое слово Кирилла — „о снятии тела Христова с креста и о мироносицах“ — в отличие от других слов Кирилла, текст которых переписывался из века в век без существенных изменений, не раз коренным образом перерабатывалось. Мне оно известно в шести редакциях.

Первая редакция, основная, несомненно принадлежащая Кириллу, изучалась мной по следующим спискам: ГИМ: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 190 об. — 198; собр. Уварова: Златоуст, № 1770 (589) (361), XIV в., лл. 244—256 об.,² Торжественник, № 329 (384) (612), XV—XVI вв., лл. 490—496, сб. № 339 (64), XVI в., лл. 62—68 об. (кон.: „...ни напрасно убивающих воин не устрашия“); собр. Барсова: сб. № 1396, конца XV в., лл. 46 об. — 54 об., сб.

¹ М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XVIII, XXIV—XXVI, XXXIII—XXXVII. — С. П. Шевырев, История русской словесности, т. II, М., 1860, стр. 259, 285, примеч. 34. — А. И. Пономарев, Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 188. — П. В. Владимиров, ук. соч., стр. 158—159. — В. П. Виноградов, Уставные чтения, стр. 106—117.

² По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 25—35, № V).

№ 1425, XV—XVI вв., лл. 333 об.—342 об.; *ГБЛ*: сб. Троицкого собр., № 9, XIV в., лл. 73 об.—81; сб. собр. Пискарева, № 124 (559), XVI в., лл. 543 об.—549; *ГПБ*: собр. Толстого: сб. Ф. п. I. 39, XIII в., лл. 5 об.—16,¹ сб. Ф. I. 224, XVI в., лл. 232—239 об.; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1272, XVI в., лл. 194—202 об., сб. № 1278, XVI в., лл. 223—230; сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 138-1215, XVI в., лл. 193—206;² сб. собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв., лл. 39 об.—47 об.; Торжественник собр. Титова, № 519 (2072), XVI в., лл. 189—195; собр. Соловецкого монастыря: Торжественник, № 1160 (365) (1051), XVI в., лл. 286 об.—294 об., сб. № 915 (639) (805), XVI в., лл. 606—617 об., Торжественник, № 1161 (368) (1052), 1600 г., лл. 115—127; собр. Погодина: сб. № 945, XVI в., лл. 44—51 об., Торжественник, № 949, XVI в., лл. 100 об.—107, Торжественник, № 952, XVI в., лл. 249—264, сб. № 957, XVI в., лл. 556—561, Златоуст, № 994, XVI в., лл. 270 об.—280 об., сб. № 816, XVII в., лл. 142 об.—153 об., Торжественник, № 956, XVII в., лл. 64 об.—72 об.; сб. Общества древней письменности, Ф. XCVIII, XV в., лл. 7 об.—11 об.

Все перечисленные списки по тексту однотипны; печатается текст именно этой редакции — по древнейшему и наиболее исправному списку: *ГПБ*, сб. собр. Толстого XIII в., варианты печатаются по Уваровскому Златоусту XIV в., № 1770 (У), по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), и по Троицкому сб. XIV в., № 9 (Т).

Вторая, третья и четвертая редакции слова — все приурочены к „страстной“ неделе, великой пятнице или субботе, в отличие от первой, приуроченной, как свидетельствуют списки, к неделе третьей по пасхе (к так называемой неделе мироносиц).

Вторая редакция слова известна мне по спискам: *ГИМ*, сб. собр. Уварова, № 1779 (513) (367), XVI в., лл. 127—133 об.; *ГПБ*: сб. собр. Титова, № 2074 (522), XVI в., лл. 141 об.—150, Златоуст собр. Титова, № 1763 (2152), начала XVII в., лл. 60—64, сб. Новг.-Соф. собр., № 1275, XVII в., лл. 422 об.—428.

Редакция эта является несомненно переработкой первой, основной редакции. Редактор, с целью приурочить слово к великой пятнице, отбросил всю заключительную часть текста: рассказ о мироносицах и похвалу Иосифу Аримафейскому. Слово у него заканчивается словами „Мария же Магдалина и Мария Ияковля зреста, где полагахуть его. О Христе Иусе господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком“. Некоторому сокращению подвергся у него также плач богородицы (после слов „чадо мое, свете и творче тварем“ следует „вижу тя, мое милое чадо, на кресте нага висяща...“). Интересно, что редактор, отбросив рассказ о мироносицах и похвалу Иосифу, не потрудился, однако, соответственно изменить заглавие; в сб. Новг.-Соф. собр. № 1275 читаем: „Блаженнаго Кирила епископа Туровскаго слово похвално о Иосифѣ и о мироносицах“; в сборниках собр. Титова № 2074 и № 1763: „Слово о снятии тела Христова со креста, от сказания еуангельского, и похвала Иосифу и мироносицам“; не заметил редактор и того, что вступление к слову, полностью переписанное им, содержит в себе обещание читателю похвалить „благообразнаго Иосифа с мироносицами“.

¹ По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века... , № IV).

² По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский... , стр. 142—150).

Третья редакция — „В святыи великий пяток слово о снятии господни с креста и о плачи святыа богородици“ — известна мне по единственному списку: Златоусту ГПБ, собр. Титова, № 757 (2067), XVII в., лл. 300—307 (нач.: „Нынѣ же Иосифа благообразнаго с мироносицами похвалим...“; Кон.: „... и привалиша камень велик двери гробу и отидоша, славяще ею с отцемъ и святымъ духом, нынѣ и присно и в вѣком. Амин.“). Перед нами аналогичный случай: оставлена одна „страстная“ часть слова, рассказ о мироносицах и похвала Иосифу отброшены, несколько сокращено вступление, но плач богородицы читается полностью. Происхождение этой редакции выясняет сборник ГПБ, собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв. (список первой редакции). Здесь перед словами вступления „Ныне же Иосифа благообразнаго...“ имеется особый киноварный подзаголовок — „В святыи и великий пяток, вечер, о снятии господни с креста и о плачь святыа богородица“ (ср. заглавие третьей редакции), а после слов „камень велик к дверем гробу“ — пометка „Доселе чести в великий пяток, вечер“. Эта попытка Богдановского списка или аналогичного ему выделить особыми примечаниями „страстную“ часть слова и была, очевидно, полностью реализована автором третьей редакции.

Четвертая редакция слова была издана и впервые обследована Х. М. Лопаревым в 1893 г. по Торжественнику XVI в., тогда только что приобретенному Обществом древней письменности.¹ Х. М. Лопареву были известны три списка этой редакции слова, приуроченной к великой субботе, мне, считая список, напечатанный Х. М. Лопаревым, — двадцать. Анализ показал, что все эти двадцать списков четко распадаются на две группы. К первой группе относятся: список, опубликованный Х. М. Лопаревым; ГИМ: сб. собр. Барсова, № 1426, XV—XVI вв., лл. 43—49; сб. собр. Уварова, № 1775 (151), XV—XVI вв., лл. 306 об.—313; ГПБ: Учительное Евангелие собр. Погодина, № 187, XVI в., лл. 132 об.—135; Златоуст собр. Соловецкого монастыря, № 1056 (362) (946), XVII в., лл. 437 об.—443 об.; БАН, сб. 33.9.9, XVI—XVII вв., лл. 460—465 об. Ко второй группе: ГИМ: собр. Барсова: сб. № 1415, второй половины XV в., лл. 46—52 (утрачен л. 51), сб. № 1396, конца XV в., лл. 21 об.—25 об., сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 306 об.—310 об.; собр. Уварова: Златоуст, № 313 (595), начала XVI в., лл. 143 об.—146 об., сб. № 1781 (348) (368), XVI в., лл. 31—34 об.; ГБЛ: сб. собр. Пискарева, № 125 (560), XVI в., лл. 469 об.—478; ГПБ: Торжественник собр. Вяземского, Q. LXVI, XV—XVI вв., лл. 258 об.—263; собр. Погодина: сб. № 957, XVI в., лл. 543—544 об., сб. № 943, XVI в., лл. 189—193 об., сб. № 1002, XVI в., лл. 342—349; сб. собр. Соловецкого монастыря, № 915 (639) (805), XVI в., лл. 564 об.—569 об.; собр. Титова: Златоуст, № 755 (3009), XVII в., лл. 204 об.—208 об., Златоуст, № 759 (2140), XVII в., лл. 230—239 об.; БАН: сб. 33. 11. 12, начала XVII в., лл. 63 об.—65.²

Списки первой группы начинаются обычно так: „Возлюбленни, кто възглаголетъ силы и чюдеса господня или кто может извещати страсти его?..“; списки второй группы — несколько иначе: „Чюдеса господня и силы кто, възлюбленни, възглаголетъ или кто възможет извещати страсти его?..“. Основное отличие списков второй группы от первой

¹ Х. Лопарев. Слово в великую субботу, принадлежащее святому Кириллу Туровскому. Памятники древней письменности, № ХСVII, 1893.

² Списки собр. Титова № 755 (3009) и собр. Погодина № 1002 перебиты неорганической вставкой из слова в великую субботу Иоанна Златоуста; писец протографа ТП переписывал, очевидно, рукопись с перебитыми листами (см. плач богородицы).

сводится к следующему: 1) плач Иосифа Аримафейского над телом Христа в списках этой группы дополнен обширной вставкой из слова в великую субботу Епифания Кипрского („Что се днесь безмолвие много на земли“); 2) отсутствует эпизод апокрифического происхождения, характерный для всех без исключения списков первой группы: Иисус упрекает Иосифа в том, что тот, погребая его тело, ничего не поет, и предлагает Иосифу петь над гробом „Святы боже“.¹

Что касается вставки из слова Епифания Кипрского в списках второй группы, то она представляет собой почти буквальную выписку:

... оле убо рци, Иосифе, се бо ко востоку яко мертва погребашеи Исуса, въстока востоком, и своима престома яко мертву затворяши очи слѣпыя просвѣтившему, уста сотѣскаеши от-верзѣшему гуннивых уста, и руцѣ слагаеши иссохшій руцѣ протершему... и т. д. (Слово в великую пятницу, сб. собр. Вяземского, Q. LXVI, л. 261 об.).

... тѣм же убо рци ми, о Иосифе, и к въстоку яко мертвеца погребашеи Исуса, въстока въстоком, уже бо и своима престома акы мертву Исусови затворяши очи, отврзѣшому своимъ перстом слѣпому очи, убо же и уста стискаеши отврзѣшему уста гунни-вому, уже бо и руци слагаеши протершому усохшиа руцѣ... и т. д. (Слово в великую субботу Епифания Кипрского, сб. собр. Уварова, № 329(384), XV—XVI вв., л. 481).

Списки второй группы, как показывает анализ, ближе к тексту первой, основной редакции слова, и это дает право думать, что архетип второй группы с т а р ш е архетипа первой группы, — другими словами, последний, очевидно, восходит к первому как своему непосредственному источнику.

Основная редакция

... кде ми, чадо, благо-вѣстование, еже ми древле Гаврил глаголаше: Радуйся, обрадованная, с тобою господь! — царя т я и сына вышняго нарицающа, спаса миру и животворца всѣм и грѣхом потребителя! Нынѣ же зрю тебе акы злодѣя между двѣма повѣшныа разбойникома и копием прободена в ребра мртвѣца и сего ради горко изнемогаю. Не хочу бо жити, нѣ варити тя в адѣ! Нынѣ моего чаяния, радости же и веселия, сына и бога лишена бых! Увы мнѣ! О страннѣмъ ти рожествѣ тако не болѣх, яко же нынѣ, владыко, растврзаюся утробою... (Сб. собр. Толстого Ф. п. I. 39, XIII в., л. 7).

Вторая группа

... гдѣ ми, чадо, благо-вѣстование, еже ми древлѣ глаголаше Гавриил: Радуйся, обрадованная, господь с тобою! — царя т я и сына вышняго нарицающа, спаса миру и животворца всѣм и грѣхом потребителя! Нынѣ же зрю тебе акы злодѣя между двѣма разбойникома на крестѣ и копием прободена в ребра яко мертвеца и сего ради горко изнемогаю. Не хочу бо жити, но варити тя во адѣ! Нынѣ бо моего чаяния, радости в веселия, сына и бога лишена бых! Увы мнѣ! О страннѣмъ ти рожествѣ никакоже поболѣх, нынѣ же растврзаюся утробою... (Златоуст собр. Титова, № 759(2140), XVII в., л. 230 об.).

Первая группа

... гдѣ ми, чадо, иже древле Гаврил благовести, иж сына и бога нарицаше, спаса и творца миру, грѣхом потребителя! Нынѣ же тебѣ акы злодѣя зрю, повѣшена среди двою разбойнику, мертва, копием прободена. Сего ради горко изнемогаю и тужу. Хотѣла бых, чадо, с тобою умрети! Моя бо радость и веселие! Сына и бога лишена бых! Увы мнѣ, сыну! О страннѣмъ ти рожестве тако не болѣх, якож нынѣ утробою растврзаюся... (X. Лопарев, ук. соч., стр. 20).

Х. М. Лопарев считал возможным напечатанное им слово по списку Общества древней письменности (первой группы) приписать перу самого Кирилла Туровского. „Туровскому епископу, — писал он, —

¹ См.: Х. Лопарев, ук. соч., стр. 22.

не было чуждым время от времени возвращаться с проповедью к пастве по тому же вопросу, о котором уже беседовал“; как на пример этого Х. М. Лопарев указывал на две редакции притчи Кирилла о душе и теле (слепце и хромце), „принадлежность которых Кириллу не оспаривается“.¹ Какие две редакции притчи о душе и теле имел в виду Х. М. Лопарев, не вполне ясно, — очевидно, текст, напечатанный К. Ф. Калайдовичем, и текст, опубликованный М. И. Сухомлиновым. Если это так, то здесь — недоразумение: притча о душе и теле Кирилла Туровского известна нам только в одной редакции, основной; текст же, опубликованный М. И. Сухомлиновым, — не новая ее редакция, как казалось не только Х. М. Лопареву, а отрывок основной, извлечение, сделанное М. И. Сухомлиновым в целях сопоставления ее (рассказа о слепце и хромце) с проложной версией. „Для нас непонятна, — писал далее Х. М. Лопарев, — мысль Кирилла в слове в неделю третью по пасхе распространяться главным образом о крестной смерти Иисуса, — это он мог сделать в проповеди в страстную неделю, и, как теперь оказывается, он именно и сделал“;² он „переработал ранее сказанное им слово, дал ему большую стройность, выпустив большинство искусственно нанизанных сравнений, и вообще приспособил слово ко времени и событию“.³ Решающее значение для Х. М. Лопарева имел, наконец, тот факт, что в напечатанном им списке слово надписано именем Кирилла („Во святую великую субботу слово иже во святых отца нашего Кирилла епископа Туровскаго...“).

К мнению Х. М. Лопарева примкнул и В. П. Виноградов. „Откуда могла прийти в голову Кирилла, — писал он, — странная идея «в радостный праздник» занять слушателей подробным минорным изложением скорбных сюжетов страстной недели, которому по общему господствующему тону место в великую пятницу или субботу? ... весь ход мыслей и особенности строения слова Кирилла изобличают, что речь о мироносцах не входила в первоначальный замысел этого слова, решительно тяготеющего к воспоминаниям, идеям и особенностям церковно-богослужебного последования великого пятка и великой субботы“.⁴ Этому „первоначальному замыслу“ и соответствует, по мысли В. П. Виноградова, текст, напечатанный Х. М. Лопаревым по списку Общества древней письменности. Целиком присоединяясь, в отличие от других исследователей,⁵ к мнению Х. М. Лопарева, В. П. Виноградов, как видим, разошелся с ним только в вопросе о том, какую из редакций слова (первую или четвертую по моей классификации) считать первичной. В. П. Виноградов держался того мнения, что Кирилл Туровский вначале составил четвертую редакцию (текст, напечатанный Х. М. Лопаревым), затем переработал ее, приурочив слово к неделе мироносиц (первая редакция).

Итак, несоответствие содержания слова Кирилла Туровского „о снятии тела Христова с креста и о мироносцах“ тому дню, к которому оно приурочено (неделя третья по пасхе), с одной стороны, и тот факт, что в опубликованном Х. М. Лопаревым списке Общества древней письменности слово „во святую великую субботу“ надписано именем Кирилла Туровского, с другой стороны, доказывают якобы принадлежность и

¹ Х. Лопарев, ук. соч., стр. 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 14.

⁴ В. П. Виноградов. Уставные чтения, стр. 127—128.

⁵ См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом 1, стр. 799, примеч. 1; А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский... стр. 189.

этого последнего слова Кириллу. Так ли это? Прежде всего необходимо отметить, что текст, напечатанный Х. М. Лопаревым, не может претендовать на принадлежность Кириллу уже по одной той причине, что список Общества древней письменности, на который до сих пор обычно опирались исследователи, — список первой группы, т. е. список, где четвертая редакция слова читается уже в несколько переработанном виде (списки второй группы, как было уже указано, ближе передают архетип этой редакции). Кроме того, так ли уж необъяснима „странная“ идея Кирилла „в радостный праздник“ коснуться событий крестной смерти Христа? Почему нельзя допустить, что Кирилл здесь (имею в виду первую редакцию слова) сознательно, руководствуясь чисто художественными соображениями, прибегнул к контрастному сопоставлению двух тем, скорбной и радостной, минорной и мажорной. Антитеза — прием, нередко применяемый Кириллом, характерный для „похвального“ красноречия. Что касается надписания, то опубликованный Х. М. Лопаревым список в этом отношении уникален; все остальные списки анонимны, за исключением списка собр. Погодина № 187 (список первой группы), надписанного именем Иоанна Златоуста, и списков собр. Барсова № 1415, собр. Пискарева № 125 и собр. Титова № 759 (списки второй группы), надписанных именем Григория, архиепископа Антиохийского. В список Общества древней письменности имя Кирилла Туровского несомненно попало в порядке вторичного приурочения — по сходству слова „во святую великую субботу“ со словом Кирилла Туровского; ссылка на надписание в данном случае вообще не довод, ибо оба слова генетически между собой связаны, и имя Кирилла в четвертую редакцию свободно могло попасть из своего первоисточника — первой редакции. Как видим, у нас нет достаточных оснований слово, напечатанное Х. М. Лопаревым, приписывать Кириллу Туровскому, тем более отстаивать, как это делал В. П. Виноградов, его „первоначальность“ по отношению к первой, основной редакции.

Четвертая редакция слова во многом существенно сократила свой первоисточник, переставила отдельные эпизоды (плач богородицы разбит на две части, одна читается в начале слова, вторая в конце, над гробом Иисуса), дополнила плач Иосифа почти буквальной выпиской из Епифания Кипрского и пр.¹

Некоторые списки первой редакции слова, например, список собр. Уварова, № 329(384)(612), XV—XVI вв., выделяют „страстную“ часть слова особым примечанием на полях: „Отселе чти в великую субботу“; „возможность выделения из него особой части давалась, следовательно, самым текстом, — правильно указал в свое время еще А. И. Пономарев, которому аналогичные факты были известны, — и в силу этого особая редакция его легко могла явиться совершенно независимо от намерений автора“.² Несомненно, что так и было в действительности.

Пятая и шестая редакции слова свидетельствуют, что наряду с попытками приурочить слово только к „страстной“ неделе были и обратные — приурочить слово только к неделе мироносиц; в таких случаях отбрасывалась вся „страстная“ часть слова.

Пятая редакция известна мне по следующим спискам ГПБ: Златоуст собр. Титова, № 755 (3009), XVII в., лл. 230 об. — 235; Златоуст собр. Титова, № 757 (2067), XVII в., лл. 331—338; сб. собр. Погодина № 1002, XVII в., лл. 388 об. — 396 об.; Златоуст собр. Ти-

¹ Ср.: Х. Лопарев, ук. соч., стр. 14—16.

² А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский... стр. 189.

това, № 763(88), XVIII в., лл. 164—168. Обычно эта редакция носит такое заглавие: „В 3 неделю по пасхе слово блаженнаго Кирила, похвала Иосифу и о мироносцах“. Здесь непосредственно за словами вступления „... известно бысть телесное востание“ следует: „Мария же Магдалины и Мария Ияковля зряста, где полагаху...“, т. е. оставлены только рассказ о мироносцах и похвала Иосифу.

Аналогичный случай представляет собой шестая редакция, известная мне по Синаксарю ГПБ собр. Титова, № 2074(522), XVI в., лл. 189 об.—197: „В недѣлю 2 святых мироносиц слово от Еуаггелиа“. Здесь нет даже вступления; слово начинается непосредственно с рассказа о мироносцах: „И минувши суботѣ и солнцю восиавшю...“.

В научной литературе слово Кирилла Туровского (первая редакция) сопоставлялось с канонем Симеона-Метафраста, словом Григория Никомидийского („Высочайшее нам востекая слово горе“), словом Епифания Кипрского („Что се днесь безмолвие много на земли“) и др.¹

5. Пятое слово Кирилла — „о раслабленемъ“ — принадлежит к числу наиболее популярных его слов. Мне известно свыше тридцати списков этого слова. Древнейший список — сб. собр. Толстого, Ф. п. I. 39, XIII в., лл. 16—23.² Остальные списки: ГИМ: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 198—202 об.; собр. Уварова: Златоуст, № 1770(589)(361), XIV в., лл. 256 об.—263 об.,³ Торжественник, № 329(384)(612), XV—XVI вв., лл. 498—502, сб. № 1779(513)(367), XVI в., лл. 196 об.—205, сб. № 1781(348)(368), XVI в., лл. 50—54 об.; собр. Барсова: сб. № 1396, конца XV в., лл. 56—60 об., сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 344 об.—349 об.; ГБЛ: сб. Троицкого собр. № 9, XIV в., лл. 81—86 об.; сб. собр. Пискарева, № 92(527), второй половины XV в., лл. 296—302; ГПБ: сб. собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв., лл. 47 об.—53; сб. собр. Толстого, I. 224, XVI в., лл. 243—248; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1272, XVI в., лл. 204—209 об., сб. № 1278, XVI в., лл. 233—238; собр. Титова: Торжественник, № 519(2072), XVI в., лл. 195—199 об., сб. № 2074(522), XVI в., лл. 199 об.—210, Златоуст, № 759(2140), XVII в., лл. 249—259 об., Златоуст, № 1763(2152), XVII в., лл. 91—97, Златоуст, № 755(3009), XVII в., лл. 235—241 об., Златоуст, № 757(2067), XVII в., лл. 338—348; собр. Соловецкого монастыря: сб. № 915(639)(805), XVI в., лл. 617 об.—624, Торжественник, № 1160(365)(1051), XVI в., лл. 298—303 об., Торжественник, № 1161(368)(1052), 1600 г., лл. 133—141; собр. Погодина: сб. № 945, XVI в., лл. 51 об.—56 об., Торжественник, № 949, XVI в., лл. 107—111 об., Торжественник, № 952, XVI в., лл. 267—276 об., сб. № 957, XVI в., лл. 562 об.—565 об., Златоуст, № 994, XVI в., лл. 280 об.—288, сб. № 816, XVI в., лл. 153 об.—159 об., Торжественник, № 956, XVII в., лл. 74—79 об., сб. № 1002, XVII в., лл. 396 об.—407; сб. собр. Вяземского, Ф. ХСVIII, XV в., лл. 199 об.—210; сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 138-1215, XVI в., лл. 222—230 об.⁴

¹ М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XXVII—XXVIII, XXXI. — С. П. Шевырев, ук. соч., стр. 258, 284—285. — А. И. Пономарев, Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 189. — В. П. Виноградов, Уставные чтения, стр. 117—136.

² По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века..., № V, стр. 43—52).

³ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 36—42, № VI).

⁴ По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 151—156).

По тексту все перечисленные списки слова однотипны и воспроизводят одну и ту же его редакцию — основную.

Как особую редакцию этого слова можно рассматривать текст, читающийся в сборнике ГПБ Новг.-Соф. собр., № 1420, XVI в., лл. 441—442 об.: „о расслабеном, на одрѣ лежаща, его же Христос исцели и повелѣ въстати ему“ (нач.: „Егда Христос видѣ расслаблена, лежаща на одрѣ, и приступль въпроси и о недузѣ его...“; кон.: „...и бысть здрав о Христъ Исусъ господѣ нашимъ, ему же слава нынѣ и присно и вѣкы вѣком. Аминь“). Здесь в сокращенном виде находим один рассказ об исцелении Иисусом расслабленного; нет ни вступления, ни заключения.

Текст основной редакции печатается по Толстовскому сб. XIII в.; варианты — по Уваровскому Златоусту XIV в., № 1770 (У), по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), по Троицкому сб. XIV в., № 9 (Т), и по сб. XV в. собр. Пискарева, № 92 (П).

В научной литературе имеются указания на связь этого слова Кирилла Туровского с Толковым Евангелием Феофиakta Болгарского, со словом, приписываемым Иоанну Златоусту, — „О еже не судити“ („Яко же светоносна луна“), и др.¹

6. Древнейший список шестого слова Кирилла Туровского — „о слепци“ — находится в том же Толстовском сборнике XIII в., лл. 25—32.² Помимо этого, мне известны следующие списки: ГИМ: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 207—211 об.; собр. Уварова: Златоуст, № 1770(589)(361), XIV в., лл. 264—270,³ Торжественник, № 329(384)(612), XV—XVI вв., лл. 515—519, сб. № 339(64), XVI в., лл. 42 об.—47 об., сб. № 1779(513)(367), XVI в., лл. 217 об.—225 об., сб. № 1781(348)(368), XVI в., лл. 56—60; собр. Барсова: сб. № 1396, XV в., лл. 64—69 об., сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 353 об.—357; ГБЛ: сб. собр. Пискарева, № 92(527), второй половины XV в., лл. 302—305 об., 206—207 об.; сб. Троицкого собр., № 9, XIV в., лл. 96 об.—101 об.; ГПБ: сб. собр. Толстого, Ф. I. 224, XVI в., лл. 281—285 об.; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1272, XVI в., лл. 227 об.—233, сб. № 1278, XVI в., лл. 255 об.—260 об.; сб. собр. Богданова, Ф. I. 691, XV—XVI вв., лл. 54 об.—59; собр. Титова: Торжественник, № 519(2072), XVI в., лл. 213 об.—216 об., сб. 2074(522), XVI в., лл. 224 об.—234, Златоуст, № 755(3009), XVII в., лл. 246—252, Златоуст, № 757(2067), XVII в., лл. 358 об.—368, Златоуст, № 759(2140), XVII в., лл. 259 об.—268 об., Златоуст, № 1763(2152), XVII в., лл. 104 об.—110; собр. Соловецкого монастыря: сб. № 915(639)(805), XVI в., лл. 629 об.—636 об., Торжественник, № 1160(365)(1051), XVI в., лл. 322 об.—328, Торжественник, № 1161(368)(1052), 1600 г., лл. 176—183 об.; собр. Погодина: сб. № 945, XVI в., лл. 74 об.—79, Торжественник, № 949, XVI в., лл. 117 об.—121 об., Торжественник, № 952, XVI в., лл. 286—295, сб. № 957, XVI в., лл. 567 об.—571, Златоуст, № 994, XVI в., лл. 305—311 об., сб. № 1002, XVII в., лл. 415—425 об.; сб. Кирилло-Белозерского монастыря,

¹ М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XI—XII, LVII. — С. П. Шевырев, ук. соч., стр. 285. — А. И. Пономарев, Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 190—191. — В. П. Виноградов, Уставные чтения, стр. 136—140.

² По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века..., № VII, стр. 56—64).

³ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 43—49, № VII).

№ 138-1215, XVI в., лл. 290—296 об.;¹ сб. собр. Вяземского, F. XCVIII, XV в., лл. 17—20; *БАН*: два пергаменных листа со словом Кирилла „о слепьци“ XIV в., шифр 4.9.43.

Все указанные списки однотипны; текст слова издается по Толстовскому сб. XIII в.; варианты — по Уваровскому Златоусту XIV в., № 1770 (У), по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), по Троицкому сб. XIV в., № 9 (Т), по пергаменным листам *БАН* (А) и по сб. XV в. собр. Пискарева, № 92 (П).

Литературные связи этого слова Кирилла Туровского с аналогичными ему по содержанию еще ждут своего исследователя. „В истолковании евангельского рассказа о слепом св. Кирилл, — отметил А. И. Пономарев, — в существенном следует толкованиям Феофилакта Болгарского“.²

7. Древнейший список седьмого слова Кирилла — „на Вознесение“ — находится также в Толстовском сб. XIII в., лл. 32—37 об.³ Все остальные из числа просмотренных мною — однотипны: *ГИМ*: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 211 об. — 216; собр. Уварова: Златоуст, № 1770(589)(361), XIV в., лл. 270—275,⁴ Торжественник, № 329(384)(612), XV—XVI вв., лл. 519—522, сб. № 1779(513)(367), XVI в., лл. 228—235, сб. № 1781(348)(368), XVI в., лл. 60—64; *ГБЛ*: Троицкого собр.: сб. № 9, XIV в., лл. 101 об. — 105 (между лл. 102 и 103 утрачен лист), Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского с приложениями, № 120, конца XIV в., лл. 118 об. — 123 об.; собр. Пискарева: сб. № 92(527), второй половины XV в., лл. 207 об. — 209 об., 306—308 об., сб. № 142(577), XV—XVI вв., лл. 331—338 об.; *ГПБ*: сб. собр. Толстого, F. I. 224, XVI в., лл. 309 об. — 313 об.; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1276, XVI в., лл. 207 об. — 210 об., сб. № 1278, XVI в., лл. 260 об. — 264 об.; сб. собр. Богданова, F. I. 691, XV—XVI вв., лл. 59—62 об.; собр. Титова: сб. № 2074(522), XVI в., лл. 237—245, Торжественник, № 519(2072), XVI в., лл. 219 об. — 221 об., Златоуст, № 1763(2152), XVII в., лл. 112—116 об., Златоуст, № 755(3009), XVII в., лл. 252—257, Златоуст, № 757(2067), XVII в., лл. 368—376 об.; Торжественник собр. Соловецкого монастыря, № 1161(368)(1052), 1600 г., лл. 226—233; собр. Погодина: сб. № 194, XVI в., лл. 125—129 об., Учительное Евангелие, № 185, XVI в., лл. 107—111, сб. № 945, XVI в., лл. 85—89, Торжественник, № 949, XVI в., лл. 122—125 об., Торжественник, № 952, XVI в., лл. 300 об. — 308 об., Златоуст, № 994, XVI в., лл. 311 об. — 317, сб. № 1002, XVII в., лл. 425 об. — 435; сб. Кирилло-Белозерского монастыря, № 138-1215, XVI в., лл. 333—338 об.;⁵ сб. собр. Гильфердинга, № 19, XVI в., сербского письма, лл. 134 об. — 140; сб. собр. Вяземского, F. XCVIII, XV в., лл. 20—22; *БАН*: сб. 11.9.22, XVI в., лл. 55—61 об.

К указанным спискам могу добавить еще два списка *ГИМ*, собр. Барсова — сб. № 1396, XV в., лл. 69 об. — 75 и сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 357—364, — восходящих к общему протографу, интерполированному

¹ По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский. . . , стр. 157—162).

² А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский. . . , стр. 193.

³ По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века. . . , № VIII).

⁴ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 50—56, № VIII).

⁵ По этому списку изд. А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский. . . , стр. 162—167).

неизвестно откуда позаимствованным вступлением (нач.: „Се наста нам, братие, праздник...“).

Текст слова издается по Толстовскому сб. XIII в., варианты — по Уваровскому Златоусту XIV в., № 1770 (У), по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), по Троицкому сб. XIV в., № 9 (Т), по Троицкому сб. конца XIV в., № 120 (С), и по сб. собр. Пискарева XV в., № 92 (П).

В научной литературе седьмое слово сопоставлялось со словом Иоанна Златоуста („Светло ми се церковное позорище“), со словом на великую субботу Епифания Кипрского („Что се днесь безмолвие много на земли“) и др.¹

8. Последнее слово Кирилла — памяти отцов Никейского собора — известно мне в двух редакциях: основной, принадлежащей Кириллу, и краткой ее переработке.

Древнейший список основной редакции — сб. XIII в. собр. Толстого, лл. 37 об. — 46.² Этот же текст воспроизводят: ГИМ: сб. Чудова монастыря, № 20, XIV в., лл. 216—222; собр. Уварова: Златоуст, № 1770 (589) (361), XIV в., лл. 275 об. — 283,³ Торжественник, № 329 (384) (612), XV—XVI вв., лл. 526 об. — 530 об., сб. № 1779 (513) (367), XVI в., лл. 239—248 об.; собр. Барсова: сб. № 1396, XV в., лл. 75—81 об., сб. № 1425, XV—XVI вв., лл. 364—372; ГБЛ: сб. Троицкого собр., № 9, лл. 111 об. — 117; собр. Пискарева: сб. № 92 (527), второй половины XV в., лл. 308 об. — 315, сб. № 142 (577), XV—XVI вв., лл. 90 об. — 101 об.; ГПБ: сб. собр. Толстого, Ф. I. 224, XVI в., лл. 329—334 об.; Новг.-Соф. собр.: сб. № 1278, XVI в., лл. 282 об. — 288 об., Миняя, № 1323, XVI в., лл. 131—132 об., сб. № 1275, XVII в., лл. 441—448 об.; собр. Титова: сб. № 2074 (522), XVI в., лл. 250—262, Торжественник, № 519 (2072), XVI в., лл. 224 об. — 229, Златоуст, № 1763 (2152), XVII в., лл. 119—125; собр. Соловецкого монастыря: сб. № 915 (639) (805), XVI в., лл. 643 об. — 652, Торжественник, № 1160 (365) (1051), XVI в., лл. 334 об. — 340, Торжественник, № 1161 (368) (1052), 1600 г., лл. 268—278, Миняя, № 535 (634) (516), XVII в., лл. 133 об. — 140; собр. Погодина: сб. № 945, XVI в., лл. 89—95, Торжественник, № 949, XVI в., лл. 125 об. — 130 об., Златоуст, № 994, XVI в., лл. 347—355 сб.; сб. Кирило-Белозерского монастыря, № 138—1215, XVI в., лл. 370—378;⁴ сб. собр. Вяземского, Ф. ХСVIII, XV в., лл. 22 об. — 25 об.

Краткий вариант того же слова известен мне по единственному списку — ГПБ, сб. собр. Погодина, № 800, второй половины XVII в., лл. 277—284 („В недѣлю 7-ю по пасхѣ слово похвално блаженнаго Кирила епископа о святых отец 300 и 18, иже в Никии седмаго собора“). Редактор основательно сократил текст слова с явной целью в возможно более сжатом виде передать одну фактическую сторону изложенного Кириллом события; после слов вступления „... их же числом събращася 300 и 18 на Ариа и на его единомысленники“ непосредственно следует: „съ же окаянный и проклятый Арии поп бяше...“;

¹ М. И. Сухомлинов, Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. XL—XLI. — С. П. Шевырев, ук. соч., стр. 286. — А. И. Пономарев, Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 194—195. — В. П. Виноградов. Уставные чтения, стр. 140—151.

² По этому списку издано К. Ф. Калайдовичем (Памятники российской словесности XII века..., № IX, стр. 74—85).

³ По этому списку издано М. И. Сухомлиновым (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 57—64, № IX).

⁴ По этому списку издано А. И. Пономаревым (Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 167—173).

после слов „...и начя яко стрѣлы пушати богохулная словеса своа“ — „что ся вам мнит о Христв...“; весь обширный эпизод соборного обвинения ереси Ария, после слов „единосущнаго своего сына рождение“ и по „и воздаст комуждо по дѣлом его“, приведен в кратком пересказе: „и прочее рѣша о воплощении и о преславных его чудесѣх, и о предании ученика и за весь мир умертвие...“ и т. п.

Текст этого слова Кирилла Туровского издается по Толстовскому сб. XIII в., варианты — по Уваровскому Златоусту XIV в., № 1770 (У), по Чудовскому сб. XIV в., № 20 (Ч), по Троицкому сб. XIV в., № 9 (Т), по сб. собр. Пискарева XV в., № 92 (П).

В литературе указывалось на связь этого слова с анонимным словом, нередко встречающимся в „Златоустах“ и „Торжественниках“ и приуроченным к шестой неделе по пасхе, — „о соборе святых отецъ 318, сшедшихся в Никии проклинати Ария еретика“, а также на связь и этого анонимного слова и слова Кирилла Туровского с предисловием и с главами CLXXXI и CLXXXIII хроники Георгия Амартола.¹

V

Литературное наследие Кирилла Туровского как гимнографа распадается на две основные группы: одну составляют его молитвы, другую — „канон молебен“ и канон на „успение преподобна княгини Ольги, бабы Владимера“.²

Уже К. Ф. Калайдович, первый издатель произведений Кирилла, отметил, что в рукописях и некоторых старопечатных изданиях XVI—XVII вв. читаются молитвы Кирилла. Не включил он эти молитвы в свое собрание произведений Кирилла только по той причине, что в известном ему позднем списке (XVI в., Синод. собр. № 470) все они „при искажении древнего языка совершенно уклоняются по своему содержанию“ от цели предпринятого им издания.³

Впервые некоторые избранные молитвы Кирилла были изданы в 1856 г. епископом Макарием по сборнику XVI в. Новгородско-Софийской библиотеки, № 302;⁴ год спустя епископ Макарий напечатал по тому же сборнику XVI в. еще шесть молитв.⁵

¹ А. И. Пономарев. Св. Кирилл, епископ Туровский..., стр. 195—196. — П. В. Владимиров, ук. соч., стр. 161. — В. П. Виноградов. Уставные чтения, стр. 151—176. — А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 56.

² Одна из редакций древнего проложного жития Кирилла Туровского приписывает ему еще один „канон великий о покаянии... к господу по главам азбуки“ (Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 2). Канон этот, „по главам азбуки“, пока не найден.

³ Памятники российской словесности XII века..., стр. XXX—XXXI.

⁴ Еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. Изв. ОРЯС, т. V, СПб., 1856, стр. 249—255. Молитвы: „в недѣлю по заутрени“ („Слава тебе, Христе боже мой, яко сподобил мя еси видѣти день преславнаго воскресения твоего...“), „в понедѣльник по заутрени“ („К вам, яко заступником и хранителем живота нашего, аз, окаянный и многрѣшный, припадаю...“), „в четверток по заутрени“ („Душе моя! Согрѣшаючи по вся дни, почто не въстягнуши?...“).

⁵ Еп. Макарий. История русской церкви, т. III, СПб., 1857, стр. 310—319. Молитвы: в, „четверток по часех“ („Владыко господи! Твой есть день и твоя есть ночь...“), „в четверток по вечерни“ („Христе боже наш, иже нашего ради спасения от безначалнаго ти отца пришед...“), „в пяток по заутрени“ („Како своего нынѣ восплачюся отпадения?...“), „в пяток по часех“ („Что воздамъ ти, господи Иисусе Христе, сыне божий, за вся, еже сотвори х благоя роду чловѣческому...“), „в пяток по вечерни“ („Господи Иисусе Христе, сыне божий, многомилостиве и чловѣколюбче, не хотяи смерти нам грѣшником...“), „в субботу по заутрени“ („Тебѣ единому, благому и чловѣколюбду, отцу щедрот и богу всесилу...“).

Одновременно с епископом Макарием молитвами Кирилла Туровского заинтересовался акад. И. И. Срезневский; в 1856 г. он опубликовал в отрывках по рукописному канонику XVI в. братьев бояр Салтыковых две молитвы Кирилла — „Исповѣдание ко господу богу Иисусу Христу и пречистѣй его матери и всѣм святым его... списано священноепископом Кирилом Туровским“ („Исповѣдаюся аз, многрѣшный...“) и „на исход души того же Кирила Туровскаго“ („О владыко царю Иисусе Христе, боже мой, молюся человеколюбней твоей благодати...“).¹

В 1857 г. вышло в свет первое „полное собрание“ молитв Кирилла, изданное редакцией „Православного собеседника“.² В состав этого собрания вошло тридцать молитв, частью уже известных по изданию епископа Макария: четыре молитвы в „неделю“, четыре — в понедельник, четыре — во вторник, пять — в среду, три — в четверг, четыре — в пятницу, шесть — в субботу. Большая часть текстов напечатана по рукописному сборнику XV—XVI вв. Соловецкого собр., № 802; молитвы, не находящиеся в этом списке, изданы по сборнику XV—XVI вв. Волоколамского собр., № 109; разночтения приведены по Требнику 1505 г. Соловецкого собр., № 1085, по Следованной Псалтыри XVI в. Соловецкого собр., № 711, по сб. XVI в. Волоколамского собр., № 413, по старопечатному „Молитвослову“ (без выходного листа) библиотеки проф. В. И. Григоровича. Изданию предпослано обстоятельное предисловие, не потерявшее своей научной ценности и в наше время.

В 1858 г. акад. М. И. Сухомлинов³ напечатал полностью по Канонику XVII в. собр. Уварова, № 712 (452) (189), уже известное в отрывке по изданию И. И. Срезневского „помяние и исповѣдание“ („Кирила епископа Туровскаго стиси добрѣйши к винѣ слезнѣй хотящим непрерывно плакаться дѣянйи неподобных“), но в тексте, отличном от изданного И. И. Срезневским, а также тесно связанную с этим „помянием и исповѣданием“ в Уваровском списке „молитву святаго Кирилла, глаголему по вся дни“ („Владыко господи Иисусе Христе, боже нашъ, приклони ми ухо твое...“), во многом сходную и по содержанию и даже по тексту — на что указал уже сам М. И. Сухомлинов — с молитвой Кирилла „в субботу по заутрени“, изданной епископом Макарием в „Истории русской церкви“⁴ и редакцией „Православного собеседника“.⁵

В 1880 г. вышло в свет „полное собрание“ сочинений Кирилла Туровского в переводе на современный русский язык.⁶ Здесь известный научный интерес представляют именно молитвы Кирилла (30), так как напечатаны они, в отличие от остальных его произведений, не только в переводе, но и в оригинале, притом, — что в особенности ценно, — не по „Православному собеседнику“, а по какому-то, ближе издателю не известному, из-за утраты выходного листа, старопечатному изданию (in 8°).⁷

¹ И. И. Срезневский. Еще заметки о творениях святого Кирилла Туровского. Изв. ОРЯС, т. V. СПб., 1856, стр. 307—309.

² Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Православный собеседник, Казань, 1857, стр. 235—260, 273—351.

³ Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, стр. 99—104, 157, № XVI.

⁴ Еп. Макарий. История русской церкви, т. III, стр. 317—319.

⁵ Православный собеседник, 1857, стр. 331—338.

⁶ Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского (издание Евгения, епископа Минского и Туровского). Киев, 1880.

⁷ Здесь впервые полностью опубликована по какому-то неизвестному списку и молитва Кирилла „во исход души“ (стр. С—С1), в свое время частично изданная И. И. Срезневским.

Наконец, одна молитва, уже известная по изданию „Православного собеседника“,¹ именно во вторник „по часех“ („Боже естеством, отче, милости родителю...“), в 1902 г. была опубликована М. И. Соколовым по рукописи Белградской народной библиотеки XVIII в., сербского письма, № 306.² Молитва эта в издании М. И. Соколова интересна не по тексту, а как показатель того, что и гимнография Кирилла Туровского (в Белградском сборнике читаются и некоторые другие его молитвы) в свое время получила распространение не только на Руси, но и на славянском юге.

„Канон молебен“, надписанный именем „Кюрила грѣшнаго“ (первое известие о нем в печати принадлежит епископу Филарету³), был издан по пергаменному сборнику XIV в. Новгородско-Софийской библиотеки, № 13(15), теперь № 1052 (лл. 219 об.—232), епископом Макарием: в 1856 г. частично (четыре первые песни)⁴ и в 1857 г. полностью.⁵

Канон на „успение преподобна княгини Ольги, бабы Владимера“ („творение Кирилла мниха“) был издан акад. Н. К. Никольским в 1907 г. по рукописи Ярославского архиерейского дома (бывш. Спасо-Преображенского монастыря), № 53—40 (лл. 240—247).⁶ Канон надписан именем Кирилла, и факт этот заслуживает доверия, если учитывать несомненную древность памятника.⁷ Есть данные полагать, что канонизация княгини Ольги имела место еще до татаро-монгольского нашествия.⁸ Не в связи ли с ее канонизацией и составил Кирилл Туровский этот канон?

Кирилл Туровский как гимнограф еще ждет своего исследователя-специалиста. Вся научная литература о Кирилле — авторе молитв и канонов исчерпывается, строго говоря, предисловием, предпосланным редакцией „Православного собеседника“ к изданию его молитв.⁹ Ценность этого предисловия в том, что оно во многом правильно наметило первоочередный круг проблем, связанных с научным историко-литературным изучением гимнографического наследия Кирилла Туровского, его молитв в частности.

Из предисловия с полной очевидностью следует, что вопрос о количестве молитв, принадлежащих Кириллу, неотделим от вопроса о том, когда и при каких обстоятельствах они были включены в те или иные сборники древних молитвословий; какова была история этих сборников; какими соображениями руководствовались составители этих сборников, рукописных и старопечатных, XVI—XVII вв., подбирая для них материал, одни молитвы Кирилла включая в сборник, другие отбрасывая; в каком отношении находятся эти сборники, рукописные и старопечатные, к церковному „уставу“, богослужебному и „келейному“. Все эти вопросы не получили в предисловии „Православного собеседника“ окончательного разрешения, да редакция, видимо, и не ставила себе такой

¹ Православный собеседник, 1857, стр. 279—281.

² М. И. Соколов. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. Древности. Труды Славянской комиссии Московск. археолог. общ., т. III, М., 1902, стр. 238.

³ Еп. Филарет. История русской церкви, т. I. М., 1848, стр. 72—73.

⁴ Еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель, стр. 255—257.

⁵ Еп. Макарий. История русской церкви, т. III, стр. 139—141, 319—324.

⁶ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907 (Сб. ОРЯС АН, т. LXXXII), стр. 88—94.

⁷ Н. К. Никольский ограничился только изданием текста, не предпослав ему даже краткого предисловия.

⁸ См.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 56—57.

⁹ Православный собеседник, 1857, стр. 212—234.

задачи, требующей специального исследования; она ограничилась отдельными наблюдениями в пределах доступного ей материала, отдельными предположениями и догадками, предоставляя будущим исследователям детально разобраться во всем этом сложном комплексе проблем. Начатое ею дело, однако, не нашло продолжателей. Статья А. И. Пономарева,¹ специально посвященная гимнографии Кирилла, ничего нового не внесла, если не считать указания на некоторые списки молитв Кирилла библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Изучение гимнографического наследия Кирилла Туровского, правда, уже давно наталкивается на одно серьезное препятствие: не издан так называемый Ярославский сборник, пергаменный, второй половины XIII в. (библиотеки бывш. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, № 5-5, теперь — Московского Гос. исторического музея).² Сборник этот³ — ценнейший памятник древнерусского письма и языка — содержит в себе, наряду с другими молитвами, восемнадцать молитв Кирилла Туровского. За немногими исключениями, все они сопровождаются в рукописи особыми примечаниями „уставного“ характера, проливающимися некоторый свет как на происхождение молитв Кирилла, так и на происхождение сборника в целом. В особенности интересно в этом отношении примечание к молитве девятой — „в субботу по вечерни“ (лл. 161 об.—162).⁴ Изучение этого и остальных примечаний к молитвам Кирилла, а также порядка, в каком они чередуются в сборнике, привело акад. М. Н. Сперанского к убеждению, что в составлении его принимал участие сам Кирилл. М. Н. Сперанский представлял себе дело так: „Видатний в очах сучасників і ближчих нащадків вчений і ораторський авторитет, в той же час надзвичайний трудівник, автор цілої низки «посланий» церковно-канонічного характеру, блискучих проповідей і молитов, Кирил... розпочав розроблення келейного уставу... він доповнив цей устав своїми молитвами і своїми вказівками ні іночеську практику, як вона вважалась йому бажаною. За це говорить і склад нашого рукопису в порівнянні з іншими ж подібними часословами, і ті «уставні» вказівки, що ми в ньому знаходимо слідом за молитвами Кирила. Ці його замітки і доповнення міг занотувати в примірниках Часослова, що йому належав, чи він сам, чи з його слів інші його товариші... Від такого примірника Часослова й веде своє походження наш рукопис, як одна з близьких до нього копій“.⁵ Соответствует ли гипотеза М. Н. Сперанского действительности, — ответ на этот вопрос может дать только систематическое изучение всего дошедшего до нас рукописного материала, относящегося к молитвам Кирилла.

Все восемнадцать молитв Кирилла, содержащихся в Ярославском

¹ А. И. Пономарев. К истории древнерусской церковной письменности и литературы, вып. I. Святитель Кирилл Туровский и его молитвы. Странник, 1880, № 11, стр. 245—261.

² О сборнике см.: Е. В. Барсов. Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского. Труды седьмого Археолог. съезда в Ярославле, т. III, М., 1892, стр. 46—51; Труды одиннадцатого Археолог. съезда в Киеве, т. II, М., 1902, стр. 72—73 (протокол доклада А. С. Раевского); М. Н. Сперанский. Ярославский збірник XIII в. Науковий збірник за рік 1924, ДВУ, 1925, стр. 29—36.

³ По определению акад. М. Н. Сперанского, „це — часослов, келейний, де-то збірка іночеських молитов, складена відповідно до келейних правил: молитви, які читає інок поза церковною монастирською службою“ (Сперанський, ук. соч., стр. 32).

⁴ „А иных не поминай, но по нефимонѣ глаголав молитву за крестьяны. Должен бо есть мних за весь мир молиться... Тако коньчав устав сий убогий Кюрил...“ (л. 162).

⁵ М. Н. Сперанський, ук. соч., стр. 33—34. Ср.: Православный собеседник, 1857, стр. 226.

сборнике,¹ известны и по изданию „Православного собеседника“: 1 — стр. 240—242, 2 — стр. 254—256, 3 — стр. 279—281, 4 — стр. 290—292, 5 — стр. 307—309, 6 — стр. 324—326, 7 — стр. 342—344, 8 — стр. 348—350, 9 — стр. 345—348, 10 — стр. 243—245, 11 — стр. 257—259, 12 — стр. 297—298, 13 — стр. 284—285, 14 — стр. 282—284, 15 — стр. 295—296, 16 — стр. 292—295, 17 — стр. 310—313, 18 — стр. 326—329. Однако в Ярославском сборнике молитвы читаются в более древнем тексте.

* * *

Кирилл Туровский как писатель пользовался в старину громкой известностью. Не удивительно, что имя „Кирила мниха“, „святаго Кирила“, „Кюрила грешнаго“, „Кюрила недостойнаго“ — так обычно надписывались его произведения — очень скоро стало одним из тех широко распространенных в древнерусской литературе „псевдонимов“, о которых писал в свое время акад. М. И. Сухомлинов.² Именем Кирилла стали надписываться и произведения, в действительности ему не принадлежащие. Обстоятельство это — одно из главных препятствий, мешающих нам с желаемой точностью установить действительный объем литературного наследия Кирилла Туровского. Уже епископ Макарий в 1856 г. указал на ряд слов и поучений, приписанных Кирилу и не вошедших в издание К. Ф. Калайдовича;³ в 1858 г. М. И. Сухомлинов,⁴ а вслед за ним Е. В. Петухов⁵ и Н. К. Никольский⁶ опубликовали серию таких текстов, по понятной причине не предпринимая, до новых находок, вопроса о том, кто этот загадочный „Кирил“, именем которого текст написан. Разумеется, не исключена возможность, что среди произведений, надписанных именем „Кирила“, как изданных, так и неизданных, таятся подлинные произведения Кирилла Туровского. Но, чтобы обнаружить эти произведения, установить их подлинность, необходимы еще длительные специальные библиографические разыскания.

Печатаемые в следующем томе (XII) „Трудов Отдела древнерусской литературы“ произведения Кирилла Туровского составляют тот круг его произведений, который уже может быть приписан ему с полной уверенностью: все они не только в подавляющем большинстве списков надписаны его именем, но и объединяются, что в данном случае не менее существенно, единством литературного стиля.⁷

¹ См.: лл. 89—108 об., 154—162, 165 об.—169, 171—190 об., 194—201 об. (л. 200 вырван из рукописи и хранится отдельно; см. ГИМ, собр. Барсова, № 347).

² М. И. Сухомлинов. О псевдонимах в древней русской словесности. Изв. ОРЯС, т. IV, СПб., 1855, стр. 117—159.

³ Еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. Стр. 259, примеч. 13.

⁴ Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, №№ XII, XIX, XXII, XXIV.

⁵ Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. СПб., 1887 (Сб. ОРЯС АН, т. XLII, № 3).

⁶ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907 (Сб. ОРЯС АН, т. LXXXII), №№ VII, VIII, IX, X, XI.

⁷ О произведениях, которые одно время приписывались Кириллу Туровскому некоторыми исследователями без достаточных к тому оснований, см.: еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. стр. 259—262; архиеп. Антоний. Из истории христианской проповеди. СПб., 1895, стр. 316—317, 320—326; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом 1, стр. 804—810; Л. В. Стоянович. Новые слова Климента Словенского. СПб., 1905 (Сб. ОРЯС АН, т. XXV, № 1), стр. 65, 68—71; С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. 1. Одесса, 1913, стр. 307—309.

При издании текстов приняты следующие правила: тексты печатаются с соблюдением всех особенностей орфографии рукописного оригинала; титла раскрываются, все выносные буквы вводятся в строку; буква ѿ в конце слов не воспроизводится; *юс малый* и *а иотированное* заменяются буквой *я*, *е иотированное* — буквой *е*; *і* и *ї* — буквой *и*; *юс большой*, *оу* и *Ѹ* — буквой *у*; *омега* — буквой *о*; *ѣ* — буквой *ы*, *фита* — буквой *ф*; *пси* — буквами *пс*; *ижица* — буквой *и*. Пунктуация принята современная.

Все тексты печатаются в исправленном виде; исправления вносятся в текст с соответствующей оговоркой в разночтениях, разночтения из других рукописей к тексту, положенному в основу издания, приводятся не все: как правило, не отмечаются разночтения, не привносящие существенно нового смыслового значения, а также разночтения, явно искажающие текст.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

**Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“
в ленинградских хранилищах и частных собраниях¹**

Библиотека Академии Наук СССР

Среди книг БАН имеется четыре экземпляра издания „Слова о полку Игореве“ 1800 года.

1. Экземпляр библиотеки М. П. и Н. М. Петровских. Книга несколько уменьшенного формата за счет срезки полей, в желтом переплете середины XIX в. (стр. 9—16 на голубоватой бумаге), с наклейкой впереди: „БАН XVIII в. /1800/32“. На переплете и заглавном листе штамп: „Библиотека М. П. и Н. М. Петровских“. Концовка — гусли с веточкой. В тексте несколько карандашных заметок — на стр. 6, 39 и 42 (на стр. 39 к слову „Святослововы“ — „а — errata“; на стр. 42 к словам „темнѣ березѣ“ — „е — errata“). Часть листов экземпляра на толстой, часть на тонкой бумаге. Впереди, на чистом листе, надпись: „Каб. славяноведения“. Этот экземпляр „Слова“ поступил в БАН в составе библиотеки Петровских. Не принадлежала ли эта книга проф. Казанского университета слависту М. П. Петровскому и затем — Н. М. Петровскому?

2. Экземпляр с шифром (наклейкой) БАН /XVIII/1800/ 113. Книга в картонном переплете коричневатого цвета с синими прожилками, в старой обложке (внутри переплета), большего, чем обычно, размера за счет очень больших полей снизу и сбоку. Листы стр. 7—16 и 35—38 меньшего формата. В тексте много карандашных подчеркиваний синим и черным карандашом и замечаний на полях (частично трудно разбираемых), связанных с изучением „Слова“. Листы погрешностей (опечаток) и поколенной росписи князей склеены вместе, образуя широкую вставку. На некоторых листах желтые пятна — отпечатки воды. Концовка — гусли с веточкой. Имеются замечания к тексту.

На стр. 5 к словам „старого Владимира“, сбоку: — „Charlemagne“.

На стр. 11 к слову „орьтъмами“ — „попоне: конская епанча... [срезано] япанча...“; к словам „хоруговь, чрьлена чолка“ — „знамя, красный бунчук из конского волоса на голове“.

На стр. 16 к слову „повелея“ — „повелѣ во воя“.

На стр. 20 к словам „Карня и Жля“ — „серб.“.

На стр. 27 к слову „могуты“ — „магнаты угорские“; к словам „топчаки, ревуги“ — „Ругии, кипчаки“.

¹ Настоящей заметкой Сектор древнерусской литературы продолжает публикацию сведений об экземплярах первого издания „Слова о полку Игореве“ (см. заметки на эту тему А. В. Позднеева, Е. В. Благовещенской и С. И. Маслова в X томе „Трудов ОДРЛ“ (1954).

На стр. 30 к словам „затворить Дунаю ворота“ — „в земле волохов“.
 На стр. 35 к слову „с Дудуток“ — „Дждж-т — Додонт“.

3. Экземпляр Эрмитажной русской библиотеки с шифром БАН /XVIII/ 415, под названием „Сборник российских древностей графа Мусина-Пушкина“. Книга в желтом переплете XVIII в., с золотой каемкой вдоль переплета. Надпись: „Императорская Эрмитажная русская библиотека, т. 6, стр. 663“. Книга находится в одном переплете с другими книгами изданий Мусина-Пушкина:

а) Историческое исследование о местоположении древнерусского Тму-тараканского княжения (СПб., 1794, 64 стр.).

б) Описание городов и урочищ в Чертеже собрано из Истории г. Татищева, географического словаря его, записок касательно российской истории, из книги древнего Большого чертежа и некоторых других (стр. LXXIV).

в) Правда Русская, или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха (М., 1799, стр. 104+XVI).

г) Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим (СПб., 1793, стр. 61+X).

д) Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича (М., 1800, стр. 46 плюс лист погрешностей и поколенная роспись князей). Формат книги уменьшенный (срезаны поля). Экземпляр чистый, без заметок и подчеркиваний. Часть листов на тонкой, часть на толстой бумаге. На обороте поколенной росписи князей штамп: „Придворная российская библиотека“.

4. Экземпляр Института книги, письма и документа АН СССР, инвентарный номер 14.275/д (дублет XVIII в. — Сектора редкой книги). Книга в переплете под темный мрамор, обыкновенного формата первой половины XIX в., с корешком красного сафьяна, на тонкой голубоватой (1—14 стр.) и желтоватой (15—46 стр.) бумаге. Концовка — гусли с веточкой. Этот экземпляр от названного Института перешел затем в Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Пометок и подчеркиваний не имеется (описание сделано М. М. Гуревичем, сотрудником Отдела редкой книги БАН).

Есть сведения, что экземпляры „Слова“ издания 1800 г., принадлежавшие академикам Кунику и Никольскому, перешли в библиотеку БАН. По сообщению М. М. Гуревича в БАН есть ряд неразобранных фондов, в которых, возможно, также имеются экземпляры этого издания.

Институт русской литературы АН СССР

Институт русской литературы имеет два экземпляра первого издания „Слова“ 1800 года.

1. Экземпляр Общества народного просвещения, позже Пушкинского Дома. Книга на хорошей толстой бумаге с филигранью — лилия, в переплете начала XIX в. — желтом с золотым тиснением по немного расклеившимся краям. На экземпляре находится печать указанного общества. Никаких надписей и отметок в тексте нет, в нем слегка подчеркнуты карандашом отдельные слова. Концовка — корзина цветов с гирляндой.

2. Экземпляр В. А. Жуковского, им позже переданный А. С. Пушкину. Книга в серой бумажной обложке, с наклейкой: „Библиотека Пушкинского Дома 7/506, инв. 9966. Биб. ред.“. В обложке находятся: а) Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим (СПб., 1793, 61 стр. + X). б) Ироическая песня

о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича (М., 1800). На заглавном листе надпись: „Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800 ноября 24“. На обороте заглавного листа штамп Ульяновского дворца книги им. В. И. Ленина: этой библиотеке данный экземпляр принадлежал до перехода его к Пушкинскому Дому. В момент описания этот экземпляр первого издания „Слова“ находился на Пушкинской выставке в Зимнем дворце. Концовка — корзина цветов с гирляндой. Между каждыми двумя листами текста вклеены темноголубые листы, кое-где по два листа бумаги с филигранью „МОФЕБ 1808“, оставшиеся в большинстве чистыми, кроме одного места на стр. 3. В тексте подчеркнуты карандашом или чернилами многие слова и выражения, затруднявшие перевод, а равно привлекавшие внимание яркостью поэтических образов, либо требовавшие особых комментариев. Замечания и подчеркивания принадлежат В. А. Жуковскому, но, по мнению Я. И. Ясинского, занимавшегося изучением этого экземпляра первого издания „Слова“,¹ есть некоторые основания думать, что отдельные подчеркивания сделаны Пушкиным.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

1. Экземпляр К. Шаликова, шифр 18.222.10. Книга в зеленом старом переплете. На чистом листе перед заглавием подпись владельца К. Шаликова. На заглавном листе штамп Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. В конце отсутствует лист с погрешностями. Никаких отметок, замечаний и подчеркиваний в тексте нет. Концовка — гусли с веточкой.

2. Экземпляр с шифром 18.330.166. Книга увеличенного формата, с большими полями внизу и сбоку, в переплете, современном изданию. В тексте отдельные слова, их окончания и фразы подчеркнуты карандашом. Ex-libris с указанием зала 18, шкафа 330 и полки 166. Концовка — корзина цветов с гирляндой.

3. Экземпляр А. И. Ермолаева, позже А. Ф. Бычкова, еще позже И. А. Бычкова (в библиотеке находится в собрании автографов известного палеографа А. И. Ермолаева).² Книга в бумажной, немного оборванной по краям обложке, современной изданию, из синих пятен с розовыми и серыми прожилками. Все листы в исправности. Концовка — гусли с веточкой. Некоторые фразы на стр. 6, 7, 11, 12, 15 подчеркнуты, на стр. 7, 9, 11 и 24 на полях стоит „NB“. На полях текста записи А. И. Ермолаева, касающиеся понимания текста.

На стр. 3 к словам „помняшьъ бо речъ първыхъ времянь усобиць“ — „речь, сравни польское слово: то речь иная, то иное дело. «Усобица», ср. «усобица князем на поганяя погыбе»: вероятно тут не значит междуусобицы“.

На стр. 7 к словам „и рече ему Буй-турь Всеволодь“ — „что последующая речь — Всеволода, то доказывается голицынским списком (лето-

¹ Пушкин. Временник, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 345—346.

² А. И. Ермолаев 1780—1828, ак. А. Ф. Бычков 1818—1899, И. А. Бычков 1858—1944. Согласно статье Ф. Я. Приимы (Труды отд. древнерусск. литературы ИРЛИ, т. IX, стр. 41) этот экземпляр сначала принадлежал А. Н. Оленину, помощнику которого по его служебной и ученой деятельности был А. И. Ермолаев. Принадлежность карандашных заметок на полях названного экземпляра „Слова о полку Игореве“ А. И. Ермолаеву установлена Ф. Я. Приимой.

писи, — А. П.), в котором именно сказано, что Всеволод пошел в соединение к Игорю особенным путем из Курска. Что же касается до того, что здесь сказано, Игорь ждет Всеволода и чтобы ему [нрзб.] побуждать последнего, нежели так... Игоря, ждущего его к себе, то можно предположить, что Игорь действительно ждал Всеволода к себе на совещание, но не с войском, ибо из Курска незачем было вести войско в Путивль, когда целью был поход на Дон. Это значило бы удаляться сперва от цели, что[б] после [нрзб.] — к ней приближаться“.

На стр. 8 к словам „тогда вступи Игорь“ — „сии слова подтверждают, что предыдущее есть речь Всеволода и что по выслушании предложения его Игорь отправился в поход“.

На стр. 12 к словам „на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великаго“ — „следственно сражение должноствовало произойти и действительно произошло у Дона великого, а не Донца. Кажется, из сего должно заключить, что битва была по близости моря“.

На стр. 19 к словам „въсплескала лебедиными крылы“ — „Обида всплескала на море у Дона“.

На стр. 21 — „Святослав называется здесь отцом по старшинству. В прежние времена в Киеве в договорах выговаривали себе у местных князей ту почесть [?], что последние хоть бы были и старше первых, но называли себя младшими киевских князей. Так иногда дядя великого князя считался младшим, а не старшим братом“.

На стр. 26 — „Смысл должен быть: не одолели ли вы с честью или пролили кровь поганых“.

На стр. 28 к словам „а кощей по резане“ — „В голицынском списке упоминается половецкий военачальник Чигай, который взят в плен русскими в 1180 г.“.

4. Экземпляр с шифром Арх. XXXI-753, хранящийся в Архивном фонде библиотеки. Книга в обложке из мраморной бумаги, современной изданию, на бумаге Верже, с наклейкой на обложке слева сверху „30 л.“ и снизу слева „1487“. Лист погрешностей отсутствует. Концовка — гусли с веточкой. Надписей и подчеркиваний нет. (Описание сделано А. И. Аникиевым, сотрудником Архива ГПБ).

Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова

В библиотеке им. Горького Ленинградского Гос. университета хранится один экземпляр первого издания „Слова о полку Игореве“ 1800 года.

Экземпляр Учительской гимназии, с шифром ЕШ-222. Книга в переплете, современном изданию. На нем есть печать: „Библиотеки Санкт-Петербургского университета“. На заглавном листе надпись: „Его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина подарок в Учительскую гимназию 1802 года“. В тексте и предисловии много подчеркиваний карандашом (слабо), на стр. 44 — чернилами. На полях замечания карандашом грамматического характера. Концовка — гусли с веточкой. В конце на чистом листе надпись: „55 р.“.

Частные собрания

1. Экземпляр В. Н. Перетца, позже В. П. Адриановой-Перетц. Книга в картонном матерчатом переплете зеленого цвета, частично отклеившемся. На стр. 17, 18 и 20 некоторые слова подчеркнуты, никаких записей нет. Концовка — гусли с веточкой. На обороте переплета (спереди) надписи: „жене дано денег мая 15 дня 25 руб.“.

подарок З, займы З, на плат[ье] З" и „Получил в подарок от бабушки эту книгу на память. К. Попов“. На заглавном листе надпись: „Charles W. Petr.“

2. Экземпляр С. Н. Быстрова. Книга в красном сафьяновом переплете, современном изданию, с золотой каемкой и зеленым шелком внутри, на толстой бумаге с золотым обрезом. На стр. 2 печатный знак „Р“ (латинское „П“ с короной над ним): книговеды определяли, что этот экземпляр — из библиотек Павла I. Затем книга находилась, очевидно, в библиотеке Гатчинского дворца. В тексте никаких подчеркиваний и заметок нет. Концовка — корзина цветов с гирляндой. Экземпляр этот был приобретен владельцем в 1939 г. в букинистическом магазине за 75 руб.

3. Экземпляр В. А. Десницкого, с которого Суворин в 1904 г. печатал свое фототипическое издание. Экземпляр был расшит и на отдельных частях его были поставлены фамилии наборщиков. Это указывается со слов В. А. Десницкого.

Подводя итоги описанию экземпляров первого издания „Слова о полку Игореве“ 1800 года, находящихся: а) в Москве (26 экземпляров; С. К. Шамбинаго определял в 1940 г. это число в 10 книг),¹ б) в Ленинграде (14) и в) в Киеве (3), мы видим, что в библиотеках находится 34 экземпляра, во владении частных лиц — 9 экземпляров. Из 43 экземпляров несколько книг указывают на их принадлежность в начале века владельцам: Н. П. Румянцеву, Е. Болховитинову, А. Ф. Малиновскому, Е. Р. Дашковой, В. А. Жуковскому, митрополиту Гавриилу, А. И. Ермолаеву, фон Валь, А. П. Оленину и учреждениям — библиотеке Генерального Штаба, Обществу истории и древностей, Эрмитажной библиотеке, Учительской гимназии, Киевскому Михайловскому монастырю и библиотеке Гатчинского дворца.

О принадлежности экземпляров „Слова о полку Игореве“ в середине и конце XIX века и начале XX века есть сведения относительно 25 экземпляров: ими владели ученые — П. М. Строев, И. Е. Забелин, А. Н. Афанасьев, А. М. Кубарев, В. И. и М. В. Праховы, О. М. Бодянский, М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц, Н. П. и В. Н. Рогожины, А. Ф. Бычков и И. А. Бычков, К. В. Базилевич, М. Н. Петровский, а также любители книг — Бельский и Лисенко, К. Воробьев, К. Шаликов, А. С. Норов, А. С. Суворин и другие, не говоря об учреждениях (Чертковская библиотека, Литературно-художественный кружок в Москве, Петровское училище в Ленинграде, Общество народного просвещения, Киевский университет, Санкт-Петербургский университет, Румянцевская библиотека в Москве).

Заметки на полях и записи во вкладных листах дополняют сведения о том, как изучалось и осмысливалось „Слово о полку Игореве“ в начале и середине XIX века. Обнаруженные при этом учете и описании записи В. и М. Праховых, А. И. Ермолаева, Е. Болховитинова и некоторые другие имеют научное значение, тем более что до сих пор они известны не были.

Этим учетом, полагаем мы, охвачены еще не все экземпляры „Слова“. Так, известно, что такие же экземпляры были у М. Н. Сперанского (независимо от переданного в Гос. Исторический музей), у акад. Куника, у акад. Никольского и др. Через московский букинистический магазин № 14 за последние 10 лет прошло 8 экземпляров первого издания

¹ Слово о полку Игореве. Библиографический указатель. Изд. Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1940, стр. 4.

„Слова“, но куда они попали — сведений нет. Можно не сомневаться, что такие же экземпляры „Слова“ имели у себя и поэт Державин, и адмирал Шишков, и В. Капнист, и знаменитый языковед Востоков, и знаток древней литературы Калайдович, и историк Карамзин, и писатель Вельтман, и исследователь фольклора и знаток „Слова“ М. А. Максимович, и редактор „Слова“ Н. Н. Бантыш-Каменский, и ряд переводчиков „Слова“, и многие другие, но принадлежавшие им экземпляры первого издания „Слова“ не известны. Можно не сомневаться, что часть экземпляров находится вне Москвы, Ленинграда и Киева, в учреждениях и в частных руках, часть — за границей, в больших библиотеках и у частных лиц, часть же просто погибла. Необходимо отыскать сохранившиеся экземпляры, описать их или получить о них основные необходимые сведения (нужно не смешивать экземпляры „Слова“ первого издания 1800 года с фототипическим воспроизведением его по изданию Сабашникова 1920 года)¹ по следующим вопросам:

1) где такой экземпляр хранится, под каким шифром или кому принадлежит;

2) в обложке он или переплете, старом (современном изданию) или новом, каком именно (цвет, рисунок);

3) размер книги (нормальный размер в обложке 24×19 , в переплете несколько больше, например 25×21); если больше нормального, то за счет чего (например большие поля);

4) качество бумаги (толстая, тонкая, с золотым обрезом и т. д.);

5) ex-libris'ы, штампы, печати, надписи о принадлежности книги и т. п.;

6) есть ли приложения (поколенная роспись князей, лист погрешностей, где они вклеены);

7) есть ли вклеенные чистые листы между страницами текста и где, точное содержание написанного на них;

8) какая концовка после текста (гусли с веточкой или корзина цветов с гирляндой);

9) где и когда приобретен экземпляр, его цена или каким образом получен, что известно об его прежних владельцах, судьба книги;

10) есть ли, какие и где подчеркивания (карандашом — цвет его, чернилами) отдельных слов и фраз в тексте, какие замечания сделаны на полях (описать), чьи это замечания, что известно о лицах, сделавших замечания;

11) самый важный вопрос: какие разночтения существуют в описываемом экземпляре сравнительно с другими экземплярами того же издания.

Известно, что текст первого издания в различных изданиях не совсем идентичен;² это объясняется тем, что правка набора производилась уже во время печатания. Изучение правки поэтому представляет очень большой интерес. С этой точки зрения должны быть внимательно изучены и те 43 экземпляра, сведения о которых приведены в нашей заметке.

¹ При розысках „Слова“ были обнаружены у некоторых лиц фототипические издания Сабашникова — без обложки с датой 1920 года и без статьи М. Н. Сперанского в конце (стр. 1—24); в таком виде издание Сабашникова путали с первым изданием 1800 года как частные лица, так и научные библиотеки. Однако в издании 1920 года лист с погрешностями имеет на обороте два снимка, которых в издании 1800 года нет.

² См. подробнее: Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании (1800 г.) „Слова о полку Игореве“. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934.

М. НАЭЛЬ

**Экземпляр первого издания „Слова о полку Игореве“
в собрании Центральной библиотеки Академии Наук ЭССР**

В Центральной библиотеке Академии наук ЭССР хранится экземпляр первого издания „Слова о полку Игореве“. Ранее этот экземпляр книги находился в Исторической библиотеке при Историческом Музее Академии наук Эстонской ССР. Шифр книги: инв. №. 24881-R, 179.К. Книга формата 27.5 × 22.5 см., содержит нумерованных страниц VIII + 46, один лист погрешностей и вкладной лист „Поколенная роспись“. Водяные знаки бумаги — J KOOL и трехлистник на гербе. Обложка светлокоричневого цвета, немного испорчена. Бумага двух оттенков — часть листов бело-серого оттенка и часть голубоватого. Можно думать, что два листа со стр. 15—16 и 37—38 вброшированы в книгу позже. Концовка — лира с веткой. На внутренней стороне обложки имеется две записи чернилами, от времени пожелтевшие. На верхней половине страницы — „St. Petersburg 1812“. На нижней — „Ein Abdruck des Textes erschien 1803. J. zu St. Petersburg in der Druckery des Kadettencorpus; und ebenfalls in der Сочин. российскийск. истор. — Schlözers mangelhafte Ansicht von diesem Jghorschen Helden- gesange siehe in S. Nestor“.

На основании инвентарного номера книги видно, что она поступила в библиотеку до 1844 года в числе целого ряда других русских книг.

На обложке одной из книг этого поступления — „Извлечение из протоколов первых заседаний Второго отделения имп. Академии Наук“ (СПб., 1842, инв. номер 24883=R, 181) — мы читаем: „Подарены Вторым отделением Академии Наук в Публичную библиотеку высочайше утвержденного Эстляндского литературного общества в г. Ревель 20-го августа 1842 г.“ Таким образом, данный экземпляр первого издания „Слова о полку Игореве“ был передан в Публичную библиотеку при Эстонском литературном обществе 20 августа 1842 года.

С. А. ЛЕВИНА

О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века

Воскресенская летопись XVI века по богатству использованных материалов и по полноте известий занимает первое место после Никоновского летописного свода.¹

До сих пор оставалось невыясненным, каким годом оканчивался текст Воскресенской летописи, опубликованный в VII и VIII томах „Полного собрания русских летописей“. Дело в том, что списки, которые использовались при подготовке к изданию Воскресенской летописи, обрываются при изложении нашествия крымского хана Сафа-Гирея в 1541 году, причем обрываются они в разных местах: ранее всех Синодальный список конца XVI века, потом „Парижский“ список конца XVI века. Наиболее отличным от Никоновской летописи является Карамзинский список XVII века.

В выявленных нами в собрании Археографической комиссии Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР списке второй половины XVI века и в собрании Румянцева Гос. библиотеки им. В. И. Ленина списке начала XIX века имеется текст, который утрачен в других списках Воскресенской летописи: „Воеводы же великого князя пришли к городу, а царь по вестем поспешил от города проч с всеми людьми. И воеводы за царем пошли часа того, к Дону пришли, а царь уж Дон перевез; и воеводы за царем отпустили многих людей, а сами възвратишя“.² Этот текст представляет собой окончание рассказа о нашествии крымского хана Сафа-Гирея (август 1541 г.).

В „Парижском“ списке Воскресенской летописи, находящемся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, недостает двух последних листов. Следовательно, его текст оканчивается ранее теми же событиями августа 1541 года, что и в Археографическом и Румянцевском списках.

Итак, можно считать установленным, что дошедший до нас текст Воскресенской летописи оканчивался изложением событий августа 1541 года.

¹ Сведения о степени изученности Воскресенской летописи см. в кн.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 472—474.

² ЛОИИ, собрание Археографической комиссии, № 243, лл. 303 об.—304; ГБЛ, собрание Румянцева, № 256, л. 118 об.

Все предшествующие исследователи ограничивались указанием о составлении Воскресенской летописи в 40-х годах XVI века, не уточняя этой датировки,¹ между тем как ее текст позволяет установить эту дату более или менее точно.

В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий,² а он стал им 19 марта 1542 года.³ В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение „нынешний король“,⁴ а он был королем до 8 октября 1544 года. Следовательно, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 года и 8 октября 1544 года.

Борьба между придворными группировками во главе с Василием и Иваном Шуйскими, с одной стороны, и Иваном Бельским, с другой, началась в 1538 году. Василий Шуйский умер, но Иван Шуйский продолжал борьбу. В феврале 1539 года митрополит Даниил был смещен и его место занял Иоасаф, который скоро изменил Шуйским и добился освобождения Бельского, заключенного в темницу Василием Шуйским. Правление перешло к Ивану Бельскому и митрополиту Иоасафу. Против них составилась заговор, осуществленный в ночь со 2 на 3 января 1542 года, когда был схвачен и сослан на Белоозеро Иван Бельский, смещен митрополит Иоасаф и его место занял Макарий. Иван Шуйский вскоре умер, власть перешла к его родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому. Случай с Семеном Федоровичем Воронцовым, произошедший в сентябре 1543 года, привел к падению Шуйских: 23 декабря 1543 года Андрей Шуйский был схвачен и отдан псарям. Затем началась опала на сторонников Шуйских, продолжавшаяся до конца 1545 года.⁵

Ясно, что составитель Воскресенской летописи не мог быть беспристрастным наблюдателем описываемых событий. Чтобы разрешить вопрос о политических симпатиях и антипатиях составителя Воскресенской летописи, необходимо произвести сравнение изложений одних и тех же событий в разных источниках XVI века.

В Воскресенской летописи история заточения в темницу князя Юрия Ивановича (1533 г.) изложена так: князь Юрий послал к Андрею Шуйскому Третьяка Тишкова с предложением отъехать к нему, но Андрей уклонился от ответа и рассказал обо всем князю Борису Ивановичу Горбатову, тот — боярам, а они — великой княгине Елене; по приказанию последней, Юрий был посажен в темницу. О судьбе же Андрея Шуйского не говорится ничего.⁶

Совсем другое изложение того же события мы находим в Никоновской летописи: Андрей Шуйский пытался уговорить Бориса Ивановича Горбатова отъехать, но тот отказался; тогда Андрей Шуйский явился

¹ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 18; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, СПб., 1899, стр. CLXIV—CLXV, примеч.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

³ См.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 6.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 256.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 295—301; т. XIII, ч. I, стр. 123—145; т. XIII, ч. II, стр. 431—445; т. XX, ч. II, стр. 447—466. См. также: С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Истор. архив, № 7, М., 1951, стр. 288—289; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. Истор. записки, № 46, Изд. АН СССР, 1954, стр. 285.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286, от слов „Того же месяца декабря 11...“ до слов „...отца нашего Данила столпника“.

к великой княгине Елене и объявил, что Борис Иванович уговаривал его отъехать к Юрию; однако обман открылся, Андрей Шуйский был посажен в темницу, был схвачен и князь Юрий.¹

Сравнение изложений этого известия показывает, что составитель Воскресенской летописи пытался оправдать Андрея Шуйского, составитель Никоновской летописи — опорочить его.

В первом послании Ивана Грозного князю Андрею Михайловичу Курбскому сказано, что изменники Ивана Васильевича восстановили Андрея Ивановича Старицкого против великого князя, „еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити“.² Несколько по-другому описывают причины осложнений отношений между Иваном Грозным и его дядей летописи XVI века: отношения испортились из-за того, что Андрей Иванович просил дополнительных земель, ссылаясь на духовную грамоту Ивана III (и духовную грамоту Василия III, как считает А. А. Зимин³). Получив лишь „шубы, и купки, и кони иноходцы в седлах“ и будучи поэтому сильно разгневанным, Андрей Иванович уехал в Старицу. Елена послала к Андрею Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Пуятина с тем, чтобы убедить Андрея в том, что она на него не сердится, и пригласить в Москву. Андрей вернулся в Москву, где ему были повторены прежние уверения, после чего он вновь уехал в Старицу. Готовясь к войне за Казань, Елена пригласила на совет Андрея, но тот отказался, отговариваясь болезнью. Отправленный к Андрею лекарь по возвращении рассказал, что болезнь его легкая. Тогда Елена послала к Андрею людей для вторичного приглашения, а также с тем, чтобы узнать действительную причину отказа. Они рассказали Елене, что Андрей просто не хочет ехать в Москву. Чувствуя недоброе, Андрей послал в Москву Федора Пронского, но еще до этого против Андрея были посланы войска во главе с Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским. Федор Пронский был пойман, но одному из его людей удалось бежать и сообщить Андрею об опасности. Андрей двинулся к Новгороду, но вскоре был настигнут Оболенским.

До этого места текст летописей XVI века не имеет принципиальных различий,⁴ но далее летописи по-разному описывают события.

В Воскресенской летописи сказано, что Андрей решил помириться и с таким предложением обратился к князю Ивану Федоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому. Последний, не спросив разрешения Елены, согласился и вместе с Андреем поехал в Москву. Но Елена по прибытии их в Москву посадила Андрея в темницу.⁵

Воскресенский же список Софийской второй летописи, Вологодско-Пермская летопись и повесть „О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших“ (Синодальное собр. № 645) сообщают, что Оболенский получил приказ от Елены доставить Андрея

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 78—79, от слов „Того же месяца декабря II...“ до слов „...на дворце за сторожи и его бояр“.

² Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 32.

³ А. А. Зимин трактует выражение летописи „припрашивал... чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту“ так: „Андрей Иванович требовал земель сверх („чрез“) тех, какие отошли к нему по духовной грамоте Ивана III, так как свои претензии он основывал на завещании Василия III“ (Истор. записки, № 27, Изд. АН СССР, 1948, стр. 286).

⁴ Ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 292—294; т. VI, стр. 301—302; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI века. Истор. записки, № 10, Изд. АН СССР, 1944, стр. 84—87.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 294, от слов „И увидев князь Андрей...“ до слов „...за приставы на Берсеневе дворе“.

Ивановича в Москву, чтобы здесь захватить его в свои руки. В четверг Андрей прибыл туда, а в субботу был схвачен.¹

Из проведенного сравнения ясно, что составитель Воскресенской летописи старался опорочить Ивана Федоровича Овчину-Телепнева-Оболенского, который через несколько дней после смерти княгини Елены по приказанию Шуйского, как главный враг был посажен в темницу, где вскоре и умер. Итак, составитель Воскресенской летописи не симпатизирует врагу Шуйских.

Выяснить политические симпатии и антипатии составителя Воскресенской летописи помогают не только его высказывания, но и умолчания. Подозрение вызывает тот факт, что события 1538—1540 годов описаны в Воскресенской летописи очень кратко, в то время как очень подробно записаны 1537 и 1541 годы. Интересно, о каких событиях умалчивает Воскресенская летопись? Под 1538 годом не рассказывается об аресте и смерти князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского.² Помещение этого известия в текст летописи могло, вероятно, скомпрометировать Шуйских. Не говорится также об освобождении из темницы Андрея Шуйского,³ что, впрочем, и не удивительно, так как под 1533 годом не сообщалось о его заточении. Очень кратко говорится о начале борьбы между Шуйскими и Бельским. Введение в летопись подробностей этой борьбы было особенно неприятно Шуйским ввиду тех жестокостей, к которым они прибегали (вспомним расправу Шуйских со сторонником Бельского дьяком Федором Мишуриным).⁴ С июня 1540 года до начала 1542 года власть находилась в руках Бельских. Об этом в летописи не сказано ни слова: под 1540 годом рассказывается лишь о перенесении чудотворной иконы из Ржевы в Москву, а под 1541 годом описывается лишь нашествие крымского хана Сафа-Гирея.

- Суммируя результаты наблюдений, можно предположить, что дошедший до нас текст Воскресенской летописи был составлен сторонником Шуйских.

Хотя в литературе не было сделано попытки определить политическое лицо составителя Воскресенской летописи, тем не менее гипотеза о его имени была высказана. Так, В. С. Иконников считал, что Иоасаф, который до января 1542 года занимал митрополичью кафедру, мог быть составителем Воскресенской летописи.⁵

Однако нами установлено, что Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 года, т. е. тогда, когда Иоасаф был согнан с митрополичьей кафедры и сослан в Кириллов-Белозерский монастырь, где вряд ли мог заниматься составлением летописи.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 302—303, от слов „И положиша меж себя...“ до слов „... князя Андрея поймав посадити“. Также см.: М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI века, стр. 87, от слов „И великого князя воеводы...“ до конца.

² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 123; т. XX, ч. II, стр. 447. Также см.: М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 123; т. XX, ч. II, стр. 447.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 126; т. XIII, ч. II, стр. 448—449. Также см.: С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года, стр. 288; Послания Ивана Грозного, стр. 33; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1187, примеч. 5.

Кроме того, нами показано, что составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских. Иоасаф же, поставленный Шуйскими, тотчас объявил себя сторонником Бельского и в июне 1540 года добился освобождения последнего из темницы, после чего Бельский занял место во главе правительства. Вскоре после торжества Шуйских, в январе 1542 года, митрополит Иоасаф был согнан с митрополичьей кафедры и сослан в Кириллов-Белозерский монастырь.¹ Следовательно, Иоасаф, был сторонником Бельских и потому никак не мог быть составителем Воскресенской летописи.

Отрицая возможность составления Воскресенской летописи митрополитом Иоасафом, мы тем не менее не имеем данных, позволяющих установить имя составителя Воскресенской летописи.

Итак, в результате анализа текста Воскресенской летописи, выявленных списков этой летописи и сравнения изложений одних и тех же событий, записанных в разных источниках XVI века, удалось установить следующее: 1) дошедший до нас текст Воскресенской летописи оканчивался изложением событий августа 1541 года; 2) Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 года; 3) составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских.

¹ ПСРА, т. XIII, ч. I, стр. 102. Также см.: М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К вопросу о датировке Виленского хронографа

Так называемый Виленский (Вильнюсский) хронограф, содержащийся в рукописи № 109 (147) бывш. собрания Виленской публичной библиотеки (ныне собрания библиотеки Академии Наук Литовской ССР в г. Вильнюсе), может быть назван одним из ценнейших памятников древнерусской письменности. Он представляет собой своеобразный всемирно-исторический свод, охватывающий события древней истории до взятия Иерусалима Титом в 70 году н. э. В его состав вошли библейские книги, выдержки из византийских хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия и ряд других источников. По содержанию текст его совпадает с первой частью так называемого Архивского хронографа (рукопись бывш. архива Министерства иностранных дел № 279—658, ныне находящаяся в Центральном Гос. архиве древних актов в Москве). Большую историческую ценность представляют в этом памятнике довольно многочисленные глоссы, освещающие мало изученную мифологию древних литовских племен и бытовые явления западнорусского общества в XIII—XV веках.¹

Рукопись Виленского хронографа была подробно описана Ф. Добрянским в его „Описании рукописей Виленской публичной библиотеки“ и датирована XVII веком.²

Виленский хронограф был изучен В. М. Истриным, который в своем исследовании „Александрия русских хронографов“ уточнил описание, сделанное Добрянским, доказал идентичность содержания Виленского хронографа с начальной частью Архивского и обратил внимание филологов на ценность памятника.³ В своем издании текста древнерусской Александрии В. М. Истрин приводит разночтения к первой редакции также и по рукописи Виленского хронографа. Рукопись привлечена этим же исследователем и для подведения вариантов к изданному им тексту древнеславянского перевода „Хроники“ Иоанна Малалы.⁴

¹ Тексты этих глосс смотри в книгах Ф. Добрянского и В. М. Истрина, указанных ниже.

² Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882, стр. 246—255.

³ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 125—136 и 317—361.

⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. I. Зап. Акад. Наук, серия VIII, т. 1, № 3, СПб., 1897; кн. II, Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. X, Визант.-славянское отд., вып. VII, Одесса, 1902; кн. IV—V, там же, вып. XVII, Одесса, 1905; кн. VI—VII, VIII—IX, Сборник ОРЯС, т. 89, вып. 3., СПб., 1911; кн. X, Летописи

В последующее время Виленский хронограф не подвергался изучению и в течение длительного периода считался исчезнувшим. В связи с событиями первой мировой войны рукописи бывш. Виленской публичной библиотеки были эвакуированы в тыл и после этого не были доступны для исследования вплоть до 1945 года.

В научной литературе, как в СССР, так и за границей, появились сообщения о мнимой гибели рукописей.¹ Поэтому при подготовке издания древнерусского перевода „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия (повесть „О полонении Иерусалима“) В. М. Истрин не мог привлечь варианты к тексту из Виленской рукописи.² Не использована она и в опубликованном в 1923—1927 годах переводе названного памятника, изданном А. Берендсом, хотя последний знал о существовании хронографа и упомянул его при перечислении списков древнерусского текста Иосифа Флавия.³ Лишь после победоносного окончания Великой Отечественной войны рукопись Виленского хронографа, как и другие рукописи бывш. собрания Виленской публичной библиотеки, была возвращена в г. Вильнюс и стала доступной для советских исследователей.

Как уже сказано, Ф. Добрянский определил время переписки Хронографа как XVII век. Правда, он никоим образом не обосновал своего утверждения. После Добрянского никто не занимался датировкой этого памятника, поэтому датировка Добрянского принята и до сих пор в каталоге русских и славянских рукописей Рукописного отделения Библиотеки Академии наук Литовской ССР. Между тем по ряду признаков время написания памятника должно быть отнесено к более ранней эпохе.

Хронограф представляет собой рукописную книгу форматом в большой лист (обмер 29×20 см), написан он крупным полууставом на 736 листах. Очевидно, несколько различных переписчиков трудились над изготовлением рукописи по особым тетрадам. В ней заметно деление на части в соответствии с текстом отдельных источников, из которых она составлена:

а) Листы 1—95. Содержат в основном библейскую книгу „Бытия“, в текст которой вкраплены отдельные отрывки из хроники Малалы, „Шестоднева“ и других источников. Первый лист не сохранился. Эта часть рукописи писана на лощеной бумаге. Почерк одного писца, который условно можно назвать первым почерком (у Истрина — почерк А). Эта часть заканчивается в начале л. 95, оборот которого оставлен чистым.

б) Листы 96—126. Особая тетрадь, содержащая книгу „Исход“. Текст переписан другим лицом, особыми, беловатыми чернилами, на грубой нелощеной бумаге. Почерк второй (у Истрина — почерк В). Оборот л. 126 тоже не заполнен текстом.

в) Листы 127—242. Особая тетрадь, содержащая книги „Левит“ и „Чисел“. Бумага также грубая, нелощеная, однако почерк и чернила

Историко-филологического общества, т. XVII, Одесса, 1913; кн. XI—XIV, Сборник Акад. Наук, т. 90, вып. 2, СПб., 1913; кн. XV—XVIII, Сборник Акад. наук, т. 91, вып. 2, СПб., 1914, приложение. Варианты по Виленскому списку приводятся к книгам I—X.

¹ См.: Е. Ф. Карский. Славяно-русская палеография. Изд. АН СССР, 1928, стр. 16; R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung etc. Heidelberg, vol. 1, 1929, стр. 23.

² V. M. Istrine. La prise de Jerusalem, I. Paris, 1934; II, Paris, 1938.

³ A. Berends, K. Grass. Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis, ser. B, Tartu, 1924—1927.

те же, что в первой части (А). Заканчивается эта часть на л. 241, за которым следуют три листа, оставшиеся незаписанными. Перед этим киноварная запись на старобелорусском языке: „Перекинь два[д]ца да два листа: там ся почнут царства чатыри, опричь неписаных листов“.

г) Листы 242—273. Особая тетрадь. В начале текста виньетка и очень крупным почерком написанное киноварью заглавие „Книгы за вѣта божиа ветхаго сказующе“, указывающее на текст книги „Второзаконие“. Бумага снова лощеная, чернила лучшего качества, чем в предшествующей части. Почерк первый (А). Оборот л. 273 — чистый.

д) Листы 274—458. Особая тетрадь. Бумага лощеная. Почерк третий (у Истрина — почерк С). С л. 362 по л. 369 новый, четвертый почерк (у Истрина — почерк D). Далее, с л. 370 до л. 458, опять особая тетрадь и почерк снова третий (С).

е) Листы 459—497. Снова особая тетрадь, содержащая текст Александрии. Бумага нелощеная, чернила те же, что в части „б“. Почерк второй (В).

ж) С л. 497 до конца книги. Особая тетрадь. Бумага снова лощеная. Почерк и чернила те же, что в основной части отрывка „а“ (почерк С).

Несмотря на то, что книга переписана четырьмя разными писцами, почерки их, как правильно отметил Добрянский, современны друг другу. По всей вероятности, в целях более быстрого завершения работы изготовление отдельных частей книги было поручено одновременно четырем переписчикам, и лишь впоследствии списанные ими листы были сшиты и переплетены в одну книгу. Этим объясняется также наличие в ней в указанных местах свободных, не заполненных текстом листов.

На полях рукописи имеется множество приписок-замечаний на польском языке, сделанных позднейшей скорописью XVII—XVIII века (по Добрянскому — XVIII века). Русский текст тоже носит следы более поздней редакторской правки. Переплет книги старинный деревянный (обмер 29×21 см), обтянут кожей со следами золотого тиснения, с медными застегками. На внутренней стороне переплета следы нескольких записей, сделанных скорописью на русском и на польском языках. На внутренней стороне верхней доски переплета можно прочесть: „То есть книга глаголемая Криница“, а также имя „Жикгимот“. На внутренней стороне нижней доски читаются слова „Митрополитомъ киевским и галицким и всея Руси... [имя неразборчиво]... амин“ и снова имя „Жикгимот“.

Как сообщает Добрянский, рукопись поступила в Виленскую публичную библиотеку из Супрасльского монастыря.

Уже из вышеприведенных данных следует сделать вывод о том, что хронограф переписан не в XVII веке, а значительно раньше. В этом убеждает прежде всего характер бумаги, на которой переписана большая часть памятника. Лощеная бумага употреблялась для рукописей в XV и в первой половине XVI века, но никак не в XVII веке; только в молдавских, сербских и болгарских рукописях мы встречаемся с лощеной бумагой и в более позднее время, вплоть до XVIII века.¹ Так как рукопись, безусловно, западнорусского (литовского) происхождения, то уже по этому признаку считать ее относящейся к XVII веку нет оснований.

¹ См.: М. В. Щепкина. Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 2.

Доказательством более раннего происхождения можно признать и записи на досках переплета. В имени „Жиггимот“ следует видеть, по всей вероятности, имя польского короля и великого князя литовского Сигизмунда-Августа, который правил Литвою с 1544 по 1572 год и был там широко популярен под этим именем. Поскольку оно записано позднейшей рукой на переплете книги, тоже изготовленном, очевидно, позднее, чем была переписана книга, постольку с большой степенью вероятности мы можем отнести переписку книги ко времени не позднее середины XVI века. Титул митрополита „киевского и галицкого и всея Руси“ тоже говорит за время до Брестской унии. Супрасльский монастырь, где, по всей видимости, переписывалась рукопись, был основан выходцами с Афона при покровительстве литовского гетмана Ходкевича в 1498 году; библиотека монастыря пополнялась, вероятно, именно в первые десятилетия XVI века.

Еще более укрепляет нас в высказанном нами мнении анализ орфографических и палеографических особенностей рукописи. Так, в ней мы часто встречаем написание буквы „ж“ (юс большой) вместо графемы „оу“ или наряду с нею. В особенности много подобных написаний мы находим в последней части хронографа, начиная с л. 531 и далее, т. е. начиная с XVII главы I книги „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия, например: „противж“, „држзи“, „нижахж“, „имяхж“, „сзьвокжпилися“, „браняхж“ и т. п. (лл. 531—532). Достаточно часто встречается также написание буквы „а“ вместо „я“, главным образом после букв „и“, „ы“, например, „пременения“, „въздержания“, „друга“ (однако в той же строке имеем написание „вселеня“). Встречаются также, впрочем гораздо реже, чем в параллельном тексте Архивского хронографа, и особенности среднеболгарских орфографических написаний с редуцированным „ъ“ позади плавных согласных (главным образом после „р“), например: „жрътвы“ (л. 533 об.), „содръжима“ (л. 539), „съ дръзвостю“ (л. 539 об.), „пръсы, пръстии“ (там же) и т. д.

Перечисленные графические явления, введенные в русскую орфографию в конце XIV века, были характерны для всего XV и начала XVI века, но они исчезают впоследствии, особенно после широкого распространения книгопечатания, когда орфография рукописей начинает подражать орфографии, принятой в печатных изданиях.

Вся рукопись Виленского хронографа написана четким полууставом, изредка, в отдельных начертаниях букв, переходящим в скоропись. Фигурам отдельных букв придается несколько заостренная, угловатая форма, они напоминают по общему облику почерк полууставных рукописей западнорусского происхождения конца XV—начала XVI века.¹

В интересах датировки следует особенно подчеркнуть частое специфическое написание буквы „о“ с вписанным в нее крестом, так называемое „о крестное“. Такое написание встречается в слове „окрест“ и производных от него, например: „Фасаила же постави, стареишего сына, воеводою владыи на Иерусалимь и на ок[ръ]стьная (л. 520, стр. 28), „Окр[е]сть его пропасти великы“ (лл. 627 и 719 об.) и др. Наблюдается также так называемое „о очное“, т. е. с одной или двумя точками внутри кружка, например: „но паче призираеть око его преславное на законныя“ (л. 510, стр. 29), „душевныма очима зряхуть“ (л. 712 об.; см. также л. 561, стр. 10, л. 536 об. и другие места). Подобные черты графики, вносящие элементы пиктографизма и идео-

¹ См. например, почерк послания великой княгини литовской Елены Ивановны к ее отцу Ивану III.

графизма в буквенные изображения, постоянны для XV века и начала XVI века и почти перестают употребляться к середине XVI века.¹

Наконец, чрезвычайно важное значение для палеографической датировки рукописей имеют бумажные водяные знаки, которые зачастую позволяют по их определенным сочетаниям на бумаге, послужившей писчим материалом, установить возраст памятника с точностью до десятилетия. Данный признак, имеющий важнейшее значение для датировки рукописи, не был принят во внимание предшествующими исследователями хронографа.

Что же представляют собой водяные знаки бумажных фабрик, имеющиеся на листах бумаги, использованных для записи текста хронографа? Следует заметить, что филигранные просматриваются на свет лишь в листах лощеной бумаги лучшего качества, что же касается листов серой, худшей бумаги (лл. 96—241 и 459—496), то они вообще лишены каких-либо бумажных водяных знаков.

Мы имеем возможность установить наличие следующего комплекса филигранных.

1. Медведь с высунутым языком, идущий на четвереньках. Этот знак находим на лл. 4, 5, 7, 11, 16—18, 20, 24, 27, 29, 30, 40, а также на лл. 661, 662, 665, 668—670, 674, 676, 679, 680, 683, 684, 687, 688, 692, 695, 696, 698, 705 и 706. Подобного знака в альбоме филигранных Н. П. Лихачева не встречается.² Альбом, изданный в 1928 году во Львове польским палеографом Каролем Бадецким, приводит указанную филигрань под № 31 и датирует ее 1520—1529 годами для бумаги германских фабрик.³

2. Букет из различных цветов, небольшого размера. Этот знак просматривается на лл. 32, 33, 34, 36, 40, 42—44, 46, 49. Такого в точности знака в имеющихся альбомах не обнаружено.

3. Вытянутая кисть руки с крестом над средним пальцем. Встречается на лл. 56, 59, 61, 65, 71, 74, 89, 94. Подобный знак приведен в альбоме Лихачева под №№ 1544, 1571, 1675, 3273 и др.; наиболее поздние из них датируются у него 1531 годом.

4. Голова быка с четко очерченными круглыми глазами; между рогами быка — жезл, увенчанный равноконечным крестом и обитый змеєю с жалом, высунутым в левую сторону. Филигрань просматривается на лл. 503—508, 512—514, 517, 520, 523, 524, 528, 529, 701, 703, 709, 711, 713—717, 719, 723—725, 727, 732, 734, 736. Водяные знаки этого типа чрезвычайно часты на бумаге, выпущенной бумажными мельницами, преимущественно германскими, в конце XV века. В альбоме Лихачева мы находим десятки подобных знаков, например под №№ 1007, 1008, 1091, 1141, 1176, 1182, 1365 и др. Наиболее близкий по очертаниям знак мы встретили в альбоме Бадецкого под № 35 с датой 1526 года. По поводу приведенного знака составитель альбома замечает, что такая филигрань указывает на происхождение бумаги из Вроцлава и является одним из последних по времени вариантов чрезвычайно распространенного в XV веке знака типа „голова вола“.⁴

5. Тиара с четырехконечным крестом наверху и с крестом меньшего размера внутри. Этот знак просматриваем на лл. 533, 536, 538, 539,

¹ См.: М. В. Щепкина, *ук. соч.*, стр. 10.

² Н. П. Лихачев. *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, т. III. СПб., 1896.

³ Karól B ad e c k i. *Znaki wodne w ksiągach archiwów miasta Lwowa (1382—1612)*. Lwów, 1928.

⁴ Там же, № 35.

541, 542, 545, 549, 550, 553, 554, 622, 628, 636, 639, 640, 642, 644, 645, 647, 650, 652, 655, 656. Подобные же знаки имеются в альбоме Лихачева под №№ 1242, 1243, 1287, 1351, 1876. Наиболее поздний из них отмечен 1511 годом. У Бадецкого знаки, полностью совпадающие по форме, встречаются под №№ 18 (1507—1530 г.), 20 (1516 г.), 21 и 24 (1519 г.).

б. Якорь с полумесяцем наверху и венком вокруг. Им обозначены лл. 557, 562, 564, 567, 568, 570—572, 576, 582, 586—589, 591, 595, 596, 603, 605, 612, 618—620, 624, 629, 631, 634. Такой же знак находим у Лихачева под №№ 3716—3719, датируемыми 1545 годом.

Таким образом, все отмеченные нами бумажные водяные знаки указывают на время между 1507 и 1545 годами, т. е., безусловно, позволяют отнести написание рукописи ко времени не позднее середины XVI века.

В правильности устанавливаемой нами датировки убеждает также и язык списка, в значительно большей степени, чем все другие, сохранившийся особенности первооригиналов.

Интересный материал для датировки хронографа может быть извлечен на основании одной из глосс, представленных только в Виленском списке и отсутствующих в Архивском, т. е., очевидно, внесенных туда переписчиком самой рукописи. Эта глосса читается на л. 632 в тексте IV книги „Истории“ Иосифа Флавия (гл. 3, 6, 7) после рассказа о поставлении в Иерусалиме зилотами своего первосвященника, вместо низвергнутого ими главы иудейской иерархии, из простых жителей села. Переписчик от себя добавляет следующую историческую аналогию: „как то и в нас ставят митрополита по своей воли, а не правилом святых отец. Вчера с псы по полю за заецом, а ныне святительская свъръшаеть, а не тако, как святой Василие говорит: «Дондеже все степени священническая проидеть, тогда святитель бывает»“ (л. 632, строки 7—12).

Эту глоссу напечатал уже в своем „Описании“ Ф. Добрянский, однако никак ее не прокомментировал. В ней, без сомнения, содержится намек на какие-то злободневные, современные переписчику события из жизни западнорусской православной церкви XVI века. По всей вероятности, имеется в виду поставление в западнорусские киевские митрополиты Сильвестра Белькевича (Велькевича), который в 1556 году, не проходя низших степеней церковного служения, занял, будучи светским, митрополичью кафедру. В 1555 году он подписывается в грамотах еще своим мирским именем — „Степан Петрович, нареченный в митрополиты“, а в 1556 году уже подписывает их как „Сильвестр, митрополит киевский“.¹

Если так, то дату переписки хронографа можно уточнить до года и отнести, если не к 1556 году, то вообще ко времени не позднее конца 50-х годов XVI века. В таком случае следует признать, что переписчик хронографа нарочно несколько архаизирует графику памятника, подражая, по всей видимости, графике оригинала, который он копирует.

Виленский хронограф представляет наиболее сохранный текст тех произведений, которые в него включены: хроники Малалы, Амартола, Александрии, „Истории“ Иосифа Флавия. Как уже было отмечено

¹ См. об этом: Арх. Макарий. История русской церкви, т. IX, ч. IV, стр. 329. В примеч. 339 приводится ссылка на Виленский Археографический сборник, VI, № 17, и Собрание грамот Минской губернии, № 16.

В. М. Истриным, в Виленском списке сохранились части текста, выпавшие при переписке рукописи Архивского хронографа (главы 94—97, лл. 31 об. — 33 об.). Особенную же ценность представляет Виленский хронограф для восстановления древнерусского текста „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия. Он, как и Архивский список, содержит полностью все произведение, в противоположность всем остальным спискам, дающим текст этой повести лишь начиная с 25 главы I книги и содержащим ряд пропусков во II, III и VII книгах.

По сравнению же с Архивским списком текст Виленского хронографа исправнее, он лучше передает написания оригинала. Уже В. М. Истриным было отмечено, что в той части древнерусского перевода, которая сохранилась лишь в Архивском списке, язык наиболее насыщен восточнославянизмами в фонетике и в морфологии. Что же касается Виленского хронографа, то он дает в этом отношении еще больше материала, чем Архивский. Представляют большой интерес и глоссы, имеющиеся только в Виленском хронографе.

Ввиду сказанного, при подготовке к изданию этого ценнейшего произведения древнерусской литературы за основу текста целесообразно положить именно список Виленского хронографа как один из старейших, наиболее сохранных и, наконец, как один из наиболее достоверных в текстологическом отношении.

В. И. МАЛЫШЕВ

Новый список „Сказания о киевских богатырях“

Исследователям было известно до сих пор четыре списка „Сказания о киевских богатырях“. Все они опубликованы.¹ Старший научный сотрудник Центрального Гос. архива древних актов В. Н. Шумилов нашел в фондах архива новый список этого произведения. С любезного разрешения В. Н. Шумилова мы подготовили этот список „Сказания“ к печати.

Вновь найденный список „Сказания о киевских богатырях“ хранится в фонде Ф. Ф. Мазурина (ф. 196, опись 2, дело 315, лл. 1—3). Он написан на столбце длиной более метра, четким скорописным письмом двух почерков. Столбец состоит из двух составов и небольшой подклейки внизу. В верхней части столбец сильно надорван и часть текста повреждена. В настоящем виде столбец составляет лишь половину общего свитка, так как значительная часть текста утеряна.

Бумага рукописи имеет водяной знак, изображающий большой круглый щит под короной, внутри которого в прямоугольнике находится лев, стоящий на задних лапах, с мечом в одной поднятой лапе и веером в другой. По Н. П. Лихачеву, бумага с подобным водяным знаком была известна у нас в 80-х годах XVII века.²

Водяному знаку не противоречит почерк рукописи — типичное прямое и уже сильно раздельное скорописное письмо последней четверти XVII века, известное в таком виде по многим рукописям этого времени.

Список ЦГАДА не полный. Он начинается с описания обмена одеждою между каликами и богатырями: „...каличное богатырем, а богатыри дают каликам свое платье светлое“.

По своему содержанию список ЦГАДА ближе всего стоит к спискам Буслаева и Библиотеки им. В. И. Ленина, отличаясь, однако, от них своим окончанием и некоторыми мелкими подробностями. Не внося никаких новых мотивов в известный сюжет „Сказания“, новый список может представить ценность тем, что содержит ряд более правильных и точных чтений. Как и два упомянутых выше текста, он мало сохра-

¹ См.: 1) Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII в. СПб., 1881; 2) Русские былины старой и новой записи под редакцией акад. Н. С. Тихоновича и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894, отдел первый, № 3, стр. 47—53; 3) А. В. Поляков. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. Сб. „Старинная русская повесть“. М.—Л., 1941, стр. 190—196; 4) Л. Н. Пушкирев. Новый список „Сказания о киевских богатырях“. Труды ОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 365—370.

² Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891, табл. 66, №№ 501 (1681 г.) и 502 (1685 г.).

нил эпических формул, оборотов, эпитетов и написан тоже в форме делового языка XVII века.

Особенностью ночного списка является своеобразная концовка. Здесь нет, как во всех прочих списках, эпизода отпуска Тугарина Змеевича в Царьград, и рассказ заканчивается похвалой Илье Муромцу „с его товарищи“. Характерно также, что из богатырей действуют лишь трое: Илья Муромец, Алеша Попович и Дворянин Залешанин. Оружие богатыри несут под „сумами“.

Новый список „Сказания о киевских богатырях“ безусловно будет полезен при критическом издании текста этого интересного памятника русской литературы XVII века.

Помещаемый ниже текст печатается в упрощенной орфографии, принятой в „Трудах“ при издании литературных памятников XVII века, но с сохранением всех фонетических особенностей списка. Буквы и слова в скобках вставлены нами.

* * *

...каличное богатырем, а богатыри дают каликам свое платье светлое. Да говорит Добрыня Резанович: „...Ты, Никита, ходил в Царьград?“. И Никита сказал: „Ходил есми прямых вестей вывеждать, есть ли отпуск богатырем х Киеву, ино те вести прямо неизменно: Ез[дят] богатыри в Цареграде, а хвалатца при царе, говоря[т]... [хо]тят ехати х Киеву и в Киеве учинить сечю вел[икую], князя Владимира и с княгиню и з богатыри ево во полон взять“. Зговорит же Илья Муромец своим товарищем: „Слышите ли вы, товарищи? За то слуги головы складывают!“ Оставляют же богатыри свои добры кони у Смугры реки и вся своя наряды богатырские, по одной емлют по палице булатной, и те несут под сумами скорлатными. Да говорят, идучи, промеж себя пословицу: „Будет хто говорит татарским языком?“. Говорит Дворянин Залешанин: „Всех нас лутче Алеша Попович: каков он пьян, таков и терезв, и всех он нас лутче бранитися“.

Пришли богатыри в Царьград. А в те поры у царя стол идет, в столе дают еству третью. И учали калики милостыни просить, против окна стоя, извычно б слышати было голоса царю Константину. И услышав царь Константин ис полаты, говорит богатырю своему Тугарину Змеевичю: „Вели позвать калик тех, слышу я их, кабы по речи Русь пришла, попытаю я их о киевских вестях, либо что они ведают?“. Позвали калик к царю. И пришли калики к царю, и царь их учал спрашивать: „Скажите, калики, ис которого вы града ходите?“. Говорит Илья Муромец: „Ходим мы, государь, из города ис Киева, от великаго князя Владимира“. Против царя сидит Идол богатырь, говорит царю Константину: „Государь, вольной он человек, попытай их о киевских богатырех, сколько их ныне у великаго князя Владимира?“. Говорит Илья Муромец царю Константину: „Тридцать, государь, два богатыря, да удалы, государь, не по обычаю. Есть там славен богатырь Илья Муромец“. „Каков он рожаем и ростом?“. „Ростом только с меня, а рожаем на меня ж походил“. Говорит Идол богатырь, посмехаючися: „Аще только правда, что таков Илья Муромец, и я ево на ладонь посажю, а другою роздавлю“. И говорит Идол богатырь, посмехаючися, царю Константину: „Не умешкай, государь, службы богатырской, отпущай нас скоро х Киеву, только слов будет не солгано, и как мы будем в Киеве, приведем мы тебе великаго князя Владимира с великою княгинюю и с ево богатыри, а в Киеве учиним сечю великую“. Не стерпе Алеша Попович, говорит: „Так как ты придешь

КОНИ ПРИШЛИ БОГАТЫРИ ДОТЪ КОНА СВИСЪЛИ НА ЛИЦАМИ
ВЪ ЛАТНИКИ МЪ НАЛИ ПОДОТЪ КОНО ПОЛЕПЪЛИ ТЪПЪ ГОЛОВЫ
ТА ТПАРКІИ СЪЛИ НАКОНІ ПОТЪ ДАЛИ ИГРАДА ОДИ ОСТАЛСЪ
АЛІША ПОПОВИЧЬ ДАГОДОРІТЬ С ПЛОМ АЛІША ПОВИЧЬ
ЦЮ КОНСТАТИНЪ ПО ПЛОМЪ МЪ У ПЕТА ЛОШЕДИ УНАЛИ
БОГАТЫРІИ ХОТИ МЪ СПДОИЛИ БОГАТЫРАМИ ПЕРЕДЪ
ДА ПЦА ОДЪРНОМЪ ЧЕЛОМЪ ЦЮ КОНСТАТИНЪ ДАПРОЦЬ ПОТЪ ХАЛИ
А СВОИ ДОБРЫ КОНИ НА СМЪ ГРЪ РЕШЕ ДОТЪ ХАЛИ. **КАДЪ** ПЪ ЖЕ
НА СЕБЪ БОГАТЫРИ ДОСПЪХИ КРЪ ПІСІЕ ІАГО БРЪ БОГАТЫРІИ
ІАМАГОТЪ КОТЪ ДА ДОСПЪХЕ, АНО СКАЧУ ПЪ БОГАТЫРИ
И СЦРА ГРАДА ДЕЛИ КОГО ПОГОНЕГО, ГОДОРИТЬ АЛІША ПО ПОВИ
СДОИМЪ ППОДАРЫЦЕ ПОСТПОИ ПТЕ МАЛЕНКО ДА ПТЕ СНИМИ
ПО СПРИДИТЦА АИЛЪ МЪ РОМЕЦЪ ПЪ СПРІВЪ ЧЕПЪ Д ПЛОХ
ПЕРЪ СТИВЪ ІА СЪ ЗАНІМА БОГАТЫРИ СНОРО СЪ ТЪ ХАЛИ СЪ
ОДЪРНИИ КОТЪ ДА ДОСПЪХАМИ И ДОСПЪХИ ПО ПСИОМАЛИ
И ЛЪ МЪ РОМЕЦЪ ЗЕКІА ИДОМЪ БОГАТЫРІА **ЗА**
БРА КОНА А. МЪ. БОГАТЫРІА ПО СІАМЪ АРЪХЪ ТИВІХЪ
ПЪАЛИ ІАДОА СПОРОПИНА ДА ПЪХА ГІНА ЗИБЪДИТА **ЗИ**
ОПЪА ПЪХЪ ГІА СІА ДА ПЦА ПЕРЕДЪ ЦАРЕДОЮ ПОДА ПТОЮ
ДАГОДОРІТЬ ИЛЪ МЪ РОМЕЦЪ ЦЮ КОНСТАТИНЪ СЪДИ
ПЕ БЪ ЦЮ КОНСТАТИНЪ ПО ДЪДАМО СТО ПОБИЛИ МЪ
МЪ БОГАТЫРІА ПВОИ А ДЪ ЖИДА ІА ЗАЛИ А ПЕ ГІА МЪ
НЕ ДІА ГІА МЪ НИ ТЕРНЫМЪ ДОЛОГО ЧТО ПОТЪ ХАЛИ МЪ СІА
ІА СЪЗГЪРВА ВЪ ДОМА НА ПЪАЛА ПДОИ БОГАТЫРІА
КАДОА ТЪ БЪ ІА ДІА МЪ А ССОДОЮ ІА СІА МЪ ТЪХА ГІА
ЗИБЪДИТА ОУДАДОА БОГАТЫРІА **НЕ** БЪАЛА СЕБЪ
ПО ПСИИ ИНАЛА ДО СЛА ЧЕТІА МЪ ТЪХА ГІА ЗИБЪДИ
БЪА ГІАЛОМЪ БЛАГОДЪРНО ЦЕЦЪ БЛАГОДЪРНАМЪ ЦЕЦЪ СІА
ОУ ПРСИ ГІА ГІА БРЪХИ БОГАТЫРІА ПЪХА ГІА ЗИБЪДИТА
ПОВОРА РЪХИ БОГАТЫРІА ГІА ГІА БЛАГОДЪРНА ДІА ЦЕ
СІА МЪ ТЪ БЪ ГОВОРИМЪ НЕ ДІА ГІА МЪ ПЪХА ГІА
НА ЗИБЪДИТА НИ ТЕРНА ДОЛОГО ДА ПДОГО СІА ДО
БЪА ДІА ГІА ГІА ТЪХА ГІА ВІА СІА А ПОТЪ БЪА
ІУЦЕ ГІА ГІА ТЪХА ГІА ГІА ГІА ГІА ГІА ГІА ГІА
ЗИБЪДИТА ДО ЦЕ ГІА ГІА ДІА ПІА КІА МЪ НА ПРІА
ХА ПІА ВІА СІА БЕЗЪ БОГАТЫРІА ЧТО НА ША СІА ПІА ВІА СІА
ВІА СІА МЪ ІА ЗЮ ВЛАДИМІА ОУ ДІА ГІА ГІА МЪ БОГАТЫРІА
ЦЮ КОНСТАТИНЪ ДАПРОЦЬ ПОТЪ ХАЛИ: БЪА ДІА ЖЕ БО
ГАТЫРІА НЕ ЖЕ СЕ ІА БОГАТЫРІА ЗИБЪДИТА ПЪА ДІА
ПО ПОЛОУ ТІА СТОМЪ: **КА**НЪ ОНЪ БЪА ДІА ПІА БЛИКО ГОРОДА
КІА СІА ИДЫ БІА СІА ОУ СІА БОГАТЫРІА ІА МЕНЕ ДА ДОРА

х Киеву, от такова тебе слова познать дорогу не путную, да прочь уж тебе не отъезживать“. Идол же на него осержается. Зговорит Дворянин Залешанин: „С твоего, государь, царскаго меду упились, говорит ни ту ни сю“. Алеше говорят богатыри потихоньку: „Уйми свое сердце богатырское, потерпи маленько, нельзя нам с тобою тайнова слова молвить“.

Спрашивает царь Константин: „Видели ли есте лошадей у своих богатырей в Киеве?“. Зговорит Дворянин Залешанин: „По вся дни видели лошадей киевских богатырей“. Говорит Идол богатырь: „Вольной он, государь, человек, вели, государь, показать своих лошади царския“. Царь же велел их привести. Привели лошадей на двор царев, ставят их против полаты царския. Выгленули калики из окон ис полаты и молвили: „В Киеве у простых людей лутче тех лошадей“. „Государь, вольной он человек, вели показать наши лошади богатырские“. Ведут же Идола богатыря лошедь 12 человек на двух чепях золотых, 10 человек ведут лошедь Тугарина Змеевича. Издалеча калики лошадей увидели, да говорит Дворянин Залешанин: „Сверху, государь, нам лошадей не уметь смотреть, вели, государь, нам на земли посмотреть“. Идут же калики ис полаты ис сеней смотрячи лошадей, сметили, говорят промеж себя, идучи: „Топерво нам, товарищи, пора пришла, готовьте палицы булатные, отъимайте лошади и садитеса на них, братцы, без седел, на добры кони“. Пришли богатыри к добрым коням, свиснули палицами булатными, отняли по добру коню, полетели тут головы татарские, сели на кони, поехали из града. Один остался Алеша Попович. Да говорит стоя Алеша Попович царю Константину: „Потом[у] мы у тебя лошади отняли богатырские, хотим мы с твоими богатырями переведацца“. Ударив челом царю Константину да прочь поехали, а своих добрых коней на Смугре реке доехали.

Кладут же на себя богатыри доспехи крепкие и всю зброю богатырскую, емлют копыя вострые. Ажно скачют богатыри ис Царяграда великою погонею. Говорит Алеша Попович своим товарищем: „Постойте маленько, дайте с ними посправитца“. А Илья Муромец встречает в полуверьсте, и все за ним богатыри. Скоро съехались, ударились копыя вострыми и доспехи поприломались, Илья Муромец збил Идола богатыря з добра коня, а 42-х богатырей побили, а двух живых взяли: Идола Скоропина да Тугарина Змеевича. Ведут их опять в Царьград, ставятца перед царевою полатою. Да говорит Илья Муромец царю Константину: „Буди тебе, царю Константину, то ведомо, что побили мы 42 богатырей твоих, а двух живых взяли. А тебя мы не движем ни черным волосом, что поехали мы ис Киева без государева ведома на похволу твоих богатырей. Идола тебе отдаем, а с собою емлем Тугарина Змеевича удалова богатыря“.

Не белая лебедь воскликнула, восплачется мать Тугарина Змеевича, бьет челом благоверной царице: „Благоверная царица Елена! Упроси, государыни, у русских богатырей Тугарина Змеевича“. Говорят русские богатыри: „Государыни благоверная царица Елена! Мы тебе говорим, не двигнем мы Тугарина Змеевича, ни черным волосом, для твоего слова, будет, государыни, Тугарин в Киеве, а потом будет и в Цареграде, у тебя, государыни. А нельзя нам Тугарина Змеевича во Цареграде оставить, не с чем нам приехати в Киев без богатыря, что нам сказати в Киеве великому князю Владимиру“. Ударив челом богатыри царю Константину да прочь поехали. Ведут же богатыри меж себя богатыря Змеевича, едут по полю чистому. Как оне будут блиско города Киева, и выбирают от себя богатыря именем Дворянин

Залешанин: „Ты жилец государев многолетен, велит ли нам государь, холопом своим, очи свои видеть? Згрубили есми без твоего, государева, ведома, в Царьград поехали, изгрубили есми, а недругов государевых убили 42 богатыря, а двух живых взяли, одна богагыря Идола Скоротина отдали царю Константину, а другога богагыря Тугарина Змеевича с собою ведем, к тебе, государю?“. Приехал Дворянин Залешанин в Киев град к великому князю Владимиру, правил речи государю о товарищев своих. И государь их за то пожаловал, велел им к себе ехати. Приехали богагыри в Киев град к великому князю Владимиру и привели удолова и грознова богагыря Тугарина Змеевича. И государь их за то учал жаловать, дает им шубы со аксамиты и чепи златыя великия. Да им же говорит князь великий: „И впредь вас рад жаловать за вашу службу верную“. Спрашивает князь великий Тугарина Змеевича о вестях: „Что у вас вестей в Цареграде?“. Говорит Тугарин Змеевич: „Что ты, государь, меня о вестях спрашиваешь? Все вести у тебя, государя, и нет грознее всех царств тебя, государя, а богагырей твоих нет удалее во всех землях“. Ильи Муромца мужеству и храбрости и с его товарищи, честь и слава в веки и на веки. Аминь.

С. В. КАЛАЧЕВА

Еще раз о датировке „Повести о Савве Груддыне“

В IX томе „Трудов Отдела древнерусской литературы“ напечатана статья Н. А. Баклановой,¹ в которой поднимается вопрос о реальной основе одного из произведений древнерусской литературы „Повести о Савве Груддыне“ и делается попытка дать новую датировку „Повести“, причем последняя задача особенно занимает внимание исследовательницы.

„Повесть о Савве Груддыне“ выделяется среди повестей XVII—XVIII веков тем, что в нее включено описание действительно происшедших исторических событий, нередко речь идет об исторических лицах, имеются ссылки на реальные топографические пункты. Действие „Повести“ разворачивается во время Смоленской войны, т. е. в 30-е годы XVII века. Однако в описании этой войны встречаются некоторые неточности, что заставило М. О. Скрипилю в свое время предположить, что „Повесть“ написана была значительно позже, приблизительно в 60-е годы XVII века. Н. А. Бакланову не удовлетворили доводы М. О. Скрипили, она нашла, что в „Повести“ отражен русский быт не конца XVII, а начала XVIII века и, следовательно, „Повесть“ была написана не в XVII, а в начале XVIII века. Однако, думается, что приведенные в статье доказательства свидетельствуют отнюдь не в пользу этой гипотезы.

В основе рассуждений Н. А. Баклановой лежит предположение, что „Повесть“ несомненно связана с известной купеческой семьей Груддыных-Усовых. Предположение вполне приемлемое, поскольку совершенно точно названа эта фамилия (она употребляется в „Повести“ даже в тех же вариантах, какие встречаются в архивных записях), точно указано место происхождения этой купеческой семьи, приблизительно совпадает с действительностью и район торговых операций Груддыных, так что такая постановка вопроса возражений не вызывает. Исследовательница тщательно прослеживает историю рода Груддыных и предполагает, что прототипом Фомы Груддына (отца Саввы) мог быть только последний и наиболее богатый представитель рода — Василий Иванович. Допустим, что почетное положение, которое занимал этот купец в русском обществе (он даже принимал в своем доме в Великом Устюге Петра I), действительно определило уважение, с которым автор говорит о Фоме Груддыне. Может ли это быть доказательством того, что „Повесть“ написана в XVIII веке? Василий Иванович умер в 1704 году,

¹ Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке „Повести о Савве Груддыне“. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 443—459.

причем, по сообщению Н. А. Баклановой, оказалось, что он не выполнил многих поставок, забрав вперед деньги. „Вследствие этого велено было описать все его имущество, а сына Ивана выслать в Москву в Семеновскую приказную палату. Крупное торгово-промышленное предприятие Грудыных перестало существовать“.¹ Едва ли кто-нибудь стал бы восхищаться богатствами человека обанкротившегося; следовательно, если даже признать Василия Ивановича прототипом Фомы, то „Повесть“ могла быть написана только при его жизни, т. е. не позже 1704 года. Итак, уже первое доказательство Н. А. Баклановой ограничивает возможность написания „Повести“ в XVIII веке тремя первыми годами столетия.

Другой довод исследовательницы касается особенностей военного быта, изображенного в „Повести“. Армия, в солдаты которой записались Савва с бесом, была мало дисциплинированной и плохо организованной. Н. А. Бакланова сопоставляет это изображение с тем, что говорил Петр I о русской армии начала Северной войны. По мнению исследовательницы, совпадение этих характеристик доказывает, что в „Повести“ изображено русское войско начала XVIII века. Однако, хотя Петр и говорил о совершенно конкретном моменте, он охарактеризовал не просто разложившуюся армию, а вообще тот тип войска, который предшествовал созданию постоянной регулярной армии. Его описание (так же как и сцены, изображенные в „Повести“) отражает состояние русской армии до Северной войны, следовательно, военные сцены „Повести“ могли соответствовать действительности в XVII веке, но не позже, потому что в Северную войну Петр начал реорганизацию русского войска. Можно точно указать год, с которого изображение военного быта в „Повести“ стало для русской действительности анахронизмом. В „Повести“ описан набор в солдаты „охочих людей“. Н. А. Бакланова, предполагает, что описан набор, происходящий в более „широких масштабах“, чем это было в Смоленскую войну, когда таким образом набрали 14 331 человека, т. е. „только“ половину армии Шеина. Исследовательница поэтому считает, что автор имел в виду какой-нибудь из петровских наборов. Это утверждение ничем не обосновано, но даже если его и принять, оно не доказывает, что „Повесть“ была написана в XVIII веке, потому что, как сообщает Бакланова, „Нарвская битва показала малую пригодность этого войска и повела к созданию настоящей регулярной армии путем постоянного обучения периодически поставлявшихся рекрутов“.² После Нарвской битвы подобные наборы, тем более в „широких масштабах“, не практиковались; следовательно, сцена набора „охочих людей“ — эпизод, который мог иметь реальную подоплеку только до Нарвской битвы, происходившей в 1701 году. Итак, второй довод Н. А. Баклановой доказывает, что „Повесть“ была написана не позже 1701 года, т. е. первого года XVIII века.

Еще один довод исследовательницы ставит еще одну границу датировки. Н. А. Бакланова обратила внимание на выражение повести: „тогда все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в до-полнку“ (или „вдобавок“).³ В статье сделана попытка доказать, что в XVII веке солдатские и стрелецкие полки составляли два вида войска, которые между собой не смешивались, а в XVIII веке такое смешение, вероятно, было возможно. Однако едва ли автор стал бы говорить

¹ Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 448.

² Там же, стр. 455.

³ Там же, стр. 454.

о том, что солдат раздали в „дополнку“ стрелецким полкам, после того, как в 1698 году было расформировано стрелецкое войско. Н. А. Бакланова указывает, что и после 1698 года продолжали существовать городские стрельцы, но это еще не значит, что существовали стрелецкие полки и что солдаты дополняли стрелецкое войско. Вернее было бы предположить, что в XVIII веке стрельцы могли быть направлены „в дополнку“ солдатам. Эта справка лишней раз доказывает, что „Повесть“ была написана в XVII веке, не позже 1698 года.

Наконец, необходимо остановиться на следующем доводе Н. А. Баклановой: „Кроме того, стрихи, которыми она („Повесть“, — С. К.) рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: «царь узнает твою службу и повысит тебя в чине». Эту и подобные ей фразы, подразумевающие доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полуцерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру¹. В данном случае, думается, исследовательница переоценила способность писателя XVII века следовать исторической правде. Древнерусский писатель любого царя мог представить как царя-батюшку, независимо от того, каким этот царь был в действительности. В то же время автор „Повести о Савве Грудцыне“ ни в коем случае не мог положительному герою, каким является Михаил Федорович, приписать черты Петра I. Доказательством этого является содержание и идейная направленность „Повести“. Уже заглавие говорит об основной религиозной идее этого произведения: „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия; како человекюбивый бог являет человекюлюбие свое над народом христианским“ (разрядка моя, — С. К.).² Такую же тенденциозную окраску имеет и все повествование. Если, учитывая религиозный характер „Повести“, попробовать представить ее произведением начала XVIII века, т. е. приблизительно того времени, когда по приказу Петра церковные колокола переливались в пушки, то совершенно очевидно, что Петр скорее всего был бы изображен отрицательно. Однако отрицательные черты в образе царя не обнаруживаются, видеть же портрет Петра в положительном образе царя Михаила Федоровича невозможно, потому что автор „Повести о Савве Грудцыне“ по своему мировоззрению, выразившемуся в идейной направленности этого произведения, мог быть только врагом Петра I. Следовательно, этот довод Н. А. Баклановой не имеет реальных оснований и не может служить доказательством того, что „Повесть“ была написана в XVIII веке.

Вопрос о том, мог ли пользоваться автор XVII века такими терминами, как „экзерция“, „артикул“, „команда“, требует более углубленного исследования. Если эти термины не появились в результате переписки „Повести“ в XVIII веке, то, может быть, они уже встречались в русской речи XVII века, поскольку в русское войско входили наемные иноземные полки.

Не может служить веским доводом и тот факт, что „Повесть“ известна нам только в списках XVIII века. Утеря первоначального списка

¹ Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 455—456.

² Цит. по публикации М. О. Скрипиля (Савва Грудцын. Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 228). В дальнейшем все цитаты даются по указанной публикации.

XVII века не представляет чего-либо необыкновенного для древнерусской литературы.

Итак, все приведенные Н. А. Баклановой доводы не кажутся нам убедительными. Что же может подсказать дату написания „Повести“? Тут придется коснуться некоторых деталей, упущенных Н. А. Баклановой.

Главным персонажем „Повести“ является Савва Грудцын. Поскольку автор точно называет фамилию и место происхождения семьи Грудцыных, возникает предположение о том, что в основе „Повести“ лежит какое-то реальное происшествие, причем реальность происходящего автор подчеркивает в заглавии: „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия“ (разрядка моя, — С. К.). Поэтому, думается, разбирая историю семьи Грудцыных, необходимо попробовать установить, кто мог послужить прототипом образа Саввы, так как совершенно несомненно, что поводом к написанию „Повести“ послужило не особое уважение к богатству отца, а необыкновенная и, вероятно, драматическая судьба сына. Если предположить, что под видом Фомы изображен Василий Иванович, то прототипом Саввы мог быть один из его сыновей — Семен или Иван. Но, рассказывая об этих молодых людях, ровесниках Петра I (Семен, так же как и Петр, родился в 1672 году), живших в такую богатую событиями эпоху, автору не к чему было вспоминать Смоленскую войну. Он скорее повел бы своего героя под стены Азова или Нарвы или в строящийся Петербург. Кроме того, автор не мог бы обойти историю разорения рода Грудцыных; он же, наоборот, сообщает, что род Грудцыных продолжается: „... их же род и доднесь во граде том влечется“ (стр. 235).

Поэтому, думается, прототип Саввы надо искать среди тех представителей семьи, которые могли участвовать в Смоленской войне. По возрасту он должен был бы принадлежать к третьему поколению Грудцыных. В статье Н. А. Баклановой приведена родословная Грудцыных-Усовых, но имени Саввы в ней не встречается, так же как и имени Фомы, между тем автор стремился к точной передаче биографических данных при повествовании, иначе ему не к чему было бы говорить о Великом Устюге и называть героя Грудцыным-Усовым. Такая точность заставляет предположить, во-первых, что под именем Саввы выведено какое-то совершенно реальное лицо, во-вторых, что автор не считал нужным переименовать своего героя. В последнем случае не было бы смысла сообщать его подлинную фамилию. Чтобы объяснить отсутствие имени Саввы в родословной, можно сделать два предположения. Среди Грудцыных третьего поколения Н. А. Бакланова упоминает Силу и Степана. В 30-е годы они были приблизительно „призывного“ возраста. О их дальнейшей жизни в статье ничего не сказано. Отсюда напрашивается первое предположение, что один из них пережил душевную драму, послужившую впоследствии сюжетом для „Повести“, постригся в монахи и получил имя Саввы (монашеское имя обычно начиналось с той же буквы, что и мирское) и под этим монашеским именем был известен автору. Имя же его отца повествователь перепутал. Но это стройное логическое построение разбивается само собой, потому что имена купцов Силы и Степана (или Стефана) Грудцыных упоминаются в таможенных книгах Великого Устюга как в 40-е годы, так и в 50-е, следовательно, Сила и Степан благополучно торговали до самой своей смерти и нет никаких оснований предполагать, что они пережили приключения Саввы. Таким образом, первое предположение отпадает и остается второе.

Документальный материал не позволяет, повидимому, восстановить родословную Грудцыных в достаточной полноте, но если верить „Повести“ как документу, то на ее основании в сопоставлении с родословной, составленной Н. А. Баклановой, можно предположить, что у Тимофея Грудцы, кроме Якима и Юрия, был еще один сын — Фома, а также внук Савва. Этот сын переселился в Казань, но скоро разорился. Доводом в пользу такого объяснения служат слова беса из „Повести“, когда он впервые является Савве и говорит: „Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне еще хощеши уведати, и аз того же рода от града Великого Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки“ (стр. 239). Эти слова явно говорят о существовании казанской ветки рода, но воспоминаний о казанских Грудцыных Н. А. Баклановой обнаружить не удалось, может быть, потому, что, как указывает исследовательница в своей статье, архивных материалов о 20-х годах XVII века не сохранилось, а к 40-м годам казанская ветвь этой семьи уже прекратила свое существование, о чем ясно сказано в „Повести“. Савва был единственным сыном Фомы и, постригаясь в монахи (вероятно, в конце 30-х годов), роздал все свое имущество бедным. Таким образом, в 30-е годы XVII века история казанских Грудцыных оборвалась. Утверждать положительно, что это предположение соответствует действительности, невозможно, поскольку не обнаружено никаких данных, подтверждающих его, но как гипотезу его можно выдвинуть, тем более что никто из Грудцыных, приведенных в родословной, не мог послужить прототипом Саввы. Независимо от того, кто именно из Грудцыных послужил прототипом Саввы, важно отметить, что это должен был быть представитель третьего поколения семьи. Важно это вот почему.

Суммируя все, что известно о Савве Грудцыне, можно сказать, что Савва участвовал в Смоленской войне, потом стал монахом Чудова монастыря; в монастыре же он и умер. Описанием смерти Саввы заканчивается „Повесть“: „И восприят иноческий чин и нача ту жити в посте и молитвах, непрестанно моляся господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отъиде в вечный покой, иде же святии пребывают“ (разрядка моя, — С. К.) (стр. 262). Именно смерть Саввы, вероятно, и послужила поводом для написания „Повести“. Никаких общественных подвигов Савва не совершил, иначе об этом бы сообщалось в „Повести“; следовательно, память о его жизни не могла быть долговечна. „Повесть“ является, повидимому, своеобразным некрологом раскаявшемуся грешнику. К сожалению, известны очень немногие точные даты рождения или смерти Грудцыных, но кое-какие даты все же имеются. Представители третьего поколения Грудцыных — Степан и Сила Якимовичи и Алексей и Василий Юрьевичи — еще упоминаются в таможенных книгах Устюга Великого в 50-е годы XVII века, но в 70-е годы их имена в этих книгах уже не встречаются. Кроме того, из сведений, сообщаемых Н. А. Баклановой, известно, что в 1660 году было пожаловано Леденгское Усолье Василию Ивановичу, т. е., вероятно, к этому времени его отец, Иван Якимович, уже умер. Иван Якимович был самым младшим из известных нам Грудцыных третьего поколения, так что можно предположить, что к этому времени должен был умереть и тот из его родных или двоюродных братьев, который постригся в монахи. Таким образом, соображения, касающиеся прототипа Саввы, приводят к тому же выводу, что и рассуждения М. О. Скрипиля: „Повесть“ была написана в 60-е или в начале 70-х годов XVII века. Думается,

что подтверждением этого является и то, что в „Повести“ упомянуты некоторые фамилии, известные именно в 60-е годы, например сотник Шилов. Правда, Н. А. Бакланова доказала, что приказ Зимы Волкова (как расшифровывает М. О. Скрипиль название „Зимин приказ“) не мог находиться в приходе храма св. Николая в Грачах и что сотник Шилов упоминается в приказе Ознобишина, а не Зимы Волкова. Кстати сказать, Шилов числится в приказе Ознобишина, убитого, как сообщает исследовательница, в 1659 году. На его место мог стать Зима Волков и, таким образом, Шилов в 60-е годы XVII века мог быть сотником Зимина приказа, но в данном случае это не имеет существенного значения. Автор мог назвать имена известных стрельцов, не зная их точного служебного положения. Эти стрельцы не отличались какими-либо громкими подвигами, и имена их, так же как и имя Саввы, могли прийти на ум автору лишь пока они еще жили, а жили они именно в 60-е годы XVII века. Упоминание в „Повести“ этих имен дает лишнее основание отнести написание „Повести“ к указанному времени.

Так, думается, может быть разрешен вопрос о датировке. „Повесть о Савве Грудцыне“ по всем данным была написана в 60-е—70-е годы XVII века.

В. Д. КУЗЬМИНА

„Игра пирожная“

(Неизвестная комедия демократического театра XVIII века)

Из интермедий, исполнявшихся в 1741 году во время представления драмы „Стефанотокос“, третья¹ была по содержанию бытовой рыночной сценкой. Основой ее был комический монолог — зазыв пирожника, к которому присоединен популярный анекдотический сюжет о ловких ворах и одураченном церковнике.

Во второй половине XVIII века в демократической драматургии наблюдается тенденция к развитию простейшей интермедии в самостоятельную пьесу — одноактную комедию. Примером того, как были использованы для этой цели комический монолог — зазыв пирожника — и образ рыночного мошенника может служить неизвестная комедия, озаглавленная „Игра пирожная“.

Она сохранилась в списке 1792 года, в сборнике под заглавием „Когда что попало“, некогда принадлежавшем А. Ф. Бычкову. Ныне этот сборник находится в Ленинграде, в отделе рукописей Пушкинского Дома Академии Наук СССР, в составе архива журнала „Русская старина“ (ф. 265, опись 3, № 9, стр. 1057—1070).

Как большинство пьес демократического театра XVIII века, „Игра пирожная“ написана раёшным стихом, где преобладают глагольные рифмы и ассонансы, с парными рифмами. Пьеса довольно велика, включает в себе 654 строки текста (не считая ремарок).

Еще 80 лет назад эта пьеса привлекла внимание Л. Н. Майкова, которому А. Ф. Бычков дал возможность ознакомиться со сборником. Л. Н. Майков снял копию, сохранив особенности говора, тщательно оговорил и исправил все ошибочные написания рукописи, являвшейся не авторским текстом, а одной из копий. Он снабдил пьесу кратким вводным примечанием и прислал ее Н. С. Тихонравову в конце 1874 года.

¹ Интермедия издана Н. С. Тихонравовым в „Летописях русской литературы и древности“ (т. II, М., 1859, стр. 42—48) по рукописи Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде (Q. XIV. 19). Эта интермедия известна мне еще по спискам Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (собр. Тихонравова, № 342, лл. 245 об.—251 об.) и Библиотеки Академии Наук УССР в Киеве (I. 2027).

В архиве последнего во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина и сохранился весь этот материал (собр. Тихонравова, I. 44/21).¹

Можно думать, что пьеса „Игра пирожная“ осталась ненапечатанной Н. С. Тихонравовым по двум причинам.

В 1874 году он готовил два тома „Русских драматических произведений“. Однако материал Л. Н. Майкова, попавший к Н. С. Тихонравову в начале декабря (на рукописи Л. Н. Майкова помета — „30 ноября 1874 года“), опоздал к сроку, когда еще были возможны вставки и дополнения. Вероятно также, что возможность включения в сборник новой пьесы была осложнена цензурными затруднениями с примечаниями ко II тому. Примечания Н. С. Тихонравова к драме „Стефанотокос“, как известно, вызвали нареkania цензора (из-за реально-исторического комментария к истории дворцового переворота 1741 года). Вследствие этого текст примечаний был вырезан почти из всего тиража. С другой стороны, Н. С. Тихонравову „Игра пирожная“ могла казаться исключением, так как аналогичные пьесы ему не были известны. Да и по времени эта пьеса была более поздней, чем репертуар 1672—1725 годов, составивший основу сборника „Русские драматические произведения“, где драма „Стефанотокос“ (1741) была единственным произведением более поздней поры.

В настоящее время после публикации таких пьес, как „Интермедия курioзная и увеселительная о старце“,² „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“,³ „Игра пирожная“ должна по праву занять место среди одноактных комедий демократического театра XVIII века.

Л. Н. Майков утверждал, что „Игра пирожная“ принадлежит к разряду „Интермедий или «междувброшенных забавных игрищ», то есть комических сцен, которые по обычаю старинного театра исполнялись в антрактах между действиями трагедий и других пьес серьезного содержания“, и отмечал, как ему казалось, „ближайшую связь“ „Игры пирожной“ с вышеизложенной интермедией из драмы „Стефанотокос“.

С другой стороны, Л. Н. Майков отмечал прямую связь „Игры пирожной“ с городским демократическим театром XVIII века и указывал также, что список пьесы из сборника А. Ф. Бычкова является сценическим ее текстом: „Отметки в скобках о том, что нужно делать актерам, не оставляют сомнения в том, что пьеса была разыгрываема на каком-то театре, предназначавшемся для престоной публки, быть может, в тех театрах, которые с платоу от 1 до 5 копеек были устраиваемы на маслянице, по сказанию Я. Я. Штелина, служителями царских конюшен «в рогожных костюмах», а по известию более позднему — Георги — вообще охотниками из простого народа под качелями“.⁴

Л. Н. Майков обратил внимание как на преемственную связь „Игры пирожной“ с вышеприведенной интермедией из драмы „Стефанотокос“, так и на сюжетные и языковые различия обоих произведений: „Основной мотив интермедии получил в нашей пьесе значительное развитие и

¹ На этот материал обратила мое внимание сотрудница Отдела рукописей Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина А. А. Ромодановская.

² См.: Н. К. Гудзий. К истории русского театра. Интермедия о старце. Изв. Таврического университета, Симферополь, 1919, кн. 1, стр. 151—159.

³ См.: В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 408—426.

⁴ Известие Штелина приведено П. П. Пекарским: Наука и литература при Петре Великом, т. 1, стр. 421; известие Георги см. в его описании Санкт-Петербурга в переводе И. Безака, стр. 655—656 (примечание Л. Н. Майкова: БИЛ, Архив Тихонравова, I. 44/21, л. 1—1 об.).

обставлен многими новыми подробностями. Равным образом и язык нашей пьесы гораздо народнее языка интермедии¹.

Комментарии Л. Н. Майкова конспективны, слишком кратки и кое в чем противоречивы. Они не дают полного представления о своеобразном облике публикуемой пьесы по сравнению с более ранней и близкой ей по теме интермедией, не отвечают на вопрос о характере различий в образах действующих лиц, в развитии сюжета, не содержат систематического разбора ремарок, которые могут прояснить вопрос о сценическом воплощении произведения.

Основой обеих пьес является показ городского быта XVIII века, характерной чертой которого была мелкая торговля вразнос на рынках и улицах.

Образы разбитных продавцов-разносчиков с их зазывами покупателей очерчены бегло, но отчетливо. Среди них мы находим „пирожника“, который разносит подовые пироги с различной начинкой на лотке, надетом на лямке через плечо.

В рукописных сборниках XVIII века встречаются записи зазывов уличных продавцов с рифмованными прибаутками. Например:

Вот сбитьень, вот горячий!
Кто сбитьню моего?
Всякой кушает его —
И воин и подьячий.²

Позднее колоритные зазывы продавцов, в частности пирожника и сбитьенщика, с традиционными рифмами „подьячий—горячий“ занес в свои записи народных прибауток В. И. Даль.³

В комических монологах драматургия XVIII века сохранила характерные черты зазыва покупателя балагуром-продавцом, восхваление достоинств своего товара и обращение к различным категориям покупателей.

При сопоставлении пьес прежде всего обращает на себя внимание изменение состава персонажей. В интермедии появлялись Маркитант, Ставленник и четыре Мошенника; в „Игре пирожной“ Маркитанту соответствует Пирожник, четыре Мошенника заменены Голым, который крадет у Пирожника лоток с пирогами и мощну с выручкой, а вместо Ставленника в роли покупателей появляются Подьячий и Солдат.

Тема грабительства низовых чиновников, которые от секретаря и подьячего до простого канцеляриста „одувают“ просителей и требуют „даров“, проходила в интермедии на втором плане, в беседе Ставленника с Мошенниками. В „Игре пирожной“ ей уделено особое внимание, благодаря появлению Подьячего (роль его достаточно обширна и состоит из 88 строк), который обманом вымогает пироги у разносчика, да еще грозит ему тюрьмой и судом, когда Пирожник требует платы.

Насмешка над глупостью церковника, одураченного ловкими ворами, заменена в „Игре пирожной“ разоблачением жадного хапуги-Подьячего, который не брезгает тем, чтобы с похмелья бесплатно „дюжину-другую пирогов схабатить“, а если не удастся, готов „пощетить натошак хоть грешнева-то теста“.

В комическом монологе Голого интересно отметить ироническую характеристику всегда несправедливого и жестокого суда.

¹ Там же.

² ГПБ, Собр. Титова, № 2986, конца XVIII—начала XIX в., запись на нижней корке переплета.

³ В. И. Даль. Пословицы русского народа, т. III. Изд. 3-е, М., 1914, стр. 17—18.

Значительные различия имеются в центральной общей роли — Маркитанта в интермедии и Пирожника в „Игре пирожной“. Прежде всего эта роль в „Игре“ резко увеличилась, заняв вместо 89 строк (в интермедии) 469 строк. Роль выросла более чем в 5 раз и почти вдвое возрос ее удельный вес в пьесе (72% всего текста в „Игре пирожной“ вместо 43% в интермедии).

Роль Пирожника в „Игре“ состоит из трех неравных разделов: выходного монолога, диалогов центральной части и заключительного монолога. Выходной монолог чрезвычайно обширен (248 строк — больше половины роли); в противоположность ему диалогическая часть роли сравнительно не развита (134 строки, из них 82 строки занимает диалог с Подьячим, 47 строк диалог с Солдатом и 5 строк диалог с Голым), но заключительный монолог снова довольно велик (87 строк). Таким образом, почти три четверти роли Пирожника составляют выходной и заключительный монологи.

С особенной тщательностью разработан выходной монолог. Он открывается традиционной молитвенной формулой („Благослови, господи“), призывающей удачу на начатое дело. За этим следует обращение к зрителям, в котором Пирожник рекомендует себя и начинает балагурить, предлагая свой товар. После этого следует характеристика постоянных покупателей — подьячих.

Огорченный отсутствием покупателей, расторопный Пирожник решает:

Молчаньем нечево взять,
Да-ко сесть да покричать!

Эти слова служат как бы введением к основному разделу монолога. Он состоит из двух частей. В первой Пирожник перечисляет своих постоянных клиентов самых разных категорий. Эта часть состоит как бы из пяти строф, построенных по одному принципу. Каждая строфа начинается обращением, за которым следует рифмованное перечисление, а порой и характеристика покупателей определенной группы, завершаются же все строфы предложением товара. В большинстве случаев (в первой, третьей, четвертой и пятой строфах) перечисление носит юмористический характер и построено по типу приговоров свадебного дружки, но иногда (например во второй строфе) в нем отчетливо звучит насмешка над ненавистным народу „крапивным семенем“ — чиновниками:

Господа подьячи,
Нотариусы,
Архивариусы,
Протоколисты,
Пищики и копейцы,
Почтенные канцеляристы,
Людские обманы,
Масленные карманы,
Бесподошвенны башмаки,
Без каблуков крашенные сапоги,
Полно вам на кабаках пребывать
Да мослы сидя глотать,
Просим милости сюда приехать
И наших пирогов отведать.

В перечислениях Пирожника проходит перед зрителем разнообразное пришлое и коренное население русского города XVIII века: мелкопоместное дворянство („шляхты смоленские“), белое духовенство, чиновники, крестьяне, казаки (яицкие и донские), мастеровые разных профессий, купечество и мещанство, школяры, низовые бурлаки, проститутки,

торговки, лавошницы, „площадные мошеники“ и нищие („весь богадельный храм“). Среди них не забыты дворяне-щеголи — „тафтяные кошельки“, а также „трыки,¹ форштей, жидоморы, кашеи“.

Во второй половине выходного монолога Пирожник восхваляет качество своего товара. В этой части монолога нетрудно увидеть два раздела. В первом из них Пирожник со знанием дела выхваляет сладкие, сдобные, скоромные и постные пироги. Во втором разделе Пирожник говорит, что у него есть пироги „для господ“, с начинкой из слоновых клыков, собачьих хвостов, волчьих зубов, всевозможных насекомых и отбросов, даже — пъявок „для пъяниц“.

Эта часть монолога построена по тому же принципу, что и пародийная „Роспись приданого“, известная как в лубочных картинах XVIII века,² так и в составе одноактной комедии „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, где перечисляется в составе приданого невесты то, чего не бывает на свете:

Кичка строчевая,
В ней береза толченая. . .
На занавесы рогожна парча. . .
Дубовые чирички. . .³

Тот же принцип известен в юмористических лечебниках,⁴ курантах⁵ и других пародийных произведениях демократической литературы XVIII века.

Монолог завершается повторным обращением Пирожника к зрителям и зывовом покупателей.

В этом первом монологе Пирожника имеется одна любопытная деталь: в отличие от Маркитанта интермедии 1741 года перед нами не розничный торговец собственным изделием, а наемный работник. В начале монолога Пирожник говорит о себе: „Меня с пирогами в ы с л а л и“, а в конце прямо упоминает о хозяине, который пек пироги. Тема „хозяина“ приобретает еще большее значение в заключительном монологе Пирожника.

Центральная часть роли — диалоги Пирожника с Подьячим, Солдатом и Голым — рисует его как деловитого и „обходительного“ торговца, который умеет не раз напомнить покупателю, что продает пироги только за наличные деньги, и в то же время умеет быть вежливым, даже с Подьячим, хотя открыто презирает „крапиву“.

Заключительная сцена — самоубийство Пирожника — решена в традиции устной народной драмы, где комическое и трагическое тесно сплетаются друг с другом⁶ и где нередко встречается (как и в эпосе) прием повтора эпизодов.

Приведенный материал показывает, что сходство между образами Маркитанта в интермедии драмы „Стефанотокос“ и Пирожника в „Игре пирожной“ весьма невелико. Оно ограничено более или менее точным

¹ Ср. в лубке: „Пан Трык, полна пазуха лык“ (Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, № 222).

² См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, №№ 143 и 144.

³ См.: В. Д. Кузьмина. ук. соч., стр. 415.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки русской сатирической литературы XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 242—243.

⁵ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты XVIII века. Уч. зап. Лен. Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 48—56.

⁶ Ср. эпизод казни Адольфа и его погребения в устной народной драме „Царь Максимилиан“.

совпадением двух строк¹ и общностью принципа построения выходного монолога (восхваление достоинств товара и обращение к разным категориям покупателей). Можно думать с полным основанием, что эти незначительные черты сходства были подсказаны самой жизнью, наблюдением над зазывами продавцов — реальной чертой городского быта.

Пьесы были созданы, повидимому, независимо друг от друга. Это тем более вероятно, что сюжет о ловком воре, широко популярный в фольклоре и демократической литературе XVIII века, разработан по-разному в обоих произведениях.

Не похож и сам образ Пирожника, наемного работника, зависимого от хозяина, на Маркитанта, который бойко торгует пирогами на собственный страх и риск и вместе с Мошенниками смеется над одураченным простаком-дьячком.

Нельзя не отметить также словарного различия между интермедией „Стефанотокоса“ 1741 года и „Игрой пирожной“. Разнообразные славянизмы („во здравии“, „во иереи“, „бесчинно“, „за сие“, стяженные формы местоимений „тя“, „ся“) и архаизмы („Галицкой воевода“), столь естественные в пьесе церковно-школьного театра на рубеже 1730-х — 1740-х годов, совершенно отсутствуют в „Игре пирожной“.

Таким образом, утверждение Л. Н. Майкова о „ближайшей связи“ „Игры пирожной“ с третьей интермедией из драмы „Стефанотокос“ не подтверждается сравнительным анализом образов и проблематики произведений.

По своему размеру „Игра пирожная“ оказывается втрое больше соответствующей интермедии (кстати, наиболее длинной из всех интермедий „Стефанотокоса“ — она включает в себе 210 стихов); вряд ли сравнительно большая пьеса — в 654 строки — могла быть исполнена в антракте другого произведения. Гораздо больше оснований считать ее бытовой одноактной комедией городского демократического театра середины или второй половины XVIII века, подобно вышеназванным пьесам („Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, „Интермедия курioзная и увеселительная о старце“), которые лишь по традиции именовались интермедиями, а по существу были бытовыми одноактными комедиями.

В „Игре пирожной“ намечаются отчетливые черты сходства с особенностями исполнительских принципов и композицией устной народной драмы, которые лишь частично встречались в интермедиях школьного театра первой половины XVIII века.

Выше приходилось отмечать такие черты в композиции „Игры пирожной“, как повторы эпизодов, приемы внешнего комизма, прямое обращение к зрителям, сплетение трагического с комическим. К ним можно прибавить также народно-поэтические приемы: употребление своеобразных постоянных формул, введение в текст комических перебранок, не раз встречающийся прием утроения.

Остановимся несколько подробнее на тех элементах поэтики устной народной драмы, которые требуют особого внимания.

Кроме финала (самоубийство Пирожника), приемы повтора и, еще чаще, утроения, встречаются в пьесе очень часто. Например, Пирожник имеет дело с тремя покупателями (Подьячий, Солдат, Голый), Подья-

¹ Ср., например:

Интермедия	„Игра пирожная“
То здесь пироги горячи Едят голодны подьдчи.	Пироги горячи Едят подьдчи.

чий три раза берет у Пирожника пироги,¹ Солдат трижды просит у Пирожника пироги, в заключительном монологе трижды повторены отчаянные возгласы Пирожника.²

Прямое обращение к зрителям, непосредственное общение с публикой наблюдается довольно часто, но особенно много реплик, обращенных в публику, в роли Пирожника.

Из своеобразных постоянных формул, встречающихся в „Игре пирожной“, следует обратить внимание на формулу „угрозы“, которая с незначительными изменениями встречается в двух ролях — Подьячего и Пирожника³. Интересно отметить, что подобная формула встречается в обширной сатирической интермедии „О шляхте“, где она вложена в уста Слуги, угрожающего „Шляхте“ (барину) расправой:

Как я тебя возьму топтать,
Так некому будет и отнять.⁴

Приемы устной народной драмы сказываются в „Игре пирожной“ также и в многократном обращении к внешнему комизму. Элементы этого внешнего комизма имеются в выходном монологе Пирожника, в комических перебранках Подьячего с Пирожником и Пирожника с Солдатом и Голым. На комический эффект несомненно рассчитаны некоторые сцены и финал пьесы.

Судя по тексту и ремаркам, неизвестный автор „Игры пирожной“ не боится широкого, размашистого, преувеличенного жеста актера и резкого повышения его голоса до крика. Все это также восходит к исполнительским принципам устной народной драмы.

Необходимо остановиться на ремарках и на беглых указаниях о сценическом оформлении спектакля.

В „Игре пирожной“ имеется 16 ремарок. Четыре из них указывают приходы и уходы действующих лиц, две требуют трехкратного повторения восклицаний отчаяния в заключительном монологе Пирожника („трижды“). Особенно интересны те ремарки, которые специально отмечают сценическое поведение персонажей, например: после первых слов выходного монолога Пирожник „садится на пол“, Подьячий после выходного монолога „нюхает табак и похаживает“, Пирожник „смотрит в горшок“, и т. д. Часть ремарок начинается категорическим указанием постановщика-режиссера — „на д л е ж и т“: „на д л е ж и т три раза брать и есть, а потом упасть на пол“, „на д л е ж и т поднимать“, „на д л е ж и т хватиться, искать везде“, „на д л е ж и т искать мошню и удариться о пол и кричать“ и т. п.

Из текста пьесы и ремарок мы узнаем некоторые подробности о режиссуре. У пирожника имеется горшок с пирогами в лукошке, очевидно, повешенном на лямке через плечо, и мошна на поясе. Подьячий нюхает табак — вероятно, из табакерки, а Солдат угощает Пирожника нюхательным табаком — вероятно, из рога или кисета. Сцена отделена от зрителей занавесом, который закрывается в конце спектакля (заключительная ремарка: „занавес закрыть“). Декорации, повидимому, отсут-

¹ Отмечено в ремарке: „Надлежит три раза брать и есть“.

² „Удавлюсь“ (ремарка — „трижды“), „расшибусь“ (ремарка — „трижды“).

³ Сравни:

П о д ь я ч и й (Пирожнику)

Как почну бестю таскать,
Так некому будет отнять.

П и р о ж н и к (Солдату)

Почну пвявицу таскать
Так некому будет и отнять.

⁴ См.: В. Д. Кузьмина, ук. соч., стр. 424.

ствовали, как это и бывало обычно в спектаклях устной народной драмы.

Можно поэтому вполне согласиться с мнением Л. Н. Майкова, что оформление спектакля „Игра пирожная“ вполне убедительно показывает принадлежность пьесы к репертуару городского демократического театра второй половины XVIII века. Пьесы этого репертуара могли исполняться в тех петербургских спектаклях, о которых писал Георги, или в московских представлениях „разных чинов людей“ на святках, масляной и святой в 1750—1760-е годы.¹

В заключение необходимо поставить вопрос о возможном месте и времени сложения „Игры пирожной“ на основе анализа текста произведения. Упоминание учреждений — магистрата (точнее „магистратских служителей“) и приказа (повидимому, Приказа общественного призрения) — заставляет предполагать, что пьеса была написана во второй половине XVIII века. Уничтоженные в 1728 году,² магистраты были восстановлены в городах в 1743 году.³ Издание Учреждений о губерниях 1775 года превратило Магистраты в судебные учреждения,⁴ которые просуществовали до конца XVIII века.

Приказ общественного призрения был образован в 1775 году, когда в связи с Учреждениями о губерниях было опубликовано специальное Положение о Приказе общественного призрения,⁵ который по существу был „вспомогательным органом полиции для охраны «порядка» в интересах господствующего класса“⁶ Впрочем, слово „приказ“ как синоним слов „казенное учреждение“ употреблялось в течение всего XVIII века.

Попытаемся уточнить место возникновения пьесы.

Упоминание в „Игре“ о „стуканных раскольщиках“ указывает на Поволжье или Урал с их глухими лесами и приютами раскольничьих скитов как на место возникновения пьесы. „Стукальщики, — разъясняет В. И. Даль, — выходявшие из раскольников изуверы, избивавшие друг друга во имя спасения“.

Большое внимание к теме торговли, к „людям купецким“ (в частности, выделены хлебники и мельники), упоминание среди покупателей различных категорий казачества („донские казаки“, „господа Яики“), рыболовов и низовых бурлаков может служить косвенным, но существенным указанием на то, что „Игра пирожная“ была сложена в каком-нибудь крупном торговом городе Нижнего Поволжья (Нижний-Новгород, Самара, Саратов, Астрахань), центре хлебной торговли и рыболовства.

На богатое рыбой Нижнее Поволжье указывает также разнообразие рыбы в начинке постных пирогов (досось, осетрина, семга, белуга, сом, угри, сиг, ерш, „стерляди годовые“, корюха, треска, „всякая рыба мелузга“) и полное отсутствие пирогов с капустой и грибами — традиционной постной еды в средней полосе России.

Это предположение подтверждают элементы диалекта в тексте, например употребление слова „моторный“ в смысле „мотоватый“, „расточительный“, что отмечено В. И. Далем как особенность нижегородского и казанского говоров; последовательное употребление постпози-

¹ См.: И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности, М., 1891, стр. 560—564.

² Указ 18 августа 1727 г. (ПСЗ, т. VIII, стр. 62—63, № 5302).

³ Указ 21 мая 1743 г. (ПСЗ, т. XI, стр. 803, № 8734).

⁴ Указ 21 апреля 1785 г. (ПСЗ, т. XXII, стр. 358, № 16188).

⁵ ПСЗ, т. XX, № 14392, стр. 274—275 и 390—391.

⁶ См.: История Москвы, т. II. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 436.

тивных частиц (-ста, -йта) и т. п. На первый взгляд этому может противоречить последовательное „аканье“ („яршами“, „таперь“ и т. п.), но оно могло быть свойственно не автору, а переписчику единственного дошедшего до нас списка пьесы.

Итак, можно думать, что „Игра пирожная“ является одним из произведений городского демократического театра, созданном в Нижнем Поволжье во второй половине XVIII века.

Эта пьеса не исчезла бесследно из репертуара народного театра позднейшей поры. Среди балаганных пьес и монологов конца XIX — начала XX века известен комический монолог под заглавием „Пирожник Яшка“. Этот монолог невелик по объему, состоит всего из 16 строк. В нем ясно видны две характерные части, имевшиеся в монологах пирожников в демократическом театре XVIII века: обращение к зрителям и комическая реклама пирогов (см. Приложение II).

В обращении к зрителям в этом монологе имеется зазыв в балаган и такая же, как в „Игре пирожной“, самохарактеристика:

Эй, господа,
Пожалуйста сюда!
Кланяюсь и рекомендую: пирожник Яшка
Белая рубашка!

Вторая часть монолога заполнена, как и в текстах пьес XVIII века, шутивными прибаутками, восхваляющими качество „горячих“, „отменных“ пирогов, и завершается таким обращением к покупателям:

Подходите, братцы, торопитесь,
Не сумлевайтесь, не обедитесь!

Так в шуточном балаганном монологе дожид до конца XIX века один из образов городского демократического народного театра XVIII столетия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Игра пирожная¹

В действии:

Пирожник	Солдат
Подьячий	Голой

Пирожник

² Благослови господи!²
А меня с пирогами выслали,
Пришел к вам, господа, таперь,³
Принес пирогов бремя,

¹ Текст печатается по копии Л. Н. Майкова 1874 года (Гос. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, архив Н. С. Тихонравова, шифр: Тих. I. 44/21, лл. 2—8 об.), так как в ней оговорены и исправлены ошибки рукописи из сборника А. Ф. Бычкова 1792 года (Пушкинский Дом, ф. 265, опись 3, № 9, стр. 1057—1070. Далее этот список обозначен буквой Б).

²⁻² Б ош. Благословите с исподи.

³ Б ош. таперь.

Принес
 Целый воз
 Под самой к вам нос!
 Горячи на почине
 Из под черной овчины!
 Не бось: не простыли,
 А которые на дне, и те не застыли!
 Пироги горячи
 Едят подьячи
 С жирным мясом
 Поливая квасом,
 Дегтярную кишкою,
 Болотною водою!
 То-то горячи,
 Очень недороги!
 Куда теперь-от они-то девались,¹
 Никак дома пере. .ались?
 Бывало, об эту пору
 Набивают гортанную нору,
 Хвалят, да едят,
 Да в лукошко глядят.
 А теперь и собаки не видать
 Некому и пирожка подать.
 Кто откуда ни выбежит —
 Всяк бежит . .ать
 Добро-то! Молчаньем-то нечево взять,
 Да-ко сесть, да покричать!

(Садится на пол.)

Господа почтенные,
 Шляхты смоленские,
 Люди купецкие,
 Золотари немецкие,
 Дьяконы, попы,
 Дьячки, пономари,
 Певчи, псаломщики,
 Стуканные раскольщики,
 Не шетайтесь по рынкам,
 Не лакометесь блинами, —
 Будьте довольны нашими пирогами.

Господа подьячи,
 Нотариусы,
 Актуариусы,
 Протоколисты,
 Пищики и копейсты.
 Почтенные канцеляристы,
 Людские обманы,
 Худые кафтаны,
 Масленные карманы,
 Бесподошвенны башмаки,
 Без каблуков крашенные сапоги,
 Полно вам на кабаках пребывать

¹ Б ош. еданита.

До мослы сидя глотать,
 Просим милости сюда приехать
 И наших пирогов отведать.

Эй, старые едоки,
 Донские казаки,
 Вшивые парики,
 Валяные колпаки,
 Деревенски мужики,
 Низовые бурлаки,
 Господа Яики,
 Голубые шапки,
 Заткнутые полы,
 Опояски дубовы;
 Фабришные суконщики,
 Портные закройщики,
 Предильники,
 Колотильщики,
 Хлебники, мельники,
 Кукольники, бездельники,
 Калашники, яишники
 Конные барышники,
 Лавошники, палошники,
 Сапожники, шапошники,
 Яблосники, барышники,
 Мясники, рукавишники,
 Рыболовы и мышеловы,
 Ступайте к пирогам,
 Скоро покуда и дешево и много продам!

Господа служивые,
 Гарнизонные, отставные,
 Сотские и десятские,
 Служители магистратские,
 Бурмистры ларешные, целовальники, чумаки
 И все наши старые едоки!
 Материи тафтяны голубые,
 Подбои кумашные,
 Серги синие, щоки брусничные,
 Брови сорочьи, глаза [нрзб.]
 Немки — золотошвейки,
 Коротенькие шейки,
 Чулочницы,
 Молочницы,
 Лапотницы,
 Шепотницы,
 Калашницы,
 Табашницы,
 Рыношницы,
 Крыношницы,
 Обманщицы,
 Выжемщицы,
 Лавошницы,
 Палошницы,
 Костыльницы,
 Дубинницы,

Вались к пирогам!
 Давно уж здесь стою,
 Я вам дешево продаю,
 А другого и без денег накормлю.
 Господа большаки,
 Тафтяные кошельки,
 Трыки, форштей,
 Жидоморы, кашеи,
 Господа лакалы черной работы,
 Псаревой охоты,
 Уполовники, лизоблюды, лошкомойники,
 Господа шапошники,
 Варварские школьники,
 Пьяные, похмельные,
 Голье, моторные,
 Господа кожевники,
 Площадные мошенники,
 Дубинники,
 Замаски, блинники,
 И весь богодельной храм,
 Ступайте к нашим пирогам,
 Вались на почине,
 Покуда не простыли!

Пироги горячи,
 С яйцами блинные,
 С ягодами винные,
 С малиной, с коринкой,
 С перцем, с шафраном,
 С гусиным салом,
 Со всякими ягодами,
 И со всякими¹ яблоками,
 С виноградом, с изюмом
 Кто бы пришел и с блюдом!
 То-то горячи,
 Очень хороши!
 В масле топленые,
 В смятане вареные,
 В масле с сахаром жареные,
 И с гусятиной,
 С поросятиной,
 С утятиной,
 Тетеревятиной,
 С молодыми цыплятами,
 С жареными ягнятами,
 С бычатиной, коровятиной,
 Свининой, поросятиной,
 С бараниной, с телятиной,
 Свежепросольной журавлятиной,
 С жареной курятиной,
 Великатные — с перепелками,
 Со всякой свежей дичиной.
 А кто поволит есть и говеет,

¹ Б ош. всобскими.

Таких скоромных пирогов кушать не смеет,
 Про тех есть у нас постные самые
 Пироги добрые,
 Жареные в масле маковом
 И в патоке с сахаром,
 С сомовиной, с лососиной,
 С свежепросольной осетриной,
 С жареной семгой,
 С белушкой доброй,
 С башками,
 С головами,
 С плесками, хвостами,
 С жареными угрями,
 С свежими сигаами
 И с солеными яршами,
 Стерлядями годовыми,
 Яршами, с корюхой, с треской
 И всякой рыбой-мелузгой.
 То-то пироги,
 На заказ печены́
 Нарочно и для тех господ,¹
 Кто великательных есть не умеют,
 Горячи с кашей,
 Купоросны с сажей, —
 Принес чести вашей.
 Ай-да пироги,
 Куда, брат, хороши!
 Как бы у² другога не поворотило и с души!
 Горячи-ста!
 В дехтю вареные,
 В глине печонные,
 В масле стылом жареные,
 С навозом суконные,
 С охлопом пасконные,
 С кобыльими головами,
 С воловьими рогами,
 С слановыми клыками,
 С сабачьими хвостами,
 С харкотинной,
 С блевотинной,
 С гноем, соплями,
 С ящерицами, червями,
 С змеями, с ужами,
 С тараканами, с сверчками,
 С летучими мышами,
 С блохами, со вшами,
 С лепнями, с комарами,
 С кошачьими кишками,
 С кирпичами, с камнями,
 С навозными грибами,
 С яишной скорлупой,

¹ Б ош. часов.

² Б ош. и.

С рыбной чешуей,
 Собачьей требухой,
 С крапивой молодой,
 С волчьими зубами,
 С медвежьими пятами
 С коровьими хвостами,
 С телячьей кожей,
 С щетиной хорошей,
 С обрезками лубьяными,
 С раковинами водяными,
 С лаптями, с башмаками,¹
 С голенищами, каблуками,
 С козьими бородами
 С мертвыми ежами,
 С шерстью коровьей,
 С кобылятиной доброй,
 С лошадиным калом
 Да с протухлым салом,
 С тараканьими яйцами!
 Приходите, господа пьяницы,
 Есть у нас пироги из пивавицы!
 Ступайте, господа,
 То-то пироги,
 Очень хороши!
 Право, на почине —
 Есть и с жирной зайчиной!

Принес
 Целой воз!
 А, брат,
 Хозяин-ат!
 Какие большие пироги-та перевалая:
 Знать, что он сам их не видал!
 С этой продажей-то я и в неделю их не распродам.
 Если бы теперь какой голодной,
 Хотя бы с кабака голой
 Или подьячий знакомой!
 Принес,
 Горячи пирожки принес!

П о д ь я ч и й

Тфа, каналая, как на животе-та мутит,
 Выпили с челобитчиком по чарке вина, да нечем
 было закусить.
 А все с похмелья тянет,
 С неделю не могу притти в память.
 Эка, господа!
 Натура у меня:
 Когда бываю пьян,
 То уже не ем никогда,
 Разве поутру селянку сощетить,²

¹ Б ош. башками.

² Б ош. сощетив.

Либо дюжину-другую пирогов схабатить,
 А ныне уж с неделю не едал
 До севодни, оттого уж раз пять блевал.
 А здесь, знать, нигде селянки не достать
 Дай-ка стану хоть пирогов искать.
 Ба, как, брат, помнится, этта харчевни бывали,
 Тут прежде пироги продавали,
 А теперь никак еще рано,
 Что ни одново пирожника не бывало!
 Можно было уж об эту пору встать,
 Великатно, он, бестия, изволит спать!
 Поэтому поздно они встают.
 А больше оттого они избаловались,
 Что худо их бьют!
 Добро-ста!
 Пойдти теперь в другое место,
 Пощетить натоццак хоть грешнева-то теста!
 Бывало, очень рано встают,
 Да хоть без денег, так в долг нам дают.
 А у пирожников-то без денег ничего не возьмешь,
 Поглядя и так пойдешь!
 Нечего у них пощетить —
 Ишо он же, каналья, пристыдит.
 Нет, господа, никак я рано встал,
 Что еще ни один маркитант не бывал.
 Ино, братцы, счастье припало,
 Ни одного пострела и с тестом-то не бывало
 Добро-то быть — дожидаться,
 Стать хоть табаком забавляться!

(Нюхает табак и похаживает.)

Пирожник

Ба, эк его, крапиву, чорт проголодал,
 В глазах стою, а он по сю пору не видал;
 Никак, брат, ты отуманел?
 Знать, что хорошо ты жрать-то захотел,
 Что по сю пору не мог меня увидеть,
 А сам уж с голоду чуть не околевает.
 Извольте, сударь, сказать:
 С чем вам пирог-от подать?
 А только прошу прислушать:
 У нас за денежки изловчись кушать.
 Право, на почине!
 Сегодня еще не продавал,
 До вашей милости ни один купец не бывал.

Подьячий

Ох, каналия, какой плут!
 Никак давно стоишь тут?
 Стоишь, бестия, будто и не догадался,
 А я уж пуще давнего проголодался.
 Стою здесь с час,

А он будто и не видал меня из глаз.
 Ведаешь, бестия, за мною есть сто дел.
 Говоришь, будто не видал никово,
 А я дожидаюсь с час здесь ево!
 Худо вас, канальев, бьют,
 Я бы тебя впрах растоптал¹ тут!

Пирожник

Доброй молодец, не шути,
 На вот пирогов-то бери,
 Пожалуйста, на почине-то не барабошь,
 Кушай хорошенько, что хошь —
 Только не взаём:¹
 Клади денежки на стол.
 А то я вас знаю
 На другом в долгу год почитаю.

Подьячий

Каналья, еще ты разговорился,
 С мужиком, что ли, бестия, рядился?
 На вот, деньги у меня бери,
 Да только с голоду не мори.
 Давай мне пирогов-та добрых,
 А то я знаю, — даешь² и черствых,
 А если худой подсунешь,
 То ты у меня сам не уйдешь.

Пирожник

Изволь, сударь, кушать, только с уговором:
 Не сделай после с каким притвором;
 С голоду-то, пожалуй, не подавись;
 С чем, сударь, поволишь?

Подьячий

Давай, каналья, поскорей
 Блинный с яйцами,
 Со дна, самой масляной,
 Да которой был бы румяной.

Пирожник

Изволь, сударь, горячий.

(Надлежит три раза брать и есть, а потом упасть на пол.)

Подьячий

Ах, каналия, подавил!
 Никак ты пирог-от подменил?

¹ Б ош. распотгать.

² Б пропущено.

Пирожник

Ну, господа, вы изволили видеть, что
 я давал ему с уговором,
 А он теперь сделался с притвором.
 Говорил ему: с голоду-та не навались,
 А ешь — не подавись.
 А он начал с голоду-та хватать,
 Да и подавился,
 Иль нарочно притворился,
 Никак, он тем хочеть отойтить,
 Чтобы денег-та не заплатить.
 Иль вправду подавился?
 Не порой-ли-та я ошибся?
 Да-ко смотреть буду —
 С чем я пирог-ат сунул?

(Смотрит в горшок.)

Ахти, братцы, вить я ошибся,
 Сам не тот пирог-ат ему дал.
 Он попросил блинной с яйцами,
 А я дал яму с пивяицами.
 Встань, господин, не трудись,
 На вот, хоть даром пирогов-та нажрись,
 Только за старые нам поплатись,
 Что, брат, ты так опустился,
 Аль вправду подавился?

(Надлежит поднимать; Подьячий встанет.)

Подьячий

Ах, бестия, ты меня пирогами-та подавил,
 Чуть, было, и вовсе не умарил.
 Что мне делать будет с тобой?
 Имеешь ли, каналья, принести какое
 оправдание предо мною?
 Как почну¹ бестию таскать,
 Так некому будет и отнять.
 В прах, каналья, растопчу,
 Да еще в приказ с собою утащу.
 И за такие твои неучтивые отговорки
 Велю набить на обе ноги колодки,
 Да сверх того к стене на цепь приковать,
 Так лучше, каналья, впредь станешь знать,
 А пустова-то никогда не смелешь.²
 А в тюрьме-то сидя, еще поколеешь.
 Добро, теперь не стану сам бить,
 Могу и без того суду найдтить.
 Небось, сыщу свое бесчестие,
 Станешь знать нас, бестия!
 Теперь же пойду в приказ, да челобитну напишу,

¹ Б. ош. понесу.

² Б. ош. мелешь.

А потом на тебя, каналья, суду попрошу.
 Надеюсь, что будете нас ведать:
 Где ни увидите, так станете и с пирогами-то бегать!
 С тем, каналья, оставайся,
 А меня¹ из приказа за деньгами дожидайся,
 Я бы тебе отдал и таперь,
 Да не те штаны надел.
 Небось, брат! Не заедим,²
 Еще и с награждением отдадим!

(Уходит Подьячий.)

Пирожник

Вот-на, экова ко мне на почине-та чорт наниос едока!
 Или сегодня вся будет продажа така?
 Я думал, что он вправду подавился,
 А он нарочно притворился,
 В том намеренный был —
 Пирогов-та ему отдать,
 А самому бежать,
 Куда глаза глядят.
 А он изволил для тово блажить,
 Чтобы как без денег-та уйтить.
 То-та еще таки стал³ разбирать,
 С чем получше ему жрать.
 Бывало, так и разбору не имеет,
 Хотя бы гнилые с провонялыми яйцами — все смелет,
 А теперь умел с яйцами попрошати,
 Как скорей в приказ убежать.
 Да добро, попадетса коли-нибудь опять:
 Я, брат, умею и епанчу снять.
 А как еще на кабаке захвачу,
 То без всего на голове шапку схвачу.
 Добро, что он обманывать умеет,
 Наш брат и черниленой поверит.
 Давно я уж их знаю — крапиву,
 Что уже известны они всему миру;
 Сколько им хвостами-та ни вертеть,
 Да цепи-то с железом там не перетереть.
 Пускай, брат, теперь рассчитается,
 Авось, случай придет, где-нибудь свидаемся.
 Да-ка из грусти стану еще кричать,
 Авось хотя какой моторный изволит прибежать.
 Принес, принес
 Горячи пирожки на почине!
 Покуда не остыли
 Принес
 Целый воз!

(Идет Солдат.)

¹ Б ош. ме.

² Б. ош заедишь.

³ Б ош. встал.

С о л д а т

Ба, давно, сват, торгуешь здесь пирогами,
 Да, знать, забогatel, ныне, забыл и знаться с нами!
 Ахти, да ты мне земляк!
 На-тко: нюхаешь ли табак?
 А у меня есть про вас носовой рульной,
 А про охотника ласковой загубной.
 Ну-тка, ты, не мешкай,хвати,
 Да смотри сперва ж... то пальцем заткни,
 А то еще можешь сделаться дураком
 С папойки-то об..... кругом.
 Вить ты, небось, брат, глуп: сам не можешь догадаться,
 Что наш брат, к чему прибирается.
 Я тебя подчиваю табаком,
 А ты, дурак, догадайся, подари меня пирогом.
 А я севодни вина чарки две-три хватил,
 А теперь-бы пирогов-то у тебя дюжину другу свапил.
 Что, брат, за деньги продаешь,
 Или в долг нам раздаешь?
 А ты, дурак, почитай солдат —
 Когда они с голоду, так покорми меня и так.
 Давай ка мне пирогов-та скорей,
 Вишь, я с похмелья-то насилиу до тебя добежал.

П и р о ж н и к

Экой, брат, легкой починать Подьячий!
 Знать, что я продавец сегодня собачей!
 Я думал и вправду едаки пришли,
 Ан видишь, какого-та чучелу черти принесли;
 Теперь ко мне в знакомы попал,
 А я до сих пор и в глаза его не видал.
 Что ты за чорт пришел?
 Пожалуйста, не проезжайся, прочь от меня пошел.

С о л д а т

Знай, дурак, вить ты меня не узнал,
 Помнишь, как я тебя в кабаке таскал?
 Ты меня пирогами кормил,
 А я тебя за то медным пивом поил,
 За то мне ты обещался давать¹ плату завсегда,
 А я тебе сделал рожу, как у меделянского кобеля.

П и р о ж н и к

Ба, ба, ба! Ан ты откуда тут?
 Да-й теперь хошь обмануть,
 Да нет, вить я севодни не пьян,
 Убирайся отсюда сам, покуда не дран.
 Знаю, что ты умен,

¹ Б ош. дава.

Толко не сам о себе силен.
 Экой-ста, брат, бодрилой,
 Пожалуй, не запирайся, тотчас сворочу рыло,
 Почну пьяницу таскать,
 Так некому будет и отнять.
 Я тебя так могу унянчить,
 Что ты у меня вперед не будешь забиячить!

С о л д а т

Полно, брат, пустоя-то петь!
 Давай мне скорей пирогов-та есть,
 Ну, попроворней¹, горячих-та давай!

П и р о ж н и к

Пожалуйста, отсея, покуда не бит, побегай.

С о л д а т

Бестия! я деньги даю.

П и р о ж н и к

Пойди прочь, я тебе не продаю.

С о л д а т

Слушай, дурак: никак хочешь ты браниться -
 Ты у меня и лавки-та можешь лишиться,
 Не заставь караулу закричать,
 А то тотчас дурака в полицию утащат.
 Не надейся, что у те денег-та много гремит:
 Как² туда попадешься, так и рубаха слетит;
 Перестань! Пустоя-та не болтай,
 Поскорей мне пирогов-та давай.

П и р о ж н и к

Экова, братцы, ко мне чорт привязал!
 Кто тебя, брата, пригнал,
 Что ты ко мне привязался?
 Пойди прочь, не проедайся,
 Будет тебе доброй пирог,
 Как ножом ткну в бок!
 Убирайся-тка поскорее прочь!

С о л д а т

Добро, бестия, вижу я, ты вздор³ несешь
 Дай-ка прийти брату, а то ты сам отсюда не уйдешь.

¹ Б. ош. попроворне.

² Б. ош. так.

³ Б. ош. здор.

А я вижу, вон он марширует,
Уже тебе бока надует.

(Идет Голой.)

Г о л о й

Что за шум, что за крик?
Один как веник, а другой как голик,
Шумят, кричат,
А нашего брата к себе не пригласят.
А я умею рассудить,
Кого повесить, кому голову отрубить.

П и р о ж н и к

Что за чорт ворчит?
Не тот ли ищо хочет пирогов пощетить?
Нет, уж сегодня почин добрый.
Хоть бы и пироги-та чорт побрал,
Лучше уже бы то знал, век-бы на нем
в долгу почитал.

Г о л о й

Нет-ста я не чорт;
Имею у себя на спине печатной пашпорт,
Я и сам, брат, забубённый
С каменного кабачка из Мелионной.
Не ваши г..... дела рассудал *[так!]*
На главном майдане наставщиком бывал,
А случилось и купечество имел:
С юлой да с костями на зернах сидел.
А другим временем и по площади шатался
Около чужих карманов поживлялся.
По щастию, где нехватишь, — ан платок
Либо кошелек,
Ино случится, что и много накоплю,
Недели две в кабаках пью.
А иногда такие придут голи,
Что нигде не пощечишь, кроме рогожи,
В которой можно в кабаке лежать
Для того, что я не охотник напрасно платья драть.
В платье тому надо ходить, кто с грошами,
А наша братья, голые, валяются и нагишами.
А теперь, не можно-ль около вас немножко потереться,
Круг карманов погреться?

*(Надлежит ему тихо ходить и обрезать мошню,
потом и унести пироги.)*

С о л д а т

Вишь, дурак, какой доброй купчина приходил,
Не по-нашему уж тебе удружил,
Да спасибо ему, что он те чисто изволил обрить

Должен-ка его за то благодарить,
А то ты не умеешь добрых людей чтить.

Пирожник

Пожалуйста, господин доброй, не зачитайся,
Ну, брат, к собакам на голову убирайся,
Не досажай, прочь от меня пошел,
Вишь, я в нечастии каком,
А он тут-же привязался,
Благо, что хорошо винишка-та нажрался,
Д и шумишь, как свинья.
Я бы тебя екова выгнал прочь из жилья.

Солдат

Ну, каналия, будешь нас знать,
Станешь учиться, как с голоду каштовать,
А то ты, знать, спесно,
Никак тебя не женивал никто.
Хватись-ка ужо, дурак,
Станешь другова помнить.

Пирожник

Куда ты, брат, мудрен,
Вить еще мошенничества не обучен,
Хочешь скоро обмануть,
Я хоть ни у тебя могу голову свернуть.

Солдат

Уж свернешь! с чем-та домой-та прийдешь?
Хватись-ка, — своей посконной бороды не найдешь.
Не миновать те будет петли или воды,
Севодни-ж дойдешь до беды
Только ты помни
Эти речи добры.

Пирожник

Небойсь, брат, не обманешь,
Даром, что ты гладко рассуждаешь:
Не бодрись тем, что удал,
Я вашей братьи много еких видал,
Да еще ни один у меня ничего не украл,
А я бы отплатил иному по бокам.

Солдат

Каналия ты, старый чорт,
Поверишь тому, что я тебе клал в рот,
А коли тому не догадался,
Изволишь с тем оставайся!

Затем, сват, прощай,
А нас, солдат, впредь знай.

(Уходит.)

Пирожник

Убирайся-ка, брат, с голями-та на квартиру,
Теперь доволен тем, что на пироги-та посмотрел,
Екой, господа, севодни выдался день,
Сам ни одного пирога не съел,
Только для почина
Накормил Подьячева за спасибо.
Добро, полно-ка глядеть,
Да-ка хоть самому пирог-другой съесть.

(Надлежит хватиться, искать везде.)

Пирожник

Ах, батюшки мои родные,
Что-то учинилось надо мною —
Ныне ничего еще не продавал,
А пироги-та кто-то все украл!
Экой, братцы, приходил ко мне шпион,
Не надеялся быть этому в нем,
Ажно он вправду мне сказал,
Чтоб я его пирогами-та покоштовал,
И нарочно шумел.
Скажите, кто взял пироги-та и ушел?
Конечно, он видел, да не сказал,
Кто пироги-та у меня украл.
Что мне над собою теперь делать?
Пришло от хозяина век бегать.
Теперь мне не¹ появиться к нему в дом —
Лучше не доходя к нему обопьюсь вином.
Да-ка денег-то найдтить,
Да вдруг целую кружку вина хватить

(Надлежит искать мощню и удариться о пол и кричать)

Ай, ай, ах, ах, осудари,
Пожалуйста, не уморите,
Не видал-ли кто денег-та скажите?
Что это чудится,
Не во сне-ль мне видится?
Куда оне девались?
Неужто сами оторвались?
Ай, ай, умру, умру,
Не выйду из избы днесь же на полу.
Ах, денежки, ах, матушки,
Ах, сизинки, ах, беленки,
Где вы девались?
Или сами оторвались?
Нет, теперь я в память пришел,

¹ Б пропуск.

Как давича, господа, Голой-ат пошел
 Стал-было со мною говорить
 И хотел наше с Солдатом дело решить
 Это он их увидал,
 Да ножом и открывал.
 Ах, миленькой Солдат,
 Правду ты мне сказывал, брат,
 Что осмотреться мне велел:
 Никак, в ту пору у меня мошенник-ат и подсидел.
 Ах, батюшки! что мне чинить?
 От своей глупости пришло самому себя умертвить,
 От таких печалей злых не хочу боле в свете жить.
 Чем голову кормить
 И поголовное платить,
 Ныне все то потерял.
 А как было рачил:
 Копейку и копейку копил,
 А теперь и чорта ими подарил,
 Через целой год скопил было рубля с два,
 И те, скажите, подгогулил¹ Голой, собака.
 Ах, мошенник злой,
 Что ты учинил надо мной?
 Как я теперь к хозяину-та появлюсь?
 Лучше покуда удавлюсь:
 Не страшит меня смерть никака,
 Да-ка сделаю петлю из кушака.

(Встает с полу.)

Удавлюсь *(трижды)*.
 Нет, петля не рвется,
 Лишь дерево гнется.
 Эх, господа, знать смерть меня не принимает,
 Попржнему к хозяину посылает.
 Да я уж ни на что не надеюсь,
 Лучше зарежусь, зарежусь, зарежусь!
 Нет, господа, не берет меня и нож,
 Знать я и смерти-то не гожд.
 Что теперь мне чинить?
 Думаю, сам себя о пол разбить.
 Прощайте, господа, теперь вовсе умерщвлюсь,
 Лучше разбежавши, расшибусь *(трижды)*.
 Теперь вздумал как умереть —
 Лучше всех смерть претерпеть,
 От безумья в погибель впал
 Пускай в смех и жизнь свою скончал.
 Не о чем много тужить,
 Прощайте, господа, тошно мне в свете жить.
 В век сей жизни лишусь
 И до ужасной смерти защекочусь.

(Надлежит защекотаться и захохотавши упасть. Потом занавес закрыть.)

¹ Б ош подгогулил.

II

Пирожник Яшка¹

Эй, господа,
Пожалуйте сюда!
Клянюсь и рекомендую: пирожник Яшка
Белая рубашка!
Пожалуйте, господа почтенные,
Пирожки у меня горячие, отменные!
Такой редкий предмет,
Что ни одного таракана в них нет,
Потому что я держу такую тряпку,
Которая не запечет в них тряпку:
А если и попадется иногда муха,
Так она не проест брюха!
Попробуйте-ка, ну-ка!
Всего по пятаку штука!
Подходите, братцы, торопитесь,
Не сумлевайтесь, не объединитесь!

¹ Текст печатается по списку Гос. Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, инв. № 10332. V/145908.

*ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

В. И. МАЛЫШЕВ

Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР организовал в июне 1954 года археографическую экспедицию в Усть-Цильмский район Коми АССР с целью поисков и собирания памятников древнерусской письменности. В состав экспедиции входили известный собиратель рукописей Ф. А. Каликин и научный сотрудник института В. И. Малышев.

Село Усть-Цильма и прилегающие к нему селения по рекам Печоре, Цильме и Пижме давно были известны как места, где немало хранится древних рукописных книг и старинных изданий. На наличие здесь значительного количества старинного рукописного материала и старопечатных книг указывали еще известные этнографы С. В. Максимов и Н. Е. Ончуков.¹ В 1937—1938 годах и в 1949 году в этих краях побывали экспедиции Ленинградского Гос. университета и сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии Наук и собрали около сотни рукописных книг XVI—XIX веков.²

Село Усть-Цильма — одно из древнейших русских поселений на Печоре, основанное в 1542—1545 годах новгородским кречатником Ивашкой по прозвищу Ластка. После Пустозерского острога в XVI веке это был самый отдаленный населенный пункт на северной окраине Русского государства. Расположенная на пути к „Студеному морю“ слободка Усть-Цильма быстро росла. По сведениям Поморской платежной книги, уже в 1577 году в слободке имелось 16 дворов и церковь Николая.³ Кроме того, устьцильмцам принадлежало 14 рыбных топей, расположенных по реке Печоре и ее притокам рекам Пижме и Цильме. Окружающие Усть-Цильму селения по реке Печоре и ее притокам Цильме и Пижме почти все были основаны выходами из этого села в XVII—XVIII веках.

Отдаленность, оторванность Усть-Цильмского района на протяжении более трехсот лет от промышленных и культурных центров страны была главной причиной живучести в ней старинной рукописной книги. Другой причиной была особая консервативность местного старообрядчества, вызванная отчасти близостью к Пустозерскому острогу, месту

¹ С. В. Максимов. Год на Севере. Изд. 4-е, М., 1890, стр. 441. — Н. Е. Ончуков. 1) О расколе на низовой Печоре. Сб. „Живая старина“, 1901, вып. 3—4, стр. 440—441; 2) Печорские стихи и песни. СПб., 1908, стр. 2.

² См.: Труды ОДРЛ, т. IV, стр. 384; т. VII, стр. 469—480.

³ См.: Поморская платежная книга 1577 г. Рукопись архива Института истории Академии Наук СССР, собрание рукописных книг, № 1174, лл. 36—41.

ссылки в XVII—XVIII веках главарей старообрядческого движения (протопопа Аввакума, инока Епифания, соловецких монахов и др.).

Усть-Цильма, занимая в течение более двухсот лет ведущее хозяйственное положение на Печоре, была центром всего печорского старообрядчества, опиравшегося здесь главным образом на торговую верхушку местного населения. Этим объясняется, что именно в Усть-Цильме и сохранилось больше, чем где-либо на Печоре, древних рукописных книг.

В настоящее время село Усть-Цильма — крупнейший населенный пункт на Средней Печоре, культурный и административный ее центр. Усть-Цильмский район является одним из передовых в Коми АССР. Советская власть, превратившая в промышленные и культурные очаги некогда отдаленные уголки Печоры, навсегда сняла с Усть-Цильмского района название глухого угла. Передовая социалистическая культура коренным образом изменила прежний отсталый быт устьцильмцев и пижемцев, внесла в него подлинные знания и науку. И рукописная книга здесь теперь уже сохраняется лишь как памятник старины, как „дедова память“.

Старая письменная культура печорцев имеет свою большую и своеобразную историю. Первые рукописные книги были завезены на Печору ее первыми засельниками: новгородцами, москвичами, устюжанами, — теми „охочими“ и „служилыми людьми“, которые прокладывали пути к освоению богатого рыбой, зверем и „всяким добром“ Печорского края. В XVII веке большое количество рукописных книг было доставлено ссыльными людьми. В XVII—XVIII веках Печора была местом ссылки видных государственных деятелей (А. С. Матвеева, кн. С. М. Щербатова, В. В. Голицына и др.) и крупных духовных писателей (протопопа Аввакума, попа Лазаря и др.), которые привезли с собой много книг. Известно, например, что А. С. Матвеев повез с собой в Пустозерский острог целую библиотеку с книгами на польском, немецком и латинском языках. Опального боярина сопровождал учитель польского языка и много грамотных слуг. Еще в конце XIX века собирателям попадались на Печоре рукописные книги из личной библиотеки А. С. Матвеева. Некоторые из ссыльных занимались здесь писанием своих сочинений. Так, протопоп Аввакум, сидя в Пустозерской земляной тюрьме, написал большую часть своих произведений. У него было много разных рукописных книг, которые он, по преданию, перед сожжением на костре роздал жителям Пустозерского острога. В селе Бедовом (в 10 верстах от Пустозерска) еще в 1934 году сохранялись две старопечатные книги, принадлежавшие протопопу Аввакуму.

В XVI—XVIII веках на Печоре и, в частности, в Усть-Цильме по долгу жили московские рудознатцы. В Усть-Цильме для них был построен специальный дом. Во второй половине 70-х годов XVII века на Печору были сосланы после подавления восстания многие монахи Соловецкого монастыря, а также некоторые видные участники разинского движения. Будучи в большинстве своем грамотными людьми, они выступали также распространителями письменной культуры на Печоре.

Немалую роль в деле распространения рукописной книги на Печоре и прежде всего в Усть-Цильмском районе сыграла продолжавшаяся более столетия деятельность Великопоженского скита, основанного в первой половине XVIII века на реке Пижме (на месте теперешней деревни Скитской) выходцами из знаменитого поморского Выго-Лексинского общежительства в Карелии. В книжной мастерской великопоженцев в большом количестве переписывались произведения помор-

ских писателей — братьев Андрея и Семена Денисовых, Андрея Борисова, Мануила Петрова и многих других. Переписано было также много древних книг, пришедших в ветхость. В здешней школе („граммотнице“) изучали риторику, грамматику, диалектику и другие дисциплины и доставали по этим вопросам книги из Москвы, Новгорода и Петербурга.

Выделяясь грамотностью среди прочих жителей Печоры, население Усть-Цильмы и соседних с ней сел любило книгу и охотно ее переписывало еще в XIX веке, о чем свидетельствует громадное количество рукописей, сохранившихся от этого времени. Здесь вплоть до начала XX века имелись профессиональные писцы, из которых наиболее плодотворно работали И. С. Мяндин и Ф. И. Вокуев; последний к тому же еще был и рисовальщиком миниатюр.

В Усть-Цильмском районе до самого последнего времени имелись собиратели рукописей, которые нередко отправлялись на поиски их в отдаленные селения. Такими, например, были умершие в 1941 году местные крестьяне Н. И. Торопов, И. Я. Попов и др. Любовь к собиранию рукописного материала сохранилась до сих пор у некоторых жителей. В качестве примера можно назвать пижемского рыбака С. Н. Антонова, из деревни Скитской, имеющего несколько десятков рукописных книг и продолжающего пополнять свое собрание.

Царское правительство не заботилось о сохранении богатой и многообразной печорской рукописной старины. Старинные рукописи и книги хищнически истреблялись невежественным духовенством и полицией, видевшими в каждой древней рукописи „старобрядческий дух“. Много было вывезено рукописных и старопечатных книг разными торговцами и дельцами. По сведениям устьцильмцев, торговцы из Чердыни и Усть-Сысольска ежегодно целыми возами отправляли из Усть-Цильмы рукописный материал для продажи на Нижегородской ярмарке. По сообщениям тех же устьцильмцев, на Печоре вплоть до начала XX века было немало книг, написанных „на коже“ (пергамене) с богатыми миниатюрами и заставками.

Главными хранителями рукописной старины на Печоре в прошлом выступали старообрядческие начетчики и грамотеи, которые и концентрировали у себя почти всю здешнюю рукописную книжность. В настоящее время в Усть-Цильме и в соседних с ней селах рукописи встречаются у самых различных лиц, но преимущественно в тех семьях, где ранее были грамотные люди, знакомые со старинным письмом и церковно-славянским языком.

Как и во время поездки 1949 года, главным местом поисков рукописей на Печоре мы избрали село Усть-Цильму с прилегающими к ней селениями (Чукчино, Карпушовка, Гарево, Рошинский Ручей, Алехино и др.), в радиусе около 20 км. Кроме того, нами были обследованы три села по реке Цильме, ранее не посещавшиеся археографами: Филипповское, Трусовское и Рочево.

Несмотря на краткий срок командировки (непосредственная работа по собиранию рукописей заняла всего две недели), нам удалось разыскать более 200 рукописных книг. 70 наиболее ценных рукописей XVI—XIX веков мы приобрели для Института русской литературы и доставили в Ленинград. Как и в прошлые поездки, большую часть рукописного материала, и притом самого интересного, мы нашли опять в той же Усть-Цильме, что еще раз свидетельствует о долгой живучести тут рукописной традиции, об огромном количестве бытовавших здесь когда-то рукописей.

Хронологически приобретенные рукописи распределяются так: XVI век — 6 рукописей, XVII век — 14, XVIII век — 22, XIX век — 28. Старше XVI века рукописных книг нам не встречалось.

По содержанию собранные рукописи разнообразны.

Из исторических произведений следует отметить два списка „Миробытной истории“. Это поморское, выговское, историческое сочинение хронографического характера, написанное в первой половине XIX века. Оно имеет 60 глав, начинается с краткого изложения библейской истории и заканчивается описанием некоторых событий из времени царствования Александра I. В „Миробытной истории“ сообщается несколько интересных сведений из жизни поморов конца XVIII—начала XIX века.

Другое севернорусское сочинение XVIII века рассказывает о самоожжениях на Пижме в 1744 году, устроенных изуверами-священниками. Автор его хорошо знаком с топографией Печорского края, называет имена многих исторически реальных лиц. Это сочинение очень редкое и известно всего в двух-трех списках.

Среди рукописных материалов на историческую тему можно назвать также „Повесть о создании патриаршества в России“, „Сказание о крещении Руси“, духовное завещание Иосифа Волоцкого и др.

Самое значительное место в собранном материале на этот раз заняли образцы стихотворства. Нам удалось приобрести около двух десятков рукописей, содержащих стихотворения и псалмы, в числе которых есть рукописи, относящиеся к XVIII веку. Репертуар стихов оказался также очень разнообразным. Преобладают стихи духовно-нравственного содержания. Но большое место занимает и „мирская“, гражданская тема: в стихотворениях, посвященных отдельным лицам Выговского обществительства, быту лексинских жителей („Стих о лексинских девидах“), в стихах, осмеивающих пороки духовенства (стих о иноке), в стихах-памфлетах („Газета из ада“) и т. п. Очень много стихотворений сопровождаются „крюками“ — старинными нотами.

Собранные стихотворения дают хорошее представление о круге чтения устьдильмцев в XVIII—XIX веках в области поэзии, хотя, разумеется, этими темами не исчерпывался весь их поэтический репертуар прошлых веков.

Древнерусская повествовательная литература представлена следующими произведениями: Повесть о табаке (о происхождении табака), Сказание о 12 снах Шахаиши (два списка), Шемякин суд (неполный список), Повесть о Тимофее Владимирском, Повесть о Петре и Февронии и др. Заслуживает внимания „Повесть о двух снохах“, — возможно, местное, устьдильмское произведение XIX века, отражающее тяжелый труд дореволюционного крестьянина и его постоянное стремление иметь в семье лишние рабочие руки.

Приобретено также несколько списков сочинений русских писателей XVI—XVII веков (Максима Грека, протопопа Аввакума, Авраамия и др.) и произведений русской житийной литературы XIII—XVII веков.

В составе учебной литературы имеется „Риторическая рука“ Стефана Яворского с примерами, сочиненными поморцами, братьями Семеном и Андреем Денисовыми, Азбука Бурцева (список начала XVIII века), Азбука Александра Мезенца, Диалектика Ивана Дамаскина и др.

Найдено два сборника торжественных слов и поучений XVIII века, свидетельствующих о том, что устьдильмцы XVIII века проявляли интерес к красноречию. Пометы на Торжественниках ясно указывают на хорошее знакомство их владельцев с содержанием сборника.

Памятников переводной литературы обнаружено немного. В сборниках нашлось несколько повестей из „Великого зеркала“, „Римских деяний“, отдельных статей из „Пчелы“, несколько апокрифических произведений и т. п. Большой интерес представляет сборник правочитальных рассказов середины XVII века „Звезда пресветлая“. Рукопись содержит сведения о переводе этого произведения с латинского языка в Москве в 1668 году „простолюдином“ Никитой. Как явствует из второй записи на рукописи, в XVII веке она принадлежала известному подьячему приказной избы Афанасию Андреевичу Самойлову.

Ценные данные об именах писцов и владельцев, о стоимости рукописей в XVI—XVII веках и о другом имеют также Устав XVI века, „Ефрем Сирий“ XVII века и Минейя XVI века, написанная неким Василием Антоновым.

Ряд рукописей XVII—XVIII веков представляет ценность своими художественно исполненными заставками, концовками и инициалами. К сожалению, нам не удалось разыскать Месяцеслов XVIII века, известный по поездке 1949 года и представляющий высокохудожественный образец орнаментированных рукописей той эпохи. Не могли мы найти и ходивший здесь когда-то список „Хождения Афанасия Никитина“ с двумя миниатюрами (встречался еще в 1938 году) и ряд других ценных рукописей, сведения о которых мы получали во время предшествующих поездок в этот район.

Как и следовало ожидать, значительное количество найденных рукописей относится к старообрядческой литературе. Большинство их содержит произведения выговских писателей XVIII—XIX веков, написанные в различных жанрах (повести, жития, послания и др.). В основном это всё списки ранее известных сочинений, хотя иногда и редко встречающихся. Для историка религиозных движений представляет интерес несколько частных писем XIX века, адресованных вожакам местного старообрядчества и приоткрывающих истинное лицо этих „наставников“.

Мы интересовались также старопечатными книгами XVII—XVIII веков, в большом еще количестве сохранившимися в самой Усть-Цильме и в соседних с ней селениях. Но сколько-нибудь ценных и редких изданий и в эту поездку нами обнаружено не было. Все, что встречалось, были служебные книги, мало интересные, хотя нередко изданные и до „никоновской печати“, но имеющиеся в значительном числе экземпляров в московских и ленинградских научных библиотеках.

На скромных результатах настоящей экспедиции безусловно сказались поездка 1949 года, во время которой в Усть-Цильме и в окружающих ее селениях было найдено немалое количество исторического и литературного материала.¹ Экспедиция весной 1954 года продолжила поиски рукописных книг в Усть-Цильме и вокруг нее, чтобы считать работу в этом районе Печоры законченной. Теперь можно твердо сказать, что в Усть-Цильме и в упомянутых соседних с ней селах, а также в названных выше трех селениях по реке Цильме производить дальнейшие поиски рукописной старины не имеет смысла. Что же касается других населенных пунктов, расположенных по реке Печоре и по рекам Пижме и Цильме, то поиски рукописного материала здесь обязательно должны продолжаться и должны быть организованы как можно скорее. Археографическая работа в этих местах не останется безрезультатной, несомненно приведет к ценным находкам. В первую очередь необходимо

¹ См.: Труды ОДРА, т. VII, стр. 469—480.

обследовать селения по реке Пижме и дальние деревни на реке Цильме. Из сел, расположенных по берегам Печоры, нужно прежде всего побывать в следующих селах: Великая Виска, Тельвиски, Оксино, Куя, Бедовое, Кожва, Троицко-Печерское и др.

Мы уже не раз отмечали, что население Усть-Цильмского района очень сочувственно относится к работе по разысканию рукописного материала и старается всячески оказать помощь. Большую помощь оказывают также местные советские и партийные органы. Таким образом, все условия для плодотворной работы по разысканию рукописей на Печоре имеются.

Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии Наук СССР в течение ближайших лет намечает проведение новых археографических экспедиций в Усть-Цильмский район Коми АССР. Необходимо, чтобы на рукописные богатства Печоры обратили внимание и другие заинтересованные в этом учреждения, и в первую очередь такие, как Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии Наук СССР и др. К сведению археографов сообщаем, что связь с Печорой в настоящее время вполне налажена и путешествие в этот район не сопряжено ни с какими особыми трудностями.

В заключение — несколько слов об участнике нашей археографической поездки 1954 года Ф. А. Каликине. Несмотря на свой преклонный возраст — 78 лет, Федор Антонович Каликин провел эту поездку с большим подъемом и любовью к делу, которому он посвятил свыше 40 лет своей жизни. Многие рукописи были найдены и приобретены благодаря настойчивости собирателя. Большой опыт Ф. А. Каликина облегчал работу по разысканию рукописного материала.

Ниже дается краткое описание 70 рукописей, привезенных в Институт русской литературы из Усть-Цильмского района Коми АССР.¹ Кроме того, нами дается „Приложение“, в котором мы публикуем „Стих о заонежских девицах“ как малоизвестный исследователям и содержащий интересные сведения о поморском книгописании в XVIII—XIX веках. В „Приложении“ помещается также список рукописных книг, собранных в Усть-Цильме в 1949 году, но не опубликованный ранее по техническим причинам.

Краткая охранная опись рукописных книг, собранных Ф. А. Каликиным и В. И. Малышевым в Усть-Цильмском районе Коми АССР в июне 1954 года

Рукописные книги исторического и литературного содержания

1. „Звезда пресветлая“, третьей четверти XVII в., в 4-ку, 142 л., полуустав, без переплета. В середине и конце рукописи недостает нескольких листов. Сочинение состоит из 15 глав, предисловия и похвалы богородице. В начале рукописи сообщается о переводе „Звезды пресветлой“ с латинского языка „простолюдином“ Никитой в г. Москве в 1668 г. и о принадлежности рукописи Афанасию Андреевичу Самойлову, подьячему приказной избы. Обе записи написаны одним почерком со всем текстом.

¹ Краткие сведения о результатах экспедиции были напечатаны в журнале „Вопросы истории“ (1954, № 12, стр. 165—167).

2. Азбука Бурцева, начала XVIII в., в 8-ку, полуустав, 78 л., переплет.

3. Торжественник, начала XVIII в., в 4-ку, полуустав, 272 л., переплет. Содержит, между прочим, Повесть о Спасовом образе, Слова Пахомия серба и Григория „архиепископа российского“.

4. Цветник аввы Дорофея, начала XVIII в., в 4-ку, полуустав, 466 л., переплет.

5. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 году, первой четверти XIX в., в 4-ку, поморский полуустав, 13 л., без переплета.

6. „Собрание от божественных писаний против лютерская и калвинская и иных еретик“, первой половины XVIII в., в 8-ку, скоропись 56 л., две заставки, исполненные черными чернилами, переплет.

7. „Риторическая рука“ Стефана Яворского с примерами, сочиненными Андреем и Семеном Денисовыми, первой половины XVIII в., скоропись, 171 л., переплет. В начале не хватает нескольких листов, многие листы порваны, поврежден текст.

8. Диалектика Иоанна Дамаскина, первой половины XVIII в., в 8-ку, скоропись, 80 л., переплет.

9. Торжественник (поморский), приписываемый Семену Денисову, середины XVIII в., в 4-ку, скоропись, 268 л., переплет. На первом листе имеется рецепт XVIII в. — как составлять краску под красное дерево, и относящаяся к тому же времени запись следующего содержания: „Торжественныя слова на господские и богородичные праздники, сочинение С. Д.“. В конце рукописи помещена выписка из духовного завещания Иосифа Волоцкого.

10. Сборник стихов, на крюковых нотах, конца XVIII в., в 8-ку, поморский полуустав, 89 л., с двумя художественно исполненными инициалами, переплет. Содержание: надгробные стихи („плачи“), посвященные Даниилу Викулину, Андрею Денисову (три варианта), Семену Денисову, Петру Прокопьеву, стихи о Варлааме и Иоасафе (несколько вариантов), о пустыне (несколько вариантов), о Иосифе Прекрасном, о трех отроках вавилонских и др.

11. Сборник стихов, конца XVIII в., в 8-ку, полуустав, 8 л., тетрадка. Содержание: стих о пустыне, стих на смерть Андрея Денисова.

12. Сборник стихов, на крюковых нотах, конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, поморский полуустав, 150 л., переплет. Содержание: надгробные стихи („плачи“ и „рифмы воспоминательные“), посвященные Даниилу Викулину, Андрею Денисову (три варианта), Семену Денисову, Петру Прокопьеву, стихи поздравительные, посвященные Тимофею Андрееву и Андрею Борисову, стихи об Иоасафе царевиче (несколько вариантов), о плаче трех отроков на реке Вавилонской, об Иосифе Прекрасном (несколько вариантов), о Борисе и Глебе и др.

13. Поморские ответы с добавлением „Истории краткой о ответах“ и „письма выговцев всем скитянам“, конца XVIII в. (бумага 1784 г.), в 4-ку, скоропись, 539 л., переплет.

14. „Слово воспоминательное о святых российских чудотворцах“ Семена Денисова, конца XVIII в., в 4-ку, полуустав, 46 л., без переплета.

15. Сборная рукопись, XVIII в., в 8-ку, полуустав и скоропись, 285 л., переплет. Содержание: Сказание о Епифании Столпозерком, „Ответ“ соловецкого инока Геронтия „чего ради не приемлют новых книг“, сочинения инока Авраамия („Вопросы и ответы“, послание к боярыне Морозовой), сочинения дьякона Федора („Повесть о Петре и Евдокиме“ и др.), челобитная соловецкого дьякона Игнатия царю Алексею

Михайловичу по поводу нововведений Никона, „Слова“, „поучения“ и письма Андрея Денисова, „духовная“ Петра Прокопьева, послание Семена Денисова о смерти Андрея Денисова, поучение против пьянства, приметы погоды по рождественским дням, приметы по первому весеннему грому, выписки из сочинений Максима Грека и др.

16. Повесть о создании патриаршества в России и о поставлении на патриарший престол Филарета Никитича, XVIII в., в 8-ку, полууустав, 50 л., переплет.

17. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, полууустав, 123 л., переплет. Содержание: Повесть дьякона Федора о протопопе Аввакуме, Лазаре и Епифании, „Сказание о Петре и Евдокиме“ дьякона Федора, „Прение“ дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским, Надгробная речь Кириллу Михайлову, настоятелю Выгорецкого общежития, и др.

18. Такса за поминовение, конца XVIII в., в 8-ку, полууустав, 2 л., без переплета.

19. „О крещении России“, XVIII в., в 4-ку, полууустав, 4 л., без переплета.

20. Сборная рукопись XVIII—XIX вв., в 4-ку, полууустав, 148 л., переплет. Содержание: стихи о блудном сыне, о кратковременности жития, „Хождение“ богородицы по мукам, стих умильный, стихи о двух ангелах, о младом иноке, стихи покаянны, послание неизвестного старообрядца из Далматского монастыря в Тюмень об антихристе и тайном царстве его и другие статьи.

21. Житие Андрея Денисова, начала XIX в., в 4-ку, поморский полууустав, 284 л., переплет.

22. Сборник духовно-нравственных статей, начала XIX в., в 4-ку, поморский полууустав, 120 л., одна заставка в красках, переплет. Содержит „Слова“ и „Поучения“ отцов и учителей богословия, „Памяти“ Кириллу Белозерскому и князю Владимиру киевскому, поучение о почитании книг и др.

23. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, полууустав, 187 л., переплет. Содержание: Повесть о Петре и Февронии, Повесть об иноке Троице-Сергиева монастыря, спасенном от греха Зосимой и Савватием соловецкими, „Слово“ Анастасия синайского, „о различных винах“ и толкование Андрея Денисова евангельской притчи „Уподобися царство небесное человеку царю“.

24. „О форме всякого креста“ Семена Денисова, начала XIX в., в 8-ку, полууустав, 206 л., переплет.

25. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, полууустав, 130 л., переплет. Содержание: Житие Алексея Человека божия, слова и повести патеричного характера (о гордости, милостыни и т. п.), житие Григория и др.

26. Сборник стихов конца XIX в., в 8-ку, полууустав, 13 л., без переплета, тетрадка. Содержание: Стихи о Иосифе Прекрасном, о доле, о смерти, о молодых летах.

27. „Извещение о согласнейших пометах (азбука)“ Александра Мезенца, начала XIX в., в 8-ку, скоропись, 17 л., без переплета.

28. Сборник, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 164 л., переплет. Содержание: Повесть о Владимирском попе Тимофее, „Список миробытной истории“, „Послание протопopa Аввакума о Никоне“ (из „Книги бесед“), челобитная протопopa Аввакума (пятая) к царю Алексею Михайловичу, его же сочинение об Антихристе, „Путник“ Марка Топоозерского, повести и слова из „Великого зеркала“, „Патерика“ и других книг.

29. Цветник первой четверти XIX в. (бумага 1821 г.), в 4-ку, по-морский полууустав, 164 л., заставка-рамка и инициалы, исполненные красками, переплет. Содержит, между прочим, Повесть о табаке (л. 137 об.—162).

30. „Стих о лексинских девицах“ и „Сказание о 12 пятницах“, 30—40-е годы XIX в., в 8-ку, полууустав, 6 л., без переплета.

31. „Сказание о 12 пятницах“, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 4 л., без переплета.

32. Сборник, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 68 л., без переплета. Содержание: „Газета из ада“, Повесть об очах человеческих, житие Антония Римлянина и др.

33. Сборник стихов, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 19 л., без переплета. Содержание: стихи „Плач богородицы“, о молении души, на Рождество Христово, о кратковременности жития, о смерти, о Иосифе Прекрасном и др.

34. Сборник стихов, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 31 л., переплет. Содержание: стих о Иосифе Прекрасном, о плаче преболезненных кафоликов, о втором пришествии, „Сказание о ленивых“ (из „Пчелы“) и др.

35. Сборник стихов, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 29 л., переплет. Содержание: стих о распятии Христове, о умилении души, о Кане Галлилейской, о скончании света, о непостоянстве мира, о пустыне, о богородице и др.

36. Сборник стихов, середины XIX в., в 4-ку, полууустав, 18 л., без переплета. Содержание: стих об Алексее Человеке божием, о плаче преболезненных кафоликов, о Борисе и Глебе, о Кане Галлилейской, о смерти, тленности жития и о богородице.

37. Сборник, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 100 л., переплет. Содержание: Повесть о суде Шемяки (только начало), Сказание о 12 снах Шахаиши (Мамера), Поучения против матерной брани, о умилении души, выписки из „Пчелы“ о злых женах, тексты писем к Афанасию Зотовичу и Алексею Афанасьевичу Вокуевым, стихи о Кане Галлилейской, о Рождестве Христове, о умилении души, о Лексе, о юности, о Иоасафе царевиче, о распятии Христовом, о смертном часе, о преболезненных кафоликах, о втором пришествии.

38. Сборник, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 44 л., переплет. Содержание: выписки из „Пчелы“ о злых женах, „Повесть о благочестивой жене“, поучение против гордости, повесть о двух снохах (русское сочинение), „История“ о четырех временах года и др.

39. „Миробытная история“ с добавлениями, середины XIX в., в 8-ку, полууустав, 97 л., переплет. „Миробытная история“ есть старообрядческое (выговское) историческое сочинение (компиляция) в 60 главах, начинающееся библейской историей и оканчивающееся описанием царствования Александра I. В начале рукописи приклеено письмо выговцев за подписью некоего Михаила, адресованное неизвестным лицам, возможно в Печорский Великопоженский скит. В конце рукописи имеются жития Георгия Победоносца и Прокопия Милостивого.

40. Соборное изложение по вопросам крещения еретиков, причащения и др., второй половины XIX в., в 4-ку, полууустав, 50 л., переплет. Старообрядческое сочинение.

41. Сборник стихов, конца XIX в., в 8-ку, полууустав, 28 л., без переплета, тетрадка. Содержание: стихи о втором пришествии, о умилении души, о суете мира, покаянный, на Рождество Христово и др.

42. Сказание о 12 пятницах, XIX в., в 8-ку, полуустав, 6 лл., без переплета, тетрадка.

43. Сборник, XIX в., в 8-ку, полуустав, 30 лл., без переплета. Содержание: Стихи о страстях христовых, о смерти, о умилении души, о плаче преболезненных кафоликов, о плаче Иосифа Прекрасного и др.

44. „История“ о временах года, XIX в., в 8-ку, полуустав, 9 лл., переплет.

45. Повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера) с добавлением, XIX в., в 8-ку, полуустав, 24 лл., переплет. Другие статьи: „Слово“ Иоанна Златоуста о умилении души и повесть о некоем грешнике.

46. Стих о наставлении умирающей матерью дочери, XIX в., в 8-ку, полуустав, тетрадка в 4 листа.

Служебные рукописи

47. Устав, начала XVI в., в 4-ку, полуустав, 204 лл., переплет.

48. Минея месячная (март), второй половины XVI в., в 4-ку, полуустав, 234 лл., переплет. Записи: 1) о принадлежности книги Спасо-Преображенской церкви г. Архангельска, конца XVI в., 2) о принадлежности рукописи в 1764 г. Кольскому Печенгскому монастырю (подпись игумена Геннадия Плотникова), 3) дата — „1623 г.“

49. Евангелие, XVI в., в 4-ку, полуустав, 273 лл., переплет, имеется запись о принадлежности рукописи Ивану Саввинову Ляпунову.

50. Устав, XVI в., в лист, полуустав, 353 л., без переплета.

51. Минея месячная (октябрь), XVI в., в 4-ку, полуустав, 362 лл., переплет. На л. 322 запись писца Василия Антонова.

52. Устав, конца XVI—начала XVII в., в 4-ку, полуустав, 686 лл., переплет. По листам книги имеется запись о продаже рукописи Андреем Кузьминым и детьми его, Иваном, Николаем и Корнилом, в Пятницкую церковь Кенорецкой волости за „рубль деньгами“.

53. Устав, начала XVII в., в 4-ку, полуустав, 192 лл., переплет.

54. Ирмологий крюковой, первой половины XVII в., в 8-ку, полуустав, 214 лл., переплет.

55. Сборник служебный (чин пострижения, чин исповедания и др.), конца XVII в., в 4-ку, полуустав, 107 лл., заставка-рамка, написанная чернилами, переплет.

56. Ефрем Сирий, второй половины XVII в., в лист, полуустав, 464 лл., переплет. В рукописи имеется две художественно оформленные заставки-рамки. Записи: 1) о промене книги попом Дмитрием Наумовым (из Мурашкинского Троицкого женского монастыря) на Макарьевской ярмарке в 1722 г., 2) отрывочные записи: „Каргопольца Ник...“, Татьяны, Тимофея с Пижмы, 3) о пожертвовании рукописи в 1652 г. в Мурашкинский Троицкий женский монастырь черным попом Дионисием, из Московского Сретенского монастыря, 4) о роде черного попа Дионисия.

57. Сборник песнопений (Октоих, Обиход), на крюковых нотах, второй половины XVII в., в 8-ку, 223 лл., полуустав, с несколькими печатными заставками, переплет.

58. Обиход, крюковой, XVII в., в 8-ку, полуустав, 172 лл., без переплета.

59. Ирмологий и Октоих, крюковые, XVII в., в 8-ку, полуустав, 153 лл., от переплета осталась одна нижняя корка.

60. Октоих, крюковой, XVII в., в 8-ку, полуустав, 144 лл., переплет.

61. Псалтирь, XVII в., в 4-ку, полуустав двух почерков, 316 л., переплет.
62. Ирмологий, крюковой, XVII в., в 8-ку, полуустав, 172 л., переплет.
63. Праздники, начала XVIII в., в 4-ку, полуустав, 276 л., переплет. В рукописи имеется несколько владельческих записей: 1) о покупке рукописи в г. Чердыне, 2) о принадлежности рукописи крестьянам Михаилу, Дементью, Кузьме и Лариону Пошехоновым из села Искора Чердынского уезда. На первом листе рукописи находится гравированная на меди заставка-рамка.
64. Житие Иоанна Богослова, конца XVIII в., в 4-ку, полуустав, 10 л., без переплета.
65. Иоанн Дамаскин, XVIII в., в 8-ку, 1 л., миниатюра.
66. Скитское покаяние, начала XIX в., в 8-ку, полуустав, 35 л., переплет.
67. Праздники, крюковые, начала XIX в., в лист, поморский полуустав, 23 обгорелых листа, с художественными заставками и инициалами, писанными красками и золотом.
68. Обиход крюковой, 1827 г., в 4-ку, поморский полуустав, 261 л., несколько заставок и инициалов, переплет. В конце книги в орнаментированном картуше имеется надпись: „Сия книга А. В.“ и дата 1827 г.
69. Скитское покаяние, 40-х годов XIX в., в 8-ку, полуустав, 36 л., переплет.
70. Разрозненные листы из рукописей XVII—XIX вв., 17 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

„Стих о заонежских девицах“

(По рукописи № 30, середины XIX века)

Публикуемое ниже стихотворение о заонежских (лексинских) девицах, несмотря на несовершенство своей формы, интересно тем, что освещает бытовую сторону знаменитого в XVIII—XIX веках в Карельском Поморье Выго-Лексинского женского общежития. Основанное в самом начале XVIII века на берегу реки Лексы выходцами из села Выга, это старообрядческое общежитие просуществовало свыше 150 лет, оставив после себя заметный след прежде всего в виде огромного числа рукописных книг, написанных особым, здесь выработанным типом письма и украшенных тоже здесь выработанным особым „поморским“ орнаментом.

Переписка книг была одним из важнейших промыслов лексинцев, дававшим им огромные доходы. В начале XIX века в светлицах и в „граммотнице“ села Лексы занимались перепиской книг более 100 девиц, называвшихся „писицами“. Другой большой доходной статьей общежития было вязание и раскрашивание „лестовок“ (четок), поясков и златошейный промысел. Лексинский женский хор славился на все Поморье.

Выго-Лексинское общежитие имело огромное влияние на старообрядческий мир и поддерживало постоянные связи с Петербургом, Москвой, Новгородом, Сибирью и многими другими городами и пунктами Российской империи. Во главе общежития стояла „большуха“, выбиравшаяся обычно из проживавших здесь лиц купеческого происхождения. Эта „большуха“ и совет черниц правили всем общежитием, нещадно эксплуатируя бедноту, пригнанную сюда нуждой, ради куска

хлеба. Писание рукописей было привилегией только зажиточной части лексинцев, что отмечается и в стихотворении („знатные писицы“). „Писицами“ в большинстве случаев были дочери поморских, московских и петербургских старообрядцев, присланные сюда для обучения грамоте и разным рукоделиям. Беднейшая часть населения Лексы ткала холст, работала на многочисленных монастырских промыслах и угожьях. В общежитии действовал особый лексинский монастырский устав.

В общежительстве имелась большая по тому времени библиотека. Кроме книг священного писания и служебной литературы, в ней можно было найти творения древних греческих и римских авторов и сочинения русских писателей XVIII—XIX веков. Широко было распространено сочинительство похвальных стихов и духовных песен. Публикуемое стихотворение свидетельствует о знакомстве его автора с классической литературой („Аки музы-алемпийки, весьма все витийки“).

Стихотворение написано, повидимому, в пору упадка общежительства („виде в скуде братство“), начавшегося с 40-х годов XIX века и завершившегося полным разгромом общежительства в 1856 году.¹ Стих предназначен для пения, о чем свидетельствует указание на повторное пение некоторых строк. Встречается он и в сопровождении крюковых нот. Стихотворение печатается в упрощенной орфографии.

Стих о заонежских девицах

Днесь Лекса преславна,
Славится издавна,
Не крутистых вод струями
Слухом всеизрядны.
Ро[с]сия вся слухом веселится.
Духом украшены соборы,
Други в них притворы,
Дев прекрасны лики,
Пение, клики.
Всех к елма привлекает,
Дух тем оживляет.
В ней прекрасны зданьем,
Нарот всим желаньем
Притецают и являют
Любовь превеликую.
Собор зрет безценный.
Устав положенный,
Очи зрящих звеселяет
Своим украшеньем.
И тут поют прекрасно,
Чинно вси согласно,
Аки музы-алемпийки,
Весьма все витийки.
Став на своем крыле,
Положенном чине.
Черны ряскими одеты,
Флиором прикрыты,
Служат присно богу,

¹ Подробно см.: П. Г. Любомиров. Выговское общежительство. (Исторический очерк). Изд. В. Э. Яксанова, М.—Саратов, 1924, 139 стр.; В. И. Малышев. Как писали рукописи в Поморье. Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, № 1, Петрозаводск, 1949, стр. 73—84.

Всяк день попремногу,
 Хотя млады, пристарелы —
 Купно безымены.
 В свободны их часы,
 Скинув черны рясы,
 Занимаются делами
 При своих приделах.
 Знатныя писицы,
 Всяк своей светлицы
 Оце перьям черкают,
 Книги составляют,
 В промен по Рос[с]ии,
 За деньги большии,
 Составляют их в расходы
 Не малыя годы.
 Ткут плетут шелками,
 Ко крестам шнурками,
 Пояски также со златом,
 Приборы богатом.
 А другия писицы,
 Краской мастерицы,
 Малеруют тож листовки
 Очень все прекрасно.
 Всем гостям входящим,
 Купить всем хотящим,
 Все охотно отдаваем
 За сребро и медны.
 Все при делах присно,
 Ткут холсты их чисто
 Про себя, на своей добытки.
 Виде в скуде братство
 Где же искать богатство?
 Кто чем может промышляет
 А все помаленьку.
¹ Слова два в конец.¹
 Составить нехоры,
 Всем нодать приборы
 Столовыя, харчевыя,
 Что были изрядны.
 Сего стиха конец
 Получат златой венец.
 Кого прозову к рыданью,
 Токмо конец.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Список рукописей, собранных В. И. Малышевым в Усть-Цильмском районе Коми АССР в 1949 году

1. Сборник, XVI в., в 4-ку, 397 лл., полуустав, переплет. Состав: Повесть о смерти Тамерлана (без начала), Книга Екклезиаст, Поучения Менадра, Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова и другие статьи.

¹⁻¹ Эти слова в рукописи написаны киноварью.

2. Сборная рукопись, XVI—XIX вв., в 4-ку, 161 л., полуустан и скоропись, переплет. Состав: Повесть о Темир-Аксаке, Монастырский устан Иосифа Волоцкого (без начала и конца), Сказание о знамени от новгородской иконы богоматери и другие статьи.

3. Сборник, первой половины XVII в., в 16-ю д. л., 241 л., полуустан, переплет. Состав: Хождение Трифона Коробейникова (без начала), Послание от царя Льва в Вавилон трех мужей, Повесть о царице Динаре (без конца).

4. Повесть об острове Муромском (Онежском), конца XVII в., в 8-ку, 10 л., полуустан.

5. Поморские ответы, около 1723 г., в 4-ку, 385 л., скоропись, переплет.

6. Повесть о Мемноне Холмогорском и Второе „разглагольство“ о крестном знамени, первой половины XVIII в., в 8-ку, 68 л., полуустан и скоропись.

7. Поучение в неделю пасхи (старообрядческое поморское сочинение), первой половины XVIII в., в 8-ку, 8 л., полуустан.

8. Житие Андрея Денисова, конца XVIII в., в 4-ку, 236 л., полуустан, переплет.

9. Сборная рукопись, XVIII—XX вв., в 8-ку, 14 л., скоропись и полуустан. Состав: письмо инокини Анфисы к своему брату, стих „Рифмы детей к умершей матери“, „Слово о ленивом“.

10. Хождение Трифона Коробейникова, 1815 г., в 8-ку, 83 л., полуустан, переплет.

11. Притча о бражнике, 20-х годов XIX в., в 8-ку, 10 л., полуустан.

12. Повесть о владимерском пресвитере Тимофее, 20-х годов XIX в., в 8-ку, 12 л., полуустан.

13. Стих о памяти смертного часа, 30-х годов XIX в., в 8-ку, 6 л., полуустан.

14. Повесть о царице Динаре, первой половины XIX в., в 8-ку, 10 л., скоропись.

15. Сборная рукопись, XIX в., в 4-ку, 115 л., полуустан, переплет. Состав: Поморские ответы (только указы Неофиту и выговцам и ответы последних на три первых вопроса Неофита), Повесть о Корнилии Выговском, Повесть о Филиппе Лексинском.

16. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 22 л., полуустан. Состав: „Газета из ада“, „О табаке“ (стих), Поучение от отца к сыну, Азбука о голом и небогатом человеке.

17. Сборник, 1874 г., в 4-ку, 175 л., полуустан, переплет. Состав: Челобитная инок Авраамия. Послание инок Авраамия к некоему боголюбцу, Прение дьякона Федора с Афанасием Иконийским, Повесть дьякона Федора об Аввакуме, Лазаре и иноке Епифании, „Мучения“ Петра и Евдокима (сочинение дьякона Федора).

18. Сборник исторический, середины XIX в., в 8-ку, 441 л., полуустан, переплет. Состав: статьи из библейской истории, хронографического характера, Повесть об Александре Македонском, Повесть о брани греческой и троянской, „Изложение русской истории“, принадлежащее историку XIX в. (упоминается о постановке памятника Минину и Пожарскому в Москве), и другие статьи.

19. Сборник, 60-х годов XIX в., в 8-ку, 447 л., полуустан, переплет. Состав: Повести о библейских событиях и лицах, хронографического характера, „История греческая. . . о брани греческой и троянской“, Повесть об Александре Македонском (краткая), Краткая российская

история (до воцарения Романовых), Сказание о патриархе Никоне, „Об омраченном пьянстве“, Повесть о Корнилии Выговском, Сказание о происхождении пьянства, Повесть о хмеле, Повесть о посаднике Щиле, Сказания о морозе и снеге (из жития Варлаама Хутынского), Повесть о купце Басарге, Повесть о царице и львице, Житие Федора Едесского и другие статьи.

20. Сборная рукопись, XIX в., в 8-ку, 19 л., полуустав. Состав: письмо инока Киприяна о крестном знамени, письмо к Прокопию Евлампиевичу по поводу желания его вступить в брак, „Путник“ Марка Топозерского, „Слово о ленивых“.

21. Сборник, XIX в., в 4-ку, 52 л., полуустав, переплет. Состав: Иерусалимский свиток, Память Димитрию Солунскому, Слово Нифонта о покаянии и другие статьи.

22. Сборник конца XIX в., в 8-ку, 51 л., полуустав. Состав: Повесть о царе Аггее, Житие Алексея Человека божья (без конца), Страсти христовы (только начало) и другие статьи.

23. Повесть о хмеле и Повесть о происхождении вина, конца XIX в., в 8-ку, 12 л., полуустав.

24. Повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера), конца XIX в., в 8-ку, 6 л., полуустав.

25. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 16 л., полуустав. Состав: „Повесть о купце и о жене его лукавой“, Слово о женах добрых, молчаливых и кротких и другие статьи.

26. Сборник старообрядческих духовных стихов, конца XIX в., в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет. Состав: стихи Плач Иосифа Прекрасного, о кафоликах, об умилении души и др. (всего 7).

27. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 9 л., скоропись. Состав: Сон богородицы, Иерусалимский свиток, Сказание о 12 пятницах (без начала).

28. Сон богородицы, конца XIX в., в 8-ку, 4 л., полуустав.

29. Сборник, конца XIX в., в 16-ю д. л., 10 л., скоропись. Состав: Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах, Иерусалимский свиток.

30. Стих об Алексее Человеке божьем, конца XIX века, в 8-ку, 16 л., полуустав.

31. Стих о смерти и стих о грехах своих, конца XIX века, в 4-ку, 4 л., полуустав.

32. Азбука о прекрасной девице, XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись.

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Собрания рукописных книг г. Калинина

В г. Калинине рукописные книги хранятся в Областном Гос. архиве, Областном краеведческом музее и библиотеке Гос. Педагогического института им. М. И. Калинина.

Рукописные собрания г. Калинина представляют большую научную ценность. Историк, литературовед, историк русского искусства и быта, лингвист найдут для себя в этих собраниях интересные и новые материалы. Большую ценность в калининских собраниях имеют материалы по древнерусской литературе. Едва ли не все известные произведения русской литературы XI—XVII веков встречаются здесь. Много ценного и нового можно найти по литературе XVIII—XIX веков, ценнейшие данные находятся по истории г. Твери и бывш. Тверской губернии, начиная с древнейших времен и до конца XIX века. В семинарских рукописях содержатся интересные сведения по учебной литературе и учебной практике XVIII—XIX веков.

Значительное место занимает в собраниях научная и учебная литература, а также сочинения по естествознанию, географии и путешествиям. Имеется несколько десятков рукописей певческого и музыкально-ведческого характера. Объем информационной статьи не позволяет привести многое из того интересного, что имеется в калининских собраниях.

Многое из калининского рукописного материала описано и использовано в научной литературе, но очень много остается еще не тронутым исследователями. В настоящей статье мы касаемся по преимуществу рукописей, еще не использовавшихся в научных целях.

При описании рукописей мы придерживаемся хронологического принципа, располагая рукописи не по содержанию, а по времени их написания. Каждое собрание описывается отдельно. Сведения сообщаются только о наиболее интересных рукописях. Ниже следует краткое описание рукописных коллекций г. Калинина.

Коллекция Калининского областного архива

Эта коллекция самая крупная в г. Калинине. В ней сосредоточено более 1500 рукописей XIV—XX веков. Составилась она из рукописей бывш. Тверского музея, городских духовных учреждений, церквей и монастырей, книг Тверской духовной семинарии, кафедральной библиотеки тверского епископа, ризницы Тверского Спас-Преображенского собора и многих церквей и монастырей Тверской губернии. До 1922 года коллекция принадлежала Тверскому музею, а в 1922 году она была

передана в тогдашний Губархив, ныне Областной архив. При передаче рукописной коллекции в архив несколько рукописных и старопечатных книг были оставлены в музее. Часть музейного собрания поступила в библиотеку Калининского Гос. педагогического института им. М. И. Калинина. Часть значащихся за музеем рукописей оказалась вовсе утерянной.

Таким образом, собрание бывш. Тверского музея, в том составе, в каком оно значилось к 1922 году, в архив попало не целиком.

Поступление рукописей в архив продолжалось и в последующее время. Пополнение происходило за счет рукописей закрытых монастырей, церквей и конфискованных имений.

В 1950 году при разборе фонда Тверской ученой архивной комиссии было обнаружено несколько рукописных книг, в том числе принадлежавших бывш. Тверскому музею и помещичьим архивам. Эти рукописи также были переданы в коллекцию. В рукописной коллекции находятся и архивные материалы, которым надлежало бы быть в соответствующих фондах, например, церковные книги по доходам и расходам денежных сумм, книги обысков перед венчанием браков XIX века и др.

Часть рукописей бывш. Тверского музея (307 номеров) в свое время была описана М. Н. Сперанским.¹ Из этих рукописей в коллекции архива в настоящее время нет 66 номеров: 48, указанных в I выпуске „Описания“ Сперанского, и 18, указанных во II выпуске. 18 номеров, отсутствующих в коллекции архива, в настоящее время находятся в Областном краеведческом музее (их номера сообщаются в обзоре рукописей музея), а 48 рукописей утеряны. Номера утерянных рукописей:² вып. I — 33 рукописи: 1 (3227), 22 (3210), 24 (3632), 27 (3092), 41 (3009), 45 (1591), 49 (3624), 50 (1593), 51 (3209), 65 (3142), 70 (4401), 73 (3025), 77 (3073), 80 (3105), 83 (3004), 99 (3125), 107 (1594), 112 (1592), 120 (3136), 124 (3082), 136 (3216), 139 (3488), 144 (3635), 147 (3622), 163 (3013), 164 (3021), 167 (3086), 179 (3001), 183 (3490), 194 (2988), 198 (3087), 218 (3123), 224 (3003); вып. II — 15 рукописей: 229/569 (4882), 253/251 (3032), 251/568 (4881), 255/299 (3207), 256/302 (3213), 264/321 (3241), 269/534 (4852), 270/576 (4880), 271/587 (4919), 278/570 (4885), 288/692 (7168), 289/702 (7179), 294/601 (5014), 302/416 (4469), 304/295 (3203).

Кроме этих номеров, нет еще 133 рукописей по описи бывш. Тверского музея. Из них 7 рукописей хранятся в Краеведческом музее (их номера сообщаются далее).

Краткие сведения о рукописях бывш. Тверского музея содержатся в годовых отчетах музея, печатавшихся в „Тверских губернских ведомостях“, а также в брошюрах В. И. Колосова „Тверской музей и его приобретение“, с 1902 по 1909 год.³

Еще М. Н. Сперанский во „Введении“ к выпуску I своего „Описания“ отметил большое научное значение рукописной коллекции бывш. Тверского музея, содержащей „памятники почти по всем отраслям истории и литературы“. В настоящее время эта коллекция, пополненная новыми рукописями, является одной из крупнейших областных коллекций памятников русской письменности прошлых времен. Рукописями Тверского музея пользовались для научных работ в дореволюционное время,

¹ М. Н. Сперанский. Описание рукописей Тверского музея, вып. I. М., 1891; вып. II, Тверь, 1904. В вып. II пропущен № 267.

² В том виде, как они даются в „Описании“ М. Н. Сперанского.

³ Тверской музей и его приобретения в 1902, 1903 и 1904 гг. Тверь, 1907; то же 1906 г. Тверь, 1906; то же 1906—1907 гг. Тверь, 1909; то же 1908—1909 гг. Тверь, 1911. В этих брошюрах даются сведения о рукописях с № 745 по № 941.

широко используются они и теперь научными работниками Москвы, Ленинграда, Калинин и других городов.¹

В настоящий обзор включены рукописи литературного, исторического и научного содержания. Не вошли рукописи, описанные М. Н. Сперанским. Не упоминаются рукописи учебного характера по специальным дисциплинам духовной семинарии, а также рукописи, содержащие слова (проповеди) на религиозно-поучительные темы духовных лиц Тверской епархии. Большая часть этих книг—XVIII века и написана на греческом и латинском языках.

Книги и тетради с учебными записками учеников духовной семинарии (таких рукописей в данной коллекции достаточно) содержат школьные произведения, большей частью иллюстрирующие риторику, пиитику, и списки с произведений писателей XVIII—начала XIX в. (см., например, №№ 163, 173, 177, 249).

Из житийной литературы и церковно-богослужебных книг, а также „певческих“, синодиков указываются лишь наиболее ценные.

В обзор вошли рукописи, относящиеся к периоду начало XV—конец XX вв.

В архиве коллекция славяно-русских рукописей находится при научно-справочной библиотеке. Имеется рукописный каталог, в котором даются краткие сведения о каждой рукописи, и картотека с указанием названия и номера рукописи (шифра). Эти номера в нашем обзоре указаны в скобках в конце сведений о рукописи.

Рукописи XVII века

1. Сборник, третьей четверти XVII в., в 4-ку, 419 л. Содержание: 1) Житие Кирилла Белозерского; 2) Повесть о Николе Зарайском; 3) „Преднаписание о граде Озове и взятии его казаками“; 4) Повесть о Темир-Аксаке; 5) Сказание Авраамия Палицына (выпись); 6) Повесть о белом клобуке; 7) Степень государей великих князей киевских и московских; 8) О послании послов в Царьград (в 1570 г.); 9) О Удоне, епископе магдебургском; 10) Грамота старца Зиновия Отенского; 11) Хождение Трифона Коробейникова; 12) Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием; 13) Повесть о бесноватой Соломонии; 14) Повесть о взятии Царьграда турками; 15) Сказание о премудром бражнике;² 16) Повесть об Акире; 17) Сказание о Еруслане Лазаревиче (конца нет), и др. (№ 916).

2. Судовая книга подкомория Витебского воеводства 1642—1647 гг., в лист, 435 стр., скоропись белорусская, частью на польском языке. (№ 1001).

3. Книга Витебского суда для регистрации дарственных и продажных записей на недвижимое имение, 1684—1687 гг., частью на белорусском, частью на польском языке. (№ 1521).

4. „Повесть об основании Тихвинского богородичного монастыря“, 1699 г., в 4-ку, 224 л. (№ 1029).

5. Хронограф, XVII в., в лист, 986 л. Содержание: 1) Хронограф, в конце запись: „Составися хронѣграф при Василии Васильевиче Тем-

¹ См.: „Тверской музей 13-го июня 1892 года“. Тверь, 1892. Ниже, в обзоре, мы даем сведения об использовании коллекции архива для научных работ и публикации в наше время. Широкому использованию этой коллекции несомненно препятствует отсутствие опубликованного ее описания.

² Публикуется в приложении.

ном. 260 лет. 1712“; 2) История о Казанском царстве; 3) „Козмотрафия“; 4) Индекс о книгах ложных и неложных. (№ 557).

6. Сборник, XVII в., 340 лл. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) Сказание о ризе Христа; 3) Жития князя Михаила Тверского и епископа Арсения Тверского. (№ 549).

7. Сборник новоторжский, XVII в., 99 лл. Составлен из тетрадок, писанных в XVI, XVII и XVIII вв. Содержание: 1) Повесть о Иульянии Вяземской (XVIII в.); 2) Люцидарий (XVII в.); 3) Повесть о крестном сыне (XVIII в., без начала и конца) и др. (№ 489).

8. История царства Казанского, XVII в., 321 лл., скоропись. (№ 437).

9. Сказание об Александре Македонском, XVII в., 201 лл. (№ 330).

10. Сборная рукопись, XVII—XIX вв. 45 лл. Содержание: 1) Повесть о царице и львице, XVII в. (начала нет); 2) Азбука в стихах, начала XIX в. (№ 268).

11. Притча о царе, XVII в., 19 лл. Запись: „Сия тетрадь Загородского посаду вознесенского попа Никифора, а писал сию тетрадь своею рукою в лета 7189 (1681) году месяца маиа в 25 день“. (№ 355).

12. Переписная книга Троицкого Новоторжского монастыря, 1685 г., 44 лл. (№ 1260).

13. Выписи из писцовых и переписных книг 1627—1628 гг. на вотчину и поместье Афанасия Рыкунова, 1692 г., 53 лл. По листам скрепа: „Диак Онисим Невежин“. (№ 417).

14. Выпись из Бежецкой писцовой книги 1582 г. на поместья Родичевых, XVII в. (№ 371).

15. Выпись из писцовых книг о Тверской Ямской слободе 1685 г., XVII в., 19 лл. (№ 319).

16. Выписи из межевых книг Бежецкого уезда 1693 г. на вотчину Боборыкиных, XVII в., 121 лл. (№ 289).

17. Выписи из Кашинских писцовых и межевых книг 1628—1629 гг. на вотчины и поместья Лихачевых, XVII в. Писаны в 1689, 1692 и 1694 гг., 248 лл. (№ 231).

18. Переписные книги Ниловой пустыни 1635 г., XVII в., 32 лл. (№ 1592).

19. Хозяйственные книги Краснохолмского монастыря, XVII в. (1626—1627, 1636—1637, 1665—1684 гг.). Приходо-расходные, денежные, хлебные, оброчные, пустошные, пашенные, сенокосные, конюшенные, переходные и др. (№№ 962, 963, 964).

20. Сборник, XVII в., в 4-ку, 142 лл., полуустав. Содержит выписи из Тверской летописи с 1390 по 1485 г. и др. (№ 1129).¹

21. Уложение 1649 года, XVII в., 525 лл. (№ 350; то же, но с новоположенными статьями — № 579).

22. Сборник, XVII в., 38 лл. Содержание: 1) Беседа трех святителей; 2) Повесть о бражнике; 3) Прение воина со смертью; 4) Хождение богородицы по мукам и др. (№ 1540).

23. Сборник, XVII в., 109 лл. Содержит список Торгового устава 1667 г. и др. (№ 229).

24. Степенная книга, XVII в. (выписи), в лист, 565 лл., скоропись (№ 794).

25. Проблемата, XVII в., 165 лл. Список с переведенной с польского языка печатной книги 1677 г. (№ 758).

¹ Опубликовано в Приложении к журналу 115-го заседания 23 декабря 1912 г. Тверской ученой архивной комиссии.

26. Славянская грамматика Юрия Крижанича, писана 8 августа 1661 г., в 4-ку, 113 стр., скоропись (автограф). (№ 1374).¹
27. Сборник, XVII в., 74 л. Содержание: Сказание о 12 пятницах, выпиши из Космографии, Люцидария. (№ 933).
28. Люцидарий, XVII в. (№№ 923, 799).
29. Прохладный вертоград, XVII в., 265 л. (№ 1207).
30. „Зерцало Великое“, XVII в., 376 л., начала и конца нет (№ 672).
31. Сборная рукопись, XVII—XVIII вв. Содержание: повести из „Зерцала Великого“ (105 повестей), Сказание о Шилевом монастыре, о древе крестном, „Страсти Христовы“. Запись: „Сии страсти... города Торжку воскресенского девича монастыря пономаря Никиты Иванова, а писал оные страсти писал я своею рукою 1751 года месяца апреля 10 дня в Торжку“. (№ 667).
32. Сборник, XVII в., 241 л. Содержание: 1) Жития Арсения тверского, Алексия Человека божия и др.; 2) О Киприяне митрополите, како ходил во Тферь; 3) Родословие князей тверских. (№ 1554).
33. Сборник служб и житий, XVII в., 174 л., полуустав. Содержит жития Параскевы, Гурия, Симона и Авивы, князя Михаила Тверского (№ 1423).
34. Сборник, XVII в., 161 л. Содержание: 1) Сказание о Каменьском монастыре; 2) Житие Сергия Радонежского и его ученика Никона. (№ 1194).
35. Житие Арсения тверского, 1665 г., 172 л. (№ 1122).
36. Сборник, конца XVII—начала XVIII в., 108 л., скоропись, без начала и конца. Содержание: 1) Свиток иерусалимский, 2) Хождение богородицы по мукам; 3) Повесть о бесноватой Соломонии; 4) Сказание о дворецком царя, попавшем в ров; 5) Прение живота и смерти; 6) 12 снов Шахаиши; 7) Азбука на голом и небогатом человеке (конца нет, обрывается на букве „ч“); 8) „Двоестрочия“ о пьянстве и другие статьи. (№ 697).
37. Сборник, XVII в., 217 л. Содержит Патерик печерский и другие статьи. (№ 619).
38. Служба и житие Ефрема новоторжского, XVII в., 200 л. (№ 457).
39. Сборник житий, XVII в., 300 л. Содержит жития князя Михаила Ярославича и епископа Арсения тверских, и др. (№ 925).
40. „Страсти Христовы“, XVII в. (№№ 817—с гравюрами, 722).
41. „Алфавит“, XVII в., 58 л. Помета на л. 3 об.: „В лето от Адама 7196 [1688]-го году“. (№ 276).
42. Иконописный подлинник, XVII в., 164 л. (№ 617).
43. Сказание о явлении креста и иконы богородицы „во Ржеве во Оковцах“, XVII в., 55 л. (№ 485).
44. Летопись о Новгороде и житие Александра Невского, XVII в., 157 л. (№ 264).
45. Синодики (с записями, начиная с XVII в.): Рябова монастыря (№ 614), пустыни Миголощи Владимирского монастыря (№ 679), Троицкого Тутанского монастыря, церкви Вознесения (№ 786), Желтикова монастыря (№ 1237), Богоявленского собора г. Вельска (с 1657 г., № 1241), церкви Николы Чудотворца в г. Острове (с 1682—1683 гг., № 718).

¹ См.: Вл. Колосов. Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича. СПб., 1888.

Рукописи XVIII века

46. Писцовая книга г. Твери 1705 г., 1709 г., в лист, 582 л., скоропись, без начала (утеряно 19—20 листов). По листам скрепа: „Диак Михайло Гуляев“ (№ 1734).
47. Выпись из Угличской писцовой книги 1628—1629 гг. на село Весь-Егонскую, вотчины Симонова монастыря, 1754 г., 39 л. (№ 1501); то же — за 1713 г. (№ 234).
48. Выпись из писцовых книг Бежецкого уезда 1627, 1628 и 1629 гг. Стан Мещерской, XVIII в., 115 л., без конца. (№ 1610).
49. Выпись из писцовых книг Бежецкого уезда 1631 г. на село Хабоцкое, XVIII в., 29 л. (№ 1611).
50. Сборник документов Московского Спасского Крутицкого монастыря на сельцо Брюхово, на реке Кашинке, XVIII в., 41 л. Содержит списки вкладных, жалованных, межевых грамот. (№ 1445).
51. Сводное Уложение, XVIII в., 367 л. Содержит копии с указов „о судебных и розыскных делах“ Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны. (№ 1424).
52. Топографическое и историческое описание городов Тверской губернии, 1784—1786 гг., в 4-ку, 138 л. Содержание взято из „Генерального соображения по Тверской губернии 1783—1784 гг.“. (№ 1121).
53. История китайская, XVIII в., в 4-ку, 126 л. Записка С. Л. Владиславича-Рагузинского, возглавившего русское посольство в Китай в 1725—1728 гг. Автор (нигде, между прочим, себя не называющий) не один раз ссылается на „свой“ статейный список, „свой“ журнал. (№ 1127).
54. Записка по всеобщей истории, XVIII в., в 8-ку, 68 л. Писана, может быть, в 1787 г. (№ 1155).
55. Выпись из государственного гербовника, XVIII в., 118 л. Содержит сведения о царствовании царя Алексея Михайловича. (№ 1113).
56. Родословие, XVIII в., в лист, 44 л. Запись: „Подарено мне матушкою в селе Прямухине 1790 года в июне. Александр Бакунин“. (№ 1282; такое же родословие 1741 г., 38 л., — № 615).
57. В переводе Андрея Лызлова „История Скифийская“, чч. 3 и 4, XVIII в., в лист, 283 л. (№ 649).
58. Мавро Урбино. Историография народа славянского, XVIII в. (список с издания 1722 г.), 185 л. (№ 736).
59. „Летописец российский“, конца XVIII в., в 4-ку, 207 л., полуустав и скоропись. (№ 684).
60. Сборник, 1758 г., в лист, 178 л. Содержание: 1) „Гистория о зачатии и рождении Петра I“; 2) „Ядро истории Российской“ — 7 книг. (№ 381).
61. Выпись из писцовой книги Бежецкой пятины Белозерской половины 1582 г. на поместья Романа Остафьева, сына Долгорукого. XVIII в., 92 л. (№ 371).
62. Переписная книга Бежецкого уезда 1709 г., XVIII в., в лист, 1592 л., скоропись. (№ 232).
63. Список с переписных книг г. Кашина 1709 г., XVIII в., в лист, 279 л., скоропись. (№ 235).
64. Выпись из писцовых книг Тверского уезда 1627—1628 гг. на владьчные, монастырские и церковные земли, XVIII в., в лист, 234 л. (№ 575).
65. Сыщиков и писцовый наказ, XVIII в., в лист, 44 л., скоропись. (№ 585).

66. Список с Наказа 1685 г. о межевании земель в Старом Осколе, XVIII в., в лист, 83 лл. (№ 227).
67. Поколенная роспись дворянских родов, XVIII в., в лист, 138 лл. Упомянуты дворянские роды — Симских, Хабаровых, Белеутовых и др., с родословными таблицами. (№ 480).
68. Сказание о „смутном“ времени (отрывок), XVIII в., 22 лл. (№ 729).
69. История города Азова, XVIII в., 119 лл. Список с перевода И. К. Тауберта 1728 г. (№ 709).
70. Стат Московской губернии 1781 г., XVIII в., 9 лл. (№ 790).
71. О ливонской войне, XVIII в., 6 лл., отрывок, без начала и конца. (№ 706).
72. Из Синопсиса, третьей четверти XVIII в., 65 лл., отрывок, без начала и конца. (№ 379).
73. Выпись из Хронографа, XVIII в., 125 лл. Излагаются события с 1584 по 1609 г.: о взятии царства Сибирского и о „смутном времени“ (заканчивается восстанием Болотникова). (№ 685).
74. Регламент духовный Петра I, XVIII в., 89 лл. (№ 835).
75. Уложение 1649 г., XVIII в., в лист, 340 лл. Запись: „Писано 710-го году месяца июля з 20-го числа, того же году месяца октября по 14 число ся книга списана“ (№ 678; другие списки XVIII в. — №№ 244, 285, 286, 288, 453).
76. Истинная история неправого соединения между греками и латинами или Собора Флорентийского, 1747 г., в лист, 229 лл., скоропись. Перевод с греческого языка на русский, сделанный учениками Тверской духовной семинарии в 1747 г. (№ 998).
77. Троянская война, XVIII в., 141 лл. (№ 928).
78. Иудейская история Иосифа Флавия, кн. 1-я, XVIII в., в лист, 153 лл. (№ 1190).
79. История о зачатии и рождении Петра I, XVIII в., 204 лл. Список с печатного издания Стефана Писарева (№ 424; другие списки — №№ 937, 1144, 1425).
80. Летописец Дмитрия Ростовского, XVIII в. (Списки: №№ 313, 509, 1093, 1115, 1142, 1240, 1440, 1482, 1508, 1516).
81. Ревизские сказки 1743—1747 гг. по Старицкому уезду Тверской провинции (волости — Раменская, Песьи Луки), XVIII в., в лист, 694 лл. (№ 1662).
82. О должностях человеческих, второй половины XVIII в., 185 лл., без начала. Содержит выписки из Пуффендорфа. (№ 777).
83. Сборник, XVIII в., 24 лл. Содержание: О древе крестном, Повесть о семи мудрецах. (№ 355).
84. История Соловецкого монастыря, 1770 г., в 8-ку, 84 лл. Запись: „Писал аз многогрешный и смиренный раб 1770 года месяца априллия“. В конце рукописи вторая запись: „Тверь, 1815-го года. Ис книг купецкого тверского купецкого сына Марка Былинкина“. (№ 664).
85. Повесть о Псковском Печерском монастыре, XVIII в., 101 лл. (№ 707).
86. Сборник, XVIII в., 69 лл., полуустав и скоропись. Содержание: 1) Сказания о новгородских святыях; 2) Повесть о Тверском Отроче монастыре, и др. Запись: „Сия тетрадь о всех новгородъдких святыях чудотворцев тверского купца Николая Фролова сына Уткина, куплена в Новеграде 1757-го году апреля 29 дня. Цена 15 копеек“. (№ 772).
87. Письма Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны к адмиралу Александру фон-Крузу. Всех писем 40, подлинники. В красном сафьяновом переплете с золотым тиснением. Письма Екатерины II с 11 мая

1769 г. по 6 июля 1790 г. Содержание: извещения о наградах, предписания о действиях эскадр в Балтийском море. Письма Павла I с 9 сентября 1794 г. по 1 мая 1799 г., частью на немецком и французском языках, аналогичного содержания. (№ 228).

88. „Искусный эконо́м, или хозяйственная книга“, конца XVIII в., 141 л. Запись: „Списана с переведенной на русский яз. с немецкого языка Иосифа Франца Майера“, отпечатанной в Москве в 1794 г. В конце рукописи находятся „Загадки Апполоновы“ и „Загадки Тарсисовы“ (из „Повести об Апполоне Тирском“). (№ 298).

89. Сборник, XVIII в., 16 лл. Содержание: 1) Повесть о Савве Грудыне (отрывок); 2) Сказание о свитке Иерусалимском. Запись: „Сия тетратъ Иосифовской слободы крестьянина Федора Останина, подписано сентября 2-го дни 1759 года“. (№ 292).

90. Сборник, XVIII в., 65 лл. Содержание: 1) „Сказание о семи планитех и о двенадцятих знаменних небесных“; 2) Таблицы вруцелетия. (№ 297).

91. Тригонометрия сферическая, XVIII в., 144 лл. Содержит сведения о навигации, горологии, картах географических, рисовании крепостей. С чертежами. (№ 279).

92. Геометрия, XVIII в., два списка — один на 73 лл. (№ 281), другой на 96 лл. (№ 955).

93. Руководство по навигации, первой четверти XVIII в., в 4-ку, 171 лл., скоропись. Список с печатного издания 1703 г. (№ 278).

94. География, XVIII в., 164 лл. (№ 274).

95. Арифметика, 1787 г., 59 лл. Запись: „Писал сию книгу лейб-гвардии Преображенского полку подпрапорщик Василей Желябужеской“. (№ 275).

96. Арифметика, конца XVIII в., 129 лл. Копия с печатной арифметики С. Волфия, переведенной с немецкого профессором Барсовым. (№ 331).

97. Лечебник, XVIII в., 138 лл. Помета от 1763 г. (№ 439).

98. Лечебники, XVIII в., два списка — один на 112 лл. (№ 470), другой на 320 стр. (№ 1114).

99. Арифметика Магницкого, второй половины XVIII в., в 4-ку, 96 лл. Записи: „Сия арифметика артилери сержанта Петра Зиновьева“ и „Сия арифметика гвардии каптенармуса Григория Страхова“. (№ 474).

100. Арифметика, XVIII в., 125 лл. Запись: „Сия арифметика подарена от учителя 2-го кадетского корпуса штабс-капитана Федора Кривошапкина в 1804 году в марте месяце в 3-м нижнем классе кадету Ивану Чевакинскому за усердие...“. (№ 627).

101. Сборник, XVIII в., 177 лл. Содержание: 1) Месяцеслов; 2) „Истинная политика знатных и благородных особ, переведена с французского чрез Васи́лия Тредякова, Санктпетербургския императорския Академии Наук секретаря. 1769 году февраля 18 числа“. Запись: „Сей месяцеслов Кашинского уезда села Кесовы Горы священника Иоанна сына Сергея Шапошникова, обучающегося в Тверской семинарии в школе Пиитики. 1793 года декабря 15 дня“. (№ 810).

102. Обзорение торговли и способов, служащих к обогащению российского купечества и всего государства, конца XVIII в., в 4-ку, 40 лл. Записка Павла Левашова, поданная князю Алексею Борисовичу Куракину. (№ 943).

103. Палата царского благоязычия, 1751 г., в 4-ку, 297 лл., полуустав. Перевод с греческого риторики братьев Лихудов, издания 1712 г.,

сделанный в 1751 г. учителем Тверской духовной семинарии Иваном Евдокимовым. (№ 950).

104. „Философия нравоучительная, сочиненная Хр. Фрид. Аммоном, переведенная с латынского языка в Тверской семинарии информатором Ермолаем Резанцевым, 1767 году октября дня“, XVIII в., 87 л. Помета: „Из книг... Диомид Карманова“.¹ (№ 746).

105. Карманов Диомид. Сборник слов, XVIII в., в 4-ку, 18 л., скоропись-автограф. Запись: „Сочинял сие слово Тверского магистрата канцелярист Диомид Карманов в сентябре 772 года“. (№ 1608).

106. Карманов Диомид. Замечания на письмо уставщика Вятковской старообрядческой церкви, 1766 г., в лист, 31 л. Запись Д. Карманова: „Получено мая 24 дня 1766 года“- (№ 1731).

107. Философия генеральная Раймунда Люллия, XVIII в., в 8-ку, 277 л. (№ 938).

108. Сборник, XVIII в., 186 л. Содержание: 1) История о Полиндионе и Милитине; 2) Сказание о римском попе Авраме; 3) Гистория о гишпанском дробанте Долторне; 4) Сказки о Симеонах, о Емельяне-дурачке (первая без начала, вторая без конца). Запись: „1753 году февраля 1 дня писана“. (№ 267).

109. Сборник псалм, XVIII в., в 8-ку, 28 л., без начала и конца. (№ 269).

110. Изъяснение истории, како княгиня Алтыдорская единым чревоношением дванадесят сынов породы, XVIII в., 149 л. (№ 271).

111. Сборник, XVIII в., 36 л. Содержание: 1) Повесть о Савве Грудыне; 2) Сказание о некоей царевой дщери. (№ 314).

112. Сборник, XVIII в., 54 л. Содержание: 1) Повесть о княгине Алтыдорской; 2) Житие и „притчи“ Эзопа, и др. На л. 27 дата: „1766 г. генваря 28 дня“. (№ 337).

113. Сборник, XVIII в., 97 л. Содержание: 1) песня „Не шуми ты, зелена дуброва...“; 2) скороговорки; 3) 13 вопросов рационалистического характера о бже (из Вольтера), и др. (№ 383).

114. Сборник, XVIII в., 125 л. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) О Соломоне Премудром; 3) Об Иуде предателе; 4) Беседа трех святителей; 5) О крестном сыне. (№ 388).

115. Сборник, XVIII в., 102 л. Содержание: 1) Хождение игумена Даниила (без начала); 2) Слово о Софийском соборе в Новгороде; 3) Повесть о взятии Царьграда турками; 4) Сказание Иеронима об Иуде предателе; 5) Повести из „Зерцала Великого“. (№ 444).

116. „Вертоград многоцветный“ Симеона Полоцкого, XVIII в., в 4-ку, 158 л. (№ 293).

117. Цветник, второй половины XVIII в., в 8-ку, 207 л., с миниатюрами и заставками в красках. Записи: 1) тою же рукою, что и рукопись: „Сей Тветник тверитена посадцкого человека Михаила Семенова, сына Арефьева“; 2) иным почерком: „Петр Баранов руку приложил. По книге сей. Сия книга в приликах человеческих и в божественных“. (№ 443).

118. [Гистория царевича Ясаулла], конца XVIII в., 72 л., без начала и конца, скоропись. (№ 463).

119. Сборник Лутковских, XVIII в., в лист, 238 л., скоропись разных рук. Содержание: 1) Арифметика, геометрия и тригонометрия; 2) Записи 1730—1746 гг. о продаже крепостных крестьян, отпускные

¹ О Диомиде Карманове, тверском археологе и историке второй половины XVIII века, см. В. Колосов. Библиотека тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова. Тверь, 1897.

в замужество крестьянок, выписи из писцовых, отказных, межевых книг, копии купчих, заручных, сговорных и других документов; 3) Калязинская челобитная; 4) Повесть о Ерше Ершовиче. Запись: „Математических навигацких наук школьника Михаила Лутъковскаго, а писал сю книгу математиконавигацких наук школьник Василей Полятаев. Подписал я, Михаил Лутковской, своею рукою“. (№ 473).

120. Гистория о храбром и славном Клеонте и о прекрасной Рамире, XVIII в., в лист, 116 лл. Запись: „1762 году инваря 26 дня списана гистория“. (№ 482).

121. Сборник, XVIII в. Содержание: 1) Сказание о кресте; 2) „Книга, глаголемая странник“; 3) Хождение игумена Даниила; 4) Сказание о Иерусалиме; 5) Повесть о взятии Царьграда турками. (№ 487).

122. Сборник, конца XVIII в., в 4-ку, 66 лл. Содержание: 1) Сказание о граде Муроме; 2) Повесть о Петре и Февронии. Запись: „Сия книга куплена в городе Муроме в монастыре тверским купецким сыном Василием Петровым сыном Томиловым, 1789 года месяца генваря дня“. (№ 503).

123. Сборник, XVIII в., 144 лл. Содержание: 1) Выписки из Уложения 1649 г.; 2) Соборное деяние на еретика арменина на мниха Мартина; 3) несколько стихотворений, в том числе Ломоносова („О бороде“ и др.). (№ 500).

124. Сборник, XVIII в., 17 лл. Содержание: 1) Сон богородицы; 2) Сказание о 12 пятницах; 3) Свиток Иерусалимский. (№ 512).

125. Сборник, 1782 г., 141 лл. Содержание: 1) Ломоносов М. В. Похвальные надписи, оды; 2) „Слово о победе русского флота над турецким в архипелаге 1770 года июня 24 дня“; 3) Речь Тредьяковского перед чтением оды. (№ 543).

126. Великодушной индеец, XVIII в., 96 лл. (№ 558).

127. Сборник, XVIII в., 66 лл. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) Любидарий. (№ 490).

128. Об Арсении Суханове, XVIII в., 18 лл. (№ 609).

129. Сборник, 1790 г., 141 лл. Содержание: 1) Оды и другие произведения Сумарокова; 2) Стихотворения Ломоносова (с печатного издания 1778 г.); 3) Жизнь Михаила Васильевича Ломоносова. (№ 661).

130. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., 130 лл. Содержание: 1) Статьи из Пролога, Четвх-Миней; 2) Житие Кирика и Улиты и др.; 3) О царе и философе; 4) Прение живота и смерти; 5) О завещании Бонапарта (А. Измайлова); 6) Выписки из разных газет 1814 г. о войне с французами и о занятии Парижа. (№ 682).

131. Сборник, XVIII в., 16 лл. Содержит „Повесть о двух купцах“ (конца нет) и др. (№ 686).

132. Сборник, XVIII в., 150 лл. Содержание: 1) Прение живота со смертью; 2) Письмо турецкого султана в Чигирин к казакам и ответ казаков, и др. (№ 662).

133. Сборник, XVIII в., 31 лл. Содержание: 1) Отрывок из путешествия в Палестину в 1584 г. В конце отрывка запись: „Больше я не писал, потому что толко было писано у тово, у ково я тетрадь такую списовал; 2) Статьи из Пролога. (№ 690).

134. Сборник, XVIII в., 26 лл. Содержит Повесть о Петре и Февронии и другие произведения. (№ 693).

135. О Гиндрике и Милитине, середины XVIII в., 64 лл. (без начала и конца). (№ 740).

136. Сборник песен, XVIII в., 34 лл. (без начала) (№ 703).

137. Оракул, XVIII в., 40 лл., скоропись четырех почерков. (№ 704).

138. Алфавит духовный, XVIII в., 145 лл. Список с печатного издания 1713 г. В конце запись: „В лето от сотворения мира 7247, а от Христа 1739 году во граде Иркутском было трясение земли, что потрясая весь град, месяца апреля на шестое число в ночи в шестом часу, что некоторые печи упали в ызбах и труб несколько с кровель повалилось“. (№ 730).

139. Сборник, XVIII в. Содержит Сказание о древе крестном и другие произведения. (№ 741).

140. Вертоградец света, XVIII в., 152 стр. Полное название: „Вертоградец света, в котором, кроме удивительных секретов от природы, еще разные и сладкие плоды всякого рода к желанию человеческого суть приуготовлены и с италианской на российскую землю пресаждены 1732“. (№ 804).

141. Сборник, XVIII в., 212 лл. Содержание: 1) О взятии Иерусалима римлянами (из 6-й книги „Иудейской истории“ Иосифа Флавия), без начала; 2) История вторая о пленении славного Царяграда; 3) Повесть о царе Пелее. (№ 820).

142. Сборник псалм и кантов, XVIII в., в 8-ку, 149 лл. Первые 14 псалм с нотами (пятилинейными). Записи: „Алфавет кантам. 1762 года месяца июля дня написаны“ и „Сие псалмы ученика Петра Песоцкого 1800 году“. (№ 823).

143. Сборник, XVIII в., 29 лл. Содержит Житие Кирика и Улиты и др. (№ 828).

144. Сборник, первой половины XVIII в., 20 лл. Содержит Сказание о крестном древе и др. (№ 854).

145. Сборник, XVIII в., 31 лл. Содержание: 1) Повесть о крестном сыне (конца нет); 2) Сон богородицы; 3) Сказание о создании твари (конца нет); 4) Хождение богородицы по мукам (отрывок). (№ 836).

146. Сборник, конца XVIII — начала XIX в., 120 лл. Содержание: 1) Выписи из Пролога; 2) О суде сатаны в аду. (№ 865).

147. История о разорении града Иерусалима, XVIII в., 4 лл. (№ 893).

148. Сборник, XVIII в., 35 лл. Содержание: 1) Канты и псалмы; 2) Книга должностей человеческих. (№ 898).

149. Памятная книга купцов Томиловых, XVIII в., в лист, 23 лл. Книга с 1776 по 1797 год писалась Григорием Григорьевичем Томиловым, далее продолжалась Власом Григорьевичем Томиловым. Первая запись от 1 января 1776 г. говорит об учреждении Тверской губернии. Последующие записи — о пожарах, эпидемиях в Твери, о погоде, о рождениях и смертях членов семьи и др. Последняя запись относится к 1862 г. В конце помещены разные стихотворения из журналов первой половины XIX в., басни Крылова. (№ 338).

150. Повесть о Полинционе и Милитине, XVIII в., 156 лл. (№ 939, также № 1543).

151. История о Мелентесе, Полемедесе и Арианне, ч. II, XVIII в., 222 л. (№ 1020).

152. Краткие разговоры о разных до наук касающихся весма курioзных вещах, XVIII в., 131 лл. Список с перевода 1756 г. Запись: „Сия книга... великоустожского третьей гильдии купца Ивана Никифорова сына Кострова, куплена у Ивана Свищникова, дано за нее 80 коп., а купил 1796 году в июне месяце в 2 число...“ (№ 986).

153. Сборник, XVIII в., 121 лл. Содержание: 1) Книга гадательная; 2) 132 песни, среди которых есть исторические, например „Про Очаковску пальбу“ и др. (№ 959).

154. Сборник, конца XVIII в.—начала XIX в., 94 л. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) Список с жалованной грамоты Ивана IV Федосию Тотемскому 1554 г., февраля 20; 3) Сон богородицы; 4) Свиток Иерусалимский; 5) Молитва Иоасафа царевича; 6) Разговоры между книжником и мальчиком; 7) „Пописи и склады“. Запись: „Сия тетрадь города Бежецка купца Ивана Миколаевича Фуфлыгина 1801-го году месяца мая 11-го числа“ (далее указывается дата — „1801 год 9 июля“). (№ 1022).

155. История о Евдоне и Берфе, XVIII в., 65 лл. (№ 1053).

156. Сборник, XVIII в., 82 лл. Содержит Повесть о белом клобуке и др. Запись: „Положил сию книгу полковник и лейб-гвардии капитан Иван Моисеевич Невельской в Покровской Поддубской погост в церковь Покрова пресвятыя богородицы вкладу“. (№ 1059).

157. Сборник, XVIII в., 28 лл. Содержание: 1) Сон богородицы; 2) О 12 пятницах; 3) Свиток Иерусалимский; 4) Хождение богородицы по мукам; 5) Житие Кирика и Улиты. (№ 1070).

158. Сборник песен, XVIII в., 43 лл. Среди песен есть исторические (о Северной войне, про „храброго ковалера Краснощекова“), солдатские. Рукопись, повидимому, часть какого-то сборника: нумерация песен начинается с № 83 и кончается № 281. (№ 1133).

159. Сборник (альбом) песен, XVIII в., в 4-ку, 85 лл. В сборнике 107 песен. (№ 1139).

160. Сборник, XVIII в., 192 стр., полуустав. Содержит статьи из „Зерцала Великого“ и др. (№ 1143).

161. Течение жизни и приключение барона Пюйнефа, писанные им самим, XVIII в., 84 лл. (№ 1152).

162. Сборник, XVIII в., 251 лл. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) Сон богородицы. (№ 1159).

163. Сборник, XVIII в., 79 лл. Содержит „Разговор“ между умным и хвастливым, и др. (№ 1171).

164. „Гистория“ о князе Петре Златые Ключи, XVIII в., 12 лл. (№ 1189).

165. Сборник, XVIII в., 174 лл. (без начала). Содержит произведение в письмах, начинающееся словами: „... к Мехмету енуху, которой в великой Каир сослан, берет участие в его напасти...“, и др. (№ 1232).

166. Хождение Трифона Коробейникова, XVIII в., 51 лл. (без начала). (№ 1248).

167. Стефан Яворский. „Камень веры“, первой половины XVIII в., в лист, 419 лл. (№ 1280).

168. Летопись о событиях в Твери Михаила Тюльпина, 1762—1823 гг., в 4-ку, 50 лл. Дневник тверского купца Тюльпина с 1762 по 1823 г.¹ Особый интерес представляют записи о Твери в 1812 г., о пожарах в Твери (в 1763 г.); много записей о ценах на продукты, о разных городских событиях, о погоде и др. (№ 1135).

169. Цветник лицевой, конца XVIII—начала XIX в., в лист, 280 лл., полуустав. Повести из Пролога, Патерика, „Зерцала Великого“ и др. В рукописи 186 больших и 18 малых миниатюр в красках, нарисованных с большим мастерством. (№ 1191).

170. Зерцало житейского обхождения, XVIII в., 4 лл. (№ 1372).

¹ Опубликован частично. См.: Летопись о событиях в г. Твери тверского купца Михаила Тюльпина (1762—1823 гг.). Приготовил к изданию В. Колосов. Изд. Тверской ученой архивной комиссии, Тверь, 1902.

171. Жизнь и похождение Иякоба Пикартуса, XVIII в., 400 стр., в 8-ку. „С немецкова на российской переведена А. Б. Том второй. В Лифляндии. 1756 г.“. Запись: „Из библиотеки Андрея Болотова“. (№ 1362).

172. Сборник, XVIII в., 36 лл. Содержание: 1) „Юности честное зеркало“; 2) Псалмы (№ 1373).

173. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, 106 лл. Содержит анекдоты, басни, повести из греческих и римских писателей. (№ 1397).

174. Житие остроумного Есопа, XVIII в., лубочное издание, 14 лл. (№ 1546).

175. Сборник, XVIII в., 252 лл. Содержание: 1) „Страсти Христовы“; 2) О царе Аггее; 3) Сказание о сивиллах; 4) Плач Адама; 5) Повесть о Варлааме и Иоасафе; 6) статьи из „Великого Зеркала“, Космографии и др. (№ 1389).

176. Александрия, XVIII в., 94 лл. (№ 1587; см. еще списки № 689, без начала и конца, и № 1428, без начала).

177. Сборник, второй половины XVIII в., 145 лл. Содержание: 1) „Юности честное зеркало“ (с печатного издания 1745 г.); 2) „Камень веры“ Стефана Яворского (отрывок); 3) Люцидарий (отрывок); 4) Свиток Иерусалимский; 5) Сон богородицы; 6) Сказание об Акире; 7) Повесть о двенадцати снах царя Ириней; 8) Притчи (14 коротких рифмованных рассказов); 9) „История о разговорах между двумя товарищью, ис которых один любил вино, а другой не любил пить“; 10) Повесть о Ерше (начала и конца нет); 11) „Из книги географския Филиппа Феррария“. (№ 1589).

178. Повесть о Гедоне милорде и маркграфине Марцымиризе, XVIII в., 105 лл. (№ 1430).

179. Путешествие старца Леонтия в 1701—1703 гг. в Иерусалим, конца XVIII в.; начала нет, но впереди рукописи оставлено несколько чистых листов. (№ 1468).

180. „Зерцало Великое“, середины XVIII в., в лист, VIII + 530 лл., скоропись, 845 глав (повестей). Списана с печатного польского издания 1691 г. (№ 1511).

181. Похождения фон-Пальмерина и Тамиры, кн. 3-я, XVIII в., 114 стр. (№ 1512).

182. Зрелище естественное, XVIII в., 125 стр., список с печатного издания 1748 г. (№ 1525).

183. Эмблемат духовный, XVIII в., лубочное издание, 42 гравюры с текстом. (№ 1539).

184. Сборник, XVIII в., 53 лл. Содержание: 1) Из Люцидария; 2) Прение воина со смертью; 3) Повесть о царице и львице. (№ 1541).

185. Феофан Прокопович. Сочинения, XVIII в., 249 лл., без начала и конца. (№ 1549).

186. Повесть о взятии Азова, XVIII в., без начала. (№ 1598).

187. Сборник (альбом) песен, XVIII в., в 4-ку, 196 лл. Нумерация песен с № 74 по № 292. (№ 1134).

188. Журнал путешествия Петра I, XVIII в., 43 лл. (№ 1600).

189. Сборник, XVIII в., 70 лл. Содержание: 1) Калязинская челобитная; 2) Повести из „Зеркала Великого“; 3) Повесть о царице и львице; 4) Краткое изъявление о крузе земном. (№ 1601).

190. Разговоры короля шведского, ч. II, XVIII в., 87 лл. (№ 1603).

191. Оракул сего века, у котораго государи совета спрашивают, XVIII в., 35 лл. (№ 1606).

192. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., 525 л., в 8-ку. Содержит песни, анекдоты, пословицы и другие произведения. (№ 1624).

193. Сборник, XVIII в., 230 л. Тот же почерк, что и в рукописи № 1624. Содержит: выписки из „Письмовника“ Курганова и др. (№ 1626).

194. Сборник, XVIII в., 104 л. Содержит „Соборное деяние на армянина на мниха Мартина“ и др. (№ 1057).

195. Масон без маски, XVIII в., 72 л., список с печатного издания 1784 г. (№ 1349; то же с пометой „Печатано в Лондоне“ № 1636; в конце второй рукописи 19 масонских песен).

196. Выписки из лечебника, XVIII в. (около 1783 г.), 15 л. Сведения о травах, рецепты от разных болезней. (№ 1658).

197. Сборник масонских песен, XVIII в., 102 л., без начала. Содержит 45 песен. (№ 1352; такой же сборник, 34 л., — № 1596).

198. Сборник, XVIII в., в 8-ку, 52 л. Писан Диомидом Кармановым. Содержание: 1) Выписи из книги „Краткие разговоры о разных до наук касающихся вещах“ (см. № 152); 2) Исторические известия ис Курция о Александре Македонском; 3) Об огне и свете (статья Литкена из „Ежемесячных сочинений“ 1755 г., октябрь). (№ 751).

199. Люцидарий, 1782 г., 100 л., полуустав. (№ 776; см. еще №№ 789, 716, 1277).

200. Сборники повестей Межевских. Сборник I, второй четверти XVIII в., 58 л. Содержание: 1) Об Акире Премудром (без начала); 2) „Слово, како в службе святых литургии священника, раздвоена мыслью, демон облич“; 3) Повесть об Илье Муромце и Соловье разбойнике; 4) О некоторых двух купцах; 5) Об Аполлоне Тирском (без конца). Запись: „Сия тетрать Ростовского уезду Петровского монастыря подъячего Петра Федорова сына Межевского“. (№ 911). Сборник II, второй четверти XVIII в., III + 64 л. Содержание: 1) История о российском матросе Василии Кириацком; 2) Сказание о Александре и Лодвике и о Сидоне (без начала). Записи: 1) „Истории Ростовского Петровского, что на поле, монастыря подъяческого сына Ивана Петрова сына Межевскаго“; 2) „Сия тетрать Ростовского Петровского монастыря подъяческого сына Ивана Межевскаго. Подписал 1756 году ноября 15 дня“; 3) на л. 59 об. помета: „738-го году сия тетрать писана“. (№ 852). Сборник III, второй половины XVIII в., 230 л. Содержание: 1) Повесть о Палиндиионе и Милитине; 2) История о Евдоне и Берфе; 3) Повесть о Василии Златовласом и Полиместре; 4) Повесть о купце, купившем мертвое тело. Запись: „Сия книга Ростовскаго Петровскаго монастыря служительскаго сына Андрея Иванова сына Межевскаго, подписал своеручно“. (№ 779).

201. Руководство к познанию нотного пения, XVIII в., 83 л. печатного издания 1777 г. в Смоленске. Запись, сохранившаяся частично: „Сие грамматика архимандрита... Грузинцкогo для церковних музикан для приношение... Богу...“. (№ 553).

202. Грамматика мусикийскаго Николая Диледкогo, XVIII в., в лист, 175 л. Запись: „Из книг Тверской семинарской библиотеки, 14 июля 1777 года. Арсений“ (автограф тверского архиепископа Арсения). (№ 651; см. также № 651a).

¹ Опубликована, см.: И. Ф. Голубев. Повесть об Илье Муромце и Соловье разбойнике. Сб. „Славянский фольклор“, изд. Инст. этнографии АН СССР, М., 1952.

² Опубликована, см.: Г. Н. Моисеева. История о российском матросе Василии Кириацком. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 358—389.

203. Журналы Тверской провинциальной канцелярии за сентябрь—декабрь 1765 г., в лист, 411 лл. (№ 1032).

204. Синодики (записи с XVIII в.) Капшина монастыря. (№ 459), Осташковского Житенного монастыря (в записях упоминается род Магницких, № 1356), Зубцовского Спас-Преображенского монастыря (№ 502), церкви села Вязовца (начат в 1767 г., № 1615), церкви архангела Михаила (первой четверти XVIII в., № 997).

205. Поморские ответы, XVIII в., в лист, 187 лл. (№ 1509; см. еще № 921—1723 г.).

206. Житие Зосимы и Савватия соловецких, первой половины XVIII в., 212 лл. (№ 1268).

207. Житие князя Михаила и епископа Арсения тверских, первой четверти XVIII в., полуустан. (№№ 1299, 1307).

208. Житие Арсения тверского, 1720 г., 203 лл. (№ 1298; см. также № 1366—житие начала XVIII в., 324 лл., полуустан).

209. Сборник, XVIII в., 286 лл. Содержание: 1) Индекс о книгах истинных и ложных, отреченных; 2) „Страсти Христовы“; 3) Из Пролога, (№ 358).

210. Сборник произведений ректора Тверской духовной семинарии архиепископа Макария, XVIII в., 201 лл. В числе произведений и житие князя Михаила Тверского. (№ 1162).

211. Сборник, XVIII в., 140 лл. В содержание входит Летописец Соловецкий, кончающийся 1778 г. (№ 560).

212. Сборник, XVIII в., 10 лл. Содержание: 1) Хождение богородицы по мукам; 2) О 12 пятницах; 3) Свиток Иерусалимский. (№ 1292).

Рукописи XIX—XX веков

213. Рассуждение о упадке курса и способах к возвышению онаго, 20-х годов XIX в. Сочинение Петра Оболянинова, 1793 г. (№ 468).

214. Статистическое описание России, XIX в., 60 лл. В рукописи ссылка на „последнюю 7-ю ревизию“ 1816 г. (№ 603).

215. Рассуждение об изтлении и сожжении всех вещей, 37 лл. Рукопись писана в 20-х годах (не ранее 1821 г.) XIX в. (№ 870).

216. Радищев А. Н. Путешествие из С.-Петербурга в Москву 1790 г., книга третья, первой четверти XIX в., в 4-ку, 114 лл. (№ 1131).

217. Исторические сведения о Кокшенге, выбрано из Российских печатных летописцев и избранных старинных бумаг, 1822 г., 4 лл. Запись: „Писал в Верховажеском посаде 1822-го года марта 17 дня Матвей Николаев Мясников“. (№ 467).

218. Писцовая книга г. Твери 1625—1626 гг., конца XIX—начала XX в., 134 лл. Рукопись писана со списка 1681 г. (№ 867).

219. Российская история, 1800 г., 72 лл. (№ 1203).

220. Переписные книги гг. Ржева и Зубцова с их уездами, 1891 г., 171 лл. Списки с подлинных переписных книг 1646 и 1678 гг. (№ 1450).

221. Белюстин И. С., священник. „Старина“, сборник документов, 1850—1856 гг., 34 лл. Содержит списки с грамот в Городец Михаила Федоровича (1614—1615 гг.), Алексея Михайловича (1669 г.), выписки из Сотной книги (1626 г.) и др. (№ 1470).

222. Статистические и этнографические сведения о карелах, обитающих в Тверской губернии, Вышневолоцком уезде, в селе Спасоклинье,

1850 г., 66 л. Сведения были составлены священником Ф. М. Виноградским в 1850 г. по заданию Русского Географического общества. (№ 1561).

223. Самаринская опись г. Углича 1674 г., 1805 г., 176 л. (№ 1594).

224. Летописец Соловецкий, 1805—1807 гг., 47 л. (№ 783).

225. Записки капитана Маржерета о Московском государстве, XIX в., в 4-ку, 5 л. + 180 стр. Писано на французском языке с печатного французского издания 1669 г. (№ 1130).

226. Путешествие в Европе, Азии и Африке, около 1862 г., 209 стр. Содержание: записки мещанина бывш. города Корчевы Тверской губ. Захара Клокова о его путешествиях по „святым местам“ России, Палестины, Египта, Афона в 1854—1862 гг. Интерес представляют небольшие записки о Крымской войне и обороне Севастополя, свидетелем и участником которых Клоков сделался. (№ 1582).

227. Дневник неизвестного помещика, XIX в., 50 л. Содержит хозяйственные и другие записки с 1786 по 1827 г. (№ 1613).

228. Дневник неизвестного сельского священника Тверского уезда, XIX в., 63 л. Содержит записки о служебных, хозяйственных, семейных, бытовых делах и др. с декабря 1832 г. по декабрь 1834 г. Упомянуты села: Стоянцево, Кушалино, Григорьево и др. (№ 1629).

229. Книга сборов подушных денег с мещан г. Калязина с 6 ноября 1829 г. по 9 июня 1832 г., 50 л. (№ 1664).

230. Журналы Калязинской градской думы, XIX в., 68 л. Записки с 1 августа по 30 августа 1845 г. (№ 1666).

231. П. Орнатов. Словарь мордовско-русский наречия мордвы-мокши, XIX в., 64 л. (№ 1577).

232. Сборник, XIX в., 15 л. Содержание: 1) Сон богородицы; 2) Плач богородицы у креста, и др. (№ 478).

233. Сборник, XIX в., 30 л. Содержание: 1) О 12 пятницах; 2) Сон богородицы, и др. (№ 507).

234. Сборник, XIX в., 62 л. Содержание: 1) О 12 пятницах; 2) Сказание Иеронима об Иуде предателе, и др. (№ 517).

235. „Зерцало Великое“, 1831 г., в 8-ку, 274 л. Запись: „1831 года писал Петр“. (№ 596).

236. Похвала Екатерине Великой, сочинил сенатор Захаров, 1804 г., список с печатного издания 1802 г. (№ 1165).

237. Сборник, XIX в., 25 л. Содержание: 1) Сон богородицы; 2) Свиток Иерусалимский; 3) О 12 пятницах; 4) О десяти ангелах. (№ 891).

238. История о российском матросе Василии Крицком, 40-е годы XIX в., 52 л. Список с небольшими стилистическими изменениями (а также с изменением фамилии матроса Василия с „Кириацкий“ на „Крицкий“) с рукописи сборника Межевских № 852. В рукописи помета, что тетрадь принадлежит Елизавете Межевской. (№ 849).

239. Сборник, XIX в., в 4-ку, 80 л. Содержание: 1) Список „Горя от ума“, 1833 г. (лл. 1—55); 2) „Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шуте при дворе Петра Великого“ (лл. 56—80). (№ 1132).

240. „Опричник“, трагедия в 5 действиях. Сочинение г-на Лажечникова, 1844 г., 134 стр. Записки почерком Лажечникова: 1) „Писана в начале 1844 года“; 2) „Эта трагедия писана собственною рукою Василия Николаевича Попова, возлюбленного моего приятеля, умершего несчастною смертью от потопления в Тьмаке при ея разливе 14 апреля

1844 года. Вот незабвенный для меня памятник о друзьях Поповых!“ (на стр. 132). (№ 731).

241. „Любовь россиян к отечеству, или Осада города Смоленска“, XIX в., 57 лл. В рукописи имеются поправки, сделанные рукою поэта Ф. Н. Глинки. (№ 953).

242. „Елена, или Она замужем“, водевиль в 1 действии, XIX в., 72 лл. В рукописи режиссерские пометы карандашом. Против списка действующих лиц помечено: Щепкин, Орлова, Самарин, Шумский, Стрельская. (№ 1088).

243. „Жених по жеребью“, комедия в 1 действии, XIX в., 21 лл. Помета: „1839 г.“. (№ 1353).

244. „Молодость Генриха 5-го“, комедия в 3 действиях Алексея Дюваля. Переведена с французского г-ном Вальберхом“, около 1817 г., 64 лл. (№ 1605).

245. Сборник, XIX в., 131 лл. Содержание: стихи на смерть князя Потемкина Таврического, „сочинял Михайло Цветков“ и др. (№ 524).

246. Сборник, 1823 г., 60 лл. Содержание: 1) Анекдот о Петре Великом; 2) Повесть о Савве Грудцыне; 3) История о „пленении“ Царяграда; 4) Молитвы и стихи Иоасафа царевича. (№ 623).

247. Сборник, XIX в., 54 лл. Содержит стихотворения Пушкина, Баратынского, Языкова, кн. Вяземского, Рыльева, Дельвига и др. (№ 894).

248. Сборник, XIX в., 75 лл. Содержит оды, гимны, песни, эпиграммы и др. (№ 897).

249. Сборник, XIX в., 293 л. Содержание: 1) оды, песни, загадки, дневниковые записи о погоде (1821 г. и др.); 2) „Отгадай — не скажу, или Новейшее собрание забавных и весьма любопытных загадок с отгатками...“; 3) Песенка на купание; 4) Рецепты от болезней, выписки из книги „Сельский эконоом“. Запись: „Сия тетрадь принадлежит Тверской семинарии реторике ученику Тимофею Соколову 1817-го года Маиа 23 числа“. (№ 1021).

250. Сборник, XIX в., 122 л. Запись песни о Кострюке Матрьюке, различные записи дневникового характера 1838—1839 гг. Рукопись писана, как кажется, рукою А. П. Глинки (жены Ф. Н. Глинки). (№ 1063).

251. Д. Коптев. XII жемчужин, 1843 г., 10 лл. Содержит 12 стихотворений-переводов из восточных поэтов — Низами, Гафиза, Варруха и др. (№ 1071).

252. Сборник, XIX в., 100 лл. Содержание: 1) Повести о царе Аггее, о Федоре купце, о трех друзьях; 2) Жития из Пролога; 3) Слова Иоанна Златоустого. Запись (почерком рукописи): „Сия книга вышневолоцкого купецкого сына Степана Кононова Проскуракова, подписана марта 9-го дня 1801 года“. (№ 1604).

253. Сборник, не ранее 1810 г., 43 лл. Содержит стихотворения, песни, басни русских и французских писателей конца XVIII—начала XIX в. Из русских поэтов упоминаются В. Пушкин, Иван Колокольников, Анна Волкова, И. Дмитриев, А. Сумароков, М. Херасков, Г. Хемницер, Я. Княжнин, К. Шаликов и др., из французских — Флориан и др. (№ 1630).

254. Сборник, не ранее 1826 г., 70 лл. Стихи, песни и басни из Дмитриева, Державина, Мерзлякова, Жуковского, Крылова и др. (№ 1136).

255. Сборник, XIX в., 133 лл. Стихи на русском, французском, немецком, итальянском языках: А. Шенье, Буало, Гофмана, Шиллера, Жуковского, Пушкина и др. Писан разными руками в первую половину XIX в. (№ 1314).

256. Сборник, 1833—1840 гг., 140+138 стр. Стихи без указания авторов. Под некоторыми стихотворениями инициалы „И. Б.“. (№ 1375).

257. Ода „Солдатская жизнь“, начала XIX в., 7 лл. Помета: „Сочиненная в большом городе, в каменных полатах, почтеннейшим человеком, котораго называют солдатом“. Описывается тяжелая солдатская жизнь того времени. Автор, повидимому, из семинаристов. (№ 1599).

258. Собрание стихотворений кашинского помещика В. Н. Постельникова 1865—1896 гг. Связка, содержащая 444 л. разного формата со стихами. (№ 1708).

259. Глинка Ф. Н. Таинственная капля, XIX в., 271 л. (в папке) Текст переписан не рукою Глинки, но с обширными и многочисленными поправками, вставками и т. п., сделанными автором. (№ 1712).

260. Сборник, 1838—1856 гг., 41 л. Содержит сведения по ветеринарии, медицине, хозяйственные записи, чередующиеся со стихотворениями Лермонтова и других поэтов. (№ 1713).

261. Сборник духовных стихов, середины XIX в., в 8-ку, 100 лл., полуустав. Содержит стихи о всемирном потопе, „стих пустынный“, Иоасафа царевича, об Адаме и Еве, об Иосифе Прекрасном и др. (№ 1547).

262. Сборник, XIX в., 220 лл. Содержит выписки из Овидия, Плиния и других латинских авторов параллельно на латинском и русском языках, „стишки из разных сочинителей взятые“, „Зрелище вселенныя, на латинском и российском языках, изданное для народных училищ, 1793 года“. Запись: „Из книг учителя Василия Постникова. Июня 1-го д[ня] 1812 года. Торжок“. Рукопись писана им же. (№ 396).

263. Житие князя Михаила Тверского, XIX в., 194 стр. Запись: „Прошу принять эту книгу почтенную мать Синклитинию в знак памяти от любящей ее Татьяны Бакуиной. Тверь, 7 октября 1847 года“ (№ 782; см. также другой список, 1845 г., № 1285).

264. Подлинник иконописный, 40-х годов XIX в., 358 лл. Запись: „Подлинник, сия книга тверского иконописца Семена Гурьева и Глазковского с 1848 года“. (№ 1368).

265. Святцы, около 1824 г., в 32-ю д. л., 161 л., рукопись орнаментирована, писана мелким поморским полууставом. (№ 1027).

266. Соловецкая челобитная, первой половины XIX в., 185 лл., полуустав. (№ 1381).

267. Повесть о патриархе Никоне, XIX в., в 4-ку, 40 лл., скоропись, старообрядческое сочинение. (№ 927).

268. „Нечто из жизни училища“, 1893—1916 гг. (без конца). Дневник бывш. законоучителя Старицкого духовного училища за время с 1893 по 1916 г. Автор сообщает некоторые эпизоды из быта училища, взаимоотношений преподавателей между собой и между ними и учениками, показывает положение учеников и т. д. (№ 1442).

Кроме отмеченных рукописей, в Областном архиве хранится большое количество церковно-богослужебных рукописных книг: евангелия, апостолы всех видов, минеи и др. Из них несомненный палеографический интерес имеют: 1) Четвероевангелие, XV в., в 4-ку, 203 л., полуустав, писанное в Западной Руси (№ 980); 2) Евангелие толковое, XVI в., в лист, 361 л., дар патриарха Никона в Тверской Федоровский монастырь (№ 1025); 3) Сборник слов на двенадесятые праздники, первой половины XVI в., в 4-ку, 349 лл., полуустав; рукопись богато орнаментирована прекрасно выполненными миниатюрами (изображения двенадесятых праздников), заставками и инициалами балканского стиля (№ 1028).

Коллекция Калининского областного краеведческого музея

В коллекции Калининского областного краеведческого музея имеется 55 рукописных книг. Из них 25 ранее принадлежали Тверскому музею. 17 рукописей поступили сюда после Великой Октябрьской социалистической революции из библиотеки Тверской духовной семинарии, из кафедральной библиотеки тверского епископа и из ризницы Спас-Преображенского собора. 13 рукописей были получены из бывш. Николо-Малицкого монастыря (под г. Тверью).

Следующие рукописи бывш. Тверского музея, описанные М. Н. Сперанским, хранятся в настоящее время в Областном краеведческом музее:¹ „Описание“, вып. I, всего 14 рукописей: № 23 (3098) — Житие князя Михаила Тверского (№ 1853); № 34 (3000) — Ирмологий нотный (№ 1854); № 56 (3148) — Книга степенная (№ 1855); № 59 (3191) — Лечебник „Прохладный вертоград“ (№ 1856); № 68 (3468) — Люцидарий (№ 1858); № 79 (3051) — Номоканон, выписки (№ 1857); № 110 (3062) — Поучения Аввы Дорофея (№ 1859); № 123 (3076) — Сборник (№ 1860); № 128 (3143) — Сборник (№ 1861); № 158 (3212) — Сборник раскольничий (№ 1862); № 199 (3067) — Творения Дионисия Ареопита (№ 1881); № 201 (3053) — Толкования Феофилакта (№ 1863); № 214 (3469) — Хиромантия (№ 1873); № 217 (3113) — Хронограф (№ 1906);

„Описание“, вып. II, всего 4 рукописи: № 268/442 (4547) — Сборник (№ 1876); № 280/522 (4786) — Сборник (№ 1877); № 285/608 (5024) — Повесть о Басарге (№ 1872); № 306/592 (4983) — История Азова (№ 1867).

Сообщаем сведения об остальных 7 рукописях из коллекции бывш. Тверского музея, также находящихся в Областном краеведческом музее.

1. Выписи из Бежецких писцовых книг 1583 г. по Удомельской волости, 292 лл. (№ 1882). Тверской музей, № 237/351.

2. Прохладный вертоград, второй половины XVIII в., 142 лл. (№ 1865). Тверской музей, № 449 (4555).

3. О церкви в Стародубской епархии (№ 1864). Тверской музей, № 461 (4574).

4. Сборник, первой половины XIX в., 124 лл. Содержание: 1) Повесть о зачатии Тверского Отроча монастыря; 2) Житие Петра и Февронии муромских; 3) Повести из „Зерцала Великого“, и др. (№ 1866). Тверской музей, № 466.

5. Сборник, последней четверти XVIII в., 54 лл. Содержание: 1) Повесть о Брунцвике; 2) Житие Иоанна Кушника, и др. (№ 1874). Тверской музей, № 491 (4643).

6. „Ядро Российской истории“ А. М. Манкиева, 1760 г., 240 лл. Запись: „Окончена сия книга писанием декабря 26 дня 1760 года в Москве“ (№ 1875). Тверской музей, № 501 (4655).

7. Добродетельная сицилианка, или Приключения маркизы Альбелло, второй половины XVIII в., 181 лл. (№ 1868). Тверской музей, № 529 (4796).

¹ Номера перед названием рукописей даны по „Описанию“ Сперанского, номер в скобках после названия здесь и далее означает инвентарный номер Калининского областного краеведческого музея.

Рукописи бывш. Николо-Малицкого монастыря

1. „Палата царского красноречия“ братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, 1702 г., 189 л., на греческом языке (№ 1891).

2. Учебные записки по риторике, пиитике, философии, богословию учеников Тверской духовной семинарии, всего 9 рукописей, с текстами на русском, латинском и греческом языках. Все писаны во второй половине XVIII в. Содержат оды, канты, слова, поучения и др., частью оригинальные. Укажем на рукопись № 1890, в которой, кроме упомянутого выше содержания, еще приводится: „Вопль купецких и разночинческих малолетних детей“, обращенный к тверскому архиепископу Платону о введении преподавания в училищах не на латинском, а на русском языке, а также о преподавании физики и натуральной истории. Номера других восьми рукописей: 1887, 1888, 1889, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898.

3. Риторика, две рукописи второй половины XVIII в., обе на латинском языке. (№№ 1899, 1900).

Рукописи других собраний

1. Четвероевангелие, 1417 г., в лист, 381 л., устав. Послесловие: „Сие евангелие списано бысть в богоспасаемом и преславном граде Тфери... при великом князе Иване Михайловиче (княжил с 1399 по 1425 г., — *И. Г.*) ... написася рукою дьяка Илии в лето 6925, индикта 10, месяца мая в 7 день“. В начале евангелий простенькие заставки, нарисованные недостаточно искусно: по синему фону ветви растений (краски — золотая, зеленая, красная). Запись: „Смиренный Арсений, архиепископом тверский и кашиньский и преж архангельский, гречанин, дал сие евангелие в дом великого архистратига Михаила“. Рукопись до 1926 г. находилась в ризнице Тверского Спас-Преображенского собора (№ 1893).

2. Житие Ефрема новоторжского, конца XVII—начала XVIII в. (не ранее 1691 г.), 118 л. (№ 1879).

3. Арифметика Магницкаго, середины XVIII в. (часть), 136 л. (№ 1892).

4. Житие Петра Великаго, середины XVIII в., в лист, 205 л. Список с итальянского издания 1737 г. (в Венеции), переведенного в 1744 г. Стефаном Писаревым (№ 1904).

5. Карманов Диомид, второй половины XVIII в. (Записки по истории г. Твери). 40 л. (без начала и конца). Автограф (№ 1905).

6. Учебные рукописи: 1) Поэтика, 1753 г., на латинском языке (№ 1871); 2) Риторика, 1745 г., на латинском языке (№ 1903); 3) Выписки по риторике на русском, латинском и греческом языках (№ 1902).

Кроме рукописных книг, в Калининском областном краеведческом музее имеется собрание грамот и актов XVII—XIX вв. Это — жалованные грамоты, купчие крепости, отпускные на волю, отпускные в замужество крепостных крестьянок, закладные, меновые, сговорные, рядные, разные записи, челобитные по тяжбам о земле между помещиками, об отказе недвижимого имущества, определения земских судов, выписки из писцовых, переписных, межевых книг, квитанции (отписи) и др. Всего хранится около 500 документов. Самым ранним документом является „Жилая кабала“ 1617 г.

Коллекция библиотеки Калининского Гос. педагогического института им. М. И. Калинина

Коллекция библиотеки Калининского педагогического института небольшая, в ней всего 23 рукописи. Однако некоторые из ее рукописей представляют определенную научную ценность. Отметим следующие рукописные книги.¹

1. Аввакум протопоп, XVIII в., в 8-ку, 145 л., крупная скоропись. (№ 2).

2. Сборник старообрядческий, второй половины XVIII в., в 8-ку, 292 л., полуустав. Содержание: выписки из Кормчей, Службника, Пролога, Маргарита, Катихизиса большого, „Зерцала Великого“, статьи об антихристе, втором пришествии и др. Внимания заслуживают статьи:

1) „Из Гранографа. Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Махмете, како хотел сожещи книги греческия“;

2) Выписки из жития протопопо Аввакума против „Никоновской ереси“ (без начала и конца);

3) Свиток Иерусалимский;

4) Соловецкая челобитная. (№ 3).

3. Две сшитые вместе тетради, XVIII в.: 1) Краткий летописец [о] начале Новгородского Софийского собора, XVIII в., 8 л. (№ 8);

2) Служба Марону, XVIII в. (№ 9).

4. Лечебник, конца XVIII в., 528 стр., на латинском языке. (№ 10).

5. Риторика, начала XIX в. (не ранее 1802 г.), 117 л., на латинском языке. В конце рукописи имеется „Древняя русская история“ на русском языке. (№ 11).

6. Морозов П. О. Статистические сведения по Новоторжскому уезду, книги II (№ 14) и III (№ 15). Обе книги писаны в 1872 г.

7. Байрон. Невеста Абидосская. Перевод Ивана Козлова, второй четверти XIX в., 66 стр. (№ 16).

8. Козлов Иван. „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“, второй четверти XIX в. (№ 17).

9. Сборник стихотворений и отрывков прозы, на русском и французском языках, 60-х годов XIX в., 256 стр. Содержит произведения Рылева, Пушкина, Огарева, Герцена, Бальзака, Лемуаня, Е. Сю и др. (№ 18).

10. Стахович Михаил. „Летняя сцена“ (из русского быта), конца XIX в., 53 стр. (№ 19).

11. Сухонин П. „Русская свадьба в исходе 16-го века“, в 3 действиях, конца XIX в. (№ 20).

12. Посиделки. Дивертисмент с хорами, играми, пением, святочным гаданием, плясками, 29 стр., автограф Глинки А. П. [?] (№ 21).

13. Степанов Анатолий. „Тряпишные ромашки“ (стихотворения), 1923 г., 17 стр. (№ 22).

Рукописи под №№ 1, 3 принадлежали ранее Тверскому музею, о чем свидетельствуют пометы на них.

В библиотеке Пединститута, кроме того, имеется свыше 300 документов XVII—XIX вв., грамот и актов, частью в столбцах.

¹ В скобках указывается библиотечный номер рукописи.

Сказание о премудром бражнике¹

Бысть некий человек именем бражник, безпрестани пиюще по вся дни живота своего и не имея праздников господских. А за всяким ковшем господа бога прославлял и никакова дни не пропустил. И повеле господь бражникову душу от тела его взяти и посла ангела своего разлучити душу его от тела. И взя ангел бражникову душу и постави ю у врат раю небесного, идеже праведнии водворяются, а сам ангел пошел.

Бражник же у врат раю нача толка[л. 388]тися. И прииде ко вратом раю Петр, верховный апостол, и рече: „Кто у врат раю толкается?“. Бражник же рече: „Аз есмь бражник, хошу с вами в раю быти“. Отвещав же Петр апостол: „Здесь бражником не входимо. Бражником и корчемником уготована мука вечная“. Бражник же рече: „А ты, господине, кто еси? Глас твой слышу, а имени тебе не вем“. Петр же рече: „Аз есмь Петр, верховный апостол. Господь бог дал мне ключ царствия небесного, а бражником в рай не входимо“. Бражник же рече: „Господине Петре, а ты за что в раю? За то тебе господь дал ключ, что ты при распятии господни Христа трижды отрекся? Аще бы тебе не слезы помогли, и ты сам в раю не был. А меня ты, православного христианина, в рай непустишь. Аз есмь бражник, пиюще всегда рано и поздно и не имея праздников господских, а за всяким ковшем господа бога прославлял, а не отрекся Христа“. Петр же подивися тому ответу мудрому и отиде проч посрамлен.

Бражник же еще нача у врат раю толкаться. И прииде [л. 388 об.] ко вратом раю Павел, верховный апостол, и рече: „Кто у врат раю толкается?“. Бражник же рече: „Аз есмь бражник, хошу с вами в раю быти“. Павел же рече: „Здесь бражником не входимо. Бражником и корчемником уготована мука вечная“. Бражник же рече: „А ты, господине, кто еси? Глас твой слышу, а имени тебе не вем“. Павел же рече: „Аз есмь Павел, верховный апостол, мирскую землю в крещение ввел“. Бражник же рече: „Господине Павел, помнишь ли ты, когда тебе господь дал учить верующих во Христа, а ты Стефана первоученика и первозванного побил камением? И ты, господине, за что меня в рай непустишь? Аз есмь бражник, пиюще всегда рано и поздно и не имея праздников господских, а за всяким ковшем господа бога прославлял, а камением никого не побил до смерти“. Павел же подивися тому ево мудрому ответу и отиде проч посрамлен.

Бражник же еще нача у врат раю толкаться. И прииде ко вратом раю царь Давид и рече: „Кто у врат раю толкается?“. Бражник же рече: „Аз есмь бражник, [л. 389] хошу с вами в раю быти“. Царь же Давид рече: „Отче, не трудися, и ты б себе богу молился, уготовал бы себе царство небесное, а то себе уготовал муку вечную, и ты, господине человече, отиде прочь, не томися“. Бражник же рече: „А ты, господине, кто еси? Глас твой слышу, а имени тебе не вем“. Царь же Давид рече: „Аз есмь царь Давид“. Бражник же рече: „Господине царь Давид, помнишь ли ты, когда слугу своего Урия послал на службу и

¹ Печатается по рукописи третьей четверти XVII в. Калининского областного архива, № 916. Настоящий список является одним из старших из известных текстов „Сказания“ и одним из лучших по исправности, чем и оправдывается его опубликование. Текст передается по упрощенной орфографии, но с сохранением фонетических особенностей.

велел его убить, а жену его к себе взял на ложа свою? Да о чем ты в раю? А меня ты, православного христианина, в рай непустишь? Аз есмь бражник, пьюще всегда рано и поздно и не имея праздников господских, а во пиянстве людей никого не бивал и жен их к себе на постелю не имал, а и то первая прелюбодейца твоя в раю". Царь же Давид подивися тому ево мудрому ответу и отиде прочь посрамлен.

Бражник же еще нача у врат раю толкаться. И прииде ко вратом раю царь Соломон и рече: „Кто у врат раю [л. 389 об.] толкается?". Бражник же рече: „Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти". Царь же Соломон рече: „Отиди прочь, не томися. Бражником в рай не входимо. Бражником уготована мука вечная. Аще кто не сотворил воли божи, и тому в рай не входимо". Бражник же рече: „А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени тебе не вем". Царь же Соломон рече: „Аз есмь царь Соломон". Бражник же рече: „Господине царь Соломон, помниши ли ты, как тебя господь бог изо уст адовых вывел? Аще бы тебе не одно слово помогло, и ты и сам в раю не был, что ты рек: «Господи боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди нищих своих до конца». Тем ты словом изо уст адовых вышел. Да ты жены своей послушал, идолам поклонился. Аз есмь бражник, пьюще всегда рано и поздно и не имея праздников господских, а за всяким ковшем господа бога прославляя, а опрочь я господа никому не поклонился". Царь же Соломон подивися тому ево мудрому ответу и отиде [л. 390] прочь посрамлен.

Бражник же еще нача у врат раю толкаться. И прииде ко вратом раю святыи отец Николае и рече: „Кто у врат раю толкается?". Бражник же рече: „Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти". Святыи же отец Николае рече: „Здесь бражником не входимо. Бражником и корчемником уготована мука вечная. И ты б, господине, молился богу и уготовал бы себе царство небесное, а то, господине, ты пил и бражничал да и бога забыл, и за то тебе уготована мука вечная". Бражник же рече: „А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени тебе не вем". Святыи же отец Николае рече: „Аз есмь святыи отец Николае, многие чудеса творю, в бедах и в скорбех скоро помогаю и от напрасныя смерти избавляю". Бражник же рече: „Господине святыи отец Николае, ты многие чудеса творишь, и тебе православные христиане веру держут и каноны творят, и мы, грешныя люди, бражники, от твоих канонов в конец погинули". Святыи [л. 390 об.] же отец Николае подивися тому ево мудрому ответу и отиде прочь посрамлен и не ведеша, что против его слова ответу дати.

Бражник же рече: „Боже милостив, гораздо ты еси людей жаден, что полон рай таких людей напустил, а меня ты, православного христианина, за что в рай непустишь?". Бражник же рече: „Аз есмь бражник, пьюще всегда рано и поздно и не имея праздников господских, а за всяким ковшем тебя, господа, прославляя".

Бражник же еще нача у врат раю толкаться. И прииде ко вратом раю Иоан Богослов и рече: „Кто у врат раю толкается?". Бражник же рече: „Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти". Иоан же Богослов рече: „Аз есмь написал во святом евангели, человеце, аще кто бражник, и тот не наследит царствия небесного. Аще кто к богу подвижен, тот и наследит царство небесное. И ты, господине и человеце, не пил и молился богу и уготовал бы себе царство небесное, а то уготована тебе мука вечная. Отиди, [л. 391] человеце, прочь, не томися. Бражником здесь не входимо в рай". Бражник же рече: „А ты, господине, кто еси? Глас твой слышу, а имени тебе не вем". Иоан же Бого-

слов рече: „Аз есмь Иоан Богослов, друг Христов, и написал я святое евангелие со апостолом с Лукою и с Маркою во едино слово и во едино божество“. Бражник же рече: „Господине Иоан Богослов, помниши ли ты, когда вас господь послал учить и проповедати и крестити во едино святое крещение, написали вы: «Друг друга любите, а бог всех любит». А бражников ненавидит? Ино то ложь есть. А ты, господине, любиши сам в раю быти, а меня ты, православного христианина, за что в рай не пустиши? И ты, господине Иоан Богослов, либо слова своего отпорися или руки своя отпишися. А Павел апостол написал: «Друг друга любите и друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов». Иоан же Богослов рече: „Господине бражник, слова моего отперетися нельзя, а руки своя отписатися нельзя, [л. 391 об.] и ты, господине, вниди в рай“.

Бражник же вниде в рай и сяде в лучшем месте. И рече ему святыи отец Николае: „Мы, брате, прежде тебя в раю, а тому месту приступца не смеем. А ты, господине, в раю после нас, а занял лучшее место“. Иоан же Богослов рече: „Яко не умеем з бражником зговорити, а не токмо с терезвым, благословенно ему то место во веки веков. Аминь“.

В. В. ЛУКЬЯНОВ

**Рукописные собрания Ярославского областного архива
и Ярославского педагогического института
им. К. Д. Ушинского**

(Краткий обзор)

Собрание Ярославского областного архива

Собрание Ярославского областного архива насчитывает около 700 рукописных книг XIV—XIX веков. Оно создано, как и самый Архив, после Великой Октябрьской социалистической революции. Рукописи поступили из собраний бывшей Ярославской духовной семинарии, монастырей, церквей и помещичьих усадеб области. Частично рукописные книги перешли и из фондов Ярославской ученой архивной комиссии. Некоторое количество рукописей было собрано среди населения.

Собрание Архива представляет значительную ценность не только для историка Ярославской области. Исследователь найдет в нем материалы по различным вопросам русской культуры древней поры и XVIII—XIX веков. Подавляющее большинство рукописей Архива еще не известно ученым. Ярославская ученая архивная комиссия так и не напечатала описания своей коллекции. Из рукописей Ярославской духовной семинарии была описана лишь небольшая часть.

Недавно все собрание библиотеки Архива, не имеющее до сих пор подробного описания, было просмотрено автором настоящей заметки и распределено по содержанию. Рукописи по XVII век включительно, а также лицевые и имеющие литературное и историческое содержание, были выделены особо и на них составлена охранная опись.¹ Книги XVIII—XIX веков служебного и богословского содержания находятся в настоящее время в стадии предварительной обработки, и охранная опись на них еще не составлена. Ниже приводим перечень наиболее интересных рукописей Областного архива.²

Особо должна быть выделена рукопись 1462 года (№ 44), содержащая Киево-Печерский патерик Кассиановской редакции 1460 года, с записью писца на лл. 201 об.—202: „Сия ж книги преж сего написаны быша нарицаемый Патерик печерский, жития и чудеса святых отець, в лето 6968, июня 19... в богоспасаемом граде Киеве, в обители пречистыя богоматере и преподобных отець наших Антониа и Феодосиа в монастыри печерском, при княжении благоверного князя

¹ Экземпляр этой описи имеется в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР. Всего выделено 250 рукописных книг.

² В скобках указывается номер рукописи по архивному собранию.

Семиона Александровича, при архимандрите Печерском Николе, а повелением инока Касиана клирошанина Печерского... Ныне же сия книги написаны быша нарицаемый Патерик в лето 6970... месяца ноябрья в 21 день в богоспасаемом граде Москве в обители великого Вознесения, при княжении благоверного и великого князя Василиа Васильевича, и при сыну его благоверном велико князи Иване Васильевиче и при священном архиепископе Феодосии, а повелением благоверныа и христоролюбивыа княгини и иноки Еупраксии, а рукою многогрешных дудьячишков Григория и Ермолаа, скорости ради дела“.

Эта рукопись осталась неизвестной Д. И. Абрамовичу, издавшему именно данную редакцию Киево-Печерского патерика в 1931 году по другому списку, 1553—1554 г., а в вариантах использовавшему лишь списки конца XV века.¹

Историческая и повествовательная литература: Повесть о приходе богородичной иконы Владимирской в Москву и об избавлении Москвы от нашествия Темир-Аксака, XVI в. (№ 196) и XVII в. (№ 148); Повесть о посаднике Циле, лицевая, XVIII в. (№ 65); Сказание о князьях Владимирских, XVI в. (№ 66); История о нашествии Батыя на русскую землю, 1756 г. (№ 52); Повесть о табаке, лицевая, 1800-е годы (№ 197); Повесть о хмеле и о браге, лицевая, 1800-е годы (№ 197); Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, XVII в. (№ 89); Стоглав, XVII в. (№ 89); Симеон Суздалец. История о Флорентийском соборе, XVIII в. (№ 160); Соловецкая челобитная, 1668 г., XVIII в. (№№ 99 и 110); Семен Денисов. История о взятии и разорении Соловецкого монастыря в 1676 г., XVIII в. (№№ 110 и 114); Василий Наседка. Цветник,² XVIII в. (№ 160); Книга о вере, XVIII в. (№ 68); Лазарь Баранович. Трубы духовные, XVII в. (№ 190); Руно орошенное, XVII в. (№ 127); Иоанний Гиятовский. Небо новое, XVIII в. (№ 184); История о прении в вере с датским принцем Вольдемаром в 1644 и 1645 гг., XVII в. (№ 98); Книга Петра Могилы, XIX в. (№ 4); Соборное изложение патриарха Филарета, XIX в. (№ 86); Патерик печерский, XVII в. (№ 191).

Отметим также: „Летописец вкратце“ — с сотворения мира по царствованию Петра I, 1706 г. (№ 53); „Летописец, списанный с рукописи, имевшейся у графа А. И. Мусина-Пушкина“ (часть 2-я, с главы о славянском языке до царствования Петра I), 1811 г. (№ 165); „Летописец о достопамятствах, бывших в губернском городе Иркутске с 1652 по 1777 год“, XIX в. (№ 187); Хронограф, XVII в. (№ 183); Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в. (№№ 38 и 46); Летописец о епископах и архиепископах и митрополитах Новгородских, с 988 по 1800 г., начала XIX в. (№ 181); Историческое обозрение ссылки в Сибирь на поселение, 1840-е годы (№ 187); А. Катифор. Житие Петра I, XVIII в. (№ 164); копии указов и переписки о находившемся в Нерчинске под стражею Арсени Мадиевиче, 1840-е годы (№ 187); История восстания Пугачева, 1800-е годы (№ 100); Уложение царя Алексея Михайловича, XVII в. (№ 112); Рассуждение о покушении французозов на Россию в 1812 году, 1830-е годы (№ 163); Записки князя Я. П. Шаховского, XIX в. (№ 55) и др.

¹ Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Київ, 1931.

² Начинается с главы „Беседа о грамоте и ее строении“. В рукописи есть следующая запись, скорописью XVIII века: „Книга сия собрание соборного священника Казанской богородицы, что на Красной площади, Василиа прозванием Наседки, который бывал на Печатном Дворе справщиком и в том соборе протопопом. Неции повествуют, что он собирал и Книгу о вере, коя в Москве печатана“.

Из поздних исторических материалов интересны следующие, касающиеся истории русско-китайских отношений и, частично, истории самого Китая: Записки русских миссионеров XVIII в. по истории русских поселений в Китае, с современным обзором Китайской империи, 1840-е годы (№ 186); История Российско-Пекинской духовной миссии, 1840-е годы (№ 186); О городе Албазине и о происшедшей со стороны русских и китайцев войны, 1840-е годы (№ 187); Копия с проекта инструкции Александра I графу Головкину от 1805 г. о расширении торговли с Китаем, 1830-е годы (№ 163) и др.

Много в собрании альбомов и сборников стихотворений известных и малоизвестных русских поэтов XVIII и XIX веков. Здесь можно встретить (в нескольких списках) как крупные поэмы Пушкина, Рылеева, Жуковского, Ершова, так и мелкие их стихотворения, а также произведения неизвестных авторов. Встречаются вирши семинаристов, безымянные басни, романсы и песни. Вот далеко не полный перечень номеров этих сборников, относящихся в основном к середине XIX века: №№ 11, 14, 39, 59, 75, 90, 107, 108, 109, 134, 178. В некоторых рукописях (№№ 17, 39, 75, 90, 107, 116, 213) имеются стихи иностранных авторов на французском, английском и немецком языках и переводные произведения.

Разнообразно представлены драматические произведения русских и иностранных писателей. Их несколько десятков названий. В основном рукописи относятся к первой половине XIX века. Большинство их находилось ранее в театральных библиотеках содержателей Ярославского театра Петра Панькова — губернского архитектора и строителя первого каменного театра в Ярославле, и Василия Смирнова.

Материалы по истории Ярославского края, его культуры и быта: „Статистическое описание города Ростова Ярославской губернии и некоторых предметов в уезде оного“, с приложением вида Кремля и плана города, 1843 г. (№ 179); Описание Ярославского Толгского монастыря, 1804 г. (№ 163); Опись большой Архиерейской ризницы в Ростове, 1785 г. (№ 168); Документы по постройке каменной церкви в селе Богородском Даниловского уезда, 1793—1814 гг. (№ 120); Материалы для истории духовных училищ Ярославля, Углича и Ростова XVIII—XIX вв. (№№ 50, 150—157, 170); Синодик церкви Никола Тропинского в Ярославле (лицевой), XVII в. (№ 142); Синодик Николо-Бабаевского монастыря Ярославской губернии, XVII в. (№ 195);¹ Дневник митрополита Арсения (Верецагина) за 1786—1791, 1797—1799 гг., список 1890-х годов (№№ 171—175);² Хозяйственные записи ярославского помещика К. В. Толбухина, 1854—1864 гг. (№ 91);³ Записки о жизни монаха Михаила, 1860-е годы (№ 136); Дневник ярославского священника Алексея Никольского за 1802—1832 гг. (№№ 60 и 214); Путевые записки архиепископа Нила (Исаковича) по Ярославской губернии и по Сибири за 1839—1861 гг. (№№ 29, 31, 207, 208);⁴ Платон, митрополит Московский и Калужский. Путевые записки при

¹ В обоих синодиках выписаны роды ярославских князей, бояр, имена многих служилых людей, жителей города и деревень.

² Копии с оригиналов, хранящихся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

³ Записки Толбухина за 1883—1889 годы находятся в библиотеке Ярославского педагогического института (№ 34).

⁴ Путевые записки по Сибири напечатаны в „Ярославских епархиальных ведомостях“ (1868 и 1871 гг.) и отдельным изданием (Ярославль, 1871 г.).

путешествии в Кострому и Владимир (есть о Ярославле, Ростове и Переяславле), 1830-е годы (№ 163).¹

Из переводной литературы заслуживают внимания следующие произведения: Александрия, 1765 г. (№ 52);² Повесть о семи мудрецах, XVII в. (№ 124); Повесть о Скандербеге Албанском, XVII в. (№ 124); Шесть притчей Эзопа и 121 басня Эзопа, XVII в. (№ 124); Сказание о царе Аггее, XIX в. (№ 125); Лицевые повести об Иосифе Прекрасном и о Петре Мытаре, XVIII в. (№ 65); Сказание о горе Афонской, XVII в. (№ 127); Повесть о 12 снах царя Шахаиши (Мамера), XVIII в. (№ 65); Повесть о Варлааме и Иоасафе, XVI в. (№№ 51³ и 77) и XVIII в. (№ 143); Страсти Христовы, XVIII в. (№№ 3 и 177); Патерик скитский, XVII в. (№№ 27 и 128).

Имеются также целые сборники переводных произведений: Патерик египетский, XVI в. (№ 122) и XVII в. (№ 191); Патерик по алфавиту, XV—XVI вв. (№ 193) и XVII в. (№ 216); „Пчела“, XVIII в. (№№ 2 и 83); „Великое Зерцало“, XVII в. (№ 184); „Римские деяния“, XVII в. (№ 64); „Измарагд“, XVI в. (№ 147), 1607 г. (№ 69); „Златый бисер“, XVII—XVIII вв. (№ 121); „Лавсаик“, XVI в. (№ 169); „Златоуст“, XVII в. (№ 202); „Звезда пресветлая“, XVII в. (№№ 184 и 190).

Следует упомянуть еще группу рукописей, содержащих сочинения на естественно-научные темы, по народной медицине, языкознанию, географии, этнографии, семинарские учебники и т. п. В этом отделе могут быть отмечены следующие рукописи: Космография, XVII в. (№ 43); Журналы путешественников по Якутии, 1849 г. (№ 31); Записки о народонаселении Камчатки, 1840-е годы (№ 187); Землемерие, XVII в. (№ 121); Геометрия, XVIII в. (№ 185); Краткая средняя и новая история, XIX в. (№ 5); Всеобщая новая история, 1810-е годы (№ 215); Греческо-русский словарь, XVII в. (№ 43); переводы греческих, еврейских и арабских слов и выражений, XVII в. (№ 43); Учебник еврейского языка, начала XIX в. (№ 95); Учебник китайского языка (в форме диалогов), 1840-е годы (№ 186); Поваренные книги, 1820-е годы (№№ 133 и 189); „Прохладный вертоград“, XVII—XVIII вв. (№ 204); Лечебник, 1820-е годы (№ 189); Фридрих Питш. Мнение о различных действиях горячего вина в теле человеческого (перевод с немецкого Алексея Константинова), XVIII в. (№ 198); Скотский лечебник, XVIII в. (№ 198); Календарь по Брюсу, XVIII в. (№ 132); Пасхалия зрячая, 1732 г. (№ 88).

Значительное место в собрании занимает русская церковно-историческая литература. Жития: патриарха Никона, XVIII в. (№№ 111 и 162); Макария Желтоводского (с миниатюрами), XVII в. (№ 125) и XVIII в. (№ 3); Леонтия Ростовского, XVI в. (№ 196) и XVIII в. (№ 3); Исаия Ростовского, XVI в. (№ 196); Авраамия Ростовского, XVIII в. (№ 3); Исидора Твердислова Ростовского, XVI в. (№ 196) и XVIII в. (№ 3); Петра, царевича Ордынского, XVI в. (№ 196) и XVIII в. (№ 3); Петра, митрополита Киевского, XVI в. (№ 196); Галактиона Вологодского, XVIII в. (№ 48); Иоанна Новгородского, XVI в. (№ 196); Кирилла Белозерского, XVI в. (№ 71); Артемия Веркольского, XVII в. (№ 148); Стефана Сурожского, XVI в. (№ 196); Филиппа, митрополита Москов-

¹ Напечатаны в журнале „Русский вестник“ (1841, т. 3, стр. 502—522), а также в кн.: Н. М. Снегирев. Жизнь митрополита Платона“. М., 1856, Приложение, стр. 1—26.

² С тремя цветными миниатюрами и автопортретом переписчика книги Семена Ивановича Жулебина.

³ Южно-славянского письма, с заставками из переплетенных ремней.

ского, XVII в. (№ 148); Пафнутия Боровского, XVI в. (№ 196); боярыни Морозовой, 1760-е годы (№ 212).

Сказания о чудесах, памяти и слова: Бориса и Глеба, 1517 г. (№ 70) и XVIII в. (№ 67); Василия Блаженного, XVIII в. (№ 67); Федора Смоленского и Ярославского, 1517 г. (№ 70) и XVI в. (№ 196); Варлаама Новгородского, 1517 г. (№ 70) и XVI в. (№ 196); Федора, Давида и Константина Ярославских, 1517 г. (№ 70); Сергия Радонежского, XVI в. (№ 196), 1666 г. (№ 144); Игнатия Ростовского, Михаила Черниговского и боярина Федора, Димитрия Вологодского, Алексея, митрополита Московского, Никиты Переяславского и Петра, митрополита Московского, XVI в. (№ 196).

Сказания о явлениях икон богородичных: Казанской, XVII в. (№№ 127 и 148) и XVIII в. (№ 67); Смоленской, XVII в. (№№ 127 и 148) и XVIII в. (№ 67); Владимирской, XVIII в. (№ 67); Костромской (Феодоровской), XVII в. (№ 148) и XVIII в. (№ 67); Толгской, XVIII в. (№ 117) и XIX в. (№ 188); Тихвинской, XVII в. (№ 127); Колочской, XVII в. (№№ 127 и 148); Новгородской, XVII в. (№ 148).

На многих книгах имеются пространные записи владельцев с указанием их социального положения, имени, отчества и фамилии, места жительства и пр. (№№ 40, 53, 58, 66, 69, 83, 86, 97, 112, 142), а также приводятся цены на книги (№№ 40, 66, 97, 112, 125, 146). Многие рукописи датированы, и на некоторых указано имя писца (№№ 44, 52, 53, 69, 86, 144); иногда имя писца зашифровано тайнописью (№№ 77, 201, 205, 218). Ряд рукописей XV—XVIII вв. украшен миниатюрами (№№ 123, 192, 209 и др.).

Из культовых рукописей заслуживают внимания (с палеографической точки зрения): Минейя Служебная за сентябрь, второй половины XIV в., на пергамене, с цветной заставкой звериного стиля (№ 1), Минейя Служебная за сентябрь, XV в. (№ 61); Евангелие тетр, XV в. (№ 159); Евангелие апракос, XV—XVI вв. (№ 166); Псалтырь Толковая, с записью писца и с цветными заставками, с золотом, 1645 г. (№ 205); Евангелие тетр, с записью писца и с цветными заставками, 1591 г., в 16-ю д. л. (№ 218).

В отдельном фонде Архива № 582 имеется большое количество рукописных книг, тетрадей и листового материала, поступивших из собрания бывш. Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Всего в нем насчитывается 1800 единиц хранения. В основном это документы по истории Ярославского края и служебные бумаги Комиссии. Но есть здесь рукописи общен исторического и литературного значения. Отметим некоторые.

1. (ф. 582, оп. 2, № 127).¹ К. Калайдович. „Исторические сведения о жизни, ученых трудах и собрании Российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина“, 1820 г., 31 л. Подносной экземпляр жене графа, с автографом Калайдовича. В рукописи описывается история нахождения списка „Слова о полку Игореве“.

2. (ф. 582, оп. 1, № 921). Сказание о Мамаевом побоище, середины XVIII в., 15 лл. На эту же тему есть три лубка XVIII—XIX веков (№№ 875, 920 и 921).

3. (ф. 582, оп. 1, № 522). А. Курбский. История князя Московского и три послания Курбского к Ивану Грозному, последней четверти XVII в., 185 лл.

4. (ф. 582, оп. 1, № 697). Александрия, XVIII в., 140 лл.

¹ В скобках указывается шифр рукописи.

5. (ф. 582, оп. 2, № 198). История о Петре Златых Ключей, XVIII в., 72 л.

6. (ф. 582, оп. 2, № 201). „Наука счастливым быть“ (перевод с немецкого), XVIII в., 90 лл.

7. (ф. 582, оп. 1, № 901). „Разговоры в царствии мертвых между генералом Паткулем и бароном Герцем“ (перевод с немецкого), середины XVIII в., 166 лл.

8. (ф. 582, оп. 1, № 909). „Тетрадь записная Михаила Ярославова“, XVIII в., 20 лл. Содержатся „рецепты“ и „фокусы“, числом 51. Весь текст написан тайнописью.

9. (ф. 582, оп. 1, № 908). Записки неизвестного о путешествии по Западной Европе, 1815 г., около 100 лл.

10. (ф. 582, оп. 1, № 918). Н. Погодин. Записки о путешествии по Западной Европе, 1850-е годы.

11. (ф. 582, оп. 1, № 815). „Просьба в небесную канцелярию экономических крестьян“ и „После обеда была у секретаря беседа с Кузьмичем и Матвейчем“, 1800-е годы, 8 лл.

12. (ф. 582, оп. 1, № 934). „История о Казанском царстве“, последней четверти XVII в., без конца.

13. (ф. 582, оп. 1, № 866). „Панорама Ярославля“, сатира в стихах, 1840-е годы.

В архиве имеется более 100 славяно-русских старопечатных книг, но они до сих пор еще не разобраны и не описаны. Среди них имеются книги печати Ивана Федорова и другие редкие издания.

Собрание Ярославского Гос. педагогического института им. К. Д. Ушинского

В институте рукописи хранятся в библиотеке. Всех рукописных книг 82. Это преимущественно учебники XVIII века по математическим наукам, поэзии и философии. Некоторые из учебников поступили из собрания бывш. Ярославской духовной семинарии (на латинском языке). Большинство же рукописей попало в библиотеку института неизвестно откуда.

Несомненный интерес представляют официальные документы, относящиеся к положению крестьян в Ярославской губернии и к реформе 1861 года. В числе них: „Секретное дело о жестоком обращении с крепостными людьми Любимского помещика А. С. Жибарева“, 1859—1861 гг. в лист, 336 лл. (№ 7); „Дело об устройстве помещичьих крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости“, 1861 г. в лист, 75 лл. (№ 8); „Дела Ярославского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян“, 1858—1860 гг., в лист, 7 тетрадей (№ 5). Интересны также многочисленные рукописные описи (каталоги) XIX—XX веков общественных и частных библиотек города Ярославля (№№ 26, 28, 31, 71—79).

Заслуживают внимания также следующие рукописи.

1. Сборник статей исторического содержания, 1780-х годов, в 4-ку, 198 стр. Состав: П. Н. Крекшин. Повесть о зачатии и о рождении Петра I; Журнал войн и походов, до 1741 г.; „История о пленении Царьграда“. (1/Г-2722).¹

2. А. С. Пушкин. Евгений Онегин, список 1830-х годов. (3/В-3557).

¹ В скобках указан номер рукописей по нашей описи.

3. Наказы жителей Симбирской губернии депутатам Комиссии по составлению проекта нового уложения, 1760-х годов, 404 стр. (подлинники). (9/И-959).

4. Опись Ярославского Спасского монастыря, 1691 г.¹ (№ 17).

5. Протоколы заседаний Ростовской духовной консистории, 1796 г. (№ 18).

6. А. Катифор. Жизнь и дела Петра I, середины XVIII в. (№ 24).

7. А. Д. Кантемир. Сатиры I—V и эпиграммы, XVIII в. (№ 30).

8. Стрыйковский-Осостович, М. Литовская хроника, книги III—XXV, 1819 г., в 4-ку, скоропись, без переплета. На стр. 133 книги XXV имеется запись тем же почерком, каким написаны все остальные книги: „Кончено 17 октября 1819 года, в сельде Игрищах“. (Б-596).

9. Сборник материалов по истории города Ярославля и Ярославской губернии, XVIII—XIX вв., в лист, 176 л., скоропись разных почерков. Переплет — папки в кожаном корешке. Содержание: „Опыт древней истории Ярославля“ Серебрянникова, с приложением кратких очерков истории городов Ростова, Углича, Данилова, Пошехонья и др.

10. Формулярные (послужные) списки служащих Ярославской казенной палаты, 1870-х годов, в лист, 252 л., скоропись. Переплет — папки в кожаном корешке. В числе списков — формулярный список службы управляющего палатой Е. И. Якушкина — сына декабриста И. Д. Якушкина.

11. Сборник описей книг разных общественных и частных библиотек, поступивших в библиотеку Ярославского пединститута, XX в., в лист, около 150 л., скоропись и машинопись, в папке.

12. Архив ярославских помещиков Толбухиных, XVII—XIX вв., около 1000 л., скоропись. Состав: выписки из переписных книг и челобитных конца XVII и начала XVIII в.; патенты и грамоты с 1761 г.; документы на поместья XVIII—XIX вв. (планы и межевые книги, уставные грамоты, купчие, закладные, вводные акты, судебные дела и дела о разделе и т. п.); приказы старостам и письма старост к помещику; тяговые тетради; личные документы (паспорта, свидетельства и пр.); счета из магазинов; каталог книг; выписки из разных книг и пр.

13. Архив краеведа К. М. Дмитриева, XX в. Состав: „Ярославский некрополь“ (картотека умерших ярославцев, около 10 000 карточек), записки Дмитриева по краеведению и выписки из разных книг.

14. Архив профессора Н. Н. Голубева, XX в. Записки Голубева по истории и праву и выписки из разных книг и журналов, в количестве около 3000 л.

Кроме указанных собраний, в Ярославле рукописные книги имеются в Краеведческом областном музее.² В Центральной городской библиотеке имеется одна рукопись: Сборник, 1760-х годов, содержащий Александрю, Хронограф краткой редакции, Журнал войн и походов Петра I, Поучение и наказание младым отрокам и др. Шифр его: № 930-С-42. Других рукописей в библиотеке не обнаружено.

Более подробные данные о рукописях ярославских библиотек находятся в наших описях, переданных этим библиотекам.

¹ Эта опись — старейшая из известных описей Ярославского Спасского монастыря. См.: Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 1913, стр. 19—20.

² См. об этом собрании: В. В. Лукьянов. Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея (краткий обзор). Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 472—478.

В. И. МАЛЫШЕВ

Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея¹

Рукописное собрание Псковского областного краеведческого музея является одним из крупнейших периферийных музейных собраний страны.

Оно возникло в первые послереволюционные годы в результате последовательной концентрации рукописного материала, проводившейся тогда в Пскове. Его основу составили рукописи Археологического музея при местном Археологическом обществе. Позднее к ним были присоединены коллекции рукописей Псковской духовной семинарии, Церковно-археологического комитета, краеведа Н. Ф. Окулич-Казарина, местных собирателей А. С. Хвоинского и генерала А. Н. Куропаткина (арабские и манчжурские рукописи), старообрядцев Д. В. Батова, Викулы Морозова, а также рукописные книги и документальные материалы многих псковских монастырей и церквей.

В настоящее время в собрании насчитывается более 1500 рукописей, в том числе около 1000 документов.

Самую большую и ценную часть собрания составляют разнообразные документальные материалы по истории Пскова и Псковской области, начиная с древнейших времен и кончая XX веком. Здесь имеются широко известные знаменитые псковские приходно-расходные книги XVII века — первоклассный источник сведений о псковском хозяйстве того времени (№№ 293—299, 301 и 306 за 1647—1669 гг.). Ценным дополнением к ним являются „Оброчные книги“ по Пскову и псковским волостям, сохранившиеся за многие годы XVII века (№№ 222, 300, 303 и др.).

Очень важны для изучения экономической жизни Пскова XVII века псковская таможенная книга 1666—1668 годов (№ 307), опись имущества и земельных владений псковского торгового человека XVII века Сергея Поганкина (№ 302) и пять документов хозяйственного значения XIV—XV веков, сохранившихся в копиях XVII века (жалованная грамота Пскова

¹ Настоящая статья есть результат пятидневной работы в Псковском музее, куда автор был командирован в начале 1953 года Сектором древнерусской литературы с целью знакомства с древнерусскими рукописями. Краткое извлечение из статьи было напечатано в журнале „Вопросы истории“ (1953, № 12, стр. 180—182). В журнальной заметке целиком были опущены рукописи литературного содержания, по искусству и приведены главным образом документальные материалы, отсутствуют указания на номера (шифры) рукописей и др.

Кроме музея, в Пскове несколько старинных рукописных книг хранится в Областном историческом архиве. В числе их известный сборник XV века Псково-Печерского монастыря, содержащий „Слово о погибели Русской земли“. Он поступил сюда несколько лет назад из исторического архива г. Тарту.

1308—1312 годов, две монастырских раздельных XV века, купчая и духовная псковских горожан XV века).¹

О топографии города в древнейшее время рассказывает „Выпись“ из переписных книг 1646 года по „Среднему“ и „Окольному“ городу (копия 1687 г., № 304). Сведения по топографии Пскова XVII века можно почерпнуть также из многих „Выписей“ из писцовых книг, сделанных в XVII веке для городских церквей. Интересен подробный план Пскова 1740 года (копия XIX в.), донесший до нас сведения о некоторых более ранних постройках (например о Пушечном дворе и др.), ныне не сохранившихся. Следует отметить еще „Геометрический план псковской Выползовой слободы“ (№ 494, 1782 г.). Представляют интерес несколько планов и чертежей XVIII века земельных владений псковских церквей (№ 344 и др.). Сохранилась межевая книга XVIII века Псковского уезда (№ 375, 1783 г.) и несколько межевых книг XVIII века по отдельным уездам (№№ 376—378 — Опоченскому, № 462 — Завелицкой засаде) и даже по отдельным деревням и погостам (№№ 462, 477 и др.).

Административно-политическое и хозяйственное устройство Пскова XVIII века с достаточной полнотой раскрывают многочисленные указы, „предписания“ (№ 314), указы, формулярные списки и ведомости (№ 325), записи доношений (№ 384), журналы наместнического правления (№ 339), сохранившиеся в отдельных делах псковской провинциальной канцелярии, ратуши и т. п. Ценные данные по экономике Пскова XVIII века можно найти также в таможенных книгах (№№ 394—395, 407, 416—418, 420 и др.) и в „Приходных книгах окладным сборам“ (№№ 254, 388 и др.).

Не менее интересные материалы имеются по истории отдельных городов и селений Псковской области. Обращает внимание огромная книга XVII века, содержащая сведения о приходах и расходах Печорского казенного приказа за многие годы XVII века (№ 485). Рукопись заключает важные данные по экономике Печорского района. Любопытные материалы по Печорскому району находятся в „Деле об открытии Печорского уезда в 1782 г.“ (№ 338). Имеются сведения об Изборске (№№ 394, 410), Красном (№ 389, 1733 г.), Острове (№ 473, начало XIX в.), Бежецке, Аршонском стане (№ 283, XVIII в.), Ворониче, Гдове и о многих других населенных пунктах Псковского края.

В музее хранится несколько таможенных книг XVIII века псковских уездных городов и слобод, в том числе г. Острова (№ 393, 1746 г.), Кобыльской слободы (№ 391, 1744 г.), „Книга разных сборов“ г. Опочки (№ 385, 1731 г.), „Книги данные“ порховской и гдовской воеводских канцелярий (№№ 425 и 426). По Порхову есть „Дело“ о ветхости местных крепостных укреплений (без номера, XVIII в.) и несколько рукописей XVIII—XIX веков по истории старинных порховских, Никольской и Покровской, церквей (№№ 188, 236, 332 и др.). Об истории г. Острова и его уезда рассказывает рукопись начала XIX в. (№ 473).

Большое место в этом разделе рукописей занимают „Книги записные“ по сбору конских пошлин, охватывающие едва ли не все таможенные заставы, имевшиеся тогда в Псковском наместничестве, а позднее в Псковской губернии (№№ 394—423).

¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 308, 329—330; А. Я[нсон]. Новооткрытые копии харатейных грамот в свитках XVII в. „Познай свой край“, сборник Псковского общества краеведения, вып. IV, Псков, 1929, стр. 136.

Хозяйственная деятельность псковской провинции XVIII—первой половины XIX века отражена также в приходно-расходных книгах, окладных записях, книгах „приговоров“ и т. п. (№№ 280, 386, 387, 389, 394, 395 и др.). К более раннему времени относится приходная книга новоржевского кабацкого целовальника (№ 491, 1671 г.).

Материалы, характеризующие бесправие крестьян Псковской области, непосильный гнет бесчисленных поборов, встречаются в допросах беглых крестьян, в жалобах и челобитных, заемных письмах и т. п. Мрачные страницы крепостного права воскрешают „книги записей“ псковского гражданского суда о продаже местными крепостниками дворовых людей (№№ 474 и 475 за 1811, 1817 и 1821 гг.).

Сведения о помещичьем хозяйстве XVII—XIX веков, быте и нравах помещиков можно встретить в остатках архивов местных дворянских фамилий, в частности Пальчиковых (№№ 333—337, 380—382 и 459 за 1768—1856 гг.), Яхонтовых (несколько документов за 1679—1727 гг.), Ладыженских (№№ 188, 328, XVIII—XIX вв.), Васильевых (№ 289, 1695 г.), Грбовых (№ 341, XVIII в.), Акима Рокотова (№ 287, начало XVIII в.), С. А. Челищева (переписка и др., XVII—XVIII вв.), и в небольшой коллекции частных помещичьих писем XVIII в. (№№ 489, 504). Для характеристики мировоззрения псковских „верхов“ середины XVIII века небесполезными могут оказаться письма и бумаги Симона Тодорского (№ 319)— крупного местного церковного деятеля, тесно связанного с псковскими дворянскими кругами.

В музее имеется около десятка жалованных поместных грамот XVII века, в том числе Постнику Неелову (1647 г.), Степану Зиновьеву (1666 г.), Петру Нипейшину (1672 г.), Аристу Пушкину (1682 г.), Афанасию Окуневу (1683 г.), Василию Сумороцкому (1695 г.) и др. Есть также в этом разделе сборник материалов о роде князей Мышецких (№ 272, XVI—XVIII вв.), содержащий интересные сведения о посольствах в XV—XVII веках на Ближний Восток и в Западную Европу, в которых принимали участие Мышецкие, и несколько папок с записями о взимании налога с помещичьих хозяйств (№№ 374, 441, 452, XVIII—XIX вв.), характеризующими уровень развития их хозяйств.

Весьма большое место занимают в собрании документальные материалы псковских монастырей и церквей. С разной полнотой здесь представлены почти все местные монастыри и церкви. Документы по преимуществу относятся к XVII—XVIII векам. Более поздних материалов почти нет, небольшое количество старших рукописей не восходит далее середины XVI века. По содержанию преобладают документы хозяйственного значения: выписи из писцовых, переписных, межевых книг, записи данные, отводные, мерные, отступные, меновые, поступные, книги дозорные, купчие крепости и т. п. Полнее всех представлены Спасо-Мирожский и Снеготорский монастыри, которые являлись крупнейшими вотчинниками, обладавшими многочисленными рыбными, пашенными, сенокосными и другими угодьями.

Монастырские и церковные рукописи— ценный источник по экономической истории Псковской земли. Здесь можно найти сведения не только о характере и формах землепользования и землеустройства, но и непосредственно о положении псковского крестьянства в XVII—XVIII веках, об эксплуатации их монастырями и церквами, об упорной борьбе крестьян за землю. На большую часть документального материала имеется хорошая рукописная опись, составленная в 1920-х годах А. С. Ляпустиным и А. К. Янсоном.

В музее собрана чрезвычайно ценная коллекция синодиков XVII—XVIII веков местных боярских, дворянских и купеческих родов, а также церквей и монастырей. Коллекция богата сведениями не только о псковичах, но и о событиях, имевших важное значение в истории Русского государства. Так, например, в синодике Спасо-Мирожского монастыря XVII века (№ 221) прослеживаются отголоски псковского народного восстания 1650 года. Синодик Псково-Печорского монастыря XVII века (№ 82), написанный по заказу дьяка Федора Торопова, содержит интересные данные о псковских и печорских служилых людях. В синодике Рождественской с Пролома церкви (№ 91) записаны имена доблестных русских воинов и военачальников, погибших при защите Пскова от войск короля Стефана Батория в 1582 году. В другом синодике указаны лица, павшие при обороне Пскова от войск шведского короля Густава Адольфа в 1615 году.

Значительный интерес представляют родовые синодики XVIII века. Среди них есть синодики семьи подполковника Михаила Симеоновича Челищева (№ 77), рода Ульяна Степанова — дворового человека помещика Б. А. Окунева (№ 81), рода псковича Б. С. Перетрутова (№ 84), семьи купца Хвоинского (№ 252).

Есть синодики XVII—XVIII веков псковских городов, сел и погостов, например городов Торопца (№ 108), Печор (№ 346), погостов Горки (№ 80), Знахлица (№ 88), Пашавкина, Торопецкого уезда (№ 92), Белоконьцы (№ 95), Любятова (№ 98), Крыпицы (№ 233), Бежаницы (№ 100), Верховинское (№ 101), Неготь (№ 345), Устинское (№ 241), села Хворостово (№ 244).

Имеются синодики псковских монастырей: Велезарова (№ 76), Мирожского (№ 83), Крыпицкого (№ 243), Хвоинского (№ 85), Комобадского (№ 89), Девичьего, что на Болоте (№№ 99 и 364), и др.

Синодики местных церквей: Алексеевской с Поля (№ 79), Георгиевской (№ 86), Успенской Бутырской (№ 87), Троицкого городского собора (№№ 90, 94, 100), Никитской с Поля (№ 93), Варлаамовской (№ 96), Козьмодемьянской (№ 365), Богоявленской с Запсковья (№ 349). В родовых синодиках, а также в монастырских и церковных содержатся ценные сведения по истории псковского населения.

Местная псковская историческая и географическая литература представлена рядом рукописей, начиная с XVII века. Здесь имеются: Повесть об осаде Пскова войсками Стефана Батория в 1581—1582 гг., четыре списка XVIII—XIX вв. (№№ 125, 140, 141, 229); Сказание об осаде Пскова шведским королем Густавом Адольфом в 1615 г., два списка — XVII и XIX вв. (№№ 229, 291); Повесть о Псково-Печорском монастыре, два списка XIX в. (№№ 125, 129); Устав и „Рукописание“ князя Всеволода (№ 129). Имеются жития псковских князей и подвижников в списках XVIII—XIX вв.: Довмонта (№№ 129, 230), Гавриила-Всеволода (№№ 129, 230, 471), Никандра (№ 58), Саввы Крыпецкого (№ 129), Ефросина (№ 230), Николая Салоса (№ 129); сказания об иконах: в Михайловском погосте (№ 228), на Синичьей Горе (№№ 125, 230), в селе Каменном Опоченского уезда (№ 230), в селе Залужье (№ 124), Чирской иконе (№ 249) и др.

Можно упомянуть роман Л. Гумилева „Осада Пскова в 1582 г.“ (рукопись самого конца XIX в., № 455), а также несколько сборников XVIII—XIX веков, содержащих стихи и прозу местных семинаристов (№№ 185, 210 и др.), и рукописи с ораторскими произведениями — Евгения Болховитинова (№ 183, автограф), Гедеона Криницкого (№ 184), Ивана Спасского (№ 482), Нафанаила (№ 237) и др.

В собрании имеется и образец технической литературы прошлого века — труд Матвея Вихмана „Разсуждение о встречающихся злоупотреблениях при обрабатывании льна в Псковской, Санкт-Петербургской и Новгородской губерниях“ (№№ 239, 446, оба списка начала XIX в.). Представляет интерес „Описание Холмского народного музея“, сделанное в XIX веке (№ 240).

Среди сочинений по русской истории прежде всего следует выделить пять летописцев XVII—XVIII веков (№№ 134, 137—139, 145), из которых один южнорусского происхождения и содержит, между прочим, сведения о событиях XVII века на Украине.¹ Укажем также два Хронографа XVII века (№№ 144, 468) и несколько сборников XVIII—XIX веков летописного характера (№№ 54, 130, 187, 197, 202).

Имеются Синописис Иннокентия Гизеля (№ 136, XVIII в.), шесть экземпляров XVIII века келейного летописца Дмитрия Ростовского (№№ 189—191, 193, 194, 224), шесть списков XVIII века жизнеописаний Петра Первого, написанных Петром Крекшиным и А. Катифором (№№ 197—199, 201, 234, 461), „Ядро истории российской“ Манкиева (№ 196, около 1751 г.) и список „Истории государства российского“ Н. М. Карамзина (№ 257).

В исторических сборниках встречаются сочинения русских писателей XI—XVII веков — Кирилла Туровского, Ивана Пересветова, Ивана Наседки, Ивана Шушерина (о Никоне, № 121), а также „Киевское соборное деяние“ 1260 года, грамота галицкого князя Льва и др.

Из переводных исторических сочинений назовем Палею (№ 443, XVII в.), Историю иудейской войны Иосифа Флавия (№ 205, XVIII в.) и „Римскую историю“ (№ 204, XVIII в.).

В собрании имеются документальные материалы XVII—XVIII веков по истории Сибири, в частности по Томскому уезду. Это сметные и пометные книги по г. Томску за 1645 и 1646 годы (№ 308), книги ясачных, подушных и десятинных сборов по Томскому уезду и Кузнецкой волости (№№ 310, 320, 321, 384, за 1692, 1710 и 1735 гг.), хозяйственные бумаги Алексеевского Томского монастыря первой половины XVIII века (№ 331) и список XVII века с окладных именных денежных, хлебных и соляных книг разных сибирских острогов (Кетского, Енисейского, Нарымского, Кузнецкого, Красноярского и др.).

В коллекции столбцов и грамот XVI—XVII веков А. С. Хвоинского (№ 447) встречаются документы, относящиеся к Угличу, Костроме и некоторым другим городам.

Историк древнерусской литературы найдет для себя немало интересного материала в псковском собрании. Кроме уже отмеченных выше произведений старинной русской литературы, в собрании имеется значительное количество различных слов, поучений, сказаний, литературных памятников, оригинальных и переводных. Вот далеко не полный перечень наиболее интересного материала: Житие Александра Невского (№ 120, XVIII в.), Сказание о Мамаевом побоище (№№ 134, 136, XVIII в.), Казанская история (№ 135, XVIII в.), Повесть о Николае Зарайском (№ 144, XVII в.), Сказание о Вавилонском царстве (№ 134, XVIII в.), Повесть о бражнике (№ 134, XVIII в.), Повесть о приходе татар и турок под Астрахань в 1569 г. (№ 142, XVIII в.), Повесть о Иосифе, архиепископе Астраханском (о взятии Астрахани Степаном

¹ См.: В. Н. Перетц. Археографічна подорож до Пскова. Записки історично-філологічного відділу, кн. VI, Українська Акад. Наук. У Києві, 1926, стр. 280—287. Здесь описаны и другие украинские рукописи Псковского музея.

Разиным, № 144, XVII в.), Беседа Сергия и Германа Валаамских (№ 273, XVII в.), Повесть о новгородском белом клобуке (№№ 134, 150, XVIII в.), Слово о новгородском купце Дмитрие Басарге (№ 143, XVIII в.), Повесть о Василии Муромском (№ 292, XVII в.), Сказание о происхождении табака (№ 173, XVIII в.), Слово об Иоанне, архиепископе новгородском (№№ 131, 153, XVII в.), сборник сочинений Андрея Курбского (№ 142, XVIII в.), сборник муромских повестей XVIII в. — Юлиания Лазаревская, Петр и Феврония и др. (№ 128).

Из произведений XVIII—XIX веков назовем: „Известие о восстании Пугачева“, находящееся в сборнике конца XVIII века (№ 195). В этом же сборнике имеются „Житие купца С...“, „Примечание на метлу“ и „Стихи на папу Климента XIV“. Все три произведения — сатирического жанра. Представляет интерес список „Горя от ума“ Грибоедова, принадлежавший в XIX веке некоей Екатерине Максимовне и переписанный около 1830 года (из собрания Назимовых), и комедия Н. А. Львова „Силф, или мечта молодой женщины“ с музыкальным оформлением Яхонтова (№ 260, первая четверть XIX в.).

Отметим еще несколько сборников стихотворений: „Глас последний“ Симеона Полоцкого (№ 142), сборник народных песен (№ 215), сборник первой половины XVIII в. (№ 54), содержащий „Орел российский“ Симеона Полоцкого, сатиру („Гисторию“) на Феодосия Яновского и „Описание дурацкой свадьбы“ В. К. Тредьяковского. Интересно сатирическое стихотворение начала XIX века „Разговор нищего с богачом“ (сатира на богача, № 49). В сборнике XVII века (№ 102) имеются силлабические вирши, сочиненные в 1680 году тихвинским монахом Макарием; силлабическими стихами написано произведение „Венец от двенадцати звезд“ (№ 44, XVIII в.). В народном стиле написано стихотворение О. А. Исполатовой „Вдовушка“ (№ 213). Следует упомянуть „Пословицы и поговорки по алфавиту“ (№ 54) и известное стихотворение из цикла стихов „Покаянных, слезных и умиленных“: „Плачется благочестивая российская земля“ (№ 226, XVIII в.), приписанное в рукописи авторству поморского писателя XVIII в. Андрея Денисова.

В музее хранятся следующие переводные повести: „Александрия“ (№ 466, XVII в.), Слово об Акире премудром (№ 149, XVIII в.), Повесть о епископе Удоне (№ 266, XIX в.), „Повесть о царице и львице“ (№ 148, XVIII в.), Слово о Федоре купце (№№ 126, 134, XVII—XVIII вв.), Сказание о Григории папе (№ 134, XVIII в.) и др. Кроме того, имеются переводные сборники афористического и нравоучительного характера: „Пчела“ (№ 152, XVII в.), „Златой бисер“ (№№ 134, 150, XVIII в.), „Вертоградец света“ (№ 487, XVIII в.), „Мечет духовный“ (№ 164, XVIII в.) и др.

Старинные путешествия представлены известным „Хождением“ игумена Даниила (№ 126, XVII в.) и несколькими списками описания путешествия в Царьград и Иерусалим московского купца XVI века Трифона Коробейникова (№№ 134, 144, 150, 154, XVII—XIX вв.).

Среди учебной и научной литературы имеются следующие сочинения: Азбука-пропись, два списка, один 1684 г. (№ 526), другой середины XVIII в. (№ 219), Арифметика (совместно с Землемерием), два списка, конца XVII—начала XVIII в. (№№ 207, 313), Арифметика в соединении с Астрономией и Хронологией, XVIII в. (№ 274), География, начала XIX в. (№ 279); Грамматика, XVIII в. (№ 217), Космография, 1707 г. (№ 167), „Рассуждение о стихотворении“, XVIII в. (№ 211), Сборник, XVIII в. (№ 212), содержащий учебник по поэтике — „Способ к сложению российских стихов“, Письмовник и „Афоризмы по

алфавиту“. Есть также два списка азбуки певчей (самоучителя пения по крюковым нотам) начала XIX в. (№№ 104 и 105), „Гражданский господарский календарь на 1730 г.“ (№ 54) и „Календарь политичны и гисторичны на 1751 г.“ (№ 214).

В музее имеются рукописи законодательных памятников прошлого: „Русской правды“ (№ 195, список конца XVIII в.), Кормчей (№ 103, XVIII в.), „Уложения Алексея Михайловича“ с добавлением более поздних узаконений (№ 206, XVIII в.), „Новоуказные статьи“ (№ 467, список самого конца XVII—начала XVIII в.). К более поздним памятникам относится свод различных законоположений (№ 253, список начала XIX в.).

Сохранилось также несколько рукописей по истории русского войска и военного флота. Старшими по времени из них являются „Предписание“ Петра I коменданту Выборга от 1713 г. об отправке в распоряжение генерала Геннина солдат из местного гарнизона для временных работ и „Предписание“ А. Д. Меньшикова псковскому коменданту от 1714 г. о высылке к Нарве аптеки новгородского полка. Ко второй половине XVIII века относятся: „Штат драгунского полка“ (№ 469, 1787 г.), четыре личных письма Екатерины II к генералу И. А. Ганнибалу (от 1765, 1778, 1781 и 1783 гг.), адресованные в Таганрог (содержат сведения о строительстве черноморского флота). Имеет отношение к истории черноморского флота „Описание сигналов русского флота под командованием Алексея Григорьевича Орлова 1771 г.“ (№ 322). Последняя рукопись принадлежала Ивану Бибикову; в ней имеются рисунки сигнальных флагов. В сборнике первой половины XVIII века (№ 54) есть „Первый шкипер“ — сочинение, знакомящее с корабельной (мореходной) терминологией того времени. К более поздним рукописям принадлежат „Авангардные записки“ к полковнику Гембицу (№ 326, 1831 г.) и сведения о сохранившихся в Псковской губернии древних крепостных и подземных сооружениях (№ 373, рукопись 1911 г.).

Значительное место в собрании занимает русская церковно-историческая литература, в частности различные жития, похвальные слова, поучения, благодарственные службы (о победе под Полтавой и т. п.), сборники слов и проповедей (Нила Сорского, Феофана Прокоповича и др.) и т. п., попавшие в музей из монастырских и церковных библиотек. Несколько рукописей из этого отдела, украшенных рисунками и заставками русских художников XVI—XVII веков, могут представить интерес для историка искусства (№№ 6, 14, 25, 26, 42, 43, 291 и 366). Палеографическую ценность представляют две пергаменные рукописи (евангельские отрывки XIV в.—№ 1, толкование на Апокалипсис XV в.—№ 3) и несколько других культовых рукописных книг XV—XVII веков, имеющих точные даты написания и имена писцов, в том числе псковичей (например №№ 28, 40, 107, 353 и 366 и др.).

В разделе старообрядческих сочинений, кроме целых полемических трактатов, как „Щит веры“ (№ 179, XVIII в.), „Пандекты“ (№ 174, XIX в.), „Цветник“ (№ 182, XIX в.), „Керженские ответы“ (№ 178, XVIII в.), в сборниках и отдельно встречаются сочинения протопопа Аввакума (о Никоне, № 147, XIX в.), различные письма, послания, „изъяснения“, „беседы“ и пр. (№№ 167—177, 268, 270, 277, 445, 470 и др.). В последних нередко содержатся интересные сведения бытового характера.

Кроме славяно-русских рукописей, в музее хранятся рукописные книги на иностранных языках. На латинском языке имеется более 100 рукописей, в том числе отрывки из пергаменной книги XIII века

и др. Несомненное палеографическое значение имеет греческий сборник поучений и похвальных слов Иоанна Златоуста IX—X вв. (№ 342), как один из немногих уцелевших в русских собраниях памятников греческого письма того времени.¹ Представляет интерес „Послание“ братьев Лихудов, написанное на греческом языке в 1706 году.²

Имеются в музее также арабские и монгольские рукописи XV—XIX веков (№№ 316—318, 368, 448), в свое время описанные академиком И. Ю. Крачковским,³ сборник стихотворений, молитв и заклиний на турецком языке (№ 315, 1601 г.), постановление Варшавского суда по земельной тяжбе (№ 350, 1762 г.) на польском языке, рукописи на сербском языке, и др.

Музею принадлежит 600 славяно-русских старопечатных книг XVI—XVIII веков, собранных из псковских монастырей и церквей и поступивших от частных лиц. Среди них есть редкие и ценные. Имеются книги из личной библиотеки Петра I, Екатерины II и книги, принадлежавшие многим крупным ученым XVIII века, с их собственными пометами.⁴

Сведения о псковских рукописях и старопечатных книгах печатались в „Трудах Псковского археологического общества“ (вышло 12 выпусков в 1892—1916 гг.), „Трудах Псковского церковно-археологического комитета“ (вып. 1, Псков, 1911), описаниях И. А. Шляпкина,⁵ П. С. Шереметьева,⁶ Н. И. Серебрянского⁷ в местных периодических изданиях, в различных путеводителях по Псковскому музею и выставкам⁸ и в исследованиях, посвященных истории Пскова.

¹ Сборник ОРЯС, т. 86, 1909, стр. 48.

² Там же, стр. 48; сб. „Познай свой край“, вып. II, Псков, 1927, стр. 72.

³ См.: Доклады Академии Наук, Серия восточная, 1924, стр. 165—168; 1928, стр. 100—102; Протоколы ИОФ Российской Академии Наук, 1925, стр. 3—4, § 20 (от 14 января) и стр. 7, § 39 (от 28 января).

⁴ „Познай свой край“, вып. II, Псков, 1927, стр. 70—72.

⁵ И. Шляпкин. Описание рукописей и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете. Псков, 1879. См. то же в: Псковские губерн. ведомости, 1879, №№ 26—28, 30—33, 40.

⁶ П. С. Шереметьев. Обзор рукописей Псковского археологического музея и описей архива губернского правления. М., 1899. См. то же в: Древности. Труды Археолог. комиссии имп. Московск. археолог. общ., т. I, вып. 3, М., 1899, стлб. 457—466.

⁷ Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников, вып. I—V. М., 1910.

⁸ Путеводители и каталоги по музею Псковского археологического общества. Псков, 1891, 1894, 1897, 1908, 1914 и др. — Каталог выставки XVI Всероссийского археологического съезда 1914 г. во Пскове, отмененной по случаю войны. Псков, 1915, стр. 66—73. — Каталог музея Псковского церковно-археологического общества. Псков, 1914, стр. 22—26. — В. Д. Грацилевский. Описание музея Псковского церковно-археологического общества. Псков, 1914. — П. М. Строев. Библиографический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 40 и др. — А. Князев. Историко-статистическое описание Псковского Кафедрального Троицкого собора. М., 1858, стр. 64—69. — У. Нулс. Еще несколько слов насчет описи рукописей Псковского археологического музея. Российская библиография, № 58 (6), 1880. — А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, т. II. Труды XV археологического съезда в Новгороде, М., 1916 (см. отзыв Е. Ф. Карского: Русский филологический вестник, Варшава, 1916). — А. К. Янсон. Рукописи и старопечатные книги Псковского областного музея. Библиография, № 1, 1929, стр. 86—88. — Акад. В. Перетц. Стародруки Псковского историко-археологического музея. Записки историко-филологического відділу, кн. X. Українська Академія Наук, Київ, 1927, стр. 284—287. — А. Янсон]. 1) Заметки о псковской археографии. Сб. „Познай свой край“, вып. IV, Псков, 1929, стр. 139 (описание 16 рукописей Псковского музея); 2) Страничка псковской образованности (о рукописях Псковской духовной семинарии и Мирожского монастыря). Сб. „Познай свой край“, вып. II, Псков, 1927, стр. 70—72. — Арк. Васильев и А. К. Янсон. Древний Псков, Л., 1929, стр. 120—123.

Однако многие из упомянутых рукописей еще как следует не обследованы. Немало среди них таких, которые совершенно не использовались в научных целях. Пользование псковскими рукописными книгами затруднено отчасти тем, что в Псковском музее до сих пор нет хорошей описи собрания, за исключением разве документального материала, да и то не всего. Поэтому настоятельно необходимо позаботиться об описании собрания.

С недавнего времени заведование рукописями музея передано опытному археографу Л. А. Творогову. Будем надеяться, что он организует систематическое научное описание рукописей и обеспечит надлежащие условия их хранения.

Музею следует позаботиться о реставрации многих весьма ценных рукописей и в первую очередь знаменитых псковских приходно-расходных книг, так как сохранность некоторых из них очень плохая. Дирекции музея нужно уделять больше внимания рукописному отделению. Ведь это ценнейшее хранилище материалов не только по истории Псковского края, но и всей нашей страны.

М. Н. ТИХОМИРОВ

Каргопольские рукописи

Каргополь принадлежит к числу древнейших русских городов. Хотя время основания его точно не установлено, но озеро Лаче, поблизости от которого расположен город, было широко известно как место ссылки Даниила Заточника, автора XII или XIII века. В сказаниях о Мамаевом побоище упоминается князь Глеб Каргопольский, но это, вероятно, ошибка, так как вместо князя Каргопольского в списках XVI века находим Глеба Карголомского и Ярославского.¹

В XVI веке Каргополь был уже одним из крупнейших русских городов на севере России и имел большое ремесленно-торговое население. В нем сосредоточивалась торговля солью, которую добывали на Онеге и на берегах Белого моря. Памятником этого времени остается каменный каргопольский собор. Остальные церкви Каргополя в основном воздвигнуты в XVII веке. Многие из них представляют собой обширные здания, богато украшенные наличниками, колонками, узорными карнизами. Кругом города разбросаны села, где сохранились еще старинные избы на высоких подклетах, с тонкой резьбой на воротах, на наличниках окон и на дверях. В некоторых селах стоят и величественные шатровые деревянные церкви — подлинные шедевры русского народного творчества, неповторимые по своей красоте.

В этот старинный очаг русской культуры и была совершена поездка студентов 4-го курса Исторического факультета Московского Государственного университета, в количестве 7 человек, под моим руководством. Целью поездки, продолжавшейся с 30 июля по 15 августа 1952 года, было описание местных архивных документов и рукописей, а также знакомство с памятниками народного творчества. Студенты провели значительную работу по изучению местных архивов. При этом в зависимости от специальности они работали над документами разных периодов, в основном же над материалами XVII—XIX веков.

Каргопольский архив и музей нельзя назвать богатыми хранилищами письменных памятников. Тем не менее выяснилось, что и в Каргополе имеются не только неизученные, но даже неописанные архивные материалы. Это было установлено при помощи местных работников. В особенности следует отметить большую помощь и постоянное участие в работе нашей экспедиции знатока местных древностей — К. П. Корневой.

¹ См.: С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 11, приложение.

Каргополь стоит на левом берегу Онеги, поблизости от того места, где эта река вытекает из озера Лаче. Онега здесь широкая, многоводная. Леса тянутся темной полосой, отступая от города на 5—10 км; вокруг Каргополя нивы и луга. Природные условия создавали в районе Каргополя удобное место для поселения. Здесь среди лесов находилась большая поляна; отсюда, вероятно, происходит и название города — „Каргополе“, как он называется в летописях XV в. (такого же происхождения название Угльчье-поле и т. д.). В словаре Даля слово „карга“ объясняется как „топкое место в лесу“ (по-олонецки). Следовательно, „Каргополе“ — „лесная поляна“ или „лесное поле“.

В центральной части города возвышается собор Рождества Христова. Он представляет собой обширное двухэтажное здание, к северной стороне которого в XVII веке был пристроен небольшой придел. Собор, по местным сведениям, построен в 1550—1562 годах. Сложен он, как и другие церкви в Каргополе, из белого камня. Здание опирается на 6 мощных столбов; на них держатся 5 небольших глав с куполами (железное их покрытие позднейшее); две главы над алтарем глухие, остальные светлые. Весь верхний этаж здания поражает своей мощностью и высотой. Поддержковье представляет собой помещение, разделенное на 3 части громадными шестью столбами. Позже в нем была устроена церковь, но первоначально тут было, вероятно, складочное помещение.

В соборе сохранился иконостас, поставленный туда после пожара Каргополя при Екатерине II. Резьба на нем очень хорошая, интересная как образчик провинциальной резьбы XVIII века; особенно красивы царские двери. На стенах висят иконы. Множество икон в соборе просто погибло, сгнило от сырости, остальные покрыты слоем грязи. Над западными дверями внутри собора имеется фреска, подновленная, но с явными следами раннего происхождения. Под побелкой остальных стен также, повидимому, можно обнаружить стенопись. В Каргополе о соборе рассказывают разные диковинки, в частности о существовании в стенах собора ходов на крышу, о чем будто бы сообщалось попам „под клятвою“, видимо для большей таинственности. Из памятников старины в соборе многое уже погибло или сильно испорчено. Так, в притворе, при входе в собор с правой стороны, имеется полуразбитая плита с остатками надписи 1593 года из 8 строк: „Лета 7101 декемвря 5 день на память святаго свяще... 5 лет фипа п... евфи... живе от... месяца 4... вна... новле“. Вероятно, это была запись об обновлении храма. Слева находится другая плита с надписью от 2 июля 1693 года о захоронении Марфы Морозовой, жены Еуфимия Киприянова.

Документы и рукописи хранятся в Каргополе в двух собраниях — в архиве, помещающемся в здании бывш. церкви Александра Невского, и в музее, расположенном в центре города.

Собрание архива включает всего 19 рукописей, причем почти исключительно церковного содержания¹. К их числу относятся следующие.

№ 1. Устав церковный, в 4-ку, 381 л., беглая скоропись второй половины XVI в., имеется запись диакона Федора о продаже книги в Турчасове каргопольцу Тихону Петрову в 1572 г. (на лл. 212 об., 213,

¹ Рукописи архива и музея не были описаны и даже пронумерованы. Нумерация и описание их были сделаны студентами под моим руководством, как и копии с некоторых архивных документов и рукописей. В работе принимали участие М. Я. Волков, Т. Н. Иванов, В. В. Костина, А. М. Костюхина, Г. А. Малышева, Л. В. Милов, А. Л. Хорошкевич.

внизу и сбоку). В 1574 г. этот Устав был подарен в церковь Николы Чудотворца Василием Сысоевым Полоутиным (л. 129).

№ 2. Страсти, XIX в., с почаевского издания 1781 г.

№ 3. Праздники певчие, XVIII в.

№ 4. Сборник старообрядческий, XIX в., в нем имеется статья о чае, якобы выписанная из „книги Иоанна Назарета“.

№ 5. Житие Василия Нового, начала XX в.

№ 6. Потребник, в 4-ку, 75 лл. полуустанов XVII в.

№ 7. Триодь Постная, в 4-ку, 584 л., без начала, разными почерками XVI в., с употреблением юса большого.

№ 8. Заупокойные службы XIX в.

№ 9. Служба Николаю Чудотворцу, XIX в.

№ 10. Псалтырь, в 4-ку, 160 лл., без начала и конца, полуустановным почерком XVII в., имеется запись о поновлении книги 3 июля 1635 г.

№ 11. Службы, XIX в.

№ 12. Заупокойные службы, XVIII в.

№ 13. Миняя Общая, в лист, 327 лл., полуустановом XVII в. Эта книга с 26 апреля по 31 августа 1630 г. была переписана священником Ларионом Семеновым, „повелением церковного старосты Парамона Иванова, к церкви великого мученика Георгия на Лядины“.

№ 14. Служба Толгской иконе, XVIII в.

№ 15. Сборник житий и слов, в 4-ку, 434 л., без начала и конца, полуустановным почерком XVII в.; содержится ценный и интересный материал.

№ 16. Стихи о усопших, XIX в.

№ 17. Миняя Общая, в 4-ку, 478 лл., полуустановом конца XVI в.; на л. 478 скорописью сделана запись: „Се аз Игнатей Семенов сын с Ловзунги продал есми сию книгу глаголемую Охтоик пятого гласа Рожеству пречистой богородицы на Красную Лягу, а взял на ней казенных пречистенских двенадцать алтын денег. А подписал церковный дьячек краснолягский Фетка Яковлев в лето 7114 апреля в 11 день“. Ловзунга и Красная Ляга находятся в районе Каргополя.

№ 18. Миняя Служебная, конца XVI—начала XVII в.

№ 19. Сборник, XIX в.

По содержанию наиболее интересны поздние рукописи XIX века. В сборнике № 4 помещены различные статьи поучительного характера (слово о покаянии некоего князя, Повесть о Удоне Магдебургском и пр.). Тут же имеется и типичное произведение раскольнической литературы — Сказание о табаке, Повесть о кофеи и о чае.

Не менее любопытен по своему составу сборник № 19 с различного рода стихами, мучением Кирика и Улиты и пр. В нем же помещен любопытный стих об Алексее Человеке божием, явно народного происхождения.

В архиве хранится также значительное количество старопечатных книг (всего было описано 77 номеров).

Собрание старопечатных книг в Каргопольском архиве включает 2 книги XVI в., 28 книг XVII в., 33 книги XVIII в., не говоря о позднейших изданиях, напечатанных в старообрядческих типографиях XIX—начала XX в. Многие старопечатные книги имеют записи местного каргопольского происхождения.

Вот наиболее интересные экземпляры старопечатных книг:¹ № 1, Пращица, 1726 г., в Александро-Невской лавре; № 2, Служебник,

¹ Все книги без обозначения места их выхода принадлежат к московским изданиям.

1656 г., с рукописными дополнениями; № 3, Евангелие, XVI в., без выходных данных; № 4, Пентикостарион, 1680 г.; № 6, Учительное Евангелие, 1686 г., с записью: „300-го [1692] года купил на Москве на Печатном дворе толковое евангелие на соборные деньги, что собрал на Москве поп Иван Мартынов и положил в церковь Николая Чудотворца в Павловщине“; № 7, Маргарит, XVII в. (1641 г.); № 12, Евангелие, 1651 г.; № 13, Житие Николая Чудотворца, 1694 г., с записью о пожертвовании книги в церковь Николая: „Ловзунской волости, порадели во вечное пребывание каргопольские приказные избы подьячей Алешка Тимофеев с сыном своим Алешкою“; № 15, Триодь Цветная, 1652 г.; № 16, Служебник, 1693 г.; № 17, Служебник московской печати, изданный при патриархе Филарете, выходной лист утерян; № 18, Синодик печатный, XVIII в., с записью: „Сей лист рублевой Каргопольского уезда Ловзунской волости церкви святителя Николая Чудотворца, писан вновь при священнике Тимофее Алексееве 1806 года в апреле месяце в Каргополе соборным дьячком Козьмой Ивановым“; № 19, Псалтырь, 1786 г., Гродно; № 20, Евангелие, 1663 г., в бархатном переплете с жестяными средниками и угольниками; № 21, Маргарит, XVII в., без выходного листа, был куплен в Москве в 1704 г. „каргопольским посадским жителем Иваном Андреевичем Поповым“ и дан в церковь Воскресения в Каргополе; № 23, Пролог, 1660 г.; № 28, Евангелие, 1635 г., в бархатном переплете; № 29, Октоик, 1683 г.; № 31, Триодион, 1663 г.; № 38, Минея Четья, 1693 г., июнь; № 39, Минея Четья, 1678 г., январь; № 50, Евангелие, 1628 г., в бархатном переплете; № 51, Евангелие, 1653 г., переплет его сделал в 1701 г. „московской жилец краснолажец Никифор Козмин Поповых“, переплет бархатный, на задней корке его остались еще медные средники и угольники; „Краснолажец“ — житель упомянутой ранее Красной Ляги Каргопольского уезда; № 52, Евангелие, XVI в., безвыходное; № 56, Октоик, 1683 г.; № 57, Святцы, 1649 г.; № 58, Триодион, 1682 г.; № 59, Пентикостарион, 1660 г.; № 62, Пролог, 1642 г.

В большинстве своем старопечатные книги Каргопольского архива не принадлежат к числу редкостных. Тем более замечательно нахождение в архиве двух редчайших изданий XVI века, известных в небольшом количестве экземпляров. Это так называемые безвыходные московские Евангелия XVI века (№№ 3 и 52).

Евангелие № 3, в лист, имеет 392 листа, в начале книги вставлено 16 листов из печатного Евангелия 1724 года. Книга в бархатном переплете с медными средниками и угольниками: экземпляр этот соответствует Евангелию № 66 по Каратаеву.¹ А. С. Зернова дает шрифт этого Евангелия под № 1.² На обороте чистого 9-го листа скорописью запись 1604 года: „Лета 7112 (1604) мая в 13 день положила сию книгу, глаголемую Евангелие тетр, в дом к Рожеству пречистой богородицы в весь нарицаемую Красную Лягу по своем покойном муже рабе своем Никите. И еще будет хто у тое церкви служитель, и ты, господине, помяни господа ради раба своего Никиту, сам помянен будешь в царствии небеснем“.

Другое евангелие (№ 52), в лист, на 392 листах, обозначено у Каратаева под № 65; по Зерновой, оно относится к шрифту № 3. По листам его имеется скорописью следующая запись 1577 года:

¹ И. Каратаев. Описание книг славянской печати. СПб., 1881, № 66.

² А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр. 12.

„В лета 7085-го (1577) при самодержавном цари великом князи Иване Васильевиче всея Росии и при его детех, благоверном царевиче Иване и при благоверном царевиче Феодоре, месяца мая в 29 день, положила сию книгу Акилина Иванова дочь Амалахиевская и своими детьми и своими внучаты, Иваном, Васильем“.

Таким образом подтверждается распространение безвыходных евангелий на далеком русском севере уже в XVI—самом начале XVII века.

Любопытные материалы заключают в себе фонды архивных документов. В их составе оказались некоторые документы XVII века. Так, в фонде № 95 (дело № 2) хранятся книги 1654 года („162 году марта в 27 день“) о сборах с крестьян Лядинской волости. Документ этот однообразен по содержанию. В начале в нем указывается какая-либо деревня Лядинской волости (Каргопольского уезда), а далее владелец двора и взятые с него деньги. Весь отрывок написан на 13 листках бумаги.

Небольшое собрание рукописей имеется и в Каргопольском музее. Каргопольский музей помещается в здании бывш. церкви. Рукописей здесь немного (всего 20 экземпляров) и хранились они в пыльном шкафу в навалку. К их числу принадлежат следующие.

№ 1. Сборник церковного содержания XVII в.

№ 2. Евангелие, в лист, 427 л., написано полууставом первой половины XVII в.; в конце книги имеется запись:

„Слава и благодарение господу богу и спасу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери и всем святым возсылаем, давшему книгу сию написать и сподобльшему совершити ю в художестве и трудех непотребнаго и многогрешнаго раба священноерея и служителя святых и живоначальных троица попа Василиа Иванова сына Попова каргополца, трудившагося о господе. Аминь“. Замечателен переплет этой книги, над которым трудился „в художестве“ каргополец Василий Попов. На верхней доске его сделано по левкасу иконописное изображение Рождества Христова и четырех евангелистов, нижняя доска обита материей. Заставки и заглавные буквы рукописи подражают безвыходным евангелиям XVI в. Этот экземпляр заслуживает особого внимания как местная каргопольская работа XVII в. Вероятно, он был сделан для каргопольской церкви Троицы.

№ 3. Евангелие, в лист, на 226 листах, полууставом конца XVI—начала XVII в.; заставки в красках типа балканской плетенки, переплет обтянут в бархат.

№ 4. Сборник житий русских святых, в 4-ку, 494 л., полууставом XVII в.

№ 5. Триодь цветная, в лист, 360 л., конца XVI—начала XVII в.

№ 6. Евангелие, в лист, 265 л., XVI в., с переплетом, обтянутым в парчу.

№ 7. Псалтырь, в 4-ку, 110 л., начала XVI в.

№ 8. Синодик, XVII в.

№ 9. „Страсти Христовы“, конца XVIII в.

№ 10. Каноник, XVII в.

№ 11. Сказание о Мамаевом побоище, в 4-ку, 32 л., скорописью XVIII в.

№ 12. Служба благодарственная по Полтавской победе, XVIII в.

№ 13. Сборник со Сказанием о Мамаевом побоище одной из поздних редакций, XVIII в., в 4-ку, 47 л., полууставом; Сказание помещено на лл. 8—38.

№ 14. Житие Василия Нового, XVIII в.

№ 15. Псалтырь, XVII в.

Несомненной редкостью является № 16— житие Симона Воломского, в 8-ку, 96 л., полууставом XVIII в. По В. О. Ключевскому, оно известно в одном лишь списке XVII в. Оно представляет собой ценный источник, описывающий борьбу крестьян против церковных феодалов. Симон родился в 1585 г. в вотчине Иосифова Волоколамского монастыря. Когда во время крестьянской войны и интервенции начала XVII в. „все и отец его разошлись“, Симон пришел в Москву „и там вваде себе некоему ризушведу да его научит.“ Из Москвы он ушел в Устюг, где „овогда портище шивяше,“ оттуда в Соловецкий монастырь. Симон постригся в монахи на Пинеге. В поисках места для монастыря он появился в окрестностях Устюга и нашел место, „зовомое Волмы на речке Кичменге“. Предприимчивый монах поселился на Волме, а потом отправился в Москву, где добился жалованной грамоты на угодья: „Пришед от царствующего града Москвы с таковою жалованною грамотою, и паки нача призывати многия к себе земледелцы на распространение места и на болшыя труды себе вваде, неленостно нача лесы посекати и место очищати“. Между Синомом, поставленным в игумены в 1620 году, и крестьянами началась ожесточенная борьба. Крестьяне захватили Симона „и много мучиша различно, раны многи наложиша ему и огнем жгоша да отдасть им царскую жалованную грамоту“. В 1641 году он был убит крестьянами.

№ 17. Праздники крюковые, XVII в.

№ 18. Житие Александра Свирского, XVII в.

№ 19. Праздники крюковые, XVII в.

№ 20. Каноник, XVII в.

Особо следует отметить Синодик № 8, написанный полууставом второй половины XVII века. Он принадлежал, судя по содержанию, какому-то монастырю в Каргополе или его окрестностях. Первоначально Синодик заканчивал список патриархов Никоном, что датирует его до 1666 года. В нем записаны многие семьи каргопольских посадских людей и крестьян. Особенно интересна запись о великих князьях, отражающая древнюю северную традицию: „Помяни господи души благоверных великих князей всея Росии: великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, великаго князя Георгия Ярославича, великаго князя Владимира Ярославича, великаго князя Мстислава, и другаго Мстислава, великаго князя Василия, великаго князя Всеволода, нареченнаго во святом крещении Гавриила, великаго князя Владимира Манамаха, великаго князя Георгия, великаго князя Андрея Боголюбскаго, великаго князя Дмитрия Всеволода, великаго князя Ярослава, великаго князя Александра Невскаго, великаго князя Данила, великаго князя Иоанна 2-ж, великаго князя Георгия, великаго князя Михаила, великаго князя Иоанна, великаго князя Симеона, великаго князя Дмитрия, великаго князя Василия, великаго князя Георгия, великаго князя Бориса, великаго князя Глеба, великаго князя Андрея, великаго князя Василия, во иноцех Варлаама“. Не все понятно в этом перечислении „великих князей“, но нельзя не заметить в нем очень старой традиции. В помяник попали только князья, связанные с Новгородом, да и то далеко не все. За Владимиром-Василием Святославичем следует Георгий-Ярослав Мудрый, затем его старший сын Владимир, княживший в Новгороде, и два Мстислава. Оба они предшествуют Всеволоду Мстиславичу. Следовательно, их княжение относится к XI веку. Действительно, по Новгородской летописи по смерти Владимира Ярославича в Новгороде был посажен Мстислав Изяславич. Позже Всеволод Изяславич посадил в Новгороде своего внука Мстислава. Неизвестный князь Василий,

повидимому, не кто иной, как Василько, ослепленный киевским князем Святополком и отмеченный в пергаменной Новгородской летописи.

Записи эти явно восходят еще к XI—началу XII века, причем характерно, что последним новгородским князем указан Всеволод-Гавриил Мстиславич (ум. в 1137 г.). Далее, уже с Юрия Долгорукого, перечисляются только владими́ро-суздальские и московские князья. Может быть, это обозначает подчинение Каргополя не Новгороду, а владими́ро-суздальским, позже московским владениям. В Каргополь в 1447 году побежал через Галич и Чюхлomu известный Дмитрий Шемяка.¹ В связи с этим интересно отметить, что в Синодике отсутствует имя Василия Темного, а показан его дядя Юрий Дмитриевич, он же отец Дмитрия Шемяки. Это говорит о том, что Каргополь в XV веке принадлежал Юрию Дмитриевичу и его сыновьям.

Так, поздняя запись в Синодике вскрывает кое-какие интересные детали в истории Каргополя и его района.

¹ ПСРА, т. XXV, стр. 269.

Н. М. МАСЛОВ

Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея

В 1954 году в Калужский областной музей поступило собрание рукописных книг бывш. Боровского районного музея Калужской области.¹ Боровск один из древнейших русских городов. Основание его относится к XIII веку. Неподалеку от Боровска расположен знаменитый Боровский Пафнутьев монастырь, основанный в XV веке и игравший в первые века своего существования большую роль в жизни Калужского края.

В свое время в Боровске имелись большие рукописные собрания (Пафнутьева монастыря, собирателя Н. П. Глухарева и др.). Ныне они перешли в ряд московских научных учреждений. Так, часть рукописных книг и документального материала из собрания Пафнутьева монастыря находится теперь в Государственном Историческом музее, в отделе документальных источников. Встречаются боровские рукописи и документы в Архиве древних актов и в других хранилищах Москвы.

До Великой Отечественной войны в Боровском районном музее, кроме рукописных книг, хранилось значительное количество документов XVI—XVIII веков из архива бывш. Пафнутьева монастыря. По преимуществу это были материалы хозяйственного значения. Кроме того, в музее имелись грамоты и столбцы из коллекции местного собирателя Н. П. Глухарева. Большой интерес представляли писцовые и переписные книги по г. Боровску XVII века. Недавно в музей поступило еще около 800 столбцов.

Судьба остальных рукописей в настоящее время не известна. Бесследно исчезло в годы войны и очень ценное собрание местной старообрядческой церкви, состоявшее из книг казанского коллекционера Ф. Т. Васильева.² Калужский музей предпринимает меры к разысканию боровских рукописных собраний.

Поступившие в 1954 году в Калужский музей боровские рукописные книги в большинстве своем относятся к церковно-богослужебным. Часть из них, как видно по надписям на книгах, принадлежала Пафнутьеву монастырю; другая часть (крюковые) — старообрядческого происхождения. Следует отметить, что ни одна из этих монастырских рукописей не была известна Леониду Кавелину, описавшему в свое время мона-

¹ О собрании Калужского музея см.: Н. М. Маслов. Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея. Труды ОДРА, т. X, 1954, стр. 479—484.

² Краткие сведения об этой коллекции см.: В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 468.

стырское собрание.¹ Неизвестны рукописи были и П. М. Строеву, составившему обзор рукописного материала Боровского Пафнутьева монастыря.² Очевидно, эти рукописные книги поступили в монастырскую библиотеку в более позднее время.

По времени написания старшая рукопись (Минея месячная) относится к XV веку. Большинство же рукописей переписано в XVI—XVII веках. Интересных записей, приписок и помет на рукописных книгах нет. Некоторые из рукописных книг XVI века имеют хорошо сохранившиеся характерные для того времени переплеты с орнаментированным тиснением, медными застежками и жуками. Несколько рукописей XVI—XVIII веков имеют украшения в виде заставок, исполненных красками и золотом, иногда очень искусно.

Кроме рукописных книг, Калужский музей получил из Боровска несколько старообрядческих подпольных гектографированных изданий. По содержанию это произведения полемической литературы. Время создания этих книг — конец XIX — первые годы XX века. Ранее они принадлежали местным старообрядческим деятелям (А. Д. Ковшову и др.).

Отметим наиболее ценные рукописи из Боровского собрания.

1. Житие Зосимы и Савватия Соловецких (в 49 главах), XVI в., в 4-ку, 234 л., полуустав, кожаный старинный переплет. В конце текста написано: „Сия же вся исповеда сам князь Иван Александрович отцу нашему игумену Филиппу. Мы же сия что слышахом у отца своего, то и написахом во славу Христу богу нашему и в похвалу преподобным отцем нашим“. На внутренней стороне первой доски переплета помета: „Из собрания книг Ф. Г. Васильева, № 31“.

2. Житие Зосимы и Савватия Соловецких, XVII в., в 4-ку, 172 л., полуустав, без начала и конца. Рукопись прошнурована и скреплена сургучной печатью Боровского музея. На л. 139 написано: „Чудеса и деяния и преславныя явления новосотвореная преподобных отецъ наших Зосимы и Саватия, соловецких новоявленных чудотворцев. Написашася сие в лето 1548 при игумене Филипе честныя обители Соловецкыя“.

3. Сборник, XVII в., в 4-ку, 176 л., скоропись, в старинном переплете. Содержит отдельные статьи из Киево-Печерского патерика, Иконописный подлинник и различные слова и поучения.

4. „Уложение царя Алексея Михайловича“, XVIII в. (1718 г.), в лист, 265 л., скоропись, в кожаном переплете.

5. Похвала и служба великому князю Даниилу Александровичу, XVIII в., в 4-ку, 40 л., полуустав, в кожаном переплете.

¹ Арх. Леонид. Обзорение рукописей... монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. ЧОИДР, кн. 4, М., 1865, стр. 9—12.

² П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Старожевского и Пафнутьева Боровского. СПб., 1891, стр. 294—315.

ХРОНИКА

Р. П. ДМИТРИЕВА

Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы¹

Сектор древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР проектирует на ближайшее десятилетие издать ряд монографий, посвященных наиболее значительным памятникам древнерусской литературы, особенно остро нуждающимся в новом литературоведческом осмыслении и в новом издании текстов на основании всего ныне доступного рукописного материала.

Отличительной особенностью предпринимаемой к изданию серии явится то, что в ней издание текстов будет основываться на полном их исследовании, причем результаты этих исследований будут печататься тут же. Изучение памятников древнерусской литературы невозможно без предварительного исследования всех их списков. Вот почему исследование памятников соединяется в проектируемой нами серии с их изданием. Опыт участия Сектора в серии „Литературные памятники“ Академии Наук СССР отчетливо показывает плодотворность именно такого типа монографий и необходимость дальнейшего его совершенствования. Частично работа над этой серией уже начата: недавно вышла „Казанская история“ (подготовлена Г. Н. Моисеевой), в производстве Издательства Академии Наук СССР находятся „Сочинения Ивана Пересветова“, „Сказание о князьях владимирских“ (вместе с примыкающими к „Сказанию“ литературными произведениями), „Сказание Авраамия Палицына“.

Расположение редакций текстов при издании должно быть построено на основании проведенного исследования с учетом всего нового, что дало исследование по данному памятнику.

Все предпринимаемые нами монографии должны показать литературную жизнь памятников, те изменения, которые происходили в их текстах в различные эпохи и в различных слоях древнерусского общества. Серия удовлетворит до некоторой степени запросы широкого читателя, но главным образом она должна служить интересам исследователей.

Издания памятников в серии рассчитаны только на литературоведов и историков, но не на лингвистов. Различные типы публикаций не должны смешиваться. Лингвистические издания текстов требуют особых приемов. В издании текстов настоящей серии самый выбор основного списка диктуется соображениями чисто текстологического, а не

¹ Публикуемый проект утвержден Сектором древнерусской литературы.

лингвистического характера: это может быть не древнейший список и не самый интересный в лингвистическом отношении. Кроме того, издание основного списка с соблюдением всех его особенностей, необходимых для лингвистического изучения, может крайне усложнить подведение вариантов. Как показал опыт историков (например издание „Судебников XV—XVI вв.“ 1952 года), издания, рассчитанные на лингвистов, но выполненные не лингвистами, последних удовлетворить не могут.

Впрочем, из этого нашего правила могут быть исключения для памятников первостепенной важности, дошедших до нас в одном или минимальном количестве списков (как, например, „Слово о полку Игореве“ — за списки считаем издание 1800 года и Екатерининскую копию, „Слово о погибели Русской Земли“ — в двух списках, „Горе Злочастие“).

Выпуски серии посвящены в первую очередь лучшим произведениям в художественном и идейном отношении и произведениям, имеющим большое историко-литературное значение.

Выпуски серии посвящаются литературным памятникам, которые возникли как отдельные произведения. Издание какой-либо части произведения вне того целого, в котором она возникла и переписывалась, не может иметь научного значения. Поэтому, например, повести, написанные летописцами при составлении ими летописных сводов и не существовавшие в отдельном от летописи виде, в серию не включаются.

Вся серия предназначаемых к изданию памятников распределяется на отдельные выпуски. Последовательность выхода в свет памятников определяется степенью подготовленности каждого выпуска.

Не будем перечислять все памятники древнерусской литературы, которым могут быть посвящены монографические исследования-издания нашей серии, скажем только о тех, которые необходимо и возможно исследовать и издать в ближайшие годы.

В первую очередь предположено издать отдельными выпусками монографии, посвященные следующим произведениям или группам произведений: Сочинения митрополита Илариона, Жития Бориса и Глеба, Слова Кирилла Туровского, Киево-Печерский патерик, Хождение игумена Даниила, „История иудейской войны“ Иосифа Флавия, Девгениево деяние, Моление Даниила Заточника, Жития Александра Невского и Слово о погибели Русской Земли, Повесть о разорении Рязани Батыем, Сказание о Мамаевом побоище, Задонщина, Повесть о мутьянском воеводе Дракуле и Повесть о грузинской царице Динаре (предположительно объединяем их в одном выпуске), Повесть о Петре и Февронии, Повести и сказания о Соломоне, Повесть о Басарге, жития, написанные Епифанием Премудрым, Новгородский цикл сказаний XV века (цикл архиепископа Иоанна и др.), Повести о „Псковском взятии“ 1510 года (псковских и московских редакций), Валаамская беседа, Сочинения Ивана Грозного (включая и его речи), Домострой, Записи произведений фольклора, сделанные в XVI—XVII веках (былины, исторические и лирические песни), Повесть о двух посольствах, Повесть о царствовании Федора Иоанновича, Азовские повести, Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о Еруслане Лазаревиче, Повесть о Бове-королевиче, Повесть о Тверском отроче монастыре, Повести о начале Москвы, Житие протопопа Аввакума, Артаксерксово действо, Сочинения Симеона Полоцкого (выборочно — отдельные сборники).

Все перечисленные памятники и группы произведений нуждаются в новом, углубленном марксистско-ленинском осмыслении. Все они должны быть изучены на основе достижений современной литературоведческой науки.

Само собой разумеется, что вышеприведенный список отнюдь не исчерпывает всех памятников, которые могут быть изданы в проектируемой серии.

Предлагаемые нами ниже правила издания составлены в первую очередь применительно к вышеперечисленным памятникам, учитывают возможные особенности их издания.

Темы отдельных выпусков

Отдельным выпуском может издаваться: 1) одно произведение (например „Киево-Печерский патерик“); 2) ряд произведений, связанных хронологически и объединенных идейно-художественной общностью (например „Повесть о мутьянском воеводе Дракуле“ и „Повесть о грузинской царице Динаре“); 3) произведения, принадлежащие одному автору (например жития, написанные Епифанием Премудрым).

Структура каждого отдельного выпуска

Примерный распорядок материала в каждом выпуске монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы следующий: а) историко-литературное исследование; б) текстологическое исследование; в) издание текстов (редакции и разночтения к ним); г) комментарии; д) указатели.

Само собой разумеется, что от этого типа в издании могут быть отдельные отклонения. Так, например, если историко-литературное исследование охватывает все материалы, которые должны были бы быть включены в комментарий, то комментарий, естественно, становится ненужным, и допустимо ограничиться одними указателями, по которым читатель мог бы разыскать необходимое ему объяснение в тексте историко-литературного исследования.

Историко-литературное исследование

В историко-литературном исследовании автор должен показать место памятника в общем ходе развития древнерусской литературы, его социально-политическое значение, художественные достоинства и особенности. Статья должна охватывать все стороны историко-литературного изучения памятника, учитывать все достижения науки литературоведческой и исторической и содержать собственные выводы исследователя.

Размеры историко-литературного исследования, так же как исследования текстологического и комментария, не ограничиваются. Они могут занимать большую часть выпуска, но, разумеется, не должны превышать тот объем, который вызывается необходимостью.

Текстологическое исследование

В текстологическом исследовании должно быть дано описание всего доступного рукописного наследия, связанного с данным памятником. Здесь же должно быть произведено разделение списков на редакции и обоснование этого разделения, приведены характеристики каждой

редакции, отличия их друг от друга. Кроме того, необходимо привести описание всех списков, привлеченных к изданию. На основании полного анализа списков каждой редакции и восстановления истории текста следует дать аргументацию выбора основного списка.

Описание каждого списка включает следующие сведения: 1) шифр; 2) заглавие произведения или начало его; 3) почерк; 4) время рукописи (по почерку, водяным знакам и другим признакам); 5) размер рукописи; 6) писчий материал в том случае, если текст написан не на бумаге, а на каком-либо другом материале (пергамен, береста); 7) указание на листы, которые занимает текст; 8) общие сведения о литературном окружении в рукописи издаваемого текста (если эти сведения могут помочь раскрыть историю текста в составе сборников); 9) особенности внешнего оформления (заставки, вязь, киноварь). Кроме того, при описании списка должна быть дана характеристика текста данного списка и показаны его связи с остальными списками данного произведения. Выводы, построенные на основании такого анализа, исследователь помещает там, где это окажется наиболее удобным.

В текстологическое исследование должно быть включено не только полное перечисление предыдущих изданий текстов данного памятника, но оно должно содержать подробный критический разбор этих изданий. В нем должна быть по возможности вскрыта вся история текста памятника (с посильным объяснением появления всех редакций и всех изменений текста в отдельных редакциях). Это главная задача текстологического исследования. Кроме того, в нем должны быть подробно объяснены приемы издания, его особенности и отступления от принятых правил.

Поскольку текстологическое исследование учитывает литературоведческий анализ памятника, а литературоведческая характеристика памятника невозможна без данных его текстологического исследования — последнее может в наиболее ясных случаях сливаться с историко-литературным исследованием, входить в него нераздельной частью. Иными словами, исследование памятника может представлять собой единую работу, не разделяемую на собственно литературоведческую и собственно текстологическую части.

Вопросы, связанные с выбором основного списка, установлением редакций, их последовательности решаются на основании полного текстологического анализа.

Приемы же текстологического анализа не могут быть раскрыты в правилах, инструкциях и проектах вроде того, который мы сейчас предлагаем вниманию читателей. Это дело специальных исследований по текстологии и учебных пособий.

Техническое оформление подготовленного текста к изданию

В этой части правил мы даем только технические приемы оформления подготовленного текста.

Каждое издание осуществляется только на основании полного текстологического изучения всех сохранившихся списков памятника и восстановления на этой основе истории текста издаваемого произведения. Каждая из редакций памятника издается отдельно. Смещение редакций, составление сводного текста (в целях наибольшей „полноты“ или восстановления архетипа) недопустимо в издании, однако в исследовательской части книги всякого рода реконструкции в сопровождении

точных объяснений приемов, которыми они выполнены, возможны, а в некоторых случаях и желательны. Частичное издание текста не допускается. Отдельные редакции памятника могут не издаваться только тогда, когда они не имеют историко-литературного значения (например поздняя, т. е. XVIII века, церковная редакция Повести о разорении Рязани Батыем). Тексты в издании (редакции, виды, изводы и пр.) следует располагать так, чтобы наиболее отчетливо и хронологически последовательно представить все изменения в жизни памятника.

Передача текста. Текст передается современным шрифтом с заменой недостающих в современном алфавите букв: *i* заменяется через *и*; *ѵ* через *е* (для текстов с начала XVI века); *ѿита* через *ѿ*; *кси* через *кс*; *пси* через *пс*; *омег*а через *о*; *ук* и *оу* через *у*; *ѿотированный аз* и *ѿс малый* через *я*; *ѿотированное ест*ь через *е*; *ѿс большой* через *у*; *ѿ* в конце слова опускается, а в середине сохраняется. Титла раскрываются, согласуясь с написанием подобных слов в данной рукописи. Выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием в данной рукописи этих слов. В случае, если в самой рукописи нет указаний на это, выносная буква вносится в слово в соответствии с теперешним написанием (кня^а — князь). Выносное *ж* передается через *же*, *с* в окончании возвратных и притяжательных глаголов через *ся* (если это согласуется с языком списка). Местоимение *и* в отличие от союза отмечается ударением. Буквы-цифры передаются арабскими цифрами; цифры, написанные словами, сохраняют свое написание. К цифрам с падежным окончанием прибавляется дефис. Надстрочные знаки полностью опускаются. Пунктуация дается по правилам современной орфографии. Личные имена и географические и собственные названия пишутся с прописной буквы, названия народов — со строчной, кроме тех памятников, в которых имеются случаи, когда название народа может быть принято за название страны („и поиде в Половцы“). Текст памятника расчленяется исследователем на абзацы соответственно его содержанию. Прямая речь берется в кавычки. Если в языке списка имеется смешение косвенной речи с прямой (что обычно для древнерусских памятников) и прямая речь вводится с помощью слов „что“, „яко“ и т. п., то эти последние слова в кавычки не заключаются („глаголашеть бо, яко «Преиду по Волхову пред всеми»“). Заглавие, если оно имеется в тексте, дается прямым шрифтом в разрядку. Научное название (данное произведению исследователями) набирается курсивом.¹

Листы рукописи — *recto* и *verso* — основного списка отмечаются на полях петитом: ставится цифра листа — простая для *recto* и с прибавлением сокращения „об.“ (т. е. „оборот“) для *verso* (напр.: лл. 17, 17 об., 18, 18 об.). При переходе к новому листу или к его обороту в соответствующем месте текста ставится разделительный знак (||).

Исправление в текст основного списка вносится только, в том случае, если в нем есть явная (не подлежащая сомнению) описка, причем вносится как при наличии явно исправляющих разночтений, так и при отсутствии их (например пропуски и перестановки букв, повторения слов и т. п.). Обозначается это в тексте общим знаком сноски после того слова, которое исправлено, а в сноске пишется, что текст исправлен (*Испр.*; в *рукоп.* за не). Обычные „лучшие“ чтения в издаваемый текст

¹ Курсивом в тексте памятника и в сносках выделяется все то, что не представляет собой текста списка и что исходит от исследователя (например исправления, вносимые в текст основного списка из других списков, различные объяснения исследователя в сносках, научное название памятника и т. д.).

из других списков не вносятся, так как выбор этих „лучших“ чтений может оказаться субъективным и нарушить целостность текста списка. Исправление в тексте выделяется курсивом (причем, если в слове исправлено несколько букв, то курсивом отмечаются только эти исправленные буквы), а в сносках оговаривается следующим образом: *Так в АВ, в рукоп.* нашел.

Пропуски и неразобранные места в тексте обозначаются тремя точками и оговариваются в сносках. Пропуски в тексте и неразобранные места основного списка в наиболее бесспорных случаях могут быть восполнены по другим спискам или по смыслу, но также оговорены в сносках (*Так в АВ, в рукоп. нет.*) и отмечены курсивом (как текст, внесенный исследователем).

Подстрочные примечания (сноски). Подстрочные примечания разбиваются на две группы — верхнюю и нижнюю.

Верхнюю группу сносок составляют замечания по поводу текста основного списка (замечания о палеографических особенностях, внесенных в текст поправках и исправлениях, приписках на полях и т. д.). Нижнюю группу составляют разночтения других списков к соответствующим местам основного списка. Примечания каждой группы печатаются в подбор и для удобства пользования ими между строчками при наборе оставляются пробелы больше обычного. Примечания второй группы начинаются с нового абзаца.

Сноски верхней группы обозначаются строчными буквами алфавита (а, б, в, г, и т. д.), которые ставятся без отбивки вслед за словом, если замечание относится к одному слову. Если же замечание относится к группе слов, то ставятся два знака (буквы) — перед первым словом и после последнего. В сносках сначала ставится знак сноски и вслед за ней дается разъяснение к тексту, помещенному под этим знаком. Замечание к группе слов в сносках обозначается следующим образом: ставятся оба знака, соединенные между собой тире, затем идет разъяснение. Весь текст, принадлежащий исследователю, печатается курсивом. Повторяющиеся замечания исследователя сокращаются (например: *Исправл. по А; Доб. из А; Так в А, и т. д.*)

В нижней группе помещаются разночтения других списков к соответствующему тексту основного списка. Разночтения приводятся по тому количеству списков, какое окажется необходимым в результате полного их исследования. Если число списков незначительно и разночтения представляют собой ценность для исследователя, разночтения приводятся по всем спискам. Если количество списков очень велико и среди них есть списки, не представляющие собой ценности, то разночтения последних не приводятся. В зависимости от значения издаваемого памятника, времени его создания и сохранности текстов разночтения приводятся: 1) все, какие имеются в других списках сравнительно с основным, 2) те, которые имеют только смысловое и языковое значение (опускаются орфографические разночтения, перестановки слов, пропущенный или вставленный союз и, междометие же).

Для удобства подведения разночтений каждый список произведения получает условное обозначение прописной буквой русского алфавита (А, Б, В..., но не обязательно в порядке алфавита¹) и под таким обо-

¹ В некоторых случаях в качестве условного обозначения можно брать первую букву названия списка (например, Погодинский список № 1402 обозначается буквой П, Хлебниковский № 3 — Х, Библиотеки Академии Наук СССР № 4.18.26 — Б, и т. д.). Этот способ обозначения тем удобен для читателя, что облегчает запоминание условных обозначений. В других случаях все списки могут быть расположены по степени

значением приводится в сносках. Условные обозначения следует оговорить в текстологическом исследовании при описании списков произведения. Условные обозначения в сносках ставятся после текста разночтения (например: ⁴держаше *B*). Такая постановка условного обозначения удобнее, чем постановка его перед разночтением, так как она позволяет ставить знаки препинания после условного обозначения списка произведения (точку, точку с запятой или запятую; например: держаше *B*; держав *K*; держит *П.*), и эти знаки препинания само собой разумеется не могут относиться к издаваемому тексту памятника (иногда изменение грамматической структуры текста влечет за собой изменение пунктуации, применяемой исследователем, и это изменение должно быть отмечено для ясности в разночтениях). Кроме того, такая постановка условного обозначения выделяет основное — изменение самого текста. В большинстве изданий текстов (например во всех изданиях летописей) принята именно такая постановка условных обозначений (после текста разночтения).

В качестве знаков сносок применяются арабские цифры от 1 до 100 (1, 2, 3, 4...). Когда количество сносок превышает сто, то следующая группа сносок вновь обозначается цифрами от 1 до 100. Каждая сотня знаков в сносках отмечается римскими цифрами по порядку (I, II, III). Римская цифра ставится перед каждой единицей знака сноски (^{I, 1} держаше *B*; ^{III, 1} за *A*). Такая нумерация знаков сносок (по сотням, а не на каждой странице отдельно) представляет чисто технические, типографские удобства (она не зависит от верстки и переверстки) и удобнее обычной, постраничной, так как позволяет делать ссылки на разночтения в исследовании до получения верстки.

Когда разночтение относится к одному слову, то знак сноски в тексте ставится у этого слова (но не впереди слова, а после него: Егда седе¹). Когда разночтение относится к двум или группе слов, то в тексте ставится два знака сноски: перед первым словом и после последнего (Егда³ седе в Киеве⁴), а в разночтениях эти цифры соединяются дефисом (³⁻⁴ седаху в Киеве *B*). Если знак сноски уже имеется для другого разночтения, то в разночтениях им можно воспользоваться вторично (так, в предшествующем примере — „Егда³ седе в Киеве⁴“ — цифра 4 в разночтениях может быть дана так: „³⁻⁴ приде в Киев *Г*“ и „⁴ Киеве *Д*“). Цифры сносок в тексте могут повторяться в пределах одной страницы для однообразных разночтений. В этом последнем случае внизу наборной полосы разночтения помещаются только один раз.

Располагаются разночтения в сносках по порядку знаков сносок. В случае если знак сноски состоит из двух цифр, разночтение ставится по первой цифре знака (^{1, 2, 3-6, 4, 5, ...}). Когда первая цифра знака сноски повторяется, сначала ставится сноска с одной цифрой, а затем с двумя (⁴ нет; ⁴⁻⁶ не был *B*).

Разночтение в сноске приводится в таком виде, в каком оно должно стоять в тексте, т. е. без сохранения знака препинания в конце разночтения и с сохранением знаков препинания в середине разночтения или с необходимыми изменениями знаков препинания, когда в списке, принятом для разночтений, меняется синтаксическая структура разно-

их близости к основному и получить условные обозначения по порядку алфавита (*A, B, B, Г* и т. д.). Этот прием удобен в тех случаях, когда он может выявить особенности движения текста, что, впрочем, не всегда удается сделать именно этим способом. Могут быть приняты и другие системы условных обозначений. В случае, если списков больше, чем букв в русском алфавите, можно дополнительно брать латинские и греческие буквы.

чтения. В конце разночтений знаки препинания отмечаются только в том случае, если текст синтаксически меняется и это необходимо отметить в разночтении.

Если какое-либо слово отсутствует в неосновном списке, то в сноске это обозначается словом „нет“ с прописной буквы (³*Нет А*). Если же какого-нибудь слова нет в основном списке, то знак сноски в тексте ставится после слова, за которым оно должно идти, а в сноске под этим знаком пишется сокращенно слово „добавлено“ с прописной буквы и соответствующий текст (⁴*Доб. пришел А*).

Если разночтение относится к нескольким спискам, то в сноске после разночтения пишутся условные обозначения этих списков без отделения друг от друга запятой (⁵пошлете *АВД*). В сносках каждое разночтение отделяется точкой с запятой, а каждая сноска от другой отделяется точкой (⁵пошлете *АВД*; пошли *К*).

Комментарии

Комментарии должны носить справочно-исследовательский характер, но не повторять сведений, которые читатель мог бы найти в элементарной справочной литературе. Обязательно приводятся толкования или только материалы к толкованию (если последнее не может быть дано) спорных мест текста.

Комментарии помещаются в конце книги. Связь с текстом осуществляется путем указания листов основного списка, к которому относится данный комментарий. Каждый отдельный комментарий пишется следующим образом: на первом месте обозначается лист текста (например: *К л. 85 об.*), набранный в красную строку, затем текст произведения, подлежащий разъяснению (или его первое и последнее слово, если он велик), причем текст этот подчеркивается; после этого текста дается его разъяснение. Если на одном листе комментируется несколько мест, то указание листа в комментариях дается только один раз.

Указатели

Указатели личных имен. В указатели личных имен вносятся все встречающиеся в тексте имена лиц в следующем порядке: фамилия, имя, отчество. Знаком препинания они не разделяются. Если есть указание на титул, звание, прозвище, то последнее пишется после имени и отделяется запятой. Если нет фамилии, то пишется имя и отчество, если нет отчества, пишется одно имя. Разночтения по имени пишутся рядом. Все разночтения имени вносятся в другом месте указателя со ссылкой на наиболее правильное его чтение или наиболее употребительное (например: „Иоанн Грозный см. Иван Грозный“, „Еван см. Иван“, и т. п.).

Название княжества при титуле князя пишется с прописной буквы только тогда, когда оно вошло в употребление как прозвище данного князя (например „Михаил Черниговский“, но „Ярослав Владимирович Мудрый, князь киевский“).

После имени, а если есть титул и звание, то после них, пишутся без отделения знаком страницы, на которых упомянуто имя. Между собой они отделены запятыми, но после указания последней страницы никакого знака не ставится. Если к имени имеется разночтение, то оно ставится после перечисления страниц к основному чтению имени, после

него, так же как после основного чтения, указываются страницы, где оно упомянуто в тексте (например: Иван 5, 6, 8, 10, 12; Еван 10, 16, 18).

Разночтения по имени тоже приводятся в указателе, но вслед за именем после запятой стоит „см.“ и основное чтение.

Указатель географических названий включает все встречающиеся в данном тексте географические наименования. Определения, которые имеются при названии (например „река“, „город“, когда это не ясно для читателя), вносятся также в указатель после названия, по таким же правилам, как и в именном указателе. Разночтения географических названий вносятся по такому же принципу, как и в именном.

Иллюстрации

Наиболее значительные списки, по которым выполнено издание, должны быть представлены снимками для каждого почерка отдельно (особенно в случае спорности или важности датировки списков). Отдельные списки памятников уникальной ценности желательно издавать фотомеханически целиком, например, Екатерининскую копию и печатный текст издания 1800 года „Слова о полку Игореве“ (печатный текст 1800 года принимаем за список). Наличие фотомеханического воспроизведения списка отнюдь не освобождает издателей от печатного его воспроизведения (полностью или в разночтениях). Кроме того, к изданию могут быть приложены и другие иллюстрации. В частности, желательно текстологическое исследование сопровождать таблицами взаимоотношений редакций и списков.

* *
*

Само собой разумеется, что специфические особенности того или иного памятника могут потребовать внесения изменения в данные правила. Предлагаемые правила приводятся нами лишь как желательная форма, от которой возможны мотивированные (в предисловии или в другом месте текста) отступления. Разумеется также, что в данных правилах не могут быть предусмотрены все случаи, перед которыми оказывается исследователь, особенно при издании сложных в текстологическом отношении памятников. Однако мы надеемся, что предлагаемые правила внесут известное единообразие в предполагаемое Сектором издание серии монографий. Единообразие нужно прежде всего для того, чтобы читатель не был вынужден каждый раз вновь усваивать условности издания, на что непроизводительно уходит иногда много времени. Различные типы подачи текста вредны еще и потому, что они часто приводят к недопониманию (особенно у малоопытного читателя), а издателя заставляют иногда обращаться к худшим приемам издания текста (исследователь текста, готовя текст к печати, не учитывает иногда типографско-издательской техники). Однако единообразие должно вводиться в отдельные выпуски, конечно, только в пределах разумности.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ

**Отчет постоянной Комиссии по „Слову о полку Игореве“
Союза советских писателей СССР**

(За период с 1951 года по 1 декабря 1954 года)

Постоянная Комиссия по „Слову о полку Игореве“ Союза советских писателей СССР возникла в начале 1951 года по инициативе группы литераторов, в частности переводчика „Слова“ И. А. Новикова, который и состоит председателем Комиссии с ее основания. Комиссия считает, что в центре ее внимания должны стоять творческие вопросы как в отношении самого памятника, так и его переводов и переложений. Однако, учитывая, что эти вопросы самым тесным образом связаны с пониманием текста „Слова“ и с правильным освещением социально-исторического фона, географических данных, языковой стороны и т. д., Комиссия не ограничивает себя какой-либо узкой областью, открывая свои двери для сообщений разнообразного характера. В работе Комиссии участвуют как члены ССП, так и некоторые, не состоящие в ССП, исследователи и переводчики „Слова“.

Комиссия открыла свою деятельность докладом поэта Н. А. Заболоцкого „Ритмика «Слова о полку Игореве»“ (11 апреля 1951 г.), в котором автор указывает на смены ритмов в структуре „Слова“ и подчеркивает связь ритмики „Слова“ с приемами народной словесности. Как известно, концепция последовательных ритмических характеристик легла в основу стихотворного переложения „Слова“, сделанного Н. А. Заболоцким и опубликованного впервые в 1946 году.

Той же весной Комиссия заслушала доклад проф. В. А. Дынная-Соколовой „О жанре «Слова о полку Игореве»“ (31 мая 1951 г.).

Противопоставляя „Слово“ поучительно-риторическим памятникам древней Руси, проф. Дынная полагает, что „Слово“ принадлежит к жанру устного эпического творчества. Докладчица пытается определить, к кому, собственно, обращено „Слово“, и приходит к выводу, что обращено оно непосредственно к князьям, которых автор призывает к единению, но что через их голову он адресуется к общественному мнению. Полемизируя с традиционным пониманием отношения автора к Бояну, докладчик утверждает, что автор считает себя последователем Бояна. Проф. Дынная сообщила, что сделанный ею доклад представляет собою часть ее большой работы над „Словом“.

В дальнейшем работа Комиссии была главным образом посвящена, с одной стороны, вопросам историческим, с другой — разъяснению ряда „темных мест“ „Слова“ и толкованию некоторых изложенных в „Слове“ событий.

В этом ряду следует прежде всего упомянуть обширный доклад генерала-лейтенанта проф. В. Г. Федорова, автора книги „Военные вопросы в «Слове о полку Игореве»“, — „Новые изыскания по военным вопросам «Слова о полку Игореве»“ (18 марта 1952 г.). В центре внимания доклада стоял вопрос о точном установлении места действия военных событий „Слова“. Автор развивал положения, изложенные в его книге, и демонстрировал старинные карты, в которых автор находит подтверждение своей теории о том, что битвы Игоря с половцами произошли в районе реки Кривель, у слияния рек Орели и Орельки.

К докладу проф. В. Г. Федорова тесно примыкает по теме доклад, сделанный в Комиссии А. В. Позднеевым: „Об исторических событиях, отраженных в «Слове о полку Игореве»“. Докладчик указывает на то обстоятельство, что в вопросе о походе Игоря между летописями и современным пониманием существуют противоречия, приводит ряд хронологических данных и соображений о приготовлениях половцев к походу на русских. Он полагает, что поход Кончака на Киев имел место не в 1184, а в 1185 году. Докладчик подчеркивает оригинальность плана Игоря, предпринявшего свой набег на половцев в пору весеннего разлива рек, на что указывал и проф. В. Г. Федоров, но полагает, что и Кончак выступил в поход во время весеннего разлива, т. е. его план оказался одинаковым с планом Игоря, что, при неравенстве сил, и привело войско Игоря к катастрофе. Основываясь на данных Татищева, пользовавшегося ныне утраченными летописями, докладчик противопоставляет Игоря Святославу Киевскому, стоявшему за союз с половцами. Игорь, по мнению докладчика, поступил не легкомысленно, а вполне сознательно и проявил в своей инициативе подлинную патриотичность. Факты, извлекаемые докладчиком из изучения исторического материала, приводят его к заключению, что следует пересмотреть многое в понимании обстановки, в которой происходил поход Игоря 1185 года.

Целый ряд заседаний Комиссии был посвящен прослушанию и обсуждению отдельных глав большой работы Е. Ф. Корша по „Слову о полку Игореве“. Состоялось 10 докладов Е. Ф. Корша, а именно:

1) „Троян“ (13 февраля 1953 г.). Докладчик развивает ту мысль, что Троян, Троянова земля, Троянова тропа и Троянова эпоха („вѣчи Трояни“) еще были для Бояна, для автора „Слова“, дружинной среды и значительной части слушателей вполне реальными объектами, известными им по дружинным, военно-историческим сказаниям, не имеющим, однако, ничего общего с балканскими легендами об императоре Траяне.

2) „Див“ (2 марта 1953 г.). Докладчик считает образ Дива отголоском иранского дуализма. Див, по мнению докладчика, антипод светлого солнечного начала. В „Слове“ Див явно противопоставляется Дажь-богу, так же как русские даждь-божьи внуки противопоставляются дивьим (бесовым) детям — половцам.

3) „Харалуг“ и 4) „Кольчуги и вопрос об импорте вооружения“ (14 апреля 1953 г.). Оба доклада посвящены двум ответственным видам вооружения — мечам и кольчугам. Независимо от собственного производства, эти два предмета в большом количестве ввозились. С ростом военных сил росла и потребность в импорте этих предметов вооружения. Два события — нашествие сельджуков и крестовые походы — прерывают или смещают прежние торговые пути и связи. Во второй половине XII века положение ухудшается, особенно для Киевско-Черниговской Руси. Наиболее доступным для нее оставался Кавказ, где действовали значительные центры оружейного производства, в частности кольчуг и мечей. „Харалуг“ — вероятно крымско-приазовская огласовка западно-

тюркского „каралуг“, что в применении к мечам значит „вороненый“. Боевую ценность этих мечей составляло соединение твердости стали (наваренных лезвий) и вязкость железа (середина полосы).

5) „Копие приломити“ (23 декабря 1953 г.). Это выражение, по мнению докладчика, включает вполне реальное содержание, обусловленное диалектикой развития вооружения и соответственной боевой тактикой.

6) „Стрикусы“ (тогда же). Докладчик видит в слове „стрикусы“ вне всякого сомнения топоры, но с более длинным топорищем (для двух рук) и другой формы, чем „боевые“ топоры, германские и русские.

7) „Шереширы“ (тогда же). Докладчик приводит доказательство того, что „шерешир“ — зажигательный снаряд ракетного типа, пускавшийся со станка или станкового самострела. Рязанские Глебовичи были непосредственными соседями придонской степи, которую они в сухую погоду выжигали, ограждая свои пределы от близкого соседства половцев или тревожа половцев в их собственных пределах. Таким образом, имелось основание называть их „живыми шереширами“.

8) „Бегство Игоря“ (24 марта 1954 г.). Разбирая условия побега Игоря, докладчик приходит к убеждению, что Игорь бежал осенью того же года, приблизительно в начале октября. Рисуя схему обычной речной поймы, докладчик полагает, что единственное место, где беглецы могли продвигаться и вместе с тем быть „невидимками“, — это заросли лозы, которые более или менее широкой полосой шли по краю поймы. Гзак и Кончак напрасно ездили по берегу поймы, надеясь, что такие птицы, как сороки, вороны, галки да и те же чайки, выдадут присутствие Игоря и Овлура своим особым криком, но птицы молчали, потому что не могли видеть беглецов, а не могли видеть потому, что Игорь и Овлур ползли лозняком — „бо лозию ползоша“.

9) „Преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся (сами?) подѣлимъ“ (7 апреля 1954 г.). По мнению докладчика, это высказывание Игоря стоит в прямой связи с походом предшествующего года, где отличился молодой князь Владимир Глебович, который начал разгром половцев один и этим заслужил „переднюю славу“, а затем довершил его вместе с подоспевшими князьями и, таким образом, разделил с ними и последующую („заднюю“) славу. Ту же роль думал сыграть и Игорь в походе 1185 года.

10) „Поють время Бусово“ (9 июня 1954 г.). Толкование Буса как антского вождя Боуса, по мнению докладчика, искусственно и неубедительно. Докладчик видит в Бусе имя какого-то кочевнического вождя или хана (ср. „Бусова крепость“ у южного Донца). Возможно, что „Бус“ — местная огласовка хана Булуша или Булуса. Что касается Шаруканя, то он должен был быть одинаково ненавистен и готам, и Тмутараканской Руси, и южному Крыму.

Толкованию „темных мест“ „Слова“ были посвящены еще два сообщения. В. И. Стеллецкий в докладе „К изучению текста «Слова о полку Игореве»“ (10 марта 1954 г.) дает разъяснение выражения „князю Игорю не быть“. Полемизируя с существующими толкованиями, докладчик указывает на связь разбираемого отрывка с былинной, сказочной необычайностью, с устным народным творчеством. Побег князя Игоря дается, по мнению докладчика, в древних, сказочно-языческих представлениях оборотничества. Исходя из этого, докладчик предлагает новое, ранее не высказывавшееся разъяснение данного „темного места“: он видит в выражении „князю Игорю не быть“ („не быти“) инфинитивное предложение. Напоминая, что подобные предложения нередко встречаются в русской речи со значением неизбежности, необходимости

или сильного желания, а также широко употребительны в устном народном творчестве, докладчик считает закономерным здесь наличие дательного падежа (дательный при инфинитиве). Он понимает эти слова как возглас Овлура. Докладчик приводит аналогии подобного употребления дательного падежа в русских, белорусских и украинских заклинаниях.

Докладчик считает, что его понимание данного „темного места“ дает ключ к истолкованию также и выражения „не мыслію ти прелетѣти“, которое следует понимать тоже как предложение инфинитивное.

В. Ф. Соболевский посвятил свое сообщение начальной фразе „Слова“ — „Не лѣпо ли ны бяшетъ...“ (12 мая 1954 г.). Докладчик полагает, что самый приступ „Слова“ имеет уже композиционное, конструктивное значение. В понимании этого приступа докладчик видит уклончиво выраженный отказ от бояновой традиции, в чем приближается к толкованию этого места, данному Пушкиным. Докладчик предлагает, основываясь на аналогиях в древних памятниках, писать „не лѣпо“ слитно. Это свое понимание докладчик положил в основу подготавливаемого им перевода „Слова“.

Значительный интерес Комиссии вызвало сообщение Г. П. Шторма, поделившегося своими впечатлениями от поездки в Курскую область, предпринятой с целью напасть на следы древней рукописи „Слова“ (6 февраля 1952 г.).

21 апреля 1954 года Комиссия заслушала доклад А. В. Позднеева „О трех экземплярах издания «Слова о полку Игореве» 1800 года“.

Комиссия в ходе своей работы поручила С. В. Шервинскому дать рецензию на перевод „Слова“, выполненный Н. П. Анцукевичем (Вильнюс) и присланный автором в Комиссию для отзыва. Рецензия С. В. Шервинского была затем зачитана на заседании Комиссии (7 апреля 1954 г.) и направлена Н. П. Анцукевичу. На том же заседании В. И. Стеллецкий огласил свой краткий отзыв о работе Н. П. Анцукевича.

В начале текущего академического года Комиссия заслушала новый стихотворный перевод „Слова“, исполненный Е. Н. Бируковой (20 октября 1954 г.). Перевод этот, отличающийся несомненными поэтическими достоинствами, принадлежит к разряду тех, которые склоняются в сторону народного творчества в отношении ритмическом и лексическом.

Доклады в Комиссии вызывали оживленные прения, в которых под руководством председателя И. В. Новикова обычно принимали участие все присутствующие на заседании.

В. В. ДАНИЛОВ

Новое польское издание „Слова о полку Игореве“¹

„Немного найдется в мировой литературе произведений, великие художественные достоинства которых и непреходящее поэтическое обаяние равнялись бы «Слову о полку Игореве»“.

Таковыми знаменательными словами начинает свой ценный труд А. Обрембская-Яблонская. Мы нисколько не преувеличиваем значения ее работы, исполненной с любовью к древнерусскому памятнику и с заботливым желанием, чтобы он дошел до польского читателя в интересной и доступной форме. Эту цель труда А. Обрембская-Яблонская выясняет в предисловии, в котором также указывает основные исследования о „Слове“, на которые она опиралась в объяснении и комментировании памятника. Это — издания „Слова“ А. С. Орлова, Шамбинаго и Ржиги, Д. С. Лихачева и „неоценимая“, как говорит А. Обрембская-Яблонская, работа о „Слове“ В. Н. Перетца, которую она называет „энциклопедическим собранием всех возможных объяснений и интерпретаций“ памятника и, наконец, юбилейный сборник исследований и статей о „Слове“ под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, изданный Институтом русской литературы Академии Наук СССР.

Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит работу А. Обрембской-Яблонской „Историческое и культурное значение произведения“, в которой восемь глав: открытие „Слова“, поход Игоря по сведениям русских летописей, „Слово“ как произведение своей эпохи, язык, правописание и критика текста, литературный генезис „Слова“, содержание и художественный план произведения, отзывы „Слова“ и скептики, „Слово“ в польских переводах.

Говоря о скептическом отношении к „Слову“, А. Обрембская-Яблонская подробно останавливается на домыслах Мазона о неподлинности великого произведения, характеризуя их как „ошибки односторонности, которые должны были не только подкопать, но и похоронить большинство (większość) его доводов“ (стр. 59). В этом мы не можем согласиться с А. Обрембской-Яблонской. Похоронено не „большинство“ доводов Мазона, а вся его концепция, если можно так назвать сугубо нарочитое и грубо склеенное измышление Мазона.

Для нас особенно интересна последняя глава работы А. Обрембской-Яблонской, содержащая очерк польской библиографии „Слова“ и критический обзор переводов памятника на польский язык (стр. 64—98).

Самое раннее упоминание о „Слове“ в польской литературе падает на 1804 год и принадлежит Киприану Годабскому (т. III „Zabaw przysemych i przytecznych“ — „Приятные и полезные развлечения“). Вот это

¹ Slovo o wyprawie Jgora. W opracowaniu Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, 1954.

упоминание: „Не можем не сказать о славной Песне Игоря графа А. И. Мусин-Пушкина, извлеченной из очень древней рукописи, которую известное периодическое издание, под названием «Le Spectateur du Nord», сравнивает с прекраснейшею Песнью Оссиана“. Таким образом, сведения Гобебского о „Слове“ шли от сообщения в гамбургском журнале „Северный зритель“, сделанного Н. М. Карамзиным в октябре 1797 года.

В 1806 году Гобебским в V томе „Zabaw“ была напечатана статья „О заграничной литературе (продолжение русской литературы)“, в которой были сообщены более обширные сведения о „Слове“ и приведены стихотворные переложения отрывков из него. Автор не имел в своем распоряжении оригинала и заимствовал сведения о памятнике и тексты из немецкого источника — „Дневников“ Коцебу.

Затем идут сообщения о „Слове“ и переводы отдельных мест из него в принадлежащем Линде переводе „Опыта истории русской литературы“ Греча („Rys historyczny literatury rosyjskiej“, 1823), в „Истории государства российского“ Карамзина в переводе Бучинского (1824) и в труде Раковецкого „Prawda Ruska“ (1820—1822), где приводятся немногочисленные фрагменты из „Слова“ как иллюстрации к древней истории славян. В 1823 году в „Рассуждении об элегии“ зачинатель романтического движения в польской литературе Казимир Бродзинский дал перевод „Плача Ярославны“ как пример элегии, причем и все „Слово“ в целом Бродзинский называет „героической элегией“.

Перечисленные факты свидетельствуют о давнем интересе к „Слову“ в польской литературе. Но с полным содержанием „Слова“ впервые познакомил польских читателей Август Белёвский в книге „Wuprawa Jgora na Rołowców. Poemat sławiański“ („Поход Игоря на половцев. Славянская поэма“, 1833), где было помещено два перевода — стихами и прозою.

В 1856 году Адам Красинский перевел „Слово“ стихами различной ритмики, как это сделал у нас Н. В. Гербель.

В XX столетии появилось два перевода „Слова“ стихами — польско-украинского писателя Богдана Лепкого (1905) и Юлиана Тувима (1928). Из перечисленных переводов А. Обрембская-Яблонская приводит тексты, сопровождая их критическими замечаниями.

Во второй части книги помещены тексты „Слова“: древнерусский оригинал памятника по изданию А. С. Орлова, с указанием разночтений по изданию 1800 года и по архивному списку; польский прозаический перевод и полностью перевод Тувима в последней редакции 1950 г.

Комментарии к „Слову“, основанные преимущественно на предшествующей литературе, обнимают 170 отдельных мест и выражений. Список литературы приводит 61 название, среди которых шесть принадлежат сотрудникам Института русской литературы. Список охватывает главным образом новейшую литературу о „Слове“, польскую и русскую, середины XX века. Оканчивается книга фототипическим воспроизведением издания „Слова“ 1800 года, сделанным по изданию М. Н. Сперанского (1920). Книга иллюстрирована 12 снимками, из которых 10 воспроизводят миниатюры Радзивилловской летописи.

Таков разнообразный аппарат книги, соединяющей в себе популярность и научность. С внешней стороны она оформлена прекрасно.

Новое польское издание „Слова о полку Игореве“ является лучшим проявлением научной связи и дружбы между Польской Народной Республикой и Советским Союзом.

Д. И. Абрамович

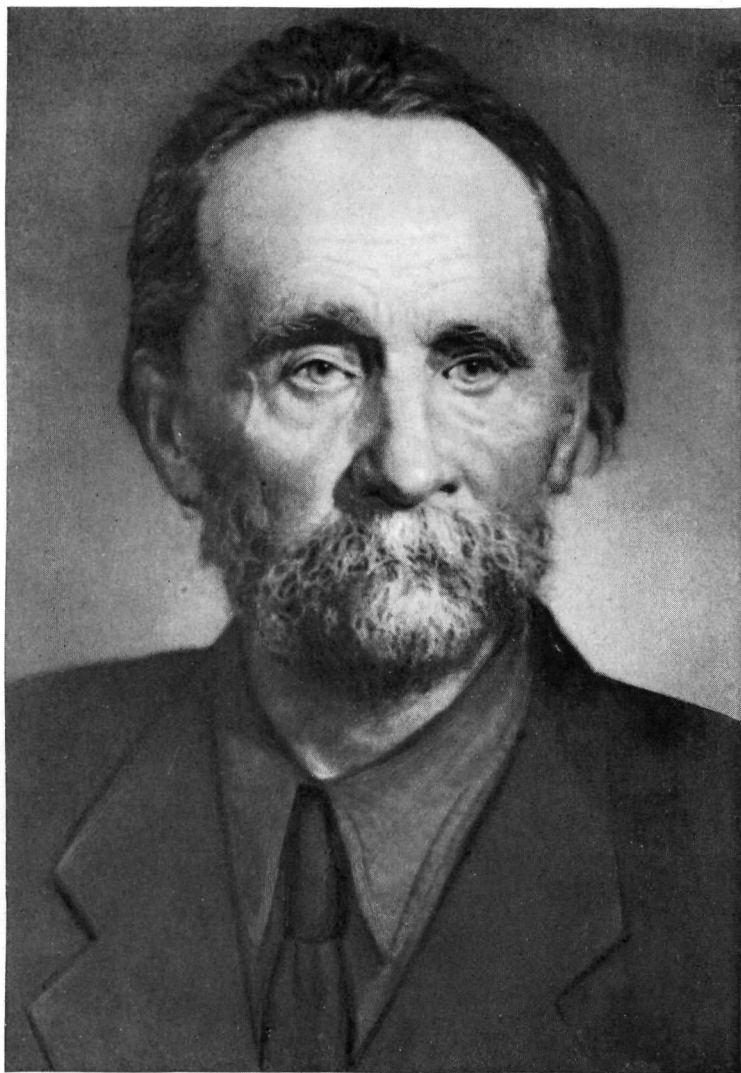
Некролог

4 марта 1955 г. на 82 году жизни скончался Дмитрий Иванович Абрамович — представитель старшего поколения советских филологов, член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор Вильнюсского Государственного университета.

Д. И. Абрамович родился 26 июля 1873 г. в местечке Гулевичи бывш. Луцкого уезда Волынской губернии. Высшее образование он получил в Петербургской духовной академии. По окончании в 1897 г. академического курса Д. И. Абрамович был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре русского и старославянского языков и для завершения своего филологического образования командирован в Петербургский университет и в Археологический институт, где слушал лекции академиков В. И. Ламанского, А. И. Соболевского, И. Н. Жданова, А. Н. Веселовского и др.

С осени 1898 г. началась педагогическая деятельность Д. И. Абрамовича, сперва в средней школе, а затем и в высшей. В течение ряда лет Д. И. Абрамович в качестве доцента, а позже и профессора преподавал в Петербурге на Высших женских курсах (Бестужевских), на Высших педагогических курсах Общества экспериментальной психологии, в Археологическом институте, в Петербургском (затем — Ленинградском) университете. С 1903 г. он руководил кафедрой русского и старославянского языков в Петербургской духовной академии, но в 1909 г. был уволен оттуда за „неблагонадежность“. С 1939—1941 гг. Д. И. Абрамович работал в Смоленском педагогическом институте. В послевоенные годы он преподавал в Вильнюсском университете, где вплоть до своей смерти вел занятия по истории русской литературы, истории русского языка, старославянскому языку и палеографии.

Научно-исследовательскую деятельность Д. И. Абрамович начал еще будучи студентом Петербургской духовной академии; на третьем курсе, весной 1896 г., он был привлечен акад. А. А. Шахматовым к работе по составлению академического словаря русского языка, а на четвертом курсе под руководством А. А. Шахматова написал свою первую научную работу „Нестор летописец“; работа эта получила высокую оценку со стороны акад. В. И. Ламанского и позже, в дополненном и переработанном виде, вошла в состав магистерской диссертации Д. И. Абрамовича. Дальнейшая научно-исследовательская деятельность Д. И. Абрамовича была тесно связана с Отделением русского языка и словесности Академии Наук, в научных работах которого он всегда принимал активное участие, а также с Публичной библиотекой,

Дмитрий Иванович Абрамович.

где он длительное время работал в качестве старшего библиотекаря рукописного отделения. С открытием после Октябрьской революции Украинской Академии наук Д. И. Абрамович принимал деятельное участие и в работах ее Историко-филологического отдела. В 1921 г. Д. И. Абрамович был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР. В 1954 г. он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Круг научных интересов Д. И. Абрамовича был очень широк. История русской литературы, древней и новой, история украинской литературы, история русского языка, старославянский язык, палеография, источниковедение, история русской филологической науки — таковы области, изучению которых Д. И. Абрамович посвятил свою жизнь.

Центральное место в научном наследии Д. И. Абрамовича занимают его исследования в области истории русской литературы, преимущественно древнейшего периода.

Ценным вкладом в науку явилась в свое время магистерская диссертация Д. И. Абрамовича — „Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике“ (СПб., 1902). В книге этой — она и по сегодняшний день является единственной монографией о Печерском патерике — Д. И. Абрамович дал обстоятельный обзор жизни и деятельности авторов патерика — Нестора, епископа владимирского и суздальского Симона, инока Поликарпа; на основе большого привлеченного им рукописного материала осветил историю создания Печерского патерика и его литературную судьбу вплоть до его печатных изданий XVII—XVIII вв.; подробно рассмотрел вопрос о его литературных источниках и, наконец, дал его анализ как исторического источника. Д. И. Абрамовичу принадлежит и первое по времени научное издание Печерского патерика, выполненное им по поручению Археологической комиссии Академии Наук (СПб., 1911). В основу издания патерика Д. И. Абрамович положил текст той его редакции, которая завершила собой процесс постепенного оформления этого памятника в древней Руси, — так называемую вторую Кассиановскую, 1462 г., а в качестве приложения опубликовал и так называемую Арсениевскую редакцию по древнейшей из дошедших до нас рукописных копий патерика — рукописи 1406 г. Публичной библиотеки, очень ценной как материал для восстановления первоначального состава и текста этого памятника. В 1931 г. Д. И. Абрамович по поручению Комиссии древней письменности Украинской Академии наук вторично издал вторую Кассиановскую редакцию Печерского патерика — по списку XVI в. украинского происхождения, бывш. библиотеки Киево-Печерской лавры, № 157. Сопровождающий это издание критический аппарат, значительно расширенный по сравнению с изданием 1911 г., рассчитан на то, чтобы дать наглядное представление о тексте всех старейших редакций патерика. Изданию предпослано предисловие, обобщающее многолетние занятия Д. И. Абрамовича Печерским патериком; завершают издание 1931 г. комментарий, составленный со свойственными Д. И. Абрамовичу тщательностью и знанием дела, и тексты произведений, непосредственно с Печерским патериком не связанных, но посвященных Киево-Печерскому монастырю и его деятелям (летописные сказания, „О игуменах печерских от начала бывших“ и др.).

Не менее крупной заслугой Д. И. Абрамовича является также выполненное им первое научное издание всего цикла древнерусских литературных произведений о князьях Борисе и Глебе (вышло в свет в 1916 г. в предпринятой Академией Наук серии „Памятники древне-

русской литературы“ в качестве второго выпуска этой серии). В состав издания вошли: „Чтение“ Нестора, так называемое анонимное „Сказание“ о Борисе и Глебе, разные виды проложных и летописных сказаний о тех же князьях, „похвальные слова“ и даже посвященные Борису и Глебу гимнографические произведения („службы“). К изданию привлечен весь относящийся к теме доступный рукописный материал, ценное археографическое исследование которого дано в предпосланной изданию вступительной статье.

Из числа других работ Д. И. Абрамовича в области истории древнерусской литературы заслуживают внимания его статьи, посвященные „Изборнику“ князя Святослава 1076 г., „Златоуструю“ XII века Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, „Молению“ Даниила Заточника, древнерусскому „Прологу“. Выясняя далеко еще не решенный в науке вопрос об источниках „Изборника“ 1076 г., Д. И. Абрамович документально установил, что в числе их были „Изборник“ Святослава 1073 г., патерики Скитский, Алфавитный и Иерусалимский; выяснил и характерные для редактора „Изборника“ приемы использования источников; по наблюдениям Д. И. Абрамовича, редактор не всегда буквально следовал тексту источника, но часто перерабатывал его, допуская более или менее серьезные дополнения, сокращения, замену одних слов или словосочетаний другими и пр. (см. Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови, II, 1929, III, 1931). В „Златоуструе“ XII века Д. И. Абрамович обнаружил, что в одной из его статей, а именно в „Поучении святого Петра и Павла“, читается отрывок из X книги хроники Иоанна Малалы, но в переводе, отличном от текста, читающегося в так называемом Архивском хронографе и в „Еллинском летописце“. Факт этот свидетельствует, что хроника Иоанна Малалы была известна древнерусскому читателю не только в составе бытовавших в древней Руси исторических компиляций типа „Еллинского летописца“ (см. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1928). Сличая „Слово“ и „Послание“ Даниила Заточника — так называемую редакцию XII в. и редакцию XIII в., Д. И. Абрамович пришел к выводу, что последняя редакция появилась в результате переделки редакции XII в., что она и в языке и в тексте обнаруживает следы своего более позднего происхождения. По мнению Д. И. Абрамовича, временем появления первоначальной редакции можно считать княжение Юрия Долгорукого или другого Мономахова сына, Андрея Доброго, а местом — южный Переяславль. Основанное на текстологических данных, это утверждение Д. И. Абрамовича расходится с общепринятой точкой зрения и уже по одному этому привлекает к себе самое пристальное внимание (см. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934). Древнерусский „Пролог“ интересовал Д. И. Абрамовича преимущественно с точки зрения его статей русского происхождения; предметом его специального изучения были и известный Новгородско-Софийский „Пролог“ XII—XIII вв., и Спасо-Прилуцкий — второй половины XIV в. („единственный в России полный список окончательной до-Макарьевской редакции“), и Погодинский № 58 — болгарского извода XIV в. (последний в 1916 г. был Д. И. Абрамовичем частично издан в „Памятниках древней письменности и искусства“).

Среди работ Д. И. Абрамовича в области истории новой русской литературы прежде всего необходимо отметить подготовленное им по поручению Разряда изящной словесности Академии Наук полное

собрание сочинений и писем М. Ю. Лермонтова (вышло в свет в 1910—1913 гг.) в пяти томах. Издание это — первое научное издание Лермонтова: в примечаниях везде указано, по какому источнику печатается то или иное произведение и где оно появилось впервые; в отличие от предшествующих изданий приведены рукописные и печатные варианты. В состав издания вошли многие произведения Лермонтова, до сих пор в печати не появлявшиеся, в том числе большая и очень важная для понимания творчества Лермонтова поэма „Последний сын вольности“ (1830). К изданию приложен (см. том V) обширный справочный и библиографический материал, не утративший своего значения и до настоящего времени: обзор источников для биографии Лермонтова, хронологическая канва его жизни и деятельности, описание рукописей поэта, обзор изданий Лермонтова, обзор критической и научной литературы о нем и пр. Издание Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича сыграло большую роль не только в изучении Лермонтова, но и как один из первых по времени опытов академического издания классиков русской литературы. Ценный вклад внес Д. И. Абрамович в изучение и других русских писателей XIX в. и как исследователь, и как издатель разного рода материалов, характеризующих их деятельность, — И. А. Крылова („Записка“ о каталогизации книг), Ф. М. Достоевского (черновой вариант речи о Пушкине), И. А. Гончарова. Д. И. Абрамовичем были опубликованы с ценными комментариями черновой вариант критической статьи Гончарова о творчестве А. Н. Островского, относящийся к началу 1874 г. и автором не заверченный („Памяти А. Н. Островского“. Сборник статей об Островском и неизданные труды его. Изд. „Путь к знанию“, Пгр., 1923), а также неизвестная мемуарно-полемическая повесть Гончарова „Необыкновенная история“, где писатель излагает историю своих весьма сложных взаимоотношений с И. С. Тургеневым (Сборник Российской Публичной библиотеки, II. Материалы и исследования, вып. 1. Пгр., 1924). В 1927 г. Д. И. Абрамович по материалам Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде опубликовал со своими примечаниями „Письма русских писателей к А. С. Суворину“ (Л., 1927); сюда вошли письма И. С. Аксакова, В. М. Гаршина, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.

Центральной темой работ Д. И. Абрамовича в области истории украинской литературы была тема русско-украинских литературных отношений в XVI—XVII вв. Ему принадлежит наиболее обстоятельное в нашей науке исследование жизни и деятельности диакона Исаяи (Иоакима) из Каменец-Подольска. Диакон Исаяя — первый по времени известный нам украинский литератор, поселившийся в России и выполнявший ряд литературных работ по поручению русских властей; в 1561 г. он приехал в Россию за книгами, остался здесь и здесь же умер. В приложении к исследованию Д. И. Абрамович опубликовал некоторые неизвестные сочинения этого автора — „Лист до великого князя Московского Ивана Васильевича“ и др. (К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи. Сообщение Д. И. Абрамовича. Памятники древней письменности и искусства, CLXXXI, 1913). Та же тема лежит в основе работ Д. И. Абрамовича, посвященных литературной деятельности Дмитрия Туптало (Ростовского). Большой интерес, в частности, представляет статья Д. И. Абрамовича о летописных источниках „Книги житий святых“ Дмитрия Туптало (см. Науковий збірник, 1929 р., вип. 3). Здесь установлено, что Дмитрий Ростовский, составляя „жития“

князя Владимира, Ольги, Игоря Ольговича, Михаила Черниговского и др., широко пользовался русскими источниками — „Минеями“ митрополита Макария, „Книгой степенной“. Обращает на себя внимание и вывод Д. И. Абрамовича, что Дмитрий, пользуясь для той же цели „Повестью временных лет“ и так называемой Киевской летописью, имел под руками текст этих памятников в редакции, отличной от нам известной.

Превосходный знаток древнерусской книжности, Д. И. Абрамович не раз в течение своей многолетней научной деятельности занимался описанием рукописей. Ему принадлежит образцовое описание ряда ценнейших рукописных коллекций Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде: Новгородско-Софийского собрания (тт. I—III, 1905—1910), собрания проф. И. В. Помяловского, рукописных поступлений за 1913 год (Сборник Российской Публичной библиотеки, т. I, вып. 1. Госиздат, Пгр., 1920, стр. 1—120) и др.

Предметом постоянных занятий Д. И. Абрамовича была также история русской филологической науки. Из его работ в этом направлении заслуживают упоминания содержательные, богатые фактическими данными очерки научной деятельности митрополита Макария (Булгакова), акад. А. Ф. Бычкова, акад. А. А. Шахматова, а также ценные публикации, из которых на первом месте надо поставить его изданную Публичной библиотекой к 200-летию Академии Наук книгу „Из переписки деятелей Академии Наук“ (Л., 1925), где с комментариями Д. И. Абрамовича опубликованы письма Ф. И. Буслаева и А. Н. Пыпина, а также письма к А. Н. Пыпину ряда деятелей науки и общественной мысли (К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, Н. П. Кондакова, Н. И. Костомарова, М. И. Сухомлинова, И. В. Ягича и др.).

Всегда интересуясь вопросами языкознания, много лет занимаясь преподаванием истории русского языка и старославянского, Д. И. Абрамович в этой области особенно активно занимался в последние годы своей научной деятельности: он принимал деятельное участие в работе редколлегии „Словаря древнерусского языка XI—XVII вв.“, работал над составлением однотомного словаря древнерусского языка для учебных надобностей, над исторической хрестоматией украинского языка, разрабатывал вопросы синонимии литературного языка древней Руси, готовил к изданию Киевские глаголические листки. К сожалению, смерть помешала Д. И. Абрамовичу завершить все эти задуманные им и уже частично выполненные начинания.

Дмитрий Иванович Абрамович принадлежал к тому поколению русских филологов, научная деятельность которого началась еще в дооктябрьскую эпоху. Большая эрудиция, умение совмещать анализ литературных явлений с основательным знанием истории языка, точность и тщательность филологического анализа, всегда опирающегося на первоисточники, — таковы основные качества работ Д. И. Абрамовича. И этими своими качествами они прочно вошли в то научное наследие, опираясь на которое продолжает дело своих предшественников советская филологическая наука.

И. П. Еремин

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр
От редакции	3
<i>Исследования</i>	
Н. В. Шарлемань. Заметки к „Слову о полку Игореве“	7
Н. М. Егоров. Мышью или мыслью?	13
А. К. Югов. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в „Слове о полку Игореве“	14
В. М. Глухов. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь	22
М. В. Щенкина. К вопросу о сгоревшей рукописи „Слова о полку Игореве“	39
В. И. Стеллецкий. К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“	48
<hr style="width: 20%; margin: auto;"/>	
М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца	59
М. О. Скрипиль. „Слово Даниила Заточника“	72
Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике	96
Н. А. Казакова. Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси	103
Б. Н. Путилов. Песня о Евпатии Коловрате	118
Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи „Сказания о Мамаевом побоище“	140
Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века	156
Г. Н. Моисеева. О некоторых источниках „Казанской истории“	187
А. А. Зимин. „Беседа Валаамских чудотворцев“ как памятник позднего нестяжательства	198
В. В. Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века	209
М. Д. Каган. „Повесть о двух посольствах“ — легендарно-политическое произведение начала XVII века	218
В. Н. Автократов. „Речь Ивана Грозного 1550 года“ как политический памфлет конца XVII века	255
П. Н. Берков. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков („комедия“, „интермедия“, „диалог“, „игрище“ и др.)	280
<hr style="width: 20%; margin: auto;"/>	
Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки	300
Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков	314
<i>Материалы и сообщения</i>	
В. В. Данилов. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года	335
И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского	342
А. В. Позднеев. Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в ленинградских хранилищах и частных собраниях	368
М. Навль. Экземпляр первого издания „Слова о полку Игореве“ в собрании Центральной библиотеки Академии наук ЭССР	374
С. А. Левина. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века	375

	Стр.
Н. А. Мецкерский. К вопросу о датировке Виленского хронографа	380
В. И. Малышев. Новый список „Сказания о киевских богатырях“	387
С. В. Калачева. Еще раз о датировке „Повести о Савве Грудцыне“	391
В. Д. Кузьмина. „Игра пирожная“ (неизвестная комедия демократического театра XVIII века)	397

По рукописным собраниям Советского Союза
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)

В. И. Малышев. Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР	425
И. Ф. Голубев. Собрания рукописных книг г. Калинин	440
В. В. Лукьянов. Рукописные собрания Ярославского областного архива и ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского (краткий обзор)	464
В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея	471
М. Н. Тихомиров. Каргопольские рукописи	480
Н. М. Маслов. Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея	487

Хроника

Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы	491
С. В. Шервинский. Отчет постоянной Комиссии по „Слову о полку Игореве“ Союза советских писателей СССР (За период с 1951 года по 1 декабря 1954 года)	500
В. В. Данилов. Новое польское издание „Слова о полку Игореве“	504
И. П. Еремин. Д. И. Абрамович (некролог)	506

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства В. А. Браиловский, Технический редактор Р. С. Певзнер.
Корректоры В. М. Альимова и Н. А. Малевич

*

РИСО АН СССР № 42—93 В. Подписано к печати 23/VIII 1955 г. М-41681.
Бумага 70 × 108/16. Бум. л. 16. Печ. л. 43.84. Уч.-изд. л. 43.06 + 5 вкл. (0.54 уч.-изд. л.). Тираж 2500. Зак. № 150. Цена 27 р. 65 к.

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9 л., дом 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
17	11 сверху	ч я р о в н ы м и	ч я р о в н ы м и
43	16 „	страниц	листов
107	5—6 „	достоинства,	достоинства
114	3—2 снизу	Пантеизм, как мы указы- вали выше, Энгельс усматривал	Пантеизм Энгельс усма- тривал
221	2 сверху	вменен“).	вменен“).
262	24 снизу	1950	1590
285	7—8 сверху	познакомится	познакомиться
285	14 „	вершите.	вершити.
293	19 снизу	„изображатель“	„изобразитель“
304	12 „	Cryptographiae.	Cryptographie
306	13 сверху	Е. М. Георгиева,	Ем. Георгиева,
307	1 снизу	ук. соч.	Collection. . . , 2-e livra- sion.
310	Левый столбец, 2—6 снизу	Весь текст поднять на шесть строк	
318	4 „	Археологической	Археографической
325	13 сверху	по	во
326	Табл. 4, стб. 7 и 8	XIII век	XII век
331	22 и 25 сверху	дм ¹	дм ²
339	6 „	ὕβρεσιν	ὕβρεσιν
339	6 „	ἐκπνεσμοῖς,	ἐκπνεσμοῖς,
339	8 „	εν	ἐν
339	12 „	εἰς	εἰς
339	13 „	στικός	σῆκος
339	13 „	εχῆτο, ος	ἐχῆντος
339	14—15 „	εκτίσθη	ἐκτίσθη
339	16 „	ἄμουναν	ἄμωλαν
504	4—3 снизу	przysemnych	przyjemnych